

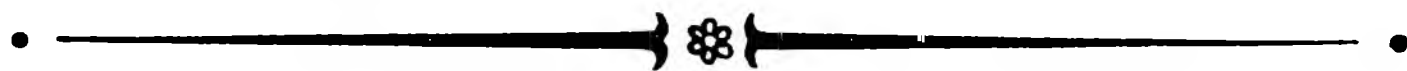
Р. Л. СТИВЕНСОН
ПОХИЩЕННЫЙ
КАТРИОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1987

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

ПОХИЩЕННЫЙ

КАТРИОНА

Романы

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Robert Louis Stevenson
KIDNAPPED. 1886
CATRIONA. 1893

Перевод с английского романа «Похищенный» *С. Леднева*
и романа «Катриона» *И. Гуровой*

Послесловие *М. Урнова*

Рисунки *И. Ильинского*

Стивенсон Р. Л.

С80 Похищенный. Катриона: Романы/Пер. с англ.
С. Леднева и И. Гуровой; Послесл. М. Урнова; Рис.
И. Ильинского. — М.: Дет. лит., 1987. — 511 с., ил. —
(Б-ка приключений и научной фантастики. Библ.
серия.)

В пер.: 1 р. 40 к.

Действие романов происходит в 50-е годы XVIII века непосредственно вслед за подавлением последнего вооруженного восстания шотландских горцев, выступивших против английского короля Георга II за восстановление на английском троне шотландской династии Стюартов, когда Шотландия окончательно потеряла национальную независимость. Герой дилогии — Дэвид Бальфур попадает в круговорот невероятных приключений, полных опасностей.

С $\frac{4803020000-464}{M101(03)87}$ 506—87

И (Англ)

© Перевод, рисунки, послесловие.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

ПОХИЩЕННЫЙ

РОМАН

Записки о приключениях Дэвида Бальфура в 1751 году, о том, как он был похищен и потерпел кораблекрушение; о его страданиях на необитаемом острове и странствиях в горах Шотландии; о том, как он познакомился с Аланом Бреком Стюартом и другими известными якобитами-горцами, и обо всем, что он претерпел от своего дяди Эбинизера Бальфура, присвоившего себе поместье Шос,— записки, составленные им самим и ныне изданные Робертом Льюисом Стивенсоном.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Дорогой Чарлз Бакстер!

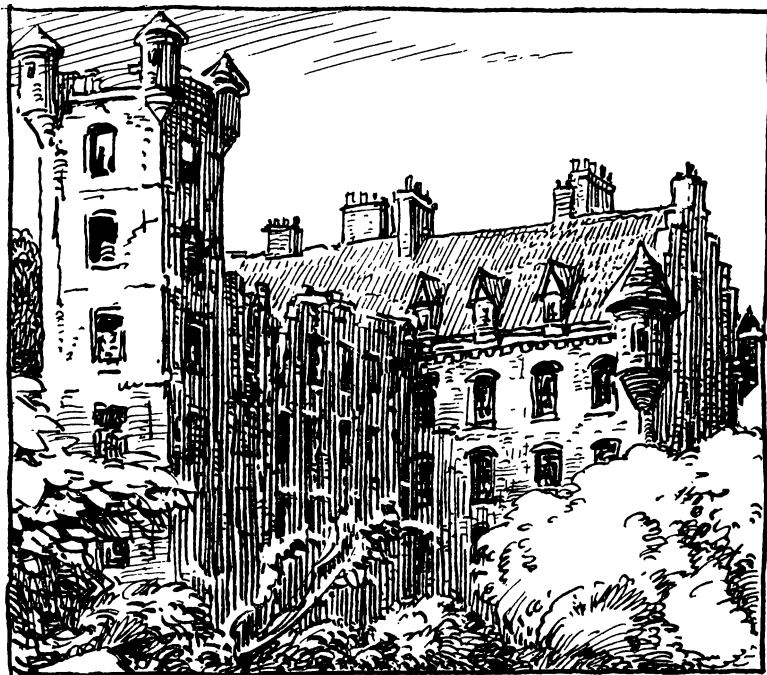
Если тебе когда-нибудь доведется прочесть эту книгу, то, по-видимому, у тебя возникнет столько вопросов, что я едва ли смогу удовлетворить твое любопытство. Так, наверное, ты будешь недоумевать, почему вдруг убийство в Аппине ни с того ни с сего перекочевало в 1751 год, почему вдруг Торрэнские скалы переместились так близко к Эррейду, а в материалах суда нет ни единого слова о Дэвиде Бальфуре. Я, право, не в силах ответить, почему так вышло. Но если ты вдруг усомнишься в виновности или ж, напротив, невиновности Алана, то тут, как мне кажется, я смогу постоять за свое повествование. Тебе нетрудно будет удостовериться, если ты побываешь в Аппине, что народное предание и поныне весьма благосклонно к Алану Бреку. Расскажут тебе и о потомках убийцы; однако, сколько бы ты ни допытывался, ты не услышишь его имени, ибо горцам дороги тайны и они умеют хранить их. Я мог бы пуститься в бесконечные разъяснения, соглашаясь или не соглашаясь со всевозможными замечаниями, но честнее будет признаться сразу, что я отнюдь не стремился в этом романе к исторической достоверности. Предназначен он вовсе не для того, чтобы пополнить собрание томов в библиотеке ученого, а для юных читателей, для чтения зимними вечерами, когда занятия в классах уже окончены и близится пора сна. В новом своем воплощении честный и верный Алан — скандально известный бретёр того времени — изображен у меня с единственным дерзким намерением, а именно: отвлечь какого-нибудь юного джентльмена от чтения Овидия и перенести его хоть на миг в Горную Шотландию минувшего века с тем, чтобы засыпал он с приятными, сладкими грезами.

Что до тебя, дорогой Чарлз, то я не смею даже надеяться увлечь тебя этой книгой. Но быть может, она понравится твоему сыну, когда тот подрастет. Быть может, его хотя бы обрадует имя отца на титуле, а пока я с удовольствием ставлю имя твое в посвящении к роману в память о многих счастливых и немногих печальных днях нашей юности, с одинаковой теплотой хранимых в сердце. Если я, отдаленный временем и пространством от этой светлой поры, с удивлением вспоминаю наши с тобой приключения, как же странно, как удивительно вспоминать их тебе,— тебе, который ходит по тем же памятным улицам, который в любой день может переступить порог старой читальной залы, где нас теперь начинают ставить рядом со Скоттом, Робертом Эмметом, бесславным, но столь любезным сердцу Макбином,— тебе, который может посетить тот уголок, где собиралось и пило пиво наше шумное общество, восседая на тех же местах, на которых некогда сживал Бернс со своими друзьями. Я представляю себе сейчас, как ты идешь по этим местам, созерцая при свете белого дня то, что твоему другу предстает лишь ночью, в грезах и сновидениях. О, как посреди текущих дел и забот отзывается, верно, в твоей душе бывшее! Пусть же как можно чаще отзывается в ней память о твоём друге.

Р. Л. С.

Скерривор,
Борнмут

Глава 1

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПОМЕСТЬЕ ШОС

Рассказ о своих приключениях я начну с того самого утра в начале июня 1751 года, когда в последний раз я перешагнул порог отчего дома. Солнце уже осветило вершины холмов, и к тому времени, как дошел я до дома священника, в кустах сирени в саду распевали дрозды, туман, застлавший долину, начинал расходиться и таять.

Эссендинский священник, мистер Кэмпбелл, поджидал меня у садовой калитки. Он спросил первым делом, не хочу ли я подкрепиться, и, услышав, что я уж позавтракал, с чувством, обеими руками пожал мою руку и, завладев ею, пошел, увлекая меня за собой.

— Ну, Дэви, — сказал он, — пойдем провожу тебя до брода, выведу на дорогу.

Какое-то время мы шли рядом, не говоря ни слова.

— Жаль, верно, тебе покидать Эссендин? — прервал молчание мистер Кэмпбелл.

— Трудно сказать, сэр, — отвечал я. — Если б я знал, куда я иду и что ожидает меня впереди! Эссендин, конечно, это прекрасно. Здесь прошли лучшие мои дни, но ведь, кроме Эссендина, я нигде не был. Родители мои умерли, и души их равно далеко что отсюда, что от Венгерского королевства. Сказать по правде, я уходил бы отсюда с большей охотой, если бы мог надеяться, что достигну некоторого положения в свете.

— Ну что ж, коли так, Дэви, я скажу, что тебя ожидает, приоткрою завесу твоего будущего, насколько, конечно, в моей власти предрекать будущее. Когда умерла твоя матушка, твой отец (о, это был достойный христианин!) загоревал и, предчувствуя, что близок и его черед, передал на хранение мне письмо, в котором, по его словам, заключается твое наследство. «Когда я умру и мое имущество распродадут (как ты знаешь, воля покойного была исполнена), передайте, — говорит, — это письмо сыну и отправьте его в поместье Шос, что в крамондском приходе. Там я родился и хотел бы, чтоб сын возвратился в родные края. Юноша он благоразумный, ноги у него скорые, я уверен, что он доберется благополучно и придется там ко двору».

— В Шос? — воскликнул я в удивлении. — Но помилуйте, мой отец был беден. При чем тут он и поместье Шос?

— Э, кто знает, кто знает, Дэви, — сказал мистер Кэмпбелл. — Видишь ли, у владельцев поместья та же фамилия, что и у тебя. Бальфуры из Шоса принадлежат к старинному, доброму, почтенному роду, который в последние годы, как видно, угас. К тому же, замечь, твой отец был хорошо образован, как, впрочем, и подобало человеку его положения. Каким он был школьным наставником! Таких теперь уж не сыщешь. Его манеры и речь изобличали в нем благородное происхождение, и он нисколько не походил на обыкновенного деревенского учителя. Ты помнишь, он часто бывал у нас в доме, и я да и родственники мои — Кэмпбеллы из Килреннета, из Дансвайра, из Минча — находили чрезвычайное удовольствие в беседах с ним. А в довершение сказанного

вручаю тебе завещательное письмо твоего батюшки. Царство ему небесное!

С этими словами он дал мне письмо, на котором рукою отца было начертано следующее: «Эбинизеру Бальфуру, эсквайру¹, в собственные руки. Податель сего — мой сын, Дэвид Бальфур». При мысли о блестящей будущности, ожидавшей меня, семнадцатилетнего юношу, сына бедного деревенского учителя из Этрикского леса, я почувствовал, как трепетно забилося во мне сердце.

— Мистер Кэмпбелл,— пробормотал я,— если бы вы были на моем месте, вы бы пошли туда?

— Ну конечно, пошел бы,— воскликнул священник,— и притом не медля. Да с твоими ногами я бы уже на вторые сутки был в Крамонде. Это неподалеку от Эдинбурга. В худшем случае, если твои именитые родственники (а я все же склонен думать, что Бальфуры из Шоса тебе родня), если они вдруг выставят тебя за порог, что же... два дня пути, и ты опять здесь. Помни, в моем доме тебе всегда рады. Впрочем, надо полагать, тебя хорошо примут, и со временем, как знать, ты добьешься и богатства и почестей, что и прочил тебе покойный твой батюшка. А сейчас, сын мой, дабы облегчить наше расставание, почитаю долгом предостеречь тебя от опасных соблазнов, коих так много на этом свете.

С этими словами он посмотрел вокруг, где бы присесть, и, заметив придорожный валун у березы, сел с нахмуренным видом, вытянув губы, и накрыл носовым платком сдвинутую набекрень треуголку, потому что солнце, зависнув меж двух холмов, светило теперь нам прямо в лицо. Затем, подняв кверху указательный палец, мистер Кэмпбелл стал с важностью говорить о том, сколь опасны всевозможные ереси, к которым, впрочем, я и не думал склоняться, и о том, что лучшее средство от искушения — это молитва и чтение Библии. Далее он расписал в ярких красках богатый, большой дом, в который мне предстояло явиться, и посоветовал, как вести себя с его обитателями.

— Будь уступчив в делах несущественных,— говорил он.— Помни, что хотя в твоих жилах и течет благородная

¹ Э с к в а й р — почетный титул дворян (Здесь и далее примечания переводчика.)

кровь, но воспитан ты все же в глуши, в деревне. Так смотри же, не осрами нас. Дом большой, разные в нем люди, много всякой прислуги, домочадцев. Будь осмотрителен, сметлив и любезен, не болтай лишнего. Что же касается до помещика, то помни: он лэрд¹, и этим все сказано. Как говорится, у кого заслуги, тому и почет. Исполнять указания лэрда — одно удовольствие, а для юноши так только во благо и в поучение.

— Быть может, вы правы, сэр, — отвечал я. — Как бы то ни было, обещаю следовать вашему совету.

— Вот и прекрасно! — воскликнул священник. — А теперь займемся делами не столь существенными, вернее, позволю себе каламбур. не столько существенными, сколько вещественными. Вот здесь у меня четыре вещицы, — с этими словами он запустил руку в карман своего плаща и не без некоторого усилия извлек из него небольшой пакет. — Одна из них принадлежит тебе по праву наследования. Это деньги за книги и прочие вещи твоего покойного батюшки. Я купил их, как я уж тебе говорил, с тем чтобы с выгодой перепродать новому школьному учителю. Затем подарки от меня и от миссис Кэмпбелл. Хочу надеяться, они придутся тебе по душе. Первый, круглый, вероятно, тебя особенно обрадует. Но, сын мой, помни: это что капля в море. На первых порах он, конечно, тебе поможет, но смотришь, и нет его — растаял, как утренний туман. Второй же, четырехугольный, исписанный буквами, сослужит тебе добрую службу до конца дней твоих, как служит посох страннику или подушка — больному. Ну, а последний, кубической формы, будет хранить тебя до конца на пути истинном. Хочу надеяться, что так оно и будет.

Произнеся эту речь, он встал, снял шляпу и, с видом необыкновенно взволнованным, помолился за юношу, отправляющегося на поиски своего счастья, потом вдруг обнял меня, порывисто отстранил и поглядел мне в глаза с выражением глубокой печали. Затем, быстро повернувшись на каблуках, он обронил в слезах последнее «прощай, Дэви!» и скорой, пружинистой походкой зашагал восвояси. Иной, быть может, и посмеялся бы над этим; мне же, однако, было тогда не до смеха. Я все смотрел

¹ Лэрд — титул землевладельца в Шотландии.

ему вслед, пока он не скрылся из виду; он так ни разу и не обернулся. Я подумал, как же, верно, он опечален, расставшись со мной, и мне стало стыдно — ведь в глубине души я очень был рад сменить деревенскую глушь на поместье, где царит оживление, где живут богатые и знатные мои однофамильцы, с которыми я состою в родстве.

«Дэви, Дэви, — укорял я себя, — откуда такая черная неблагодарность? Неужели при одном лишь упоминании знатных родственников ты готов забыть своих старых друзей и все то доброе, что они для тебя сделали?»

Я сел на валун, на котором только что сидел мой добрый учитель, и развернул пакет с подарками. Что мистер Кэмпбелл назвал кубическим, оказалось, как я и думал, карманною Библией. Вслед за ней я достал из пакета шиллинг, так называемую круглую вещь, а затем и третий подарок, долженствовавший хранить меня от недугов, — пожелтый лист плотной бумаги, на котором красными чернилами было старательно выведено:

Ландышевая вода

Настоять цветы ландыша на сухом вине и принимать по ложке, а то и две в день, смотря по надобности. Возвращает дар речи при параличе языка, помогает при сердцебиении, способствует укреплению памяти. Цветы же ландыша положить в банку, плотно умять и опустить в муравейник. По прошествии месяца банку извлечь и собрать в пузырек влагу, выделенную цветами. Исцеляет всякие недуги. Принимать надлежит лицам любого возраста, мужского, равно как и женского пола.

А ниже рукою священника было приписано:

При растяжении суставов втирать, а при коликах принимать по столовой ложке ежечасно.

Все это не могло не вызвать у меня улыбки и даже смеха, но смех, не успев зазвенеть, тотчас же оборвался: пора было отправляться в дорогу. Надев свой узел на конец палки и вскинув ее на плечо, я перешел вброд речку, поднялся на гору и, выйдя на большую дорогу,

петлявшую в зарослях вереска, бросил прощальный взгляд на эссендинскую церковь и старое кладбище, поросшее рябинами, где покоились вечным сном бедные мои родители.

Глава 2

ДОРОГА В ШОС

На другой день, около полудня, с вершины большого холма я увидел обширную долину, тянувшуюся под уклон до самого моря. Долину пересекала гряда холмов; на них раскинулся Эдинбург, дымивший трубами, словно огромная калильная печь. На башне замка развевался флаг; в заливе стояли на якоре суда, а некоторые корабли шли в гавань. Мне было видно сверху отчетливо, хотя до залива было еще далеко. При виде этой величественной картины, столь непривычной для деревенского жителя, мной овладело волнение.

Я начал спускаться с холма и вскоре набрел на пастушью хижину. На вопрос мой, далеко ли до Крамонда, пастух махнул рукой, показывая влево, и я пошел дальше. Выспрашивая дорогу, я миновал Колинтон, расположенный к западу от столицы, и вышел на тракт, ведущий в Глазго. Тут, к великому моему удивлению и восторгу, я увидел солдат на марше под начальством старого генерала с багровым лицом, гарцевавшего на сером скакуне впереди колонны. За генералом следовали флейтисты, а замыкала движение рота гренадеров в высоких шапках наподобие папской тиары¹. Бравурная музыка, блестящие красные мундиры подействовали на мое воображение, наполнив сердце восторженностью.

Довольно скоро я очутился в пределах крамондского прихода и стал теперь расспрашивать встречаемых, как мне попасть в Шос. Однако при этом слове на лицах людей изображалось сильное удивление. Сперва я решил, что причиной тому моя простая, деревенская одежда, изрядно запылившаяся за сутки пути. Ничуть не бывало. Получив несколько уклончивых ответов, сопровождавшихся недо-

¹ Т и а р а — корона папы римского.

уменьшими взглядами, я заключил, что причина, должно быть, другая. Как видно, дело было в самом поместье.

Чтобы рассеять закравшиеся опасения, я решил спрашивать по-другому, и, когда со мной поравнялась телега, на которой, держа вожжи, стоял деревенский малый, я спросил, не слышал ли он о поместье Шос. Малый придержал лошадь и вперил в меня удивленный взгляд, какой вперяли, впрочем, и все другие, к кому я обращался с подобным вопросом.

— Как не слышать. А что тебе за нужда?

— А большое ли это поместье?

— Да не маленькое.

— Ну, а люди, много ли их там? — допытывался я.

— Люди? Да ты с ума сошел: какие ж там люди!

— Но постой, а мистер Эбинизер?

— Ну, разве этот... Если ты к лэрду, тогда другое дело. Только на что он тебе сдался?

— Мне сказали, что у него можно получить место.

— Место?! — воскликнул мой собеседник голосом таким пронзительным, что вздрогнула даже лошадь. — Вот что, приятель, ты мне кажешься малым порядочным. Это, конечно, не моего ума дело, но вот тебе мой совет: держись-ка ты подальше от Шоса.

Вскоре внимание мое привлек человек небольшого роста, в напудренном парике, показавшийся мне цирюльником, спешившим, верно, побрить какого-нибудь селянина. Зная, что от цирюльников можно многое разузнать, ибо все они большие охотники до сплетен, я спросил его между прочим, что за человек мистер Бальфур из Шоса.

— О господи! — изумился цирюльник. — Да разве это человек?! Так, тьфу! — и тотчас начал допытываться, что за дело у меня к мистеру Бальфуру. Но на сей раз я отвечал так уклончиво, так туманно, что хитрый цирюльник ничего от меня не добился.

Однако ж можете себе представить мое разочарование. Рушились все мои надежды. Чем туманнее звучали обвинения в адрес помещика, тем больше они настораживали, тем ярче рисовало их мое воображение. Что же это за дом, если при одном его имени люди вздрагивают и глядят на тебя с недоумением. И каков, должно быть, помещик, коли дурная молва о нем ходит по всей округе! Если б до Эссендина было недалеко, я тотчас повернул бы

назад к мистеру Кэмпбеллу. Но было уже поздно. К тому же глупо было отказываться от своего намерения из-за одних только слухов. Самолюбие подстрекало меня идти вперед, и я шел, несмотря на обескураживающие замечания, положив во что бы то ни стало самому во всем убедиться. Правда, шагал я уже тише, на душе у меня были недобрые предчувствия.

День медленно клонился к закату, когда, поднимаясь в гору, я увидел впереди женщину, спускающуюся мне навстречу. Рослая, полная, с загорелым угрюмым лицом, она шла тяжело, как видно, издалека. Поравнявшись с нею, я спросил дорогу в поместье Шос. Женщина резко обернулась, вызвала меня проводить и с холма указала на большое строение слева, угрюмо возвышавшееся в глубине долины. Местность вокруг была живописна: лесистые склоны холмов, по которым сбегали ручьи, тучные нивы... Урожай, как видно, здесь собирали хорошие. И только дом показался мне очень странным: издалека — будто развалины, ни дороги к нему, ни дымка из трубы, ни сада вокруг; все точно вымерло. Сердце во мне так и упало.

— Неужели этот? — удивился я, поглядев на свою провожатую.

Злоба вспыхнула на ее лице.

— Этот, он самый. На крови вырос, от крови заглох, от крови же и сгинет. Вот смотри, — вскрикнула она, — я плюю на него. Прах его побери. А увидишь хозяина, так и передай: в тысячу двести пятнадцатый раз Дженнет Клаустон посылает ему проклятие. Будь он проклят — он, его дом, конюшня, гости его, жена и все его дьявольское отродье! Страшной, страшной будет его гибель!

Тут моя провожатая, проговорив это, будто черное заклинание, повернулась и вмиг исчезла, точно ее и не было. Я опешил, волосы мои стали дыбом. В те времена еще верили в колдовство и ведьм, и проклятия повергали людей в трепет. Тирада, произнесенная незнакомкой, прозвучала как последнее предостережение; еще было время одуматься, отказаться от честолобивых помыслов, еще было время вернуться.

Я сел у обочины и стал смотреть на усадьбу. Чем долее я глядел, тем больше нравилось мне это место. Кусты боярышника, усыпанные белым цветом, на лугах мирно

пасутся овцы, вот в небе с гомоном пролетела стая грачей. Да, природа здесь благодатна и земля щедра. И только дом, уродливый, мрачный, вызывал у меня неприятные чувства.

Между тем с полей начали возвращаться крестьяне. Сидя у обочины, погруженный в раздумье, я даже не поздоровался с ними, как того требовал деревенский обычай. Солнце зашло, и на блеклом небе обозначился сизый дымок, плывущий со стороны дома. Издали он казался не больше, чем пламя свечи, но, что ни говори, где дым, там и огонь, а значит, домашний очаг, ужин. Есть, стало быть, в доме живые люди. Мысли эти сильно меня ободрили, как не ободрила бы, пожалуй, даже целая бутылка ландышевой воды, которую так превозносил мистер Кэмпбелл.

В траве я разглядел тропинку, ведущую к дому, до того неприметную, что даже не верилось, что по ней ходят; однако ж другой я не видел, — верно, ее и не было. Тропа привела меня к обветшалой каменной арке с облупившимися колоннами и гербом. Рядом стояла сторожка привратника, только почему-то без крыши. Ни кованых железных ворот, ни садовой ограды, ни подъездной аллеи — ничего этого не было. Виднелась дощатая калитка, привязанная жгутом, которой, видно, никто не пользовался, а тропа, огибая колонны справа, уходила во двор.

Чем ближе подходил я к дому, тем мрачнее и безобразнее он мне казался. На вид это был и не дом вовсе, а только одно крыло незавершенной постройки. Средняя часть строения тоже была недостроена и наверху сквозила маршами лестницы. Всюду, куда ни глянь, зияли пустые глазницы окон; лишь кое-где были вставлены стекла. Слепые окна облюбовали летучие мыши. Они залетали в дом, как голуби на голубятню.

Между тем начало смеркаться. В трех нижних узких решетчатых окнах, расположенных довольно высоко, замелькал огонек.

Так вот какой дворец уготовила мне судьба! Ужели в нем, в этих стенах обрету я друзей, сбудутся мои надежды на блестящую будущность?! Даже в Эссен-Уотерсайте, в доме, где жил мой отец, и то не жалели огня, не тушили свеч по ночам, чтобы путник, сбившийся с дороги, мог отыскать приют для ночлега. Свет в нашем доме, бывало, виднелся за целую милю.

Осторожно я подошел к крыльцу. В доме гремели посудой, затем раздался сухой отрывистый кашель. Прошла минута, кашель затих, но никаких голосов я не расслышал, не было и собачьего лая.

Дверь, сколько я мог различить в сгустившихся сумерках, была дубовая, чрезвычайно массивная, обитая чуть не сплошь гвоздями. Сбравшись с духом, я постучал. Никто не отозвался — в доме все замерло, одни летучие мыши откликнулись на мой стук и закружили над головой. Я постучал снова — опять тихо. Теперь, напрягая слух, погружаясь в безответную тишину дома, я уловил, как тикают часы за дверью, но все по-прежнему было глухо, как будто там, внутри, люди затаили дыхание.

Я стал раздумывать, уж не дать ли мне тягу, но тут меня взяла злость, и я изо всей силы, руками, ногами стал колотить в дверь, зычным голосом клича хозяина. Моя настойчивость увенчалась успехом. Сперва я услышал наверху кашель, а затем, отпрянув от двери и взглянув на окно, увидел в нем высокий ночной колпак и нацеленный на меня мушкетон.

— Он заряжен,— предупредил меня голос сверху.

— У меня письмо к мистеру Эбинизеру Бальфуру. Могу ли я его видеть?

— А от кого письмо-то? — спросили сверху.

— Вам что за дело! — воскликнул я, не в силах удерживать гнева.

— Хорошо, положи его у порога и можешь убираться ко всем чертям.

— И не подумаю! — возмущенно воскликнул я. — Я вручу его мистеру Бальфуру, как мне и было велено. Это письмо с рекомендацией.

— Что? Что такое? — визгливым голосом переспросил человек в колпаке.

Пришлось повторить.

— А кто ты такой? — после долгой паузы спросил он.

— Я не стыжусь своего имени. Меня зовут Дэвид Бальфур.

Только я проговорил это, послышался отрывистый стук мушкетона: человек наверху уронил его на подоконник. Мне показалось, что незнакомец вздрогнул. Последовало напряженное молчание.

— А что, твой отец неужто умер? — странно изменившимся голосом спросил он.

Перемена была столь разительна, что я смешался и не ответил ни слова.

— Да, как видно, умер, — продолжал человек в колпаке. — Иначе зачем бы ты стал осаждать мой дом, ломиться в двери. — И, помолчав немного, прибавил язвительным тоном: — Что ж, так уж и быть, впущу.

Проговорив это, он скрылся.

Глава 3

Я ЗНАКОМЛЮСЬ СО СВОИМ ДЯДЮШКОЙ

Вскоре послышались скрежет цепочек, лязг отодвигаемых засовов. Дверь осторожно приотворилась и сразу захлопнулась, едва я успел переступить порог.

— Ступай на кухню, да смотри ничего не трогай, — сказал человек в колпаке и принялся тщательно приводить в порядок свои оборонительные приспособления, защелкивая одну за другой цепочки и задвигая засовы. В темноте ощупью я пробрался в кухню.

В очаге полыхало пламя; при его свете вырисовывались голые стены и на редкость скудная утварь: с полдюжины разных тарелок и плоских на полках, на столе, накрытом к ужину, тарелка овсяной каши, роговая ложка и стакан светлого, водянистого пива. Вот, пожалуй, и все, не считая двух-трех сундуков у стены да посудного шкафа в углу. И всё на замке. Вообразите, в обширной комнате со сводчатым лепным потолком! Отроду я не видывал ничего подобного.

Наконец закрепив последнюю цепочку, обитатель дома вошел в кухню. Это было тщедушное, сгорбленное создание с землистым, изрытым морщинами лицом. На вид ему было лет пятьдесят, но с тем же успехом его можно было принять и за семидесятилетнего старца. На нем был фланелевый ночной колпак, фланелевый же халат поверх истрепанной рубашки, который заменял ему и камзол и кафтан. Лицо старика покрывала густая щетина, но самое неприятное, гнетущее впечатление производили его глаза, украдкой следившие за каждым моим движением

и ускользавшие от моего взгляда. Трудно было решить с первого раза, к какому сословию принадлежит этот человек, что за нужда держит его в этом доме. Более всего он походил на лакея, угрюмо доживающего свой век в сторожах и получающего за свои труды скудное пропитание.

— Что, проголодался? — спросил старик, искоса глядя в мою сторону. — Воц, на столе каша.

Я замаялся, сказав, что, как видно, прервал его трапезу.

— Ничего-ничего. Я уж как-нибудь обойдусь. Выпью-ка лучше эля. Говорят, он смягчает кашель.

И, не спуская с меня глаз, он осушил добрую треть стакана.

— А ну, покажи-ка письмо, — внезапно сказал он, протянув руку.

Я ответил, что письмо адресовано не ему, а мистеру Бальфуру.

— А кто ж я таков, по твоему разумению?! Дай-ка сюда письмо. Оно ведь от Александра.

— Как, вы знаете имя моего отца?

— Было бы странно, если б я не знал. Как-никак он был мне родным братом. А тебе, вижу, не очень-то я по душе, да и дом мой, похоже, тебе не нравится, и овсяная каша тебе не по вкусу. Что ж, любезный, — тебя, кажется, зовут Дэви — ничего не поделаешь. Выходит, я твой родной дядя, а ты мой родной племянничек. Так, стало быть. А теперь подай мне письмо и изволь есть что дают.

Будь я на несколько лет моложе, я бы не выдержал и разрыдался. Разные чувства теснились в моей душе: стыд, разочарование, уныние. Решительно сбитый с толку, не зная, радоваться мне или плакать, я подал ему письмо и молча принялся за еду, глотая кашу без всякого аппетита, насколько, конечно, это возможно в семнадцать лет.

Между тем дядя, наклонясь к очагу, тщательно изучал письмо, повертывая его то так, то этак.

— Что в нем? — внезапно спросил он. — Ты читал его?

— Вы же видите, сэр, что печать не сломана.

— Так-то так, а все-таки, что тебя привело ко мне?

— Я уже говорил вам: я пришел передать вам это письмо.

— Э, нет,— с лукавым видом сказал дядя.— Уж верно, ты на что-то надеялся, ведь не просто же так ты проделал такой путь.

— Должен признаться, сэр, когда мне сказали, что у меня есть богатые родственники, я действительно питал надежду на то, что они окажут мне покровительство. Но я не нищий, сэр. Я не прошу подавания, мне ничего не нужно от вас, коль скоро я вам неугоден. Пускай я беден, но у меня есть друзья: они, поверьте, не откажут мне в помощи.

— Ну-ну, распетушился! — оборвал меня дядя.— Ничего, мы еще с тобой поладим. А теперь, дражайший племянник, я вижу, ты уже откусал моей каши, позволь же и мне немного подкрепиться. Да-а-а,— продолжал он, сидя на стуле, который я ему с поспешностью уступил.— Нет ничего питательнее овсяной каши.

И, пробормотав молитву, дядя принялся доедать из тарелки.

— Да-а,— начал он снова, отложив ложку.— Твой отец знал толк в еде. Да и ел не сказать чтобы много, но зато за милую душу. Ну, а я так, понемножку, не то что, бывало, оң.— С этими словами он отхлебнул пива, но тут, вспомнив, вероятно, об обязанностях гостеприимства, поспешил добавить: — Если хочешь пить, так вода у меня за дверью.

Я ничего ему не ответил, но и не тронулся с места. В груди моей kloкотала злоба. Что же касается дяди, то он, чувствуя на себе мой взгляд, продолжал есть и временами взглядывал исподлобья, выхватывая настороженным взором то чулки мои, то башмаки, но по-прежнему не решаясь смотреть мне в лицо. Впрочем, раз глаза наши встретились. В его беглом, брошенном исподтишка взгляде изобразился на миг такой затравленный страх, какой, наверное, испытывает вор, запустивший руку в чужой карман, когда его ловят с поличным. Я подумал, что дядюшкина боязливость проистекает, видимо, из нелюдимости, замкнутости. Кто знает, быть может, привыкнув ко мне, он переменится. Резкий голос прервал мои размышления:

— А что, давно твой отец умер?

— Три недели назад,— отвечал я.

— Скрытный был человек Александр. Все, бывало, молчал, слова из него не вытянешь. А что, обо мне он ничего не рассказывал?

— Поверьте, я только от вас узнал, что у него, оказывается, есть брат.

— Боже мой! — воскликнул Эбинизер. — А позволь спросить, о поместье он ничего не сказывал?

— Ничего, сэр.

— Подумать только. Вот странный человек.

Тем не менее он, казалось, остался доволен, но то ли самим собою, то ли мной, то ли скрытностью моего отца — чем именно, я не мог понять. Было явно, однако, что его неприязнь ко мне постепенно сменялась каким-то иным чувством, ибо вскоре, отужинав, он подошел ко мне, потрепал по плечу, говоря:

— Мы еще с тобой поладим. Рад, что впустил тебя. А теперь пойдем, покажу, где ты будешь спать.

К моему удивлению, он не взял с собой ни свечи, ни лампы. Мы пошли по темному коридору, поднялись по лестнице. Дядя остановился у какой-то двери и, тяжело дыша, долго возился с ключами. Я шел за ним следом, несколько раз спотыкался и чуть было не упал. Темно было так, что хоть глаз выколи. Отперев дверь, дядя пропустил меня вперед. Я сделал на ощупь несколько шагов и, обернувшись, попросил дать мне свечу на ночь.

— И, полно, какие свечи! Луна на дворе.

— Вы ошибаетесь, сэр. Небо заволокло, и здесь ничего не видно. Постели и то не найдешь.

— Ну-ну, вздор. Ужасно боюсь, когда зажигают свечи. А вдруг, не ровен час, пожар. Нет-нет, уж не взыщи, мой милый. Спокойной ночи.

Я не успел промолвить и слова, как дядя живо хлопнул дверь и повернул ключ в замке. Поистине хоть плачь, хоть смейся. В комнате было сыро и холодно, как в колодце. Я добрал до кровати, но она оказалась сырее торфяного болота. По счастью, я захватил свой узелок с вещами. Закутавшись в плед, я лег на полу возле кровати и тотчас заснул.

Когда я проснулся, уже рассвело. Я увидел, что нахожусь в большой комнате с тремя окнами, обитой тисненой кожей и обставленной дорогой мебелью с инкрустацией. Лет десять, а может быть, двадцать тому назад

покои эти были роскошны. Теперь здесь царило страшное запустение: грязь, сырость, мыши и пауки сделали свое дело. Несколько оконных стекол было выбито. И видимо, неспроста. Казалось, дядя сидел в осаде, обороняясь от разъяренной толпы соседей во главе с Дженнет Клаустон.

Между тем за окном ярко светило солнце. Я почувствовал, что продрог до костей. Я подбежал к двери своей темницы и принялся стучать и кричать. Пришел мой тюремщик и выпустил меня на свободу. Он вывел меня во двор, где стоял колодец с бадьей, предложил мне умыться, «если нужно», и оставил меня одного. Потом, насилу отыскав дорогу, я добрался до кухни, где на огне уже варилась овсяная каша. На столе виднелись две большие тарелки, подле каждой роговая ложка и уже знакомый читателю одинокий стакан пива. Вид его оказал на меня такое действие, что дядюшка, должно быть заметив мой удивленный взгляд, поспешил спросить, не желаю ли я выпить эля — так неизменно величал он этот напиток.

Я сказал, что не прочь иногда выпить пива, однако пусть он не беспокоится.

— Полно, полно, мой милый, — возразил Эбинизер. — Не могу же я тебе отказать, коли все в свою меру.

Он достал с полки второй стакан, а затем, к моему изумлению, вместо того, чтобы налить пива из бочки, попросту отлил часть из своего стакана в другой, так что в обоих оказалось поровну. Без сомнения, это был благородный поступок. У меня даже захватило дух. Конечно, мой дядя порядочный скряга, подумал я, но зато он не лишен благородства, а в сочетании с благородством даже скупость, порок весьма неприглядный, вызывает подчас невольное уважение.

Когда каша была съедена, а пиво выпито, дядя Эбинизер достал из шкафа глиняную трубку и плитку табаку, отрезал себе на один раз, а остаток тотчас запер в шкаф. Затем, облюбовав место на подоконнике, в лучах солнца, он принялся пускать кольца дыма. Время от времени он бросал через плечо взгляд в мою сторону, после чего неожиданно спрашивал:

— Ну, а как поживает твоя матушка?

И когда я отвечал, что матушка моя тоже умерла, помолчав немного, дядя говорил:

— Ах, господи. Да-а, хороша была девица.

И через несколько времени снова спрашивал:

— А скажи, что за друзья у тебя?

Я отвечал, что друзья мои принадлежат к роду Кэмпбеллов, хотя в действительности у меня среди них был только один друг, эссендинский священник; остальные же Кэмпбеллы, вероятно, даже не подозревали о моем существовании. Мысль, что дядя весьма невысокого обо мне мнения, была несносна, и потому я sluкавил, желая придать себе весу в его глазах.

Между тем дядя покуривал свою трубочку, что-то усиленно соображая.

— Да, Дэвид, — наконец произнес он. — Ты правильно сделал, мой милый, что явился прямо к своему дядюшке. Я высоко чту фамильную честь и постараюсь что-нибудь для тебя сделать. Но покуда я не решил, по какой части тебя пристроить — законоведческой, богословской или военной; последнее, как мне кажется, наиболее подходящее поприще для такого статного юноши, — так вот, покуда я не решил, изволь меня слушаться. Мне совсем не нравится, что ты, носящий гордое имя Бальфуров, унижаешься до каких-то горцев, Кэмпбеллов. Чтобы больше я этого от тебя не слышал. Никаких посланий, никаких писем, никому ни слова, а иначе вот тебе бог, а вот — порог.

— Дядя Эбинизер! — воскликнул я. — У меня нет оснований полагать, что вы желаете мне дурного. Это было бы низко с моей стороны. Но поверьте, у меня тоже есть самолюбие. Попрошу вас заметить, я явился сюда не по своей прихоти. И если вы еще раз укажете мне на дверь, то знайте, я не заставлю вас повторять это дважды.

При этих словах дядя заметно смутился.

— Ну, полно-полно, любезный. Что за горячность. Потерпи уж денек-другой. Я же тебе не волшебник, чтобы извлекать деньги со дна тарелки, из которой едят кашу. Предоставь мне несколько дней, и, уверяю тебя, я подыщу тебе достойное место. Но помни: уговор таков — никому ни слова.

— Хорошо, я согласен, — проговорил я. — Но довольно об этом. А за помощь буду вам чрезвычайно признателен.

Я возомнил по самонадеянности, будто одержал верх над дядей, и, дабы закрепить свое превосходство, стал

жаловаться на сырую постель, требуя просушить ее во дворе.

— Кто здесь хозяин, ты или я?! — пронзительным голосом вскричал дядя и тотчас притих. — Ну-ну, прости меня, Дэви. Это я так. Что же, всё в моем доме к твоим услугам, нам ведь делить нечего. В конце концов, родная кровь не вода. Как-никак ты мой единственный родственник.

И он принялся без умолку говорить о былом величии рода Бальфуров, о своем отце, распорядившимся перестроить дом, и о том, как он сам после смерти отца остановил строительство, почитая сию затею греховною расточительностью. Мне вспомнились слова Дженнет Клаустон, и я передал дяде наш разговор.

— Вот шельма! — воскликнул он в раздражении необыкновенном. — В тысячу двести пятнадцатый раз! Столько минуло дней с тех пор, как я продал имущество этой негодницы. Ну ничего, она у меня попляшет! «Будь проклят»... Да прежде она сама поджарится на углях! Ведь самая что ни на есть ведьма. Да я на нее к секретарю, в суд!

И с этими словами он кинулся к сундуку, достал из него очень старый, но, впрочем, вполне приличного вида синий кафтан, весьма недурную кастановую шляпу и принялся лихорадочно одеваться. Потом торопливо схватил со шкафа дорожную палку, запер сундук, спрятал ключи в карман и уж было направился к двери, как вдруг какая-то мысль остановила его.

— Нет, так не годится. Ты ведь останешься в доме. Придется запереть двери, а тебе побыть во дворе.

Кровь бросилась мне в лицо.

— Если вы только посмеете выставить меня за дверь, между нами все кончено.

Дядя побледнел и прикусил губу.

— Так не пойдет, — проговорил он со злобой, устремив в мою сторону косой взгляд. — Так-то ты добиваешься моего расположения?

— Сэр, — отвечал я, — при всем уважении к вашим летам и нашему родству должен, однако, заметить вам, что мало ценю ваше расположение и вовсе в нем не нуждаюсь. Меня воспитывали в сознании своего достоинства, и, будь вы хоть трижды мой дядя, а я сиротой,

я бы не стал прибегать к низким уловкам, чтобы приобрести ваше расположение.

Дядя Эбинизер подошел к окну и несколько мгновений молча глядел во двор. Я заметил, что его трясет, точно в лихорадке, но, когда наконец он обернулся ко мне, на губах его играла улыбка.

— Хорошо, будь по-твоему, — проговорил он. — В конце концов, надо быть снисходительным. Я остаюсь. Все. Разговор исчерпан.

— Дядюшка, как прикажете вас понимать? — удивился я. — Вы обращаетесь со мной точно с вором. Вам неприятно мое присутствие, и вы даете мне это понять на каждом шагу. Я понимаю, что полюбить вы меня не в силах, я говорил с вами так, как доселе не говорил ни с кем. Зачем же тогда вы хотите, чтобы я остался? Уж лучше я отправлюсь к своим друзьям. Они меня любят и не будут тяготиться мною.

— Помилуй, — сказал он на сей раз уже без тени лукавства, — я ведь тоже тебя люблю, поверь мне. Вот увидишь, мы еще с тобой поладим. А потом, не могу же я отпустить тебя так, ни с чем. Не пятнать же чести этого дома. Поживи у меня, мой друг, к чему горячность. Поживешь, пообвыкнешь, а там, глядишь, все устроится.

— Что же, коли так, сэр, — сказал я после некоторого раздумья, — я, пожалуй, останусь. Признаться, куда достойнее принимать помощь от родственников, нежели от чужих. И если меж нами не будет мира, видит бог, не я тому буду виной.

Глава 4

Я ПОДВЕРГАЮСЬ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ

Вопреки моим опасениям, день, начавшийся так безрадостно, прошел сносно. В полдень ели мы холодную кашу — остатки завтрака, зато на ужин явилась горячая. Стол дяди не изобиловал яствами: овсяная каша да легкое пиво, а в иной пище он, казалось, и не нуждался. Говорил он по-прежнему скупой, большей частью пребывал в задумчивости и лишь изредка, вострепнувшись, задавал какой-нибудь вопрос. Я пытался завести разговор о моей

будущности, но дядя всячески от него уклонялся. Благо он все же открыл для меня соседнюю комнату, где я обнаружил немало латинских и английских книг. Они-то и помогли скоротать время до ужина. Благодаря книгам пребывание в доме уже не казалось тягостным, и только при виде дяди, глаза которого точно играли в прятки со мной, в душе моей пробуждалось прежнее недоверие.

Мои сомнения усугубило еще одно обстоятельство. На заглавном листе одной книги — это был небольшой сборник баллад Патрика Уокера — я обнаружил дарственную надпись, сделанную рукой моего отца: «Брату моему Эбинизеру, в день его пятилетия». Мне показалось странным, что отец мой — а он, насколько я понял, был младшим братом, — не достигнув еще и пяти лет, умел писать превосходным, уверенным почерком. Не иначе тут была какая-то ошибка. В конце концов, не мог же отец перепутать дату? Чтобы как-то заглушить свои подозрения, я брал с полки один том за другим (тут было немало старинных романов, поэм, исторических трактатов, попадались и новые книги), но, как я ни тщился занять себя чтением, мысли мои поминутно возвращались к загадочной надписи. Выйдя к ужину, я не преминул поинтересоваться, рано ли начал читать мой отец и каковы вообще были его способности к учению.

— Александр? Да что ты! Помилуй! — воскликнул дядя. — Я был гораздо способней его. Мы и читать-то начали в одно и то же время.

Этот ответ еще больше озадачил меня. Уж не были ли они близнецами, подумал я и обратился к дяде с вопросом.

Только я это спросил, дядя вскочил со стула, точно ужаленный, роговая ложка упала на пол.

— Для чего тебе это знать? — воскликнул он, устремив на меня бешеный взгляд, и вцепился рукой в лацкан моей куртки. Я увидел близко его глаза — не глаза, а глазки, беспокойно моргающие, блестящие, как у птицы.

— Позвольте, сударь, что это значит! — невозмутимо отвечал я, ибо знал, что гораздо сильнее его, да к тому же был не из робких. — Уберите сейчас же руки. Что вы себе позволяете?!

Дядя нехотя повиновался.

— Послушай, Дэви, — с усилием проговорил он. — К чему все эти разговоры? Ты заговорил об отце, и я не

сдержался. — Несколько времени он сидел неподвижно, потупясь, руки у него дрожали. — Как-никак он был мне братом... единственным, — прибавил он довольно невыразительно и, подняв ложку, молча принялся за еду, по-прежнему дрожа всем телом.

Этот странный поступок — то, что дядя чуть было не дал волю своим рукам, а потом вдруг пустился в сердечные излияния, — совершенно не укладывался в моей голове. С невольным страхом сливались во мне и неясные надежды. С одной стороны, дядя представлялся мне сумасшедшим и оставаться с ним под одним кровом было небезопасно; с другой же — невольно мое встревоженное воображение рисовало картину в духе старинных баллад, некогда мною слышанных: бедный юноша, законный наследник, и его дядя, злодейским образом присвоивший чужое имение. С какой стати дядя разыгрывает эту комедию? Передо мной, человеком со стороны, почти нищим? Не иначе в глубине души он не на шутку меня побаивается.

Подозрения мои были смутны, но не просто их было рассеять. Теперь, уподобясь дяде, я стал украдкой следить за каждым его движением. Мы сидели друг против друга, как кошка и мышь, обмениваясь настороженными взглядами. Дядя более ко мне не обращался. Он сидел нахмуясь, что-то усиленно соображая. Чем более я наблюдал за ним, тем более убеждался, что мысли его отнюдь не благостны.

Убрав со стола тарелку, он занялся своей трубкой, а затем, отодвинув стул к очагу, уселся перед окном, ко мне спиной, и какое-то время курил в раздумье.

— Дэви, — наконец произнес он. — Я все думаю... — он замаялся, умолк, а потом повторил уже сказанное. — У меня есть деньги, правда, немного, те, что, можно сказать, тебе причитаются. Тебя-то тогда еще на свете не было. Так вот, обещался, помнится, твоему отцу. Да нет, не подумай, никаких векселей не было. Сам понимаешь: два джентльмена, бутылка вина. Ну, я проспорил. Так вот, деньги эти я сразу же отложил — как-никак долг джентльмена! — да вот отдать не привела судьба. А теперь к тому же эта сумма возросла до... дай бог памяти... до... — забормотал он, мучительно припоминая. — Да! Ровным счетом сорок фунтов будет! — С этими

словами, произнесенными почти с надрывом, он косо взглянул на меня и вскрикнул пронзительно: — Шотландскими!

Добавление это было весьма существенное: ведь шотландский фунт в то время равнялся английскому шиллингу и дело от такой оговорки принимало совсем иной оборот. Я видел — это было явно, — что история с деньгами сущий вымысел, придуманный с какою-то целью, но с какой именно — терялся в догадках.

— Припомните хорошенько, сударь, — не скрывая усмешки, сказал я. — Вероятно, английскими?

— Я так и сказал: английскими. А теперь хорошо бы ты вышел во двор, подышал свежим воздухом, ночь-то какая! А я, как деньги достану, тотчас тебя позову.

Я вышел, посмеиваясь про себя над тем, что дядя считает меня таким простофилей, которого так легко провести. Ночь была темная, небо почти беззвездно. Вдалеке, где-то в долине, глухо завывал ветер. Собиралась гроза. Я не мог и подозревать, какую важную роль в скором времени сыграет она для меня.

Наконец дядя позвал меня в дом. Он медленно отсчитал тридцать семь золотых гиней, а остаток — мелкие серебряные и золотые монеты — высыпал себе на ладонь, подумал немного и скрепя сердце положил в карман.

— Ну вот, теперь ты видишь? — торжественно произнес он. — Конечно, иным я кажусь странным. Кто же не без причуд. Но слово, как видишь, держу. Слово для меня закон.

Остолбенев от такого неожиданного порыва великодушия, я смотрел на этого скрягу и не находил слов для изъявления своей благодарности.

— Да полно, не желаю слушать! — воскликнул он. — В конце концов, это мой долг. Другой на моем месте, наверное, поступил бы иначе, но у меня правила! Да, я человек бережливый, но мне приятно воздать справедливость сыну покойного брата. Надеюсь, теперь-то мы наконец поладим, как и подобает друзьям, тем более родственникам.

В ответ я употребил все свое красноречие, на какое был только способен, но меня не покидали сомнения: что же дальше? Откуда такая щедрость? Ведь его уверениям не поверил бы и ребенок.

Не прошло и минуты, как дядя снова взглянул на меня искоса.

— Ну, а теперь, оказал бы и ты мне услугу.

Я заверил его, что сделаю для него все, что только от меня зависит, и ожидал какого-нибудь чудачества, однако ж когда наконец дядя решился заговорить, то сказал только, что он слишком стар и силы его на исходе и потому хотел бы видеть в моем лице помощника. Все это прозвучало вполне убедительно. Я изъявил готовность.

— Ну вот и начнем, пожалуй! — сказал дядя.

С этими словами он достал из кармана ключ, изрядно изъеденный ржавчиной.

— Вот тебе ключ от башни. Войдешь в нее со двора: та часть дома у меня недостроена. Войдешь, поднимешься по лестнице. Там, наверху, ларец с бумагами. Они-то мне и нужны.

— Позвольте, однако, взять с собою свечу.

— Э, нет, сударь, — проговорил он с лукавым видом. — Никаких свеч. Был же у нас уговор.

— Что ж, как вам будет угодно, сэр. А лестница крепкая?

— Лестница превосходная, — сказал дядя и, заметив, что я уже тронулся с места, поспешил добавить: — Вот только перил нет. А ты за стену, за стену, потихоньку. А ступени-то прочные, слава богу.

Я вышел во двор. Было за полночь. Вдалеке по-прежнему слышались завывания ветра. Во дворе было тихо, в воздухе все точно замерло, небо было черно как сажа. Я старался не отступать от стены: недолго было и заблудиться. Кое-как добравшись до башни, я нащупал в темноте дверь, но только повернул в замочной скважине ключ, как вдруг блеснула зарница, небо все полыхнуло огнем, и снова воцарилась тьма. Ослепленный вспышкой, я прикрыл ладонью глаза, подождал с минуту и потянул дверь.

В башне было темно, хоть глаз выколи. Воздух стоял густой, тяжелый. Не ступил я и трех шагов, как наткнулся рукою на стену, а ногою попал на ступеньку. Стена на ощупь была почти гладкая, добротная, сложенная из обтесанных камней; ступени, высокие, узкие, тоже из цельного камня, как будто надежны. Перил у лестницы

и впрямь не было; памятуя дядин наказ держаться за стену, я ощупью, с замиранием сердца стал подниматься.

Должно заметить, что дом был в пять этажей, не считая чердака. Но странное дело: чем выше я поднимался, тем легче становилось дышать: откуда-то сверху тянуло ветром. Не успел я подумать, отчего это может быть, как снова все озарилось молнией. Я застыл на месте, ужас сдавил мне горло: дюймов в двух от моей ноги зияла пропасть. Не выдержка спасла меня от падения — то, видно, небеса смилостивились надо мной. При свете молнии я увидел не только отверстия в стене, но и ступени — разной длины, с зияющим провалом сбоку. Казалось, я поднимался по открытым лесам.

«Ах, вот она превосходная лестница!» — подумал я. Ярость овладела мной, и это придало мне решимости. Да, неспроста послал меня сюда дядя. Он знал, как опасен этот подъем, и, кто знает, быть может, нарочно послал меня на гибель. «Ну что же, — сказал я себе, — я выясню это во что бы то ни стало».

Опустившись на четвереньки, медленно, как улитка, ощупывая перед собой каждый дюйм лестницы, проверяя надежность каждого камня, я пополз выше. От вспышки молнии глаза мои застилал мрак. Но не только тьма окружала меня. Наверху расшумелись летучие мыши. Эти мерзкие твари проносились вниз, задевая мое лицо и плечи.

Надо заметить, что башня была четырехугольная. В каждом ее углу вместо забежной площадки лежала большая плита, причем плиты эти были разной длины. Итак, добравшись ощупью до одного из таких поворотов, я протянул, как и прежде, руку, но вдруг она соскользнула с края ступени вниз. Впереди лестница обрывалась. Посылать сюда человека, ранее здесь не бывавшего, да к тому же ночью, значило обречь его на верную гибель; и хотя я чудом ее избежал, самая мысль о том, какой опасности я подвергался, с какой чудовищной высоты мог бы сорваться, привела меня в трепет и на мгновение лишила сил. Холодный пот выступил у меня на лбу.

Убедившись в коварном замысле дядюшки, я повернулся и начал осторожно спускаться. Не успел я пройти и половины пути, как вдруг с шумом набежал ветер, башня вся загудела, но тотчас все стихло и пошел дождь.

Через минуту он лил уже как из ведра. Спустившись вниз, я выглянул во двор. Входная дверь, которую я, уходя, прикрыл, была распахнута, и изнутри сочился тусклый свет. Мне показалось, будто на пороге стоит дядя. Вдруг снова блеснула молния, и я увидел, что не ошибся. Дядя стоял под дождем, настороженно к чему-то прислушиваясь. В следующий миг прогрехотал гром.

Принял ли дядя раскат грома за грохот, с которым я упал с башни, или же услышал в нем глас божий, возвестивший о свершившемся преступлении, предоставляю о том судить вам. Верно, однако, то, что от грома его обуял смертельный страх. Он опрометью кинулся в дом, а дверь так и осталась открытой. Я тихонько последовал за ним, остановился у порога и стал наблюдать.

Тем временем дядя достал из шкафа графин с водкой и теперь сидел за столом, спиной ко мне. Я заметил, что его трясет, точно в лихорадке. С уст его то и дело срывался стон, и тогда он прикладывался к графину, вливая в себя изрядную порцию водки. Я неслышно подошел к нему сзади, схватил его за плечи и громогласно сказал:

— А-а, сударь!

У дяди вырвался сдавленный крик, схожий с овечьим блеянием. Он вскинул руки и повалился на пол. Этого я меньше всего ожидал. Оставив его на полу, я устремился к шкафу, надеясь найти в нем оружие. Нельзя было терять ни минуты. Придя в себя, дядя мог снова приняться за свои злодейские козни, и нужно было подумать о безопасности.

В шкафу стояло несколько бутылок, какие-то склянки с лекарством, еще я заметил целую кипу счетов и бумаг, которые не мешало бы просмотреть хорошенько, да я तो-ропился. Оружия не оказалось. Я принялся за сундуки. В первом была овсянка, во втором мешки с деньгами и пачки ценных бумаг, перевязанные жгутом. В третьем среди тряпья валялся старый, заржавленный кинжал без ножен. Какой-никакой, а все же кинжал. Я сунул его за пазуху и подбежал к дяде.

Он лежал неподвижно, поджав колено, откинув правую руку. Лицо его посинело, дыхания слышно не было. «Неужели он умер?» — мелькнуло у меня в голове, и меня охватил страх. Я кинулся за водой. Когда я брызнул ему на лицо воды, он как будто пришел в себя, шевельнул

губами, задергал веками. Смертельный ужас изобразился в его глазах, когда, раскрыв их, он увидел перед собой меня.

— Полно, сударь. Попробуйте привстать, — сказал я.

— Как, ты жив? — всхлипнул он. — Силы небесные! Жив?!

— Как изволите видеть. Жив, да не вашими молитвами.

Дядя снова всхлипнул, у него сдавило дыхание.

— Там... в шкафу... синий пузырек... скорее! — прохрипел он.

Я подбежал к шкафу, отыскал синюю склянку, на ярлыке которой обозначена была доза, схватил ложку, отлил в нее несколько капель и дал дяде.

— Вот беда, — придя в себя, пролепетал он. — Сердце. У меня прескверное сердце, Дэви.

Я кой-как усадил его на стул. Жалкое зрелище являл собой дядя, но мой праведный гнев еще не остыл, и я немедленно приступил к допросу. Многое мне хотелось выяснить: зачем он лгал мне на каждом слове, почему так боялся, что я уйду от него, отчего так встревожился, когда я высказал предположение, что они с отцом были близнецами. «Уж не оттого ли, что это правда?» — спросил я его. И с какой стати он дал мне деньги, которые, несомненно, мне и не причитались? И наконец, зачем он пытался погубить меня?

Он слушал меня, не прерывая.

— Клянусь тебе, я утром все расскажу, но только не сейчас, не сейчас.

Он был так слаб, так жалок, что мне стало совестно допытывать его вопросами. И все же я не счел лишним запереть его наверху в его комнате. Положив ключ в карман, я спустился в кухню, подложил в очаг дров и развел огонь, коего, верно, здесь не бывало уже давно, а затем, закутавшись в плед, устроился на сундуках и тотчас заснул.

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В КУИНСФЕРРИ

Дождь шел всю ночь не переставая, наутро резкий северо-западный ветер разогнал тучи и сразу похолодало. Еще не погасли на небе звезды, а я уже был на ногах и, несмотря на дурную погоду, вышел на воздух и искупался в горном ручье. Горя всем телом от студеной воды, я поспешил к очагу, подложил дров, сел и предался размышлениям.

Было явно, что чувства, которые питал ко мне дядя, вовсе не безобидны. Несомненно было и то, что мое дальнейшее пребывание в этом доме чревато опасностями, ибо дядя сделает все возможное, чтобы добиться своей злодейской цели. Но я был молод, горяч и самонадеян. К тому же, как большинство юных провинциалов, я был весьма высокого мнения о своей проницательности. Я явился в Шос точно нищий, неоперившийся юнец — и что же? Дядя принял меня со злобным коварством, а потому не мешало бы его проучить, чтобы впредь он со мною считался.

Положа ногу на ногу, обхватя руками колено, я глядел в огонь и предавался сладостным грезам. Я выводывал все дядины тайны и в скором времени подчинял его своей воле. Говорят, будто один колдун в Эссендине смастерил зеркало, глядя в которое, можно было увидеть свое будущее, но, должно быть, сделал его колдун не из горящих углей, потому что в моем зеркале, открывавшем мне приятные видения, не было ни моря, ни волн, ни шкипера в мохнатой шапке, ни тем более крепкой дубины для такого болвана, как я, — словом, не было и подобия тех зол и напастей, которым суждено было вскоре обрушиться на меня.

Намечтавшись досыта, я поднялся наверх и освободил пленника. Он весьма учтиво пожелал мне доброго утра, чего и я ему пожелал с не меньшей учтивостью, улыбаясь ему свысока. Мы сели завтракать как ни в чем не бывало.

— Итак, сударь, — произнес я тоном язвительного превосходства. — Что же вы желаете мне сообщить?

Но вятного ответа не последовало, и я продолжал:

— Пора, я думаю, нам наконец понять друг друга. Вы

приняли меня за такого деревенского простофилю, безропотного дурачка, который только и может, что держать ложку. Что до меня, то я почитал вас за человека порядочного, во всяком случае не способного на подлость. Выходит, мы оба ошиблись. Что же понуждает вас бояться меня, лгать самым бесчестным образом, покушаться на мою жизнь?

Дядя стал лепетать, что это была лишь шутка, такой уж он, дескать, шутник, однако, увидев мою насмешливую улыбку, тотчас изменил тон, уверив, что расскажет все без утайки сразу же после завтрака.

Было явно, что новая ложь еще не созрела в его голове, но уже зарождалась в мучительных соображениях. Я хотел было поторопить его с ответом, но в эту минуту в дверь постучали.

Я велел дяде оставаться на месте и пошел отворять. У порога стоял малый в матросской одежде, с виду совсем еще мальчик. Увидев меня, он прищелкнул пальцами и пустился в пляс, изображая нечто вроде матросского танца. Пляшет, а взгляд такой странный, жалкий, казалось, вот-вот не то заплачет, не то рассмеется. Вид гостя никак не соответствовал той веселости, с какой он отплясывал, и, отплясав, произнес хриплым голосом:

— Как дела, приятель?

Сохраняя на лице невозмутимость, я спросил, что ему угодно.

— Что угодно? Утехи-радости! — воскликнул он и запел:

В час наслажденья желанный
светлой ночью порой...

— Послушайте, — сказал я, — если у вас нет никакого дела, то не сочтите за грубость, — я закрываю дверь.

— Эй, постой, друг сердечный. Ты, я вижу, не понимаешь шуток. Ты ведь не хочешь, чтобы меня поколотили! Меня послал старик Хизи-ози к мистеру, как бишь его, Балдурдуру. У меня письмо.

И точно, он показал мне письмо.

— И вот что еще, приятель: умоляю — чертовски проголодался.

— Ладно, иди в дом. Я накормлю тебя. Пусть не мне, так тебе достанется завтрак.

С этими словами я провел его в кухню и усадил на свое место, где он с жадностью стал уписывать остатки каши, то и дело подмигивая мне и строя всевозможные гримасы, по-видимому полагая, что они придают ему бравый вид. Между тем дядя прочел письмо и сидел в глубокой задумчивости. Наконец он вскочил в оживлении неизъяснимом и потянул меня за рукав, делая знак отойти в сторону.

— Прочти-ка, — проговорил он, протянув письмо.

Письмо это у меня сохранилось, привожу его слово в слово:

Трактир «Боярышник», Куинсферри

Сэр, стою на рейде неподалеку от вас и думаю отдать якорь, а потому посылаю к вам моего юнга. Если у вас будут ко мне еще поручения, то прошу учесть, что сегодня последний день. Другого случая может и не представиться: ветер попутный и самое время выходить в море. Не скрою от вас, у меня были неприятности с вашим поверенным, мистером Ранкейлором, так что, если вы в срок не уладите это дело, то понесете убыток. Счет на ваше имя я написал, как записано у меня в расходной книге.

Остаюсь ваш покорный слуга,

Элиас Хозисон.

— Видишь ли, Дэви, — заговорил дядя, увидя, что я прочел письмо до конца. — Я веду дела с этим Хозисоном. Он из Дайзерта, шкипер, владелец торгового брига «Ковенант». Так вот, если мы сейчас с тобой да вот с этим малым пойдем к шкиперу, я бы подписал с ним кое-какие бумаги, в трактире или на бриге, а потом можно заглянуть и к стряпчему, мистеру Ранкейлору. Конечно, после того, что меж нами вышло, ты мне на слово не поверишь. Другое дело — Ранкейлору. Ему-то ты можешь верить. Его все знают. Добрая половина здешних дворян у него в клиентах. Человек он почтенный, уважаемый, да к тому же знал твоего отца.

Я задумался. Я буду на набережной у перевоза. Чего же мне опасаться? Место, без сомнения, людное, и дядя не посмеет затеять худое. А кроме того, я не один, с нами юнга. Коль скоро мы будем у перевоза, размышлял я, можно будет нанести визит стряпчему, а если дядя за-

упрямится, я буду настаивать, я добьюсь этого визита. Конечно, в глубине души меня влекло к морю, которое я видел лишь издали. Не нужно забывать, что вырос я в тиши долин и холмов и только три дня тому назад увидел впервые залив, узкую голубую полосу, по которой ползли игрушечные суда. Итак, я решился.

— Извольте, я согласен, — сказал я дяде. — Пойдемте в Куинсферри.

Дядя облачился в кафтан, нахлобучил шляпу, пристегнул заржавелый кортик. Мы погасили огонь в очаге, заперли дверь и двинулись в путь.

Резкий северо-западный ветер дул в лицо. Было начало июня, в траве по-летнему белели маргаритки, деревья утопали в белом цвету, а, глядя на наши посиневшие до ногтей руки, пощипываемые холодком, можно было подумать, что на дворе зима, декабрьский мороз со снегом.

Дядя шел еле-еле, припадая на ногу, как старый пахарь, возвращающийся домой после трудов праведных. За всю дорогу он не сказал ни слова, а я тем временем беседовал с юнгой. Он поведал мне, что зовут его Рэнсом, что он на море с девяти лет, но назвать свои года он затруднялся: по его словам, он потерял им счет. Несмотря на пронизывающий ветер и мои настойчивые увещания, он задрал рубашку, показывая татуировки, сплошь покрывавшие его грудь. Речь свою пересыпал он отборной бранью, но бранился он из бравады, как школьник. Похвастал юнга и своими подвигами: доносами, кражами и даже убийством, причем приплел такие густые подробности, что я усомнился в его рассказах. Мне стало его жаль.

В свою очередь я расспросил его о брига и о шкипере Хозисоне. Рэнсом отзывался о них с восторгом. Бриг, по его словам, был великолепно, а что касается до его владельца, Хизи-ози, как именовал его юнга, то это был сорвиголова, которому и черт не страшен и бог нипочем, который и на Страшный суд пойдет на всех парусах. Иными словами — жестокий, грубый, бессовестный человек. И все эти качества вызывали у бедного малого восхищение; таким, по его убеждению, должен быть настоящий моряк. Лишь одно обстоятельство бросало тень на его кумира.

— Шкипер он, правда, так себе, одно слово, что шкипер. Моря не знает,— признался он.— А управляет брига мистер Шуэн, он дело знает, но уж как напьется — держись. Да вот погляди-ка.— И с этими словами юнга приспустил чулок и с гордым видом показал мне большую рану с запекшейся кровью, при виде которой у меня в жилах заледенела кровь.— Это все он, мистер Шуэн, его рук дело.

— Как? И такое варварство ему сходит с рук? Ведь ты же ему не раб какой-нибудь. Что же ты терпишь такое обхождение?

— Это я-то терплю! — воскликнул глупый юнец, сразу изменив тон.— Да я ему еще задам. Вот это ты видел? — и он показал мне большой нож, будто бы им украденный.— В другой раз пусть только сунется. Как пырну — и душа его в рай. Уж мне-то такие дела не впервые.— И в подкрепление своих слов он разразился бранью, грязной, ужасно нелепой в его устах.

Никогда еще ни к кому я не испытывал такой жалости, как теперь, глядя на этого глупого, несчастного малого. Мне невольно подумалось, что бриг «Ковенант», несмотря на свое благочестивое название¹, благочестием, видно, не блещет. Не судно, а какой-то плавучий ад.

— А родные-то у тебя есть? — спросил я.

Он сказал, что в каком-то английском порту жил у него отец, но в каком именно, теперь уже не припомню.

— Тоже славный был человек. Да вот помер.

— Что же ты не можешь подыскать себе занятие на суше? Какое-нибудь более достойное?

— Э, нет,— сказал он и подмигнул мне с лукавством.— Видали мы такие занятия! А если меня в ремесло отдадут, что тогда?

Я заметил, что хуже его ремесла вряд ли какое сыщется,— ведь его жизни постоянно грозит опасность и он может стать жертвой не только морской стихии, но и тех, у кого он служит. Юнга охотно со мной согласился, но тут же начал расхваливать жизнь на море, уверяя, что нет удовольствия слаще, чем когда ты сходишь на берег и в кармане у тебя звенят золотые, а потом, как водится у лю-

¹ К о в е н а н т — название соглашений сторонников Реформации в Шотландии, заключавшихся в XVI — XVII вв. для защиты кальвинистской церкви и независимости страны.

дей с деньгами, ты спускаешь все подчистую: покупаешь горы яблок на зависть уличным чумазым мальчишкам.

— Да нет, мне не так уж плохо, — говорил он. — Бывает и хуже. Вот, к примеру, двадцатифунтовые. Видел бы ты, как мы их берем на борт. Один, вот такой же, как ты, малый в летах — таковым я казался юнге, — уж борода у него, так только мы вышли в море, хмель у него весь повыветрился, как завопит, расхныкался. Смех, право. Детишки тоже бывают. Ну, с ними-то просто. У меня для них плетка имеется, линек¹ то есть. Сидят смиренненько.

Рэнсом болтал без умолку все про то же, и я наконец догадался, кого подразумевал он под двадцатифунтовыми. То были злосчастные преступники, которых продавали в неволю и отправляли в Америку, а также дети, с еще более незавидной участью: несчастные жертвы наживы или родовой мести, похищенные мошенниками и проданные в рабство.

В это время мы поднялись на вершину холма и увидели перевоз. Как известно, залив Ферт-оф-Форт в этом месте суживается и подобен большой реке; здесь и построена паромная переправа. Верхняя излучина залива образует закрытую гавань, куда заходят большие суда. На середине — островок с крепостными развалинами; на южном берегу — мол с паромным причалом. У самого края мола, на той стороне дороги, виднелся трактир, называемый в народе «Боярышник» по причине произрастания в саду под окнами кустов боярышника и остролиста.

Городок Куинсферри расположен чуть западнее. Около трактира в это время было довольно безлюдно: только что на противоположный северный берег отошел полный паром. Правда, у мола покачивался на волнах ялик, на банках² которого спали матросы. Как разъяснил мне Рэнсом, это была шлюпка с брига, ожидавшая шкипера, а в полумиле от нее одиноко стоял на якоре и сам «Ковенант». Заметны были оживленные приготовления к отплытию: матросы брасопили³ реи, ветер с залива

¹ Линек — короткая корабельная веревка с узлом на конце.

² Банка — сиденье в лодке.

³ Брасопить реи — поворачивать реи брасами, особыми снастями, в горизонтальном направлении.

доносил звуки песни. После всего услышанного я взирал на этот корабль с отвращением чрезвычайным и в душе весьма сочувствовал тем несчастным, которые осуждены были на нем плыть.

Наконец на холм втащился мой дядя. Подойдя к нему, я сказал:

— Хочу предупредить вас, сэр, я на «Ковенант» не поплыву.

— Ну что же, воля твоя, ничего не попишешь. А что мы стоим? Этак и простудиться недолго. Да и «Ковенант», того и гляди, отойдет.

Глава 6

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ У ПЕРЕВОЗА

Вскоре мы подошли к трактиру. Рэнсом препроводил нас по лестнице в небольшую комнату, где стояли кровать да стол и горел камин, от которого шел жар точно из преисподней. За столом у камина сидел высокий, смуглый, чрезвычайно серьезного вида человек и что-то писал. Несмотря на сильную духоту, на нем была толстая морская куртка, застегнутая на все пуговицы, и высокая, надвинутая на уши мохнатая шапка. Никогда мне не доводилось встречать более невозмутимого, деловитого и уверенного в себе человека. Его спокойствию позавидовал бы и судья.

Увидя нас, он встал, подошел к дяде Эбинизеру и протянул ему свою большую, крепкую руку.

— Весьма польщен, мистер Бальфур, — сказал он густым, приятным голосом. — Хорошо, что вы подоспели вовремя. Ветер попутный, вот-вот начнется отлив, так что к ночи, глядишь, нам засветит старый, добрый маяк на острове Мэй.

— Ну и жара у вас в комнате, капитан, — проговорил дядя. — Невозможно дышать.

— Что поделать, привычка, мистер Бальфур, — отвечал шкипер. — Я постоянно мерзну: холодная, видно, кровь, сэр. Мне что мех, что фланель, что стакан теплого рому — температура, как говорится, выше не станет. Та-

кие люди, как я, сэр, надышались там. Обожжены жаром тропических морей.

— Да, капитан, натуре своей не изменишь, — заметил дядя.

Однако ж случилось так, что причуда шкипера стала одной из причин моих дальнейших несчастий. Как я ни уверял себя, что буду приглядывать за дядей, страстное желание поглядеть на море и нестерпимая духота в комнате скоро произвели свое действие, и, когда дядя предложил мне пойти прогуляться, я тотчас с радостью глупца устремился вон.

Итак, я вышел во двор, оставив двух компаньонов за бутылкой вина среди рассыпанных по столу бумаг, и, перейдя дорогу, спустился к заливу. Ветер утих, берег лизали волны не больше озерной ряби. Но меня удивили водоросли: были тут зеленые, были бурые, длинные, я брал их снизу, и у меня между пальцев лопались пузырьки. Даже вдаль от моря вода остро отдавала солью. Между тем на «Ковенанте» начали ставить паруса, и они замелькали на реях, как белые гроздья. Воображение рисовало мне дальние страны и путешествие по морю.

Я поглядел на матросов в ялике: дюжие молодцы с загорелыми лицами, кто в рубаше, кто в куртке, иные в цветастых шейных платках и у каждого большой нож, пристегнутый в ножнах сбоку. Заговорив с одним из матросов, с виду не таким уж отпетым разбойником, я осведомился о времени отплытия. Он сказал, что бриг снимется с якоря, как только начнется отлив, и прибавил с воодушевлением, что, мол, давно пора, потому что в здешнем порту нет приличных таверн с музыкой. Под конец он присовокупил такую густую брань, что я поспешил отойти в сторону.

Я вспомнил о Рэнсоне — то был сущий ангел среди этой шайки, — а тут как раз он вылетел из трактира и подбежал ко мне, умоляя дать на стакан пунша. Я сказал, что пунша он не получит, ибо мы еще молоды для подобных наклонностей, но вот эля, и вправду, отчего бы не выпить. Рэнсом выругался, принялся, по обыкновению, паясничать и гримасничать, но было видно, что элю он очень обрадовался. Вскоре мы уже сидели в трактире, прихлебывая из кружек и с аппетитом уплетая закуски.

Тут мне вздумалось завязать знакомство с трактирщиком, который, как человек здешний, обо всем знающий, мог оказаться мне довольно полезен. Я сказал, что ставлю ему кружку эля и пригласил к нам за стол, что было в духе обычаев того времени, но, очевидно, мое общество показалось не *очень* лестным этой важной особе. Трактирщик хотел было уйти, но я окликнул его и спросил, не знает ли он мистера Ранкейлора.

— Как не знать, — отвечал он. — Очень приятный, почтеннейший джентльмен. — А позвольте спросить, уж не вы ли пришли с Эбинизером?

Я удовлетворил его любопытство.

— А вы не друг ли ему будете? — спросил трактирщик, разумея под этими словами, не довожусь ли я Эбинизеру родственником, ибо на шотландском наречии слова «друг» и «родственник» звучат одинаково.

Я отвечал, что вовсе не родственник.

— Я так и подумал. А все же вы чем-то напоминаете мне мистера Александра. Что-то в вас есть этакое.

Я заметил, что Эбинизер, как видно, здесь пользуется дурной славой.

— Не то слово: старый прохвост, негодяй. Многие тут у нас мечтают о том, чтобы он болтался на виселице. Скольких он по миру пустил, крова лишил. Вот хотя бы Дженнет Клаустон... Да многие наберутся. А ведь некогда был такой обходительный молодой человек. А потом, как пошли про него слухи, так словно подменили.

— Что за слухи?

— А вот что он мистера Александра-то убил. Да неужто вы не слыхали?

— Да с какой стати ему его убивать?!

— Как, с какой стати? А имение — имение-то он к рукам прибрал.

— Какое? Поместье Шос?

— Вот-вот, какое ж еще.

— Что за вздор. Но позвольте, позвольте, выходит, старшим братом был Александр?

— Разумеется. А иначе зачем ему убивать-то.

С этими словами трактирщик, уже выказывавший признаки нетерпения, поспешил удалиться по своим делам.

Конечно, у меня и прежде были догадки, но одно дело

догадываться, другое же — знать навверное. Я не верил своим ушам, пораженный нежданной удачей. Вообразите, деревенский малый без гроша за душой, истоптав башмаки по пыльным дорогам, через два дня становится обладателем состояния, владельцем обширных угодий и уже на следующий день может вступить во владение. Эти и другие не менее приятные мысли теснились в голове моей, когда я сидел в трактире, мечтательно глядя в окно. Помню только, что взгляд мой остановился на шкипере Хозисоне, стоявшем на молу в окружении матросов и о чем-то с важностью им говорившим. Вскоре он большими шагами направился к трактиру: не той неловкой походкой вразвалку, какой обыкновенно ходят матросы, а твердой, размеренной поступью рослого, сильного, уверенного в себе человека, сохраняя на лице серьезное и спокойное выражение. Я вспомнил, что говорил о шкипере Рэнсом, и вновь усомнился в его рассказах: никак они не вязались с тем, что я только что видел. Конечно, на самом деле шкипер был вовсе не столь уж хорош, как мне представлялось, но и не столь ужасен, как изобразил его Рэнсом. В нем уживались два человека, две половины души, но лучшая ее половина вмиг испарялась, как только Хозисон всходил на свой бриг.

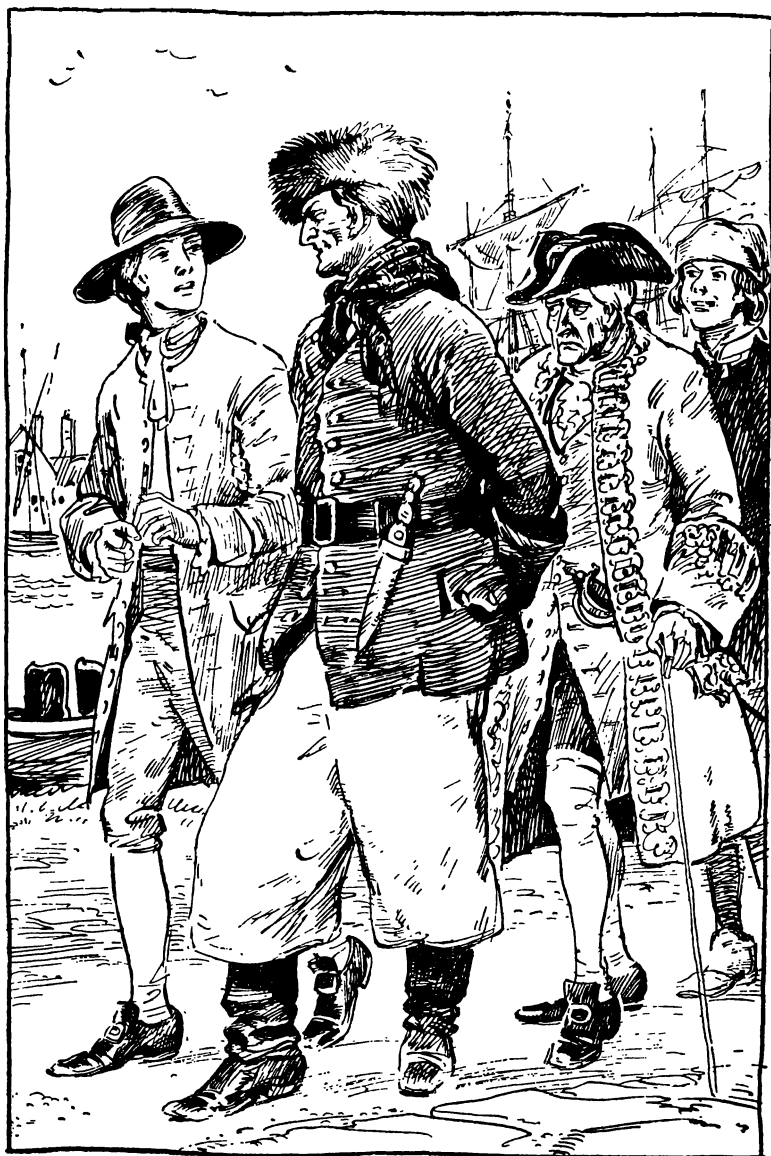
Вскоре меня окликнул дядя. Я вышел во двор. Дядя и шкипер стояли посредине дороги. Шкипер первый заговорил со мной. Тон его был чрезвычайно серьезен, он говорил со мной как равный с равным, что, конечно, не может не льстить юному самолюбию.

— Сэр, — сказал он, — мистер Бальфур весьма высокого о вас мнения. Должен признаться, что и мне вы нравитесь. Жаль, не могу остаться здесь дольше, а то бы мы сошлись покороче. Впрочем, дело еще поправимо. До начала отлива время еще есть. Не хотите ли на полчаса взойти на мой бриг? Выпьем по чарке за наше знакомство.

Трудно описать, как хотелось мне побывать на бриге, но, не желая подвергать себя риску, я сказал, что условился с дядей пойти кстряпчему.

— Да-да, я слышал. Впрочем, шлюпка высадит вас прямо у городского причала, а оттуда до дома Ранкейлора рукой подать.

И тут, наклонясь, он прошептал мне на ухо:

— Берегитесь старой лисы. Он замышляет недоброе. Мне надобно переговорить с вами.

И, взяв меня под руку, он продолжал нарочито громким голосом, направляясь к ялику:

— Так что вам привезти из Каролины? Рад услужить родне мистера Бальфура. Так что же, табак? Индейские украшения из перьев? Шкуру дикого зверя? Пенковую трубку? А может, дрозда-пересмешника, который мяучит не хуже кошки? А то хотите кардинала, птицу, красную, точно кровь? Решайте, за вами выбор, все, что прикажете.

Тем временем мы подошли к ялику, и шкипер принялся меня подсаживать. Я же и не думал противиться — глупец! — я вообразил, что нашел себе доброго товарища, и предвкушал удовольствие от осмотра брига. Только мы сели в ялик, матросы ударили в весла, и мы поплыли. Это новое, очень приятное ощущение — когда шлюпка скользит по волнам, берег открывается все шире и шире, а бриг растет на глазах — взволновало меня так сильно, что я не слушал, о чем говорит шкипер, и отвечал наобум.

Когда мы подошли к борту (тем временем я чуть ли не разинув рот изумлялся высотой брига, слушал, как плещут о его борт волны, как оживленно переговариваются матросы на палубе), шкипер прокричал, чтобы нас первыми поднимали на борт, и приказал спустить с грот-рея¹ канат. Я не заметил, как повис в воздухе, и тотчас же опустился на палубу, где шкипер, проделавший то же самое минутою раньше, с живостью взял меня под руку. Так простоял я несколько минут, ощущая легкое головокружение от качающихся вокруг предметов и, быть может, некоторый страх, между тем Хозисон показывал разные снасти, изъясняя их предназначение.

— А где же дядя? — наконец опомнился я.

— Хм,— помрачнев, холодно усмехнулся он.— И в самом деле — вопрос!

Я понял, что дело плохо. Изловчившись, я вырвался из-под его руки и подбежал к борту. И точно, ялик повернул к берегу, на корме его сидел дядя. Я закричал пронзительно: «На помощь! Убивают!» — казалось,

¹ Грот-рей — поперечный брус у нижнего паруса грот-мачты.

криком этим огласилась вся гавань. Дядя обернулся; я увидел на миг его лицо, оно выражало злобу и ужас.

Но тут чьи-то грубые руки подхватили меня и оттащили от борта. Затем как будто ударило молнией. Перед глазами все вспыхнуло, помутилось — и я упал без чувств.

Глава 7

Я УХОЖУ В МОРЕ НА «КОВЕНАНТЕ»

Придя в себя, я почувствовал острую боль во всем теле; руки и ноги мои были связаны, кругом кромешная тьма и какие-то странные, жуткие грохочущие звуки. Ревело точно у исполинской плотины, слышались всплески волн, стоны, скрипы снастей и яростные крики матросов. И все кругом то взмывало, то падало, раскачиваясь с головокружительной силой. Я был совершенно разбит, боль была страшная; только спустя несколько времени я наконец уяснил, что лежу в трюме этого адского корабля и что на море шторм. Я понял: случилась беда. Мрачное отчаяние, ужас раскаяния в своем безрассудстве, жгучая ненависть к дяде овладели мной, и я снова лишился чувств.

Когда я очнулся, все так же ревело, стонало, качалось из стороны в сторону. К моим страданиям прибавилась еще болезнь, печально известная всем, кто не привык к морю. Много страданий выпало на мою бурную молодость, но никогда мне не было так худо, как в эти первые часы моего пребывания на бриге.

Вдруг раздался пушечный выстрел. Я подумал, что буря усилилась и бриг подает сигнал бедствия. Мысль об освобождении пусть даже ценою гибели в морской пучине ободрила меня несказанно, но я ошибался. Как я потом узнал, то был обычай, заведенный шкипером. Я потому упоминаю о нем в этих записках, что хочу показать читателю, что даже дурные люди не лишены достоинств.

Оказалось, мы проходили тогда в нескольких милях от Дайзерта, где был построен бриг «Ковенант» и где несколько лет тому назад поселилась почтенная миссис Хозисон, мать шкипера. С той поры шел ли «Ковенант» в Дайзерт или из Дайзерта, не было случая, чтобы в этом

месте не палили из пушки и не поднимали флаг в честь славного города.

Я потерял счет времени: в смрадной корабельной утробе день и ночь были неразличимы, а часы в горестном моем положении тянулись вдвое дольше обыкновенного. Поэтому не могу сказать, сколько времени пролежал я так, дожидаясь, когда бриг разобьется и пойдет ко дну, — верно, долго, мучительно долго. Под конец я погрузился в сон.

Проснулся я оттого, что в лицо мне кто-то светил фонарем. Надо мною склонился человек лет тридцати, небольшого роста, с зелеными глазами и с копной взъерошенных рыжих волос.

— Ну что, как дела? — спросил он.

У меня брызнули слезы. Незнакомец пощупал мне пульс, виски, затем обмыл и перевязал рану.

— Да-а, эк тебя сильно. Что, приятель, побаливает? Не хнычь. Это еще не конец света. Ты скверно начал, но у тебя не все потеряно. Есть хочешь?

Я сказал, что не смогу есть, до того мне плохо. Он дал мне в жестяной кружке коньяк, разбавленный водой. Я выпил, и он ушел.

Когда меня снова пришли проводить, я лежал в полусне, с открытыми глазами; от горла как будто бы отлегло, но голова кружилась по-прежнему, и было еще мучительнее. Сверх того, я чувствовал острую боль в конечностях, веревки жгли, как огонь. Зловонный запах трюма, казалось, вошел в мою плоть; к тому же меня терзали всевозможные страхи: то вездесущие корабельные крысы обнюхивали мое лицо, касались его коготками, то наплывали жуткие, лихорадочные видения и всё кружились, кружились перед глазами.

Когда люк открылся и тьму прорезал трепетный луч фонаря, этот луч был для меня словно луч солнца с небес, и, хотя я увидел только толстые бимсы¹ моей темницы, радость моя была несказанна и я едва не заплакал. Первым по трапу спустился мой зеленоглазый знакомец; я заметил, что идет он, пошатываясь. За ним следовал шкипер. Ни тот, ни другой не проговорили ни слова, но первый вновь принялся осматривать мою рану, а Хозисон

¹ Бимс — поперечная балка, поддерживающая палубу.

стал подле, устремив на меня тяжелый, недобрый взгляд.

— Ну вот, извольте убедиться, сэр, — проговорил зеленоглазый. — Горячка. Лежит здесь без света, без пищи. Надеюсь, вы понимаете, что это значит?

— Я вам не лекарь, мистер Райч, — отозвался шкипер.

— Позвольте, сэр! У вас толковая голова на плечах, да и за словом вы в карман не полезете. Но тут уж вам не отговориться. Я хочу, чтоб малого сейчас же вынесли из этой дыры в кубрик.

— Мало ли, что вы хотите, сударь, — возразил шкипер. — На судне распоряжаюсь я. Где он сейчас лежит, там и будет лежать. Здесь ему место.

— Предположим, вам за него хорошо заплатили, только осмелюсь покорнейше заметить, я, сэр, не получал ничего. Да, мне платят жалкое жалование, а между тем я исправляю должность первого помощника на этой старой посудине. И вы прекрасно знаете, как мне достаются деньги. Я работаю! А больше мне ни за что не платят и не платили!

— Если б вы так часто не прикладывались к фляжке, у меня не было бы к вам никаких претензий, — отвечал шкипер. — Уж лучше бы помалкивали, а то все какие-то загадки да недомолвки. Пойдемте, нас ждут наверху, — прибавил он резким тоном и ступил было на трап, но в это мгновение мистер Райч схватил его за рукав.

— А если вам заплатили за убийство!

Хозисон обернулся.

— Что вы сказали?! — в гневе вскричал он. — Что за разговоры на судне?!

— Мне кажется, сэр, вы отлично понимаете, о чем идет речь, — произнес мистер Райч, твердо глядя в лицо шкиперу.

— Мистер Райч, это наше третье плаванье с вами, — проговорил Хозисон. — Пора бы научиться меня понимать. Да, нрав у меня бывает крутой — что правда, то правда, — но то, что вы сейчас сказали, это оскорбительно. У вас, должно быть, злая душа и нечистые мысли. Если вы полагаете, что этот малый может умереть...

— В этом нет сомнения, — прервал его мистер Райч.

— Вы все сказали?! Так вот, переводите его куда хотите!

С этими словами шкипер стал подниматься по трапу,

и я, безмолвно наблюдавший этот странный разговор, увидел, как мистер Райч повернулся и отвесил вслед Хозисону низкий поклон, не иначе как только в насмешку. Несмотря на плачевное свое состояние, я не мог не понять из этого разговора, что помощник шкипера был сильно нетрезв и что пьяный иль трезвый, он может оказать мне неоценимую услугу.

Спустя минут пять меня освободили от пут, взвалили на чью-то мощную спину и, перенеся в кубрик, положили на койку, где в тот же миг я опять потерял сознание.

Каким блаженством показалось мне пробуждение, когда наконец-то я увидел дневной свет и людей рядом. Кубрик был довольно большой, обставленный койками, на которых отдыхали отстоявшие вахту матросы. Одни полулежали, покуривая трубки, иные спали. Ветер утих, погода прояснилась, и люк держали открытым, так что было довольно светло, а время от времени, когда «Ковенант» кренило, заглядывал и солнечный луч в облачке вьющейся пыли, которым я в восхищении любовался. Едва я пошевелинулся, один из матросов принес мне целебный напиток, изготовленный мистером Райчем, наказав лежать, куда я не поправлюсь.

— Кости целы, рана пустяжная, — уведомил он меня. — Да, приятель, это ведь я тебя саданул.

Под надзором матросов я пролежал несколько дней и успел не только совершенно поправиться, но и завести многочисленные знакомства. Конечно, как и большинство моряков, это был народ грубоватый. Оторванные от различных ремесел, осужденные вместе скитаться по бурным морям, эти люди были суровы, жестоки, под стать своему начальству. Некоторые из них плавали прежде с пиратами и насмотрелись на своем веку такого, о чем, право, и говорить совестно. Были в команде и беглые каторжники, сбежавшие с королевских галер; теперь им грозила виселица, из чего, впрочем, они не делали тайны. Каждый из них был горяч, как порох, и под пьяную руку готов был зарезать даже лучшего своего друга. И все же, проведя с этими людьми несколько дней, я принужден был переменить о них мнение, устыдившись своего первого суждения, когда там, на молу, они представлялись мне чуть ли не все отпетыми негодьями. Нет такого сословия, которое было бы

совершенно порочно: у каждого из нас есть свои достоинства и недостатки, и мои новые знакомцы, матросы, не были исключением из общего правила. Конечно, народ они были грубый и в чем-то, я думаю, скверный, но, случалось, они бывали очень добры и часто столь простодушны, что даже я, проводший всю жизнь в деревне, не мог не дивиться их простосердечию. Притом бывали у них и проблески честности.

Был среди них человек лет сорока, который часами просиживал на моей койке, рассказывая о своей семье. Прежде он был рыбаком, но, лишившись лодки, принужден был пуститься в далекие плавания. Много лет минуло с той поры, но я по сей день вспоминаю этого матроса. Напрасно ждала его с моря жена (молодка, как называл он ее); уж никогда поутру не разведет он огня в камине и не помянет ребенка, когда жене занедужится, ибо для многих, кто был на бриге, как показали дальнейшие события, то было последнее плавание: волны да хищные рыбы поглотили их, и потому не хочется мне говорить дурно о мертвых. Право, последнее это дело.

Среди других, оказанных мне благодеяний был возврат моих денег, которые матросы еще в первый день поделили между собой; и хотя состояние мое и уменьшилось почти на целую треть, все же я был несказанно доволен, питая надежду на то, что деньги несколько облегчат мою участь в краях, куда меня насильно везли. Бриг шел к берегам Каролины. Надо заметить, что плыл я в эти места не только изгнанником. Работоторговля в те времена была весьма ограничена, а после восстания колоний, с образованием Соединенных Штатов, разумеется, и вовсе прекратилась, но даже в то время, в пору моей юности, еще нередко случалось, что белых людей отправляли на плантации как невольников. Таковую участь уготовил мне негодяй дядя.

Юнга Рэнсом (от него-то я и узнал обо всех этих ужасах) нередко приходил из каюты в синяках от побоев и то молчал, стиснув зубы, то вдруг начинал кричать, проклиная изверга мистера Шуэна. Сердце мое обливалось кровью; однако ж матросы отзывались о старшем помощнике шкипера с уважением, почитая его «единственным дельным малым среди корабельного сброда» и вовсе не таким уж дурным, «ежели не во хмелю». Действительно,

оба помощника шкипера были, что называется, не без странностей. Мистер Райч в трезвом уме обыкновенно бывал угрюм, сердит и задирист, а мистер Шуэн, приложившись к бутылке,— до того смирен, что казалось, и мухи бы не обидел. Я осведомился о шкипере, но то был поистине железный человек: вино не сказывалось на его настроении.

Во время моих коротких бесед с юнгой я прилагал все старания сделать из него человека, точнее сказать, разумного малого. Увы, разум Рэнсома едва ли достоин был названия человеческого. Он не мог припомнить решительно ничего примечательного из годов, предшествовавших его выходу в море, разве лишь то, что отец его изготовлял часы с боем, а в гостиной у них жил скворец, который насвистывал песню «Северная страна». Прочие впечатления от бесконечных странствий, мытарств и побоев изгладились из его памяти начисто. Мнение о суше, почерпнутое из матросских рассказов, было у него весьма своеобразное. По его понятиям, это было гиблое место, где юношей отдавали в неволю, именуемую ремеслом, где подмастерьев каждодневно пороли, а потом запирали в зловонные подвалы. В городе, утверждал Рэнсом, половина жителей — подлецы и мошенники, а что ни дом, то западня, где матроса, того и гляди, опоят, а потом прирежут. Я, конечно, оспаривал это мнение, приводя в пример свою жизнь в Эссендине, доброе обхождение, сытный стол и приличное образование, которое дали мне родители и друзья. При этом юнга, ежели не бывал бит накануне, пускался в слезы, божился, что сбежит с брига; но, находясь в своем обыкновенном состоянии или еще того пуще, хлебнув куражу в стакане вина, начинал хохотать и отпускать насмешки.

Стакан подносил ему мистер Райч (да простит его бог!), несомненно, из самых благих побуждений; однако хмель, не говоря уж о вреде здоровью, превращал юнгу в жалкое, неприглядное существо. Печальное зрелище являл собой этот несчастный, всеми презираемый малый, когда, пошатываясь, начинал приплясывать и нести несусветную околесицу. Матросы над ним потешались, но далеко не все; иные делались мрачнее тучи, быть может вспомнив свои молодые годы, своих детей, оставшихся на берегу, и требовали прекратить безобразие. Что до меня,

то мне было совестно наблюдать кривляния Рэнсома, да и по сей день он часто является мне во сне — жалкое, беспомощное создание.

Между тем «Ковенант» боролся со встречными ветрами и волнами, и качка была сильная. Люк был все время задраен, и кубрик освещался лишь фонарем, подвешенным к бимсу. Работы хватало на всех: паруса то ставили, то убавляли, и так что ни час. Напряжение сказывалось на всей команде: днем и ночью слышались брань и крики; на палубу меня не выпускали, так что можете себе представить, как опостылело мне заточение и с каким нетерпением я ожидал избавления.

И избавление это наступило. Но прежде, чем я приступлю к описанию тех событий, расскажу вам о разговоре с мистером Райчем, разговоре, одушевившем меня надеждами. Застав помощника шкипера в состоянии благосклонного опьянения (а нужно заметить, что, трезвый, он даже не глядел в мою сторону), я взял с него слово хранить тайну и поведал печальную свою историю.

Он сказал, что рассказ мой похож на балладу, но как бы то ни было, он готов мне помочь, только прежде я должен раздобыть чернила, перо и бумагу и написать два письма: одно мистеру Кэмпбеллу, другое мистеру Ранкейлору; и тогда, если, конечно, я ничего ему не приврал, десять против одного, что удастся (разумеется, с помощью этих особ) вызволить меня из беды и восстановить в законных правах.

— Не отчаивайся, — ободрял он меня, — уж поверь, не с тобою первым такое случается. Сколько юных джентльменов должны бы, казалось, сейчас наслаждаться покоем в своих имениях. А где они? За морем, мотыжат табачные плантации. Превратности судьбы, мой друг. Жизнь пестра, как ковер, в лучшем для нас, разумеется, случае. Взять, к примеру, меня. Сын лэрда, выдержал экзамен на доктора, и что же, — как видишь, на побегушках у Хозисона.

Из вежливости я попросил его рассказать, что за история с ним приключилась.

Он присвистнул.

— Таковой не имею. Большой охотник был пошутить, вот и все.

И с этими словами он удалился.

ШКИПЕРСКАЯ КАЮТА

Однажды часов в одиннадцать вечера в кубрик спустился забрать свою куртку матрос из вахты мистера Райча, и тотчас прошел по рядам слух, будто Шуэн «доконал-таки малого». В уточнениях нужды не было, все понимали, о ком шла речь. Не успели мы толком уяснить, что случилось, — люк открылся и по трапу сошел Хозисон. Несколько мгновений он пристально оглядывал ряды коек, освещенных раскачивающимся фонарем, и вдруг направился прямо ко мне.

— Вот что, любезный. Нам требуются твои услуги в каюте, — сказал он тоном почти ласковым. — Ты с Рэнсомом поменяешься койками. Ну, что ты стоишь, ступай на корму, живо!

Не успел он договорить — люк снова открылся и в кубрик сошли два матроса. Они несли Рэнсома. В эту минуту бриг резко накренило, фонарь закачался, осветив на мгновение лицо юнги, бледное словно воск, с застывшей на губах улыбкой — улыбкой мертвеца. Кровь застыла у меня в жилах, дыхание перехватило.

— Что стоишь?! Ступай, тебе говорят, — закричал Хозисон.

Я прошмыгнул мимо матросов, держащих неподвижное тело юнги, и по трапу взбежал на палубу. Бриг летел наперерез пенистой длинной волне. Мы шли правым галсом¹, и слева, под шкаториной фока² я увидел багряный закат. Это меня удивило, ведь время было уже к ночи. Разумеется, я не мог и предположить, что мы обходили Шотландию с севера и лишь недавно, избежав опасных течений в заливе Пентленд-Ферт, вышли в открытое море между Оркнейскими и Шетлендскими островами. Мне же, проводшему несколько дней в полутемном кубрике, ничего не знавшему о встречных ветрах, представлялось тогда, будто мы уже прошли половину пути и находимся

¹ Г а л с — курс судна относительно ветра; например, правым галсом, т. е. оно обращено к ветру правым бортом.

² Ш к а т о р и н а — кромка паруса, обшитая веревкой. Ф о к — нижний прямой парус на передней мачте (фок-мачте), крепящийся к фок-рею.

где-то посредине Атлантического океана. Подивившись позднему закату, я, однако, не придавал ему никакого значения и тотчас побежал дальше по палубе, увертываясь от захлестывающих волн, то и дело хватаясь за леера¹. Еще немного, и меня смыло бы за борт. Хорошо, на помощь подоспел матрос; он и раньше выказывал ко мне расположение.

Шкиперская каюта, где предстояло мне спать и прислуживать, возвышалась над палубой футов² на шесть и для торгового брига была довольно большой. В ней размещались стол, скамья и две койки: одна — шкипера, другая — его помощников, которые спали на ней поочередно, отстояв свою вахту. По стенам снизу доверху крепились рундуки³ и шкафчики, в которых хранилось имущество судового начальства, а также часть судовых запасов. Внизу находилась кладовая, куда можно было войти через люк посредине каюты. Там размещалась добрая часть провизии и весь порох. Все огнестрельное оружие, исключая разве две медные пушки, стояло в козлах у задней кормовой стены. Большая часть кортиков находилась в другом месте.

Днем освещали каюту световой люк и небольшое окно со ставнями изнутри и снаружи, а с наступлением сумерек засвечивалась лампа. Она горела и в ту минуту, когда я вошел, не очень ярко, однако же и не тускло, то есть именно так, что я мог разглядеть мистера Шуэна, сидевшего за столом в обществе бутылки коньяка и жестяной кружки. Он был высокого роста, широкоплеч и очень черен. Он глядел на бутылку с видом совершенного отупения.

Мистер Шуэн меня не заметил. Он даже не пошевелился, когда вошел шкипер и, став у койки подле меня, устремил на него суровый взор. Я боялся Хозисона, как огня, у меня были на то причины, но в эту минуту я понял, что сейчас мне нечего его страшиться.

— Что с юнгой? — прошептал я.

Леер — туго натянутая веревка, закрепленная с обеих сторон, применяется для крепления косых парусов и как приспособление, предохраняющее от падения людей за борт.

² Фут равняется 0,3048 метра.

³ Рундук — закрытые нары для разной поклажи на судне.

Он покачал головой, как бы говоря, что не знает и знать ничего не желает; лицо его было очень сурово.

Вскоре в каюту вошел мистер Райч и, бросив на шкипера значительный взгляд, по которому без слов стало ясно, что юнга умер, стал подле нас, и теперь уже мы втроем молча глядели сверху на мистера Шуэна, а тот, в свою очередь так же молча, сидел неподвижно, потупясь, уперев глаза в стол. Внезапно рука его потянулась к бутылке. Тогда мистер Райч шагнул вперед и вырвал бутылку у мистера Шуэна движением не столько грубым, как неожиданным. Он закричал, что больше так продолжаться не может, что бриг и так весь запятнан кровью и что его, то есть бриг, ожидает возмездие. С этими словами он бросил бутылку в море, через наветренное окно, ставни которого были открыты.

Мистер Шуэн сразу вскочил на ноги. Красные глаза его были мутны, но в них сквозила лютая злоба. Он готов был убить мистера Райча и убил бы сию же минуту, загубив в тот день и вторую душу, но тут меж ним и его жертвой стал Хозисон.

— Сесть! — вскричал шкипер. — Пьяная свинья! Вы хоть знаете, что вы наделали? Вы отправили на тот свет юнгу.

Мистер Шуэн, казалось, все понял; он тотчас опустился на стул и понурил голову, оперев ее на свою тяжелую руку.

— Э-э-э, — пробормотал он. — Да ведь он подал мне грязную кружку.

При этих словах мы трое — шкипер, мистер Райч и я — встревоженно переглянулись. Затем Хозисон подошел к пьяному помощнику, взял его под руки и потащил к койке, приказав ему спать, но таким тоном, точно перед ним был ребенок. Убийца несколько раз всхлипнул, затем послушно снял сапоги и повалился спать.

— Так вот, значит, как! — неожиданно гневным голосом вскричал мистер Райч. — Чтобы вам раньше вмешаться! А теперь поздно, без толку!

— Мистер Райч, — проговорил шкипер. — Попрошу запомнить: того, что сегодня случилось, не должны знать в Дайзерте. Юнгу снесло волной. Волной, вам ясно? Я готов отдать пять фунтов тому, кто подтвердит это. —

С этими словами он повернулся было к столу.— Да, кстати, зачем вы выкинули бутылку? Не понимаю, какой смысл. Эй, Дэвид, подай-ка нам коньяка. Он в нижнем рундуке.— И шкипер бросил мне ключ.— Вам нужно выпить, сударь. Скверное было зрелище.

Они сели друг против друга, наполнили кружки и осушили их залпом. В эту минуту убийца, дотоле жалобно стонавший на койке, приподнял голову и, облокотившись на руку, обвел нас троих мутным взглядом.

Так началась моя служба в шкиперской каюте. Уже на другой день я вполне освоился со своими обязанностями. Я должен был прислуживать за столом. Садились за него обыкновенно двое: шкипер и свободный от вахты один из его помощников. Вино требовалось поминутно, весь день проходил в бегах, а ночью я постилал у кормовой стены себе одеяло и ложился спать на палубных досках, на сквозняке, при открытых дверях. Ложе мое было жесткое и холодное, спать приходилось урывками, потому что время от времени кто-нибудь поднимался в каюту освежить себе горло. Перед каждой вахтой за стол усаживались все трое, с тем чтоб отпраздновать это событие. Как умудрялись они пребывать в полном здравии после таких возлияний,— право, загадка, и уж тем более удивительно, как умудрился я пережить это время. Впрочем, служба меня не очень отягощала. Скатерть на бриге не постилалась, а еда была непривлекательна: овсяная каша да солонина и для разнообразия два раза в неделю пудинг с салом. Несмотря на то, что по своей нерасторопности, а также от сильной качки я частенько падал, роняя на пол бутылки и кушанья, шкипер и мистер Райч проявляли удивительное терпение. Вероятно, их мучили угрызения совести, и они хотели хоть как-нибудь искупить свои грехи. Впрочем, не обойдись они столь жестоко с Рэнсомом, вряд ли бы они выказывали такое ко мне снисхождение.

Что же касается мистера Шуэна, то вино ли, убийство ли Рэнсома (очевидно, то и другое) основательно повредили его рассудок. Не припомню случая, чтобы он пребывал в здравом уме. Он никак не мог истолковать себе мое присутствие, беспрестанно таращил на меня глаза (подчас в них изображался ужас) и нередко отшатывался, когда я стоял подле, подавая ему какое-нибудь кушанье. Было видно, что он не отдавал себе отчета в случившемся,

и уже на второй день я получил наглядное тому доказательство. Мы были одни, он долго и тупо глядел на меня, а потом вдруг вскочил со своего места, бледный как смерть, и, к моему ужасу, направился прямо ко мне. Но мои опасения были напрасны.

— Тебя прежде здесь не было? — вопрошал он.

— Нет, сэр.

— А что, разве был другой малый?

Я отвечал, что был.

— Да, так я и думал, — мрачно сказал мистер Шуэн и, возвратясь на свое место, больше уже со мной не заговаривал — попросил только коньяку.

Быть может, читателю покажется странным, но, право, несмотря на ужас, который я испытывал к этому человеку, мне было неизъяснимо жаль его. Он был женат, жена его жила в Лейсе, но вот были ли у него дети, уже не помню. Надеюсь, что нет.

Итак, моя жизнь на новом месте — а как вы скоро узнаете, долго прислуживать мне не пришлось — была на первый взгляд сносной. Я питался тем же, чем питались шкипер и его помощники, дозволялась мне притом и судовая роскошь — приправы из маринованных овощей, а при желании я мог бы и пить с утра до ночи «мертвую», подобно мистеру Шуэну. К тому же я как-никак находился в обществе, и в некотором смысле вполне приличном. Мистер Райч, учившийся некогда в колледже, порой заводил со мной дружеские беседы, разумеется, когда бывал в духе. Из его рассказов я узнал много любопытного и поучительного. И даже шкипер, обыкновенно державший меня на дистанции, порой смягчал свой нрав и пускался в рассказы о дальних странах, в которых ему довелось побывать.

Должен признаться, тень несчастного Рэнсома преследовала нас неотступно, особенно меня и мистера Шуэна. Но не только это тревожило меня. Я состоял в услужении у людей, которых в душе презирал, один из них достоин был виселицы, — таково было мое настоящее положение. Что же касается будущего, то оно представлялось мне тяжкой неволей, в которой я осужден был возделывать табак вместе с неграми. Мистер Райч, быть может, из предосторожности не позволял мне возвращаться к старому разговору. Я попытался было объяснитьсь со шки-

пером, но он даже слушать меня не стал и отогнал прочь, как собаку. Время шло, и с каждым днем на душе у меня становилось все тревожнее и тревожнее, и даже служба уже не была мне в тягость: она давала возможность забыться, не думать о мрачном будущем, уготованном мне в Каролине.

Глава 9

ЧЕЛОВЕК С ПОЯСОМ, ПОЛНЫМ ЗОЛОТА

Прошло чуть более недели, и стало очевидно, что нас преследует злой рок. В иной день судно подвигалось вперед, но на другой — его на многие мили относил в сторону. Наконец нас отнесло так далеко к югу, что весь девятый день напролет мы кружили, лавируя неподалеку от скалистых берегов мыса Рат, которые виднелись справа и слева по борту. Собрались на совет шкипер и его помощники и вынесли решение, суть которого я не мог уяснить себе толком, но последствия его были явны: обратив противный ветер в попутный, мы стремительно шли на юг.

На десятый день после полудня волны постепенно утихли, море затянуло белым туманом, да таким плотным, что с кормы не стало видно бака¹. Все это время, когда случалось мне выходить на палубу, я видел, что шкипер с помощниками и матросы толпятся у фальшборта² и настороженно к чему-то прислушиваются. «Буруны!»³ — расслышал я, и, хотя значение этого слова было для меня темно, мысль о грозящей опасности взволновала меня несказанно.

Около десяти часов вечера я подавал ужин шкиперу и мистеру Райчу, как вдруг послышался страшный треск — похоже, бриг на что-то наткнулся — и вслед за тем раздались пронзительные крики. Оба моих начальника вскочили со своих мест.

¹ Ба к — носовая часть верхней палубы.

² Ф а л ь ш б о р т — продолжение борта выше палубы.

³ Б у р у н — волна, разбивающаяся о подводные препятствия.

— Неужели разбились? — проговорил мистер Райч.
— Ошибаетесь, сударь, — отвечал шкипер. — Это всего лишь лодка. Как видно, мы ее опрокинули.

И они поспешили на палубу.

Шкипер оказался прав. В тумане мы наскочили на лодку, и она, разлетевшись надвое, пошла ко дну со всею командой. Уцелел только один человек. Он, как я потом узнал, был пассажиром и сидел на корме; остальные ж, гребцы, сидели на банках. В момент столкновения корму лодки подбросило в воздух, и пассажир (руки его были не заняты, и мешал ему разве что фризový плащ, длинный, по самые щиколотки) подпрыгнул и ухватился за бушприт¹ брига. То, что он умудрился выйти целым и невредимым из столь опасной для него переделки, свидетельствовало не только о его удачливости, но также о его незаурядной ловкости и силе. А между тем, когда шкипер ввел его в каюту и я увидел лицо незнакомца, ничто не выдавало его волнения и он казался не более обеспокоен случившимся, нежели я в ту минуту.

Росту он был невысокого, зато великолепно сложен и легок и быстр в движениях, как олень. Лицо его было покрыто темным загаром, сквозь который обильно проступали веснушки и следы оспы, но оно было приятно благодаря открытому взгляду. Глаза, необычайно подвижные, светлые, искрились каким-то безумным блеском; они притягивали к себе и вместе с тем настораживали. Сняв плащ, незнакомец положил на стол пару пистолетов с великолепной серебряной отделкой, и я заметил, что к поясу его пристегнута длинная шпага. Манеры его были изящны и благородны; надо было видеть, как выпил он чарку за здоровье шкипера. При первом же взгляде на этого человека я понял, что гораздо лучше быть его другом, чем недругом.

Шкипер, со своей стороны, тоже, казалось, присматривался к незнакомцу, но скорее не к нему самому, а к его одежде. И в самом деле, как только фризový плащ был снят, незнакомец предстал в наряде чересчур пышном для торгового брига. На нем была шляпа с перьями, красный камзол, черные плисовые штаны и синий кафтан с серебряными пуговицами и с серебряными галунами,

¹ Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выступающий перед носом корабля.

правда несколько пострадавший от морского тумана и долгого путешествия, — очевидно, его обладатель спал в нем не одну ночь.

— Примите мое искреннее сожаление по поводу гибели вашей лодки, — сказал шкипер.

— Храбрые были люди, — заметил незнакомец. — Я предпочел бы, чтобы с моря вернулись они, а не лодка, пусть даже дюжины две таких лодок.

— Там были ваши друзья? — спросил Хозисон.

— В ваших краях таких друзей не найти, — последовал ответ. — Они были преданы мне, как собаки. Головы готовы были за меня сложить.

— Да, сэр, — проговорил шкипер, не спуская глаз с лица собеседника. — Людей на свете много, чего не скажешь о лодках.

— Что ж, справедливое замечание! — воскликнул незнакомец. — Я смотрю, вы не лишены проникательности.

— Я был во Франции, сэр, — отвечал шкипер с явную многозначительностью.

— Не вижу в этом ничего удивительного. Там побывали многие удалцы.

— Несомненно, сэр, по кое-кого влекут туда пышные мундиры.

— О, так это намек! — вскричал незнакомец, и рука его опустилась на пистолеты.

— Не горячитесь, сударь, — промолвил шкипер. — Не вижу повода. Выстрелить — дело нехитрое. На вас французский мундир, но язык-то вас выдает. Сразу видно, шотландский. Что ж, ваша судьба — судьба многих честных людей в наше время. Я не осмеливаюсь их осуждать.

— Так, стало быть, вы принадлежите к честной партии? — спросил джентльмен в синем кафтане. Он подразумевал партию якобитов¹, ибо в междоусобных раздорах каждая из противоборствующих сторон закрепляла за собой привилегию именоваться честной.

— Я ревностный протестант, сэр, и благодарю бога за это...

¹ Якобитами называли сторонников шотландской королевской фамилии Стюартов, католиков по вероисповеданию. Названы так по имени короля Иакова Второго.

Никогда прежде Хозисон не говорил о религии, но, как я узнал впоследствии, он был набожен и, когда только сходил на берег, спешил в церковь.

— Но у меня достанет сочувствия к человеку, — продолжал он, — который приперт к стене.

— Что ж, хорошо, коли так. Должен вам откровенно признаться, я один из тех честных дворян, которые в сорок пятом и в сорок шестом годах потерпели крушение¹. И чтобы быть уж до конца откровенным, скажу вам прямо: если я попаду в руки господ в красных мундирах², мне придется не весело. Так вот, сударь, я направлялся во Францию. Меня встречал в этих водах французский корабль, но в тумане он нас не заметил и прошел стороной, чего, весьма сожалею, не сделали вы. И вот что остается добавить: если вы доставите меня к месту моего назначения, я вас щедро отблагодарю за труды и проявленную заботу.

— Во Францию? — переспросил шкипер. — Нет, сэр. Это никак невозможно. Но в ваши родные края, извольте, доставлю. Это мы еще успеем обтолковать.

Тут, к сожалению, шкипер заметил, что я стою и слушаю в углу каюты, и тотчас отослал меня в камбуз³ принести джентльмену ужин. Надо ли говорить, что я обернулся единым духом. Войдя в каюту, я увидел, что незнакомец снял с себя пояс с деньгами и, развязав его, бросил на стол две гинеи. Шкипер поглядел на гинеи, потом на пояс, потом на его обладателя и, мне показалось, пришел в волнение.

— Половину этого, и я к вашим услугам! — воскликнул он.

Незнакомец быстро смахнул со стола гинеи и, положив их обратно в пояс, повязал его под камзол.

— Я, кажется, говорил вам, сэр, ни один пенс не принадлежит мне. Это деньги предводителя нашего клана. — При этих словах он гордо заломил шляпу. — Я был бы нерадивым посыльным, если бы поскупился толикой

¹ Имеется в виду самое крупное и последнее восстание шотландских якобитов 1745—1746 гг. за престол.

² Красные мундиры носили английские солдаты.

³ Камбуз — корабельная кухня.

этих денег и не довез в целости остальное. Но я оказался бы последним негодяем, канальей, если бы столь дорого оценил свою голову. Тридцать гиней за высадку на ближайший берег или же шестьдесят, если доставите меня в Линни-Лох. Решайте, это мое последнее слово. Если вам этого не довольно, что ж, весьма сожалею, вы же и прогадаете.

— Ах, так! — сказал Хозисон. — А если я выдам вас кому следует?

— Вы поступите весьма опрометчиво, — отвечал незнакомец. — Да будет вам известно, что, как и у всякого честного дворянина в Шотландии, земли моего вождя конфискованы. Его имение прибрал к рукам некто, именующий себя королем Георгом, а собирают доходы чиновники, вернее, пытаются собирать. Но к чести Шотландии бедные арендаторы еще не забыли своего вождя, который томится в изгнании. Эти гиней составляют часть той ренты, которую с нетерпением ожидает король Георг. Так вот, сударь, судите сами (вы кажется мне человеком смышленным): вы привозите эти деньги туда, где рыщут чиновники, и что же, спрашивается, вам от них останется?

— Гроши, что правда, то правда, — отвечал Хозисон и, подумав, сухо примолвил: — Если они узнают, но ведь могут и не узнать. Придержи я только язык за зубами...

— Превосходно, но я-то выведу вас на чистую воду. Придуманно хитро, но я-то вас похитрее. Как только меня возьмут под стражу, я не стану скрывать, что за деньги я вез.

— Что ж, хорошо, я согласен. Шестьдесят гиней — и дело с концом. Так что, по рукам?

— По рукам, — сказал дворянин, и они обменялись рукопожатиями. Затем шкипер удалился (мне показалось, довольно поспешно), и я остался наедине с незнакомцем.

В те времена, когда свежи еще были в памяти события сорок пятого года, многие дворяне-изгнанники, невзирая на грозившую им смертную казнь, приезжали тайком на родину, чтобы повидаться с друзьями и родственниками, а иногда и затем, чтобы собрать себе некоторое вспоможение. Что касается вождей кланов, лишенных своих владений, то приходилось нередко слышать, что их арендаторы, случалось, отказывали себе во всем, лишь бы ото-

слать им денег, а их сородичи, дабы собрать эту сумму, совершали дерзкие переходы под самым носом у королевских войск и, перевозя ее, проплывали сквозь строй великого сторожевого флота нашей державы. Конечно, все это я знал из рассказов, но вот предо мною был человек, которого ожидала смертная казнь не только за контрабанду и участие в мятеже, но за еще более тяжкий проступок, ибо служил он французскому королю Людовику! Сверх того (хотя казалось бы, куда уж больше) на нем был пояс с золотыми гинейми. Каково бы ни было мое мнение об этом человеке, я не мог не взирать на него с нескрываемым любопытством.

— Так, стало быть, вы якобит? — сказал я, подавая ему ужин.

— Да, — отвечал он, принимаясь за трапезу. — А ты, судя по твоему печально вытянутому лицу, не иначе как виг?

— Да так, ни то ни сё, — сказал я, не желая досадить ему своим ответом, хотя на самом деле я был вигом, насколько, конечно, мистеру Кэмпбеллу удалось из меня такового сделать.

— Иными словами, ничто, — улыбнулся он. — Однако послушайте, мистер Ни-то-ни-се, эту бутылку уже осушили. Будет весьма прискорбно, если с меня возьмут шестьдесят гиней и еще вдобавок изморят жаждой.

— Погодите минуту, я схожу за ключом, — сказал я и вышел на палубу.

Туман еще больше сгустился, волны почти утихли. Поскольку определить наше точное местонахождение не было никакой возможности, а ветер, каким бы слабым он ни был, не мог удерживать на верном курсе, мы были вынуждены лечь в дрейф¹. Несколько матросов по-прежнему прислушивались к бурунам, но шкипера и помощников среди них не было. Они стояли на шкафуте² и с жаром совещались о чем-то. Не знаю отчего, но мне показалось, что замышляют они недоброе. И точно, подойдя ближе, я услышал слова, которые подтвердили мои подозрения.

¹ Лечь в дрейф — расположить паруса так, чтобы судно оставалось почти неподвижным.

² Шкафут — часть верхней палубы между фок-мачтой и грот-мачтой.

Говорил мистер Райч, который после некоторого раздумья, казалось, напал на нужную мысль:

— А нельзя ли нам как-нибудь выманить его из каюты?

— Нет уж, пускай остается там,— возразил шкипер.— В каюте довольно тесно, там шпагою не размахнешься.

— Да, но и взять его будет не просто.

— Отчего же. Попытаемся отвлечь его разговором, зайдём с боков. А не выйдет, так чего проще: ворвемся в двери. Он и опомниться не успеет.

При этих словах меня охватил страх, но его заглушила ненависть к моим похитителям, жадным вероломным убийцам. Я хотел было убежать, но жажда мести придала мне решимости.

— Господин шкипер,— воскликнул я,— джентльмен в каюте просит вина, а в бутылке ничего не осталось. Позвольте ключ, я подам ему другую.

Все трое вздрогнули и обернулись.

— Ба! Вот случай достать оттуда оружие! — воскликнул мистер Райч и обратился ко мне со словами: — Послушай, Дэвид, ты ведь знаешь, где хранятся у нас пистолеты?

— Дэвид знает,— ответил за меня Хозисон.— Дэвид славный малый. Видишь ли, Дэвид, мой мальчик, этот дикий горец очень опасен, он тут на судне натворит бед. И к тому же он враг королю Георгу. Да хранит господь нашего короля.

Никогда прежде на «Ковенанте» мне не оказывали такого внимания. Я отвечал согласием, как будто все, о чем они только что говорили, было для меня в порядке вещей.

— Вся беда в том,— пояснил шкипер,— что все огнестрельное оружие находится в каюте, у него под носом. Там же и порох. Если я или кто-либо из моих помощников станет у него на глазах собирать оружие, он явно заподозрит недоброе. Другое дело ты, Дэвид. Что тебе стоит прихватить пару пистолетов да рог с порохом. Он тебе и слова не скажет. Если ты это дело умно обделаешь, я уж как-нибудь о том не забуду, когда там, в Каролине, ты вспомнишь про добрых друзей, а друзья-то твои далеко.

Тут мистер Райч что-то прошептал ему на ухо.

— Это вы верно, сэр, изволили заметить, — сказал шкипер и обратился ко мне: — Запомни, Дэвид, у этого человека имеется пояс с золотом. Так вот, и тебе кое-что из него перепадет. Слово тебе даю.

Я отвечал, что готов исполнить его поручение, хотя у меня едва доставало духу говорить с этим человеком. Шкипер дал мне ключ от винного рундука, и я тихо пошел к каюте. Что же мне делать, раздумывал я. Воры и негодяи, они похитили меня и везут на чужбину. Они убили бедного Рэнсома. Так неужели мне им потворствовать? Пособничать им в еще одном убийстве? Но с другой стороны, было страшно. Смерть, неминуемая смерть ожидала меня, ибо разве могли устоять один человек да юнец, будь они даже храбры как львы, против всей команды.

В смятении вошел я в каюту и увидел при свете лампы моего якобита, неспешно поедающего свой ужин. Я взглянул на него и вмиг решился. Нет, не моя заслуга в том, я ни на что не решился, но совершенно невольно, движимый некою силой, подошел к незнакомцу и, положив ему на плечо руку, спросил:

— Вы хотите, чтобы вас убили?

Он вскочил и устремил на меня вопросительный, полный недоумения взгляд.

— Здесь все убийцы! — вскричал я. — Они убили юнгу. Теперь пришел и ваш черед.

— Так-так! Однако ж прежде им надо будет меня одолеть, — сказал незнакомец и, оглядев меня с любопытством, воскликнул: — А ты? Ты за меня?

— Да, за вас. Я не хочу быть вором, я не хочу запятнать себя кровью. Я буду держать вашу сторону!

— О, ваше имя, юноша?

— Дэвид Бальфур, — отвечал я и, подумав, что обладатель столь изысканного кафтана, несомненно, привык к порядочному обществу, почел нужным прибавить: — Бальфур из Шоса.

Ему же и в голову, видимо, не пришло усомниться в моем ответе — горцы привыкли видеть цвет своего дворянства прозябающим в нищете. Но поскольку поместья у него, разумеется, не было, то мои слова уязвили ре-

баческое тщеславие, коим в избытке был наделен этот человек.

— Я из рода Стюартов,— приосанясь, объявил он.— Алан Брек — честь имею представиться. Довольно того, что я принадлежу к королевскому роду, и, хотя имя мое звучит просто, я не прибавляю к нему названий унавоженных ферм, которых у меня нет.

И, отпустив эту колкость, как будто решалось дело первейшей важности, он приступил к обсуждению наших возможностей.

Шкиперская каюта сбита была на славу, так прочно, что ей не страшны были даже морские валы. Из пяти проемов ее войти можно было лишь в световой люк и две двери. Двери можно было закрыть наглухо; были они из крепкого дуба, с крюками, так что при случае их можно было и запереть. Одну дверь я уже запер и хотел было приняться за другую, но Алан остановил меня.

— Дэвид,— сказал он,— к сожалению, не могу припомнить название твоего поместья, а потому осмелюсь называть тебя попросту Дэвид,— эта открытая дверь — лучшее средство защиты в моей стратегии.

— А не лучше ли будет все же закрыть ее?

— Ни в коем случае! — воскликнул Алан.— Видишь ли, у меня, как известно, одно лицо. И коль скоро эта дверь останется открытой, а я буду стоять лицом к ней, то главные неприятельские силы окажутся прямо передо мной, чего я им и желаю.

Затем после тщательнейшего осмотра он взял с козел кортик (кроме огнестрельного оружия, там было несколько кортиков) и, покачав головой, заметил, что отроду не видал таких скверных клинков.

Тогда он усадил меня за стол и велел заряжать все пистолеты, снабдив меня пороховницей и сумкою с пулями.

— Позволю себе заметить,— сказал он,— человеку благородного происхождения эта работа куда больше к лицу, чем скрести тарелки и подавать вино неотесанным морякам.

С этими словами Алан стал посередине каюты, лицом к двери, обнажил свою шпагу и сделал выпад, как бы желая удостовериться, можно ли фехтовать в каюте.

— Придется только колоть, — покачав головой, сказал он. — А право, жаль. Я не смогу показать вполне свое фехтовальное искусство и наносить им удары сверху, которые мне особенно удаются. А теперь дозаряди пистолеты и слушай меня.

Я отвечал готовностью. Сердце мое стеснила тревога, во рту пересохло, в глазах потемнело. Мысль, что многочисленный неприятель скоро ворвется в каюту, повергала меня в трепет. Море, плещущее за бортом, куда в скором времени, не успеет еще заняться рассвет, выбросят мое охладелое тело, пронеслось невольно перед моим мысленным взором.

— А каковы силы неприятеля, интересно узнать? — спросил Алан.

Я подсчитал, но в голове у меня была такая сумятица, что пришлось пересчитать еще два раза.

— Пятнадцать человек, — наконец проговорил я.

Алан присвистнул.

— Что ж, делать нечего. А теперь слушай меня внимательно. Я буду оборонять дверь, где предстоит главная баталия. Ты в это дело не вмешивайся. И прошу в эту сторону не стрелять, стреляй только тогда, как увидишь, что я упаду. Уж лучше иметь перед собою десятерых противников, чем позади союзника, который, того и гляди, прострелит тебе спину.

Я сказал, что стрелок я и вправду скверный.

— Bravo! Достойный ответ! — вскричал он в восторге от моего чистосердечия. — Немногие из храбрецов решились бы на такое признание.

— Однако, сэр, позади нас еще одна дверь, они могут ее выломать.

— Верно. Эту дверь ты возьмешь на себя. Как только зарядишь пистолеты, полезай на эту койку — оттуда лучше приглядывать за окном. А начнут ломиться в дверь — стреляй без промедления. Что ж, сударь, пора вам набираться солдатского опыта. Что ты еще должен оборонять?

— Люк. Но право, мистер Стюарт, надо иметь глаза на затылке, чтобы не выпускать из виду и люк и дверь. Если я повернусь лицом к двери, то не замечу, как они ползут в люк.

— Верно, но уши-то у тебя для чего?

— И вправду! — воскликнул я. — Я услышу, как разобьется стекло.

— Ты не лишен некоторой сообразительности, — мрачно сказал Алан.

Глава 10

ОСАДА ШКИПЕРСКОЙ КАЮТЫ

Между тем время мирных бесед кончилось. На палубе долго ждали моего возвращения и, не дождавшись, решили проверить, в чем дело. Не успел Алан договорить, как в открытых дверях показался шкипер.

— Стоять! Ни с места! — крикнул Алан и направил на него острое шпаги.

Шкипер остановился, но не дрогнул, не отпрянул назад.

— Обнаженная шпага? — усмехнулся он. — Станный ответ на гостеприимство.

— Знаете ли вы, кто перед вами?! — вскричал Алан. — Я потомок королей! У меня королевское имя. На моем гербе — дуб. Видите эту шпагу? Она отправила на тот свет столько вигов, сколько вам по пальцам не пересчитать. Зовите шайку ваших приспешников, сударь, и нападайте. Чем скорее начнется дело, тем скорее вы почувствуете вкус моего стального клинка.

Шкипер ничего не сказал Алану, но зловеще взглянул поверх его плеча на меня.

— Я припомню тебе это, Дэвид, — проговорил он сквозь зубы, и от его голоса у меня по спине пробежала дрожь.

С этими словами он удалился.

— А теперь, — сказал мне Алан, — гляди в оба, держись, сейчас начнется.

Он вынул из ножен кинжал и оставил его в левой руке на случай, если его противникам удастся проскочить под поднятой шпагой. С тяжелым сердцем я влез на койку, прихватив заряженные пистолеты, и растворил окно. Из окна видно было лишь небольшую часть палубы, но для наблюдения этого было достаточно. Волны спали, ветер совсем утих, паруса даже не трепетали, на бриге царила

мертвая тишина. Но вот послышался приглушенный говор, а через несколько мгновений отрывистый звон упавшего кортика. Как видно, в неприятельском стане раздавали оружие. Затем все опять стихло.

Боялся ли я? Не знаю, как выразить мое тогдашнее чувство. Сердце мое билось, точно у птицы, мелкою, учащенной дрожью, перед глазами все плыло, мутнело, меркло; я протирал глаза, но снова все на миг затемнялось. Была ль у меня надежда? Да нет, никакой, лишь мрак отчаяния и лютое ожесточение на весь белый свет — чувство, одушевлявшее меня желанием продать свою жизнь как можно дороже. Помню, я попытался молиться, но страшный сумбур, мельтешение мыслей, что обыкновенно бывает при стремительном беге, — все это рассеивало и поглощало слова молитвы. Нет, одного я хотел, одного жаждал, чтобы дело началось поскорее и поскорее уж кончилось.

И оно началось — я едва опомнился. Топот, рев толпы, а затем воинственный крик Алана, звон стали и чей-то надсадный вопль — вопль раненого. Я обернулся и увидел в дверях мистера Шуэна, скрестившего свой клинок со шпагой Алана.

— Это он убил юнгу! — воскликнул я.

— Назад! К окну! — прокричал Алан, и не успел я оборотиться, как его клинок пронзил помощника шкипера.

Настало время и моим действиям. Едва я повернулся к окну, как мимо с топотом пробежало пятеро, таща запасной рей, чтобы таранить дверь. Никогда прежде не доводилось мне держать пистолета, стрелял я раз или два из ружья, но чтобы стрелять в человека... Я и помыслить о том не мог. Однако рассуждать было нечего: теперь или никогда. Они уже были у двери, рядом, раскачивали рей.

— А-а, получайте! — вскричал я и выстрелил через окно в самую гущу нападавших.

Как видно, пуля не прошла мимо: один застонал, попятился; остальные пришли в замешательство. Не успели они опомниться, как я снова выстрелил — пуля прожужжала над их головами, а после третьего выстрела, хотя я и промахнулся, матросы бросили рей и обратились в бегство.

Я обернулся и окинул взглядом каюту. Все заволочло пороховым дымом, в ушах моих звенело от грохота выстрелов. Но Алан стоял как и прежде; шпага его была в крови, а сам он был так преисполнен торжества победы и застыл в такой гордой позе, что походил на изваяние триумфатора. Перед ним на четвереньках медленно оседал мистер Шуэн; изо рта у него хлестала кровь, бледное лицо искажено было судорогой. Тут его подхватили и выволокли из каюты за ноги. Вероятно, в эту минуту он испустил дух.

— Принимайте вашего вига! — воскликнул Алан и, обернувшись ко мне, осведомился о моих победах.

Я сказал, что кого-то ранил, похоже, скипера.

— А я уложил двоих. Нет, мало еще крови. Вот увидишь, они снова повалят. К окну, Дэвид. Пока это только глоток вина перед трапезой.

Я вернулся на свое место, перезарядил три пистолета и стал дожидаться.

Наши враги находились поблизости. Они стояли на палубе, с жаром споря о чем-то. Среди плеска волн я расслышал несколько слов.

— Шуэн испортил все дело, — проговорил один голос.

— Э, приятель, он свое уж сполна получил.

После этого голоса вновь понизились, загудели, только теперь большею частью говорил один человек, как бы излагая план действий, ему отзывались коротко, сперва один, потом другой голос — они выражали готовность. Из всего этого я заключил, что готовится новый приступ, и поспешил предупредить Алана.

— Молю бога, чтоб они поскорей начали, — сказал он. — Если мы не отдадим этих гостей, нам в эту ночь не уснуть. Но на сей раз держи ухо востро. Дело будет жаркое.

Пистолеты были наготове, оставалось только слушать и ждать. В суматохе боя мне недосуг было рассуждать, страшно мне или нет; теперь же в грозовой тишине страх подступил с удвоенной силой и нераздельно овладел всем моим существом. Мысль об острых клинках, о холодной, отточенной стали была неотвязна; и вскоре, как только послышались во тьме крадущиеся шаги, шорох матросских курток, ползущий вдоль стены каюты, и стало ясно,

что наши враги становятся по местам, страх мертвую хваткой сдавил мне горло.

Шаги удалились к двери, которую оборонял Алан, и я уже было решил, что мое участие в деле кончилось, как вдруг кто-то тихо спрыгнул на крышу каюты прямо над моей головой.

В следующий миг раздался пронзительный свист боцманской дудки. То был сигнал наступления. В дверь с разбегу ударили, она зашаталась — целая ватага с кортиками в руках штурмовала ее. В ту же минуту световой люк разлетелся вдребезги и в каюту свалился матрос. Не успел он вскочить на ноги, как я приставил к его спине дуло и уж готов был выстрелить, но, прикоснувшись к живому телу, ощутил трепет. Я замер на месте, не в силах ни спустить курок, ни броситься прочь.

При падении мой противник выронил кортик и теперь, ощутив пистолет между лопаток, повернулся в прыжке и схватил меня за плечи, проревев жуткое ругательство. И тут, то ли собравшись с духом, то ли от ужаса, я пронзительно завизжал и выстрелил ему в грудь. Матрос захрипел и упал как подкошенный. В ту же секунду голову мою задела ноги другого противника, который завис в люке. Схватив второй пистолет, я выстрелил ему в бедро. Тот вмиг отцепил руки и рухнул на тело своего товарища. Хотя я стрелял не целясь, о промахе не могло быть и речи; я только и мог что приставить дуло и выпалить, зажмурия глаза.

Не знаю, сколько времени я простоял бы, пораженный случившимся, если б не крик Алана. Мне показалось, он звал меня на помощь.

Алан долго оборонял дверь, сдерживая натиск толпы, но одному матросу все-таки удалось проскочить под шпалой и обхватить его спереди. Алан левой рукой пырнул его кинжалом, но матрос висел, как пиявка. Тут, размахивая кортиком, в каюту прорвался второй противник. В дверях колыхались разъяренные лица. Толпа наседала, казалось, что мы погибли. Схватив кортик, я устремился на неприятеля с фланга.

Но помощь моя была уже не нужна. Противник, повисший на Алане, наконец-то упал, а Алан отпрянул назад и, испустив яростный рев, точно бык, с разбегу ринулся в гущу матросов. Толпа отхлынула в обе стороны,

смешалась и обратилась в бегство. Шпага Алана сверкала, как ртуть, разя направо и налево, и после каждого взмаха слышался вопль раненого. Я думал, что мы погибли, но и опомниться не успел, как вдруг вижу: наши враги бегут, а за ними по пятам Алан. Он гнал их по палубе, точно стадо баранов.

Погоня длилась недолго. Осторожность Алана, по-видимому, нисколько не уступала его отваге, и вскоре он вернулся в каюту. А между тем паника продолжалась, матросы кричали, как будто их настигают. Мы слышали, как они, отпихивая друг друга, рвались в кубрик и наконец захлопнули за собой люк.

Шкиперская каюта походила на бойню: трое убитых внутри, один тяжело раненный в предсмертной агонии на пороге, и только мы с Аланом, победители, живы и невредимы.

Алан подошел ко мне с распростертыми объятиями.

— Дай обниму тебя, друг! — вскричал он, крепко обнял меня и поцеловал в обе щеки. — Дэвид, душа ты моя! Ты для меня как брат. Страсть как люблю тебя! Ну что, каково?! — прибавил он в восторге чувств. — Каков я боец, а?!

С этими словами он повернулся к поверженным врагам и проткнул каждого из них шпагой, а затем принялся выволакивать из каюты. Выпихивая мертвецов за дверь, он насвистывал, напевал вполголоса, точно пытаюсь припомнить забытую песню, вернее сказать, не вспоминал, а сочинял новую. Лицо его горело румянцем, глаза сверкали, как у пятилетнего ребенка, получившего в подарок игрушку. Вскоре он уселся прямо на стол, положив шпагу на колено, мелодия звучала все звонче и звонче, и наконец послышался зычный бас. Полилась гэльская песня.

Привожу ее в переводе, увы, не в стихах, по части которых, признаться, я не большой мастер, но, по крайней мере, почти слово в слово, ибо слышал я эту песню не один раз и слова ее были мне истолкованы. Это песня о шпаге Алана.

Кузнец сковал ее,
Огонь закалил,
И теперь сверкает она в руке Алана Брека.

Было много яростных глаз,
И сверкали они тут и там,
Много рук направляли они,
А шнага была одна.

Пятнистые олени взбираются на холм,
Их много, а холм один.
Прошли олени — и след простыл,
А холм — холм стоит.

Прилетайте ко мне с вересковых холмов,
Прилетайте с морских островов,
О, всевидящие орлы,
Будет вам здесь пожива!

Должно заметить, что в этой песне, которую сложил он в честь нашей победы, несправедливо замалчивается мое участие в схватке. Мистер Шуэн и еще пятеро были кто убит наповал, кто тяжело ранен. Причем двое из них, те, что пролезли в люк, пали от моей руки. Еще четверо были ранены, из них один, ни много ни мало шкипер, ранен был мною. Так что мой вклад в дело был не так уж мал, и я вполне мог бы претендовать на скромное место в поэтическом творении Алана. Но поэтов по большей части занимают рифмы, а что до языка, именуемого прозой, то тут, нужно признать, Алан расточал мне комплиментов гораздо больше, нежели я того был достоин.

В ту минуту я пребывал в полнейшем неведении относительно несправедливости, оказанной моим боевым заслугам, потому что не знал ни одного слова по-гэльски. К тому же, не успела еще смолкнуть песня, я, шатаясь, побрел к койке, чтобы перевести дух после долгого напряжения, сумятицы жаркого боя и сверх того непередаваемого ужаса, овладевшего мной при виде кровавых последствий моих стараний. На душе у меня был камень, дыхание спирало, мысль о двух убитых мною матросах терзала душу неотвязным кошмаром. И вдруг, совершенно произвольно, тело мое содрогнулось, и я заплакал, зарыдал, как малый ребенок.

Алан потрепал меня по плечу и сказал, что я настоящий храбрец и что теперь мне нужно только лечь и хорошенько выспаться.

— Я покамест покараулю, а ты поспи. Я тебе столь-

ким обязан, Дэвид. Я не променял бы тебя на весь Аппин, да что там, на весь Бредалбейн!

Я постелил себе на полу и прилег, а Алан, вооружившись пистолетом, положив шпагу на колено, сел сторожить у двери. Ровно через три часа по шкиперским настенным часам он разбудил меня, и уже я должен был три часа охранять его сон. К концу моей стражи начало светать, волны мерно покачивали корабль, а с ним покачивались и кровавые лужи на полу каюты. По крыше застучали капли дождя. Никаких происшествий за время моей стражи не случилось. Слышно было, как стучит румпель¹, из чего я заключил, что в команде не нашлось даже рулевого. Действительно, как я потом узнал, убитых и раненых оказалось так много, а остальные пребывали в таком унынии, что шкиперу и мистеру Райчу приходилось сменять друг друга на вахте столь же часто, как нам с Аланом, в противном случае бриг отнесло бы к берегу и мы или б разбились, или сели на мель. Но благо ночь выпала тихая; как только пошел дождь, ветер спал. Слышались стонущие крики чаек, во множестве круживших над бригом, из чего я понял, что мы, по-видимому, недалеко от берега, вероятно, где-нибудь у Гебридских островов. Распахнув дверь, я увидел справа по борту скалистые утесы Ская, а за кормой остров со странным названием Рам².

Глава 11

ШКИПЕР ИДЕТ НА УСТУПКИ

Часов в шесть утра мы с Аланом сели завтракать. Пол каюты был усыпан битым стеклом и так залит кровью, что, глядя на нее, у меня пропадал всякий аппетит. Но в остальном мы находились в положении не только удачном, но, я бы даже сказал, забавном. Мы вытеснили шкипера и его помощника из каюты и завладели всеми судовыми напитками, а также провизией, включая и маринады. Уже это само по себе обстоятельство не могло не

¹ Румпель — рычаг для управления рулем.

² Скай и Рам — острова у северо-западных берегов Шотландии в составе Гебридских островов. «Рам» по-английски означает «ром»

радовать. Смешнее всего было то, что два самых горьких пьяницы, каких способна только произвести природа Шотландии (мистер Шуэн был, как известно, мертв), сидели теперь запершись в кубрике, осужденные довольствоваться тем, что более всего ненавидели, — холодной водой.

— Погоди, они скоро дадут о себе знать, — сказал Алан. — Человека можно удержать от драки, но от бутылки его ничем не удержишь.

Разговор оживился. Алан беспрестанно изъявлял мне свою любовь и в пылу восторженных чувств, схватив со стола нож, отрезал от своего кафтана серебряную пуговицу и преподнес ее мне в дар.

— Эти пуговицы перешли мне в наследство от отца, Дункана Стюарта, — пояснил он. — Я дарю ее тебе в память о наших подвигах. Где бы ты ни очутился, покажи эту пуговицу, и тотчас к тебе на помощь придут друзья Алана Брека.

Он сказал это так, словно был Карлом Великим и повелевал многочисленным войском. Признаюсь, как я ни восхищался отвагой Алана, у меня неизменно возникало опасное желание подтрунить над его чрезмерным тщеславием. Я потому говорю «опасное», что, не сдержав улыбки, тут же возникла бы ссора, исход которой был бы для меня роковым.

Как только мы позавтракали, Алан устремился к шкиперскому рундуку и, после продолжительных поисков достав из него платяную щетку, принялся наводить лоск на мундир, счищая кровавые пятна с такой педантической тщательностью, с какою разве что женщина может приводить в порядок свой туалет. Правда, другого мундира у Алана не было, к тому же, по его словам, мундир принадлежал королевскому роду, а стало быть, и заботе о нем подобало быть королевской. Однако, заметив, с какою бережностью отдирает он нитки от того места, где была отрезана пуговица, я оценил по достоинству его подарок.

Между тем пока он приводил в порядок мундир, меня окликнули с палубы. Это был мистер Райч, пришедший на переговоры. Прихватив пистолет, я пролез через световой люк на крышу и, придав своему лицу выражение бесстрашия и невозмутимости (хотя ужасно боялся по-

резаться осколками стекла), приветствовал в ответ мистера Райча и предоставил ему слово. Он подошел к каюте и вскочил на бухту каната, так что подбородок его оказался вровень с крышей. Несколько мгновений мы обменивались молчаливыми взглядами. Мистер Райч, не проявивший рвения в стычке, пострадал незначительно: он отделался лишь царапиной на щеке. Тем не менее, проведя всю ночь на ногах, то занимаясь ранеными, то неся вахту, он имел измученный, сильно помятый вид.

— Скверная вышла история,— покачив головой, наконец произнес он.

— Мы к этому отнюдь не стремились,— отвечал я.

— Шкипер хотел бы переговорить с твоим другом. На худой конец он подойдет к окну.

— Но как мы узнаем, не замыслил ли он недоброе?

— Нет, Дэвид, не такие у него на уме мысли. Даже если б он и задумал недоброе, говорю тебе сущую правду: матросы бы за ним не пошли.

— Неужели?

— Скажу тебе больше,— продолжал мистер Райч.— Не только матросы, но даже я. Я боюсь, Дэви,— говорил он с грустной улыбкой.— Мы хотим только одного — спровадить твоего приятеля как можно скорее.

Я спустился вниз и передал наш разговор Алану. Согласие на переговоры было дано и подкреплено с обеих сторон словом чести. Но миссия мистера Райча этим не ограничилась. Он стал выпрашивать коньяку, да с такой настойчивостью, так улещивая и вымаливая, не преминув при этом напомнить о своих заслугах передо мной, что я в конце концов сжалился и дал ему четверть пинты¹ в кружке. Он с жадностью сделал глоток и понес кружку в кубрик, вероятно, чтобы поделиться остатком со шкипером.

Через несколько минут к окну по договоренности подошел шкипер. Он стоял под дождем, угрюмый, бледный, с рукою на перевязи, и казался таким постаревшим, что сердце мое защемило от жалости и мне стало совестно, что я стрелял в него.

Увидав шкипера, Алан направил на него пистолет.

— Уберите эту штуку! — воскликнул Хозисон.— Раз-

¹ П и н т а — мера объема жидкости, около 0,6 литра.

ве вам не довольно моего слова? Или вы желаете оскорбить меня, сэр?!

— Сударь, — отвечал Алан, — я весьма сомневаюсь в верности вашего слова. Давеча вы ловчили и торговались, как уличная торговка. Вы и тогда дали мне слово, мы пожали друг другу руки, и что из этого вышло? Да пропади оно пропадом, ваше честное слово, черт бы его побрал!

— Довольно, — оборвал его скипер. — Ваша брань ни к чему хорошему не приведет. (Должно заметить, что скипер, к чести своей, никогда не бранился.) Поговорим лучше о другом, — продолжал он с горьким укором. — Вы изрядно испортили мой бриг, у меня почти не осталось людей для работы, моего старшего помощника, без которого я как без рук, вы так просверлили, что он богу не успел помолиться. Мне ничего другого не остается, как повернуть в Глазго, чтобы набрать людей, и там в порту, сэр, смею вас уверить, найдутся охотники поговорить с вами.

— Да неужели? — усмехнулся Алан. — Клянусь честью, я поговорю с ними. Если в городе есть хоть один человек, понимающий по-английски, я расскажу забавный анекдот. Пятнадцать дюжих молодцов против двух джентльменов, да и то один из них почти дитя. Э, любезный, да вас засмеют.

Хозисон вспыхнул, но промолчал.

— Нет, сударь, — продолжал Алан. — Меня это не устраивает. Вы посадите меня на берег, как мы и договаривались.

— Да, но мой старший помощник мертв, а почему он мертв — кому как не вам знать. Из всей команды только он один знал этот берег. А должен заметить, он для судов чрезвычайно опасен.

— Извольте, на ваше усмотрение, — сказал Алан, — высаживайте меня в Аппине, в Ардгуре, в Морвене, в Арисэге, в Мораре, короче, где вам будет угодно, но не далее тридцати миль от моих родных земель, исключая, пожалуй, земли Кэмпбеллов. Мишень, как видите, велика. Если вы и тут промахнетесь, то, стало быть, вы не только скверный боец, но и негодный моряк. Да у меня на родине люди на рыбацких плоскодонках переплывают от острова к острову! Причем в любую погоду, даже ночью!

— Плоскодонка не бриг, сэр. У нее и осадки-то никакой.

— Что же, плывите в Глазго, коли вам так этого хочется. По крайней мере, будет над кем посмеяться.

— Мне совсем не до смеха, сэр. К тому же ваша прихоть будет стоить денег.

— Однако, сударь! Я на ветер слова не бросаю и никому не позволю бросать! Тридцать гиней за высадку на берег и, наконец, шестьдесят, если доставите меня в Линни-Лох.

— Но взгляните же, сэр, где мы находимся. Отсюда до Арднамуркана пять часов хода. Дайте мне шестьдесят золотых — и я вас там высажу.

— А я должен истаптывать башмаки и, чего доброго, угодить к красным мундирам ради вашей блажи! Не выйдет, сударь! Желаете получить шестьдесят гиней, так извольте их сперва заработать — высаживайте меня там, где я указал.

— Но это значит рисковать бригом, сэр, а с ним, заметьте, и вашей же собственной жизнью.

— Что же, я готов рисковать.

— Смогли бы вы провести нас? Хотя как-нибудь указать путь? — с нахмуренным видом спросил шкипер.

— Гм, сомневаюсь. Я скорее солдат, в чем вы сами уже убедились, нежели лоцман. Впрочем, меня часто подбирали в этих водах и высаживали в здешних местах, так что в общих чертах я путь знаю.

Шкипер покачал головой и еще больше нахмурился.

— Не потеряй я так много денег в этом злополучном рейсе, — проговорил он, — я скорей отправил бы вас на виселицу, чем стал рисковать бригом. Но пусть будет по-вашему. Как только будет благоприятный ветер, а я уверен, что он скоро задует, мы пойдем, куда вы хотите. Но есть еще одно обстоятельство: мы можем встретить королевский флот и тогда нас возьмут на абордаж. Вдоль берега ходят сторожевые суда; вы сами знаете, кого они там высматривают. Может, вы заплатите мне сейчас?

— Сударь, — спокойно отвечал Алан, — если завидите вымпел, ваше дело поскорей удирать. А теперь вот что: я слышал, что в кубрике терпят лишения. Предлагаю обмен: бутылка коньяку на два ведра воды.

Сия последняя статья договора была соблюдена в

точности и без проволочек, и мы с Аланом наконец-то отмыли пол, очистив каюту от следов наших кровавых деяний; меж тем как шкипер и мистер Райч тоже были по-своему рады, ибо вновь перед ними было вино.

Глава 12

Я УЗНАЮ О РЫЖЕМ ЛИСЕ

В то время как мы отмывали каюту, с северо-востока потянул бриз, небо расчистило и дождь перестал.

Тут я должен кое-что пояснить вам, а для вящей ясности предлагаю посмотреть на карту. В тот день, когда пал туман и мы наскочили на лодку Алана, бриг проходил через пролив Литл-Минч. На рассвете после баталии мы попали в штиль к востоку от острова Канна, точнее, между ним и островом Эриска, находящемся в цепи Лонг-Айлендских островов. Чтобы прямым курсом добраться оттуда до Линни-Лоха, нужно было идти через узкий пролив Малл. Но у шкипера карты не было, и он боялся зайти так далеко вглубь между островов. Он предпочел с попутным ветром обогнуть Тайри с запада и выйти к южному берегу большого острова Малл.

Ветер не менял направления, более того — крепчал. К полудню поднялось волнение, которое шло из-за Внешних Гебридских островов. Наш курс — а мы намеревались обогнуть Внутренние Гебриды — лежал на юго-запад, так что сначала волна была у нас на траверзе¹ и бриг сильно качало. Но уже к ночи, когда, обогнув оконечность Тайри, мы повернули к востоку, волна пошла в корму.

Между тем утро, до начала волнения, выдалось довольно приятное. Яркое светило солнце, тут и там взору открывались скалистые островки. Растворив двери каюты с обеих сторон — ветер дул прямой, в корму, — мы с Аланом сидели, покуривая шкиперские трубки, и рассказывали друг другу свои приключения. Слушать Алана было тем более интересно, что я наконец-то составил определенное представление о диком крае, именуемом

¹ Т р а в е р з — направление, перпендикулярное курсу судна.

Горной Шотландией, на берег которой мне предстояло сойти. В то время, всего лишь несколько лет спустя после восстания горцев, человеку, ступавшему на горную тропу среди зарослей вереска, бесполезно было сперва подумать, прежде чем решиться на столь опасное предприятие.

Желая расположить Алана к откровенной беседе, я первый начал рассказ о своих злоключениях. Он выслушал меня с вниманием и сочувствием. Лишь однажды, когда я упомянул доброго моего друга мистера Кэмпбелла, Алан вспыхнул и в гневе вскричал, что ненавидит всех, принадлежащих к этому роду.

— Но отчего же? — возразил я. — Мистер Кэмпбелл такой человек, которому не зазорно подать руку.

— Не знаю, что я мог бы подать человеку, носящему имя Кэмпбелл! Но вот пулей его угостить готов. Будь моя воля, я бы их всех перестрелял, как тетеревов. Умирать буду — одно у меня желание: успеть бы доползти до окна и всадить напоследок пулю в какого-нибудь Кэмпбелла.

— Но право, Алан, отчего вы так ненавидите Кэмпбеллов?

— Отчего? Ты прекрасно знаешь, что я Стюарт, один из аппинских Стюартов, а Кэмпбеллы уже давно разоряют и опустошают мой край. Они вероломно захватывали наши земли — не в честном бою, нет, обманом, подлостью!

И тут в порыве гнева он стукнул кулаком по столу. Я сохранил полную невозмутимость и, уж конечно, не стал оспаривать его мнение, ибо знал, что подобные пылкие речи обыкновенно говорят побежденные.

— А доносы, подлоги, торгашеские уловки на каждом шагу — и всё под видом законности! Да разве этого мало?!

— Я весьма сомневаюсь, Алан, что вы, с такой легкостью разбрасывающий пуговицы от своего мундира, могли быть хорошим судьей в этих делах.

— А! — воскликнул он, и лицо его вновь заиграло улыбкой. — Эту расточительность вместе с пуговицами я унаследовал от моего отца, Дункана Стюарта, царство ему небесное! Он был храбрейшим из храбрецов в нашем роду, лучшим фехтовальщиком Горной Шотландии, а стало быть, и во всем мире. Я потому говорю так, что сам у него учился. Он был в числе первых, кто поступил в Черную стражу; ему, как высокородному дворянину, полагался оруженосец, который в походах носил его ружье.

Вообрази: как-то раз взбрело королю в голову посмотреть на шотландское фехтование. Отобрали на состязание четверых, в том числе моего отца, и отправили в Лондон, чтобы они показали свое искусство. Пригласили их во дворец, представили королю Георгу, королеве Каролине. Весь двор собрался, Мясник Камберленд, многие прочие, этих уж я не упомяну. Так вот — два часа без роздыху длился бой. И какой! Одно заглядение! Кончили фехтовать, король встает, и хоть и был всегда отъявленный негодяй, тиран, а восхищения сдержать не смог, расчувствовался, пустился в любезности и каждому жалует по три гинеи. И вот выходят они из дворца, дошли до привратника, тут мой отец и рассудил: коль скоро он, пожалуй, первый из дворян Горной Шотландии, кто представлен был ко двору и теперь проходит через эти дворцовые ворота, то не мешало бы дать бедному стражу дворца подобающее представление о шотландском достоинстве. Бросил ему королевскую награду, и те трое, что следом за отцом шли, тоже бросают гинеи. Так и вышли они из дворца с чем пришли. Вся награда пошла привратнику. Есть, правда, такие умники, которые осмеливаются утверждать, что первым подал привратнику не отец мой, а кто-то другой, но это все вздор. Я-то знаю, что это был Дункан Стюарт. Ну, а тому, кто посмеет в том усомниться, готов предложить выбор: можем драться на шпагах, можем на пистолетах. Да, вот какой был у меня отец, упокой, господи, его душу.

— Судя по вашим рассказам, он не мог завещать вам большого состояния? — сказал я.

— Это верно. Кроме пары штанов, он мне ничего не оставил. Оттого я и поступил в королевскую армию. О, черное пятно в моей жизни, позор, тем более в то славное время. Вот и теперь, попади я в руки красномундирников, мне несдобровать.

— Как! Разве вы служили в английской армии?

— Служил. Благо вовремя стал под знамена правого дела. Дезертировал при Престонпансе¹.

Что до меня, то мне это вовсе не казалось благом. Дезертирство во время боя я считал поступком совершенно непростительным для дворянина. Но, несмотря на

¹ В сражении при Престонпансе в 1745 году шотландцы разбили английские войска короля Георга II.

молодость, я был не настолько глуп, чтобы высказать Алану свое суждение.

— Да ведь вам за это полагается смертная казнь! — воскликнул я.

— Да, конечно, если меня поймают, то приговор будет краток, а веревка длинна. Но у меня в кармане лежит патент офицера французской армии. А это все-таки как-никак гарантия.

— Весьма сомневаюсь.

— Я сам иногда сомневаюсь, — сухо промолвил Алан.

— Но позвольте, как же так: вы, осужденный мятежник, дезертир, да еще к тому же служите французскому королю. Что же побуждает вас приезжать сюда? Вы искушаете свою судьбу.

— Вздор. После сорок шестого года я все время приезжаю в Шотландию и, как видишь, жив.

— Но зачем вы едете, чего ради?

— Чего ради? Как же, я тоскую по родине, по друзьям. Франция, что и говорить, страна славная, но порой мечтаешь о вереске, об оленях. И потом, у меня здесь дела. Набираю рекрутов для французского короля, а это какой-никакой, а все же доход. Но главное — это поручения моего вождя, Ардшиля.

— Мне казалось, что вождя вашего клана зовут Аппин.

— Верно, но Ардшиль — предводитель клана, — пояснил Алан, хотя едва ли это могло мне что-нибудь пояснить. — Видишь ли, Дэвид, он, человек столь высокого положения, потомок королей, с королевским именем, обречен теперь прозябать в захолустном французском городишке на положении частного лица. Он, которому стоило только кликнуть, и под его знамена становились четыре сотни ратников! А теперь, что бы ты подумал! Я видел своими глазами: покупает на рынке масло и несет его домой в капустном листе! Больно, да не только больно — позор всем нам, всему нашему роду и клану! А дети его, там на чужбине, надежда Аппина... Их надо ведь обучить наукам, показать, как держать шпагу! Бедные арендаторы Аппина принуждены платить подать королю Георгу, но сердца их непоколебимы. Они преданы своему вождю! Бедный народ собирает по крохам ему вспоможение, а почему? Потому что любят! Конечно,

кое-кого и пострадать приходится, но собирают. И мне, Дэвид, поручено перевозить эти деньги!

С этими словами он стукнул кулаком по поясу, и я услышал звон золотых гиней.

— Неужели они платят обоим?

— Да, что поделывать, Дэвид.

— Как! Быть не может!

— Да, Дэвид. Этому шкиперу я, конечно, наплел, но тебе говорю правду. Да-а, просто дивисься порой, как мало требуется принуждения. И все это благодаря добродушному моему родичу, другу моего отца, Джеймсу Гленскому, то есть Джеймсу Стюарту, который приходится Ардшилю единокровным братом.

Так впервые я услышал имя Джеймса Стюарта, который впоследствии, когда его приговорили к виселице, стяжал себе большую известность. Но тогда я пропустил это имя мимо ушей, я думал о великодушии горцев.

— Как это благородно! — воскликнул я. — Пускай я виг, кто знает, быть может, чуть лучше, чем просто виг, но, по-моему, это благородно.

— Да, ты виг, но ты джентльмен. В тебе говорит благородная кровь. Был бы ты из проклятого рода Кэмпбеллов, так ты заскрежетал бы зубами, услышав все это. А был бы ты Рыжим Лисом...

Алан замолк, стиснул зубы. Много свирепых лиц видел я на своем веку, но ни одно из них не могло сравниться с лицом Алана, когда заговорил он о Рыжем Лисе.

— А кто такой этот Рыжий Лис? — спросил я несколько обеспокоенно, но с нескрываемым любопытством.

— Кто такой? Что же, изволь, я тебе расскажу. Когда при Каллодене войско кланов было разбито и правое дело было погублено, когда лошади без седоков увязали в крови лучших воинов севера, Ардшиль вместе со своей семьей принужден был бежать в горы. Туго же нам тогда пришлось, насилиу мы посадили его на корабль и переправили в безопасное место. А пока он укрывался в горах, эти английские свиньи, не в силах лишить его жизни, принялись подкапываться под его права. Они лишили его всего, отобрали у клана оружие, земли. Отобрать оружие у людей, которые тридцать веков всегда ходили с оружием! Лишили их даже родной одежды, так что теперь, видите ли, даже клетчатый плед и то вменяется во грех,

а за шотландскую юбку бросают в тюрьму. Но одного они не смогли уничтожить — любви! Любви и преданности, которые добрые шотландцы питают к своему вождю. И эти гинеи тому доказательство! Но тут появляется этот прохвост Кэмпбелл, рыжий Колин из Гленура.

— Это его вы зовете Рыжим Лисом?

— Его, а то кого же. О, только бы мне до него добраться! — с яростью вскричал Алан. — Это все он, Рыжий Лис. Вообрази, все разузнал, выведал, заполучил от короля Георга бумаги на управление всеми землями Аппина. Сперва — так тише воды ниже травы — любезничал с Шимусом, то есть с Джеймсом Гленским, поверенным в делах моего вождя, втерся к нему в доверие. А сам тем временем все разузнал. Ну, я уж тебе о том рассказывал, как бедные аппинские арендаторы работают изо всех сил, собирают вспоможение семье Ардшиля и переправляют эти деньги за море. Как ты тогда про это сказал?

— Я сказал, что это благородно, — отвечал я.

— О, в тебе благородства больше, чем его бывает у вигов! — воскликнул Алан. — Но слушай дальше. Колин Рой обо всем пронюхал, сердце его так и заныло, а черная кровь Кэмпбеллов закипела от ярости. Пьет вино и скрежет зубами. Как так! Стюарту не дают умереть с голоду, посылают на кусок хлеба. Как бы так запустить в это дело руку и все расстроить. У-у, попадись ты мне только на глаза, Рыжий Лис, уж я тебя угощу пулей. Господь тебе не поможет!

Алан умолк на мгновение, обуреваемый яростью.

— И что, ты думаешь, он делает? Объявляет, что земля сдается внаем арендаторам. Что замыслил, подлец! Отдать землю другим фермерам, а те, мол, будут платить ему больше, чем Стюарты, Макколы и Макробы — роды, входящие в мой клан. Каково?! А Ардшиль пусть себе побирается на дорогах Франции!

— И что же из этого вышло?

Алан положил на стол потухшую трубку и обхватил руками колени.

— Что вышло? Вовек не угадаешь. Вообрази, эти самые Стюарты, Макколы и Макробы, которые и без того платили две аренды: одну по принуждению королю Георгу, а другую по природной своей доброте Ардшилю, — так вот, они согласились платить столько, сколько Кэмп-

беллам и не снилось. Тот и так и этак, ищет арендаторов по всей Шотландии, от берегов Клайда до Эдинбурга, зазывает, молит, уламывает — все напрасно. Хочет извести Стюартов голодом, подлый пес!

— Да, удивительная история, Алан. Довольно странная. А все же я рад, что его оставили с носом.

— Его с носом? Плохо ты, видно, знаешь Кэмпбеллов, а уж Рыжего Лиса и подавно не знаешь. Да из него бы кровь выпустить, так чтобы по холму потекло! О, как только придет тот день, Дэвид, когда я смогу потешиться, поохотиться, никакой вереск во всей Шотландии не укроет его от моей мести!

— Однако, Алан, — возразил я, — совсем неумно, да и не по-христиански давать волю таким чувствам. Ваши слова тому, кого вы зовете Лисом, вреда не принесут, да и вам с них добра не станет.

— Весьма верное замечание, Дэвид. Что верно, то верно: от моих слов ему не убудет. А жаль, ох, жаль. Так что, совершенно с тобою согласен, исключая разве твои суждения о христианстве. Тут я имею прямо противоположное мнение. Плохой бы я был христианин, если б думал, как ты.

— Мнения мнениями, но ведь известно, что христианство запрещает мстить.

— Да, сразу видно, что учили тебя Кэмпбеллы. Хорошо бы жилось им на свете, им да таким же, как они, подлецам, если б в зарослях вереска не водились удальцы с ружьями. Но это так, к слову. Ты спрашиваешь, что он сделал?

— Да, расскажите, прошу вас.

— Так вот, Дэвид. Не в силах избавиться от верных аппинских арендаторов законным порядком, он поклялся извести их всеми правдами и неправдами, не гнушаясь последней подлостью! Ардшиль должен умереть с голоду — вот что он задумал. А поскольку те, кто давал Ардшилю вспоможение, разумеется, не хотели уходить из родных мест, он решил согнать их силою. Раздобыл у крючокотворов-стряпчих бумаги, призвал себе на защиту красномундирников. И вот мои соотечественники, те, кто веками владел этими землями, принуждены оставить родные места, дома, где они выросли, где вспоили, вскормили их отцы и матери. И кто же придет на их место? Нищий сброд,

голь перекатная. Королю Георгу скоро захочется получить свою ренту, воображаю, что за рента ему достанется, но король уж как-нибудь обойдется, а рыжему Колину что за беда. Главное для него — погубить Ардшиля, чтобы на столе у того было пусто, чтобы детям вождя нечем было играть. Если он этого добьется, он может удалиться от дел и вернуться в Гленур победителем.

— Однако позвольте заметить, — прервал я Алана. — Если податей собирают меньше, стало быть, к этому делу приложило руку правительство. Тут не Кэмпбелла винить надо, а того, кто ему указывает. Ну, убьете вы завтра этого Колина, а что толку? Они тотчас пришлют нового управляющего.

— Да, друг любезный, в драке ты молодец, только кровь в тебе, по всему видно, вигская.

Он проговорил это, казалось, спокойно, но в его презрительном тоне чувствовалось столько желчи и злобы, что я поспешил переменить разговор, с удивлением заметив Алану, что, в то время как Горная Шотландия наводнена войсками и охраняется, точно осажденный город, ему и ему подобным удастся беспрепятственно проникать в глубь страны и без труда из нее выбираться.

— Все гораздо проще, чем ты полагаешь, — сказал Алан. — Предположим, что открытый склон холма — это дорога. Но дорога может пролегать всюду. Если видишь на пути караул, обходи стороной. И потом, всюду найдутся дома друзей, и к твоим услугам если не дом, то овин, стог сена. Наконец, запомни: когда в народе говорят, что страна наводнена войсками, то это не более как образное преувеличение. Солдат занимает на земле ровно столько места, сколько занимают подошвы его сапог. Мне довелось однажды поймать превосходную форель под самым носом у часового, а он стоял в трех шагах, на другой стороне ручья. Как-то раз я сидел в вересковых зарослях почти рядом с караульным и, поверишь ли, разучил песенку, которую тот насвистывал. Она довольно мила. Вот, послушай.

И Алан стал насвистывать мне мелодию.

— А потом, — продолжал он, — теперь не те времена, что в сорок шестом году. В стране воцарилось спокойствие. Впрочем, чему удивляться, когда у всех поголовно

от Кинтайра до мыса Рат отобрали оружие. Правда, умные люди кое-что в соломе на крышах себе припрятали. Да, Дэвид, интересно знать, надолго ли это спокойствие. Думаю, что не надолго, коли такие люди, как Ардшиль, томятся в изгнании, а Рыжий Лис и его шайка попивают вино и притесняют бедных людей. Хотя трудно сказать за народ, что он вынесет, а чего не стерпит. Разве разъезжал бы сейчас Колин по разоренному краю, найдись у нас хоть один удалец, который всадил бы в него пулю.

Алан замолк и погрузился в раздумье. Долго сидел он в молчании, и с лица его не сходила печаль.

К портрету моего друга остается добавить, что Алан весьма искусно играл на разных музыкальных инструментах, в особенности на волынке, почитался меж своих соотечественников незаурядным поэтом, прочел на своем веку несколько книг, английских и даже французских, метко стрелял, недурно удил рыбу и в совершенстве владел кортиком и кинжалом, не говоря уж о шпаге. Что же касается его недостатков, то они сразу бросались в глаза, я знал их наперечет. Но худший из них — ребяческую обидчивость, склонность затевать по любому поводу ссору — при мне он всячески в себе подавлял, вероятно памятуя схватку в каюте. Мои ли доблестные заслуги были тому причиной, или же то обстоятельство, что я стал свидетелем его доблести, его удали, несравнимо больших и поистине удивительных, — что именно, не могу сказать, ибо Алан, ценя высоко отвагу в других людях, все же восхищался ею преимущественно в самом себе, восхищался отвагой Алана Брека.

Глава 13

КРУШЕНИЕ

Был уже поздний вечер, начало темнеть, как обыкновенно темнеет на севере в это время года, иными словами, было еще довольно светло, когда в дверь просунулась голова Хозисона.

— Я вот за чем, — сказал он, обратясь к Алану. — Выходите на палубу. Может быть, вы смогли бы указать нам путь?

— Это что, очередная ваша уловка? — воскликнул Алан.

— Да какие уловки! Разве не видно! — вскричал шкипер. — У меня и так голова кругом идет. Бриг в опасности!

По встревоженному выражению его лица и по резкому тону, с каким проговорил он эти слова, было видно, что шкипер не шутит и никакого подвоха с его стороны нет. Мы с Аланом поспешили на палубу.

Небо было безоблачно, дул сильный, пронизывающий ветер; вечерняя заря еще не погасла, ярко светила луна. Бриг шел круто к ветру, огибая юго-западную оконечность острова Малл, гористые вершины которого во главе с Бен-Мор, окутанной дымкой тумана, виднелись слева по носу. Хотя для «Ковенанта» курс этот был вовсе неблагоприятен, он, содрогаясь всем килем, зарываясь в волны, неся как ошалелый, подгоняемый западной волной.

Вечер, однако, как мне показалось, не предвещал никакого шторма, и я уже начал недоумевать, что же могло так встревожить шкипера, как вдруг бриг взмыл на волне, и я услышал крик Хозисона, показывавшего куда-то направо. Вдалеке, с подветренной стороны, из залитого луною моря взметнулся какой-то фонтан, и в то же мгновение послышался глухой, стонущий рев.

— Ну, что вы на это скажете? — мрачно промолвил шкипер.

— Это риф, — отвечал Алан. — Теперь вы, наконец, знаете, где он находится. Что же вам еще нужно?

— Да если б тут был только один риф, — проворчал Хозисон.

Действительно, только он это сказал, чуть дальше, к югу, взвился второй фонтан.

— Что я говорил, видите?! Если б я знал, что тут рифы, если б у меня была карта да был бы жив Шуэн, которого вы отправили на тот свет, я не то что за шестьдесят монет — за шестьсот не стал бы рисковать на этих камнях бригом! Но вы-то, сэр, неужели вы не знали о рифах, вам же предстоит повести нас?!

— Полагаю, что это, должно быть, так называемые Торрэнские скалы, — промолвил Алан.

— И много их, этих скал?

— Право, сэр, я не гожусь в лоцманы, но если мне не изменяет память, они тянутся миль на десять.

Шкипер и мистер Райч значительно переглянулись.

— Но надеюсь, проход между ними есть? — вопрошал Хозисон.

— Есть, конечно. Весь вопрос: где? Впрочем, я как будто припоминаю. Кажется, он ближе к берегу.

— Вот как... Значит, придется держать круче к ветру, мистер Райч. Придется обогнуть этот край острова и подойти чуть не к самому берегу. Но тогда он закроет от нас ветер, а это каменное кладбище останется у нас под ветром. Да, отступать некуда: тут верная гибель, да и там невесть что.

С этими словами он отдал приказание рулевому, а мистера Райча отправил на формарс¹. Из команды на палубу вышло всего пятеро, включая шкипера и мистера Райча, — пятеро, еще способных исполнять свое дело, вернее, согласных его исполнять. Итак, мистеру Райчу выпало быть впередсмотрящим. Он поднялся на марс и принялся возвещать о своих наблюдениях.

— К югу сплошь рифы! — прокричал он.

И через несколько времени:

— У берега, как будто, пройдем!

— Что ж, сударь, — сказал Алану шкипер, — испробуем ваш путь. Только сдается мне, это все равно, что доверяться слепому. Дай бог, чтоб вы оказались правы.

— Дай-то бог, — тихо сказал мне Алан. — Где я мог слышать об этом пути? Хм, уже не припомню. Ну, да ладно, своей судьбы не минуешь.

Как только мы стали подходить к оконечности острова, то тут то там замелькали рифы; казалось, все море было ими усеяно. Мистер Райч поминутно кричал с марса то «право», то «лево руля». Иногда едва ли не в самый последний момент. С наветренной стороны один риф оказался так близко, что, когда на него набежала волна, палубу захлестнуло брызгами и нас окатило с ног до головы.

При свете луны рифы вырисовывались довольно отчетливо, почти как днем, и это, видимо, еще больше усиливало всеобщую тревогу. Я посмотрел на шкипера, стоящего подле рулевого. Он то и дело прислушивался, поживаясь от холода, переминался с ноги на ногу, дул

¹ Ф о р м а р с — площадка, а на судах того времени бочка на фок-мачте.

себе на руки, но лицо его сохраняло спокойное, невозмутимое выражение. Ни он, ни мистер Райч не проявили отваги в сражении, но я видел, что в своем деле они были и впрямь храбрецы. Это вызывало у меня тем большее восхищение, чем более я наблюдал за Аланом. Он был бледен как полотно.

— Да, Дэвид, это совсем не та смерть, о которой можно мечтать, — промолвил он.

— Не может быть, Алан. Неужели вам страшно?

— Нет, — отвечал он, облизнув обветренные губы. — Однако согласись: скверная ожидает нас участь.

К этому времени, лавируя между рифами, но по-прежнему держась круто к ветру и ближе к берегу, мы обошли Айону и начали подходить к Маллу. Приливное течение за поворотом было настолько стремительным, что бриг кидало из стороны в сторону. У руля поставили двух матросов, иногда помогал им и Хозисон. Странно было видеть, как трое рослых, дюжих моряков налегают изо всех сил на румпель, а тот, точно живое существо, упирается, не сдается, поминутно отбрасывает их назад. К счастью, рифы как будто кончились. Мистер Райч прокричал с марса, что море впереди свободно.

— Вы оказались правы, — сказал Хозисон Алану. — Вы спасли мой бриг, сэр, и при расчете я этого не забуду.

Думаю, что сказал он это вполне искренне и непременно сдержал бы свое обещание — столь дорог ему был «Ковенант».

Однако все это осталось только предположением — судьба судила иначе.

— Отверни на румб! — вдруг закричал мистер Райч. — Риф снаветру!

В то же мгновение судно подхватило приливом, паруса заполоскали, обвисли, бриг, точно волчок, развернуло к ветру и швырнуло на риф. Нас ударило с такой силой, что мы покатались кубарем, а мистера Райча чуть не вытряхнуло из бочки марса.

Я упал, но тотчас вскочил на ноги. Риф, в который мы врезались, находился вблизи юго-западной оконечности Малла, около маленького островка под названием Эррейд, что смутно вырисовывался слева по борту. Ревущие валы катили один за другим. Они подкидывали злополучный

корабль, то разбиваясь вроссыпь над нашими головами, то с силой обрушивая бриг на скалу. Казалось, его вот-вот разнесет в щепы. От скрипа мачт, хлопания парусов, тяжкого завывания ветра, летящих брызг, озаренных луной, в голове моей все поплыло, смешалось, и я насилу отдавал себе отчет в происходящем.

Я увидел, что мистер Райч и матросы пытаются спустить ялик, и устремился к ним. Как только руки мои предались работе, сознание прояснилось. Тащить шлюпку было непросто: она находилась в средней части судна и была завалена канатами, а хлещущие через борт волны принуждали нас выпускать ялик и хвататься за леера, чтобы не смыло за борт. Но медлить было не время, и мы работали изо всех сил.

Тем временем к нам присоединились раненые, те, что были способны передвигаться. Остальные, не в силах подняться с коек, отчаянно звали на помощь. Сердце мое обливало кровью от надрывных воплей этих несчастных.

Шкипер с безучастным видом стоял в стороне. Казалось, он лишился рассудка. Держась за ванты¹, он бормотал что-то себе под нос и издавал стон всякий раз, как корабль ударялся о риф. Бриг для него был точно родное дитя; его не трогали страдания Рэнсома, когда того били у него на глазах; когда же настал черед брига, то каждый удар судна о риф болью отзывался в его сердце.

За все то время, как мы тащили шлюпку, помню только, что, взглянув в сторону берега, я спросил Алана, что это за земля. Он ответил, что хуже и быть не может, потому что это были владения Кэмпбеллов.

Одного из раненых мы поставили наблюдать за волной и в случае опасности подавать сигналы. И вот, только мы начали спускать шлюпку, как вдруг матрос пронзительно закричал: «Крепче держись!» Уже по голосу его было ясно, что волна идет и впрямь нешуточная. И точно, накатил чудовищный вал, подбросил бриг, как скорлупку, и повалил набок. То ли матрос поздно крикнул, то ли я слабо держался, но, только бриг накренило, меня швырнуло и я полетел за борт в морскую пучину.

Я захлебнул воды, вынырнул, увидел краем глаза луну и снова начал тонуть. Говорят, в третий раз уже не

¹ В а н т а — канат, держащий мачту с боков.

всплывают — идут ко дну. Что же, должно быть, я не такой, как все, ибо тонул и всплывал я столько раз, что, право, лучше и не рассказывать. Меня захлестывало, било, швыряло, я задыхался, меня снова захлестывало, сознание мое меркло, и потому я даже не успевал почувствовать страха.

Вскоре я обнаружил, что держусь за какой-то брус и плыву вместе с ним. Волны как будто стихли, и я стал постепенно приходить в себя. Оказалось, я ухватился за запасной рей и меня отнесло так далеко от брига, что помощи ждать было нечего. Я закричал изо всех сил, но там, на судне, меня, разумеется, не услышали. Бриг еще лежал на воде, но шлюпки я не видел, впрочем, и не мог видеть — слишком велико было расстояние.

Когда я кричал, призывая на помощь, то заметил между собой и бригам широкую полосу воды, до которой валы не докатывались. Она бурлила и клокотала, серебрясь и переливаясь в лунном свете. Временами она изгибалась дугой, точно хвост гигантской змеи, временами терялась из виду, но через несколько мгновений вновь бурлила и серебрилась. Что это такое было, я не мог понять в ту минуту, и оттого страх во мне только усиливался. Теперь я знаю, что было это не что иное, как сильное приливное течение. Оно подхватило меня, понесло, швыряя из стороны в сторону, и, наконец, как бы наскуча швырять, выбросило вместе с реем в тихие прибрежные воды.

Очутившись в штилевых водах, я почувствовал, что умираю от холода. Берега Эррейда были совсем близко, при лунном свете замечались красные островки вереска, поблескивали слюдяные сланцы.

«Странно будет, однако, если я не доберусь до берега, — подумал я. — Вон он, недолго уже осталось».

Плавал я, правда, довольно скверно: Эссен в моих краях был узок и неглубок. И все же, держась обеими руками за рей, болтая в воде ногами, я скоро увидел, что кое-как подвигаюсь к берегу. Как ни тяжело и убийственно медленно приближался я к заветной цели, однако по прошествии часа доплыл-таки до песчаной бухты, которую окаймляла гряда скалистых холмов.

На море было тихо, не слышно было даже прибоя, с неба глядела большая луна, берег казался пустым и без-

людным. Но как-никак это была земля; и, когда наконец я нащупал дно под ногами и, отпустив рей, двинулся вброд, невозможно описать мои чувства, трудно сказать, какое из них было сильнее — усталость или благодарность судьбе за спасение... Ибо никогда прежде я не чувствовал такой смертельной усталости и не воссылал таких истовых благодарений небу.

Глава 14

ОСТРОВ

Мои злключения не только не кончились, но, напротив, умножились, когда я ступил на берег. Было за полночь, и, хотя от ветра меня закрывали скалы, холодно было ужасно. О том, чтобы присесть отдохнуть, не могло быть и речи; мне казалось, что я тут же окоченею. Я снял хлюпающие башмаки и из последних сил стал ходить босиком взад и вперед по песку, похлопывая себя по груди и плечам в надежде хоть как-нибудь согреться. Не слышно было ни людских голосов, ни мычания скота, ни петушиного крика — все точно вымерло; один прибор шумел вдалеке, напоминая об опасности, которой я счастливо избежал и которая, вероятно, все еще грозила моему другу. Идти по берегу в темный, предутренний час, когда вокруг не было ни души, было боязно.

Как только забрезжил тусклый рассвет, я надел башмаки и полез на вершину скалы. Тяжелое это было восхождение. Я поминутно срывался, скатывался вниз и снова карабкался, снова перепрыгивал через гранитные глыбы. Когда наконец я достиг вершины, уже рассвело. От брига не осталось и следов. По всей вероятности, его снесло с рифа и он затонул. Не видно было и ялика. Море было пустынно, на берегу ни души, ни единого дома.

Я боялся даже подумать о том, что случилось с моими спутниками. Страшно было глядеть на простиравшееся вокруг безлюдье. К тому же усталость, промокшая одежда, боль и увылое посасывание в пустом животе давали о себе знать. Я двинулся на восток вдоль южного берега, надеясь набрести на жилище, где можно было бы отогреться и обсушиться, а при случае и разузнать о

пропавших товарищах. На худой конец, если жилья не найдется, рассудил я, можно будет хоть немного обсохнуть на солнце, как только оно взойдет.

Довольно скоро путь мне преградил узкий залив, вдававшийся далеко в берег. Не будучи в состоянии через него переправиться, я решил его обойти. Дело это оказалось отнюдь не из легких, ведь ландшафт этих мест, как известно, горный. Не только Эррейд, но и примыкающая к нему часть острова Малла, называемая Россом, покрыта гранитными скалами, меж которых лишь кое-где пробивается вереск. Бухта мало-помалу суживалась, как я и предполагал, но потом вдруг снова пошла вширь. В полном недоумении продолжал я путь, пока не поднялся на высокий бугор. Тут только до меня дошло, что я попал на необитаемый остров и окружен со всех сторон морем.

Солнце так и не показалось. Небо заволокло, сгустился туман, и в довершение бед полил дождь. Положение мое стало плачевно.

Я стоял под дождем, содрогаясь от холода, в совершенной растерянности. Наконец меня осенила мысль, что пролив можно перейти вброд. Вернувшись назад, к месту, где он суживался, я вошел в воду, но не прошел и трех ярдов, как провалился вглубь с головой; и хотя голова моя благо осталась цела, обязан я этим скорее милосердию неба, нежели собственному благоразумию. Итак, я провалился в воду, но мокрее от этого не стал (куда уж мокрее!), зато продрог до костей. Потеряв надежду перейти пролив вброд, я почувствовал себя на грани отчаяния.

Наконец я вспомнил о рее. Если он помог мне выбраться из водоворота, то, несомненно, поможет переплыть и пролив. Воодушевленный этой мыслью, я поплелся назад, чтобы притащить спасительное орудие. Надо ли говорить, каким мучительным, тяжким был этот обратный путь. Если б меня не поддерживала надежда, я бы, конечно, не выдержал — повалился б на землю и так бы и остался лежать. То ли от морской воды, то ли от начинающейся лихорадки мне нестерпимо хотелось пить. По дороге я не раз останавливался, пил дождевую воду из луж.

Чуть живой, еле передвигая ноги, я добрался до места и увидел, что рей отнесло, но как будто недалеко. В тре-

тый раз я вошел в воду. Легкая рябь поплескивала в лицо. Ноги сводило от холода, и я не решился идти дальше. Рей покачивался на волнах в каких-нибудь двадцати футах.

До этой минуты я еще как-то бодрился, но тут отчаяние мной овладело. Я вышел на берег, упал на песок и горько заплакал.

Дни, проведенные мной на острове, и поныне одно из самых страшных моих воспоминаний, а потому воздержусь от излишних подробностей. Во всех известных мне книгах о путешественниках, которые волею невзгод попадали на необитаемый остров, эти люди либо имели при себе многочисленный инструмент, либо, будто бы невзначай, в помощь им к берегу прибывало сундук, набитый различными полезными предметами. Мне же ничего этого не досталось. В карманах моих были одни только деньги да серебряная пуговица Алана. К тому же, выросший вдали от моря, я имел весьма смутное представление о жизни на островах.

Я знал, например, что можно питаться моллюсками, а возле воды на камнях я обнаружил великое множество раковин, так называемых блюдецек. Не имея сноровки, я с трудом отодрал несколько штук, между тем как известно, что отбивать их надо резким движением. Были тут и другие моллюски, именуемые башенками. Иной пищи, по-видимому, не предвиделось; пришлось довольствоваться моллюсками. Поначалу с голода они казались мне даже вкусными.

Но то ли они еще не дозрели, а может, в прибрежных водах было что-то особенное, очень уж гадкое, только не успел я позавтракать, как голова закружилась, начало тошнить и не отпускало так долго, что я едва не лишился чувств. Вторая проба прошла удачнее, и силы ко мне мало-помалу вернулись. Однако предугадать последствия трапезы было решительно невозможно. Иногда все обстоит как должно, а иногда находил приступ пренеприятного, мучительного недуга. Словом, когда я ел, то не знал, какой из моллюсков повлечет за собой беду.

Весь день поливал дождь. На острове все намокло, размякло и потекло. Ночью, когда я укрылся спать между двумя валунами, ноги мои очутились в глубокой луже.

Утром я обошел остров вдоль и поперек. Ничего утешительного для себя я не обнаружил. Камни да скалы,

кругом мертво, одна пернатая дичь, подстрелить которую было нечем, да множество чаек, облюбовавших неприступные утесы. Пролит, отделявший остров от Росса, который я принял было за узкую бухту, к северу расширялся, переходя затем в Айонский пролив. Неподдалеку от этого места я и нашел себе прибежище. Должен признаться, не о таком доме я мечтал и раньше самая мысль о подобных лишениях повергла бы меня в слезы.

Расположился я здесь не случайно. В этой части острова стояла маленькая ветхая хижина, чем-то схожая со сторожевой будкой. Она служила ночным приютом для рыбаков, которым случалось иногда заплывать на остров. Хижина была совершенно негодная: дерновая крыша ее провалилась, стены пообветшали, так что среди валунов ночевать было не в пример лучше. Зато поблизости от нее во множестве водились моллюски. Как только спадала вода, я тотчас спешил собирать себе пропитание. Но было и другое, более важное обстоятельство, заставившее меня остановиться именно здесь. Не в силах свыкнуться с горькой участью, уготованной мне на острове, я, как затравленный, все время посматривал по сторонам в надежде увидеть приближающегося человека. С горы взору моему открывался берег Айоны: крыши домов и возвышающаяся над ними старинная церковь. По другую сторону, на низком берегу Росса, с утра до вечера клубился дымок, по-видимому, из дома, что стоял в лощине.

Промокший, продрогший, обезумевшими глазами я, бывало, смотрел на этот дымок, думая об очаге, об уюте, о приятном обществе, — сердце мое не выдерживало и начинало щемить от тоски. То же чувство испытывал я и глядя на крыши Айоны. И все же, как ни терзала мне душу картина людских жилищ, где царил домашний уют, она в то же время поддерживала во мне надежду, придавала силы, побуждая глотать холодных склизких моллюсков, от которых меня мутило, спасала от ужаса одиночества, овладевавшего мной всякий раз, когда я оставался наедине с мертвыми скалами и дикими птицами, под непрерывным дождем, отрезанный от всего мира холодным морем.

Да, конечно, в душе моей теплилась надежда, ведь невозможно было себе представить, чтобы я погиб от голода и лишений на берегах родной страны, поблизости от коло-

кольной храма и домов моих соотечественников. Но вот прошел второй день с тех пор, как я очутился на острове, а помощи все не было, хотя с утра до вечера я высматривал в Айонском проливе лодки, а на берегу Росса людей. Дождь лил не переставая. Надсавив горло от крика, вымокнув до костей, я улегся спать, утешая себя мыслью, что еще не все потеряно и что утром, может быть, повезет.

Карл Второй однажды заметил, что ни один климат не благоприятствует так прогулкам на свежем воздухе, как климат английский. Поистине королевское наблюдение, когда поблизости от тебя дворец, а в двух шагах наготове сменное платье. Должно быть, когда король скитался после сражения под Ворчестером, ему с погодой повезло больше, чем мне на проклятом острове. Лето было в разгаре, а небо как обложило дождем, так и не расчищало; лишь к полудню на третьи сутки погода как будто бы установилась.

Этот день полон был происшествий. Утром я увидел на острове благородного оленя с большими ветвистыми рогами. Он стоял под дождем на вершине скалы, но, едва я двинулся с места, как он тотчас рысью побежал в другой конец острова. Вероятно, он приплыл с берегов Росса, пока я спал. Какая нелегкая занесла его на Эррейд, право, не знаю.

Вскоре, когда я собирал у моря моллюсков, на камень прямо передо мной упала гиней и, отскочив, полетела в море.

Возвращая мне деньги, матросы оставили себе не только добрую их треть, но в придачу и кожаный кошелек моего отца, поэтому все свое золото я носил в кармане, застегнутом на одну пуговицу. Теперь, спохватившись, я понял, что карман прохудился; но поздно было спохватываться. Точно так спешат запереть конюшню, откуда уже свели скакуна. Я уезжал из Куинсферри с пятьюдесятью фунтами; теперь у меня осталось лишь две гиней да серебряный шиллинг.

Правда, вскоре на кочке я нашел третью гиней. С ней мое состояние составило в английской монете три фунта и четыре шиллинга. Нечего сказать, завидное состояние для законного наследника, обреченного умирать с голоду на необитаемом острове в отдаленных краях дикой Горной Страны.

Открытие это произвело на меня действие угнетающее. На третий день положение мое стало поистине скверное. Промокшая одежда начала гнить, в особенности поизносились чулки, сквозившие голыми дырами, руки от дождя распухли, горло было простужено, на душе тошно; моллюски мне до того опротивели, что один их вид приводил меня в дрожь.

Но самое худшее было еще впереди.

В северо-западной части Эррейда высится большая скала с видом на Айонский пролив. На вершине ее площадка. Ее-то я и избрал местом для наблюдения и большую часть времени проводил здесь: ведь не мог же я целый день топтаться на берегу. Подгоняемый дождем и тревожными мыслями, я бродил взад и вперед по берегу и поглядывал на море.

Как только солнце взошло, я, вконец обессилев от бесцельных хождений, прилег на скале посушиться. Блаженное чувство, которое я при том испытывал, едва ли поддается описанию. С появлением солнца в душе моей пробудилась надежда. Я все чаще стал поглядывать на море. К югу от скалы остров образовывал мыс, скрывавший от взора море; подойди с этой стороны к берегу лодка, я бы и не заметил ее.

Вдруг из-за скалистого мыса мелькнул коричневый парус и вынырнула плоскодонка с двумя рыбаками, она шла к Айоне. Я закричал, стал на колени и воздел с мольбой руки. Лодка была достаточно близко, и меня не могли не услышать. Я видел даже, какого цвета у рыбаков волосы, да и меня, как видно, заметили. Рыбаки прокричали мне что-то по-гэльски и дружно захохотали. Лодка, однако, к берегу не свернула, а, не замедляя хода, пошла к Айоне.

Эта злая насмешка над моими страданиями совершенно не укладывалась у меня в мыслях. Я бежал вдоль берега, перепрыгивая с камня на камень, и кричал во все горло, призывая их остановиться. Даже когда они отошли далеко и не могли меня слышать, я все кричал, умолял, воздевал руки к небу, — увы, напрасно. Сердце мое разрывалось от отчаяния. Во время моих невзгод я плакал лишь дважды: когда не смог вытянуть из воды рей и когда убедился, что рыбаки не вняли моим мольбам. В эту минуту я кричал и заливался слезами, словно

непослушный ребенок, когда его наказывают за шалость. Я упал на землю, царапал ее ногтями, бил по ней кулаками. Если б можно было убивать одной только мыслью, одним страстным желанием, то рыбаки, несомненно, не дожили бы до следующего дня, а я, наверное, не писал бы сейчас эти строки.

Но гнев утих, и я поневоле обратился к моллюскам, которые, как я уже говорил, мне вконец опротивели. Конечно, мне надлежало бы попоститься, ибо вскоре мне вновь сделалось дурно. Явились прежние боли, горло распухло так, что я и глотнуть не мог. Меня так трясло, что зуб на зуб не попадал. Прибавьте к этому отвратительнейшую болезнь, которая ни на шотландском ни на английском наречиях не имеет приличного именования. Я думал, что это конец. Обратившись к богу, я простил напоследок всех своих недругов — и дядю и рыбаков — и уже приготовился к смерти, как вдруг в глазах прояснилось, мне полегчало. Я заметил, что уже сумерки, что довольно тепло и сухо и одежда моя почти высохла. Состояние мое заметно улучшилось. Возблагодарив небеса за спасение, я погрузился в сон.

На другой день (то был уж четвертый день моей островной жизни) я почувствовал, что силы мои на исходе. Но вот показалось солнце, в воздухе потеплело, а съеденные моллюски, которыми я поутру подкрепился, уже не оказали прежнего действия. Я немного приободрился.

Едва я взошел на свою скалу, как завидел вдали лодку, плывущую через Айонский пролив. Мне показалось, что она идет к острову. При виде ее я почувствовал волнение неопишемое. Неужели это те самые рыбаки, неужели они сжалились надо мной? Но если я обманулся и вновь меня ждет разочарование?.. Такое крушение надежд я бы не вынес. В суеверном страхе я отвернулся от моря и стал отсчитывать про себя секунды, покауда не сосчитал несколько сотен. Глянул на море — лодка идет к острову. Вновь отвернувшись, я принялся считать как можно медленнее и сосчитал до тысячи. Сердце мое учащенно билось, в груди щемило. Я опять поглядел на море — точно, лодка подходит к Эррейду.

Не в силах удержать волнения, я устремился на берег и, перепрыгивая с камня на камень, забежал в воду. Трудно сказать, как я при том не сорвался, не утонул,

ибо, когда я остановился, камень подо мной ходил ходунгом, ноги дрожали, а во рту пересохло так, что я вынужден был нагнуться и смочить горло морской водой. Тут только я, наконец, закричал.

Лодка стремительно приближалась. Я увидел, что это, точно, та самая плоскодонка, с теми же рыбаками. Я узнал их по цвету волос: один был рыжий, другой темно-волосый. Был с ними еще и третий, судя по одежде, принадлежавший к более привилегированному сословию.

Рыбаки подошли еще ближе, и теперь до моего слуха долетала их речь. Вдруг они почему-то убрали парус, лодка замедлила ход. Сколько я ни кричал, ни молил, ближе они не подходили. Всего ужаснее было то, что третий, тот, что плыл с рыбаками, поглядывая в мою сторону, все ухмылялся и то и дело хихикал.

Наконец, он встал во весь рост и, обратившись ко мне, заговорил отрывистою скороговоркой, делая мне какие-то знаки. Я ответил, что по-гэльски не понимаю. Это его, как видно, взбесило. Он закричал что-то в ответ, и у меня мелькнуло подозрение, что говорит он со мной по-английски, но только на свой, гэльский лад. Напрягая слух, я разобрал лишь одно слово «когда», повторенное несколько раз. Остальное же говорилось на гэльском, а этот язык мне понятен не более, чем греческий или древнееврейский.

— Когда? — отозвался я, давая ему тем самым заметить, что я его понимаю.

— Ну да! — повторил он несколько раз и устремил взгляд на своих товарищей, как бы говоря им: «Вот видите, я же говорю по-английски», а затем снова зататорил по-гэльски.

На сей раз я уловил фразу «спадет вода». Тут наконец меня осенила догадка. Я вспомнил, что мой собеседник показывал рукой в сторону Росса.

— Вы хотите сказать, что когда спадет вода?.. — воскликнул я в волнении и запнулся.

— Ну да. Спадет.

Я повернулся и побежал сломя голову по камням, вдогонку летел отрывистый смех моего советчика, а я стремглав, перескакивая с камня на камень, выскочил на берег и что есть духу кинулся на другой конец острова. Не прошло и получаса, как я уже был на другом берегу.

И точно, после отлива вода едва доходила мне до колен. Взойдя на берег Росса, я испустил радостный крик.

Ни один мальчишка, живущий у моря, не стал бы и дня просиживать на Эррейде, ведь Эррейд становится островом только в прилив, и дважды в сутки с него на Росс можно перейти чуть ли не посуху, в крайнем случае замочив лишь ноги. Даже я, не могший не замечать, как прибывает и убывает вода в бухте, и с нетерпением ожидавший отлива, чтобы набрать на песке моллюсков, — даже я, если бы, разумеется, хорошенько подумал, а не клял бы все судьбу, должен был о том догадаться и вовремя перейти на Росс. Неудивительно, что меня не поняли рыбаки; но то, что они каким-то немислимым образом вникли в мое положение и взяли на себя труд воротиться, — вот это действительно удивительно. Четверо с лишним суток проторчал я на острове, мучаясь от холода и голода. Если бы не рыбаки, от меня вскоре остались бы одни кости — и всё по моей же глупости! Впрочем, я и без того заплатил за нее дорогой ценой, заплатил не только страданиями, которые были теперь позади, но и своим плачевнейшим состоянием: одежда моя превратилась в лохмотья, сам я еле волочил ноги, да еще вдобавок простудил горло.

Много глупцов и негодяев видел я на своем веку; полагаю, что рано или поздно все они получают по заслугам, только прежде все же воздастся глупцам.

Глава 15

ЮНОША С СЕРЕБРЯНОЙ ПУГОВИЦЕЙ

Округа, в которой я очутился, именуемая Россом, была глухая, в холмах и оврагах и мало чем отличалась от моего острова. Кругом топи, мхи, заросли вереска, скалы и валуны. Может быть, тут и были какие-то тропы, да, видно, не для меня. Путеводителями моими были только чутье и гора Бен-Мор.

Я побрел в ту сторону, откуда с острова я видел дым, и, несмотря на страшную усталость и бездорожье, к пяти или к шести часам утра добрался до дома, что стояло в долине. Это было приземистое, длинное строение, сло-

женное из больших камней без раствора и крытое сверху дерном. На пригорке, перед крыльцом, обратив лицо к солнцу, сидел старик хозяин и покуривал трубочку.

Путаясь в английских словах, он с грехом пополам дал мне понять, что мои товарищи добрались до берега благополучно и на другой день утоляли голод у него в доме.

— А был ли меж них дворянин в богатой одежде? — спросил я.

Старик отвечал, что на всех плащи были из сукна грубого, но, впрочем, один, тот, что пришел первый, имел на себе плисовые штаны, тогда как прочие показались ему матросами.

— А была ли на нем шляпа с перьями? — вопрошал я, на что старик мне сказал, что никакой шляпы он не заметил и что это так же верно, как нет ее и на мне.

Я подумал было, что Алан потерял свою шляпу, но, вспомнив про сильный дождь, решил, что мой друг, должно быть, держал ее под плащом, чтобы не намочило перья. При этой мысли я улыбнулся, отчасти радуясь счастливой развязке событий, отчасти умиляясь причудам моего друга педанта.

Тут, придя в волнение, старик горец хлопнул себя по лбу, воскликнув, что я, как видно, и есть тот юноша с серебряной пуговицей.

— Да, верно, — несколько удивившись, отвечал я.

— А коли так, то мне поручено вам передать, чтобы вы следовали за вашим другом, в его земли. А идти вам нужно в Торосей.

Вслед за тем он осведомился, как прошло мое путешествие. Я стал рассказывать свои злоключения. Слушай меня южанин, он без сомнения поднял бы меня на смех, но этот джентльмен — я потому называю его джентльменом, что манеры его были благородны, хотя наряд его был ветхий, залатанный, с прорехою на спине, — так вот, этот джентльмен выслушал меня со вниманием, с видом серьезным и сострадательным, а когда я умолк, взял меня под руку и ввел в свою хижину (дом более всего походил на хижину), где я был представлен его жене так, словно была она королева, а я, по меньшей мере, герцог.

Добрая женщина, с милой улыбкой, усадила меня за стол, поставила передо мной овсяный хлеб, остывшую

жареную куропатку и, продолжая улыбаться, ободрительно похлопала меня по плечу (ибо по-английски она не говорила), а старый джентльмен с неменьшей любезностью приготовил тем временем пунш. Я с усердием ел, а когда попробовал пунш, то почувствовал себя наверху блаженства. Дом, едва ль не насквозь пропахший торфяным дымом, сквозивший щелями как решето, казался мне сказочным дворцом.

Пунш сильно меня разгорячил, и меня потянуло в сон. Добрые хозяева уложили меня спать; только на другой день пополудни отправился я в дорогу. Горло мое приметно поправилось, да и настроение духа под воздействием добрых известий и щедрого угощения явно улучшилось. Несмотря на мои настойчивые просьбы, джентльмен отказался взять с меня за постой денег да еще к тому же подарил старинную шотландскую шапочку, которую, признаюсь, я поспешил хорошенько выстирать в придорожном ручье, как скоро хижина скрылась из виду.

«Если дикие горцы все таковы, — думал я, — остается лишь сожалеть, что у меня на родине не в почете такая дикость».

Мало того что я поздно вышел из дома, но еще вдобавок и заблудился, так что большую часть дня проплутал. Правда, теперь по дороге мне встречались люди. Кто возделывал свое поле — жалкий клочок земли, который, казалось, и кошку-то прокормить не мог; кто пас костлявых своих коровенок, ростом не более ослов.

После восстания национальный костюм горцев объявлен был вне закона, притом навязывали одежду Нижней Шотландии, которую горцы не признавали. По этой причине наряды здешние поражали глаз пестротой. Одни прикрывали свою наготу суконным плащом, а предписанные законом штаны на всякий случай были привязаны у них на спине; другие смастерили вместо тартана¹ причудливые одеяния из разноцветных лоскутов, весьма похожие на старушечьи одеяла; иные — как были в юбках, так и остались, лишь скрепили посредине полотнище, превратив юбку в короткие штаны, наподобие тех, что носят голландцы. Однако и эти ухищрения возбранялись, и за них полагалась суровая кара, а надо сказать, что суд

¹ Т а р т а н — шотландка, клетчатая национальная ткань.

в те годы отправляли с усердием, дабы искоренить самый дух непокорства. Но королевские чиновники редко хаживали по этим глухим местам, и уж и вовсе редко находились здесь охотники доносить на соседей.

Нищета и впрямь здесь была беспросветная, что было, впрочем, не удивительно: восстание было подавлено, грабежам и убийствам пришел конец, и вожди кланов уже не устраивали пиры на широкую ногу, на которых сбиралась чуть ли не вся округа; на дороги хлынули толпы нищих. Было их много и на моем пути, хотя я шел довольно глухими тропами. Я вновь увидел резкую разницу между Горной и Нижней Шотландией. Нищие Равнины — «законные» нищие (у которых имелась бумага) сочетали в себе дремучую неотесанность с рабской угодливостью и заискиванием. Дашь им плэк и потребуешь сдачи — и они безропотно отдадут бодль¹. Другое дело — нищие горцы. Эти держат себя с достоинством, деньги просят лишь на табак, а сдачи не дают вовсе.

Разумеется, мне было не до нищих, а нищим не до меня, но порой происходили забавные сцены. Никто не разумел по-английски, исключая разве нищих из Братства, да и те немногие весьма неохотно отзывались на мои вопросы. Сколько ни спрашивал я дорогу в Торосей, сколько ни повторял им это название, тыча пальцем во все стороны света, но, вместо того чтобы попросту указать мне дорогу, они потоками извергали на меня гэльскую тарбаршину. Я не мог понять решительно ничего, шел неизвестно куда, немудрено поэтому, что больше блуждал, нежели приближался к месту моего назначения.

Наконец около восьми часов вечера, изнуренный ходьбою, я подошел к дому, одиноко стоявшему у дороги, и, постучавшись, попросился переночевать. Слова мои успеха не возымели, и, вспомнив о всемогуществе денег, тем более в этой бедной Горной Стране, я показал хозяину гинею, зажав ее меж кончиков указательного и большого пальцев. При виде гинеи хозяин, который дотоле притворялся, будто меня не понимает, и объяснялся лишь знаками, отсылая меня прочь, заговорил вдруг на чистом английском языке и согласился за пять шиллингов не только предоставить ночлег, но и проводить до Торосея.

¹ Плэк и бодль — мелкие шотландские монеты.

Ночь я провел беспокойно, ожидая с минуты на минуту прихода грабителя. Но опасения были напрасны. Мой хозяин вовсе не был грабителем, это был задавленный нуждою бедняк и к тому же ужасный плут. Впрочем, нужно признать, не один он бедствовал в этих краях. Поутру выяснилось, что мы должны сделать крюк в пять миль, с тем чтобы разменять у одного «богача» мою гинею. Быть может, по здешним меркам знакомый моего хозяина и был богач, однако же в Нижней Шотландии его сочли бы нищим. Он собрал все свои деньги, перерыл весь дом, но двадцати шиллингов так и не набралось; он побежал за соседом, и наконец явился сосед и ссудил ему в долг несколько шиллингов. Один он оставил себе, объявив, что гинею разменять не просто, а «держать ее под замком» — накладно. Впрочем, он был чрезвычайно учтив и любезен. Мы были приглашены за семейный стол; в красивой фарфоровой чаше подан был пунш, от которого мой плут-проводжатый впал в такую веселость, что о продолжении пути не могло быть и речи.

Я начинал не на шутку злиться и обратился за помощью к хозяину (звали его Гектор Маклин), который мог засвидетельствовать, что я заплатил проводнику пять шиллингов. Но Маклин, бывший уже навеселе, заметил значительно, что джентльмену не должно вставать из-за стола, коль скоро ему принесли пунш. Делать нечего, я сидел и слушал якобитские тосты, покуда застолье не захмелело и не разбрелось спать кто куда: иные по постелям, а кто, пошатываясь, и в сарай.

Поутру (на четвертый день моих походов на суше) мы проснулись, когда на часах не было и пяти, но мой проводжатый опять приложился к бутылке; лишь по прошествии получаса мы, наконец-то, пустились в дорогу. Но тут случилась новая неприятность.

Пока мы шли по вересковой долине, в которой стоял дом Маклина, все было как будто бы хорошо. Правда, мой проводник поминутно оглядывался назад, а на мои вопросы только посмеивался. Но едва мы завернули за холм и скрылись из виду, горец остановился и, указав на видневшуюся в отдалении гору, объявил, что там-де и находится Торосей.

— Ну и что из того, — сказал я, — вы же меня проводите.

Тут бессовестный плут объявил, что меня не понимает, и залопотал по-гэльски.

— Послушайте, любезный, — возмутился я. — Что это значит? Верно для понимания вам нужно еще денег?

— Еще пять шиллингов, и я вас туда доставлю! — воскликнул он.

Поразмыслив немного, я предложил ему два. Он с жадностью согласился и попросил деньги вперед, «на счастье». Но вышло, однако же, не на счастье, а скорее на беду.

Двух шиллингов хватило ненадолго. Не прошли мы и двух миль, как он снова остановился и, сев у обочины, принялся стаскивать с себя башмаки с явным намерением отдыхать.

— Опять старая песня! — возмутился я. — Опять вы не понимаете по-английски?

— Не понимаю, — нагло отвечал он.

Я вскипел и в порыве гнева хотел его ударить, но горец тотчас выхватил из-за пазухи нож и проворно отполз шага на три, оскalia зубы, будто дикая кошка. Я в бешенстве бросился на него, левой рукою отвел нож, а кулаком правой ударил его в челюсть. Силы мне было не занимать, к тому же мной руководила ярость; мой же противник был человек тщедушный. Он повалился, как сноп. Нож, к счастью, отлетел в сторону.

Подхватив башмаки и оружие моего провожатого и пожелав ему счастливо оставаться, я зашагал прочь. На душе у меня было весело. Я посмеивался, вспоминая, как ловко отделался от мошенника. Теперь он уже не посмеет вымогать у меня деньги; башмаки, которые я у него отнял, стоили в этих краях не более двух-трех пенсов, а ходить с ножом, точнее, с кинжалом он не смел хотя бы потому, что это было запрещено законом.

Спустя полчаса я поравнялся с человеком огромного роста, в лохмотьях, который подвигался с удивительной быстротой, нащупывая дорогу палкой. Он был совершенно слеп, к тому же назвался законоучителем, что, казалось бы, должно было меня успокоить, однако лицо его, мрачное, с затаенной, недоброй усмешкой, не внушало особенного доверия. Мы шли рядом, и было видно, что из кармана изодранного его кафтана выглядывает стальная рукоять пистолета. За ношение пистолета полагался

штраф в размере пятнадцати фунтов, а при вторичной поимке высылали в колонии. Для чего законоучителю ходить с оружием, для каких таких надобностей пистолет слепому — этого я не мог себе уяснить.

Упоенный своею победой, я стал рассказывать о своем провожатом, и тут тщеславные чувства взяли верх над благоразумием. При упоминании пяти шиллингов слепой издал такой изумленный возглас, что я поспешно прервал свой рассказ, умолчав о двух других шиллингах, которые мне пришлось приплатить. Краска залила мне лицо; благо мой спутник не мог этого заметить.

— Что, я дал слишком много? — спросил я сконфуженно.

— О, не то слово. Хотите, я провожу вас до Торосея всего за стакан коньяку? К тому же вы получите удовольствие: я человек ученый и многое могу вам поведать.

Я отвечал, что не могу постигнуть, каким образом слепой может показывать дорогу. Спутник мой рассмеялся и стал уверять, что со своей палкой он видит не хуже орла.

— Уж во всяком случае на острове Малл. Здесь я каждый камень, каждый кустик знаю. — И как бы в подтверждение своих слов он принялся с усердием постукивать по сторонам палкой. — Вон, поглядите, там, в овраге, ручей, а вон пригорок, на краю его лежит камень. Дорога на Торосей вон там, у подножья холма. Видите каменистую тропу? А тут прогоняют скот, трава утоптана, а чуть подалее, как пойдет вереск, позаросла травой.

И точно, от внимания слепого не ускользнула ни одна мелочь. Я выразил удивление.

— Э, это еще что! Вы не поверите: до закона, когда в краях этих еще водилось оружие, я постреливал, и, вы знаете, очень недурно. Кстати, — с хитрой усмешкой прибавил слепой, — если у вас есть при себе пистолет, я бы вам показал, как это у меня получается.

Сказавши, что пистолета у меня нет, я поспешил отступить от слепого подальше. Видел бы он, как в эту минуту у него из кармана высовывался пистолет, поблескивая стальной рукоятью. Но на мое счастье, мой спутник был слеп и не догадывался, что пистолет мне виден, полагая, что он надежно спрятан, и продолжая притворяться, будто оружия у него нет.

Потом он хитро начал выпытывать, откуда я родом, каково у меня состояние и нельзя ли разменять у меня монету в пять шиллингов, которая будто бы у него в споране¹. При этом он все норовил приблизиться, а я от него увертывался. Мы шли наизволок по гуртовой дороге и, как в хороводе, менялись поочередно местами. К великому моему удовольствию, занятие это мне удавалось гораздо лучше, нежели моему партнеру; игра в жмурки меня забавляла. Законоучитель злился, злился и, разразившись гэльскою бранью, принялся колотить вокруг себя палкой в надежде сшибить меня с ног.

Тогда я дал ему понять, что у меня тоже имеется пистолет и что, если сейчас же он не оставит меня в покое и не повернет на юг, я принужден буду пустить ему пулю в лоб. Слепой сразу же присмирел и после тщетных попыток меня улестить поспешил удалиться, выругавшись на прощанье по-гэльски. Я видел, как он размашистою поступью, постукивая палкой, прошел по торфяникам, потом через вересковую пустошь и наконец, обогнув холм, спустился в ложбину. Проводив его взглядом, я продолжил свой путь в одиночестве, радуясь ему несказанно больше, чем обществу моего ученого спутника. То был для меня, несомненно, день несчастливый, ибо мои провожатые, от которых я насилу избавился, оказались самыми дурными людьми, которых довелось мне встретить в Горной Стране.

В Торосее, на берегу, нашел я гостиницу, обращенную фасадом к Морвену, что находится на другом берегу пролива Малл. Хозяин ее, которого тоже звали Маклином, по всем приметам принадлежал к знатному роду. Нужно заметить, что в Горной Шотландии содержать гостиницу считается занятием куда более благородным, чем у нас, на Равнине: потому ли, что горцы чрезвычайно гостеприимны, а может быть, по причине праздности сего занятия, сопряженного с хмельными утехами. Маклин хорошо говорил по-английски и, найдя во мне в некотором роде следы образованности, проэкзаменовал меня сперва по-французски, а затем по-латыни. Во французском он скоро поставил меня в тупик, зато в латыни наши познания оказались равны, во всяком случае, я ему ни-

¹ Споран — кошель из козьей кожи.

сколько не уступал. Это приятное состязание нас быстро расположило друг к другу. Мы просидели до ночи за чашей пунша (точнее, я только глядел, как он пьет), покада он не захмелел до такой степени, что начал рыдать у меня на плече.

Я будто ненароком показал пуговицу Алана, но у Маклина она вызвала непритворное недоумение. К тому же он питал сильную неприязнь к семье и друзьям Ардшиля и, до того как напиться, прочел даже памфлет на одного из Стюартов, сложенный им на хорошей латыни, элегическими стихами, правда, ужасно злобный и издевательский.

Я рассказал про законоучителя. Маклин с удивлением покачал головой, заметив, что я счастливо отделался.

— Этот человек, — пояснил он, — очень опасен. Его зовут Дункан Маккиг. Стреляет почти без промаха, даром что слепой. Часто обвинялся в разбое, а один раз даже в убийстве.

— Забавней всего, что он именует себя законоучителем, — заметил я.

— А что, он ведь и в самом деле законоучитель. А дал ему это звание Маклин из Дюарта из сострадания к его слепоте. Вот он теперь и странствует, бродит с места на место, поучает юношество, чтобы не забывало закон божий. Ну, и ясное дело, впадает подчас в искушение.

Наконец нагрузившись вдоволь, мой хозяин кой-как проводил меня до постели, на которую лег я в чрезвычайно приятном расположении духа. В четыре дня прошел я большую часть обширного и извилистого острова Малл, от Эррейда до Торосея, что напрямик составляет пятьдесят миль, а с моими скитаниями и все сто, и притом почти не устал. Удивительно, что под конец этого долгого перехода у меня даже прибавилось сил и я пребывал в состоянии духа куда более бодром, чем в начале пути.

ЮНОША С СЕРЕБРЯНОЙ ПУГОВИЦЕЙ.
ПО МОРВЕНУ

Из Торосея в Кинлохалин, на другой берег пролива Малл, ходит паром. Оба берега — владения могущественного клана Маклинов, и моими попутчиками в большинстве своем были Маклины. Впрочем, владельца бота звали Нийл Рой Макроб, а поскольку это было одно из имен сородичей Алана, который меня и направил к этому перевозу, мне не терпелось поговорить с Нийлом Роем наедине.

На боте, при всем народе, это было, конечно, невозможно, а подвигались мы еле-еле. Ветра не было, бот оснащен был скверно, и гребли только тремя веслами. Правда, работали гребцы с усердием, пассажиры по очереди их сменяли, и мы шли не сбавляя хода, под немолчный хор голосов, распевавших гэльские песни. Яркое солнце, свежий морской воздух, дружное пение, добросердечие и веселость моих спутников не могли не радовать.

Не обошлось, однако, и без печальных зрелищ. В устье Лох-Алина стоял на рейде огромный корабль. Поначалу издали он показался мне дозорным судном, которые, как известно, крейсировали в этих местах и зимой и летом, дабы препятствовать горцам вести сношения с Францией. По приближении оказалось, что судно торговое. С удивлением увидел я, что на всех его палубах толпится народ, а с берега, где заметно было густое скопление, то и дело подходят шлюпки, доставляя на судно новые партии пассажиров. Подойдя ближе, мы расслышали крики и причитания. Кричали и плакали на корабле, им вторили с берега, и все это сливалось в надрывающий душу стон. Тут только я наконец понял, что это корабль с ссыльными, осужденными плыть в американские колонии.

Когда мы подошли к судну вплотную, люди с плачем кинулись к борту, простирая руки и вызывая к моим спутникам, среди которых, как оказалось, были их родственники. Не могу сказать, сколь долго длилось это прощание: все точно забыли о времени. Наконец капитан

судна, как видно, вконец ошалев от неумолчных рыданий, закричал, чтобы мы отвалили от борта.

Нийл приказал править к берегу, запевала затянул унылую песню, и ее тотчас подхватили на судне и на берегу. Она лилась отовсюду, горестная, словно плач по покойнику. Я увидал слезы на щеках моих спутников, плакали даже гребцы, да и я едва не заплакал — так подействовали на меня это тяжелое зрелище и печальная горская песня.

В Кинлохалине, как только сошли мы на берег, я отозвал Нийла Роя в сторону и осведомился, не из Аппина ли он родом.

— Да, из Аппина, а что вам угодно? — отвечал он с недоумением.

— Я ищу одного человека. Мне почему-то кажется, что вы знаете, где его найти. Его зовут Алан Брек.

И тут, вместо того чтобы показать Нийлу пуговицу, я с глупым видом принялся совать ему шиллинг.

Нийл вспыхнул и отпрянул назад.

— Вы меня оскорбляете! — воскликнул он. — Джентльмену не пристало так вести себя с джентльменом! Тот, кого вы ищете, ныне во Франции, но, будь он даже в моем споране, а из вас бы, как из мешка, сыпались шиллинги, я не дал бы упасть ни единому волоску с его головы!

Уразумев свою ошибку и не теряя времени на извинения, я показал пуговицу, которую держал наготове в левой руке.

— Ах, вот оно что. Что бы вам сразу не начать с этого! Коли вы и есть тот юноша с серебряной пуговицей, это меняет дело. Мне поручено указать вам дорогу. Но позвольте мне одну откровенность: есть имена, которые лучше не называть. К ним относится имя Алана Брека. И еще попрошу заметить: вперед не размахивайте в наших краях деньгами, особенно перед лицом дворянина.

Не так-то просто было принести извинения: едва ли я мог признаться, что мне и в голову не приходило полагать его дворянином, покуда он сам о том не заговорил. Что до Нийла, то он, видимо, не желал завязывать со мной дружеских сношений и хотел только поскорее от меня избавиться. Я должен был заночевать в Кинлохалине на постоялом дворе, а затем, перебравшись из Морвена в

Ардгур, остановиться в доме некоего Джона Клеймура, которого уже известили о моем скором прибытии. Далее, на третий день пути, я должен был переправиться через два лоха¹ в Корране и в Баллахулише, а оттуда спросить дорогу к дому Джеймса Гленского, что находился в Охарне, в аппинском Дюроре.

Вы, верно, заметили, что немалую часть пути мне предстояло пройти по воде. Дело в том, что море в этих краях глубоко врзается в берег, образуя узкие, извилистые заливы, омывающие подножья скал. Мрачные и дикие пейзажи обычны для этих мест. Быть может, легко оборонять эти земли от неприятеля, но отнюдь не легкое дело по ним путешествовать.

Я получил от Нийла и другие наставления: не вступать ни с кем в разговор, всячески избегать вигов, Кэмпбеллов и особенно «красномундирников», при появлении которых немедленно сворачивать с дороги в заросли, потому что «встреча эта ни к чему хорошему не приведет». Иными словами, вести себя под стать разбойнику или ж якобитскому лазутчику, каковым, по-видимому, я и казался Нийлу.

Постоялый двор в Кинлохалине представлял собой грязное и убогое заведение (ни дать ни взять — свиной хлев), полное дыма, клопов, тараканов и угрюмых горцев. Удрученный этой картиной, горько кляня себя за неучтивость по отношению к Нийлу, я полагал, что худшего невозможно себе представить, но я ошибался. Не просидел я в гостинице и получаса (вернее, не простоял, потому что я принужден был стоять в дверях, спасаясь от торфяного дыма, витавшего в комнатах), как набежала гроза, хлынул дождь, потоки воды, низвергаясь с гор, ринулись на пригорок, на котором стояла гостиница, и все потекло. Конечно, в те времена Шотландия отнюдь не славилась своими постоялыми дворами, однако можете себе представить мою досаду, когда от очага до постели пришлось пробираться едва ли не по щиколотку в воде.

Рано поутру я двинулся в путь и вскоре поравнялся с человеком небольшого роста, полным, благонамеренного и очень важного вида. Он шел не спеша, переваливаясь с ноги на ногу, и читал на ходу книгу, на полях которой

¹ Л о х (шотл.) — узкий длинный морской залив, глубоко вдающийся в сушу и образующий как бы озеро.

он поминутно делал ногтем пометы. Его одежда, неброская, но опрятная, изобличала в нем священнослужителя.

Оказалось, что он тоже законоучитель. Не такой законоучитель, каковым был слепой с Малла,— нет, разумеется, нет. Он был послан Эдинбургским обществом распространения христианства проповедовать в здешних отдаленных краях евангелие. Звали его Гендерленд. Говорил он на приятном южно-шотландском наречии, по которому я сильно соскучился за время странствий. Вскоре выяснилось, что мы родом из одних мест и еще к тому же имеем общие интересы. Добрый друг мой, эссендинский священник, перевел некогда на досуге на гэльский язык несколько гимнов и богословских сочинений, которые Гендерленд с успехом читал горцам. Кстати, книга, которую он с увлечением читал, принадлежала как раз перу мистера Кэмпбелла.

Мы сразу разговорились, а поскольку оба держали путь в Кингерлох, порешили идти вместе. По дороге мистер Гендерленд то и дело останавливался и беседовал чуть ли не с каждым, кто попадался нам на глаза, будь то путник или работник в поле; и хотя я не мог уяснить себе предмет разговора, было видно, что законоучителя здесь уважали, потому что не раз раскрывалась для него табакерка и за сим следовало дружеское угощение.

О себе я рассказал только то, что нашел возможным рассказывать, то есть все, что не касалось имени Алана Брека. Между прочим, я сообщил, что иду повидать своего родственника, который живет в Баллахулише, но про Охарн и Дюрор я умолчал, опасаясь, как бы он чего не заподозрил. Со своей стороны мистер Гендерленд поведал мне о своих делах и заботах, о здешних людях, об укрывающихся в лесах священниках и якобитах, о законе о разоружении и о многих достопримечательных событиях того времени. Взгляды законоучителя отличались умеренностью: некоторые постановления парламента он осуждал, в особенности закон, по которому за горскую одежду судили гораздо строже, чем за ношение оружия.

Выслушав его суждения, я решился спросить про Рыжего Лиса и про алпинских арендаторов, что прозвучало бы вполне естественно в устах человека, направляющегося в эти края.

Гендерленд заметил, что дело это темное, но к горцам явно несправедливы.

— Диву даешься, откуда эти несчастные берут деньги, ведь посмотреть на них — нищие, есть нечего. Простите, мистер Бальфур, не найдется ли у вас табаку? Нет? Ну и прекрасно, как-нибудь потерплю. Так о чем я сказывал? Да. Этих людей, можно сказать, довели до такого состояния. Вот хотя бы Джеймс Стюарт из Дюрора, его называют еще Джеймсом Гленским. Единокровный брат Ардшиля, вождя клана, человек уважаемый, а в какой нищете пребывает! Есть тут еще некий Алан Брек...

— А это кто таков? — с живым любопытством спросил я.

— А что ветер — поди узнай у него, куда он подует. Вот и этот: нынче здесь, а завтра смотришь — и след простыл, уже в другом месте. Ловкая бестия. Не удивлюсь, если он сейчас сидит вон за теми кустами да на нас посматривает. Виноват, нет ли у вас табаку?

Я отвечал, что нет и что он уже прежде меня о том спрашивал.

— Возможно, — сказал он со вздохом. — Странно, однако, что вы не нюхаете табаку. Так о чем я сказывал? А, Алан Брек. Да, отчаянный малый! Правая рука Джеймса. Если его поймают, то его ждет виселица, так что терять ему нечего. Если кто из клана выкажет неповиновение, зарежет тут же и глазом не моргнет. Что ему, всё нипочем.

— Какие ужасные вещи вы говорите, мистер Гендерленд. Коли здесь у вас все на страхе держится, лучше и не рассказывайте.

— Э, нет, тут не только страх. А любовь, а самопожертвование, от которого нам с вами совестно сделалось бы. Нет, не скажите, есть в этом что-то возвышенное, благородное. Пусть не совсем христианское, но благородство. Тот же Алан Брек, я знаю, пользуется большим уважением. Посмотрите, сколько у нас в стране лжецов, мистер Бальфур, сколько негодяев! И в церковь как будто ходят, и мнение света к ним благосклонно, а между тем, посмотрите, они, быть может, гораздо опаснее этого безумца. Нет, у этих горцев есть чему поучиться. Но вы, верно, думаете, что я слишком долго пробыл в горах? — с улыбкой примолвил он.

Я отвечал, что отнюдь так не думаю, что многое в горах вызывает у меня восхищение и что сам мистер Кэмпбелл, если на то пошло, тоже ведь родом из Горной Шотландии.

— Да, это правда, — согласился он. — У него прекрасная родословная.

— А что вы скажете о королевском управляющем?

— О Колине Кэмпбелле? Что ж, он сам идет на рожон.

— Я слышал, он намерен выселить арендаторов.

— Да, это верно. Но дело это, как говорится, туда-сюда и ни с места. Джеймс Гленский поехал в Эдинбург, приискал себе там стряпчего, уж конечно какого-нибудь Стюарта (они ведь все, как летучие мыши на чердаке, друг дружки держатся), словом, дело о выселении было приостановлено. Потом Колин Кэмпбелл поехал, выхлопотал себе бумагу в суде казначейства, и теперь, я слышал, первая партия переселенцев отправляется уже завтра. Причем начнут выселение в Дюроре, можно сказать, прямо у Джеймса под окнами. Нехорошо все это, неразумно. Я так, по скромному своему разумению, понимаю.

— Вы полагаете, что горцы взбунтуются?

— Оружие-то у них отобрали. Во всяком случае, таково мнение правительства. На самом-то деле, у многих припрятано. Правда, у Колина Кэмпбелла за спиной солдаты, а все же его жене не позавидуешь. На ее месте я не обольщал бы себя надеждами, доколе он не вернется из этой поездки. Эти аппинские Стюарты народ лихой.

Я заметил, что в горах, как видно, нет их опаснее.

— Да нет, не скажите. В том-то вся и штука. Положим, обстригает Колин это дело в Аппине, так ведь ему еще ехать в соседние земли, в Мамор. А там Камероны. Он ведь и там королевский управляющий и везде собирается учинить выселение. Так что, мистер Бальфур, буду уж с вами до конца откровенным: если здесь ему вдруг сойдет с рук, то на второй-то раз уж не сносить головы. Камероны ему не спустят.

В таких беседах проходило наше путешествие.

Солнце было уже в зените, когда мистер Гендерленд, изъявив удовольствие от приятно проведенного времени в обществе друга мистера Кэмпбелла, «сладкогласого певца нашего реформатского Сиона», предложил мне заночевать у него в доме на окраине Кингерлоха. Предложе-

ние это сильно меня обрадовало. Сказать по правде, мне не очень хотелось идти к Джону Клеймуру. После злополучных знакомств с проводником и паромщиком я стал побаиваться встреч с горцами. Итак, я с охотой согласился. Через час-другой мы подошли к небольшому дому, одиноко стоявшему на берегу Линни-Лоха. Солнце уже опустилось с голых вершин Ардгурских гор, но еще освещало горы в Аппине; залив походил на тихое озеро, только чайки с криком кружили у берега, нарушая величественную тишину дикого края.

Не успели мы подойти к двери, как мистер Гендерленд, к великому моему изумлению, устремился вперед, весьма неучтиво оставив меня у порога (я потому говорю «к изумлению», что всегда поражался вежливости и учтивости горцев). Он вбежал в комнату и, схватив банку и маленькую роговую ложку, принялся набивать свой нос табаком, да с таким усердием, что мне оставалось только дивиться поместительности его носа. Всласть отчихавшись, он повернулся ко мне с глуповатой улыбкой.

— Вот ведь какая оказия. Я дал обет не брать с собой табаку. Сказать по правде, большое лишение, но, как подумаешь о великомучениках благословенной пресвитерианской церкви да и во всем христианском мире, право, стыдно становится за свою слабость.

Как скоро мы отобедали (лучшими блюдами в доме были овсянка и сыворotka), мистер Гендерленд, приняв на себя торжественно-строгий вид, объявил, что почитает своим долгом перед мистером Кэмпбеллом осведомиться о состоянии моей души и отпустить мои грехи перед богом. Вспомнив о его пристрастии к табаку, я было усмехнулся, но вскоре от его слов на глаза мои навернулись слезы.

Доброта и скромность — эти чувства никогда не должны скудеть в наших сердцах. Не так уж часто их встретишь в нашем жестоком мире, где царят холодное равнодушие и гордыня. Но мистер Гендерленд не только был наделен этими чувствами, но обладал даром пробуждать их в других сердцах. Счастливо избегнув смертельной опасности, я, конечно, гордился в душе своими приключениями, однако ж в смирении преклонил колени перед бедным стариком, не только не устыдясь своего положения, но, напротив, гордясь им.

Перед тем как лечь спать, мистер Гендерленд достал

из потайного места скудные свои сбережения, хранившиеся в земляной стене дома, и протянул мне шесть пенсов на дорожные надобности. Этот новый порыв необыкновенной его доброты растрогал меня, и я потерялся. Но он предлагал их с такой искренностью, с таким участием, что я почел неучтивым противоречить и принял деньги, оставив его при средствах более скудных, чем были у меня в ту минуту.

Глава 17

СМЕРТЬ РЫЖЕГО ЛИСА

Рано утром мистер Гендерленд подыскал для меня перевозчика-рыбака. У него была своя лодка, на которой к полудню он собирался плыть к берегам Аппина.

Рыбак не посмел отказать своему духовному отцу и после некоторого колебания согласился взять меня в лодку. Таким образом, путешествие мое сокращалось на целый день и я сберегал деньги, которые пришлось бы отдать за переправу на двух пароммах.

Мы отчалили около полудня. День был пасмурный, небо покрылось тучами, солнце выглядывало лишь изредка. Море у берега было глубоко, было тихо, волны едва колыхались. Даже не верилось, что это море. Я попробовал воду на вкус, но она, разумеется, отдавала солью. По обе стороны лоха высились горы: голые скалы, крутые безлесные склоны, в редкий миг поблескивающие серебром рек и ручьев. Мрачным, суровым был Аппин; только Алану и его сородичам он мог внушать светлые чувства.

Чтобы дополнить эту картину, расскажу об одном случае. Вскоре после того, как мы отчалили, солнце, выглянув из-за туч, осветило на том берегу странное красное пятно, которое перемещалось в северном направлении. Мне показалось, что это солдаты в красных мундирах; по временам высвечивалось что-то блестящее, как будто сталь. Я спросил у лодочника, что бы это могло быть. Он сказал, что это, должно быть, солдаты из Форт-Уильяма, вызванные по случаю переселения арендаторов. Известие это меня опечалило. Оттого ли, что я думал об Алане, или от какого-то неясного предчувствия, но на сей

раз при виде солдат короля Георга я не испытал прежнего воодушевления.

У входа в Лох-Левен мы приблизились к берегу, и я попросил рыбака меня высадить. Лодочник, честный малый, не забывший о своем обещании законоучителю, готов был везти меня до Баллахулиша, но я попросил высадить меня здесь, поскольку иначе я только бы отдалился от тайного места моего назначения. Я сошел на берег на родине Алана, поблизости от Леттерморского или, как его еще называют, Леттерворского леса.

Лес, возвышавшийся на скалистом склоне горы, состоял из берез и местами сквозил прогалинами и буграми, густо поросшими папоротником, а в глубине его проходила дорога, вернее, верховая тропа, идущая на юг и север.

Я сел у обочины возле ручья и, закусив овсяной лепешкой, погрузился в раздумье. Мысли мои омрачились не только полчищами комаров, то и дело дававшими о себе знать, но и сомнениями, внезапно мной овладевшими. Что же мне делать? Ради чего связываться мне с человеком, объявленным вне закона, с мятежником, готовым на любой шаг, даже на убийство? Не разумнее ли повернуть на юг, в родные края, не обременяя себя покровительством горца? Что подумали бы обо мне мистер Кэмпбелл и мистер Гендерленд, когда бы узнали о моем безрассудстве и самонадеянности? Эти сомнения терзали меня пуще прежнего.

Я сидел, погруженный в свои размышления, как вдруг послышались шаги, стук копыт, и вскоре из-за поворота тропы показались четверо путников, ведущих под уздцы своих лошадей. Тропа в этом месте была узка и неровна, отчего они принуждены были спешиться и вытянуться в цепочку. Впереди шел высокий дородный человек с рыжими волосами и с отменно важным, властным лицом, сильно раскрасневшимся от жары, которая его, видимо, донимала. В руке он держал шляпу и поминутно ею обмахивался. Следом шел человек в долгополом черном одеянии, избличавшем законника. Третий, слуга, был одет если не в самый тартан, то, по крайней мере, в нечто весьма с ним схожее, клетчатое, что выдавало его гэльское происхождение и свидетельствовало о том, что либо его господин законоотступник, преследуемый королевской

властью, либо, напротив, особа облеченная властью и пользующаяся королевскими милостями,— ведь носить тартан было запрещено. Если бы я еще разбирался в геральдике, то подметил бы на тартане цвета дома Аргайлей, то есть Кэмпбеллов. Лошадь слуги была навьючена объемистым чемоданом и сеткой с лимонами, необходимыми для приготовления пунша. Так в горах обыкновенно путешествовали люди знатные и богатые. Что же касается четвертого, замыкавшего шествие, то это был помощник шерифа; я догадался о том потому, что уже не раз видывал ему подобных.

Не успел я увидеть этих людей, как уже невесть отчего вздумалось мне продолжать свои странствия. Когда господин с рыжими волосами со мной поравнялся, я предстал перед ним во весь рост, показавшись из папоротников, и спросил, как мне лучше добраться до Охарна.

Незнакомец остановился, смерил меня несколько странным взглядом и обратился к законнику со словами:

— Мунго, а ведь многие бы сочли это скверным предзнаменованием. Я еду в Дюрор, ты знаешь, по какой надобности, а тут из кустов выскакивает этот малый и выпытывает, куда я еду, случайно, не в Охарн ли.

— Полно тебе шутить не к месту, Гленур,— проговорил его спутник.

Они стояли друг подле друга и с любопытством меня рассматривали. Двое других остановились позади на расстоянии брошенного камня.

— А что тебе нужно в Охарне? — спросил Колин Рой Кэмпбелл из Гленура, по прозвищу Рыжий Лис, ибо это был он.

— Я ищу одного человека.

— Джеймса Гленского? — нахмуясь, проговорил Гленур и обратился к законнику: — Как ты думаешь, не собирает ли он своих людей?

— Во всяком случае, нам лучше подождать здесь,— отозвался законник.— Скоро подойдут солдаты.

— Ежели вы беспокоитесь из-за меня,— сказал я,— то, должен заметить, я ни к какой партии не принадлежу. Я честный подданный короля Георга, а более никому не обязан и никого не боюсь.

— Что ж, прекрасный ответ,— молвил управляющий.— Но хотел бы знать, что делает этот честный

подданный в здешних, столь отдаленных краях и зачем ему понадобилось видеть брата Ардшиля? Я представляю здесь власть. Я королевский управитель этих земель. Под моим начальством несколько рот. Они уже на подходе.

— Говорят, вы очень круты, с вами не просто ладить,— сказал я не без некоторого раздражения.

Он поглядел на меня исподлобья, как бы с сомнением.

— Твои речи смелы,— наконец проговорил он,— но я ценю откровенность. Если б ты спросил у меня дорогу к дому Джеймса Гленского при иных обстоятельствах, я охотно бы тебе ее показал, да еще при том пожелал бы доброго пути, но сегодня... Что скажешь, Мунго? — И с этими словами он оборотился к законнику.

Только он повернулся, как сверху, с холма, грянул выстрел. Гленур пошатнулся и упал на тропу.

— Умираю,— простонал он.

Законник кинулся его поднимать; слуга, как обезумевший, в растерянности заламывал руки. Раненый переводил полный ужаса взгляд со слуги на законника.

— Позаботьтесь о себе,— наконец вымолвил он хриплым, сдавленным голосом.— Кажется, это смерть.

У него вырвался тихий стон. Он хотел расстегнуть кафтан, чтобы взглянуть на рану, но рука в бессилии сорвалась, голова запрокинулась. Я увидел, что он уже мертв.

Законник стоял как окаменелый, не говоря ни слова; лишь лицо его вытянулось и покрылось мертвенной бледностью. Слуга закричал в отчаянии и залился слезами. Помощник шерифа тотчас же после выстрела побежал за солдатами. Я же стоял в оцепенении.

Наконец законник опустил убитого на тропу, на которой багровела кровь, и, пошатываясь, стал подниматься. Тут я опомнился. Не успел он выпрямиться во весь рост, как я уже карабкался вверх по крутому склону, крича во все горло: «Держите! Держите его!»

С момента выстрела прошли считанные мгновения. Когда я взобрался на первый уступ горы, за которым открывалась небольшая прогалина, убийца был еще близко. Он был высокого роста, плечист, в черном кафтане с металлическими нуговицами. В руке у него было длинное охотничье ружье.

— Вот он! Он здесь! — закричал я.

Незнакомец бросил через плечо беглый взгляд и кинулся наутек. Через несколько мгновений он исчез за березами, вновь появился на открытом склоне и с ловкостью обезьяны полез вверх. Скоро он скрылся из виду за вершиной холма.

Я бежал за ним следом и взобрался уже высоко, как вдруг позади раздался голос, призывающий меня остановиться. Я уже добежал до берез, в которых скрывался убийца, но, услышав окрик, оборотился.

Законник и помощник шерифа, взойдя на первый уступ, кричали, делали мне знаки спуститься, меж тем как слева от них, внизу, из леса, один за другим выходили солдаты с мушкетами наготове.

— Зачем? Я не пойду! — закричал я. — Поднимайтесь сюда! Скорее!

— Десять фунтов тому, кто поймает этого малого! — воскликнул законник. — Он соучастник. Его нарочно поставили здесь, чтобы отвлечь нас!

Эти слова обращены были к солдатам, но я услышал их со всей отчетливостью. Ужас сковал мои члены, ужас, еще мне неведомый. Одно дело, рисковать только жизнью, совсем другое — еще и честью. То было для меня как гром среди ясного неба. Я застыл на месте, словно оцепенев.

Между тем солдаты двинулись цепью; одни побежали, другие, вскинув мушкеты, стали в меня целиться. Я же стоял как ошоломленный.

— Сюда! За дерево! — раздался близ меня голос.

Рассуждать было некогда, да и не в силах я был рассуждать. Я устремился вперед. Только я забежал за березы — грянули выстрелы, и над головой у меня просвистели пули.

Передо мной с удочкой стоял Алан Брек. Не тратя времени на приветствия (до них ли нам было!), он сказал только одно слово: «Бежим», и мы пустились бежать по склону горы в направлении к Баллахулишу: впереди он, а я за ним вслед, точно овца за бараном. Мы бежали по березнику короткими перебежками, пригибаясь к земле, прячась за бугры и камни, затем, опустившись на четвереньки, ползли по вересковым прогалинам. И снова бежали — бежали во весь дух, во всю прыть. Сердце мое бешено колотилось, дыхание занималось, в голове был

сумбур. Помню только, как, к удивлению моему, Алан время от времени вставал во весь рост, оглядывался, где погоня, и всякий раз далеко позади слышались оживленные крики.

Спустя минут пятнадцать, Алан остановился и повалился пластом в вереск.

— Дело скверное,— повернувшись ко мне, сказал он.— Если жизнь тебе дорога, делай, как я.

И с тою же быстротой, но теперь с куда большею осторожностью мы пустились в обратный путь: поднялись вверх по склону и, обойдя солдат стороной, вернулись на прежнее место в Леттерморском лесу. Алан упал в папоротник и долго лежал ничком, еле переводя дыхание.

У меня кололо в боку, голова кружилась, во рту от жары и от бега пересохло. Я как подкошенный упал на землю возле своего товарища.

Глава 18

РАЗГОВОР В ЛЕТТЕРМОРСКОМ ЛЕСУ

Алан первый пришел в себя. Он поспешно встал, подошел к краю леса, тщательно оглядел местность и, возвратившись, прилег подле меня.

— Да, задали нам жару, Дэвид,— усмехнулся он.

Я промолчал, даже не поднял головы. На глазах у меня произошло убийство. В считанные мгновения оборвалась жизнь крепкого, пышущего здоровьем человека. Мне было жаль его, но не только жалость стесняла мне сердце. Погиб тот, кого Алан больше всего ненавидел, а ведь Алан, как нарочно, прятался в тот момент за деревьями, укрываясь от солдат. Его ли рука направила эту пулю, или же он только направил другого, а сам наблюдал в стороне — какое это имело значение! Так или иначе было ясно, что мой единственный в этой дикой стране друг замешан в убийстве и руки его обгарены кровью. Он внушал мне ужас и отвращение. Мне было страшно взглянуть ему в лицо. Уж лучше дрожать как лист, одному под дождем на острове, чем в ясный день лежать в лесу рядом с убийцей.

— Что, отдышался? — прервал молчание Алан.

— Отдышался, — отвечал я, не отрывая лица от земли. — И могу теперь вам сказать: нам надо расстаться. Вы мне очень нравились, Алан. Но нам не по пути. Ваш путь — это не праведный путь. Словом, надо нам расстаться.

— Я не расстанусь с тобой, Дэвид, без веской на то причины, — мрачным голосом проговорил Алан. — Если тебе известно что-либо порочащее мою честь, прошу тебя ради нашей дружбы быть откровенным. Но если тебе попросту разонравилось мое общество, так и скажи. Я сам рассужу, почитать ли мне себя оскорбленным.

— К чему эти речи? Вы же прекрасно знаете, что Кэмпбелл мертв. Вон там, на той дороге не остыла еще его кровь.

— Слыхал ли ты когда-нибудь сказку о Человеке и Добром Народе? — помолчав немного, спросил Алан. Он имел в виду гномов.

— Нет, не хочу и слушать.

— И все же, с вашего позволения, мистер Бальфур, я расскажу эту сказку. Как-то один человек потерпел крушение и был выброшен на скалистый остров, а туда, по дороге в Ирландию, порой наведывался Добрый Народ. Этот островок, называемый Скерривором, находился недалеко от того места, где мы наткнулись на риф. Так вот, должно быть, этот человек так сокрушался и горевал, что не сможет перед смертью повидать своего ребенка, что король Доброго Народа сжалился и послал за ребенком гонца. Дитя привезли в мешке и положили подле человека, а тот в это время спал. И вот человек проснулся, видит — лежит мешок, а в нем что-то шевелится. А надобно заметить, что человек этот был очень мнителен, всюду мерещились ему козни, поэтому прежде чем развязать мешок, он на всякий случай проткнул его кинжалом. А когда развязал, видит — перед ним дитя его, но уже бездыханно. Сдается мне, мистер Бальфур, что вы весьма похожи на того человека.

— Вы хотите сказать, что вы не причастны к убийству Кэмпбелла? — в волнении воскликнул я, приподнявшись с земли.

— Скажу вам по-дружески, мистер Бальфур из Шоса: если б я собирался убить какого-нибудь джентльмена, то

не стал бы убивать его в Аппине, дабы не навлекать беду на моих соотечественников, и при том не ходил бы без шпаги и пистолета, с одною лишь удочкой.

— Да, вы правы, конечно, так.

— Извольте убедиться! — продолжал Алан, обнажив кинжал и положив на него руку. — Клянусь на этом священном клинке, что не только не убивал, но даже в мыслях ничего подобного не держал!

— Слава богу, что это так! — с сердцем воскликнул я и протянул ему руку.

Алан будто и не заметил.

— Довольно, — проговорил он сквозь зубы. — Слишком много чести для Кэмпбелла, чтобы столько о нем трезвонить. Экая невидаль, право.

— Не сердитесь, Алан. Вы не можете на меня обижаться: вы же помните наш разговор на бриге. Но благо искусительные помыслы еще не есть преступление. Кто не впадает порой в искушение... Но с холодным рассудком лишить человека жизни, это ж...

Я не мог досказать фразы, я был слишком взволнован.

— Алан, а вы знаете, кто это сделал? — помолчав немного, спросил я. — Вы знаете того человека в черном кафтане?

— Признаюсь, не отчетливо помню его кафтан, — отвечал он с лукавым видом. — Мне почему-то кажется, что он был синего цвета.

— Неважно, синий ли, черный ли! Не встречали ли вы его прежде?!

— Сказать по правде, не могу поклясться. Он пробежал близко, но я, как назло, в это время завязывал башмаки.

— Алан, можете ли вы поклясться, что его не знаете?! — вскричал я в досаде, но одновременно в душе смеясь над его увертками.

— К сожалению, нет. У меня прескверная память. В ней бывают ужасные провалы.

— И все же вы не можете отрицать, — возразил я, — что вы старались привлечь внимание солдат к нам и тем самым отвлечь его от того человека.

— Допустим. Что из того? Так поступил бы всякий порядочный дворянин. Ведь мы не причастны к этому делу.

— Нечего сказать, легко нам будет оправдываться, когда нас обвинят в убийстве, к которому мы не причастны! Действительно, верно сказано, что кровь виновного — это вода, а невинного — беда.

— Видишь ли, Дэвид, у невинных всегда есть возможность оправдаться перед правосудием. Ну, а этому малому, пустившему пулю в Кэмпбелла, надеяться не на что. Разве только на вереск, чтобы погуще был. Людям, которые ни в чем не замешаны, не следует забывать о тех, кто в чем-то замешан. В этом и заключается истинное христианство. Случись все иначе, будь этот малый на нашем месте, а мы, чем лукавый не шутит, окажись в его положении, представляешь себе, как бы мы его благодарили, если б он отвлек на себя солдат.

Тут я понял: бесполезно было разубеждать Алана — столь невинен был у него взгляд, так искренне верил он в свою правоту, такая пламенная готовность к самопожертвованию во имя долга и чести (долга и чести, разумеется, по его понятиям) читалась на его лице. Мне невольно вспомнились слова мистера Гендерленда. Да, у диких горцев было чему поучиться. Я получил хороший урок. Понятие о долге и чести у Алана было перевернуто, но как он веровал в его непогрешимость, как горячо отстаивал! Он готов был в огонь идти за свои убеждения.

— Алан, я не берусь утверждать, что это и есть истинное христианство, я разумею его несколько иначе, но ваши слова утешительны. Вот вам моя рука!

И я во второй раз протянул ему руку, которую Алан с радостью принял, крепко пожал ее обеими руками и с жаром воскликнул, что я, должно быть, околдовал его, ибо он готов мне простить все на свете. Вслед за тем он сделался чрезвычайно серьезен и заметил, что время не ждет и нам обоим нужно немедленно бежать из Аппина: ему — поскольку он дезертир, а мне, потому что отныне на мне лежат тяжкие подозрения в убийстве, тем более что солдаты, верно, уже всполошились и рыщут по всем дорогам, останавливая каждого встречного и поперечного.

— Я не страшусь правосудия моей родной страны! — воскликнул я с жаром, желая показать ему свою решимость.

— Как будто речь идет о твоей стране, — возразил

Алан. — Можно подумать, что судить тебя будут здесь, в стране Стюартов.

— Но ведь мы как-никак в Шотландии!

— Дивлюсь на тебя, право. Пойми наконец: убит Кэмпбелл, а стало быть, когда тебя поймают, то повезут на суд в Инверэри, во владения Кэмпбеллов, где все пятнадцать присяжных будут, разумеется, Кэмпбеллы, и Кэмпбелл из Кэмпбеллов, председатель суда герцог Аргайльский, будет сидеть петухом, раздуваясь от важности в своем кресле.

Признаюсь, от его слов мне стало несколько не по себе. Представляю, как бы я испугался, если б знал в ту минуту, сколь верны окажутся предсказания Алана. Лишь в одном он немного сгустил краски: среди присяжных, как потом оказалось, было не пятнадцать, а одиннадцать Кэмпбеллов. Впрочем, и остальные четверо были у герцога на поводу, так что это нисколько не меняло дела. Но в ту минуту я ничего об этом не знал и даже упрекнул Алана в несправедливости к благородному герцогу, который хотя и был вигом, но слыл в Шотландии человеком мудрым и справедливым.

— Ах, боже мой, ну как ты не можешь понять! Да, он виг, это верно, но прежде всего он вождь своего клана, и достойный вождь. Чего-чего, а этого у него не отнять. Что подумает клан о своем предводителе, Верховном судье Шотландии, если после убийства Кэмпбелла никого не вздернут на виселице? Да, всякий раз убеждаюсь, что у вас на Равнине имеют смутное представление о справедливости.

При этих его словах я, признаюсь, не выдержал и прыснул со смеху. К моему удивлению, Алан не только не обиделся, но и сам закатился веселым хохотом.

— Да, Дэвид, здесь тебе не Равнина, а горы. Если я говорю, что надо уносить ноги, стало быть, есть причина. Конечно, не сладко ползти по вереску, есть всякую дрянь, но сидеть в кандалах в тюрьме, под караулом красномундирников, по мне, так последнее дело.

Я спросил, куда же мы побежим, и, услыша, что в Нижнюю Шотландию, воспрянул духом: уж очень не терпелось мне возвратиться в Шос и поквитаться с дядей. К тому же, по словам Алана, рассчитывать на милость суда было нечего, и, поразмыслив немного, я вынужден

был это признать. Из всех смертей менее всего привлекала меня смерть на виселице. Это страшное сооружение со всей отчетливостью предстало перед моим мысленным взором (мне случалось видеть виселицу на обложке издания народных баллад). Мне сразу расхотелось иметь дело с судом.

— Эх, будь что будет. Я иду с вами, — сказал я после некоторого раздумья.

— Но имей в виду: дело нешуточное. Туго будет. Может статься, придется нам животы подпоясать. Спать будем где бог пошлет. Так что вместо подушки — кочка, одеяло тебе — небо ночное, а чуть что — в кусты, либо за кинжал. Хуже зверя затравленного! Ноги поистаскаешь — отнимутся, но зато живы будем. Я тебе потому это говорю, что мне такая жизнь не внове. А если думаешь, есть ли другой выбор, прямо тебе скажу: нет! Либо со мной ползком да бегом, либо прямой дорогой на виселицу.

— Да, хорош выбор. Дело ясное: я иду с вами. На том мы и порешили.

— А сейчас пойдем глянем, что там делают красно-мундирники, — сказал Алан.

Мы вышли на северо-восточный край леса и выглянули из-за деревьев.

В этом месте склон горы круто спускался к заливу, и взору открывалось обширное пересеченное пространство. Тут и там виднелись нависшие скалы, окруженные вересковыми прогалинами, бугры, овраги; лишь кое-где сквозь камень пробивались чахлые березы. Вдалеке справа по склону, в направлении к Баллахулишу, ползли чуть приметные красные точки. Это были наши преследователи. Не слышно было прежнего оживления; как видно, солдаты изрядно притомились, но, верно, еще не потеряли надежду настичь нас.

На лице Алана играла улыбка.

— Пока они туда доберутся, все ноги себе изотрут, — усмехнулся он. — Так что пока можно перекусить. Отдохнем перед дальней дорогой, хлебнем глоток-другой из моей бутылки. А потом — прямо в Охарн, заглянем к доброму моему родственнику Джеймсу Гленскому. Надо забрать у него мундир, оружие да и денег прихватить на дорогу. Ну, а потом, друг Дэвид, как говорится: «Вперед,

навстречу фортуне!» — зададим стрекача по зарослям.

Мы сели, перекусили, выпили по глотку. Между тем солнце, клонясь к закату, зашло за гряды пустынных гор, по которым мне предстояло скитаться вместе со своим другом. Во время привала и по пути в Охарн мы рассказывали друг другу свои приключения.

Из походов Алана приведу лишь те, которые так или иначе относятся к моему повествованию...

Итак, как только отхлынул вал, Алан устремился к фальшборту и увидел, что я держусь на волнах. Потом меня захлестнуло, но тотчас я выплыл, и течение меня подхватило. Он заметил, что я ухватился за рей; это вселило в него надежду, что я с божьей помощью как-нибудь доплыву до берега, поэтому он и дал знать о своем местонахождении через старика и других лиц, что в конечном счете и привело меня в Аппин.

Между тем матросы спустили на воду шлюпку; уже многие в ней сидели, но тут накатил поистине страшный вал. Бриг подхватило, взметнуло и, вероятно, увлекло бы ко дну; к счастью, он зацепился за выступ рифа. От первого удара, когда мы налетели на риф, нос брига занесло вверх, а корма опустилась. Когда же налетел этот вал, случилось обратное: корму подбросило в воздух, а нос целиком погрузился в воду, вода с ревом хлынула в кубрик, точно сквозь створ мельничной плотины.

Последующие события Алан излагал в сильном волнении. Я заметил, что лицо его побледнело: то были и впрямь страшные воспоминания. В кубрике оставалось двое матросов. Обессилев от ран, они не могли подняться с коек, а тут хлынула в кубрик вода... Они закричали, призывая на помощь, но было уже поздно. Остальные, кто был на палубе, не теряя минуты, попрыгали в шлюпку и налегли на весла. Не проплыли они и двухсот ярдов, как снова накатил вал, да такой страшный, что бриг вышвырнуло из воды, сбросило с рифа, паруса на мгновение надулись; казалось, ветер погонит бриг по волнам, но тщетно... Медленно оседая, он погружался все глубже и глубже, как будто чья-то невидимая рука снизу затягивала его на дно. Так поглотила пучина «Ковенант» из Дайзерта.

Добирались до берега молча, никто не проронил ни слова: велико было потрясение, еще будто слышались надрывные крики тонущих; но, как только ступили на берег,

Хозисон, словно очнувшись от тягостных мыслей, приказал схватить Алана. Матросы не повиновались, не желая вторично испытывать судьбу, но в Хозисона точно вселился дьявол. Он кричал, что один против всех Алан не устоит, что при нем золото, что кто, как не этот горец, повинен в гибели брига и в смерти матросов и теперь, мол, можно и счеты свести и заодно карманы золотыми наполнить. Их было семеро против одного; не к чему было прислониться, ни единой скалы. Матросы наконец решились и начали обступать. Еще немного — кольцо бы сомкнулось.

— И тут, — рассказывал Алан, — один рыжеволосый, росту, ну совсем малого... Запомнил его имя...

— Райч? — подсказал я.

— Да, Райч. Вообрази себе, он меня выручил. Говорит им так: «А суда божьего вы не боитесь? Я готов драться вместе с этим горцем. Спина к спине станем!» Весьма недурной человек, этот малый. Есть в нем задатки порядочности.

— Со мной он тоже обходился по-своему, с пониманием.

— Вот видишь, и Алану удружил. Право, объявился кстати, сказать по правде. Впрочем, думаю, Дэвид, гибель брига и крики тонущих произвели на него слишком сильное впечатление. Я полагаю, что именно поэтому он выказал такое ко мне участие.

— Да, пожалуй, — согласился я. — Поначалу-то он мало чем отличался от остальных. А интересно знать, как все это воспринял Хозисон?

— Я бы сказал, очень неблагоприятно. Но тут этот рыжий малый крикнул мне, чтобы я уносил ноги. Признаться, весьма дельный совет, которым я и воспользовался. Видел только, как они там сгруппировались, сгрудились, ну, как бывает, когда начинаются недоразумения.

— То есть? Что хотите вы этим сказать?

— Ну, словом, в ход пошли кулаки. Один из матросов, как мешок, повалился. Я рассудил, что самое время уносить ноги. В этих краях Малла часть земель, включая береговую полосу, принадлежит Кэмпбеллам, а Кэмпбеллы — это не та компания, в которой я бы хотел оказаться. Если б не это обстоятельство, я сам бы, не мешкая, занялся твоими поисками, не говоря уж о том, что помог бы тому малому, маленькому моему спасителю.

Забавно было слышать, как Алан то и дело указывал в разговоре на малый рост мистера Райча, хотя, сказать по правде, сам он был не намного выше помощника шкипера.

— Словом, я кинулся во все лопатки. Бегу, и всем, кто попадается мне на пути, кричу: «Кораблекрушение! Вещи на берег выбросило!» Разумеется, никто меня ни о чем не расспрашивал. Видел бы ты, как они все припустились, чтобы успеть что-нибудь себе ухватить. А прибегают — ясное дело, пусто, зато как бежали! Нет, уж кому-кому, а Кэмпбеллам такой бег только на пользу. Видно, в наказание их клану бриг со всем своим добром пошел ко дну. Правда, тебе вот не повезло. Если б на берег что-нибудь выбросило, они бы не успокоились, покуда все вокруг не обшарили. Ты бы тогда мигом сыскался и не торчал бы так долго на своем острове.

Глава 19

ОБЪЯТЫЕ СТРАХОМ

Пока мы шли, начало смеркаться, облака, которые к полудню немного расчистило, вновь обложили небо, вечер был не по-летнему темен. Наш путь пролегал по скалистым склонам, по оврагам и взгорьям; и хотя Алан разбирал дорогу уверенно, я, однако, никак не мог уяснить себе направление.

Наконец около половины одиннадцатого с вершины холма мы увидели внизу огоньки. Судя по всему, дверь одного из домов была отворена настежь, светились пламя очага, горели свечи. Вокруг дома и его пристроек с факелами в руках сновали люди. Я насчитал человек пять-шесть.

— Джеймс, как видно, повредился в рассудке, — заметил Алан. — Подойди сюда вместо нас солдаты, угодил бы он в переделку. Впрочем, на дороге-то, надо полагать, он дозор выставил. Эту тропу, которой мы шли, солдаты не знают, да и найти — с ног собьются.

С этими словами он сложил пальцы и трижды свистнул. Это был условный сигнал. Странно было видеть, как при первом свисте огни замерли, точно людей, которые

бегали с факелами, охватил страх, и как под конец все снова пришло в движение.

Водворив таким образом спокойствие, мы стали спускаться. У ворот усадьбы, вернее сказать, зажиточной фермы нас встретил человек высокого роста, лет пятидесяти, весьма приятной наружности. К Алану он обратился по-гэльски.

— Джеймс Стюарт, — произнес Алан Брек, — попрошу тебя говорить по-шотландски. Молодой человек, которого я привел, понимает только этот язык. Позволь представить, — объявил он, взяв меня под руку, — дворянин из Нижней Шотландии, юный лэрд, однако пусть его имя пребудет в тайне, для его же блага.

Джеймс Гленский, обернувшись ко мне, чрезвычайно учтиво со мной поздоровался, но тотчас вновь повернулся к Алану.

— Ужасная весть! — в волнении воскликнул он, ломая руки. — Не оберешься теперь беды.

— Да полно. Нет худа без добра. Колин Рой мертв, благодари бога.

— Сказать по правде, уж лучше бы он ожил сейчас. Труби себе кому угодно о своих намерениях, но теперь, когда каша заварена, кто, спрашивается, будет ее расхлебывать? Его убили в Аппине, заметь, Алан, у нас! Нам отвечать, а у меня как-никак семья.

В продолжение этого разговора я глядел по сторонам, наблюдая, как хлопочут слуги. Одни, стоя на лестницах, разгребали солому на крышах, вытаскивали оттуда ружья, мечи, пистолеты. Другие переносили это оружие в потайное место куда-то на дно оврага, и по ударам кирки я догадался, что его закапывают. Все это совершалось с усердием, но очень уж бестолково и суматошно. На одно ружье набрасывалось сразу несколько человек, тянули, вырывали друг у друга, сталкиваясь в темноте с горящими факелами. Джеймс поминутно прерывал разговор с Аланом, отдавал какие-то распоряжения, которых, видно, никто не понимал. При свете факелов я мог разглядеть лица, они выражали страх и смятение. Долетали обрывки приглушенной речи, голоса звучали тревожно и раздраженно.

Вскоре из дома показалась девушка, держащая в руках не то узелок, не то сверток. И сейчас вспоминаю

не без улыбки, как, встрепенулся Алан при виде этой ноши.

— Что это у нее там? — спросил он.

— Да вот порядок наводим, — отвечал Джеймс испуганно и как-то заискивающе. — Они же будут искать по всему Аппину, перевернут у нас все вверх дном. Надо, чтобы все было убрано, чтоб комар носа не подточил бы. Ружья, мечи мы в мох зарываем, а это, должно быть, мундир твой французский.

— Как! Зарывать мой мундир! Черт побери, я не позволю!

Алан подбежал к девушке, завладел свертком и поспешил переоблачаться в сарай, вверив меня заботам своего родича.

Джеймс, недолго думая, повел меня в кухню, усадил за стол, сел напротив и какое-то время занимал учтивым разговором, как и подобает гостеприимному хозяину. Но вскоре его лицо вновь омрачилось думой. Он сидел нахмурившись, покусывал ногти, поминутно впадая в рассеянность, и про меня вспоминал лишь изредка. Говорил что-то невнятное, улыбался слабой улыбкой и снова погружался в мучительные размышления. Жена его, уткнувши лицо в передник, сидела у очага и плакала не переставая. Старший сын, сидя на корточках, разбирал кучу бумаг, время от времени бросая что-то в огонь. Молодая служанка, с красным заплаканным лицом, как потерянная, носилась по комнате, суетливо перебирала какие-то вещи, бросала их, кидалась к другим, всхлипывая то и дело. В дверь поминутно заглядывали разные лица в ожидании указаний и распоряжений.

Наконец Джеймс не выдержал, вскочил на ноги и, извинившись передо мной, попросил позволения походить по комнате.

— Что вам проку от моей компании, сударь, — сказал он. — Я не искусник до светских бесед. Только и думаю, что об этой ужасной истории. Сколько бед она навлечет на безвинных людей!

Тут, заметив, что сын сжигает бумагу, которую, по-видимому, не нужно было сжигать, он уже не мог совладать с собой, волнение выплеснулось, да так, что и неловко было глядеть. Он набросился на сына с бранью и кулаками.

— Ты с ума спятил? — кричал он. — Хочешь, чтоб отца твоего повесили? Ты этого добиваешься?!

И, совсем забыв о моем присутствии, он еще долго кричал ему что-то по-гэльски. Юноша покорно молчал, а жена Джеймса при слове «повесили» уронила лицо в передник и зарыдала пуще прежнего.

Тягостное это было зрелище для человека стороннего, потому я несказанно обрадовался, когда наконец появился Алан, приятно преобразившийся в своем щегольском французском мундире. Правда, мундир уже так износился, что едва ли заслуживал такого эпитета. Пришел и мой черед переодеться. Один из сыновей Джеймса, вызвав меня из кухни, дал мне долгожданное чистое платье и пару горских башмаков из оленьей кожи, виду несколько странного, но на деле очень удобных.

К моему приходу Алан, должно быть, уже рассказал наши похождения. Все, по-видимому, понимали, какая опасная предстоит нам дорога; сборы шли полным ходом. Каждый из нас получил пару пистолетов и шпагу, как я ни пытался отказаться от последней, ссылаясь на неумение. Кроме того, нам дали в дорогу мешок овсяной муки, котелок и бутылку французского коньяку. Недоставало лишь денег. У меня осталось всего около двух гиней. Пояс с золотом был отправлен во Францию с другим гонцом, и состояние моего друга, доверенного лица Ардшиля, составляло отныне семнадцать пенсов. Что же касается Джеймса, то он, видно, так поистратился на поездках в Эдинбург и на судебных тяжбах, что наскреб только три шиллинга и пять с половиной пенсов, да и то все по большей части медью.

— Этого мало, — заметил Алан.

— Попроси у кого-нибудь поблизости или дай знать мне с дороги: я тебе потом вышлю. Видишь ли, Алан, ты должен поскорее уходить отсюда. Не время сейчас задерживаться из-за одной-двух гиней. Они наверняка о тебе прознают, начнут искать и, уж конечно, убийство-то припишут тебе. А коли обвинят тебя, то и с меня, как с твоего ближайшего родственника, спросят за то, что тебя укрывал. А если меня обвинят... — Тут он запнулся, побледнел и принялся в рассеянности кусать ногти. — Если меня повесят, — проговорил он, — каково тогда будет нашим родным и близким!

— Да, это будет черный день для всего Аппина,— согласился Алан.

— Вот что мне сердце гложет! — воскликнул Джеймс. — Эх, накликали мы на себя беду, Алан! Два дурака! Все болтовня наша! — Он в сердцах стукнул кулаком в стену, да так, что все вокруг зазвенело и задрожало.

— Да, ты прав, прав,— отвечал Алан. — Мой друг из Нижней Шотландии, — он кивнул в мою сторону, — давал мне некогда дельный совет. Как жаль, что я его тогда не послушал!

— Но вот ведь еще дело какое, — продолжал Джеймс, перейдя на прежний умоляюще-заискивающий тон. — Если меня арестуют, тебе ведь деньги понадобятся. Из того, о чем мы тут с тобой толковали, ясно одно: плохи наши дела. Всё ведь свалят на нас. Ну, а теперь войди в мое положение, пойми правильно. Мне ведь придется объявить о тебе, обещать награду за твою голову. Тяжело, больно прибегать к такому средству, между родственниками — так последнее дело. Но пойми, Алан, если на меня падет подозрение, мне ведь придется думать уже о себе, о семье. Ты понимаешь меня?

Он произнес это с неподдельной горестью, умоляюще, теребя рукой кафтан Алана.

— Да, понимаю, — отвечал Алан.

— Тебе нужно уходить отсюда, покинуть вовсе Шотландию, тебе и твоему другу из Нижней Страны. Мне ведь придется и о нем объявить. Ты понимаешь, Алан? Ну скажи, ты со мною согласен?

Мне показалось, что Алан слегка покраснел.

— Мне весьма нелегко согласиться на это. Я ведь сам его сюда пригласил. Он наш гость, Джеймс! — воскликнул он, закинув назад голову. — Получается, я буду предателем.

— Нет, Алан, нет. Ну посуди сам. Его и так будут искать. Мунго Кэмпбелл уж точно везде развесит афиши. Что из того, если и я о нем объявлю? И потом, Алан, у меня же семья. — Он умолк, Алан не отвечал ни слова. — И еще пойми, — продолжал Джеймс, — ведь присяжные-то будут Кэмпбеллы.

— Что ж, одно только утешение, — проговорил Алан в раздумье, — имени его никто не знает.

— И не узнает никто, клянусь тебе, Алан! — воскликнул Джеймс с таким жаром, как будто и впрямь знал мое имя и теперь готов был его забыть, чего бы это ему ни стоило. — Я только укажу его приметы, одежду, лета и прочее. Ты мне позволишь? Другого выхода я не вижу.

— Да, удивляюсь тебе, — суровым голосом сказал Алан. — Что же это получается? Сперва даешь ему одежду, а потом эту одежду укажешь в объявлении?!

— Нет, нет, Алан, я опишу лишь ту одежду, в какой он был, ту, прежнюю, в которой его видел Мунго.

Я взглянул на Джеймса; казалось, он совсем пал духом. Он цеплялся за каждую соломинку, и, вероятно, все это время ему представлялись лица его заклятых врагов там, на скамье присяжных, а за ними, как в неотвязном кошмаре, всплывала виселица.

— А вы, сударь, что на это скажете? — обратился ко мне, спросил Алан. — Вы в этом доме под охраною моей чести, а посему мой долг велит делать так, чтобы ничто не перечило вашей воле.

— Я могу сказать только одно, — отвечал я. — Я здесь впервые, и спор ваш мне не совсем ясен. Простой здравый смысл подсказывает, что винить надобно виноватого, то есть того, кто стрелял. Объявите о нем, как это у вас называется, пусть его ищут и судят, и тогда ни в чем не повинные люди избавятся от незаслуженных обвинений.

При этих словах Алан и Джеймс в ужасе закричали, чтобы я немедленно остановился, ибо о том, что я предлагал, и речи быть не могло. Что подумают Камероны?! Эти слова лишь подтвердили мой подозрения, что стрелял кто-то из Камеронов, вероятно из Мамора.

— А потом, — восклицали они, — неужели тебе не ясно: этого малого могут схватить, если объявить его приметы. Ты, должно быть, сказал не подумав, ты не мог так подумать!

Они говорили это с таким искренним убеждением, что у меня от отчаяния опустились руки. Спорить было бесполезно.

— Что же, объявляйте обо мне, коли так надо, объявляйте об Алане, хоть о самом короле Георге! В конце концов, все мы трое безвинны, а это главное. По крайней мере, сэр, — подавив раздражение, обратился я к Джейм-

су,— я Алану друг и ради друзей и близких моего друга готов на все.

Говоря это, я старался придать своему лицу выражение живейшей готовности, потому что Алан уже смотрел на меня с беспокойством. «К тому же,— мелькнуло у меня в голове,— они все равно развешат афиши с моими приметам, стоит мне только выйти из этого дома». Но тут я увидел, как жестоко я ошибался в этих людях. Не успел я договорить, миссис Стюарт, вскочив со своего места, с плачем кинулась мне на шею, затем подбежала к Алану, благодаря небо за нашу доброту и участие.

— Для тебя-то, Алан, это священный долг. Но каков юноша! В горький час пришел он в наш дом и застал нас в беде, увидел мужа моего, просящего и умоляющего. Его, который рожден, чтобы повелевать, как король! О, благородный юноша, мне не суждено узнать ваше имя, но ваш образ сохранится в моем сердце, и, покуда оно бьется у меня в груди, я буду хранить этот образ и благословлять вас.

С этими словами она поцеловала меня и вновь зарыдала, чем повергла меня в крайнее смущение.

— Ну, полно, полно, право,— проговорил решительно сбитый с толку Алан и обратился ко мне: — В июле светает рано, завтра в Аппине поднимется кутерьма, прискачут драгуны, начнут кричать «Круахан»¹, забегают красномундирники. Пора, сударь, в дорогу.

Мы попрощались и снова пустились в путь, держа направление на восток. Стояла темная, тихая, чудная ночь. Вокруг простирались все те же холмы и ложбины.

Глава 20

БЕГСТВО. НА СКАЛАХ

Мы то шли, то пускались бегом, а когда начало светать, то уже все больше бежали, все реже сбавляли шаг. Местность с виду казалась пустынной, но только на первый взгляд: в ложбинах между холмами и на отло-

¹ Круахан — боевой клич Кэмпбеллов (*Прим. автора*).

гостях гор скрывались дома и хижины. Я насчитал их около двадцати. Завидя жилище, Алан бежал вперед, стучался в окошко, откуда высовывалась заспанная голова хозяина, и с минуту-другую они о чем-то толковали. Так в Горной Стране передавались новости, а это было делом настолько важным и безотлагательным, что даже теперь, удирая от виселицы, Алан не вправе был им пренебречь. Как видно, и другие горцы передавали новости с неменьшим усердием, ибо в большей части домов к нашему приходу уже обо всем знали. В тех домах, где еще не знали, известие о смерти Кэмпбелла встречали скорее с ужасом, нежели с радостью.

Как мы ни торопились, рассвет застал нас врасплох. Прятаться было негде, убежища не видать; перед нами простиралась долина, усеянная скалами, по которой катил свои воды горный поток. Справа и слева теснились горы: ни травы, ни кустов, ни одного дерева — пустынные, голые склоны. Теперь, возвращаясь в мыслях к этим диким местам, я полагаю, что это была долина Гленко, где в годы правления короля Уильяма произошло кровавое побоище. Однако наш путь я помню довольно смутно. Мы то срезали, то забирали в сторону, петляли, петляли — и всё то бегом, то быстрым шагом, притом большей частью в темноте, а что до названий тех мест, так я ведь их слышал по-гэльски, а гэльские названия чрезвычайно мудрены.

Итак, забрезжил рассвет, застав нас в открытой долине, и я заметил, что Алан глядит хмуро.

— Скверное место, — промолвил он. — Здесь у них непременно будут дозоры.

С этими словами он побежал вниз к реке, туда, где поток, прорываясь между тремя утесами, распадался на два рукава. Вода падала с таким ревом, что у меня задрожали колени. Над водопадом облаком висела водяная пыль. Не раздумывая, с разбегу Алан прыгнул на средний утес, упал на руки, едва удержался — утес был невелик, и нужно было держаться за край, чтобы не сорваться вниз. Я тоже не стал примериваться и прыгнул наудалую. Алан меня подхватил.

Мы стояли бок о бок на небольшой скользкой площадке. Впереди поток был еще шире. Со всех сторон бурлила вода. Когда наконец я увидел, куда мы попали,

то так и обмер. Голова закружилась, в глазах все поплыло — я прикрыл их ладонью. Алан потряс меня за плечо. Он что-то кричал, но в реве воды и в совершенном затмении сознания я ничего не расслышал. Я заметил только, что лицо его побавровело, он в гневе топнул ногой. Тут снова у меня перед глазами мелькнули бурлящий поток, водяная дымка. Трепеща от страха, я заслонил руками глаза. Алан приложил к моим губам бутылку с коньяком и приказал пить. Выпив с четверть пинты, я немного пришел в себя. Алан сложил руки у рта и крикнул мне в самое ухо:

— Что, тонуть иль на виселицу? — Повернулся, прыгнул и благополучно приземлился на другом берегу.

Теперь я стоял один; казалось бы, можно прыгать; в голове шумело от коньяка. Алан подал мне хороший пример, я понимал, что если не прыгну сейчас, то уж не прыгну, по-видимому, никогда. Я прыгнул колени и прыгнул вперед с чувством злобного отчаяния, которое довольно часто заменяло мне храбрость. Прыжок был и впрямь отчаянный. Немного не долетев, я ухватился за край скалы, руки мои заскользили. Я вновь судорожно уцепился и снова начал сползать — в бурлящую пенную пропасть, но в тот же миг Алан схватил меня за волосы, потом за ворот и кое-как вытянул.

Он не сказал мне ни слова и тотчас пустился бежать без оглядки. Пошатываясь, я встал и кинулся его догонять. Я и так устал, а тут еще все кружилось, сильно болели ушибы, коньяк давал себя знать, я бежал спотыкаясь, в боку кололо, казалось, еще немного, и ноги отнимутся, я упаду. Наконец, добежав до огромной скалы, что стояла в цепи других скал пониже, Алан остановился, и, надо сказать, остановился вовремя.

Огромная скала, у подножья которой мы стали, на самом деле состояла из двух скал, тесно прижатых друг к другу вершинами и высотой около двадцати футов. Даже Алан, казалось бы ловкий как обезьяна, и то два раза срывался и только с третьей попытки, взгромоздясь мне на плечи и подпрыгнув, едва не переломив мне при этом ключицы, уцепился за край и влез на выступ почти у самой вершины. Оттуда он спустил мне кожаный пояс, и только с помощью пояса и двух углублений в скале я кое-как одолел кручу.

Тут только я наконец понял, зачем мы сюда залезли. Две скалы, склонившись одна к другой, наверху образывали впадину, наподобие блюда, в которой могли укрыться человека три-четыре.

Все это время Алан хранил молчание; он бежал и карабкался с какой-то безумной, свирепой поспешностью. Я видел, что он боится, смертельно боится, как бы нас не застали врасплох. Даже теперь, когда мы уже очутились в безопасном месте, он не говорил ни слова и беспрестанно хмурился. Став на корточки, он подполз к краю нашего убежища, выглянул одним глазом и посмотрел вокруг. Между тем уже совсем рассвело, и мы могли разглядеть долину: каменистые склоны по бокам, усеянное скалами дно, извилистый горный поток, бурные белые водопады. Не видно было ни одного дымка, ни одного живого существа, лишь вдали над утесом с клетотом кружились орлы.

Алан обернулся ко мне и наконец-то улыбнулся.

— Теперь у нас есть хоть надежда, — сказал он и, помолчав немного, прибавил с усмешкой: — А прыгаешь ты не очень-то резво. — Оттого ли, что при этих словах я смеялся и покраснел, или по еще какой причине, Алан поспешил утешить меня: — Вздор, я тебя не корю. Истинно храбр тот, кто боится — боится, но все-таки идет наперекор страху. А потом, там ведь была вода, а воды, признаться, я и сам порядком боюсь. Нет, уж если кого корить, так только меня.

Я выразил недоумение.

— Отчего, спрашиваешь? — отвечал Алан. — Я, брат, нынче оплошал сильно. Спутал дорогу. Подумать, в родном-то краю, в Аппине! Оттого рассвет и застал нас в этом проклятом месте. Изволь теперь лежать, пригнув голову, и терпеть всяческие неудобства. А потом вышла такая оказия, что, право, сказать совестно. Забыл прихватить в дорогу бутылку с водой. Человеку бывалому непростительно. Целый день лежать на солнцепеке, и ничего тебе прохладительного — одно спиртное! Ты, верно, думаешь, что это все пустяки. Нет, Дэвид, вот погоди — убедишься сам.

Желая поправить свою репутацию, я вызвался спуститься к реке за водой при условии, что Алан опорожнит бутылку.

— Не стал бы я поливать камни таким коньяком, — заметил мой друг. — Он сослужил тебе добрую службу: не будь его, ты бы так и торчал сейчас на той скале. А потом ты, наверно, заметил — как-никак проницательности тебе не занимать, — ты заметил, что Алан Брек Стюарт подвигался сегодня несколько быстрее обыкновенного?

— О, не то слово. За вами не угнаться. Вы такого задали стрелкача.

— Хм, в самом деле? Ну что ж, стало быть, неспроста. Уверяю тебя, дорогá была каждая минута. Но впрочем довольно об этом. Ложись-ка спать, а я тем временем покараулю.

Делать нечего, я улегся. В углубление между скалами нанесло ветром земли, и она кое-где поросла папоротниками. Последнее, что я, засыпая, слышал, был клекот орлов, круживших над дальним утесом.

Было, должно быть, около десяти утра, когда я проснулся от грубого прикосновения. Рука Алана зажимала мне рот.

— Тише, — прошептал он. — Ты храпел, мой друг.

— Ну и что! С кем не бывает, — с удивлением проговорил я, видя мрачное, встревоженное выражение на лице Алана.

Он выглянул из-за края впадины и сделал мне знак, чтобы я посмотрел тоже.

День был тихий, безоблачный и очень знойный. Долина вырисовывалась как на картине. В полумиле вверх по реке виднелся лагерь красномундирников. Посреди горел большой костер, около него хлопотали солдаты, а неподалеку от нас, на вершине скалы, что была чуть ли не вровень с нашей, стоял часовой. Я подметил даже, как блестит на солнце его оружие. Вниз по реке, сколько я мог разглядеть, тянулись посты: где очень близко друг от друга, где подальше, одни стояли на возвышениях, как тот часовой перед нами, иные внизу вдоль реки — эти сходились на полдороге и расходились. В верхней части долины, где местность была более открытой, позади сторожевой цепи виднелись конники, которые тоже не стояли на месте, а съезжались на полпути и разъезжались. Вниз по долине за цепью часовых стояла пехота, но поскольку в том месте в реку впадал полноводный ручей и она

разливалась, то расстояния между солдатами были больше и караулили только у бродов и переправ.

Я окинул все это взглядом и тотчас пригнулся. Поистине было странно, что долина, бывшая на рассвете пустынной, теперь предстала во блеске мундиров и стали.

— Вот видишь, Дэви, этого-то я и опасался,— сказал Алан.— Даже ручей и то сторожат. Два часа уже здесь. Ну и крепко же вы спите, доложу вам, мой друг сердечный. Дело не шуточное. Если они поднимутся на гору с этой стороны, нас мигом в подзорную трубу заметят. А если останутся на дне долины, бог даст, все обойдется. Вниз по реке посты реже. Как стемнеет, попробуем проскочить.

— А что же нам до вечера делать?

— Что делать? Известное дело: жариться.

Это слово удивительно точно выражало то состояние, в котором мы пребывали весь этот день. Действительно, мы лежали на голой вершине скалы, как рыба на сковородке. Солнце палило немилосердно, камни нагрелись до такой степени, что прикасаться к ним было сущою пыткой. Небольшой клочок земли, где росли папоротники, был настолько мал, что на нем едва мог уместиться один человек. Один из нас занимал этот клочок, а другой в свою очередь ложился на голый камень и подвергался мукам, которые испытывал некий святой, когда его пытали на докрасна раскаленной решетке. «Как странно все это,— мелькнуло у меня в голове,— всего только несколько дней назад я дрожал от холода на необитаемом острове, а теперь в том же климате погибаю от жары».

Все это время мы провели без воды, довольствуясь коньяком, что только усугубляло наши страдания. Чтобы уберечь бутылку от палящих лучей солнца, мы зарывали ее в землю, а немного спустя доставали, смачивали коньяком грудь и виски. Становилось несколько легче, но ненадолго.

Солдаты бродили по долине весь день, то сменяясь на постах, то обходя дозором окрестные скалы. Скал же кругом было такое множество, что искать среди них людей было все равно, что искать иголку в стогу сена. Разумеется, рвения и усердия никто не выказывал. Однако ж, когда штыки солдат прощупывали вересковые заросли, холод

ужаса пробежал по моей спине. Иногда они стояли у самой нашей скалы, и тогда мы лежали, затаив дыхание.

Во время одного из таких стояний я услышал впервые южноанглийский говор. Было это вот при каких обстоятельствах. Один солдат подошел к скале с солнечной стороны, прямо под нами, шлепнул ладонью по камню и тотчас с проклятьем отдернул руку.

— О', напекло-то, 'оть бы дождь пошел, — сказал он, и я с удивлением подметил короткие, отрывистые звуки его монотонной речи и странную манеру опускать звук «х». Правда, я слышал нечто подобное из уст Рэнсома, но тот подражал всем и вся, и в его речи смешивались самые различные говоры. Несовершенства ее я относил к юным летам юнги. Удивление мое было тем больше, что на сей раз чуть ли не в той же самой манере говорил человек, которого уж никак нельзя было назвать юным и несмышленым. Признаюсь, доныне не могу к ней привыкнуть, и уж тем более к английской грамматике, в чем строгий мой критик, читая эти записки, быть может, не раз уже убеждался.

По мере того как день разгорался, томительная скука и муки наши усиливались: скала становилась все горячее, солнце все жгучей. Прибавьте к этому головокружение, подташнивание, острые боли, наподобие ревматических, и картина вам будет ясна. Мне вспомнились, да и теперь часто приходят на память, строки из одного шотландского псалма:

Не погубит тебя луна в ночи,
Не погубит и солнце днем.

И точно, лишь по милосердию неба, нас не хватил тогда солнечный удар. Часа в два пополудни в довершение адских мук приходилось бороться с искушением. Солнце, медленно клонясь к западу, оставило на восточном склоне небольшую тень. Та сторона солдатами не просматривалась.

— Эх, пропадать так пропадать! — решился наконец Алан, перевалился через край впадины и прыгнул в тень.

Я тотчас последовал его примеру, но от слабости и головокружения не удержался, упал на руки. Здесь, в полном изнеможении, пролежали мы часа два, находясь

на виду у всякого, кому вздумалось бы заглянуть за скалу. На наше счастье, никому не вздумалось: солдаты ходили с другой стороны и скала по-прежнему продолжала нас укрывать.

Вскоре силы стали мало-помалу к нам возвращаться, и, поскольку солдаты отошли теперь к берегу, Алан предложил пробираться дальше. Если я чего и боялся в ту минуту, так это снова очутиться в пекле на вершине скалы. Все остальное казалось мне пустяком в сравнении с пыткой, какой я подвергался. Итак, мы двинулись в путь: соскользнули на землю и припустились где короткими перебежками, а где и ползком. Сердце мое бешено колотилось, казалось, вот-вот разорвется.

Осмотрев для порядка эту сторону долины и, верно, разморившись от зноя, солдаты утратили бдительность, и если еще не все дремали на постах, то, во всяком случае, кроме берегов потока, ни за чем не следили. Спускаясь вниз по долине по направлению к горам, мы отдалялись от них все больше и больше. Такого утомительного, трудного перехода я прежде не совершал. Воистину нужно иметь тысячу глаз, чтобы пройти незамеченным по этой неровной местности, мимо многочисленных часовых, стоящих на расстоянии оклика друг от друга. Когда нам случалось пересекать открытое пространство, то, кроме быстроты ног, требовалась смекалка: ведь приходилось учитывать не только рельеф долины, но и надежность каждого камня, на который мы хотели ступить. День был такой тихий, что любой сорвавшийся камень грянул бы, точно выстрел, гулко отдаваясь по всей долине.

К закату, даже при таком медленном продвижении, мы отошли на довольно порядочное расстояние от главных дозоров, и, хотя на скале поодаль стоял часовой, теперь мы словно забыли все наши страхи. Перед нами катил свои воды горный поток. Мы бросились на землю и, припав к журчащей воде, погрузили в нее головы и плечи. Трудно сказать, что было отраднее, сладостнее: леденящая свежесть ли, пробежавшая по всему телу, или то упоение, с каким пили мы из горного потока. Мы припали к воде и не могли оторваться; берега благо скрывали нас. Мы вбирали в себя живительную влагу, погрузившись в воду всем телом, вытянув перед собой руки, так что стало даже ломить в запястьях. Наконец согнав накопившуюся

усталость, мы достали мешок с мукой и приготовили в котелке драммах. Блюдо это состоит из овсяной муки, разведенной в холодной воде, но голодному и не то еще в радость, а когда к тому же нечем развести огонь или же, как в нашем положении, довольно опасно его разводить, так лучшего подспорья в странствиях и не придумаешь.

Как только на землю спустились сумерки, мы пошли дальше, поначалу с прежнею осторожностью, но потом все смелее, уже не пригибаясь, быстрым, решительным шагом. Наш путь, пролежавший по крутым склонам, по выступам горных утесов, был чрезвычайно мудреный. С заходом солнца небо облегли облака, ночь была темная и прохладная, и потому усталости я не чувствовал, зато беспрестанно смотрел, как бы не оступиться и не свалиться вниз. Разве можно тут было запомнить дорогу?

Наконец из-за облаков выскользнула луна, высветила на краю неба горные вершины, отразилась далеко внизу на узкой излучине лоха.

Мы оба остановились: я — пораженный головокружительной высотой (казалось, мы шли посреди облаков), Алан — в раздумье высматривая дорогу.

Он приметно приободрился и, по-видимому полагая, что опасность уже позади, принялся насвистывать и всю ночь развлекал мой слух разными песнями: воинственными, печальными, веселыми, песнями плясовыми, от которых ноги шли сами собой, песнями моего края, от которых мне страстно хотелось развязаться поскорее с напастями и вернуться домой. Эти песни заменяли нам разговор, скрашивая безрадостное путешествие по пустынным, мрачным горам.

Глава 21

УЩЕЛЬЕ КОРРИНАКИГ

В начале июля светает рано, однако ж было еще довольно темно, когда достигли мы наконец пристанища — расселины на вершине высокой горы, по дну которой бежал ручей, а на одном склоне была небольшая пещера. Перед пещерой тянулась березовая роща, за нею

высился сосновый бор. Ручей изобиловал форелью, лес — дикими голубями; на открытом склоне горы, позади леса, во множестве водились дрозды и кукушки. Из устья расселины были видны земли Мамора и узкий лох, отделявший их от Аппина. Они открывались взору с такой высоты, что подлинно дух захватывало.

Именовалась расселина ущельем Корринакиг. И хотя из-за большой высоты и близости к морю в нем нередко скапливались облака, все же место было чудесное, и пять дней, которые мы провели в ущелье, прошли славно. Мы спали в пещере, подостлав себе вереска, которого мы нарезали несколько охапок, а покрывалом служил нам фризový плащ Алана. На дне, у изворота долины, было укромное место, где мы отваживались разводить огонь. Там мы грелись, когда в ущелье спускались облака, там мы варили кашу, жарили маленьких форелей, которых ловили у камней по крутым излучинам ручья. Ловля форели была нашим главным занятием и развлечением. Входя в азарт, раздевшись до пояса, мы часами сиживали у ручья, вылавливая на пари рыбешек. Самые крупные всили не более четверти фунта, но как они были вкусны! Поджаренные на углях, они были бы великолепны, если бы их еще посыпать солью, но вот соли, увы, у нас не было. В промежутках между рыбной ловлей Алан давал мне уроки фехтования, ибо мое неумение держать шпагу сильно его огорчало. И быть может, оттого, что в вылавливании форелек я неизменно его опережал, он делал все, чтобы во время уроков я чувствовал безусловное его превосходство. Занимался со мной он с несколько большим усердием, чем того требовалось: налетал, наседал, осыпая меня насмешками, и еще чуть-чуть — он проткнул бы меня своей шпагой. Часто мне хотелось броситься наутек, но я мужественно не сходил с места и в итоге извлек из уроков пользу, если, конечно, таковая состоит в том, чтобы, приняв решительный вид, уставить глаза на противника, а впрочем, довольно часто и этого бывает достаточно. Итак, не будучи в состоянии удовлетворить своими успехами моего учителя, я тем не менее был удовлетворен ими.

Не нужно полагать, однако, что мы забыли о главном нашем деле, то есть о том, что нам надо было уносить ноги.

— Пройдет еще не один день,— говорил мне Алан в первое утро, когда мы пришли в ущелье,— прежде чем красномундирники додумаются осмотреть Корринакиг. Надо бы известить Джеймса, пусть вышлет нам денег.

— Но как же это сделать? — недоумевал я.— Кругом ни души, а мы не скоро еще отсюда выйдем. Не могу постигнуть, как это вам удастся. Если только у вас гонцы не птицы небесные...

— Гм-гм. Ты, Дэвид, не отличаешься изобретательностью.

С этими словами Алан погрузился в раздумье, глядя на тлеющие угольки костра, и вскоре поднялся, притащил из рощи большую ветку, перерубил ее пополам, сделал из нее крест, связав посредине тряпицей, обжег его концы на углях, а затем со смущенным видом обратился ко мне.

— Не мог бы ты одолжить мне пуговицу, которую я тебе подарил? Конечно, нехорошо просить обратно подарок, но, признаюсь, неохота мне отрезать другую.

Я дал ему пуговицу. Он продел ее в узкую полоску материи, оторванной от плаща, которой была связана крестовина, прикрепил к ней две веточки — березовую и сосновую и с довольным видом оглядел свою работу.

— Здесь неподалеку есть небольшое селение, Коалиснакоен. Там у меня много родни. На большинство людей я могу положиться, но некоторые ненадежны. Видишь ли, Дэви, за наши головы будут обещаны деньги. Если Джеймс вынужден объявить о нас, то уж о Кэмпбеллах и говорить нечего. Они отдадут все на свете, только бы навредить Стюартам. Кабы не это, я бы спустился в селение и доверил бы свою жизнь этим людям, как доверил бы кому другому перчатку.

— А что же теперь?

— Что теперь? Теперь мне лучше не показываться им на глаза. Негодяи везде есть, а уж люди слабые и подавно. Эти еще страшнее. Так что остается одно: как стемнеет, проберусь в селение и поставлю эту штуку на окно доброго моего родственника, аппинского исполщика, Джона Брека.

— Но позвольте, крест-то он, положим, увидит, но возьмет ли он в толк, что это значит?

— Что же, остается надеяться, что он будет посметливее тебя. В противном случае, боюсь, он мало чего

разберет. Видишь ли, вот как я это все себе представляю. Этот крест отдаленно напоминает смоляной, то есть огненный крест, который служит сигналом сбора наших кланов. Однако Джон должен догадаться, что сейчас восставать не время, иначе был бы другой знак — не просто крест на окне. И тогда он сообразит: «Коль скоро клан восставать не будет, что-то непременно за этим кроется». И тут он заметит мою пуговицу, пуговицу Дункана Стюарта, и смекнет наконец: «Сын Дункана Стюарта укрывается где-то поблизости. Ему нужна моя помощь».

— Все это прекрасно. Положим, он догадается. Но как он поймет, где нас искать? Ведь здесь кругом заросли, до самого Форта.

— Какое верное наблюдение! — усмехнулся Алан. — Но тут Джон Брек обратит внимание на две ветки, березовую и сосновую, и сообразит, коли у него есть хоть капля сообразительности, что Алан укрывается в лесу, где березы растут попеременно с соснами, а такое в здешних краях увидишь не часто. Тогда он вспомнит про Корринакиг и придет искать нас сюда. Ну, а ежели не смекнет, не придет, то чтоб его тогда черти прибрали! Недостойн он в таком случае называться Джоном Бреком.

— Вы, мой друг, конечно, не лишены изобретательности, — сказал я, подражая насмешливому тону Алана. — Но не проще ли вместо креста оставить ему записку?

— Глубокомысленное замечание, мистер Бальфур из Шоса, — отвечал Алан с неменьшей насмешливостью. — Конечно, куда проще оставить ему на окне записку, но беда в том, что Джону Бреку не просто будет ее прочесть. Для этого ему придется года три походить в школу, а нам к тому времени, полагаю, наскучит его дожидаться.

Итак, в тот же день, как только стемнело, Алан понес «огненный крест» в селение и поставил его на окно исполщику. Вернулся он сильно встревоженный: собаки, почуяв его, подняли лай, из домов высыпали селяне, он даже слышал будто, как забряцали мечи, и видел, что в дверях соседнего дома мелькнул красный мундир. Как бы то ни было, весь следующий день мы провели на краю леса, ведя наблюдение, и при появлении Джона Брека готовы были подать ему знак, а в случае приближения красномундирников времени на то, чтобы дать тягу, было у нас достаточно.

Около полудня на освещенном солнцем склоне показался человек, тяжело поднимающийся в гору, наискосок к нам. Он поминутно оглядывался по сторонам, заслоняя от солнца глаза. Алан свистнул. Человек обернулся к нам, сделал несколько шагов и остановился. Алан свистнул еще раз, путник двинулся к нам. Так по свисту дошел он до места, где мы его поджидали.

Это был оборванный, бородатый, дикого вида горец лет сорока, с лицом, сильно изрытым оспой, глядевший исподлобья тупым и в то же время свирепым взглядом. Хотя по-английски он не мог связать и двух слов, Алан, по милому своему обыкновению, не позволял ему в моем присутствии переходить на гальский. Чужой ли язык заставлял горца казаться таким тупым и дремучим, но только мне почему-то подумалось, что он мало расположен нам помогать и пришел сюда лишь из страха.

Алан начал растолковывать ему поручение к Джеймсу, но исполнитель и слушать не пожелал.

— Моя все забудет, — визгливым голосом сказал он и объявил, что пойдет только с письмом, а если письма не будет, то он-де умывает руки.

Я подумал было, что Алан станет в тупик: мы не располагали в ущелье письменными принадлежностями. Но он оказался куда находчивее, чем я предполагал. После некоторых поисков он принес из леса перо лесного голубя, очинил его кинжалом, затем из пороха и воды изготовил нечто вроде чернил и, оторвав угол от своего французского патента, который носил в кармане как талисман, долженствующий уберечь его от виселицы, написал следующие строки:

Любезный родственник, пришли, пожалуйста, деньги с предъявителем сего письма в место, ему хорошо известное.

Любящий тебя кузен, А. С.

Записка была вручена исполщику, и тот, уверив нас в своей расторопности, поспешил удалиться.

Три дня прошло в ожидании, и вот наконец часов в пять пополудни из леса послышался свист. Алан откликнулся. Вскоре внизу у ручья показался исполнитель и, как

и прежде, остановился, отыскивая нас глазами. Вид у него был уже не такой угрюмый, как раньше; несомненно, он был доволен, что покончил со столь опасным и хлопотным поручением, свалившимся ему на голову.

Мы слышали новости: в Аппине хозяйничают красномундирники, находят оружие, произведены аресты. Джеймс и несколько его слуг заключены в Форт-Уильямскую тюрьму по подозрению в соучастии. Ходили слухи, что Кэмпбелла убил Алан Брек. Объявления были развешаны, за поимку Алана и меня была обещана награда в сто фунтов.

Известия были ужасные, а письмо миссис Стюарт, доставленное нам испольщиком, лишь усугубляло тревогу. В нем она заклинала Алана не попадаться на глаза врагов, наказывала беречься, не то ни ему, ни Джеймсу не избежать смертного приговора. Деньги, посылаемые ею, она с трудом выпросила. Она молила небо, чтобы нам их хватило. К письму прилагалась афиша с описанием наших примет.

Мы глядели в нее с любопытством и с затаенным страхом. Точно так глядят на дуло неприятельского ружья, как бы желая убедиться в верности прицела. Об Алане было объявлено следующее: «...рост малый, лицо рябое, тридцати пяти лет от роду, носит шляпу с перьями, синий французский мундир с серебряными пуговицами и потускневшими галунами, красный камзол и черные плисовые штаны». Обо мне сообщалось: «...рослый, семнадцати лет от роду, носит потрепанную синюю куртку, старую горскую шапочку, синие штаны без чулок, нижнешотландские башмаки с продранными носками. Говорит на нижнешотландском наречии. Бороды не имеет».

Алан остался удовлетворен столь лестным вниманием, оказанным его щегольскому наряду, лишь на слове «потускневшие» в глазах его мелькнула досада, и он принялся самым тщательным образом осматривать свои галуны. Что касается меня, то жалкий облик, в котором предстал я в афише, не сильно меня раздосадовал; я тоже был по-своему удовлетворен, ведь, коль скоро я сменил лохмотья на новое платье, мои приметы уже никак не могли меня выдать, даже напротив, они обеспечивали мне безопасность.

— Алан, вам нужно переменить платье,— заметил я.

— Что за вздор! — удивился он. — У меня нет другого мундира. Хорош бы я был, если б приехал во Францию в твоей шапочке!

Эти слова навели меня на тягостные размышления. Расставшись с Аланом, облаченным в столь опасное одеяние, я мог бы, не боясь ареста, спокойно возвращаться домой. Даже если допустить, что меня арестуют, против меня наберется мало улик. Но если меня схватят с человеком, которого подозревают в убийстве, положение мое будет незавидно. Великодушия ради я не осмеливался высказать Алану эти мысли, тем сильнее тревожили они меня.

Сомнения овладели мной пуще прежнего, когда исполнитель извлек из кошелька четыре золотые гинеи и кучу мелочи на полгинеи с лишком. Правда, это было больше, чем имел я сам, но ведь Алан с пятью гинеями держал путь во Францию, тогда как я со своими двумя только до Куинсферри, поэтому общество Алана было не только опасно для жизни, но и обременительно для моего кошелька.

Между тем у моего честного друга, очевидно, не было и подобия таких мыслей. Он искренне верил, что оказывает мне дружескую помощь и покровительство. Мне оставалось только втайне роптать и полагаться на волю случая.

— Да-а, маловато,— заметил Алан, кладя кошелек в карман. — Но впрочем, думаю, я обойдусь. Да, кстати, Джон Брек, за тобой еще моя пуговица. Изволь вернуть ее, и тогда мы с джентльменом можем спокойно пуститься в дорогу.

Но исполнитель, пошарив в своем споране, который, по горскому обычаю, висел у него на груди (хотя одет он был по-нижнешотландски, в кафтан, под коим виднелись матросские штаны), стал делать странные движения глазами, то выпучивая их, то хлопая веками, и наконец пробормотал: «Она потеряла», подразумевая под этим, что он, кажется, потерял пуговицу.

— Что? Как ты сказал?! — вскричал Алан. — Потерять пуговицу, которую носил мой отец! Да знаешь ли ты, как тебя после этого называть! Я тебе скажу, Джон Брек. Это твой самый скверный поступок со времени, как ты появился на свет!

При этих словах Алан упер руки в колени, скривил губы в усмешке и посмотрел на испольца так грозно, что в глазах его вновь мелькнул огонек, не предвещавший врагам Алана ничего доброго.

Быть может, исполец и впрямь был честный малый, а может быть, он хотел сплутовать, но, увидев, что он один против двоих да к тому же в пустынном месте, рассудил за благо вернуть припрятанное, — как бы то ни было, пуговица была тотчас найдена и отдана Алану.

— К чести Макколов, что она нашлась, — сказал Алан и, повернувшись ко мне, прибавил: — Прими обратно мою пуговицу, Дэвид. Благодарю тебя за одолжение. Я тебе и так по гроб обязан.

Затем в самых дружеских выражениях он попрощался с испольщиком, говоря ему напоследок: «Ты оказал мне добрую услугу, рисковал головой. Век тебя не забуду, добрая ты душа».

Наконец исполец пошел восвояси, а мы с Аланом, собрав вещи, поспешили в другую сторону.

Глава 22

БЕГСТВО. ВЕРЕСКОВАЯ ПУСТОШЬ

Поутру, на восьмом часу бесконечно долгого, тяжелого перехода, мы дошли до конца горного кряжа. Впереди простиралась неровная низина — вересковая пустошь, которую нам предстояло пересечь. Солнце взошло и светило прямо в глаза. Из низины поднималась дымка тумана. По словам Алана, стой там эскадронов двадцать драгун, мы бы их все равно проглядели.

В ожидании, когда разойдется туман, мы расположились на небольшом пригорке, на склоне, приготовили драммах и стали держать совет.

— Как думаешь, Дэвид, — в раздумье проговорил Алан, — дожидаться ли нам темноты, или, может, рискнем — пойдем дальше?

— Ну, если дело стало только за этим, то я, хоть и устал немного, но идти могу. Пройду хоть еще столько же.

— Э, нет. Не так все просто. В`Аппине нам оставаться

нельзя — верная смерть. К югу тянутся земли Кэмпбеллов — туда путь заказан. Идти на север... но на север какой нам смысл: тебе надобно в Куинсферри, мне во Францию. Что же, остается на восток.

— Ну, на восток так на восток, — бодрым голосом отозвался я, а про себя подумал: «Ступали бы вы своею дорогой, сударь, а я пошел бы своей. Право, было бы лучше для нас обоих».

— На востоке, как видишь, у нас вересковая пустошь, — заметил Алан. — Дело рискованное. Там, как спустимся, уж не спрячешься, не удерешь. Место голое, все как на ладони видно. Стоит красномундирникам подняться на гору — и пиши пропало. За несколько миль высмотрят. Как пришпорят коней... Скверное это место, Дэвид. День здесь, позволю себе заметить, хуже потемок.

— Послушайте, что я вам скажу, Алан. Аппин для нас и впрямь верная смерть. Денег у нас в обрез, еды тоже. Чем дольше они нас будут искать, тем скорее поймут, где нас искать не нужно. Тут или там все равно: один риск. Я предлагаю идти вперед, и, ручаюсь, буду идти, пока не свалимся с ног.

Мои слова привели Алана в восторг.

— Временами, Дэвид, — произнес он, — меня корбит от твоей вигской рассудительности, но бывают другие минуты: когда в тебе просыпаются удадь, задор. В эти минуты ты для меня, ну, точно брат родной!

Туман поднялся, рассеялся, и взору нашему открылась пустынная, как море, равнина; слышно было лишь квохтание куропаток да какие-то протяжные звуки, а вдалеке, на востоке, виднелось бегущее стадо оленей — едва приметные точки. Большая часть низины краснела вереском, остальное пространство занимали болота: торфяники, изрытые ямами, моховины, кочкарник, кое-где так даже трясины; местами пустошь чернела следами пожара; вдали виднелся лес сухостоя, мертвые остовы елей поднимались из земли точно скелеты. Трудно было себе представить более унылое, угрюмое место. Но благо солдат в нем не было, а это было для нас главное.

Мы спустились с холма и, петляя, начали пробираться через пустошь, держа направление на восток. Читатель, наверное, помнит, что низину со всех сторон окружали

горы, откуда в любой момент нас могли заметить, поэтому мы выбирали ложбины; когда же их не было и впереди было открытое поле, идти приходилось с неимоверною осторожностью. Иногда более получаса уходило только на то, чтобы переползти от одних зарослей до других, — точно так охотники подкрадываются к оленям. День был безоблачный, солнце палило, бутылка воды скоро была выпита. Если б я мог предположить, что большую часть времени нам придется ползти на животе или же идти согнувшись чуть ли не в три погибели, я, конечно, отказался бы от такого мучительного предприятия.

Мы шли, насилу переставляя ноги, присаживались передохнуть и снова тащились, снова ползли и, наконец, около полудня, войдя в густые заросли вереска, решили сделать привал. Алан стал на страже, я лег и, казалось, только закрыл глаза, как Алан толкнул меня в бок: пришла моя очередь караулить. Часов у нас не было, и, чтобы отсчитать время, Алан воткнул в землю тонкую вересковую ветку и наказал разбудить его, как только тень от куста до нее доползет. Но к тому времени я до того утомился, что готов был спать часов двенадцать без просыпу; дремота одолевала, веки слипались, одно сознание бодрствовало, да и то временами словно проваливалось куда-то. От горячего пряного запаха вереска, от жужжания диких пчел в сон морило еще сильнее; я встряхивал головой и тут только замечал, что все это время спал, а не караулил.

Наконец очнувшись от каких-то далеких, приятных сновидений, я глянул в небо, а солнце уже в стороне. Взглянул я на ветку и так и ахнул: нечего сказать, хорошо я стоял на доверенном мне посту! Стыд и отчаяние овладели мной, но как же дрогнуло во мне сердце, когда я выглянул из зарослей! Пока я спал, с юго-востока в долину спустился отряд всадников. Рассыпавшись веером, они двигались в нашу сторону, тщательно прочесывая на своем пути заросли вереска.

Я разбудил Алана. Он взглянул на солдат, потом на ветку, потом на солнце, нахмурился и устремил на меня грозный взгляд, быстро сменившийся встревоженным выражением. То был единственный его укор.

— Что же нам теперь делать? — пролепетал я.

— Придется пуститься в заячьи бега. Видишь ту

гору? — сказал он, указывая на северо-восток, где на краю неба виднелась вершина.

— Да, вижу, — отозвался я.

— Что же, бежим туда. Эта гора зовется Бен-Алдер. Место пустынное, дикое, есть где схорониться. Если успеем туда до рассвета, бог даст, выберемся.

— Но, Алан, нам же придется бежать наперерез солдатам!

— Знаю, но как прикажешь иначе? Отступать в Аппин? Это конец. Вперед, Дэвид, живо за мной.

С этими словами он стал на четвереньки и устремился вперед с такой прытью, точно это был его обычный способ передвижения. Мы пустились петлять низами, избегая открытых и ровных участков пустоши. Местами вереск повыгорел, и в глаза нам пылила едкая гарь. Вода в бутылке давно кончилась, а должен заметить, что бег на четвереньках — занятие изнурительнейшее и пренеприятнейшее: в суставах ломит, руки немеют, подкашиваются.

Кое-как мы добрались до густых зарослей вереска и какое-то время переводили дух, поглядывая назад, на драгун. К счастью, нас не заметили. Драгуны ехали шагом, никуда не сворачивая. Их было, по-видимому, с пол-эскадрона, но растянулся он мили на две.

Я пробудился вовремя; еще немного — и нам пришлось бы бежать перед драгунами вместо того, чтобы свернуть наперерез и проскочить до их подхода. Но и теперь малейшая неосторожность могла нас выдать; когда из вереска выпархивала куропатка и принималась испуганно хлопать крыльями, мы лежали, затаив дыхание, боясь пошевелиться и травинкой.

Усталость, боль во всем теле, сердцебиение, натертые, ссаженные руки, вездесущая пыль, выедающая глаза, щиплющая горло, — все это стало вскоре до того нестерпимо, что я готов был упасть, уткнуться лицом в землю и отказаться от дальнейшего бегства. И только страх перед Аланом придавал мне видимость мужества и принуждал ползти несмотря ни на что. Что же касается моего друга (вы, верно, помните, что поверх кафтана на нем был еще плащ), то поначалу Алан весь покраснелся, затем сквозь краску проступила болезненная бледность, дыхание его вырывалось со свистом, одышка одолевала, а голос (на привалах, случалось, он шепотом делал мне

разные замечания) — голос осип до того, что потерял всякое подобие человеческого. Но, несмотря на то, он, казалось, не падал духом и, уж конечно, не сбавлял прыти. Выносливость этого человека была поистине удивительной.

Уже начало смеркаться, когда послышался зов трубы. Мы выглянули из кустов и увидели, что эскадрон стягивается. Через несколько времени посреди равнины запылал костер; драгуны расположились на ночлег. Я взмолился, чтобы и нам прилечь отдохнуть, но Алан был непреклонен.

— Нам теперь не до сна, — хмуро отозвался он. — Драгуны посидят, отдохнут, а потом как возьмут равнину в кольцо. Что тогда? Тогда из Аппина никому не выбраться — разве что перелетным птицам. Мы улизнули в самое время. Не терять же позиции, с таким трудом завоеванной! Нет, сударь, до рассвета мы должны быть там, на Бен-Алдере. Там и поспать успеем.

— Алан, — взмолился я. — Я-то готов идти, только сил уже нет. Были бы силы, разве я стал бы просить. Поверьте, не могу больше, очень устал.

— Что ж, коли так, я тебя понесу, — проговорил он.

Я взглянул на него: уж не шутит ли он? Но нет, он и не думал шутить, а между тем его рост по сравнению с моим, откровенно сказать, был незавидный. При виде его решимости мне стало стыдно.

— Хорошо, идемте! — воскликнул я. — Я от вас не отстану!

Он бросил на меня взгляд, как бы говоря: «Браво, Дэвид!» — и снова пустился бежать.

В воздухе посвежело. Стемнело, но совсем не так, как темнеет обычно ночью. Небо было безоблачно, сумерки напоздали медленно, точно нехотя. Было начало июля, а июльские ночи на севере, как известно, довольно светлы. И хотя читать глубокой ночной порой, конечно, темно (нужно иметь отменное зрение), но и она, эта пора, поверьте, бывает светлее иного зимнего дня. Пала роса, да такая сильная, что всю пустошь точно дождем окатило; стало легче дышать. Когда останавливались мы перевести дух и можно было осмотреться кругом, светлая, тихая ночь, очертания сонных холмов, костер, красным языком пламени колышущийся посреди равнины, — все это напoл-

няло душу мою тоской, и меня разбирала досада, что в такую пору я должен тащиться невесть куда и зачем, тащиться из последних сил, глотая пыль, как дорожный червяк.

Из того что читал я в книгах, принужден заключить, что весьма немногие из господ сочинителей знавали настоящую, смертельную усталость, иначе они изобразили бы ее с несколько большей живостью. Мне не дорога была жизнь, ни прошедшие годы, ни будущность не тревожили более мою душу (я едва помнил, что на свете есть некто, именуемый Дэвидом Бальфуром), о, нет, не о себе я думал — я думал с отчаянием о том шаге, который я должен был всякий раз ступить, о каждом шаге, казалось уже последнем, и с ненавистью об Алане, заставлявшем меня ступить этот шаг. Военное поприще как нельзя лучше отвечало характеру Алана: кто, как не офицер, призван командовать, кто, как не он, не вдаваясь в причины своего решения, приказывает солдатам делать то-то и то-то, а при наличии выбора, как-то жизнь или смерть, заставляет их по своему усмотрению оставаться на позициях и принять геройскую смерть. Мне же больше подходила роль рядового, из меня бы вышел образцовый солдат, ибо в продолжение нашего ночного бегства мне и в голову не приходило, что я могу не делать того, что мне приказывали. Мне приказывали бежать, и я послушно бежал, готовый умереть при исполнении приказа.

Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем наконец начало светать. К этому времени опасность почти миновала, и мы могли уже не ползти, как звери, а принять более достойное положение. Но боже мой, что за зрелище мы собой являли: согбенные, словно старцы, спотыкающиеся, как малые дети, бледные, ни дать ни взять мертвецы! Не говоря ни слова, стиснув зубы, упорно глядя прямо перед собой, мы шли, точнее сказать, не шли, а тяжело отрывали от земли ноги, тяжело их опускали, как будто это были не ноги, а гири, что поднимают силачи на деревенских ярмарках. Где-то рядом, в траве, кричала болотная куропатка, а впереди, на востоке, вяло занималась заря.

Я говорю, что и Алан являл собой печальное зрелище. Нет, я на него не смотрел, у меня хватало своих забот, прежде всего чтобы не упасть замертво. Я потому так пишу, что совершенно ясно: отупляющая усталость одо-

лела и Алана, иначе мы не угодили бы в засаду, не забрели бы в нее, точно слепые.

Вот как это произошло. Мы спустились с поросшего вереском косогора: Алан впереди, я за ним, шагах в двух, — ни дать ни взять странствующий скрипач со своей женушкой, — как вдруг в вереске что-то зашуршало, и на нас набросилось трое или четверо оборванцев. Мы и опомниться не успели, как уже лежим на земле и у каждого из нас к горлу приставлен кинжал.

Впрочем, думается, меня это не слишком встревожило: боль от неучтывого прикосновения, точно капля в море, потонула в других страданиях, а они были поистине тяжки. Велика была радость отдохновения после несносной ходьбы, и потому даже кинжал у горла не оказал на меня сильного впечатления. Я лежал и спокойно глядел в лицо человека, меня схватившего; помню, оно было черное от загара, глаза — ясные, светлые. Я не чувствовал ни малейшего страха. Я слышал, как в стороне Алан и его противник шепчутся о чем-то по-гэльски, но о чем они там толкуют, было мне безразлично. Вскоре кинжалы были убраны, оружие наше отобрано, мы же с Аланом посажены на траву друг против друга.

— Это люди Ключни, — пояснил мне Алан. — Все вышло как нельзя лучше. Посидим покамест с дозорными, а тем временем вождя известят о моем прибытии.

Ключни Макферсон, вождь клана Воурих, был одним из предводителей восстания сорок пятого года. За его поимку обещана была награда. Я полагал, что он давно уж во Франции вместе с другими главарями мятежников. Как я ни был утомлен и измучен, любопытство мое было сильно возбуждено.

— Как, неужели Ключни еще здесь? — воскликнул я в удивлении.

— А где же ему быть, по-твоему? Он на своей родине, под защитою верного клана. Королю Георгу и не снилась такая охрана.

Я хотел было расспросить Алана поподробнее, но он был явно не расположен к беседе.

— Я немного притомился, — оборвал он меня. — Надо бы мне поспать.

И с этими словами он повалился ничком в густой вереск и тотчас заснул.

Мне же, однако, никак не спалось. Вы, верно, слышали, как летом в траве трещат кузнечики? Так вот, только я закрывал глаза, как появлялось ощущение, будто в голове, в животе, во всем теле растет неумолчный стрекот; я тотчас открывал глаза, вскакивал, снова ложился, ворочался с боку на бок — увы, все без толку. Я глядел в небо, но лучи солнца слепили глаза, я переводил взгляд на наших караульных, грязных, оборванных дозорных Ключи, выглядывавших из зарослей на вершине косогора и о чем-то толковавших между собой по-гэльски.

Таков был этот желанный привал. Наконец возвратился посыльный с известием, что Ключи будет рад нас видеть. Мы поднялись на ноги и снова двинулись в путь. Алан пребывал в прекрасном расположении духа: он выспался, проголодался и предвкушал удовольствие от жареной оленины, о чем, как видно, ему сообщил посыльный. Мне же при одной только мысли о еде становилось дурно. Невыносимая тяжесть в теле сменилась слабостью и головокружением, и я едва держался на ногах. Меня несло, как паутинку, воздух, казалось, струился, как горный поток, и бросал меня из стороны в сторону. От сознания своей беспомощности меня охватывал страх, то находило вдруг какое-то унылое, щемящее чувство, и на глаза навертывались слезы, удержать которые я не мог.

Я заметил, что Алан глядит на меня нахмурясь, и подумал, что он опять сердится; при этой мысли мной овладел безотчетный, жалобный страх, какой нередко испытывают дети. Помню также, я вдруг улыбался, и улыбка застывала у меня на лице; я понимал, что улыбаться глупо, не к месту, но ничего не мог с собою поделать. Между тем мой товарищ и не думал сердиться — он тревожился за меня. В ту же минуту двое слуг Ключи подхватили меня под руки и потащили вперед, как мне показалось, с быстротой необыкновенной, хотя, конечно, это было не так. Мы пробирались по сумрачному лабиринту лесистых долин и оврагов, все ближе и ближе к мрачной вершине Бен-Алдер.

КЛЕТКА КЛЮНИ

Наконец мы подошли к подножью крутого скалистого склона, покрытого старым, дремучим лесом, над которым отвесной стеной вставал голый утес.

— Ну вот, уж близко, — промолвил один из наших провожатых, и мы начали подниматься на гору.

Деревья взбирались по склону, как матросы по вантам; могучие их стволы с корявыми корнями стояли так близко друг к другу, что образовывали как бы ступени лестницы, по которым мы и всходили.

На самом верху, у подошвы утеса, что проглядывал сквозь листву, нашли мы странное сооружение, известное в здешних краях под названием Клетка Ключи. Несколько могучих стволов обнесены были плетнем, укрепленным кое-где кольями, откос внутри засыпан землей и застлан досками. Коньком крыши служила толстая ветвь дерева, что росло сбоку. Снаружи плетень был обложен мохом. Дом по форме напоминал яйцо и наполовину стоял, наполовину зависал на крутом склоне посреди чащи, как осиное гнездо в зеленом боярышнике.

Внутри странного этого обиталища было довольно просторно: там с удобствами могли разместиться человек пять-шесть. Выступ утеса хитроумно был приспособлен для очага: дым, устремляясь вверх, стелился по камню и снизу был совершенно неразличим, неприметен.

Были у Ключи и другие укрытия подобного рода, а кроме того, пещеры, подземные лабиринты, сокрытые во всех концах его бывших владений. Когда дозорные доносили ему о близости неприятеля, он перебирался в другое укрытие, а солдаты, ничего не найдя, скоро удалялись.

Посредством таких ухищрений и благодаря верности своего клана он не только провел на свободе все эти годы, между тем как многие другие мятежники были кто на чужбине, кто казнен, но прожил тем же образом, в тех же местах еще пять лет и лишь по приказу своего повелителя в спешном порядке наконец отбыл во Францию, где вскоре умер. Кто знает — хоть и странное предположе-

ние, — быть может, там, на чужбине, он томился тоской по своей Клетке.

Итак, мы подошли к порогу. Дверь была открыта. Ключи сидел у очага, прислонясь спиною к скале, и наблюдал за действиями своего слуги, готовившего обед. Наряд Ключи отличался редкостной простотой, на голове у него был вязаный ночной колпак, надвинутый на уши, в зубах — носогрейка, которая никак не раскуривалась. Несмотря на то, держал он себя с поистине королевским достоинством. Надо было видеть, как величественно он поднялся при нашем появлении, обратиться к Алану со словами:

— А, мистер Стюарт. Входите, сударь. И пригласите наконец вашего друга, имени коего я пока еще не имел чести знать.

— Как поживаете, Ключи? — спросил Алан. — Надеюсь, что вы в добром здравии. Чрезвычайно рад нашей встрече. Позвольте отрекомендовать: мой друг, мистер Бальфур из Шоса, лэрд.

Нужно заметить, что, когда мы бывали одни, Алан не упускал случая посмеяться над моим поместьем, но, представляя меня своим друзьям, он объявлял о нем, как герольд на ристалище.

— Входите, досточтимые джентльмены, — сказал Ключи. — Добро пожаловать в мою обитель. Конечно, дом мой несколько странен и неказист, но в нем я имел честь принимать особу королевской крови. Мистер Стюарт, конечно, догадывается, о какой особе я веду речь. Что ж, господа, выпьем пока за удачу, а когда мой растяпа управится с мясом, попрошу к столу — пообедаем, перекинемся в карты, как подобает джентльменам. Жизнь моя иссыхает в бездействии, — продолжал Ключи, разливая коньяк. — Редко кого случается видеть, сижу целый день один, вспоминаю былое — ушедший великий день — и томлюсь тоскою по великому дню грядущему, который, как все мы верим, скоро настанет. Что ж, господа, поднимем стаканы! За Реставрацию!

Все мы дружно зазвенели стаканами и осушили их залпом. Разумеется, я не желал ничего дурного королю Георгу; окажись он на моем месте, не думаю, чтобы он поступил иначе. Выпив коньяк, я почувствовал себя намного лучше и теперь уже мог оглядеться вокруг, хотя

и в некоторой затуманенности, но по крайней мере без прежнего беспричинного страха.

В доме, куда мы попали, было чему дивиться. За долгие годы своего отшельничества Ключни, уподобясь старой деде, приобрел множество странных привычек. За столом у него было свое, особое место, которое, кроме него, никто не смел занимать. Вещи в Клетке покоились в непреложном порядке — упаси бог, было его нарушить. Кулинария была одной из самых сильных его пристрастий; даже приветствуя нас, он не забывал следить за приготовлением жаркого.

Говорят, под покровом ночи он порой выбирался к жене или же принимал ее у себя. Виделся изредка он и с двумя-тремя близкими родственниками. Но большую часть времени Ключни проводил в одиночестве, общаясь разве только со слугами да с караульными. Поутру первым делом он принимал цирюльника и, бреясь, выслушивал от него местные новости, без которых не мыслил прожить и дня. Вопросы притом так и сыпались; он задавал их с детской серьезностью, а в ответ порой хохотал как помещанный; и, бывало, уж цирюльник ушел, а Ключни вспомнит что-то и расхохочется.

Впрочем, в его вопросах сквозило не одно только праздное любопытство. Преследуемый законом, принужденный укрываться в лесах, лишенный своих владений, подобно другим шотландским помещикам, он, однако ж, не отошел от дел своего клана и, как и прежде, вершил в нем патриархальный суд. К нему в Клетку приходили люди со своими спорами и распрями, здесь объявлял он свои решения, и его соплеменники, разумеется, в грош не ставившие Шотландский верховный суд, при одном только слове Ключни отрекались от своих мстительных помыслов и возмещали убытки выигравшей стороне. Когда же он гневался, что бывало довольно часто, он, как король с престола, отдавал такие грозные повеления, так распекал и страшал, что все вокруг трепетало. Слуги пятились от него, согнувшись в коленях, дрожа, как дети, представшие перед суровым своим батюшкой. Входя в Клетку, Ключни с важностью пожимал каждому руку, причем оба, повелитель и слуга, одновременно приставляли ладонь к шапочкам на манер военного приветствия. Словом, я имел возможность наблюдать многие обычаи клана,

причем клана, вождь которого был осужден и в бегах, земли его отобраны, наводнены солдатами, разыскивавшими по всем концам Шотландии вождя-мятежника и находившимися от его укрытия не далее, чем в миле. Более того, какой-нибудь негодяй среди этих оборванцев в любой момент мог предать своего вождя, составив себе таким образом состояние. Однако этого не случилось.

Как только мясо было готово, Ключни собственноручно выжал на него лимон (лимонами его исправно снабжали из Франции) и пригласил нас к столу.

— Подобное мясо я подавал его высочеству, хотя лимонного сока было тогда немного. В сорок шестом году нам было не до приправ и соусов. Поел, подкрепил себя — и слава богу. Драгун в этих местах, поверите ли, было больше, чем лимонов.

Не знаю, может быть, мясо было и вкусное, но только при одном лишь взгляде на него мне сделалось нехорошо, и съел я самую малость. Между тем Ключни развлекал нас рассказом о пребывании принца Чарли¹ у него в гостях, цитируя заздравные речи присутствовавших и показывая, где и как кто стоял. Из его рассказов я заключил, что принц был весьма обходительным юношей и имел сердце пылкое и незлобное, как и подобает потомкам добрых королей, но вот Соломоновой мудрости в нем не было ни на йоту. Я узнал, что, когда он гостил у Ключни, он частенько прикладывался к бутылке — порок, со временем сделавший из принца развалину, уже тогда сильно давал о себе знать.

Не успели мы отобедать, а уж Ключни достал потрепанную, замасленную колоду, какую обыкновенно подают в трактирах, и объявил, что пора приступить к игре. При этом глаза его лихорадочно заблистали.

Я воспитывался в презрении к картам и никогда не играл. Мой отец считал, что джентльмену, а уж тем более христианину, не пристало ставить на кусок размалеванного картона благоприобретенное свое состояние или же сгребать со стола чужое наследство. Разумеется, я мог бы отговориться усталостью, но я предпочел объяснить. Сильно зардевшись, но достаточно твердым голосом, я

¹ Карл Эдуард Стюарт, внук Иакова II, «молодой претендент», которого якобиты пытались возвести на престол.

объявил, что судить никого не вправе, но во всяком случае играть не намерен, потому что плохой из меня игрок.

Клюни перестал тасовать карты и вскинул на меня глаза:

— Что за черт! Как вас понимать, сударь? Что за вигские ханжеские речи в доме Клюни Макферсона!

— Я за мистера Бальфура готов положить руку в огонь,— вмешался Алан.— Он дворянин честный и храбрый. Это говорю вам я, Алан Брек. У меня королевское имя,— продолжал он, гордо заламывая свою шляпу.— Я и любой из моих друзей составят честь самому избранному обществу. Мой друг утомился в дороге, ему нужно выспаться. Если он не расположен играть, то это вовсе не значит, что он сколько-нибудь помешает нам. Я готов сыграть в любую игру, какую вам только угодно будет назначить.

— Попрошу заметить, сэр,— отвечал Клюни,— что в моем доме я никого не неволю. Если вашему другу угодно стоять на голове, пожалуйста, пусть стоит. Но если он, или вы, или кто другой не удовлетворены мною, я почту за честь удалиться с ним за порог и там предоставить ему удовлетворение.

Разумеется, я не хотел, чтобы два приятеля зарезали из-за меня друг друга, и поспешил вмешаться в их разговор.

— Сэр, я действительно очень устал, Алан верно заметил,— сказал я.— И кроме того, надеюсь, вы меня поймете, у вас ведь, наверное, есть сыновья. Так вот: я дал слово отцу не брать в руки карт.

— Довольно! Можете не продолжать! — воскликнул Клюни и указал мне на постель из вереска в углу Клетки. Тем не менее он был весьма недоволен, то и дело взглядывал на меня искоса, что-то бурча себе под нос. И в самом деле, должен признать, мои слова сильно отзывались пресвитерианством и были вовсе не к месту в компании якобитов-горцев.

Под воздействием коньяка и оленины я почувствовал сильную тяжесть в теле, и едва приклонил голову, как погрузился в полубомбочное состояние, которое не оставляло меня вплоть до последнего дня перед нашим уходом. Порой сознание прояснялось, и я понимал, что вокруг происходит, порой улавливал лишь голоса, храп в комнате, напоминавший отдаленный шум ручья; пледы на

стене то пропадали, то вновь вырастали, точно пляшущие тени от очага на потолке. Порой я, видно, что-то во сне бормотал; я помню, мне подчас отзывались. Это меня удивляло. Однако никаких кошмарных видений не было. Помню давящее ощущение страха и отвращение ко всему: к дому, где я лежал, к постели, к висящим на стене пледам, к голосам, к самому себе.

Послали за цирюльником, который заодно был и лекарем, но говорил он по-гэльски, и я не понял из его речи ни слова. Было ясно и без того, что я тяжело болен, а до всего остального мне не было дела.

Находясь в столь бедственном положении, я, конечно, почти не замечал, что творилось вокруг. Помню, что Алан и Ключи большую часть времени проводили за картами, игра пошла сильная, на столе выросла куча золота гиней в шестьдесят — сто. Странно было видеть эти сокровища в доме мятежника якобита в глухой чаще на вершине горы. Мне казалось, что Алан искушает свою судьбу, ведь своих денег у него было всего пять фунтов.

На второй день счастье, как видно, ему изменило. В полдень меня разбудили к обеду, но от еды я отказался. Мне дали выпить какой-то горькой настойки, что прописал мне цирюльник, и я снова лег. Солнце било в открытую дверь, слепящие его лучи были несносны. Ключи сидел у стола и перебирал колоду. Алан склонился над моей постелью; я увидел близко его лицо. В лихорадочном моем взоре оно было невероятно большим, безобразным. Он просил у меня денег взаймы.

— На что вам? Зачем? — пробормотал я.

— Просто хотел одолжить у тебя немного.

— Зачем вам это? Не понимаю.

— Вздор, Дэвид. Мне-то, надеюсь, ты не откажешь.

Если б я не был болен, я бы ему отказал. Но в ту минуту я думал только о том, как бы избавиться от лица, склонившегося надо мной. Словом, я дал ему денег.

Наутро, к исходу вторых суток нашего пребывания в Клетке, мне значительно полегчало. Правда, слабость в теле была еще сильная, но сознание ко мне вернулось, и я видел уже подлинные очертания предметов, а не искаженные формы. Вернулся и аппетит. Не дожидаясь приглашения, я встал, позавтракал, а затем вышел на свежий воздух и сел на пригорке неподалеку. День был

чудесный, нежаркий, тихий, и я просидел до полудня в приятной дреме, нарушаемой изредка лишь голосами слуг и дозорных, доставлявших провизию и донесения. Двери Клетки в эти часы были открыты для всех, и у Ключни собирався чуть ли не весь его двор.

Войдя в дом, я увидел, что Алан и Ключни уже отложили карты и расспрашивают о чем-то слугу. Вождь обернулся ко мне и сказал что-то по-гэльски.

— Я по-гэльски не понимаю, сэр, — отвечал я.

После злополучной карточной истории все, что бы я ни говорил и ни делал, вызывало у Ключни раздражение.

— В вашем имени и то больше толку, чем в вас самих, — сердито промолвил он. — Имя-то у вас подлинно гэльское. Ну, да дело вот в чем. Мой дозорный доложил, что дорога на юг свободна. Я желал бы знать: в состоянии ли вы идти?

Я увидел на столе карты, но золота на нем уже не было — одна только кучка исписанных бумажек, но всё на стороне Ключни. Я заметил также, что Алан глядит как-то странно, растерянно и с явным неудовольствием. Тяжелое предчувствие сдавило мне сердце.

— Не могу утверждать, что вполне поправился, — ответил я, не сводя глаз с Алана. — Но на худой конец, у нас есть кое-какие деньги, а коль есть деньги, и дорога легче.

Алан закусил губу и потупил глаза.

— Дэвид, — наконец вымолвил он, — я проиграл деньги.

— Как? И мои?

— И твои, — тяжело вздохнув, отвечал он. — Тебе не нужно было давать мне деньги. Я за картами совершенно теряю голову.

— Помилуйте, о чем речь! — воскликнул Ключни. — Мы же играли так, ради забавы. Если угодно, вы получите ваши деньги сполна, даже в двойном размере. Было бы странно, право, если бы я оставил их у себя. Чтобы я чинил препятствия джентльменам, да еще при таких щекотливых обстоятельствах! Странно так полагать! — вскричал он, побагровев, и принялся доставать из кармана гинеи.

Потупив голову, Алан не отвечал ни слова.

— Мне нужно переговорить с вами, сэр, — сказал я,

обратясь к Ключни.— Не угодно ли проследовать со мной за порог?

Ключни с живостью изъявил согласие, но в лице его проглядывали волнение и раздраженность.

— Прежде всего, сэр,— начал я, как только мы вышли,— я хотел бы выразить вам признательность за великодушие.

— Что за вздор! — вскипел он.— При чем здесь великодушие? Я весьма сожалею об этой досадной истории, но чем прикажете заниматься?! Я томлюсь здесь, как зверь в клетке. Натурально, когда приходят друзья, я усаживаюсь с ними за карты, а если они проигрывают, то это отнюдь не значит...

Он запнулся, не находя что сказать.

— Вот именно,— сказал я,— когда они проигрывают, то вы прощаете им их проигрыш, а когда они в выигрыше, так они уходят от вас, прихватив ваши деньги. Я уже говорил, что признателен вам за великодушие, но мне неловко, поверьте, принимать эти деньги.

Последовало короткое молчание, во время которого Ключни все порывался что-то сказать, но не мог выговорить ни слова. Лицо его все багровело и багровело.

— Я еще молод, сэр,— продолжал я,— и прошу вашего совета. Посоветуйте мне, как посоветовали бы своему сыну. Мой друг по всем правилам проиграл эти деньги, но также по всем правилам он чуть было не выиграл у вас сумму значительно большую. Могу ли я принять эти деньги? Честно ли это? Во всяком случае, вы, конечно, понимаете, что любому человеку, у кого есть хоть какое-то самолюбие, нелегко будет принять этот дар.

— Мне это тоже все нелегко, мистер Бальфур,— сказал Ключни.— Вы, кажется, полагаете, что я нарочно заманиваю сюда бедных, горемычных людей, чтобы потом оскорбить? Я не позволю, чтобы в этом доме кто-либо из моих друзей подвергался оскорблениям! Но я не потерплю, слышите, не потерплю,— в порыве гнева вскричал он,— чтобы они говорили здесь оскорбительные речи!

— Могу сказать вам в свое оправдание, сэр, что играть в карты на деньги — занятие для джентльмена далеко не лучшее. Итак, я жду вашего совета.

Я уверен, что, если Ключни кого и ненавидел, так это Дэвида Бальфура. Он смерил меня враждебным взглядом,

и на его лице я прочел вызов. Но то ли молодые мои лета остудили его воинственный пыл, то ли он усмотрел в моих словах справедливость, — как бы то ни было, он сдержался. Разумеется, эта карточная история поставила каждого из нас в щекотливое положение, ведь притом задевалось самолюбие; тем достойнее был ответ Ключни, обратившегося ко мне со словами:

— Вы, мистер Бальфур, чересчур щепетильны и добродетельны, но, я вижу, вы человек смелый. И вот вам мой совет: примите эти деньги. Уверяю вас, то же самое я посоветовал бы и своему сыну. Позвольте пожать вам руку.

Глава 24

ССОРА

Под покровом ночи мы с Аланом переправились через Лох-Эррохт и пошли вдоль его восточного берега к другому тайному убежищу Ключни, находившемуся в верховьях Лох-Ранноха. Всю поклажу, включая фризový плащ Алана, тащил на себе слуга-проводник, тщедушный на вид малый, которого, казалось, я мог бы переломить, как соломинку, но удивительно: если у меня, бывало, подгибались колени от одной лишь половины его ноши, то ему управляться со всей нашей поклажей было словно нипочем. Он семенял с ней рысцой, точно пони с охапкой сена.

Надо ли говорить, как приятно было идти налегке. Если бы не это новое ощущение легкости, я, наверное, не протащился бы и двух шагов. Я еще не оправился после болезни, страшно устал и ничего утешительного впереди не видел. Мы шли, пожалуй, по самым пустынным и мрачным краям Шотландии, под унылым, седым небосводом, и в сердцах у нас не было ни доброты, ни согласия — чувств, столь необходимых для спутников.

Долгое время мы шли молча, только менялись местами, идя то рядом, то друг за другом, сохраняя на лицах молчаливое, каменное выражение. Гордыня и злоба кипели в моей душе, и эти греховные чувства кое-как придавали мне силы; злость и стыд разбирали Алана: он стыдился, что проиграл мои деньги, но в то же время

досадовал, что я столь болезненно принял это известие.

Мысль, что нам нужно расстаться, овладела мной пуще прежнего, но чем более я себя оправдывал, тем больше стыдился своих оправданий. Было бы благородно, великодушно со стороны Алана, если б он повернулся ко мне и сказал: «Иди один. Дело мое опасное, и со мной ты многим рискуешь». Но заговорить первым мне, сказать человеку, несомненно питавшему ко мне любовь,— сказать ему: «Тебе грозит виселица, тогда как я почти ничем не рискую. Твоя дружба мне в тягость, ступай же своей дорогой, носи свой крест, не подвергай меня тяготам и опасностям!» — о, нет, это было невозможно. При одной только мысли о том я сгорал от стыда. Однако ж Алан повел себя как мальчишка. Выпросить, выманить у меня деньги, когда я лежал в полузабытьи, да это все равно что украсть их! Вот он теперь шагает рядом без гроша за душой и, несомненно, с охотой воспользуется моими деньгами, которые я принужден был из-за него выпрашивать. Конечно, я готов был с ним поделиться, но самая мысль о том, что он втайне рассчитывает на мою готовность, приводила меня в бешенство.

Такие чувства теснились в моей душе, не находя себе выхода; ведь если б я признался в них Алану, то выказал бы черную неблагодарность. Но я поступил еще хуже, еще подлее. Не говоря ни слова, я не устаивал Алана даже взглядом, только изредка косо поглядывал в его сторону.

Наконец на другом берегу Лох-Эррохта, поросшем камышами, когда дорога пошла легче, Алан не вытерпел и подошел ко мне.

— Дэвид, не пристало друзьям дуться из-за таких пустяков,— сказал он.— Должен сказать тебе, я очень сожалею, что все так вышло. А коли ты против меня что таишь, так скажи прямо, в глаза.

— Вы ошибаетесь. Я ничего не таю.

Мой ответ, как видно, его расстроил, а я втайне тому позлорадствовал.

— Не хочешь? Ну, хочешь, я скажу тебе, что я виноват?

— Разумеется, вы виноваты,— холодно отвечал я.— Но вы должны признать: я вас ни разу ни в чем не упрекал.

— Да, конечно. Но ты же знаешь прекрасно, ты посту-

пил еще хуже. Что, хочется тебе расстаться со мной? Ты раз уже этого хотел? Ты хочешь снова это сказать? Что же, в Шотландии кустов вереска много, ступай себе на все четыре стороны. Скажу тебе прямо, я не намерен оставаться с теми, кто меня не желает видеть.

Эти слова сильно уязвили меня, и я не сдержался.

— Алан Брек! — воскликнул я. — Неужели вы думаете, что я способен покинуть вас в трудную минуту? Вы не посмеете это утверждать! Все мое поведение убедит вас в обратном. Правда, там, на равнине, я заснул на посту, но ведь это я от усталости. Не к чему меня этим попрекать!

— Да разве я тебя этим попрекал? — оборвал меня Алан.

— В таком случае, что же я совершил такого, что вы говорите мне такие унижительные вещи. Другьям я никогда не изменял, не думайте, что изменю вам. Нас многое связывает, Алан, чего я никогда не забуду. Вы-то, быть может, о том и не вспомните.

— Я скажу тебе только одно, Дэвид, — тихо проговорил Алан. — Я и так обязан тебе жизнью, а теперь вдобавок обязан еще и деньгами. Тебе надо бы как-нибудь облегчить для меня это бремя.

Эти слова, казалось, должны были меня тронуть, и они на меня подействовали, но совсем иным образом. Я почувствовал, что веду себя недостойно, и злился уже не только на Алана, но и на себя, что ожесточало меня еще больше.

— Вы хотите, чтобы я высказался. Что ж, извольте. Вы признаете сами, что оказали мне дурную услугу. А теперь я еще терплю от вас оскорбления. Я никогда ни в чем не упрекал вас, Алан. Я не хотел заводить этого разговора, но вы сами на него запросились. Теперь вы ставите мне в вину, что мне, видите ли, не весело, что мне отчего-то не хочется петь. Как будто я должен радоваться, когда меня оскорбляют. Может быть, вы хотите еще, чтобы я стал перед вами на колени и благодарил вас за оскорбления? Вам следует думать лучше о других людях, Алан Брек. Если бы вы лучше о них думали, вы, вероятно, не превозносили бы так свои достоинства и, когда ваш друг, который к вам хорошо относится, безропотно сносит оскорбления, вы бы оставили его в покое и не попрекали

бы его почем зря! Почитаете себя виноватым, так нечего сейчас затевать ссору!

— Довольно,— оборвал меня Алан.

Мы вновь замолчали и уже больше не обращались друг к другу до конца дня: добрили до пристанища и, поужинав, разошлись спать.

Утром, чуть свет, проводник переправил нас через Лох-Раннох и посоветовал, как идти дальше. Мы должны были подняться в горы и окружным путем, обогнув вершины Глен-Лайона, Глен-Лохея и Глен-Дохарта, спуститься в Нижнюю Шотландию, пройдя через Киппен по верховьям реки Форт. Алану этот путь был сильно не по душе, ибо он проходил через земли его заклятых врагов, Кэмпбеллов из Гленура. Он предлагал повернуть на восток, и таким образом очутиться во владениях его родичей, аттольских Стюартов. Он уверял, что так мы гораздо быстрее достигнем места нашего назначения. Но проводник, который у Ключни предводительствовал дозорными, начисто опроверг все доводы Алана, приведя для сравнения численность войск в каждом округе, и объявил, что всего безопаснее пробираться через земли Кэмпбеллов, где нас не ждут.

Алан скрепя сердце согласился.

— Это одно из сквернейших мест,— заметил он.— Сколько я знаю, там одни вороны, вереск да в придачу еще Кэмпбеллы. Но ты, я вижу, малый сметливый. Что ж, пусть будет по-твоему.

Итак, мы послушались проводника и три ночи скитались по каким-то немислимым кручам, по истокам гремучих потоков, часто в сплошной пелене тумана, на постоянном ветру, под дождливыми небесами без единого проблеска солнца. Днем отсыпались мы в промокших насквозь зарослях вереска, а ночью карабкались по головокружительным кручам среди нависавших справа и слева утесов. Часто мы сбивались с пути, часто выпадал такой плотный туман, что идти дальше не было никакой возможности: нужно было переждать, покуда он не разойдется. Ни о каком костре не могло быть и речи. Единственной нашей пищей был драммах да холодное мясо, которым мы запаслись в Клетке. Что же касается питья, то воды по милости неба у нас было в избытке.

Ужасное это было путешествие, а ненастье и мрачный

ландшафт только усугубляли беды. Я беспрестанно мерзнул, зуб на зуб не попадал, горло распухло, и больно было едва ли не так же, как на проклятом острове, в боку кололо немилосердно, а когда я ложился спать в сырых зарослях под хлещущим проливным дождем и под ногами у меня хлюпала грязь, мне являлись жуткие сновидения, фантомы недавних дней: башня, озаренная молнией, Рэнсом на руках у матросов, Шуэн, в корчах умирающий на полу, Колин Кэмпбелл, силящийся расстегнуть окровавленный кафтан. Я в ужасе пробуждался — серели сумерки, воды налило целую лужу; я садился в нее и ел стылый драммах, дождь бил по лицу и сбегал по спине ледяными струями, а вокруг, как в темнице, стояла мгла. Иногда, случалось, набегал ветер, мгла расплывалась, открывая взору темную пронасть долины, где бурлили на разные голоса ручьи.

Шум воды слышался отовсюду. Под непрерывным дождем горные ключи разлились, каждая долина превратилась в бурный поток, а ручьи, выйдя из берегов, обратились в реки. Во время ночных переходов со дна долин доносились победные звуки стихии: то громохание, то яростные, дикие плески. Мне невольно приходили на память сказания о водяном духе, демоне горных рек, который воет, плачет навзрыд у брода, покуда к нему не спускается его жертва — потерявший дорогу путник. Алан, по-видимому, верил этим сказаниям. Когда внизу раздавался особенно яростный рев, он принимался креститься на манер католиков, чему я, впрочем, нисколько не удивлялся, ибо сам был ни жив ни мертв.

В течение этих тяжких странствий мы почти не разговаривали. Мне, по правде сказать, уже мерещилась смерть; быть может, хотя бы это послужит мне оправданием. К тому же по натуре свой я был неотходчив; не просто было меня обидеть, но уж совсем не просто забывал я обиды. Втайне я негодовал на своего товарища, равно как, впрочем, и на себя, а он эти два дня, хотя со мной и не разговаривал, но был ко мне неустанно внимателен, чуток и, верно, охотно предложил бы мне помощь, по-видимому, надеясь, что я подуюсь, подуюсь и перестану. Я же, напротив, только распалял свою злобу, грубо отказывался от его услуг и скользил по нему взглядом так, точно он был какой-нибудь куст или камень.

Вторая ночь, вернее, утро третьего дня пути, застигло нас на открытом склоне. Разумеется, ни о каком привале не могло быть и речи. Еще не достигли мы безопасного места, как уже рассвело и, хотя дождь еще моросил, мгла мало-помалу рассеялась. Я заметил, что Алан глядит на меня с беспокойством.

— Уступил бы ты мне свою поклажу, — в который раз проговорил он. (С проводником распрощались мы еще у Лох-Ранноха.)

— Благодарю, мне вовсе не тяжело, — отвечал я ледяным тоном.

— Что же, больше я предлагать не буду, — побагровев, произнес он. — В конце концов, терпение у меня не вечно.

— Я это сразу подметил, — грубо и глупо отозвался я, точно десятилетний мальчишка.

Алан ничего не ответил, но глаза его были красноречивее слов. Вероятно, с этой минуты он уже не корил себя за карточный проигрыш. Гордо заломив шляпу, он с презрением отошел в сторону, начал что-то насвистывать, поглядывая на меня сбоку с вызывающей усмешкой.

На третью ночь нам предстояло пересечь западные границы Балкухиддера. Дождь уже перестал, было холодно, я бы сказал, морозно; северный ветер, разогнав облака, открыл звездное небо. Ручьи еще не вошли в русла, еще гремели на дне долин, но я заметил, что Алана уже не тревожит речной демон; он заметно приободрился. Перемена погоды, увы запоздавая, не произвела на меня сильного действия. Лежание в лужах не прошло даром. Одежда моя, вконец отсыревшая, истрепавшаяся, внушала мне ужас и омерзение. Я смертельно устал, я дрожал, я был болен; холодный ветер пробирал насквозь, отдаваясь в ушах неумолчным шумом. Плачевное мое положение усугублялось издевками моего друга, который словно задался целью вывести меня из терпения. Он говорил без умолку, с язвительною усмешкой, называя меня всевозможными именами, самым безобидным из которых было слово «виг».

— Эй, — кричал он мне, — гляди, какая превосходная лужа! Как раз для тебя, любезный мой виг. Ты ведь, я знаю, мастер по части прыжков.

И так далее, в том же духе, с той же издевкой и всякий раз презрительно усмехаясь.

Я понимал, что сам довел дело до такого оборота, но каяться было поздно, да и не было у меня сил каяться. Я чувствовал, что недолго осталось мне волочить по земле ноги, что скоро они отнимутся, я упаду и издохну среди этих сырых холмов, как какая-нибудь паршивая овца, и будут белеть мои кости, как останки лесного зверя. Воображение с легкостью перенесло меня в час моей смерти. Мысль о ней доставляла мне неизъяснимую радость. Приятно было вообразить, как я, одинокий, умираю в горной пустыне, а надо мною с клетотом кружат орлы. «Как тогда раскается Алан, — думал я. — Тут-то он вспомнит, сколь многим обязан он мне, и это воспоминание станет для него пыткой». Точно глупый, больной, обремененный на весь свет школьник, я шел, лелея в душе ненависть к моему товарищу, вместо того чтобы пасть на колени и молить господа о помиловании. Но насмешки Алана только доставляли мне злобную радость. «Говори, говори, — думал я. — У меня для тебя припасена шутка похлеще. То ли ты скажешь, когда я умру. Моя смерть станет для тебя пощечиной. Какова мсть! Как ты тогда будешь каяться, проклиная себя за свою неблагодарность и жестокость».

Между тем мне становилось все хуже и хуже. Раз ноги мои подкосились, и я упал, Алан поглядел на меня с недоумением и тревогой, но я поспешно поднялся и зашагал как ни в чем не бывало, и он, видимо, успокоился. Меня же бросало то в жар, то в озноб. В боку кололо невыносимо. Я почувствовал, что силы меня оставили. Тащиться дальше было невмочь, и тут внезапно мной овладело желание выместить злобу на Алане, дать волю всем своим чувствам, чтобы уж поскорее, разом и бесповоротно, принять свою смерть. Тут, кстати, он обозвал меня вигом. Я остановился.

— Мистер Стюарт, — проговорил я дрожащим, как струна, голосом. — Вы старше меня, и в ваших летах должно бы знать, что такое хорошие манеры. Вы попрекаете меня моими политическими взглядами, вы находите, что это остроумно? Я всегда полагал, что когда джентльмены не сходятся во взглядах, то ведут спор, как и подобает джентльменам, а если я ошибаюсь, то смею вас уверить: у меня найдутся шутки позабавнее ваших.

Алан стоял в нескольких шагах от меня, наклонив

голову чуть набок, засунув руки в карманы; шляпа его была лихо заломлена. Губы, сколько я мог разглядеть при свете звезд, скривились в недоброй усмешке. Когда я умолк, он принялся насвистывать якобитскую песню. Она высмеивала генерала Коупа, разгромленного при Престонпансе.

Эй, Джонни Коуп, ты еще гуляешь по свету?
Барабаны твои еще бьют?

Мне вспомнилось, что во время того сражения Алан находился в войсках английского короля.

— К чему вы это напеваете, мистер Стюарт? Уж не к тому ли, чтоб напомнить мне, что вы кругом биты?

Песня смолкла на устах Алана.

— Дэвид! — только и мог проговорить он.

— Я больше этого не потерплю! — продолжал я. — Я не потерплю, чтобы вы отзывались дурно о моем короле и о добрых друзьях моих Кэмпбеллах!

— Я Стюарт... — начал было говорить Алан, но я оборвал его.

— Как же, знаю: у вас королевское имя. Но, заметьте, с тех пор как я брожу по горам Шотландии, я насмотрелся на многих носителей этого имени. Лучшее, что я могу о них сказать, так это то, что им совсем не мешало бы помыться.

— А знаешь ли ты, что это оскорбление? — сказал Алан голосом очень тихим.

— Что же, весьма сожалею: я еще не все сказал. Коли вам не по душе эта нравоучительная заутреня, то обедня вас тем более не утешит. Вас преследуют люди моей партии, взрослые люди, а вы себе в утешение насмехаетесь над несовершеннолетним. Слабое утешение! Вас побили и Кэмпбеллы и виги. Вы улепетываете от них как заяц! Так по крайней мере отзывайтесь с уважением о ваших врагах!

Алан стоял неподвижно; полы его плаща хлопали на ветру.

— Жаль, — наконец проговорил он. — Есть вещи, которые не могут быть оставлены без внимания.

— Я вас об этом и не прошу. Если угодно, я к вашим услугам.

— К услугам?

— Да, я готов предоставить вам удовлетворение. Я не бахвал, как некоторые. Ну, что же вы, нападайте!

И, вынув шпагу, я стал так, как учил меня сам же Алан.

— Дэвид! — воскликнул он. — Ты с ума сошел. Я не могу с тобой драться. Это же будет убийство.

— Так вот на что вы рассчитывали, оскорбляя меня!

— Твоя правда! — воскликнул Алан и в сильной озадаченности застыл на мгновение как вкопанный, подергивая пальцами губы. — Твоя правда! — произнес он вновь и обнажил шпагу, но не успели наши клинки скреститься, как он бросил клинок свой и повалился на землю. — Нет, нет. Не могу... не могу я...

Тут, наконец, злоба вышла из меня вон, и я почувствовал, что осталась во мне только болезнь, а на душе было горько, стыдно и пусто. Как я мог такое сказать? Я готов был отдать все на свете, только бы вернуть свои слова назад. Но сказанного уж не вернешь, не воротишь. Я вспомнил, как Алан был добр ко мне, как он был храбр, отважен, как ободрял меня в дороге, разделяя со мной все тяготы и лишения. Вспомнились мне и мои оскорбительные речи. Я понял, что потерял навеки преданного моего друга, а между тем болезнь овладевала мной, в боку кололо, точно острием шпаги. Я почувствовал, что теряю сознание.

И тогда я решил прибегнуть к уловке. Никакие извинения не загладят слов, уже сказанных. Бесполезно было оправдываться после таких оскорблений. Но коль скоро извинения мои напрасны, одна только мольба о помощи могла бы вернуть мне Алана. Подавив самолюбие, я сказал:

— Алан, если вы не поможете мне, я, верно, не протяну долго.

Он вскочил с земли и устремил на меня пристальный взгляд.

— Да, я не шучу. Я тяжело болен. Отведите меня под какой-нибудь кров. Там хоть умереть будет легче.

Мне можно было и не притворяться. Совершенно непроизвольно на глаза мои накатались слезы, слышались они и в голосе, который разжалобил бы даже каменное сердце.

— Ты в состоянии идти? — спросил Алан.

— Нет, — отвечал я, — один не могу. У меня отнимаются ноги и в боку колет, точно раскаленным железом жжет. И дыхание сводит... Когда я умру, простите ли вы

меня, Алан? Я вам не говорил, но я очень любил вас, Алан, даже в минуты, когда на вас злился.

— Ну что ты... что ты... Не говори так, Дэви, друг мой. Если б я знал... — И, не договорив, он стиснул зубы, чтобы подавить плач. — Позволь я обниму тебя. Вот так, — продолжал он. — А теперь обопрись-ка о мое плечо. Бог нам укажет, где здесь дом. Мы ведь теперь в Балкухиддере. Уж дома-то, я думаю, здесь имеются. Здесь и друзья наши живут. Легче тебе так, Дэви?

— Да, так гораздо легче. Так я могу идти. — И я крепко пожал ему руку повыше локтя.

Алан вновь чуть было не разрыдался.

— Ах, Дэви, я какой-то ужасный человек, — проговорил он. — Бестолковый чурбан! Ну как я мог забыть, что ты ведь почти дитя еще! Как я мог не заметить, что ты едва стоишь на ногах! Прости меня, если можешь, Дэви.

— Алан, прошу вас, не будем говорить об этом. Воистину мы не сможем исправить друг друга. Мы должны быть снисходительными. Мы должны взять терпение... О ужас, как колет в боку! Неужели здесь нет жилища?

— Я найду его, Дэвид! Мы пойдем вниз по ручью. Там должно быть какое-нибудь селение. Бедный мальчик! Может быть, будет лучше, если я тебя понесу?

— Но, Алан, я же больше чем на голову выше вас!

— Что за дичь! — в сильном волнении духа воскликнул он. — Быть может, ты и выше меня, но никак не больше, чем на два дюйма. Я отнюдь не утверждаю, что я из тех, кто, по твоим меркам, великан... Хотя, впрочем, кажется, ты недалек от истины. Ну конечно, конечно, ты выше! На голову, а то и больше.

Смешно и отрадно было слышать, что Алан отказывается от своих слов, боясь затеять новую ссору. Если б не боль в боку, я, вероятно бы, рассмеялся, но тогда, конечно, мне пришлось бы вскорости плакать.

— Алан, отчего ты так добр ко мне? — воскликнул я. — Что тебе за охота нянчиться с таким неблагодарным человеком?

— Право, сам не знаю, — отвечал он. — Что мне в тебе больше всего нравилось, так это то, что ты никогда не спорил, не прекословил, не затевал ссор, а теперь, странное дело, я люблю тебя даже больше, чем прежде.

В БАЛКУХИДЕРЕ

Взойдя на порог первого попавшегося нам на глаза дома, Алан не раздумывая постучался, что, конечно, было сопряжено с риском, ведь мы находились в горах Балкухиддера. Власть могущественных кланов не простиралась на эти земли; здесь селились малые племена и роды, исстари враждовавшие между собой, а также разрозненные остатки других кланов, так называемый безначальный народ, бежавший под натиском Кэмпбеллов в эти глухие места и расселившийся по истокам Форты и Тея. Здесь жили Стюарты и Макларены, составлявшие с Аппином один клан и в боях выступавшие под знаменами вождя Алана. Здесь жили Макгрегоры, осколки некогда сильного клана, запятнавшего себя кровью безвинных людей и ныне преследуемого законом. Их вождь Макгрегор из Макгрегора находился в изгнании, а их другой предводитель, Джеймс Мор, старший сын небезызвестного Роб Роя, не так давно владычествовавший в Балкухиддере, ожидал решения своей участи в Эдинбургском замке. Макгрегоры ненавидели лютой ненавистью и жителей Равнины, и горцев, а в их числе и Грэхемов, и Макларенов, и Стюартов, и потому Алан в особенности опасался встречи с ними.

Случай избавил нас от таковой. Мы попали в дом Макларенов, где Алан пользовался добрым именем. Меня тотчас уложили в постель, послали за лекарем. Нашел он меня в плохом состоянии. Но оттого ли, что был он хороший лекарь, иль оттого, что я был молод, во цвете сил, — прошло не более месяца, как я уже был на ногах.

Алан не покидал меня во время моей болезни, как ни просил я его, чтобы он шел, оставив меня. Его горячее безрассудство приводило в отчаяние тех немногих его друзей, кто был посвящен в наши тайны. Днем он укрывался в пещере на лесистом склоне горы, а к ночи, если путь был свободен, приходил меня навещать. Надо ли говорить, как я радовался при его появлении. Наша хозяйка, миссис Макларен, спешила всячески ему угодить, не отставал от нее и хозяин. У Дункана Ду имелась в доме волынка, а надо заметить, он был большой охотник

до музыки, так что дни моего выздоровления стали всеобщим праздником, ночь напролет царило веселье.

Солдаты не тревожили нас. Впрочем, раз внизу по долине прошел отряд в составе двух рот, усиленных драгунами. Я наблюдал за ними из окна, не вставая с постели. Но что удивительно: не было в поле зрения ни стражи, ни судьи, ни помощника шерифа, не задавались вопросы, откуда я прибыл, куда следую, не задавались они и в час веселья, как будто я находился в пустыне. Тем не менее о моем прибытии знал весь Балкухиддер, и не только он, но и его окрестности. По горскому обычаю всякая новость незамедлительно передавалась из дома в дом. Объявления были напечатаны и развешаны. Одна такая афиша висела, приколотая булавкой, над изножьем моей кровати. В ней давался далеко не лестный портрет мой, а ниже крупными буквами была означена сумма, в которую была оценена моя голова. Дункан Ду и все, кто знал, что я пришел с Аланом, едва ли питали какие-либо сомнения насчет моей личности, да и другие, еще не знавшие, несомненно, обо всем догадывались. И не мудрено. Сменив одежду, я не мог, разумеется, изменить лета свои и наружность. К тому же юноши из Нижней Шотландии не часто забредали в эти края, тем более в то смутное время. Достаточно было прочесть объявление, а потом взглянуть на меня — и вывод напрашивался сам собой. Бывает нередко, двое или трое друзей хранят секрет, а смотришь, он уже всем известен. У горцев же Балкухиддера в тайны был посвящен весь народ, но эти тайны хранились веками.

Из других происшествий, пожалуй, только одно достойно упоминания. Меня посетил Робин Ойг, сын знаменитого Роб Роя. Его разыскивали по всей стране по обвинению в том, что он увез из Бальфрона одну молодую особу и будто бы, как утверждали, принудил ее вступить с ним в брак. Несмотря на то, он разгуливал по Балкухиддеру словно по аллеям собственного парка. Это он убил Джеймса Макларена, подкараулив его на пашне. Ни о каком примирении не могло быть и речи; но надо было видеть, как невозмутимо вошел он в дом своих кровных врагов, как будто купец в гостиницу.

Дункан Ду успел мне шепнуть, что за гость пожаловал. Мы оба встревоженно переглянулись. Дело в том, что

с минуты на минуту мы ожидали Алана, а встреча двух заклятых врагов ничего хорошего не сулила; известить же Алана не было никакой возможности: это, несомненно, вызвало бы подозрения у Макгрегора, личности весьма и весьма темной.

Он вошел с видом отменной галантности, но держал себя так надменно, как будто попал в низшее общество, за которое он нас и почитал. Сняв шапку перед миссис Макларен, он тотчас же водрузил ее снова, как только обратился к Дункану, и, показав себя таким образом в выгодном свете (как, по-видимому, он находил), направил шаги свои прямо ко мне.

— До меня дошли сведения, — поклонившись, сказал Макгрегор, — что ваша фамилия Бальфур.

— Да, меня зовут Дэвид Бальфур. Чем могу служить? — отвечал я.

— Я в ответ мог бы назвать свое имя, но в последние годы оно и так у всех на слуху. Думаю, достаточно будет сказать вам, что я родной брат Джеймса Мора Драммонда (иначе говоря, Макгрегора), о котором вы, надо полагать, наслышаны.

— О да, сэр, — ответил я несколько настороженно. — Я имел удовольствие слышать также и о вашем отце Макгрегоре-Кэмпбелле.

С этими словами я привстал в постели и отдал гостю поклон, почтя за благо польстить ему, если ему так льстило, что отец у него мятежник.

Робин Ойг поклонился в ответ и продолжал:

— Я пришел сюда затем, сэр, чтобы сказать вам следующее. В сорок пятом году мой брат, подняв добрую часть Грегоров, повел за собою шесть рот, чтобы сражаться за правое дело. В их рядах шел один джентльмен, лекарь, который впоследствии вылечил ногу моему брату, когда тот сломал ее в битве при Престонпансе. Он носил в точности ту же фамилию, что и вы, и доводился братом Бальфуру из Байта. Так вот, если вы состоите в родстве с этим джентльменом, я почту за честь предоставить себя и моих людей всецело в ваше распоряжение.

Нужно заметить, что о своей родословной я знал не больше, чем какая-нибудь бродячая собака о своем происхождении. Правда, дядя рассказывал про какие-то наши значительные связи, но вот Бальфур из Байта при том

почему-то не упоминался. Мне оставалось лишь позорно признаться в своем невежестве.

Робин Ойг коротко отвечал, что сожалеет о затраченном времени, и без поклона повернулся ко мне спиной и направился к двери. Я слышал, как он заметил Дункану, что я не кто иной, как невежа без роду без племени, который не знает даже собственного отца. Конечно, мне стало досадно и стыдно при этих словах, но я едва мог удержать улыбку. И впрямь, забавно, что человек, над которым висела петля правосудия и которого действительно через три года повесили, проявлял такую взыскательность к родословной своих знакомых.

В дверях Робин столкнулся с Аланом. Оба отпрянули и уставились друг на друга, точно два пса, встретившиеся на улице. Ни тот ни другой не отличались крупным сложением, но, застыв в гордых позах, они оба, казалось, начали раздуваться. Оба были при шпагах, оба, резко полуоборотясь, высвободили эфесы шпаг, чтобы при случае без промедления пустить свои клинки в дело.

— Мистер Стюарт, если не ошибаюсь? — промолвил Робин.

— Вы не ошиблись, мистер Макгрегор, — последовал ответ. — Мое имя отнюдь не из тех, которых стыдятся.

— Вот уж никак не думал, что вы, оказывается, в моей стране.

— Если мне не изменяет память, я нахожусь в стране моих родичей, Макларенов.

— Это спорный вопрос, и весьма щекотливый. Но я будто бы где-то слышал, что вы умеете держать шпагу?

— Если только вы не глухи от рождения, мистер Макгрегор, вы, несомненно, услышите обо мне и нечто большее. Не я один в Аппине умею направить клинок свой по назначению. Помнится, когда мой родственник и мой вождь Ардшиль не так давно разрешал спор с джентльменом, у которого, кстати сказать, было то же имя, что и у вас, то победа была не на стороне Макгрегора. Или я что-то запамятовал?

— Вы имеете в виду моего отца, сэр? — воскликнул Робин.

— Ну, я бы не удивился, если б это был он. Джентльмен, которого я имею в виду, обладал дурным свойством прибавлять к своему имени слово «Кэмпбелл».

— Мой отец был стар. Силы были неравны. Мы бы с вами составили более подходящую пару.

— Я того же мнения, — отвечал Алан.

Тут я начал вставать с постели. Дункан не отходил ни на шаг от своих гостей, известных буянов и дуэлистов, готовый разнять их при первом удобном случае. Но вот последнее слово было брошено — медлить было нельзя. Дункан Ду, с бледным как полотно лицом, вклинился между ними.

— Джентльмены! А я другого мнения. Да посмотрите же, у меня есть волынка, а вы, я знаю, оба такие славные музыканты. В народе давно идет спор, кто же из вас искуснее. Чем не прекрасный случай разрешить этот спор.

— А что, это дело, — промолвил Алан, не переводя глаз с Робина Ойга, который в свою очередь также не выпускал Алана из своего взгляда. — Я слышал, что вы на чем-то играете? Стало быть, правду молвят, что вы знаете толк в музыке. Ну, а на волынке вы сыграть сможете?

— Да я любого заткну здесь за пояс! — вскричал Робин.

— Весьма смелое утверждение.

— У меня находились ответы и посмелее, — заметил Робин, — и притом куда более сильным соперникам.

— Что ж, нетрудно будет это проверить, — заметил Алан.

Дункан Ду спешно принес волынку — самое ценное свое достояние, поставил перед гостями копченую баранью ногу, бутылку аттольского броза, изготовленного из старой водки, меда и сливок, тщательно взбитых и смешанных в определенной пропорции. Ссора в любую минуту могла обернуться стычкой, однако ж оба противника с видом отменной учтивости сели друг против друга за стол. Макларен стал настойчиво предлагать им отведать баранины с брозом, который, как он разъяснил, готовила его жена, родом из Аттола, большая мастерица по этой части. Но Робин от угощения отказался, заметив, что броз затрудняет дыхание и потому, дескать, вреден.

— Попрошу заметить, сэръ, — произнес Алан, — я почти десять часов ничего не ел, а это для дыхания гораздо вреднее, чем шотландский броз.

— В таком случае я не намерен оставлять за собой какие-либо преимущества, — отвечал Робин. — Подкреп-

ляйте себя на здоровье. Я последую вашему примеру.

Они съели по небольшому куску баранины, выпили по стакану броза за здоровье миссис Макларен; затем после продолжительного обмена учтивостями Робин взял в руки волынку и сыграл бравурную плясовую мелодию в быстром темпе.

— Я вижу, дудеть вы умеете, — сказал Алан и, взяв у своего соперника инструмент, повторил мелодию в точности, как играл ее Робин, а затем перешел к вариациям на ту же тему, украшая ее переливами, которые так любят волынщики.

Мне понравилось, как играл Робин, но игра Алана привела меня в восторг.

— Что ж, недурно, мистер Стюарт, — заметил Робин. — Но ваши трели нестройны. Вы слабы в композиции.

Кровь кинулась в лицо Алану.

— Я слаб в композиции?! — вскричал он. — Я уличаю вас во лжи, сударь!

— Коли вы хотите переменить волынку на шпаги, то, стало быть, здесь вы признаете себя побежденным.

— Что же, достойный ответ, мистер Макгрегор. Извольте, я беру свои слова назад... до поры до времени, — проговорил Алан, делая ударение на последних словах. — Пусть нас рассудит Дункан.

— Право, не понимаю, зачем вовлекать кого бы то ни было в наш спор. Вы гораздо лучший судья в этом деле, нежели любой Макларен из Балкухиддера. Должен признать, что для Стюартов ваша игра порядочна. Передайте-ка мне волынку.

Алан передал волынку, и Робин начал повторять и исправлять вариации Алана. Слух у него был и впрямь замечателен.

— Да, вы знаете толк в музыке, — мрачно промолвил Алан.

— А теперь рассудите сами, мистер Стюарт, — сказал Робин Ойг и, вновь заиграв вариации, так искусно преобразил их, придал им такую свежесть, так виртуозно, легко взял трели, что я был поражен.

Между тем лицо Алана потемнело и запылало. Он сидел, глядя перед собой, погруженный в свои сердитые думы, и в рассеянии кусал ногти, причем вид у него был такой, как будто ему нанесли оскорбление.

— Довольно! — наконец воскликнул он. — Вижу, играть вы умеете. Можете быть удовлетворены.

Он хотел было встать, но Робин Ойг вытянул руку, прося внимания, и тотчас заиграл медленные вариации шотландской песни. Это была прекрасная музыка, исполненная благородной величавости, к тому же, как потом оказалось, песня эта родилась в Аппине среди Стюартов и была любимой мелодией Алана. Едва раздались первые протяжные звуки, Алан изменился в лице, а когда темп стал нарастать, он, казалось, пришел в волнение и вскоре на лице его не осталось и следа злобы, он весь погрузился в музыку.

— Робин Ойг, — промолвил он, когда музыка смолкла, — поистине вы великий музыкант. Я не достоин играть в вашем обществе. Клянусь честью, у вас в одном только мизинце музыки больше, чем во всей моей голове. И хотя меня все никак не покидает мысль, что я, быть может, сумел бы показать вам другую музыку — музыку моего клинка, говорю вам наперед: это будет нечестно. У меня рука не поднимется убить человека, который так прекрасно играет на волынке. Нечестно это будет, не по совести!

На этом ссора была забыта; ночь напролет лился рекою броз, и волынка переходила из рук в руки. Солнце было уже высоко, а трое гуляк сильно навеселе, когда наконец Робин опомнился, что ему время домой.

Глава 26

КОНЕЦ СКИТАНИЙ. МЫ ПЕРЕПРАВЛЯЕМСЯ ЧЕРЕЗ ФОРТ

Итак, не прошло и месяца, как я уже был на ногах. Была уже середина августа, стояла чудесная, теплая погода, обещавшая ранний и обильный урожай. К этому времени деньги наши настолько поубавились, что нужно было торопиться в дорогу, чтобы как можно скорее поспеть к мистеру Ранкейлору, на которого я возлагал все надежды. В противном случае нас ожидала голодная смерть. По мнению Алана, наши преследователи искали нас уже без былого усердия, и берег реки Форт, включая

главную переправу — мост в Стерлинге, охраняли уже позовывая.

— Главный принцип военного искусства, — говорил Алан, — идти туда, где тебя вовсе не ждут. Ох этот Форт, кабы не он! Да, не зря говорится, что Форт укрощает дикого горца. Если мы попытаемся обогнуть его верховья и выйти на Равнину через Киппен или Бальфрон, то как раз там-то они нас и ждут-поджидают. А мы возьмем да и пойдем через мост в Стерлинге. Клянусь этим клинком, все выйдет как нельзя лучше.

Итак, мы двинулись вниз по течению Форта и к вечеру достигли дома, где проживал родственник Дункана, Макларен из Стратшира. На другой день, вечером двадцать первого августа, мы снова пустились в дорогу и поутру расположились на ночлег на склоне Ям-Вара неподалеку от пасущегося оленьего стада. Отроду мне не доводилось спать так сладко, как в это утро; воздух был напоен солнцем, сладко и горячо пахла трава. Вечером мы дошли до речушки Алан-Уотер, двинулись вниз по ее течению и наконец с обрыва холма увидели перед собой огромную равнину, на которой раскинулся Стерлинг. Посреди равнины на высоком холме стоял замок, вся излучина Форта залита была лунным светом.

— Ну вот, твои края пошли, не знаю, право, как тебе это нравится, — заметил Алан. — Час назад мы пересекли границу между Верхней и Нижней Шотландией. Кабы еще переправиться через Форт, то тогда, считай, фортуна нам улыбнулась, можно кричать «ура». Дальше-то путь свободен.

На Алан-Уотере, в том месте, где он сливается с Фортом, нашли мы песчаный островок, поросший лопухами, белокопытником и другими травами, в гуще которых можно было укрыться от постороннего глаза. Здесь мы и расположились. С этого места открывался вид на Стерлингский замок. До нашего слуха доносилась барабанная дробь: в гарнизоне, как видно, шли военные занятия. В поле по эту сторону реки работали косцы: звенели косы, с лязгом ходили бруски по лезвиям. Презрев осторожность, мы с шепота перешли на полный голос. Песок на острове приятно прогрелся, в зеленой растительности нас было не видно, еды и питья было вдоволь, а главное, мы были почти у цели.

Как только стемнело и косцы разошлись по домам, мы вышли на берег и полем вдоль заборов двинулись в сторону Стерлингского моста.

Мост находился вблизи холма, на котором стоял замок,— старинный высокий узкий мост с башенками. Легко себе вообразить, с каким воодушевлением я смотрел на него: не только по причине исторической его ценности, но прежде всего потому, что этот мост был для нас вратами спасения. Месяц еще не взошел, вдоль фасада крепости и внизу, в городских домах, светились огни. Все было тихо; казалось, что на мосту нет даже стражи.

Я хотел уже было подняться на мост, но Алан проявил большую осторожность.

— Что-то очень уж тихо,— заметил он.— Переждем пока здесь, у рва, а там будет видно.

С четверть часа мы пролежали у дамбы, шепотом переговариваясь между собой, слыша, как плещутся волны о быки моста. Вскоре возле нашего укрытия остановилась старуха с палкой, постояла, поохала, повздыхала, сетуя на нелегкую жизнь и утомительную дорогу, и пошла дальше, взбираясь на крутую насыпь. Было довольно темно, и мы потеряли старуху из виду; слышались только ее удаляющиеся шаги, стук палки и отрывистый кашель.

— Должно быть, уже переправилась,— прошептал я.

— Нет, она еще на мосту. Слышишь, как гулко звучат шаги.

— Кто идет? — раздался вслед за тем оклик стражника, и мы услышали, как стукнул о мостовую приклад мушкета. Часовой, как видно, дремал на посту; если бы мы попытались переправиться раньше, то прошли бы без всяких хлопот. Но возможность была упущена, стражник проснулся.

— Нет, не по душе мне такое дело,— прошептал Алан.— Здесь нам дорога заказана.

И, не говоря ни слова, он пополз прочь. Мы пустились ползком через поле и, отойдя от моста на порядочное расстояние, поднялись на ноги и двинулись по дороге на восток. Я не мог постигнуть смысл такового маневра. Раздосадованный неудачей, я начал впадать в уныние. Несколько минут тому назад я воображал себе, как, подобно страннику из баллады, вхожу к мистеру Ран-

кейлору и объявляю ему о своих правах на наследство. Но вместо этого я вынужден был скитаться по противоположному берегу Форта, как какой-нибудь вор или мошенник.

— Что же это? Что же теперь делать? — проговорил я.

— Как видишь. Они не такие уж дураки, как я предполагал. По-прежнему на нашем пути Форт. Черт бы побрал дожди и ручьи, его питавшие.

— Но зачем же нам идти на восток?

— Почему бы не попытать счастья? Коли не удалось перейти реку, может быть, удастся переправиться через залив.

— На реке-то, по крайней мере, есть броды, а на заливе что? — не унимался я.

— Ну да, конечно, мост, броды... Но какой от них толк, если их сторожат.

— Реку-то можно хоть переплыть.

— Да, если при этом умеешь плавать. Но мы-то с тобой, сколько я знаю, не очень сильны в этом деле. Я так, уж точно, плаваю как топор.

— Я, конечно, не берусь с тобой спорить, но, мне кажется, мы себе только осложняем дело. Уж коли трудно переправиться через реку, то залив нам и вовсе не переплыть.

— Если я не ошибаюсь, как раз для этого и создана лодка.

— Лодка-то создана, но есть еще такая штука, как деньги. У нас же нет ни того, ни другого. Что толку утешать себя мыслью, что они у кого-то есть!

— Ты так полагаешь?

— Да, именно так полагаю.

— Дэвид, природа отказала тебе в изобретательности, я уж не говорю о том, что ты малOVER. Предоставь это дело мне. Если не удастся выпросить либо выкрасть лодку, тогда я своими руками тебе ее сделаю.

— Как же, сделаешь! — проворчал я. — Кстати, есть и другое обстоятельство. По мосту пройдешь — и никаких следов. А поплывем мы в лодке, так ведь ее придется потом отогнать назад. А вдруг ее спохватятся, а вдруг будет переполох...

— Вот что, друг любезный, — оборвал меня Алан. — Будет лодка, будет и лодочник. Выбрось из головы этот

взор и иди, ни о чем не тревожься. Да и что тебе еще остается. Гляди прямо вперед. Алан сам обо всем позаботится.

Всю ночь мы шли по северной части скалистой речной долины, вдоль кряжа Охильских гор, и, миновав Аллоа, Клакманнен и Калросс, смертельно усталые, проголодавшиеся, часам к десяти утра добрались до Лаймкилнса. Это небольшое селение раскинулось на берегу залива, по ту сторону которого расположен городок Куинсферри. Тут и там по обе стороны залива дымили трубы домов. На полях убирали урожай. В бухте стояли на якоре два корабля, взад и вперед по заливу, с одного берега на другой, сновали лодки. Какая радость охватила меня при виде этой картины! Я глядел и не мог наглядеться на эти зеленые холмы, ухоженные поля, на мирных рыбаков и поселян, занятых своим делом.

Между тем дом мистера Ранкейлора оставался там, на южном берегу, а я по-прежнему находился на северном, облаченный в убогое одеяние чужестранца, с тремя шиллингами в кармане и с компаньоном-законоотступником. При этом меня искали, голову мою оценили в сто фунтов.

— Ах, Алан, подумать только! Там, по ту сторону залива, ждет меня то, к чему я так все время стремился. И птицы туда перелетают, и лодки плывут — все, кроме меня. Если б ты знал, как это невыносимо!

В Лаймкилнсе зашли мы в небольшую харчевню, которую без труда узнали по вывеске, и купили у миловидной прислужницы хлеб и немного сыра. Завернув их в узелок, мы вышли на улицу, намереваясь подкрепиться на берегу в густых зарослях, до которых было минут пятнадцать хода. По дороге я все смотрел на воду и вздыхал, вероятно, так тяжело, что Алан погрузился в раздумье и вскоре остановился.

— Как тебе приглянулась та девушка? — сказал он, постукивая пальцем по узелку с провизией.

— Довольно мила, что и говорить.

— Ты так находишь? Браво, Дэвид. Это прекрасно.

— Что же тут прекрасного? Не понимаю. Нам-то от этого какой прок?

— Э, нет, не скажи, — с лукавым видом отвечал Алан. — Я питаю надежду, что она поможет достать нам лодку.

— Может быть, и помогла бы, если б я ей хоть сколько-нибудь нравился.

— Кто знает, быть может, быть может... Видишь ли, мне вовсе не нужно, чтобы она влюблялась в тебя. Довольно будет того, чтобы она тебя пожалела, а для этого вовсе не обязательно, чтобы она принимала тебя за красавца. Ну-ка, позволь, я на тебя взгляну. — И он пытливо осмотрел меня с головы до ног. — Да-а, щеки надо бы побледнее, а впрочем, сгодишься и так. У меня есть один замысел, где тебе уготована главная роль. Да-а, хорош. У тебя вид отпетого висельника, эдакого оборванца, каторжника. Можно подумать, что ты стянул кафтан с огородного пугала. А ну, друг любезный, кругом марш и живо в харчевню за лодкой.

Я со смехом последовал за ним.

— Дэвид Бальфур, ты большой забавник, — говорил по дороге Алан. — И твоя роль, уж конечно, покажется тебе забавной. Но если ты хоть немного дорожишь моей головой, не говоря уже о своей, ты должен подойти к этому делу со всей серьезностью и ответственностью. Я намерен устроить небольшое представление, от которого будет зависеть наша судьба. Пожалуйста, не забывай об этом и води себя подобающим образом.

— Хорошо, хорошо, поступай, как хочешь.

Как только вошли мы в селение, Алан заставил меня принять позу обессиленного путника, повисшего у него на руке. Когда он толкнул дверь харчевни и мы переступили порог, казалось, он вносит меня на руках. Служанка удивилась нашему скорому возвращению, но Алан не почел нужным давать какие-либо объяснения. Он усадил меня на стул, спросил рюмку коньяку и дал мне выпить ее глотками. Затем, разломив бутерброд, он с заботливостью няньки поднес его к моему рту, с таким трогательным видом, что он разжалобил бы и судью. Немудрено, что девушку тронуло это зрелище. Она подошла поближе и, прислонясь к столу, какое-то время глядела на нас молча.

— Что с ним? Ему плохо? — наконец проговорила она.

К моему удивлению, Алан сделал вдруг яростное лицо.

— Что с ним, спрашиваешь?! — вскричал он, оборачиваясь. — Он прошел не одну сотню миль — столько, сколь-

ко у него и волос на подбородке не наберется. Вместо того, чтобы спать в теплой постели, отсыпается в сыром вереске! Плохо, по-твоему? Еще как плохо! — И, отвернувшись от нее с сердитым видом, он принялся что-то ворчать себе под нос.

— Больно уж он молод, — в сомнении проговорила девушка.

— Ну и что, что молод, — проворчал Алан, не оборачивая головы.

— Уходить ему надо. Ехать, пока не поздно.

— Ехать?! А где я возьму для него лошадь? — воскликнул Алан, вновь обращая к ней разъяренное лицо. — Что, по-твоему, мне ее красть? Красть прикажешь?!

Я подумал, что от такой грубости девушка обидится и уйдет. Она и в самом деле сразу притихла и какое-то время не говорила ни слова. Но Алан прекрасно знал, что он делает. Каким бы простодушным он подчас ни был, в подобных делах он, несомненно, знал толк.

— А, поняла. Так вы, стало быть, из благородных? — произнесла наконец девушка.

— Ну положим, из благородных, — отвечал Алан несколько смягченным тоном: я думаю, он смутился после такого простодушного замечания. — Ты когда-нибудь слышала, чтобы благородные люди имели при себе деньги?

Девушка вздохнула с таким выражением, будто была знатной дамой, которую недавно лишили наследства.

— Да, это уж вы верно заметили, — сказала она.

Между тем отведенная мне жалкая роль начала меня раздражать. До сих пор я молчал от стыда и едва сдерживал смех, но при этих словах я попросил Алана оставить меня в покое, уверив, что мне уже гораздо легче. Голос мой дрожал и срывался, и неудивительно: мне всегда была ненавистна ложь. Но моя застенчивость лишь придала нашей игре правдоподобие. Хрипоту в моем голосе девушка, вероятно, приписала болезни и сильной усталости.

— А что, у него нет родственников? — спросила она, чуть не плача.

— Как же, сколько угодно! — воскликнул Алан. — Нам бы только до них добраться. Знатные родственники-покровители, постель, приличная пища и доктора —

все это там. А вот, поди-ка, приходится мокнуть в лужах, спать в вереске, точно нищим.

— Так в чем же дело? — удивилась девушка.

— Так просто и не скажешь, милая моя, лучше об этом помалкивать. Я тебе напою одну песенку, а ты догадайся сама, что к чему.

И, перегнув свой стан, он вполголоса, но с удивительной выразительностью просвистал первые такты «Нашего славного Чарли».

— Тише, ради бога! — проговорила девушка, оглядываясь на дверь.

— Такие вот дела, — вздохнул Алан.

— Подумать только! А ведь такой молодой! — воскликнула она.

— Ничего, для этого он уже подрос, годен, — заметил Алан, похлопывая себя по шее, давая тем самым понять, что я уже в достаточных летах, чтобы быть вздернутым на виселице.

— Боже, какой позор! — воскликнула девушка, покраснев по уши.

— Видно, тем дело и кончится, если никто не поможет.

При этих словах девушка повернулась и выбежала из комнаты. Мы остались одни. Увлеченный игрой, Алан находился в прекрасном расположении духа. Мне же было ужасно досадно: мало того, что меня представили как якобита, так еще и обращались со мной как с ребенком.

— Алан, я больше этого выносить не намерен! — воскликнул я.

— Придется уж тебе потерпеть, Дэви. Если ты сейчас все испортишь, то всё, баста. Может быть, ты и выйдешь сухим из воды, но Алану Бреку придется творить молитву.

Алан был прав. Мне оставалось только горько вздохнуть. Но даже этот вздох оказался нам на руку. В то же мгновение в комнату впорхнула девушка, держа в руках блюдо с жареной колбасой и бутылку эля.

— Бедняжка, — проговорила она, поставив перед нами кушанье, и ласково, как бы ободрительно коснулась моего плеча. Она предложила нам подкрепить свои силы и объявила, что денег с нас ни за что не возь-

мет, потому что харчевня принадлежит ей, вернее, ее отцу, который уехал в Питтенкриф и будет только вечером.

Не дожидаясь вторичного приглашения, мы накинулись на еду; жареная колбаса источала аппетитный запах, а должно заметить, что бутерброды с сыром, которыми мы часом ранее подкрепились, — слабое утешение для голодного. Девушка стала на прежнем месте, у соседнего стола, и глядела на нас с задумчиво-хмурым видом, теребя тесемку от пёредника.

— Я все думаю, больно уж длинный у вас язык, — сказала она, обратившись к Алану.

— Хм, я ведь знаю, с кем говорить, а с кем держать язык за зубами.

— Я вас не выдам. Можете не волноваться, если вы это хотите сказать.

— Ну что ты, голубушка, я и не думаю волноваться. Ты ведь нам поможешь, надеюсь?

— Нет, я не могу, — сказала она, покачав головой. — Нет-нет, это невозможно.

— Но отчего же так вдруг невозможно?

Девушка ничего не отвечала.

— Послушай, голубушка, в твоих владениях, как я погляжу, имеются лодки. Я своими глазами видел на берегу две, когда пробирался задворками через ваше селение. Если бы у нас была лодка и под покровом ночи мы переправились бы в Лотиан, а какой-нибудь честный малый отогнал бы потом лодку назад да обо всем помалкивал, — две жизни на этом свете были бы спасены. Две жизни! Моя, по всей вероятности, а моего товарища — несомненно. Без лодки же мы погибнем. У нас всего-навсего три шиллинга, а куда с ними пойдешь? Что нас может здесь ожидать, кроме виселицы! Так что, прикажешь нам уходить? А ты будешь думать о нас, лежа в теплой постели, когда в трубе будет гудеть ветер, по крыше стучать дождь? Ты будешь греться у очага, есть вкусный обед, а в это время мой бедный больной друг будет сидеть на болотной кочке и кусать себе пальцы от голода и холода?! Здоров ли он или болен, он должен все время бежать. Бежать из последних сил, тащиться под дождем, в холод, ведь иначе ему болтаться на виселице. И когда он умрет на гряде холодных, мокрых камней,

никого с ним не будет рядом, ни одной души. Разве только я и господь бог.

При этих словах на лице девушки изобразилось крайнее замешательство. Ей хотелось помочь нам, но она не решалась, вероятно подозревая в нас опасных преступников. Я поспешил рассеять ее сомнения чистосердечным признанием.

— Слыхали ли вы о мистере Ранкейлоре? Его дом около перевоза в Куинсферри.

— Ранкейлор? Стряпчий? Как не слышать. Конечно! — отвечала девушка.

— Так вот, я направляюсь к нему. Уже по этому вы можете судить, злодей ли, преступник ли я или нет. Скажу вам более: да, действительно, из-за одной роковой ошибки мне теперь грозит большая опасность, но, поверьте, во всей Шотландии у короля Георга не найдется более преданного подданного, чем я.

При этих словах лицо девушки прояснилось, зато Алан нахмурился.

— А-а, теперь мне все ясно, — проговорила девушка. — Мистера Ранкейлора у нас все знают.

И она попросила нас как можно скорее покинуть селение и дожидаться ее в роще на берегу залива.

— Можете мне довериться, — сказала она. — Я уж вас как-нибудь переправлю.

Медлить было нечего, мы согласились, наскоро доели колбасу и отправились в указанное место. Роща состояла из редких ясеней, окруженных зарослями бузины и боярышника, не настолько густых, впрочем, чтобы нас не заметить с берега. Здесь мы лежали, утешая себя теплой погодой и надеждами на скорое избавление.

Но одно обстоятельство нас встревожило. В нашу рощу забрел подгулявший волынщик и присоседился к нам. Это был красноносый пропойца с мутным тупым взглядом и с бутылкою водки, торчавшей у него из кармана. Расположившись возле нас, он стал без умолку говорить о неправдах, которые он претерпел от разных лиц, начиная от лорда-председателя судебной палаты, кончая судебными приставами, которые занимались им с усердием несколько большим, чем того требовалось. Разумеется, ему не могло не показаться странным, что двое нездешнего вида людей прячутся целый день в зарослях; он приводил нас в

отчаяние своим любопытством. Было ясно, что наш сосед отнюдь не из тех, кто привык держать язык за зубами, и, когда наконец он удалился, беспокойство овладело нами с удвоенной силой.

Ясный и жаркий день сменился чудесным закатом. Вечер был тих и светел. В окрестных домах один за другим засветились огни и спустя какое-то время один за другим начали исчезать. Было около половины двенадцатого, мы уже сильно тревожились, когда на заливе послышался скрип уключин. Выглянув из кустов, мы увидели в лодке на веслах нашу знакомую. Никому не доверив своей тайны, не посвятив в нее даже возлюбленного, если таковой у нее был, она решила перевезти нас сама и, дождавшись часа, когда ее отец заснул, вылезла в окно, взяла у соседей лодку и приплыла в назначенное место.

От сильного смущения я не находил слов для изъяснения своей благодарности. Девушка тоже была смущена и, оборвав меня на полуслове, посоветовала торопиться, справедливо заметив, что главное в нашем деле — это поменьше болтать да быстрее делать. Мы сели в лодку, отчалили и довольно скоро достигли земель Лотиана, сойдя на берег около Карридена. Тут девушка пожала нам руки, и не успели мы открыть рот, чтобы поблагодарить ее, как она налегла на весла и поплыла обратно в Лаймкилнс.

Лодка уже скрылась из виду, а мы все безмолвно стояли на берегу, не в силах выразить наши чувства. Доброта девушки была поистине удивительна и не поддавалась словам. Алан долго покачивал головой.

— Вот милая девушка, — наконец проговорил он. — Ты только подумай, какая умница!

И через полчаса, когда мы лежали в ложине на берегу залива и я уже начал подремывать, он вновь принялся превозносить ее достоинства. Я же от стыда и тревожного чувства не находил слов. Мне было совестно, что, воспользовавшись простодушием девушки, мы пустились на низкий обман. Я боялся, как бы у нее не было из-за нас неприятностей.

Я ВСТРЕЧАЮСЬ С МИСТЕРОМ РАНКЕЙЛОРОМ

На другой день поутру я договорился с Аланом, что он скоротает день без меня, а как только стемнеет, укроется в полевых зарослях у дороги около Ньюхолса, где будет сидеть затаясь, покуда не услышит моего свиста. Я хотел было избрать условным сигналом «Славный Эйрельский дом», любимую мою песенку, но Алан отверг ее, справедливо заметив, что песня эта широко известна и любой пахарь по чистой случайности может пропеть ее вместо меня. С его помощью я разучил отрывок из гэльской песни. По сей день я храню в памяти эту мелодию и не забуду, верно, до самой смерти. Всякий раз, как я ее вспоминаю, мысли мои уносятся в тот последний день моих странствий, когда Алан, сидя на дне лощины, на-свистывал и отбивал такт рукой, а я смотрел, как тают предраассветные сумерки на его лице.

Солнце еще не взошло, когда я ступил на длинную улицу Куинсферри. Это тихий, опрятный городок, с добротными, каменными строениями, многие из которых крыты черепицей. Городская ратуша показалась мне неказистой, не чета той, что я видел в Пиблсе, да и сама улица не столь благородных пропорций; тем не менее я сгорал от стыда, идя по ней в своих грязных лохмотьях.

Между тем в домах засветились огни, раскрывались ставни, горожане выходили на улицу, и это только усугубляло мое уныние и беспокойство. Я понял, что надеяться мне почти не на что, ведь у меня не было никаких доказательств, чтобы вступить во владение поместьем, не было даже бумаги, удостоверяющей мою личность. Если планы мои лопнут как мыльный пузырь, я буду жестоко обманут и окажусь в положении нищего. Даже если все выйдет, как я задумал, то для разбирательства моего дела, по всей видимости, потребуется время, а на какое время мог я рассчитывать, имея в кармане всего три шиллинга, а на попечении — законопреступника, разыскиваемого по всей стране, которого нужно было немедленно посадить на корабль и переправить в безопасное место? Что скрывать, если надежды мои не сбудутся, то для нас обоих дело, по-видимому, кончится виселицей. Рассуждая таким об-

разом, я бродил по улице, ловя на себе косые взгляды прохожих. Мало-помалу я уверился в том, что мне будет трудно не только убедить стряпчего в правоте своего дела, но даже просто переступить порог его дома.

Я не осмеливался обращаться с вопросом к кому-либо из почтенных обывателей города. Облаченный в жалкое одеяние, я стыдился даже заговорить с ними. Если б я спросил у них, где здесь дом мистера Ранкейлора, меня, несомненно, подняли бы на смех. Не зная адреса, я бродил взад и вперед по улице, до гавани и обратно, как блудный пес, потерявший своего хозяина. Мрачное чувство щемило мне сердце, временами на меня находило отчаяние. Солнце уже встало, было около девяти часов, когда, изнуренный ходьбою, остановился я перед красивым, недавно оштукатуренным домом, с нарядными чистыми окнами, с цветами на подоконниках. На ступеньке крыльца сидела охотничья собака и позевывала, глядя на меня, как бы давая понять, что ей-то тревожиться нечего, она у себя дома. Я стоял перед домом, завидуя бессловесному этому существу, как вдруг дверь открылась и на пороге показался румянощекий, добродушного вида человек с лукавыми, пронизательными глазами, в белоснежном напудренном парике и в очках. Наружность его была внушительна и почтенна. Если прохожие, раз взглянув на меня, тотчас же отворачивались, больше уже не удостоивая меня взглядом, — столь жалкий вид я собой являл, — то этот господин, осмотрев меня с головы до ног, как потом оказалось, до того поразился увиденным, что направил шаги свои прямо ко мне и спросил, что за нужда привела меня в этот город.

Я сказал, что в Куинсферри пришел по делу, и, собравшись с духом, спросил, где здесь будет дом мистера Ранкейлора.

— Это будет как раз тот дом, откуда я только что вышел, — отвечал он. — И по странной случайности перед вами мистер Ранкейлор.

— В таком случае, сэр, — сказал я, — могу ли я просить вас об одолжении уделить мне несколько времени? Я хотел бы поговорить с вами об одном деле.

— Но позвольте, я не знаю даже вашего имени. Да и лицо ваше я что-то не припомню.

— Мое имя Дэвид Бальфур.

— Дэвид Бальфур? — удивленно, повышенным тоном переспросил законник. — А позвольте узнать, откуда же вы пришли, мистер Бальфур? — И он устремил на меня сухой, строгий взгляд.

— Я побывал во многих странствиях, сэр, — отвечал я. — Но мне кажется, будет лучше, если мы поговорим об этом в другом месте.

Несколько мгновений стряпчий, казалось, раздумывал, поглаживая рукой подбородок, глядя то на меня, то на мостовую.

— Да, пожалуй, вы правы, — сказал он, пригласил меня в дом и, прокричав кому-то, кого я не видел, что до полудня он будет занят, провел меня в небольшую комнату, где во множестве пылились кипы бумаг и книги.

Опустившись в кресло, он знаком пригласил меня сесть, хотя, как мне показалось, с некоторым сожалением перевел взгляд с опрятного кресла на мои грязные лохмотья.

— Ну что же, если у вас имеется ко мне дело, то прошу вас говорить кратко, по сути вопроса. *Nec gemino bellum Trojanum orditur ab ovo*¹. Вы меня понимаете? — спросил мистер Ранкейлор.

— Я последую совету Горация, — с улыбкой ответил я, — и введу вас сразу *in medias res*².

Он кивнул головой, как бы давая понять, что доволен моим ответом; ведь латинская фраза была сказана им с намерением меня испытать. Я немного ободрился, но когда заговорил, то почувствовал, что краснею.

— У меня есть все основания полагать, — начал я, — что я имею права на владение поместьем Шос.

Мистер Ранкейлор вынул из ящика стола папку с бумагами и, раскрыв ее, положил перед собой.

— Так-так, я вас слушаю.

Но, выпалив первую фразу, я вконец потерялся и не знал, что говорить дальше.

— Продолжайте, мистер Бальфур. Что же вы замолчали? Где, в каком месте вы родились?

— В Эссендине, сэр. Двенадцатого марта 1733 года.

¹ Он для Троянской войны не вспомнит про Ледины яйца (лат.). (Гораций. Наука поэзии. Пер. М. Гаспарова. М., «Худ. лит.», 1970, с. 387); не с самого начала.

² В гущу событий (лат.).

Он сверил мои слова с записью в книге, но с какой надобностью — этого я не мог понять.

— Кто были ваши родители?

— Мой отец Александр Бальфур был учителем в местной школе. А мать звали Грейс Питэрроу. Кажется, она была родом из Ангуса.

— У вас есть бумаги, удостоверяющие вашу личность? — спросил мистер Ранкейлор.

— При себе нет, сэр. Но они на руках у мистера Кэмпбелла, священника из Эссендина, и в кратчайший срок могут быть вам представлены. К тому же мистер Кэмпбелл может за меня поручиться, хотя, мне кажется, дядя вряд ли станет от меня отрекаться.

— Вы имеете в виду мистера Эбинизера Бальфура?

— Да, именно.

— Которого вы видели?

— Да, он принял меня в своем доме.

— А не встречали ли вы человека по фамилии Хозисон? — спросил мистер Ранкейлор.

— Да, довелось встречать, как видно, в наказание за свои прегрешения. Это с его помощью по наущению моего дяди меня похитили в окрестностях этого города и увезли на корабле. Потом мы потерпели крушение, я прошел через множество разных злоключений и вот теперь стою перед вами в этом жалком рубище.

— Так вы говорите, что потерпели кораблекрушение. Где это было?

— У южной оконечности острова Малл. Остров, на который меня выбросило, носит название Эррейд.

— Э, да я вижу, ваши познания в географии глубже моих, — с улыбкой заметил мистер Ранкейлор. — Пока, доложу я вам, ваш рассказ в точности сходится с имеющимися у меня сведениями. Но вы говорите, что вас похитили? Как это понимать?

— В самом прямом смысле слова, сэр, — отвечал я. — Я намеревался нанести вам визит, но меня заманили на бриг, оглушили и бросили в трюм. Когда я очнулся, мы уже вышли в море. Меня хотели продать на плантации, и только по милосердию неба я избежал этой участи.

— Итак, бриг потерпел крушение двадцать седьмого июня, — заглянув в книгу, проговорил мистер Ранкейлор. — А сегодня у нас двадцать четвертое августа. Имеет-

ся весьма большой пробел, мистер Бальфур. Почти два месяца. И все это время вы держали ваших друзей в неизвестности, причиняя им немалое беспокойство. Должен сказать, меня не может удовлетворить ваш рассказ, покуда я не узнаю всех обстоятельств дела.

— Этот пробел, поверьте, легко заполняется, — отвечал я. — Однако прежде, чем я приступлю к рассказу, мне хотелось бы убедиться в том, что я говорю с другом.

— Ну, это будет порочный круг, — возразил стряпчий. — Покуда я вас не выслушаю, я не могу составить убедительного представления в вашу пользу. Я не могу быть вашим другом, пока не буду располагать достаточными сведениями. Вам, в ваши годы, нужно быть более доверительным к людям, мистер Бальфур. Знаете нашу пословицу: какой грешник не боится грехов?

— Вы не должны забывать, сэр, что я уже изрядно пострадал из-за своей доверчивости. К тому же человек, который хотел отправить меня в неволю, сколько я знаю, ваш клиент.

Мои ответы, по-видимому, нравились мистеру Ранкейлору, и вместе с расположением завоевывал я доверие. Но при этих словах, которые я произнес с улыбкой, мистер Ранкейлор закатился смехом.

— Нет-нет, все обстоит не столь уж мрачно, как вы себе представляете. *Fui, non sum*¹. Я действительно был поверенным в делах вашего дяди, но, пока вы скитались невесть где в отдаленных западных уголках нашего государства, *imberbis juvenis custode remoto*², много воды утекло, и если у вас не свистело в ушах, то, видимо, не оттого, что о вашей особе мало говорили. Как раз в день кораблекрушения в мою контору пожаловал мистер Кэмпбелл и потребовал отыскать вас во что бы то ни стало, хоть на краю света. Я же, признаюсь, даже не ведал о вашем существовании, но я хорошо знал вашего отца и по некоторым весьма серьезным соображениям — о них я скажу после — предположил было самое худшее. Мистер Эбинизер признался, что вы у него были. Он объявил, что дал вам значительную сумму денег, что показалось мне весьма сомнительным. По его словам, вы отбыли в

¹ Был, но не есть (*лат.*).

² Безбородый юнец без присмотра (*лат.*).

Европу, дабы расширить свое образование, что я нашел весьма похвальным и вполне вероятным. На вопрос мой, почему вы уехали, даже не известив о том мистера Кэмпбелла, ваш дядя утверждал, будто вы выразили страстное желание порвать со своим прошлым. На прямой вопрос мой, куда вы уехали, ваш дядя отвечал, что не имеет о том понятия, и высказал предположение, что, вероятно, вы в Лейдене. Таковы вкратце его показания. Я не думаю, чтобы кто-нибудь мог поверить его словам, — улыбнувшись, продолжал мистер Ранкейлор. — Ну, а если говорить о частностях этого дела, то некоторые мои вопросы оказали на вашего дядю такое сильное впечатление, что он поспешил, не побоюсь этого слова, выставить меня вон. После этого дело стало в тупик; как ни сильны были наши подозрения, доказательств у нас не было никаких. Но тут вдруг появляется шкипер Хозисон и говорит, что вы утонули. Разумеется, дело вылетело в трубу, не возмев никаких последствий, если не считать того, что мистер Кэмпбелл еще больше встревожился, я остался в накладе, а на репутацию вашего дяди пало еще одно пятно. Впрочем, она у него до того запятнана, что темнее не стала. Так что теперь, мистер Бальфур, вы представляете себе ход этого дела и можете судить сами, достоин ли я или нет вашего доверия.

В действительности его рассказ был в еще большей степени педантичен и уснащен множеством латинских цитат, но говорил он с таким подкупающим добродушием, с такой непосредственностью, что мое недоверие разом рассеялось. Было явно, что он нисколько не ставит под сомнение мою личность, поэтому в бумагах, по-видимому, нужды не было.

— Должен заметить, сэр, — сказал я, — что в своем рассказе я принужден буду упомянуть имя моего друга, тем самым вверив его жизнь в ваши руки. Обещайте, что она останется в неприкосновенности. В остальном, что касается меня, я не смею требовать от вас никаких гарантий.

Мистер Ранкейлор с очень серьезным видом дал мне слово.

— Ваше предисловие меня весьма настораживает, — заметил он. — Если в вашей истории имеется что-либо предосудительное законом, то прошу вас иметь в виду, что

я служитель закона, а посему не слишком увлекайтесь подробностями.

Я рассказал ему все, как было, все свои приключения. Откинувшись в кресле, сдвинув очки на лоб, стряпчий слушал с закрытыми глазами, и я уже было решил, что он дремлет. Какая обманчивость! Как я потом убедился, он слышал все до единого слова. Острота его слуха и память были поистине удивительны. Он запомнил с первого раза все мудреные гэльские имена и названия и потом, спустя годы, случалось, даже мне их подсказывал. Однако ж при имени Алана Брека произошла любопытная сцена. Разумеется, после убийства в Аппине и появления афиш про преступников, имя это гремело по всей Шотландии. Едва оно сорвалось с моих уст, стряпчий шевельнулся в кресле и открыл глаза.

— Не нужно лишних имен, мистер Бальфур,— говорил он,— тем паче имен всех этих горцев, многие из которых заслуживают наказания. Я на вашем месте не стал бы произносить их все.

— Конечно, лучше обойти это имя молчанием,— отвечал я,— но, уж коли оно у меня вырвалось, может быть, мне и дальше его называть?

— Помилуйте, это вовсе не обязательно,— заметил мистер Ранкейлор.— Я, как вы, должно быть, изволили заметить, туговат на ухо и потому не совсем отчетливо уловил имя. С вашего позволения, во избежание недоразумений назовем вашего друга, ну, скажем, мистер Томсон. И впредь, когда у вас возникнет нужда упомянуть имя какого-нибудь горца, ныне покойного или здравствующего, придерживайтесь той же методы.

Тут я понял, что стряпчий отлично расслышал имя Алана и, по-видимому, уже догадался, что речь пойдет об убийстве в Аппине. «Ну что же, если ему так нравится разыгрывать из себя глухого, это, конечно, его дело»,— подумал я, улыбнулся про себя и поспешил согласиться, заметив в свое оправдание, что имя мистера Томсона не совсем гэльское. Итак, Алан преобразился в моем рассказе в мистера Томсона, это меня тем более забавляло, что стряпчий сам предложил эту выдумку. Джеймс Стюарт стал родственником мистера Томсона, Колин Кэмпбелл упоминался как мистер Глен, а когда я дошел до Ключи, то окрестил его мистером Джеймсоном, одним из пред-

водителей горцев. Все это походило на откровенный фарс; было странно, что законник находит в нем удовольствие, но в конечном счете такие иносказания были вполне во вкусе того времени: при существующих в государстве двух партиях люди тихие, не имевшие высокого мнения о партии, к которой они формально принадлежали, всячески исхитрялись не задевать колким словом ни ту, ни другую сторону.

— Да, нечего сказать,— промолвил стряпчий, когда я кончил.— Это целая поэма. Одиссея своего рода. Когда вы расширите свои познания в языках, вам непременно нужно изложить ваши похождения на латыни. На худой конец, на английском, хотя, откровенно признаюсь, я предпочитаю латынь. На ней, знаете ли, как-то внушительнее. Да, сударь, пошвыряла же вас судьба! *Quae regio in terris*¹ — в каком только шотландском приходе, переводя на народный язык, ни ступала ваша нога! К тому же вы обнаружили удивительную склонность попадать в ложные положения, но, в целом, с честью вышли из них. Этот ваш мистер Томсон, по моему мнению, конечно, натура дикая, кровожадная, но наделен, бесспорно, многими превосходными качествами. Хотя, сказать по правде, при всех его достоинствах я предпочел бы, чтобы он сейчас покоился на дне морском. Должен заметить вам, мистер Дэвид, этот господин намутил много воды. Но вы, разумеется, правы, что остались верны дружбе, ведь ваш друг помогал вам верой и правдой. Можно сказать, что он был вашим верным спутником, а не то для вас обоих дело обернулось бы виселицей. Но к счастью, самое худшее уже позади. Я полагаю, что ваши тяготы и лишения подходят к концу.

Рассуждая таким образом о моих приключениях, он выказывал столько юмора и добросердечия, что я едва удерживал бурный порыв признательности. Я так долго скитался среди полудикого люда, так долго спал под ненастным небом во всяких непотребных местах, что теперь, наслаждаясь дружеской беседой с этим джентльменом, облаченным в тонкосуконное платье, говоря фигурально, воспарил в эмпирию. Но мои блаженные мысли всякий раз омрачались, когда опускал я взгляд на свои лохмотья, и

¹ В каком только месте на земле (лат.).

тогда смущение овладевало мной с удвоенной силой. Мистер Ранкейлор угадал мои мысли. Встав с кресла, он крикнул слуге, чтобы тот поставил на стол еще один прибор для мистера Бальфура, который-де остается к обеду. Затем он повел меня в покои на второй этаж, где предомною явились таз с водой, гребенка и мыло, а сверх того, долгожданное чистое платье, принадлежавшее сыну мистера Ранкейлора. Сопроводив все это латинской фразой, стряпчий оставил меня одного.

Глава 28

Я ИДУ ЗА СВОИМ НАСЛЕДСТВОМ

Придав себе благопристойный вид, я поглядел на себя в зеркало и, к несказанной радости моей, обнаружил, что нищий оборвыш Дэви канул в прошлое, вместо него смотрел на меня возродившийся Дэвид Бальфур. Впрочем, было притом и сильное чувство неловкости: как-никак, а платье на мне было с чужого плеча. Наглядевшись на себя вдоволь, я поспешил на лестницу, где меня дожидался мистер Ранкейлор. Поздравив меня с удивительным перевоплощением, он снова повел меня в свой кабинет.

— Прошу садиться, мистер Бальфур,— сказал он.— Ну вот, теперь, коль скоро вы стали немного похожи на самих себя, можно и потолковать о деле. Думаю, я вам сообщу кое-какие новости. Вы, верно, недоумеваете, каковы же были отношения между вашим отцом и дядей. Да, история эта удивительная и весьма щекотливого свойства. Мне, право, неловко вам ее изъяснять, ибо...— в сильном смущении проговорил он,— разгадка ее состоит... в одном любовном романе.

— Признаться, не могу постигнуть, как дядя при его-то наружности мог иметь историю подобного рода,— заметил я.

— Э, не скажите, мистер Бальфур. Ваш дядя ведь не всегда обладал такою наружностью. И что, быть может, вас удивит, он некогда был даже хорош собой — изящный, галантный кавалер! Люди на него заглядывались, выбегали из домов, чтобы только поглядеть, как он проезжает мимо на своем ретивом коне. Я сам был тому свидетель,

и, скажу вам по правде, свидетель завистливый. Я ведь из простого роду и красотой никогда не блистал, а в молодые-то годы это очень многое значит. Как говорится: *Odi te, qui bellus es, Sabelle*¹.

— Невозможно в это поверить. Это какой-то сон!

— Да-да,— с улыбкой продолжал стряпчий.— Причуды времени! К тому же у вашего дяди был недюжинный темперамент. Он подавал большие надежды. В 1715 году — что бы вы подумали? — он убежал из дому сражаться на стороне мятежников! Но ваш батюшка устремился за ним в погоню и, найдя его в придорожной канаве, воротил домой, *multum gementem*², на потеху всей округе. Вскоре, однако, *majora sanamus*³, надо же так случиться, оба юноши влюбились в одну молодую особу. Мистер Эбинизер, баловень судьбы, который был не однажды любим и на которого заглядывалась не одна барышня, был совершенно уверен в скорой победе, как вдруг, к ужасу своему, обнаруживает, что обманулся. Случилось нервическое расстройство. Вся округа над ним потешалась. То он лежал в постели и заливался слезами в окружении сердобольных домочадцев, то мотался из трактира в трактир, спяну изливая горе свое первому попавшемуся собутыльнику. Ваш батюшка, мистер Дэвид, был человек добрый, но — увы! — очень мягкий и слабодушный. Блажь вашего дядюшки он принимал всерьез и чувствовал себя кругом виноватым. И вот в один прекрасный день — с вашего позволения будет сказано — он решил отступить от своей возлюбленной. Но она, однако ж, была не глупа — от нее-то вы и унаследовали свой здравый смысл,— роль игрушки ее не прельщала. Однажды батюшка ваш и дядя пали перед ней на колени, прося разрешения своей участи. Это было в августе. О боже, подумать только: в тот самый год, когда я окончил колледж и вернулся домой. Да, представляю себе, какая это была потешная сцена.

Мне самому история эта казалась смешной и глупой, но как-никак она касалась моего отца.

— Но, вероятно, сэр, в этой истории была и трагическая сторона? — спросил я стряпчего.

¹ Ненавижу тебя, прекрасный сабин и (лат.).

² Тяжко вздыхающего (лат.).

³ Будем петь далее (лат.).

— Да нет, сударь. Ее-то как раз и не было. Трагедия всегда предполагает нечто значительное, dignus vindice nodus¹, а тут была одна только блажь, каприз избалованного повесы, которого, сказать по чести, не мешало бы тогда связать покрепче да хорошенько высечь. Впрочем, ваш батюшка был совершенно другого мнения, что привело к последствиям весьма и весьма горьким. После бесконечных уступок с его стороны и сумасбродств и капризов со стороны вашего дяди они заключили своего рода сделку, из-за которой вам и пришлось пострадать. Одному досталась девица, другому — поместье. Я часто думаю, мистер Бальфур: вот мы всё любим говорить о великодушии и сострадании, но в спорных делах подобного свойства, кажется, чего проще, разумнее — приди, посоветуйся с законоведом, а потом и делай свои дела сообразно с законом. Мало того, что донкихотство вашего отца было неоправданным, оно породило еще чудовищные несправедливости. Ваши родители оказались в бедности, вы воспитывались на скудные средства, между тем что творилось в поместье Шос! Как же туго пришлось арендаторам вашего дяди! Да и мистеру Эбинизеру тоже досталось, хотя его-то как раз мне нисколько не жаль.

— И все же самое странное в этой истории, — сказал я, — это то, что мой дядя так сильно переменялся.

— Да, конечно. Но, на мой взгляд, это вполне естественно, — отвечал мистер Ранкейлор. — Не мог же он не понять, что сыграл в этом деле неблагоприятную роль. Те, кто был посвящен в эту историю, все, как один, от него отвернулись, ну, а те, кто посвящен не был, заметив, что один из братьев куда-то исчез, а другой вступил во владение, разом заговорили об убийстве. Люди стали сторониться вашего дяди. Что он выиграл от этой сделки, так разве что деньги, но в конечном счете сделался еще большим корыстолюбцем. От былых сентиментов и комплиментов не осталось и тени — одна корысть, которую вы уже на себе испытали.

— Но позвольте спросить, сэр, каково же мое положение в этом деле?

— Имение, несомненно, принадлежит вам. То, что отец ваш подписал какие-то бумаги, не имеет никакого

¹ Требуящее вмешательства бога-заступника (*лат.*).

значения. Вы законный наследник. Но ваш дядя будет защищаться в суде до последней возможности. Вероятно, он станет оспаривать подлинность вашей личности. Судебный процесс всегда сопряжен с издержками, а семейный процесс к тому же дело скандальное. А если еще притом обнаружатся ваши связи с мистером Томсоном, дело примет для вас нежелательный оборот. Конечно, ваш козырь в суде — факт похищения, если только нам удастся его доказать. Но это будет не просто, а потому советую вам договориться с дядей полюбовно. В чем-то, я думаю, можно ему и уступить, быть может, даже согласиться на его пребывание в доме, тем более что он живет в этом доме уже четверть века. Удовольствуйтесь на первых порах рентой.

Я сказал, что отнюдь не намерен предъявлять дяде суровые требования и мне глубоко противно выносить семейную тяжбу на суд публики. Между тем мыслям моим явился план, к которому вскоре мы и прибегли.

— Так вы говорите, сэр, что вся сложность состоит в том, чтобы уличить дядю в подстрекательстве к похищению?

— Именно, — отвечал мистер Ранкейлор. — И уличить его нужно по возможности не в суде. Заметьте, мистер Дэвид, мы можем, разумеется, разыскать матросов с «Ковенанта», чтобы они засвидетельствовали, что вас держали взаперти как невольника. Но как только этих людей приведут к присяге, мы уж никак не сможем остановить их показания. Притом речь, разумеется, пойдет и о вашем друге мистере Томсоне, а это, как я заключил из ваших слов, весьма и весьма нежелательно.

— Я, кажется, придумал, сэр, что нужно делать! — воскликнул я и изложил стряпчему свой замысел.

— Но позвольте, должен ли я понимать вас так, что мне нужно встретиться с вашим другом, мистером Томсоном? — воскликнул мистер Ранкейлор, когда я кончил.

— Боюсь, что да, сэр.

— Силы небесные! — вскричал он, потирая лоб. — Вот так штука! Нет, мистер Дэвид, боюсь, что ваш план не совсем приемлем. Я ничего не имею против вашего друга, мистера Томсона, у меня нет никаких порочащих его фактов. Если бы они у меня были (заметьте, мистер Дэвид!), мой долг состоял бы в том, чтобы немедленно его

задержать. Однако рассудите сами, разумно ли нам встречаться? Может быть, за вашим другом водятся какие-нибудь грешки? Может быть, он был не вполне искренен с вами? Может статься даже, что его зовут вовсе не Томсон, а как-то иначе? — подмигивая мне, воскликнул законник. — Этой публике подобрать себе имена ничего не стоит. Знаете ли, как ягоду боярышника сорвал с ветки — и готово, пожалуйста, имя.

— Как вам будет благоугодно, сэр, вам виднее, — отвечал я.

Было явно, однако, что мой замысел взбудоражил воображение стряпчего. Он погрузился в раздумье. Вскоре нас позвали к обеду, к которому вышла и миссис Ранкейлор, и, как только она оставила нас одних за бутылкой вина, стряпчий вновь заговорил о моем предложении. Когда и где должен я встретиться с другом моим, мистером Томсоном? Уверен ли я в его благонадежности? Предположим, что мы поймаем старого лиса на слове, соглашусь ли я тогда на те или иные условия? Эти и другие подобные вопросы он задавал через каждый, довольно продолжительный промежуток времени, в задумчивости потягивая из рюмки кларет. Когда я ответил на все эти вопросы, он, казалось, задумался еще глубже; даже кларет был позабыт. Наконец стряпчий принес лист бумаги и карандаш и принялся что-то писать, раздумывая над каждым словом. Окончив работу, он позвонил в колокольчик. Вошел клерк.

— Торрэнс, — обратился к нему мистер Ранкейлор. — Это нужно переписать к вечеру. А когда закончите, будьте любезны, наденьте шляпу и приготовьтесь составить компанию мне и этому джентльмену. Вы понадобятся нам как свидетель.

— Неужели, сэр?! — воскликнул я в удивлении, как только клерк удалился. — Стало быть, вы все-таки решились?

— Как видите, — отвечал стряпчий, наливая себе вина. — Но довольно, довольно о делах. Всякий раз, когда я гляжу на Торрэнса, мне приходит на память одна давнишняя забавная история. Я назначил встречу этому тугодуму у Единбургского креста. Потом каждый из нас пошел по своим делам, а когда пробило четыре часа, Торрэнс уже так нагрузился, что не признал собственного

патрона, а я, как назло, оставил дома очки и без них до того потерялся, что даже не узнал своего клерка!

С этими словами он закатился веселым смехом.

Я заметил, что это и впрямь забавное происшествие, и из вежливости улыбнулся. Но меня смущало и удивляло, что он неизменно возвращался к этой истории с очками, уснащая ее всякий раз подробностями и посмеиваясь. Незаметно приближалось назначенное время. Наконец мы вышли из дома: я под руку с мистером Ранкейлором впереди, а за нами Торрэнс со всеми необходимыми бумагами и с корзиной, закрытой сверху салфеткой. По дороге стряпчий раскланивался направо и налево, поминутно останавливался и беседовал со своими знакомыми о разных предметах, касавшихся как общественных, так и частных дел. Видно было, что в округе он пользуется большим уважением. Наконец мы вышли за пределы города и пошли вдоль гавани по направлению к трактиру «Боярышник», где начались мои злоключения. С невольным волнением глядел я на это место, вспоминая, сколь многих из тех, кто был со мною в те дни, постигла гибель: Рэнсома, участь которого могла быть еще более страшной, Шуэна, умершего мучительной смертью, самая мысль о которой приводила меня в содрогание, несчастных матросов, затонувших вместе с бригом на дне морском. Всех их, включая бриг «Ковенант», я пережил, выйдя невредимым из многих тяжелых и опасных испытаний. Казалось бы, я должен был благодарить судьбу, но тут при виде памятного места мной овладели горестные, страшные воспоминания.

Я шел, погруженный в свои размышления, как вдруг мистер Ранкейлор издал громкое восклицание, хлопнул рукой по своему карману и залился смехом:

— Ба! Вот оказия! Ну просто смех. Говорил-говорил и забыл-таки. Забыл очки!

Тут наконец до меня дошло, для чего была выдумана эта история с очками. Было ясно, что очки он оставил дома нарочно, чтобы в случае неприятностей иметь оправдание, будто он и не знал, с кем имел дело. И точно, придумано было все ловко. Случись вдруг беда и нас бы арестовали, каким образом он мог бы свидетельствовать против Алана и меня, не зная нас даже в лицо? Он, однако ж, не сразу хватился очков, заговаривая и беседуя между

тем со множеством своих знакомых, и поиски начал только тогда, когда мы вышли за пределы города. Я почти не сомневался, что зрение у него отличное.

Как только мы миновали трактир, у порога которого увидел я знакомого хозяина с трубкой в зубах и с удивлением для себя заметил, что он нисколько не изменился, мистер Ранкейлор предпочел изменить порядок шествия: пропустил меня вперед, как бы в дозор, и, дождавшись Торрэнса, пошел с ним, держась от меня в почтительном отдалении. Я поднялся на холм, насвистывая гэльскую песню, и наконец, к несказанной радости своей, услышал отклик. Из кустов показался Алан. Вид у него был не очень бодрый: весь день он бродил в одиночестве и потратил последние деньги на скверный обед в харчевне около Дундаса. Однако, увидев на мне новое платье, он оживился. Я рассказал, как заметно подвинулись наши дела, и посвятил его в план наших действий. Узнав о роли, ему отведенной, Алан воспрянул духом.

— Выдумка хороша, — заметил он. — Могу тебя уверить, что лучше Алана Брека такого дела никому не обделать. Подобные вещи, заметь, нужно делать умно. Но мне сдается, твоему приятелю стряпчему очень не терпится со мной познакомиться?

Я крикнул и помахал мистеру Ранкейлору. Он подошел к нам один. Я представил его мистеру Томсону.

— Очень приятно, мистер Томсон, — сказал стряпчий. — Но я, кажется, забыл дома очки, а мой друг мистер Дэвид, — он похлопал меня по плечу, — мой друг мистер Дэвид может вам подтвердить, что без них я все равно что слепой. Так что пусть вас не удивляет, если завтра, случится, я пройду мимо и вас не замечу.

Все это было сказано из самых добрых намерений, но тщеславие горца было уязвлено.

— Да нет, отчего же, — холодным тоном отвечал Алан. — Я не придаю этому никакого значения. Мы встретились с вами, сударь, не из праздного любопытства, а с определенной целью, а именно — проследить за тем, чтобы мистеру Бальфуру не отказали в его законных притязаниях. Кроме этого дела, едва ли нас может что-нибудь связывать. Но я принимаю ваше извинение, сделано оно весьма кстати.

— Не смею надеяться на большее, мистер Томсон, — с искренним жаром заверил его мистер Ранкейлор. — Ну, а теперь, коль скоро главная роль в этом деле отведена все-таки нам, необходимо, сударь, прийти к мирному соглашению и кое о чем потолковать, а посему позвольте мне взять вас под руку. Здесь ужасно темно, а я оставил дома очки, не вижу даже дороги. Вы, мистер Дэвид, поговорите покамест с Торрэнсом. Вы найдете в нем интересного собеседника, только прошу вас помнить, что ему вовсе не обязательно знать о похождениях... хм... мистера Томсона.

Итак, два джентльмена пошли впереди, оживленно толкуя о чем-то, а мы с Торрэнсом составили арьергард.

Был уже поздний вечер, когда достигли мы наконец поместья Шос. Шел, вероятно, одиннадцатый час; вечер был тих и темен, легкий юго-западный ветер шелестел листвою на деревьях, заглушая наши шаги. Приблизившись к дому, мы увидели, что он погружен во мрак. Судя по всему, дядюшка уже лег спать, что благоприятствовало нашему плану. Остановившись от дома ярдах в пятидесяти, мы посоветовались в последний раз; затем Торрэнс, стряпчий и я тихонько зашли сбоку и притаились за углом дома. Как только мы стали по местам, Алан решительным шагом направился к дому и, взойдя на порог, крепко постучал в дверь кулаком.

Глава 29

Я ВСТУПАЮ ВО ВЛАДЕНИЕ

С минутой-другую Алан стучался в дверь, но этот стук только гулко отзывался в затаенной тишине дома. Наконец с тихим скрипом растворилось наверху окно; дядя занял свой наблюдательный пост. В тусклом вечернем свете он мог разглядеть только Алана, словно привидение стоящего на ступеньках крыльца. Остальные свидетели этой сцены были от него скрыты. Казалось бы, чего тревожиться честному обывателю в собственном доме? Однако ж дядя долго всматривался в ночного пришельца. Когда сверху послышался наконец его голос, в нем улавливалось сильное беспокойство.

— Что такое? В чем дело? Ночь на дворе, все порядоч-

ные люди давно спят. Ходят тут, шляются полуночники. Я вас не знаю. Что вам угодно? Имейте в виду, у меня заряженный мушкетон.

— Это вы, мистер Бальфур? — зычно произнес Алан, отступив от двери на несколько шагов и вглядываясь в темноту окна. — Поосторожнее там с мушкетонем! Эта штука может и выстрелить.

— В чем дело? Кто вы такой? — сердито спросил дядя.

— Я не намерен провозглашать свое имя на всю округу, — отвечал Алан, — а дело, с которым я к вам явился, касается не столько меня, сколько вас, сударь. Если вы так желаете услышать некое имя, я вам с охотой его пропою.

— Как прикажете понимать вас?

— Дэ-э-эвид, — пропел Алан.

— Что? Что такое? — сильно изменившимся голосом вскрикнул Эбинизер.

— Добавить ли еще и фамилию?

Последовало молчание, после чего в крайнем замешательстве дядя проговорил:

— Что же, пожалуй, я вас впущу.

— Да, соизвольте. Хотя, быть может, я и не захочу входить. Вот что, сударь, это дело, я полагаю, мы можем сладить и у порога. Да, именно так, сию же минуту или вообще никогда. Должен заметить вам, сударь, что я, как и вы, человек упрямый и гордый. Я джентльмен, к тому же мой род гораздо знатнее вашего.

Эти слова и тон, по-видимому, смутили Эбинизера. Поразмыслив немного, он отвечал:

— Что ж, так и быть, делать нечего. Одну минуту. Сейчас я спущусь.

Окно закрылось. Прошла, однако, не одна минута, прежде чем внизу послышались наконец шаги, затем еще долго отмыкались засовы. Вероятно, дядя раскаивался в своем решении; с каждым шагом, с каждым отодвигаемым засовом в сердце его нарастал страх. Дверь со скрипом приотворилась. Увидя, что Алан сошел с крыльца, дядя осторожно переступил порог и сел на верхней ступеньке, держа мушкетон наготове.

— Имейте в виду, у меня в руках оружие, — проговорил Эбинизер. — Если вы приблизитесь хоть на один шаг, я выстрелю.

— Очень учтиво с вашей стороны.

— А вы как думали! Весьма сожалею, конечно, но иначе никак нельзя. Ну вот, теперь мы друг друга, кажется, понимаем. Так какое у вас ко мне дело?

— Коли вы такой понятливый, то, верно, уже догадались, что перед вами джентльмен из Горной Страны. Имя мое никакого касательства к делу не имеет. Довольно будет сказать вам, что я родом из земель, находящихся в незначительном отдалении от острова Малл, о котором вы, надо полагать, имеете представление. Так вот, в тамошних водах потерпел крушение корабль, а на другой день мой родственник, собирая на берегу годные в топку обломки этого судна, наткнулся на полуживого юношу, выброшенного волной. Он привел его в чувство и с помощью других моих родственников перенес в старый разрушенный замок, где юноша по сей день содержится в заключении, вводя в немалые издержки мою родню. А родственники мои, к вашему сведению, народ несколько дикий и законы не очень-то почитать привыкли, как некоторые. Узнав, что юноша благородного происхождения и приходится вам, мистер Бальфур, племянником, они попросили меня известить вас и договориться с вами полюбовно. Однако предупреждаю вас сразу: если мы не договоримся, то, по всей вероятности, больше вы вашего племянника не увидите. Мои родственники народ бедный,— прибавил с простодушием Алан.

Дядя прокашлялся.

— Ну, не велика печаль,— проговорил он.— Я его никогда особенно не любил. Скверный мальчонка. Не вижу нужды вмешиваться в это дело.

— Ах, вот оно что! Вот вы чего добиваетесь! Не имею, мол, родственных чувств, чтобы выкуп сбавить?!

— Нет, нет. Говорю вам сущую правду. Никаких родственных чувств, никакого выкупа! Делайте с ним что хотите, хоть просверлите насквозь,— изрек Эбизер.

— Смотрите, сударь. Вздор все это. В конце концов, родная кровь не вода, черт побери! Вы не можете так позорно отступить от сына вашего покойного брата. Если вы это сделаете, клянусь вам, не сойти мне с этого места, по всей округе пойдет про вас слава!

— Эко дело. Я и так здесь не в большой чести,— воз-

разил дядя. — А потом, как же это, любопытно узнать, вы меня ославите? Разве что с моей помощью. Уж не вы ли или ваши родственники обо всем расскажут? Нет, господин любезный, это все пустой разговор.

— Тогда Дэвид сам обо всем расскажет.

— Как так расскажет?! — резким голосом отозвался дядя.

— Да очень просто. Мои родственники, разумеется, держали бы вашего племянника под стражей, коли от этого был бы какой прок. Но коли его нет, так, я полагаю, они его отпустят. Пусть себе идет на все четыре стороны, провались он пропадом!

— Ну, тоже не велика печаль. Мне-то какое дело до этого!

— Что ж, я предполагал это услышать, — сказал Алан.

— Предполагали? Так в чем же дело?

— А в том дело, сударь, что тут: или — или. Или вы любите Дэвида и заплатите за него выкуп, или у вас имеются причины не желать его возвращения, и тогда вы заплатите нам за содержание вашего племянника. Как видно, вас устраивает второе. Что ж, отлично. Смею вас уверить, вам это обойдется недешево. Мои родственники и я будем довольны, — простодушным тоном заметил Алан.

— Погодите, я вас что-то не совсем понимаю.

— Ах, вот как, не понимаете? Ну так слушайте и внимайте. Итак, вы не желаете, чтобы ваш племянник вернулся. Что ж, дело ваше. Тогда как прикажете с ним поступить? Что нам с ним делать? Как угодно вам распорядиться? Как скажете, так мы и сделаем. Сколько вы нам заплатите?! Говорите, я жду вашего ответа!

Дядя с беспокойством заерзал на ступеньке и не отвечал ничего.

— Я жду, сэр! — вскричал Алан. — Попрошу заметить, я дворянин, я ношу королевское имя. Обивать порог вашего дома я не намерен! Или вы честь по чести даете мне сию же минуту ответ, или, клянусь вершиною Гленко, я вонжу клинок по самую рукоять в ваши презренные внутренности!

— Погодите, милостивый государь. Погодите, зачем же так?! — поспешно забормотал Эбинизер. — Что за горячность, право. Я человек простой, не шаркун паркетный. Я и так стараюсь быть с вами вежливым. А вы такое

мне говорите: «Вонжу клинок... внутренности...» А для чего, по-вашему, у меня мушкетон?

— Порох в дряхлых ваших руках против клинка Алана все равно что улитка против ласточки. Прежде чем дрожащий ваш палец попадет на курок, моя шпага пронзит вас насквозь!

— Погодите, господин любезный! Да я разве спорю. Говорите все что хотите, поступайте как вам угодно. Я вам перечить не стану. Вы только скажите, что вы желаете, и мы по-хорошему договоримся. Мы еще, глядишь, и поладим.

— И то дело. Мне нужно от вас только одно, сударь: чтобы вы мне сказали прямо, сию же минуту: да или нет. Убить юнца или не убивать?!

— Господи, святые угодники! Да что же это такое! — вскричал Эбинизер. — Зачем же вы так нехорошо говорите!

— Так убить его или помиловать?!

— Не убивайте, пожалуйста, не убивайте! — взмолился дядя. — Не надо крови, прошу вас, бога ради.

— Бога ради. Что ж, тогда это вам обойдется дороже.

— Дороже?! — вновь вскричал Эбинизер. — Неужели вы будете проливать кровь? Это же преступление.

— Полно вздор молоть — «преступление»! Так и этак все одно — преступление. А убить проще, да и хлопот меньше. Убить всрнее. Ну, а коли говорите не убивать, так дело это не простое, щекотливое. Труды, расходы опять-таки.

— И все же я настаиваю на помиловании. Я всегда был противник безнравственных способов. И в угоду дикому горцу на сделку с совестью не пойду!

— Ба! Откуда такая порядочность? — усмехнулся Алан.

— Я человек принципа, — просто ответил Эбинизер. — Коли нужно кому заплатить, так я заплачу. А потом как-никак это же сын моего брата.

— Что же, ладно. Поговорим теперь о цене. Мне не легко ее сразу назначить. Сперва я хотел бы выяснить кое-какие подробности. Интересно знать, как вы тогда договорились с Хозисоном? Сколько вы ему дали?

— Хозисону?! — в полной растерянности воскликнул дядя. — Да помилуйте, с какой стати? За что?

— А за то, чтобы он похитил Дэвида.

— Это ложь! Бесстыдная клевета! Его никто не похищал. Вас обманули, самым подлым образом обманули! «Похитил»! Никто его не похищал!

— Ну, я не виноват, да и вы, конечно, и уж тем более Хозисон, что он человек порядочный, человек чести.

— Что вы хотите этим сказать?! — воскликнул дядя. — Так это он вам сказал?

— А то как же, старый пройдоха, пень осиновый! А то как же я обо всем дознался! Мы с Хозисоном компаньоны. У нас все барыши честь по чести. Вот до чего ложь доводит! Да, откровенно скажу вам: большого вы дурака сваяли. Посвятить в такое приватное дело бывалого моряка! Но что сейчас слезы лить. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь. Вопрос теперь вот в чем: сколько вы ему тогда заплатили?

— Так это он, стало быть, все рассказал?

— Ну уж, это не ваша забота.

— Что ж, извольте, я вам скажу, — проговорил дядя. — Мне плевать, что он там про меня наплел. Я скажу вам всю правду как перед богом: двадцать фунтов я ему дал, двадцать фунтов! И хочу, чтобы все уж как на духу было; сверх того он должен был получить еще там, в Каролине, выручку от продажи юнца. А это вышло бы куда больше — солидный куш, но я уж тут ни при чем.

— Благодарю вас, мистер Томсон. Этого более чем достаточно, — провозгласил стряпчий, выступая вперед. — Добрый вечер, мистер Бальфур, — прибавил он чрезвычайно учтивым тоном.

— Славная ночка, мистер Бальфур. Мое почтение, — произнес вслед за стряпчим Торрэнс.

Ни слова не вымолвил дядя, не издал ни единого звука, только замер, застыл на месте, застыл в оцепенении. Алан тихонько вынул из его рук мушкетон. Стряпчий взял дядю под руки, поднял со ступеньки и повел в кухню. Мы двинулись следом. Дядю усадили на стул возле очага; огонь потух, горел один лишь ночник.

Несколько мгновений мы молча глядели на дядю, в упоении от своего успеха и в то же время с какой-то неизъяснимой жалостью к опозоренному старику.

— Ну-ну, будет вам, мистер Эбинизер, — сказал стряпчий. — Не отчаивайтесь. Уверю вас, многого мы от вас не

потребуем. А покамест дайте нам ключ от погреба. Торрэнс принесет нам бутылочку вина из ваших запасов. Надо бы отпраздновать это событие. — Тут он обратился ко мне и, взяв меня за руку, произнес: — Желаю вам, мистер Дэвид, всяческих радостей на новом месте, которого, как мне кажется, вы вполне заслуживаете. — Затем, повернувшись к Алану, он продолжал несколько ироническим тоном: — Поздравляю вас, мистер Томсон. Вы вели это дело с большим искусством. Одного только я не могу постигнуть: как прикажете понимать ваше имя? Иаков? Карл? Или, может, Георг?

— А почему вы вдруг взяли, что мое имя должно быть одним из этих трех? — сказал Алан, выпрямляя свой стан, точно предчувствуя оскорбление.

— Потому что вы изволили упомянуть какое-то королевское имя, — отвечал мистер Ранкейлор. — А коль скоро пока еще не было короля с именем Томсон, во всяком случае слава о таковом еще не достигла пределов нашего отечества, я заключил, что вы говорили об имени, которое дали вам при крещении.

Эти слова кольнули Алана в самое сердце, и, должен признаться, он с большим усилием снес обиду. Не говоря ни слова, он отошел от нас, сел с оскорбленным видом в углу, надув губы, и только после того, как я подошел к нему и, протянув руку, в самых высоких словах выразил ему благодарность как главному виновнику моего успеха, — только тогда на лице его появился проблеск улыбки и он счел возможным присоединиться к нашей компании.

Между тем огонь в очаге был разведен, бутылка вина откупорена, на стол из корзины явились всевозможные закуски. Я, Алан и Торрэнс сели ужинать, а мистер Ранкейлор с дядей уединились в кабинете для делового разговора. Спустя час они вышли; взаимное соглашение было достигнуто. Я и дядя скрепили подписями договор. По его условиям дядя обязан был вознаградить мистера Ранкейлора за труды и выплачивать мне две трети годового дохода с поместья.

Итак, нищий странник, воспетый в балладе, воротился домой. Укладываясь спать на кухонных сундуках, я тешил себя мыслью, что отныне я человек с состоянием и с положением. Алан, Торрэнс и мистер Ранкейлор, лежа на жестких постелях, оглашали тишину храпом. На меня же,

проведшего долгие дни под открытым небом посреди луж и камней, благотворная перемена места подействовала обескураживающе, пожалуй, даже сильнее, чем все бывшие невзгоды и тяготы. Сон не шел; я пролежал, не смыкая глаз, до рассвета, глядя на языки пламени, отраженные на потолке, и составляя планы на будущее.

Глава 30

ПРОЩАНИЕ

Итак, после жизненных бурь я обрел долгожданную пристань, но на моем попечении оставался Алан, которому я был стольким обязан, а на душе лежало тяжкое бремя: убийство в Аппине и участь безвинно обвиненного Джеймса Гленского. Поутру я поделился своими опасениями с мистером Ранкейлором. Было около шести часов, мы прохаживались перед домом, и глазам моим открывались поля и леса, принадлежавшие некогда моим предкам и отныне перешедшие ко мне во владение. В продолжение серьезного разговора я то и дело окидывал взглядом милую сердцу картину, и сердце мое замирало от чувства гордости.

То, что мне необходимо помочь моему другу, представлялось стряпчему неоспоримым. Я должен был во что бы то ни стало посадить Алана на корабль, с тем чтобы как можно скорее он переправился в безопасное место. Но насчет Джеймса мистер Ранкейлор был несколько иного мнения.

— Мистер Томсон — это одно дело, но родственник мистера Томсона — статья особая, — заметил он. — Я полагаю лишь немногими фактами, но мне доподлинно известно, что одна очень знатная особа, назовем ее с вашего позволения Г. А.¹, весьма заинтересована в этом деле и, по мнению многих, питает к подсудимому сильную неприязнь. Разумеется, Г. А. человек порядочный и не лишен чувства справедливости, однако, как говорится, мистер Дэвид, *timeo qui posuere deos*². Ваше вмешательство может расстроить мстительные его планы, поэтому вам следует помнить, что есть один только способ избавиться от ваших свидетельских показаний: посадить вас на скамью подсу-

¹ Г. А. — герцог Аргайльский (*Прим. автора*).

² Боюсь тех, кто вредит богам (*лат.*).

димых. И тогда вы окажетесь в таком же незавидном положении, что и родственник мистера Томсона. Вы, конечно, можете мне возразить, что вы невиновны. Все это так, но ведь и на нем вины нет, он тоже безвинен. А предстать перед судом присяжных, где будут одни горцы, да еще по горскому делу, когда председательствовать в суде будет горец,— помилуйте, это же прямая дорога на виселицу.

Подобного рода мысли беспокоили и меня, и я не находил на них утешительного ответа. С видом чистейшего простодушия я спросил:

— Так, стало быть, меня тогда повесят?

— Молодой человек, к которому я так неравнодушен! — воскликнул стряпчий.— Идите с богом и поступайте так, как подсказывает вам сердце. Я не вправе склонять вас к постыдному, пусть и безопасному для вас решению. Простите меня за мои слова. Я беру их назад. Ступайте и делайте так, как велит вам долг. Идите на эшафот, если сочтете, что другого решения у вас нет, но идите, как подобает джентльмену! На свете есть вещи гораздо хуже, нежели виселица.

— Ну, таковых немного,— с улыбкой заметил я.

— Э, не скажите. Еще как много! — воскликнул стряпчий.— Да вот, чтобы не идти далеко за примером, тот же ваш дядя. Для него было бы в тысячу раз лучше, если б он достойно умер на виселице.

С этими словами он повернулся и направился в дом. Видно было, что наш разговор сильно его взволновал и что мною он остался доволен. Мы вошли в комнату, где он написал два письма, изъяснив мне по ходу их предназначение.

— Это письмо к моим банкирам из Британской льняной компании. По нему на ваше имя будет открыт кредит. Посоветуйтесь с мистером Томсоном, он, уж конечно, в этих делах сведущ. По этому кредиту вы получите необходимые деньги. Я нисколько не сомневаюсь в вашей разумной бережливости, однако в деле вашего друга мистера Томсона я бы на вашем месте не стал скупиться. Что же касается его родственника, то тут вам лучше всего обратиться к лорду-адвокату¹. Расскажите ему все по порядку,

¹ Л о р д - а д в о к а т — соответствует современному понятию генерального прокурора.

дайте показания. Примет ли он их к сведению или нет, это уже его дело. Захочет ли он идти против Г. А.? К лорду-адвокату вам нужно идти с хорошей рекомендацией, поэтому вот вам второе письмо к вашему родичу мистеру Бальфуру из Пилрига. Человек он весьма образованный, я к нему отношусь с большим уважением. Видимо, будет лучше, если вас отрекомендует ваш родич. Мнение мистера Бальфура высоко ценят в коллегии, к тому же он состоит в приятельских отношениях с лордом-адвокатом. На вашем месте я не стал бы ему докучать подробностями; разумеется, нет никакой нужды упоминать мистера Томсона. Присмотритесь к лорду, он хороший пример для подражания. А когда будете говорить с лордом-адвокатом, будьте предельно осторожны: ничего лишнего. Ну, да поможет вам бог, мистер Дэвид.

С этими словами он простился со мной, и они с Торэнсом пошли восвояси, а мы с Аланом, нимало не медля, отправились в Эдинбург. Проходя по тропинке мимо колонн с гербом, мы то и дело оглядывались на мое родовое владение. Огромный, с голыми мрачными стенами, не оживленный даже дымком из трубы, дом казался необитаемым — мертвым, лишь в окне наверху маячил ночной колпак, словно голова кролика из норы. Не очень приветливо встретили меня в этом доме, а принимали так совсем нелюбезно, но, по крайней мере, теперь, когда я уходил из него, меня провожали взглядом.

Неторопливо, сдерживая шаг, шли мы с Аланом, не имея охоты ни спешить, ни пускаться в разговор. Оба мы хорошо понимали, что скоро наши пути разойдутся; память о прошлом, пережитом, не давала покоя обоим. Разумеется, молчать мы не молчали, но говорили только о делах, о том, что каждому из нас предстояло сделать. Было решено, что в ожидании моего возвращения Алан будет бродить в здешних местах, по возможности нигде не задерживаясь, и раз в день, в назначенный час, приходить на условленное место. Между тем я должен был разыскать стряпчего, родом из Аппина, тоже Стюарта и, следовательно, человека надежного, который возьмет на себя труд приискать для Алана судно. Как только все дела были обговорены, мы замолчали; слова не шли с языка, я попытался было пошутить с Аланом насчет мистера Томсона, а он подтрунить над моим новым платьем, однако легко

представить себе, что нам не шутилось, мы едва удерживали слезы.

Мы поднялись по тропинке на холм Корсторфайн и, дойдя до места, именуемого Желанным Приютом, остановились. Перед нами был Эдинбург. Внизу тянулись корсторфайнские болота; за ними на холмах раскинулся город с замком. Здесь пути наши должны были разойтись. Алан в который раз повторил адрес стряпчего, час нашей встречи, условный сигнал. Я дал ему деньги, все, какие только у меня были, включая две гиней, которые ссудил мне в долг мистер Ранкейлор. По всем расчетам, их должно было хватить Алану до моего возвращения. Какое-то время мы стояли, молча глядя на Эдинбург.

— Ну что ж, прощай, — сказал Алан, подавая мне руку.

— Прощай, — проговорил я, пожал его руку, повернулся и пошел.

Прощаясь, мы не решились даже взглянуть друг другу в лицо. Я шел не оглядываясь. Приближаясь к городу, я почувствовал себя таким потерянным, одиноким, что готов был повалиться на землю у обочины и плакать — плакать не переставая, точно ребенок.

Было около полудня, когда, миновав церковь Вест-Кирк и сенной рынок, я очутился на столичной улице. Огромные здания в десять — пятнадцать этажей, узкие темные арки, выплывающие на площадь бесконечный людской поток, окна лавок, шум, крики и суета, зловонные запахи, красивые городские наряды и множество тому подобных впечатлений ошеломили меня. Людской поток меня подхватил и понес по улицам, бросая из стороны в сторону. Но мысли мои то и дело возвращались к Желанному Приюту, где я оставил Алана. Как ни приятна была новизна впечатлений, на душе, точно червь, холодное, гложущее, неотвязное, лежало чувство вины, словно я что-то сделал не так.

Наконец волею providения я был вынесен из толпы и оставлен перед дверями Британской льняной компании.

КАТРИОНА

РОМАН

ПОСВЯЩЕНИЕ

Чарлзу Бакстеру, прокурору.

Мой милый Чарлз!

Любое продолжение всегда разочаровывает тех, кто его ждал, и мой Дэвид, на пять с лишним лет брошенный прохлаждаться в конторе Британской льняной компании, наконец-то ее покинув, будет, несомненно, встречен негодующими воплями или даже различными метательными снарядами. Но, вспоминая дни наших экспедиций в неведомое, я не отчаиваюсь. В нашем родном городе не могли не прорасти семена, посеянные избранниками судьбы. И сегодня какой-нибудь длинноногий энтузиаст мечтает и бродит по его улицам, как мечтали и бродили мы столько лет назад! С наслаждением, какое могло бы быть и нашим, будет он разыскивать среди поименованных улиц и перенумерованных домов сельские дороги, по которым ходил Дэвид Бальфур, опознавать Дин и Силвермилс, Бротон и парк Хоуп, и Пилриг, и злополучный Локенд (если он еще цел), и Фиггет-Уинс (если от этих пустошей хоть что-то осталось), или же отправится (на каникулах) до самого Гиллейна, а то и на Басс. И быть может, его взгляду откроется смена поколений, и в трепетном изумлении он взвесит полученный им столь важный и столь незначительный дар, имя которому — жизнь.

Ты по-прежнему — как в день нашего знакомства и как в день последней нашей встречи — живешь в древнем городе, который для меня вовеки останется родным. А я уехал так далеко! Но картины и мысли

моей юности преследуют меня, и я словно вижу юность моего отца, и его отца, и весь поток жизней, катившийся там, на севере, под аккомпанемент смеха и слез, чтобы под конец как бы внезапный шквал забросил меня на эти запредельные острова. И я в восхищении склоняю голову перед сказками, которые творит судьба.

Р. Л. С.

*Вайлима,
Уполу,
Самоа,
1882.*

Часть первая

ЛОРД-АДВОКАТ

Глава 1

«ВОРОНА В ПАВЛИНЫХ ПЕРЬЯХ»

Двадцать пятого августа 1751 года около двух часов дня я, Дэвид Бальфур, вышел из дверей конторы Британской льняной компании в сопровождении рассыльного с сумкой, полной денег, и почтенные купцы, основатели этого банка, простились со мной на пороге учтивыми поклонами. Всего два дня тому назад, и даже еще накануне утром, я был нищ, как бездомный бродяга, одет в

лохмотья, почти без гроша за душой, товарищ осужденного изменника и сам беглец, за чью поимку была объявлена награда, ибо меня считали причастным к преступлению, о котором говорила вся страна. А нынче мне было возвращено мое законное положение и мое имя, я стал лэрдом, и рядом со мной шел банковский рассыльный с моим золотом, а в кармане у меня лежали рекомендации, и, как гласит поговорка, мне принадлежал весь мир.

Однако два обстоятельства, точно тяжкий балласт, мешали мне беззаботно нестись вперед на всех этих парусах. Во-первых, я по-прежнему был замешан в крайне трудном и опасном деле, а во-вторых, попал в мир, совершенно для меня новый: большой город, теснящиеся высокие темные дома, бесчисленные прохожие, шум и суета — все это было так непохоже на вересковые холмы, морские пески и тихие сельские места, где до тех пор протекала моя жизнь. Особенную робость внушали мне потоки горожан. Сын Ранкейлора был невысоким и щуплым, а потому его одежда только-только не лопалась на мне по швам. Разумеется, важно шествовать впереди банковского рассыльного мне никак не следовало. Разумеется, в таком случае моя внешность только вызвала бы смех прохожих и (чего мне надобно было особенно избегать) пробудила бы их любопытство. И я решил как можно быстрее обзавестись собственной одеждой, а пока счел за благо идти рядом с рассыльным, придерживая его за локоть, точно мы были приятелями.

В лавке на Лакенбутс я приобрел необходимый гардероб — не щегольской или пышный, так как не хотел выглядеть вороной в павлиньих перьях, но изящный и достаточно дорогой, чтобы внушать уважение слугам. Оттуда — в лавку оружейника, где я выбрал простую шпагу, приличную моему положению в жизни. С ней на боку я почувствовал себя спокойнее, хотя (для человека столь неискущенного в тонкостях фехтования) ее можно было бы считать дополнительной опасностью. Рассыльный, малый, понятно, опытный, одобрил мой новый костюм.

— Простая одежда, — сказал он, — без всякого там франтовства. Ну, а шпага вам, конечно, положена, хотя на вашем бы месте я свои денежки потратил на что-нибудь полезное.

И он предложил проводить меня в Каугейт-бэк к вя-

зальщице, его родственнице, купить шерстяные чулки на зиму — «прочнее нигде не сыщете».

Но у меня были более неотложные дела. Этот старый темный город больше всего походил на кроличью нору — и не только числом своих обитателей, но запутанным лабиринтом узких проходов и тупиков. Чужому тут трудно было бы отыскать и близкого друга, а уж незнакомаго человека и подавно. В этих высоких домах жильцы так теснились, что, даже найдя нужный двор, пришлось бы потратить целый день на то, чтобы отыскать нужную дверь. Обычно для этого нанимали мальчишку-проводника («кэдди», как их называли), и он вел вас туда, куда вам требовалось, а затем, когда вы кончали свое дело, провожал обратно. Однако кэдди, постоянно оказывая такие услуги и собирая для этого сведения обо всех домах и обитателях города, мало-помалу сплотились в братство соглядатаев, и я наслышался от мистера Кэмпбелла о том, как они обмениваются новостями, о том, с каким любопытством стараются вызнать про дела тех, кто их нанимает, и о том, что они уже давно стали ушами и пальцами полиции. А потому, принимая во внимание все обстоятельства, я никак не должен был пускаться по своему следу такого хоряка. Мне предстояло повидать троих людей и всех безотлагательно: во-первых, моего родича мистера Бальфура в его поместье Пилриг, Стюарта — стряпчего и аппинского ходатая по делам, и еще Уильяма Гранта из Престонгрейнджа, лорда-адвоката Шотландии. Посещение мистера Бальфура ничем мне не угрожало, а кроме того, Пилриг находился далеко за пределами города, и я смело решил сам отыскать туда дорогу, полагаясь на свои ноги и свой язык. Но с другими двумя дело обстояло далеко не так просто. Не только посещение аппинского ходатая, когда поднятый тамошним убийством шум был в полном разгаре, само по себе казалось опасным, но оно никак не сочеталось с посещением лорда-адвоката Гранта, которое в самом лучшем случае мне ничего приятного не сулило, однако, явившись к нему прямехонько от аппинского ходатая, я, весьма вероятно, ухудшил бы собственное положение и непоправимо повредил бы моему другу Алану. К тому же выходило, будто я служу и нашим и вашим, что мне было вовсе не по вкусу. А потому я решил немедля выполнить свое поручение к мистеру

Стюарту и разделаться с якобитами, взяв в проводники сопровождавшего меня рассыльного. Но не успел я сообщить ему адрес, как брызнул дождь, которого я, возможно, и не заметил бы, если бы не мой новый костюм, и мы укрылись под аркой, ведущей не то на какое-то подворье, не то в тесный переулок.

Мне все это было внове, и я сделал несколько шагов вперед. Узкий мощеный проход круто уходил вниз. По его сторонам поднимались дома, один другого выше, и каждый этаж выпячивался над предыдущим, так что между верхними виднелась лишь узкая полоска неба. То, что мне удалось разглядеть в окнах, и почтенный вид людей, входивших в эти дома и выходивших из них, показывали, что живут тут важные особы, и место это заинтересовало меня, точно сказочная повесть.

Я все еще смотрел по сторонам, как вдруг у меня за спиной послышались мерные шаги и лязг стали. Быстро обернувшись, я увидел десяток вооруженных солдат и между ними высокого человека в длинном плаще. Он шел, сутуля плечи, как бы из особой обходительности, изысканной и вкрадчивой. На ходу он убедительно жестикулировал, и лицо у него было красивым и скрытным. Мне показалось, что он обратил на меня глаза, но наши взгляды не встретились. Эта компания направилась к двери одного из домов, которую открыл слуга в пышной ливрее. Двое солдат ввели в нее своего пленника, остальные, держа ружья на плечо, остались ждать у входа.

На улицах города любая процессия собирает свиту из зевак, но любопытные тут же начали расходиться, и на месте задержалось лишь трое. Во-первых, судя по платью, барышня благородного рода, чьи волосы скрывал шарф, цвета которого были цветами Драммондов. Но два ее спутника (хотя вернее было бы сказать — служителя) были точь-в-точь оборванные челядинцы главы какого-нибудь горного клана, каких я вдосталь насмотрелся, странствуя в шотландских горах. Все трое о чем-то горячо беседовали по-гэльски, и звук этого языка ласкал мне слух, напоминая про Алана, а потому, хотя дождь почти совсем утих и рассыльный уже дернул меня за рукав, понуждая идти дальше, я сделал несколько шагов в их сторону. Барышня строго им выговаривала, а они, очевидно, смущенно перед ней оправдывались, и я окончательно убедился, что она

принадлежит к семье вождя клана. Немного погодя все трое начали обшаривать свои карманы, но, насколько я заметил, отыскать им удалось лишь полфартинга. Я невольно улыбнулся при мысли, что у всех горцев спораны столь же пусты, сколь благородны манеры.

Неожиданно барышня обернулась, и я впервые увидел ее лицо. Нет ничего удивительнее того, как юное женское лицо вдруг навсегда запечатлевается в сердце мужчины, и он даже не в силах объяснить почему. Просто кажется, что он всегда жил в ожидании этой минуты. У нее были необыкновенные, сияющие, как звезды, глаза, и, наверное, они сыграли свою роль, но яснее всего я помню губы, полуоткрытые в тот миг, когда она обернулась. Однако в чем бы ни заключалась причина, но я застыл на месте, таращась, как дурак. Она не ожидала, что кто-то стоит так близко от нее, а потому поглядела на меня немного дольше и, пожалуй, с большим удивлением, чем допускалось приличиями.

Мне, деревенскому простаку, вообразилось, что ее удивляет мой новый костюм, и я покраснел до корней волос, а она при виде краски, залившей мое лицо, надо полагать, сделала собственные заключения, — во всяком случае, она отвела своих служителей подальше, и, когда они продолжили беседу, я уже больше ничего не слышал.

Красивые девушки и раньше пробуждали во мне восхищение (хотя такого внезапного и сильного восторга я еще не испытывал), и в подобных случаях я не только не искал с ними знакомства, но предпочитал уйти, так как весьма опасался женских насмешек. Вы, конечно, сочтете, что на этот раз у меня было даже больше причин поступить по своему обыкновению: ведь увидел я эту барышню на городской улице, она, несомненно, шла следом за арестантом и сопровождали ее двое до неприличия оборванных шотландских горца. Все так, если бы не обстоятельство иного рода: она, несомненно, подумала, что я стараюсь подслушать ее тайны, а этого в новом костюме, со шлягой и на гребне счастливого поворота моей судьбы я снести не мог. «Ворона в павлиньих перьях» не могла стерпеть, чтобы о ней подумали столь плохо, — во всяком случае, эта барышня.

А потому я последовал за ней и снял перед ней свою новую шляпу со всей учтивостью, на какую был способен.

— Сударыня! — сказал я. — Мне кажется, будет только справедливо по отношению ко мне, если я объясню вам, что не знаю гэльского языка. Правда, я слушал вас, так как у меня есть друзья в Горной Шотландии и звук этого языка мне приятен памятью о них, но что до ваших частных дел, то, говори вы по-гречески, я узнал бы о них ровно столько же.

Она сделала мне легкий реверанс и сказала холодно:

— Это не беда. И кошке дозволено смотреть на короля.

Произношение у нее было очень милое, похожее на английское (только гораздо приятнее).

— Я не подумал, что это неучтиво, — продолжал я. — Но городские обычаи мне неизвестны. До этого дня я не бывал в Эдинбурге. Считите меня деревенским увальнем, потому что оно так и есть, и лучше я сам вам скажу, чем ждать, когда вы об этом догадаетесь.

— Да, совсем не принято, чтобы незнакомые люди заговаривали друг с другом на улицах, — ответила она. — Но раз вы деревенского воспитания, это меняет дело. Я и сама росла не в городе. Как видите, я уроженка шотландских гор и отсюда до моих родных мест очень далеко.

— И недели не прошло, как я оттуда, — сказал я. — Меньше недели назад я был еще на склонах Балкухиддера.

— Балкухиддера? — вскричала она. — Вы сейчас оттуда? Это название отзывается радостью в моем сердце. Если вы там пробыли даже недолгий срок, то непременно должны были познакомиться с кем-нибудь из наших друзей или родных!

— Я жил у честнейшего, добрейшего человека по имени Дункан Ду Макларен, — ответил я.

— Я хорошо знаю Дункана, и хвалите вы его по заслугам, — подхватила она. — И если он честнейший и добрейший, то его жена еще и вдвое.

— Да, — сказал я. — Прекрасные люди, и место это чудесное.

— Где в мире есть другое такое? — воскликнула она. — Я люблю и все его запахи, и все, что растет там.

Ее порывистость меня обворожила.

— Мне только жаль, что я не привез вам оттуда ветку вереска, — сказал я. — И хотя я поступил дурно, заговорив с вами на улице, оказывается, у нас есть общие знакомые,

и потому покорнейше прошу принять меня в их число. Имя мое Дэвид Бальфур. И нынче мой счастливый день: я только что вступил во владение имением и лишь недавно избежал смертельной опасности. Быть может, вы сохраните мое имя в памяти ради Балкухиддера, как я ваше — ради моего счастливого дня.

— Мое имя вслух не произносят, — ответила она надменно. — Более ста лет оно срывалось с человеческих уст лишь по недосмотру. Я безымянна подобно духам лесов и вод. Зовусь же я Катриона Драммонд.

Я все понял. В Шотландии лишь одно имя находилось под запретом — имя Макгрегоров. Но вместо того чтобы уклониться от нежелательного знакомства, я поспешил укрепить его.

— Мне довелось сидеть за столом с человеком, который мог бы сказать о себе то же, — заметил я. — И полагаю, он принадлежит к вашим друзьям. Его называли Робин Ойг.

— Правда, — воскликнула она. — Так вы знакомы с Робом?

— Я провел в его обществе ночь, — подтвердил я.

— Да, он — ночная птица, — сказала она.

— И он играл на волынке, — продолжал я. — Так что судите сами, как быстро шло время.

— Значит, вы не враг, — сказала она. — Это его брата привели сюда солдаты в красном. Того, кого я называю отцом.

— Неужели? — воскликнул я. — Вы одна из дочерей Джеймса Мора?

— Его единственная дочь, — ответила она. — Дочь арестанта. Как я могла забыть об этом хотя бы на час и пуститься в разговоры с неизвестными людьми!

Тут один из служителей спросил ее на неудобопонятном языке, который он, видимо, считал английским, как «ей» (он подразумевал себя) раздобыть «на понюшку». Он хорошо мне запомнился, кривоногий, рыжий коротышка, с которым мне, себе на беду, пришлось познакомиться поближе.

— Нынче придется обойтись, Нийл, — ответила она. — Как ты раздобудешь «понюшку» без денег? В другой раз будешь осмотрительнее. И думаю, Джеймс Мор будет не слишком доволен Нийлом с Тома.

— Мисс Драммонд, — сказал я. — У меня, как я вам уже говорил, сегодня счастливый день. Меня сопровождает рассыльный из банка. И вспомните: я пользовался гостеприимством в Балкухиддере, в ваших родных местах.

— Но оказали вам это гостеприимство не мои близкие, — возразила она.

— Так что же! — сказал я. — Но вашему дяде я обязан тем, что услаждался музыкой волынки. И ведь я предложил себя вам в друзья, а вы были столь рассеянны, что не ответили мне отказом.

— Если бы речь шла о большой сумме, это сделало бы вам честь, — сказала она. — Но я объясню вам, в чем дело. Джеймса Мора держат в тюрьме, в цепях. Последнее время они каждый день приводят его сюда, к лорду-адвокату...

— К лорду-адвокату?! — вскричал я. — Так значит, это...

— Дом лорда-адвоката Гранта из Престонгрейнджа, — ответила она. — Не знаю, для чего моего отца приводят сюда, но, кажется, для него забрезжила надежда. Пока меня ни разу не допустили к нему, а ему не разрешают писать, и потому мы ждем на Кингс-стрит, чтобы увидеть его. Иногда нам удастся передать ему нюхательного табака, иногда еще что-нибудь. И вот теперь этот сын всех бед, Нийл, сын Дункана, потерял мой четырехпенсовик, отложенный на табак, и Джеймс Мор не получит ничего и подумает, что дочь о нем забыла.

Я вынул из кармана шестипенсовик, протянул его Нийлу, велел ему бежать за табаком и повернулся к ней:

— Этот шестипенсовик я получил в Балкухиддере, — сказал я.

— А! — воскликнула она. — Вы друг Грегоров!

— Мне не хотелось бы вводить вас в заблуждение, — сказал я. — О Грегорах я знаю весьма мало, а о Джеймсе Море и его делах и того меньше. Но пока я стоял тут, мне кажется, я довольно много узнал о вас. Только скажите: «Вы друг мисс Катрионы», и я позабочусь, чтобы вас не так обманывали.

— Если мой, то, значит, и Грегоров, — ответила она.

— Согласен и на это, — сказал я.

— Но что вы можете подумать обо мне, когда я при-

няла подавание от первого встречного! — вскричала она.

— Я думаю только, что вы — преданная дочь, — сказал я.

— Но я возвращу вам этот долг. Где вы остановились? — спросила она.

— По правде говоря, — ответил я, — пока нигде. Так как я и пяти часов еще не пробыл тут. Но если вы объясните, где вас найти, я возьму на себя смелость сам явиться за моим шестипенсовиком.

— Но могу ли я вам настолько довериться? — спросила она.

— Ничего не опасайтесь! — воскликнул я.

— Для Джеймса Мора это было бы тяжким лишением, — сказала она. — Я остановилась по ту сторону озера, в деревне Дин, у миссис Драммонд-Огильви из Аллардайса. Она мой близкий друг и будет рада поблагодарить вас.

— Так вы меня увидите, едва позволят мои дела, — сказал я и, вспомнив про Алана, поспешил проститься с ней.

При этом я невольно подумал, что мы друг с другом держимся уж очень свободно, если вспомнить, как коротко наше знакомство, и что истинно благоразумная благородная барышня была бы более сдержанна. Но банковский рассыльный прервал столь мало галантный ход моих мыслей.

— А мне-то казалось, что вы хоть и молоды, да умишко у вас есть, — начал он, выпячивая губы. — По такой дорожке далеко не уйдешь. Дурак со своими денежками распростится быстро. А вы лихой кавалер! — воскликнул он. — Прямо сказать, не промах! На шестипенсовики их ловите!

— Да как ты смеешь говорить о благородной барышне... — начал я.

— Благородной?! — перебил он. — Спаси нас и помилуй, где тут благородная барышня? Эта, что ли? Да таких в городе пруд пруди. «Барышня»!.. Оно и видно, что вы Эдинбурга не знаете.

Я вспыхнул от гнева.

— Ну-ка, води меня, куда тебе велено, — приказал я. — И придержи свой пакостный язык!

Он послушался меня, но не совсем. Больше он прямо

ко мне не обращался, но принялся довольно громко напевать с наглой многозначительностью, отвратительным голосом и безбожно фальшивя:

Однажды ветер плащ сорвал с красотки Молли Ли.
Глядит на запад, на восток, а плащ летит в пыли,
И нечем ей себя прикрыть. Но мы его нашли,
Пойдем на запад, на восток к красотке Молли Ли.

Глава 2

ГОРСКИЙ СТЯПЧИЙ

Мистер Чарлз Стюарт, стряпчий, обитал у верхнего конца самой длинной лестницы, когда-либо сложенной каменщиком,— пятнадцать маршей насчитал я, и когда открывший дверь писец сказал мне, что его хозяин дома, у меня еле-еле достало дыхания отправить банковского рассыльного восвояси.

— Иди-ка на запад, на восток,— приказал я, забрал у него сумку с деньгами и последовал за писцом.

Мы вошли в приемную, где возле стола с бумагами стоял табурет писца. В небольшой комнате за ней невысокий человек внимательно читал купчую и при моем появлении лишь с трудом оторвался от нее, но прижал палец к строчке, словно намеревался тотчас меня выпроводить и вернуться к своему занятию. Это мне не очень понравилось, но еще больше мне не понравилось, что писец, по моему мнению, мог без малейшего труда подслушать, о чем мы будем разговаривать.

Я спросил, он ли — мистер Чарлз Стюарт, стряпчий.

— Он самый,— был ответ.— И если и мне позволено спросить о том же: кто вы такой?

— Вы никогда прежде моего имени не слышали, да и обо мне самом тоже,— сказал я.— Но я принес вам знак от друга, который вам хорошо известен. Который вам хорошо известен,— повторил я, понизив голос,— но, возможно, вы сейчас не так уж рады будете получить от него весть. И дело, о котором я хочу с вами поговорить, должно остаться между нами. Иными словами, мне хотелось бы думать, что нам тут никто не помешает.

Он молча поднялся, с неудовольствием отложил куп-

чую, отослал писца с каким-то поручением и запер за ним входную дверь.

— Теперь, сударь, — сказал он, вернувшись, — вы можете говорить о вашем деле, ничего не опасаясь. Но прежде чем вы начнете, — перебил он сам себя, — хочу сказать, что я-то его опасаясь. Я заранее знаю, что вы либо Стюарт, либо пришли с поручением от Стюарта. Это благородная фамилия, и не сыну моего отца поносить ее. Но стоит мне ее услышать, и я трепещу.

— Моя фамилия Бальфур, — объяснил я. — Дэвид Бальфур, владелец Шоса. Ну, а о том, кто меня послал, пусть скажет его знак. — И я достал серебряную пуговицу.

— Уберите ее в карман, сударь! — вскричал он. — И не упоминайте никаких имен. Чертов упрямец! Его пуговицу я знаю! Чтобы ее черт побрал! Где он теперь?

Я ответил, что не знаю, где Алан, но что он прячется в надежном месте (во всяком случае, по его мнению), где-то на северном берегу залива, и останется там, пока ему не найдут судно, на котором он сможет покинуть страну. И объяснил, где и как с ним можно свидеться.

— Я всегда знал, что рано или поздно ужогу на виселицу из-за моих родичей! — вскричал он. — И вот этот день наступил! Найти для него судно, он этого хочет? А кто заплатит? Он совсем лишился рассудка!

— Это я беру на себя, мистер Стюарт, — сказал я. — Вот сумка с деньгами, а если их не хватит, можно будет взять еще.

— О том, каковы ваши политические пристрастия, мне спрашивать незачем! — заметил он.

— Да, конечно, — ответил я с улыбкой, — другого такого вигга, как я, трудно сыскать.

— Погодите, погодите! — воскликнул мистер Стюарт. — Это что же такое? Так вы вигг? Так почему же вы явились сюда с пуговицей Алана? И по каким-то темным делам, мистер вигг? Просите меня поспособствовать заведомому бунтовщику, да еще обвиняемому в убийстве, за чью поимку обещана награда в двести фунтов, а потом объявляете, что вы вигг! Я виггов знавал немало, но таких что-то между ними не встречал!

— Да, он бунтовщик, — ответил я. — Как ни грустно. Потому что он мой друг. И я могу только сожалеть о его

заблуждениях. И в убийстве он на свою беду обвинен — но обвинен напрасно.

— Это вы так говорите! — возразил Стюарт.

— Да, говорю, и буду говорить не только вам, — ответил я. — Алан Брек в убийстве не повинен, Джеймс тоже.

После чего я коротко рассказал ему о том, как познакомился с Аланом, как случай сделал меня свидетелем убийства в Аппине и как я вернул себе мое достояние.

— Теперь, сударь, вам известна вся цепь событий, — продолжал я, — и вы видите, каким образом я оказался замешан в делах ваших родичей и друзей, — ради нас всех я предпочел бы, чтобы дела эти были не столь запутаны и кровавы! И вы видите, что я нуждаюсь в помощи стряпчего, но, конечно, не выбранного наугад. Теперь же мне остается только спросить, готовы ли вы выполнить мои поручения.

— Особой охоты у меня нет, но раз уж вы явились с пуговицей Алана, что мне остается делать? — сказал он. — Так что же вам нужно? — добавил он, беря перо.

— Во-первых, необходимо увезти Алана из страны, — сказал я. — Но вряд ли стоит это повторять.

— Да, маловероятно, чтобы я про это забыл! — отозвался Стюарт.

— Во-вторых, мой долг Ключни, — продолжал я. — Мне опасно послать ему деньги, но для вас это затруднения не составит. Два фунта, пять шиллингов и полтора пенса.

Он записал.

— Затем, — сказал я, — мне бы очень хотелось послать нюхательного табака некоему мистеру Гендерленду, проповеднику в Ардгуре, а так как вы, я полагаю, часто сноситесь со своими друзьями в Аппине (или в его окрестностях), мое поручение вы, без сомнения, можете выполнить заодно с другими.

— Сколько табака мы запишем? — спросил он.

— Я думал, фунта два, — сказал я.

— Два, — повторил он.

— Затем Элисон Хасты, девушка из Лаймкилнса, — сказал я. — Та, которая помогла нам с Аланом переправиться через Форт. Если бы я мог послать ей красивый праздничный наряд, приличный для девушки ее сословия,

это бы облегчило мою совесть: ведь, что ни говори, а мы оба обязаны ей жизнью.

— Рад заметить, что вы щедры, мистер Бальфур, — сказал он, делая пометку.

— Было бы стыдно вести себя иначе сегодня, в первый день, когда я обрел свое состояние, — ответил я. — А теперь, может быть, вы подсчитаете необходимые траты и ваше вознаграждение? Мне хотелось бы знать, останется ли у меня какая-нибудь сумма на расходы. Нет, я не пожалею отдать все эти деньги ради спасения Алана, и они у меня вовсе не последние, но раз я взял сегодня столько, если завтра вернусь взять еще, это создаст дурное впечатление. Но только убедитесь, что вам хватит на все, — добавил я, — так как мне очень не хотелось бы вновь встречаться с вами.

— Ну, я рад, что вы к тому же и осмотрительны, — сказал стряпчий. — Но как вы не опасаетесь предоставить в полное мое распоряжение столь значительную сумму?

В его голосе слышалась явная насмешка.

— А что мне остается? — ответил я. — Ах да! Еще одна услуга: не могли бы вы найти мне жилье? Пока у меня нет никакого крова. Но необходимо, чтобы я нашел его будто бы случайно: как бы не вышло беды, если лорд-адвокат прознает о нашем знакомстве.

— Пусть ваша душа будет покойна, — сказал он. — Вашего имени, сударь, я называть не стану. И насколько я могу судить, лорд-адвокат, к большому для него сожалению, и не подозревает о вашем существовании.

Я понял, что чем-то досадил ему.

— Значит, для него грядет счастливый день, — сказал я. — Ведь, будь он даже глух на оба уха, ему придется узнать, что я существую, не далее, как завтра, когда я явлюсь к нему.

— Явитесь к нему? — повторил мистер Стюарт. — Кто из нас помешался, вы или я? Зачем вам понадобилось идти к нему?

— О, просто с повинной.

— Мистер Бальфур! — вскричал он. — Вы смеетесь надо мной?

— Нет, сударь, — сказал я, — хотя, по-моему, вы позволили себе такую вольность по отношению ко мне. Но позвольте вас заверить, что я шутить не склонен.

— Как и я, — сказал Стюарт. — И позвольте вас заверить (раз уж вам по вкусу такие словечки), что ваше поведение нравится мне все меньше и меньше. Вы приходите сюда со всяческими поручениями, которые требуют от меня ряда весьма опасных действий и заставят довольно долго вступать в соприкосновение с весьма сомнительными людьми. И тут же сообщаете, что прямо из моей конторы намерены отправиться к лорду-адвокату просить пощады! Пуговица Алана — не пуговица Алана, пусть даже его четвертуют, а я вмешиваться в это не стану.

— Поговорим спокойнее, — сказал я, — и, может быть, мы сможем избежать того, что вам не нравится. Я ничего другого придумать не сумел, кроме как явиться с повинной, но, может быть, вы найдете еще один выход. Признаюсь, я почувствовал бы большое облегчение. Ведь от беседы с его милостью я для себя ничего хорошего не жду. Я убежден в одном: мне надо дать показания. И надеюсь, я спасу репутацию Алана (в той мере, в какой это вообще возможно) и спасу Джеймса от виселицы — что не терпит отсрочки.

Он немного помолчал, а потом сказал:

— Молодой человек, вам не позволят дать такие показания.

— Это мы еще посмотрим, — ответил я. — Я умею поставить на своем.

— Дурень безмозглый! — воскликнул Стюарт. — Им нужен Джеймс! Его повесят. И Алана тоже — если поймают. Но Джеймса — во что бы это им ни стало! Попробуй пойдешь к лорду-адвокату с таким намерением, и сам убедишься! Он найдет способ заткнуть тебе рот.

— Я о нем лучшего мнения, — возразил я.

— Да к черту его! — воскликнул он. — Кэмпбеллы — вот в чем причина! За вас возьмется весь их проклятый клан. И лорд-адвокат в придачу, бедняга! Поразительно, как вы не понимаете своего положения! Не честным способом, так подлым, а говорить вам не дадут! Они же могут посадить вас под замок, разве вы не понимаете? — крикнул он и ткнул меня пальцем в бедро.

— Знаю, — сказал я. — То же самое мне не далее как сегодня утром втолковывал другой законник.

— Кто бы это? — спросил Стюарт. — Но во всяком случае он говорил дело.

Я объяснил, что предпочту не называть моего советчика, потому что он почтенный виг и не хочет, чтобы его впутывали в подобные истории.

— По-моему, в них впутан уже весь свет! — воскликнул Стюарт. — Но вы-то что ответили?

Я пересказал мой утренний разговор с Ранкейлором.

— Ну, значит, и тебе висеть! — сказал он. — Повиснешь рядышком с Джеймсом Стюартом. Вот твоя судьба.

— Нет, я все-таки надеюсь на лучшее, — ответил я. — Хотя согласен, что некоторая опасность мне, бесспорно, угрожает.

— Некоторая! — повторил он и снова помолчал. — Мне следует поблагодарить вас за вашу верность моим друзьям, которых вы отстаиваете с таким упорством, — продолжал он затем. — Если только у вас хватит на это силы. Но предупреждаю вас: вы попали в омут. Я не согласился бы поменяться с вами местами (а ведь я Стюарт!) ради всех Стюартов, вместе взятых, со времен праотца Ноя. Опасность? Я часто подвергаю себя разным опасностям, но сидеть на скамье подсудимых перед Кэмпбеллами-присяжными и судьей Кэмпбеллом в краю Кэмпбеллов по обвинению в преступлении, в котором замешаны Кэмпбеллы, — слуга покорный! Думайте обо мне, что хотите, Бальфур, но это не для меня.

— Наверное, все зависит от того, как смотреть на вещи, — сказал я. — Мой отец смотрел на них именно так и меня научил.

— Мир его праху! Он оставил свое имя неплохому сыну. Но не судите меня слишком строго. Мое положение весьма тяжкое. Вот, сударь, вы говорите, что вы виг. А я толком не знаю, кто я. Только не виг. Уж вигом быть я никак не могу. Но скажу вам на ушко, может быть, другая сторона мне не так уж и нравится.

— Правда? — воскликнул я. — Но иного от человека вашего ума я и не ждал!

— Гм! Обойдемся без красных слов! — воскликнул он. — Ума и той и другой стороне не занимать. Но у меня нет особого желания вредить королю Георгу. А что до короля Иакова, да благословит его бог, так, по мне, он

и за морем хорош. Видите ли, я стряпчий, и мне по нраву мои книги и портвейн, хороший иск, тонко составленная купчая, беседы с другими стряпчими в парламенте, а вечерком так и гольф. Где же тут место для ваших горских пледов и ножей?

— Да,— сказал я,— от дикого горца в вас маловато осталось.

— Маловато? — повторил он. — Вовсе ничего. Но родился я горцем, и, когда играют волынки моего клана, мне приходится танцевать. Клан и имя, которое носим мы все! Вот вы сами сейчас сказали: мой отец внушил мне это и хлопот у меня хоть отбавляй. Государственная измена и государственные изменники, которых переправляй то сюда, то туда. И французская вербовка, чтоб ей пусто было! И переправка завербованных... А уж их иски! Вот я составил прошение для молодого Ардшиля, моего родича, о возвращении ему имения на основании брачного контракта — конфискованного имения! Втолковывал я им, что это бессмыслица. Да разве они станут слушать! Вот я и готовил иск для адвоката, которому дело это нравилось не больше, чем мне, потому что оно нас обоих просто губило: черная метка, «недовольные» — клеймо у нас на заднице, как чеканка на монетах! А что мне делать? Я же Стюарт, понимаете? И обязан отстаивать свой клан и семью. Не далее как вчера одного из наших молодых Стюартов увезли в Замок. За что? Я-то знаю. Закон от тысяча семьсот тридцать шестого года: вербовка для короля Людовика. И вот увидите: он мигом меня потребует и поручит мне свое дело. Значит, еще одно черное пятно на моей репутации. Я вам признаюсь: сумей я хоть чуточку понатореть в древнееврейском, так, черт меня побери, бросил бы я все это и пошел бы в проповедники!

— Да, положение довольно тяжкое,— сказал я.

— Чертовски тяжкое! — вскричал он. — Потому-то я и смотрю на тебя с уважением: ты-то не Стюарт, а впутался в стюартовские дела. И не знаю уж, чего ради. Разве что из чувства долга.

— Надеюсь, что так,— ответил я.

— Ну,— сказал он,— это прекрасное качество. Однако вернулся мой писец, и с вашего разрешения мы сейчас пообедаем втроем. А после я пошлю вас к одному очень достойному человеку, который счастлив будет взять вас

жилецом. И набью тебе карманы из твоей же сумки. Ведь дело это обойдется подешевле, чем ты думаешь. Даже и наем судна.

Я показал ему глазами, что писец все слышит.

— Робби можешь не опасаться, — сказал он. — Он ведь тоже Стюарт, бедняга! И помог переправить больше французских рекрутов и странствующих папистов, чем у него волос на голове. Робин как раз и занимается этой частью моих дел. Кто у нас сейчас есть, Роб, чтобы сплавить за море?

— Энди Скугел на «Чертополохе». На днях я видел Хозисона, но он вроде бы потерял свой бриг. Ну, еще Там Стоубо, только я за Тама поручиться не могу. Я видел его с очень странными людьми, и, если это кто-то важный, про Тама лучше забыть.

— Его голова оценена в двести фунтов, Робин, — сказал Стюарт.

— Ого! Не Алан ли это Брек? — воскликнул писец.

— Алан и есть, — ответил его хозяин.

— Ветры небесные! Серьезное, значит, дело. Так я с Энди потолкую. Энди тут самый подходящий.

— Как вижу, дело не из легких, — заметил я.

— И не говорите, мистер Бальфур, — сказал Стюарт.

— Ваш писец назвал одну фамилию, — продолжал я. — Хозисон. Наверное, тот самый Хозисон, шкипер брига «Ковенант». И вы ему доверяете?

— С вами и с Аланом он обошелся не очень по-хорошему, — сказал мистер Стюарт. — Но я его знаю с другой стороны. Возьми он Алана на борт по договору, так все условия выполнил бы свято. А ты как думаешь, Роб?

— Честнее шкипера, чем Эли, для таких поручений не найти, — ответил писец. — Я бы положился на его слово, будь это даже шевалье или сам аппинский убийца, — добавил он.

— Это же он доктора привез, верно? — спросил мистер Стюарт.

— Он самый, — подтвердил писец.

— И по-моему, он его и назад отвез? — продолжал Стюарт.

— Да, и с сумкой, полной золота! — воскликнул Робин. — И Эли про нее знал!

— Что же, видимо, правильно судить человека не так-то просто, — сказал я.

— Про что я позабыл, когда вы сюда пришли, мистер Бальфур, — заключил стряпчий.

Глава 3

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПИЛРИГ

На следующее утро, едва я проснулся в своем новом жилище, как тотчас вскочил, надел свой новый костюм, наспех позавтракал и отправился в путь. Я мог надеяться, что с Аланом все сойдет благополучно, но добиться чего-нибудь для Джеймса было много труднее, и меня тревожила непрошенная мысль, что эти попытки и правда мне дорого обойдутся, как предупреждали все те, кому я открывал свое намерение. Мне чудилось, что я поднялся на вершину горы только для того, чтобы броситься вниз, что я прошел через столько тяжких испытаний, стал богатым, вернул себе свое положение, облачился в городскую одежду, обзавелся шпагой — и все для того лишь, чтобы в заключение покончить с собой, причем худшим из возможных способов — отправившись на виселицу за государственную измену.

«Ради чего?» — спросил я себя, когда свернул с Хай-стрит на север у Лит-Уайнда. «Чтобы спасти Джеймса Стюарта», — ответил я себе тотчас. И конечно, воспоминания об его отчаянии, о воплях его жены и о словах, которые вырвались у меня тогда, сильно на меня влияли. Но я тут же подумал, что сыну моего отца все равно (во всяком случае, должно быть все равно), умрет Джеймс в своей постели или на эшафоте. Да, бесспорно, он родич Алана, но даже ради Алана лучше всего не вмешиваться и предоставить королю, его светлости герцогу Аргайльскому и воронам разделаться с его родичем на их лад. Не забыл я и того, что, пока нам троим грозила равная опасность, Джеймса не слишком заботило, что будет с Аланом или со мной.

Затем мне пришло в голову, что я действую во имя правосудия, и я подумал, какое это прекрасное слово, и потому (раз уж политикой мы занимаемся в ущерб друг

другу) важнее всего справедливость и правосудие, казнь же любого невинного человека наносит рану всей общине. Затем совесть начала приводить свои доводы: пристыдила меня за то, что внушаю себе, будто и правда забочусь о столь высоких материях, тогда как я всего-навсего тщеславный мальчишка и, наговорив Ранкейлору и Стюарту того и сего, теперь из тщеславия же стараюсь показать, будто это не было пустым хвастовством. Тут она ударила меня другим концом палки и обвинила в хитренькой трусости: ценой небольшого риска купить себе полную безопасность. Ведь до тех пор, пока я сам не явлюсь к властям и не докажу своей невинности, я ежечасно могу столкнуться с Мунго Кэмпбеллом или с кем-нибудь из подручных шерифа, меня узнают и уж тогда за волосы притянут к аппинскому убийству. Если же мои добровольные объяснения будут приняты, дышать мне потом будет гораздо свободнее. Впрочем, когда я рассмотрел этот довод со всех сторон, то пришел к выводу, что постыдного в нем нет ничего. Что же до остального... «Есть два пути, — подумал я, — и оба ведут в одно и то же место. Несправедливо, если Джеймса повесят, когда я могу его спасти; и я окажусь смешным, если, наговорив столько звонких слов, затем ничего делать не стану. Джеймсу Гленскому очень повезло, что я заранее нахвастал, да и мне это пошло впрок, потому что теперь я вынужден поступить достойно. Я отныне джентльмен, притом богатый, и скверно будет, если окажется, что джентльмен я только по названию». Но тут же я рассудил, что такие мысли отдают языческим духом, и мысленно помолился, прося о мужестве, которого мне может не хватать, и о том, чтобы я незамедлительно исполнил свой долг, точно солдат, идущий на битву, и вернулся целый и невредимый, как возвращаются многие.

Такой ход рассуждений придал мне решимости, хотя отнюдь не заставил закрыть глаза на окружающие меня опасности или забыть о том, что мне (если я не отступлюсь от своего намерения), быть может, скоро придется, спотыкаясь, взбираться по лестнице на помост с виселицей. Утро выдалось ясное, но дул восточный ветер, и от него по жилам у меня пробежал холодок, напоминая об осени, опавших листьях и мертвецах в могилах. Какая будет дьявольская штука, если мне суждено умереть как

раз тогда, когда в моей судьбе произошел счастливый поворот,— да еще из-за людей мне чужих! На вершине Колтон-Хилла мальчишки с веселыми криками запускали воздушных змеев, хотя обычное для этой забавы время еще не настало. Змеи были превосходно видны на фоне неба, и я начал следить за самым большим, который ветер поднял выше всех остальных, а потом он вдруг упал в вереск. И я подумал: «Вот с Дэви все и кончено!»

Моя дорога вела через Мутер-Хилл у околицы деревушки среди полей на его склоне. В каждом доме там жужжали прялки, в садах гудели пчелы, а соседи на крылечках переговаривались на каком-то неизвестном мне языке. Позднее я узнал, что это была Пикардия, деревня, где французские ткачи трудились на Льянскую компанию. Там я спросил дорогу на Пилриг, куда я направлялся, и, продолжив свой путь, вскоре очутился перед виселицей, на которой покачивались двое мужчин в цепях. По обычаю, трупы окунули в деготь, ветер поворачивал их, цепи позвякивали, и птицы с криками вились вокруг этих жутких чучел. Внезапно увидев такое наглядное воплощение моих страхов, я был не в силах оторваться от ужасного зрелища и впивал, впивал мучительную тревогу. Я подходил к виселице то с одной, то с другой стороны и внезапно заметил за одним из столбов старуху, похожую на ведьму. Она кивала и разговаривала вслух сама с собой, сопровождая это ужимками и улыбочками.

— Кто они такие, матушка? — спросил я, указывая на трупы.

— Да благословенно будет твое красивое личико! — воскликнула она. — Это двое миленьких моих, двое старинных моих миленьких, душечка.

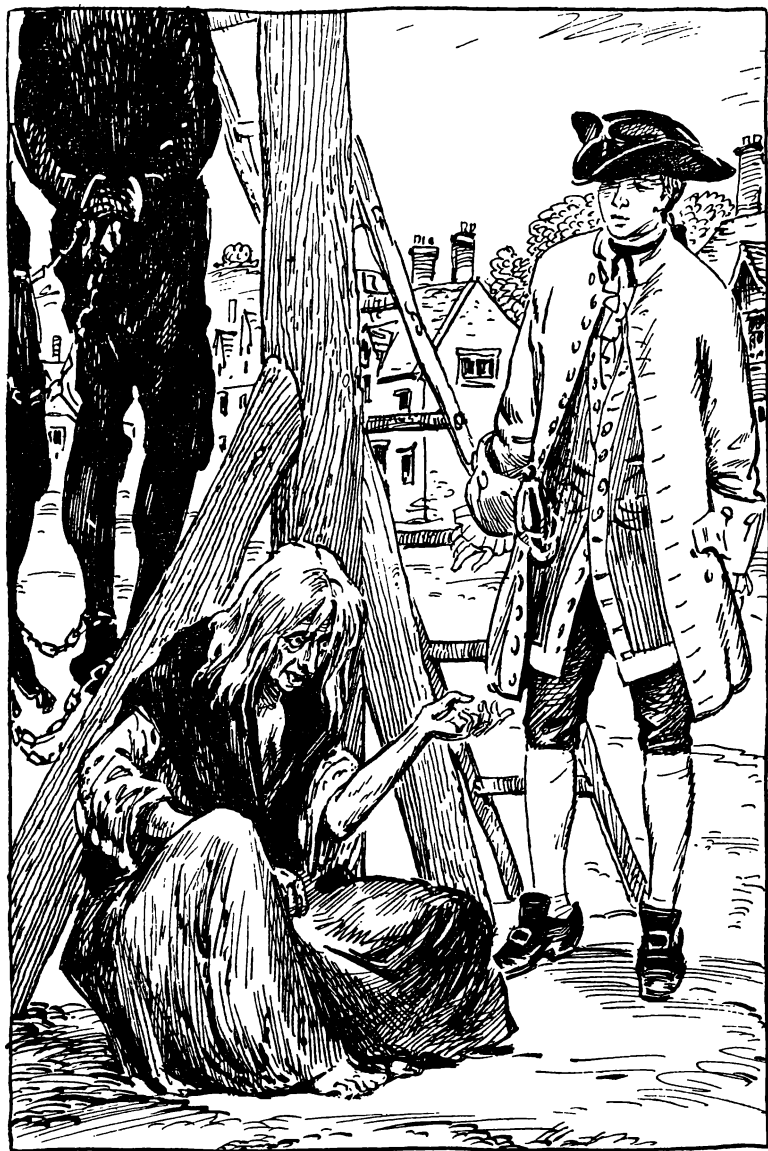
— За что их казнили? — спросил я.

— Ох, за дело, за дело, — сказала она. — Частенько говорила я им, как все кончится. Два шотландских шиллинга, да разве же это деньги! И вот два добрых молодца висят за них. Отняли у бруктоновского мальчонки.

— Ага! — сказал я себе, а не этой полоумной старухе. — И за такую мелочь получили они подобное воздаяние? Вот уж, правда, что значит всего лишиться.

— Дай мне посмотреть твою ладонь, душечка, — прошамкала она. — И я скажу тебе твою судьбу.

— Нет, матушка, — ответил я. — Что у меня впереди

сейчас, я и сам знаю, а слишком далеко вперед заглядывать не годится.

— Я по лбу твоему вижу, — продолжала она. — Пригожую девушку с ясными глазами, невысокого молодца в богатой куртке и дородного мужчину в пудренном парике, и тень виселицы поперек твоей дороги. Дай ладонь, душечка, и старая Меррен скажет тебе все как есть.

Две случайные догадки, которые, казалось, указывали на Алана и дочь Джеймса Мора, поразили меня, и я пустился бегом от жуткой гадалки, бросив ей шестипенсовик, который она начала подбрасывать, сидя в колеблющихся тенях двух повешенных.

Если бы не эта встреча, дорога, которая дальше вела по дамбе Ли-Уок, показалась бы мне много приятнее. Старинная насыпь змеилась между полями, возделанными с таким тщанием, какого я еще не видывал. И мне стало легче от того, что я вновь оказался среди сельской тишины. Но в ушах у меня все еще звучали охи и причитания старой колдуньи, перебивавшиеся лязганьем цепей, и душу мою угнетало воспоминание о черных мертвецах. Болтаться на виселице — жребий тяжкий, и попал ли человек на нее за два шотландских шиллинга или (как выразился мистер Стюарт) из чувства долга, разница казалась несущественной. Вот так будет болтаться и Дэвид Бальфур, а мимо будут идти другие юноши, кому куда надо, и думать о нем плохо, и полоумные старухи, сидя у столба, предскажут им судьбу, а чистенькие барышни, проезжая мимо, отведут глаза и прижмут платочек к носу. Они представились мне как живые, — глаза у них были серые, а головы обмотаны шарфами драммондовских цветов.

Решимости я не утратил, но уже совсем пал духом, когда увидел впереди Пилриг, живописный дом с башенками у дороги, окруженный молодой рощей. У дверей стоял оседланный конь лэрда, но сам он был у себя в кабинете, где и принял меня в окружении ученых флиантов и музыкальных инструментов, ибо он был не только философом, но и большим любителем музыки. Встретил он меня приветливо, а прочитав письмо Ранкейлора, любезно предложил мне свои услуги.

— Но чем именно, кузен Дэвид... — сказал он. — Мы ведь, оказывается, в родстве... Чем именно могу я вам

служить? Замолвить слово Престонгрейнджу? Без сомнения, это просто. Но о чем?

— Мистер Бальфур,— ответил я,— поведай я вам все, что со мной произошло, то, по моему мнению (и мнению Ранкейлора тоже), вам эта история понравится очень мало.

— Мне очень жаль слышать о вас подобное, кузен,— сказал он.

— Этого я принять от вас не могу, мистер Бальфур! — возразил я. — Я не сделал ничего, о чем жалел бы сам или заслужил бы ваше сожаление, и повинен лишь в обычных человеческих слабостях. «Первый грех Адама, недостаток природной добродетели и порча всей моей натуры» — вот за что я должен нести ответ, и надеюсь, меня верно учили, где искать помощи,— продолжал я, решив по его виду, что он составит обо мне лучшее мнение, если убедится, насколько хорошо я знаю катехизис. — Но если говорить о мирской чести, то мне не в чем себя строго упрекнуть, а беды выпали на мою долю против моего желания и, насколько мне дано судить, без всякой вины с моей стороны. Беда в том, что я оказался втянут в политические осложнения, о которых вы, как мне говорили, предпочтете остаться в неведении.

— Ну что же, мистер Дэвид, пусть так,— ответил он. — Мне приятно, что вы таков, каким представил мне вас Ранкейлор. Что же касается политических осложнений, то слова ваши совершенно справедливы. Я тшусь избегать всяких поводов для подозрений, и более того — любых причин для них. Но,— продолжал он,— как я могу оказать вам содействие, не зная, в чем дело?

— Видите ли, сэр,— ответил я,— мне хотелось бы получить от вас письмо к его милости, свидетельствующее, что я происхожу из хорошей семьи и располагаю достаточно хорошим состоянием. И то и другое, по-моему, совершенная правда.

— В этом меня заверил Ранкейлор,— сказал мистер Бальфур,— а его слово я считаю надежным щитом против опасностей.

— К этому я присовокупил бы (если вы готовы положить на мое слово), что я воспитан в истинной вере и преданности королю Георгу,— продолжал я.

— Ни то, ни другое вам не повредит, — заметил мистер Бальфур.

— Далее вы могли бы написать, что я хотел бы обратиться к его милости по чрезвычайно важному делу, связанному со служением его величеству и отправлением правосудия, — добавил я.

— Раз мне ничего неизвестно о сути дела, — ответил лэрд, — то я не возьму на себя смелость судить о его важности, а потому обойдемся без «чрезвычайно», да и «важному» тоже. Прочее же я могу изложить примерно так, как вы желаете.

— И еще, сэр, — сказал я, потирая шею большим пальцем, — мне очень бы хотелось, чтобы вы вставили словечко, которое могло бы послужить к моей защите.

— Защите? — повторил он. — К вашей защите? Такое выражение меня несколько расхолаживает. Если дело столь опасно, признаюсь, у меня нет особого желания вмешиваться в него с закрытыми глазами.

— Мне кажется, я двумя словами могу объяснить его суть.

— Пожалуй, так было бы лучше, — сказал он.

— Так вот: аппинское убийство, — ответил я.

Он поднял обе руки, восклицая:

— Помилуйте! Помилуйте!

Выражение его лица и голоса заставили меня заподозрить, что на его помощь мне более рассчитывать нельзя.

— Позвольте, я объясню... — начал я.

— С вашего разрешения, я больше ничего об этом слышать не хочу! — вскричал он. — Ни слова больше. Ради имени, которое вы носите, ради Ранкейлора и, может быть, немножко ради вас самого, я помогу вам, насколько в моих силах, но никаких объяснений я больше слышать не желаю. И я считаю своей обязанностью предостеречь вас: это омут, мистер Дэвид, а вы молоды. Остерегитесь и дважды подумайте, прежде чем кидаться в него.

— Право, мистер Бальфур, я уже думал, и не два и не три раза, — ответил я, — и мне хотелось бы напомнить вам о письме Ранкейлора, в котором (как я верю и надеюсь) он выразил одобрение моим намерениям.

— Ну, ну, — сказал он и повторил: — Ну, ну! Я сделаю для вас что могу! — С этими словами он взял перо

и лист бумаги, некоторое время просидел в раздумье, а затем начал неторопливо писать. — Насколько я понял, Ранкейлор одобряет ваше решение? — спросил он вскоре.

— Обсудив его со мной, сэр, он посоветовал мне продолжать во имя божье, — ответил я.

— Ну, если так... — заметил мистер Бальфур, и перо его вновь задвигалось по бумаге. Затем он поставил свою подпись, перечел письмо сначала и вновь повернулся ко мне: — Вот рекомендательное письмо, мистер Дэвид, которое я запечатаю без конверта и вручу вам открытым, как положено. Но поскольку я действую вслепую, то прежде прочту его вам, чтобы вы могли судить, насколько оно может споспешествовать вашим целям: «Пилриг, двадцать шестое августа одна тысяча семьсот пятьдесят первого года. Милорд, сим рекомендую вам моего тезку и родственника Дэвида Бальфура, владельца Шоса, молодого джентльмена благородного происхождения и не стесненного в средствах, а так же наделенного более существенными благами, которые дарит богобоязненное воспитание. Политические же его принципы, несомненно, заслуживают полного одобрения вашей милости. Мистер Бальфур не открыл мне своего дела, но, насколько я понял, оно касается служения его величеству и отправления правосудия, а ревностность вашей милости и на том и на другом поприще известны всем. Следует добавить, что намерение молодого человека одобрено теми его друзьями, кому оно известно и кто с надеждой и тревогой будут ждать известия об его успехе или неудаче». Далее, — продолжал мистер Бальфур, — следует моя подпись с приличествующими случаю благодарностями и пожеланиями. Вы обратили внимание, что я написал «его друзьями»? Надеюсь, я не погрешил против истины, поставив их во множественном числе?

— Нисколько, сэр. То, что я задумал, знают и одобряют несколько человек, — ответил я. — А ваше письмо, за которое я хочу от души поблагодарить вас, содержит все, на что я только мог надеяться.

— Больше мне ничего выжать не удалось, — сказал он, — и, зная кое-что о деле, в которое вы намерены вмешаться, могу только молить бога, чтобы этого оказалось достаточным.

ЛОРД-АДВОКАТ ПРЕСТОНГРЕЙНДЖ

Мой родич пригласил меня «оказать честь его дому» и откусать у него. Обратный путь, мне кажется, я проделал много быстрее, думая только о том, как бы безотлагательнее привести задуманное в исполнение и твердо узнать, что ждет меня дальше. Для человека в обстоятельствах, подобных тем, в каких очутился я, возможность положить конец колебаниям и соблазнам сама по себе была крайне соблазнительна, и я испытал большое разочарование, когда, явившись в дом Престонгрейнджа, узнал, что он отсутствует. Думаю, в ту минуту так оно и было, но несколько часов спустя, мне кажется, лорд-адвокат вернулся и приятно проводил время в соседнем апартаменте с друзьями, обо мне же, по всей вероятности, успели забыть. Я десяток раз порывался уйти, но упомянутое выше сильнейшее желание покончить с этим делом, чтобы нынче же ночью спать со спокойной совестью, удерживало меня. В первый час я коротал время за чтением, так как в небольшом кабинете, куда меня проводили, было много разных книг. Но, боюсь, не сумел сосредоточиться. К тому же небо заволокли тучи, и смерклось ранее обычного, кабинет же освещался лишь узким оконцем, так что мне пришлось отказаться от этого развлечения (каким бы оно ни было) и ожидать в тягостном безделье. Доносившиеся из соседней комнаты звуки разговоров, приятная мелодия, разыгрываемая на клавесине, — а несколько минут и поющий женский голос — слегка скрашивали томительность такого ожидания.

Не знаю, в котором часу, но, во всяком случае, когда уже давно спустилась ночь, дверь отворилась и на пороге выросла высокая мужская фигура, освещенная сзади. Я тотчас поднялся на ноги.

— Тут кто-то есть? — спросил вошедший. — Кто тут?

— У меня письмо от владельца Пилрига лорду-адвокату, — сказал я.

— А вы тут давно? — осведомился он.

— Не берусь сказать, сколько часов, но немало, — ответил я.

— А я ничего не знал! — заметил он со смешком. —

Прислуга, верно, про вас забыла. Но вы своего наконец дождались, потому что я — Престонгрейндж.

С этими словами он направился в соседнюю комнату, куда по его знаку я последовал за ним и где, засветив свечу, он сел к письменному столу. Это была длинная комната приятных пропорций, со стенами, сплошь заставленными книгами. Огонек в углу озарил величавую фигуру и сильное лицо моего хозяина. Он раскраснелся, его глаза влажно блестели и, прежде чем он сел, я успел заметить, что он не совсем твердо держится на ногах. Без сомнения, за ужином он ни в чем себе не отказывал, однако ясность мысли и речи сохранил полностью.

— Ну-ка, сударь, садитесь, — сказал он, — и давайте прочтем письмо от Пилрига.

Он развернул письмо и первые строки пробежал небрежно, подняв глаза и учтиво кивнув, когда дошел до моего имени, но последние слова, как мне показалось, остановили его внимание, и я убежден, что он перечел их дважды. Можете себе представить, как все это время стучало мое сердце — ведь я перешел мой Рубикон и приближался к полю сражения.

— Рад познакомиться с вами, мистер Бальфур, — сказал он затем, откладывая письмо. — Разрешите предложить вам рюмку кларета.

— С вашего благосклонного разрешения, милорд, позволю себе сказать, что это поставило бы меня в невыгодное положение, — ответил я. — В письме, вероятно, упомянуто, что меня сюда привело дело, грозящее мне серьезными последствиями, а так как к вину я привычен мало, тем более скоро оно может меня отуманить.

— Как вам угодно, — сказал он. — Но если позволите, я, пожалуй, прикажу подать сюда бутылку для меня самого.

Он позвонил в колокольчик, и лакей, точно по сигналу, почти сразу же принес вино и рюмки.

— Может быть, вы все-таки присоединитесь ко мне? — спросил лорд-адвокат. — Ну так, за наше более близкое знакомство! Чем же я могу вам служить?

— Пожалуй, мне следует начать с того, что я здесь, милорд, по вашему настойчивому приглашению, — сказал я.

— Значит, вы осведомлены более моего, — заметил

он,— так как, признаюсь, до этого вечера, мне кажется, я не слышал о вашем существовании.

— Справедливо, милорд! Мое имя, правда, для вас ново,— сказал я.— И тем не менее последнее время вам очень хотелось познакомиться со мной, о чем вы заявляли публично.

— Не могли бы вы подсказать мне отгадку? — перебил он.— Я ведь не пророк Даниил.

— Попробую,— сказал я.— Будь я склонен шутить, а я отнюдь к этому не склонен, то, мне кажется, я мог бы потребовать от вашей милости двести фунтов.

— На каком основании? — спросил он.

— Это же награда, назначенная за мою поимку,— ответил я.

Он тотчас отодвинул рюмку вместе с бутылкой и выпрямился на стуле.

— Как прикажете это понять? — осведомился он.

— «Рослый юноша, семнадцати лет от роду, — процитировал я,— говорит на нижнешотландском наречии. Бороды не имеет».

— Эти слова я узнаю,— сказал он.— И если вы явились сюда с неразумным намерением поразвлечься, то они могут оказаться для вас весьма опасными.

— Цель моего прихода,— возразил я,— это вопрос жизни и смерти, и поняли вы меня совершенно верно. Я тот юноша, который разговаривал с Гленуром, когда его застрелили.

— Я могу только заключить (раз вы явились сюда), что вы намерены доказать свою непричастность,— заметил он.

— Вывод очевиден,— подтвердил я.— У короля Георга нет подданного более верного, чем я, но, будь мне в чем себя упрекнуть, у меня хватило бы благоразумия не входить в ваш дом.

— Я рад этому,— сказал он.— Такое отвратительное преступление не оставляет места милосердию. Кровь была пролита самым варварским образом. Пролита она была, как вызов его величеству и всему своду наших законов, их заведомыми и отъявленными противниками. Я придаю этому величайшую важность. Не стану отрицать, что считаю это преступление прямым оскорблением его величества.

— И к несчастью, милорд, — добавил я сухо, — прямым оскорблением еще одной высокопоставленной персоны, которую мы называть не станем.

— Если эти ваши слова содержат какой-то намек, должен сказать, что считаю их неприличными для верноподданного и, будь они сказаны публично, я был бы обязан принять их к сведению, — заявил он. — Мне кажется, вы не понимаете серьезности своего положения, не то вы поостереглись бы усугублять эту серьезность словами, бросающими тень на чистоту правосудия. Правосудие в этой стране и в моих недостойных руках не склоняется ни перед какими персонами.

— Вы приписываете мне, милорд, излишнюю самостоятельность речей. Я же всего лишь повторил то, о чем толкуют повсюду, то, что я слышал на своем пути везде и от людей самых разных мнений.

— Когда вы достигнете более благоразумного возраста, то поймете, что подобную болтовню не должно слушать, а уж тем паче повторять, — сказал лорд-адвокат. — Но я готов признать, что дурных намерений у вас не было. Этот вельможа, которого мы все почитаем и который, бесспорно, был больно ранен недавним варварством, вознесен слишком высоко, чтобы такие наветы могли его коснуться. Герцог Аргайльский — вы видите, я говорю с вами прямо — принимает это столь же близко к сердцу, как и я и как нас обоих обязывают наши судейские должности и служение его величеству. И могу только пожелать, чтобы все руки в этом дурном веке были столь же чисты от семейной мести. Но по воле случая жертвой своего долга пал Кэмпбелл — а кто усерднее Кэмпбеллов исполнял этот долг? Это говорю я, не Кэмпбелл. Но потому что глава этого славного дома — к выгоде для нас всех — возглавляет сейчас и коллегия юстиции, мелочные души и недовольные языки дали себе волю во всех кабаках страны, и оказывается, молодые джентльмены, вроде мистера Бальфура, настолько неразумны, что вторят им. — Начало своей речи он произнес как оратор в суде, после чего вернулся к тону хозяина дома. — Но в сторону все это. Теперь мне остается узнать, как поступить с вами.

— Я бы думал, что это мне предстоит узнать от вашей милости, — заметил я.

— Совершенно справедливо, — ответил лорд-адвокат. — Но видите ли, вы явились ко мне с отличной рекомендацией. Под этим письмом стоит подпись честного, ревностного вига, — сказал он, беря письмо и вновь кладя его на стол. — И (оставляя закон в стороне, мистер Бальфур) можно найти средство что-то уладить. Предупреждаю вас (предупреждаю заранее, чтобы вы соблюдали большую осторожность), что ваша судьба зависит только от меня. В подобном деле (говоря со всей верно-подданической почтительностью) я наделен большей властью, чем его королевское величество. И если я буду доволен вами — и, разумеется, удовлетворю свою совесть — во время дальнейшей нашей беседы, она может остаться между нами.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Следующее, мистер Бальфур, — сказал он. — Если вы рассеете все мои сомнения, никому не нужно будет даже знать, что вы побывали у меня. Заметьте: я не посылаю за моим писцом.

Мне стало ясно, куда он клонит.

— Полагаю, о моем появлении здесь никому сообщать незачем, — сказал я. — Хотя не вижу, какая мне может быть от этого польза. Я не стыжусь того, что пришел сюда.

— И у вас нет для этого никаких причин, — сказал он ласково. — И пока еще (если вы будете осмотрительны) пугаться последствий вам тоже причины нет.

— С вашего разрешения, милорд, — сказал я, — испугать меня не так-то просто.

— Я отнюдь не хочу вас пугать, — ответил он. — Но начнем. И предупреждаю вас: отвечайте только на вопросы, которые я вам буду задавать, ничего сверх того не объясняя. От этого в значительной мере зависит ваше спасение. Бесспорно, мои полномочия велики, но и у них есть границы.

— Я попытаюсь следовать совету вашей милости, — сказал я.

Он положил на стол лист бумаги и озаглавил его.

— Вы, по-видимому, находились на дороге в Леттерморском лесу, когда был произведен роковой выстрел, — начал он. — Было ли это случайностью?

— Да, случайностью, — сказал я.

— Почему вы заговорили с Колином Кэмпбеллом? — продолжал он.

— Я спросил у него дорогу в Охарн, — ответил я и заметил, что записывать мои слова он не стал.

— Гм, верно, — сказал он. — Я запомнил. И знаете, мистер Бальфур, на вашем месте я бы поменьше упоминал про ваши отношения с этими Стюартами. Это может осложнить ваше дело. Пока еще я не склонен видеть в них что-либо существенное.

— Мне казалось, милорд, что в подобном случае все обстоятельства равно существенны, — возразил я.

— Вы забываете, что мы сейчас судим этих Стюартов, — многозначительно ответил он. — Если нам когда-нибудь придется судить вас, все будет по-другому и я начну требовать ответа на те самые вопросы, которые пока готов оставить в стороне. Но вернемся к делу. Излагая обстоятельства происшедшего, мистер Мунго Кэмпбелл сообщил, что вы сразу же убежали вверх по склону. Зачем вы это сделали?

— Не сразу, милорд, и потому лишь, что я увидел убийцу.

— Значит, вы его видели?

— Так же ясно, как вижу вас.

— Вам он известен?

— Нет. Но я его узнаю.

— Следовательно, преследование ваше оказалось неудачным и вы его не настигли?

— Да.

— Он был один?

— Да, один.

— И больше никого вокруг не было?

— В соседней роще находился Алан Брек Стюарт. Лорд-адвокат положил перо.

— Мне кажется, вы играете со мной в какую-то игру, — сказал он, — но, как вы не замедлите убедиться, такое развлечение может причинить вам немалый вред.

— Я стараюсь лишь следовать совету вашей милости и только отвечаю на вопросы, — возразил я.

— Будьте разумны и одумайтесь, пока есть время, — сказал он. — Я оказываю вам всемерную снисходительность, а вы, по-видимому, вовсе ее не цените, так что (если вы не поостережетесь) она может остаться втуне.

— Я очень ценю вашу снисходительность, но мне представляется, что произошла ошибка,— ответил я с запинкой, понимая, что наконец мы начали говорить как противники.— Я пришел сообщить вам сведения, которые, надеюсь, убедят вас, что Алан не принимал никакого участия в убийстве Гленура.

Лорд-адвокат, казалось, пребывал в нерешительности: он крепко сжал губы и глядел на меня сверкающими глазами, как рассерженный кот.

— Мистер Бальфур,— сказал он наконец,— настоятельно прошу заметить, что вы избираете путь, опасный для ваших интересов.

— Милорд,— ответил я,— в этом деле я столь же мало думаю о собственных интересах, как и ваша милость. Бог свидетель, у меня есть только одна цель: помочь свершиться правосудию, чтобы невинные не понесли кары. Если, стремясь к ней, я навлекаю на себя неудовольствие вашей милости, мне остается только терпеть, сколько хватит сил.

Тут он встал, зажег еще одну свечу и некоторое время пристально меня разглядывал. Я с удивлением увидел, каким серьезным и даже мрачным стало его лицо. Мне даже показалось, что оно побледнело.

— Вы либо очень простодушны, либо совсем наоборот, и я вижу, что мне придется кое-что сказать вам под секретом,— сказал он наконец.— Это политическое дело... Да-да, мистер Бальфур, хотим мы того или нет, но оно политическое! И я содрогаюсь при мысли, как много от него зависит. Едва ли мне нужно объяснять столь образованному юноше, что к политическому делу мы подходим совсем иначе, чем к уголовному. *Salus populi suprema lex*¹,— эта максима открывает путь для всяческих злоупотреблений, но она обладает силой, какую мы находим еще только в законах природы — иными словами, она имеет силу необходимости. С вашего разрешения, я растолкую вам подробнее. Вы хотите, чтобы я поверил...

— Прошу прощения, милорд, но я хочу, чтобы вы поверили только тому, что я сумею доказать,— перебил я.

— Ах, мой юный джентльмен,— сказал он,— не будь-

¹ Да будет благо народа высшим законом (лат.).

те столь прямолинейны и позвольте человеку, который, по меньшей мере, вам в отцы годится, выразить с помощью собственного скудного красноречия собственные убогие мысли, даже если они, к несчастью, не совпадают с мыслями мистера Бальфура. Вы хотите, чтобы я поверил в невинность Брека. Мне это представляется не особо важным, тем более что мы его не поймали. Но вопрос о невинности Брека касается не его одного. Признание ее уничтожит все предпосылки обвинения, которое мы готовим против еще одного, совершенно иного преступника. Человека, закореневшего в измене, уже дважды восставшего с оружием в руках против своего государя и уже дважды прощенного — сеятеля крамолы и (независимо от того, кто именно стрелял) несомненного вдохновителя этого преступления. Мне незачем объяснять вам, что я говорю о Джеймсе Стюарте.

— А я могу лишь бесхитростно ответить, что я пришел сюда, чтобы частным образом доказать вашей милости невинность Алана и Джеймса, и что я готов подтвердить ее показаниями на суде, — сказал я.

— На это я отвечу вам столь же бесхитростно, мистер Бальфур, — сказал он, — что в таком случае я не вызову вас для дачи показаний, и желал бы, чтобы вы вообще больше об этом никому не говорили.

— Вы вершитель правосудия в этой стране, — вскричал я, — и вы предлагаете мне совершить преступление!

— Я человек, обеими руками оберегающий интересы этой страны, — ответил он, — и я говорю вам о политической необходимости. Патриотизм не всегда согласуется с формальными требованиями морали. Полагаю, вас это должно радовать, как залог и вашего спасения. Факты свидетельствуют против вас, и если я все-таки пытаюсь выручить вас из весьма опасного положения, то отчасти, разумеется, потому, что я отдаю должное вашей честности, которую вы доказали, придя сюда, а также ради письма Пилрига, но главное — потому что в этом деле на первое место я ставлю свой политический долг, а служебный — на второе. По той же причине — повторяю вам столь же откровенно — мне не нужны ваши показания.

— Мне не хотелось бы создать у вас впечатление, будто я пытаюсь грозить, когда просто изложу суть нашего положения, — сказал я. — Но если вашей милости

мои показания не нужны, мне кажется, другая сторона будет в восторге заручиться ими.

Престонгрейндж снова встал и начал прохаживаться по комнате.

— Вы все-таки не настолько юны, — сказал он, — чтобы не помнить сорок пятый год и как его события потрясли страну. Пилриг пишет, что вы верны церкви и государству. А кто спас их в тот роковой год? Я говорю не про его королевское высочество с его шомполами, хотя тогда они и оказались весьма полезными. Но страна была спасена и сражение выиграно еще до того, как Камберленд подошел к Друммосси. Так кто же спас ее? Я повторяю: кто спас протестантскую религию и все здание наших гражданских установлений? Во-первых, покойный лорд-президент Каллоден: он показал себя достойным имени мужчины и не получил никакой благодарности, — так и я, которого вы видите перед собой, напрягаю все силы на той же службе, не ожидая иной награды, кроме сознания выполненного долга. Кто еще, кроме лорда-президента? Вы знаете ответ не хуже меня. Он служит пищей для сплетен, которые подхватили и вы, за что я попенял вам в начале нашей беседы. Герцог и великий клан Кэмпбеллов. И вот теперь Кэмпбелл гнусно убит, да еще на королевской службе. И герцог, и я — мы горцы, но горцы цивилизованные, чего нельзя сказать об огромном большинстве наших родичей и членов наших кланов. Они по-прежнему сохраняют добродетели и пороки дикарей. Они все еще варвары, как эти Стюарты, но только Кэмпбеллы были варварами, сражавшимися за правое дело, а Стюарты — варварами, сражавшимися за неправое. Так будьте судьей. Кэмпбеллы жаждут отмщения. Если их ожидания будут обмануты — если Джеймс Стюарт избежит кары, — Кэмпбеллы этого так не оставят. Значит, начнутся волнения в горных краях, которые вовсе не замирены и не разоружены. Попытка разоружить их свелась к фарсу...

— Тут вы совершенно правы, — заметил я.

— Волнения в горных краях послужат сигналом нашему старому врагу, не спускающему с нас глаз, — продолжал лорд-адвокат, назидательно взмахивая пальцем при каждом шаге. — И поверьте мне, может вновь повториться сорок пятый, только Кэмпбеллы будут теперь на другой стороне. Чтобы спасти жизнь этого Стюарта —

жизнь, которой закон уже не раз должен был его лишить за многое другое,— вы готовы ввергнуть свою страну в войну, поставить под угрозу веру своих отцов и подвергнуть опасности жизнь и имущество скольких тысяч ни в чем не повинных людей?.. Вот какие соображения влияют на меня, мистер Бальфур, и надеюсь, они повлияют и на вас, человека, почитающего свою страну, благое правительство и истинную веру.

— Вы откровенны со мной, и я вам за это благодарен,— сказал я.— И попытаюсь отплатить вам такой же откровенностью. Я верю, что ваша политика разумна. Я верю, что на вашу милость возложен великий долг, я верю, что вы смирили перед ним свою совесть, когда приносили присягу, вступая в свою высокую должность. Но мною, простым человеком да еще только-только расставшимся с отрочеством, руководят и самые простые понятия о долге. Я способен думать только о бедняге, которому безвинно угрожает позорная казнь, и еще о воплях и рыданиях его жены, непрестанно звучащих в моих ушах. А что за ними — я видеть не способен. Так уж я создан. Если стране суждено погибнуть, она погибнет. А я молю господа, если действую в упрямой слепоте, просветить меня, пока не поздно.

Он выслушал меня, застыв на месте, и продолжал стоять так еще некоторое время.

— Вот неожиданная помеха! — сказал он вслух, но самому себе.

— И как ваша милость думает распорядиться со мной? — спросил я.

— Если бы я пожелал,— сказал он,— вы понимаете, что спать вам пришлось бы в тюрьме?

— Милорд,— ответил я,— мне доводилось спать в местах и похуже.

— Ну что же, мой милый,— сказал он,— в одном наш разговор меня убедил — в том, что я могу положиться на ваше слово. Поклянитесь честью сохранить в тайне не только то, что произошло сегодня вечером, но и обстоятельства аппинского дела, и я отпущу вас на все четыре стороны.

— Я дам слово до завтра или другого ближайшего дня, который вам будет благоугодно назначить,— ответил я.— Мне не хочется показаться излишне хитрым, но если

я дам такое обещание без оговорки, ваша милость добьется своей цели.

— Я вовсе не думал поймать вас в ловушку,— возразил он.

— В этом я не сомневаюсь,— сказал я.

— Дайте подумать,— продолжал он.— Завтра воскресенье. Приходите ко мне в восемь часов утра в понедельник и дайте мне свое обещание на этот срок.

— С большой охотой, милорд,— ответил я.— А касательно того, что я слышал от вас, даю вам слово молчать до тех пор, пока господу будет благоугодно продлять ваши дни.

— Заметьте,— сказал он затем,— я не прибежал к угрозам.

— Это свидетельствует о благородстве вашей милости,— ответил я.— Однако я не настолько туп, чтобы не угадать суть не произнесенных вами угроз.

— Ну, позвольте пожелать вам доброй ночи,— закончил он.— Надеюсь, вы будете спать спокойно, хотя мне вряд ли это удастся.

Вздыхнув, он взял свечу и проводил меня до входной двери.

Глава 5

В ДОМЕ ЛОРДА-АДВОКАТА

На следующий день, двадцать седьмого августа, в воскресенье, мне наконец выпал долгожданный случай послушать прославленных эдинбургских проповедников, которых я давно знал по рассказам мистера Кэмпбелла. Увы! С тем же успехом я мог бы слушать проповедь самого почтенного мистера Кэмпбелла в Эссендине! Мои мысли упорно возвращались к разговору с Престонгрейнджем, и я не мог сосредоточить внимание ни на чем другом. И рассуждения служителей божьих произвели на меня куда меньше впечатления, чем зрелище прихожан, переполнявших церкви, словно публика — театр (насколько я его себе представлял) или же (что в тогдашнем моем настроении было мне ближе) зал суда. Особенно поразила меня трехъярусная галерея Западной церкви,

куда я направился в тщетной надежде увидеть мисс Драммонд.

В понедельник я впервые побывал у цирюльника и остался очень доволен результатами, а оттуда направился к лорду-адвокату. Вновь у его дверей ярким пятном краснели солдатские мундиры. Я оглянулся, ища взглядом мисс Драммонд и ее служителей, но нигде их не увидел. Однако едва меня проводили в кабинет, а вернее, в приемную, где мне пришлось провести в субботу столько тягостных часов, как я увидел в углу высокую фигуру Джеймса Мора. Его, казалось, снедала мучительная тревога, он непрестанно шевелил ногами и руками, а взгляд его без конца шарил по стенам небольшой комнаты, так что я тотчас с жалостью вспомнил о его тяжком положении. Наверное, это чувство, а также горячий интерес, который продолжала вызывать во мне его дочь, толкнули меня заговорить с ним.

— Позвольте пожелать вам доброго утра, сударь, — сказал я.

— Доброе утро и вам, сударь, — ответил он.

— Вам назначил прийти сюда Престонгрейндж? — спросил я.

— Да, сударь, и от души желаю, чтобы ваше дело к нему было более приятно, — последовал ответ.

— Надеюсь, что ваше займет немного времени, так как, вероятно, ваша очередь будет первой.

— Последней, сударь, — сказал он, пожимая плечами. — Так было не всегда, но времена меняются. Да, все было по-иному, когда в этих ножнах покоилась шпага, молодой человек, и добродетелям солдата было чем себя подкрепить.

Он хмыкнул на манер горцев, и это почему-то меня раздражило.

— Насколько мне известно, мистер Макгрегор, — сказал я, — важнее всего солдату хранить молчание и первая из его добродетелей — никогда не жаловаться.

— Вам известно мое имя, как я вижу! — И он поклонился мне, скрестив руки на груди. — Хотя сам я им пользоваться не могу. Но людям говорить не закажешь. Слишком часто я показывал свое лицо и называл свое имя назло моим врагам. И мне не следует удивляться, что и то и другое известно многим, кого сам я не знаю.

— Мое имя вы не знаете, сударь, да и мало кому оно знакомо,— сказал я.— Но если вы пожелаете его узнать, то я зовусь Бальфур.

— Прекрасное имя,— отозвался он учтиво,— и носят его многие превосходные люди. Мне приходит на память, что в сорок пятом году лекарем в моем отряде был молодой джентльмен, которого звали так же.

— Полагаю, это был брат Бальфура из Бейта,— заметил я, так как сообразил, о ком шла речь.

— Он самый, сударь,— сказал Джеймс Мор.— И раз я был собратом по оружию вашего родича, вы позволите мне пожать вам руку.

Он долго, ласково пожимал мне руку, одаряя меня улыбками, словно близкого родственника, обретенного после долгой разлуки.

— А! — сказал он.— С тех пор как мы с вашим кузеном слышали свист ядер, времена сильно изменились.

— В родстве я с ним в самом дальнем,— ответил я сухо.— И должен объяснить вам, что ни разу в жизни его не видел.

— Какая разница! — заметил он.— Вы же сами... не думаю, что вы взялись тогда за оружие, сударь. Я не вспоминаю вашего лица, а оно не из тех, которые легко забываются.

— В том году, который вы имеете в виду, мистер Макгрегор, меня награждали оплеухами в приходской школе,— сказал я.

— Вы так молоды! — вскричал он.— Тогда вам не понять, что значит для меня эта встреча. В час беды и в доме моего врага встретить родича старинного собрата по оружию! Это вливает в меня мужество, мистер Бальфур, точно пение шотландской волынки! Сударь, многие из нас с грустью оглядываются на прошлое, а некоторые даже со слезами. Я жил в родном краю, как король. Мне достаточно было моей шпаги, моих гор и верности моих друзей и родичей. Теперь я заключен в смрадной темнице. И знаете ли, мистер Бальфур? — продолжал он, беря меня за локоть и прохаживаясь со мной по комнате.— Знаете ли вы, что я лишен всего, даже самого необходимого? В неуголимой злобе мои враги конфисковали все мое имущество. Как вам известно, сударь, я ввергнут в узилище по ложному обвинению, хотя я чист, как вы сами.

Они не осмеливаются предать меня суду, а тем временем я пребываю нагим в темнице. Вот если бы я встретился здесь с вашим кузеном или его братом Бейтом! Я знаю, что оба они с радостью предложили бы мне помощь. Но к относительно малознакомому человеку вроде вас...

Мне тягостно повторять тут, как он продолжал клянить, а я отвечал коротко и сухо. Иногда я с трудом удерживался от желания заткнуть ему рот горстью мелочи. Но то ли из-за стыда, то ли из-за гордости, то ли ради самого себя, то ли ради Катрионы — то ли потому, что я счел отца недостойным дочери, то ли потому, что я сразу почувствовал всю глубину его фальши, — я не мог заставить себя опустить руку в карман. И я все еще выслушивал улещивания и похвальбу, все еще вынужден был ходить (три шага — и назад, три шага — и назад) по этой тесной комнате, резкими ответами весьма раздражив, хотя и не обескуражив этого попрошайку, когда на пороге появился Престонгрейндж и провел меня любезно к себе.

— Я некоторое время буду занят, — сказал он, — и, чтобы вы не скучали, хочу представить вас трем моим красавицам дочкам, о которых вы, быть может, слышали, потому что они, мне кажется, знамениты более своего родителя. Вот сюда, пожалуйста.

Он отвел меня наверх в еще одну длинную комнату, где за пальцами сидела высохшая пожилая дама, а у окна стояли три самые красивые (как мне показалось) девицы в Шотландии.

— Это мой новый друг мистер Бальфур, — сказал он, придерживая меня за локоть. — Дэвид, позвольте представить вас моей сестре мисс Грант, которая по своей доброте ведет мой дом. А это, — продолжал он, повернувшись к трем барышням, — это три мои дочки-красотки. Ответьте-ка на простой вопрос, мистер Дэви: которая из трех краше остальных? Бьюсь об заклад, у него не хватит смелости повторить ответ честного Алана Рамсея!

Все три девицы, а также старушка мисс Грант, осыпали его упреками за эту шутку, которая (так как я был знаком со стихами, им упомянутыми) вызвала краску стыда на моих щеках. Мне казалось непростительным, что отец позволил себе подобный намек в присутствии дочерей, и меня поразило, что, и пеняя ему (во всяком случае, делая вид, что пеняют), эти барышни смеялись!

Под их смех Престонгрейндж удалился, оставив меня, точно вытащенную из воды рыбу, в обществе, совсем мне не подходящем. Теперь, вспоминая дальнейшее, я не могу отрицать, что вел себя дурак дураком и барышни, надо отдать им справедливость, доказали свою благовоспитанность, сноси мое присутствие с таким терпением. Тетушка, правда, низко склонялась над пальцами и лишь изредка с улыбкой поднимала от них глаза, но девицы, и особенно старшая — кстати, самая из них красивая, — осыпали меня любезностями, а я не умел ответить им тем же. Напрасно я напоминал себе, что обладаю не только именем, но и некоторыми достоинствами, а потому вовсе не должен испытывать смущение перед этими плутовками: старшая была почти моей ровесницей и все трое, конечно же, много уступали мне в образовании. Но никакие рассуждения ничего не меняли, и временами я краснел при мысли, что в этот день впервые побрился.

Несмотря на все их усилия, беседа то и дело прерывалась, а потому старшая барышня, сжалившись над моей неловкостью, села за клавесин и некоторое время для моего развлечения прекрасно играла и пела как в шотландском стиле, так и в итальянском. Я почувствовал себя непринужденнее и, вспомнив песню Алана, которой он научил меня, когда мы прятались в лощине неподалеку от Карридена, настолько осмелел, что насвистел несколько тактов и спросил, не знает ли она этой мелодии.

Барышня покачала головой.

— Ни одной этой ноты я в жизни не слыхала, — сказала она. — Насвистите ее всю. А теперь еще раз, — приказала она, когда я исполнил ее просьбу.

Затем она подобрала мелодию на клавесине и принялась петь со страшнейшим горским акцентом и с насмешливой улыбкой:

Все то, что насвистели вы.
Иль не сыграла я преточно?

Как видите, — продолжала она затем, — я и стихи умею сочинять, только они получаются без рифмы.

После чего вновь запела:

Я мисс Грант, дочь лорда-адвоката,
Вы Дэвид Бальфур, коль не ошибаюсь.

Я выразил ей свое удивление ее талантам.

— А как называется эта песенка? — спросила она.

— Настоящего ее названия я не знаю, — ответил я. — Для меня она просто «Песня Алана».

Барышня посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

— Я буду ее называть «Песня Дэвида». Хотя, если ваш библейский тезка играл Саулу что-нибудь хоть немного на нее похожее, не приходится удивляться, что царю его музыка помогла так мало. Уж очень ваша песня печальна. А ваше название мне не нравится и, если вы захотите услышать ее еще раз, придется вам назвать ее по-новому.

Сказано это было столь многозначительно, что у меня екнуло сердце.

— Почему же, мисс Грант? — спросил я.

— Да ведь если вас когда-нибудь повесят, — ответила она, — я непременно переложу вашу предсмертную речь и исповедь на эту мелодию и спою их.

Я уже не сомневался, что она в какой-то мере знает мою историю и про нависшую надо мной опасность. Но откуда и насколько подробно, догадаться было уже труднее. Совершенно очевидно, ей было известно, что имя «Алан» таит в себе угрозу, и она таким способом предупредила меня, чтобы я воздерживался от его упоминания. И столь же очевидно ей было известно, что меня подозревают в каком-то преступлении. Далее я заключил, что безжалостность ее последних слов (после которых она тотчас заиграла очень громко и бурно) должна была положить конец этому разговору. Я стоял возле нее, делая вид, будто восхищенно слушаю, а на самом деле погружившись в собственные мысли. В дальнейшем я не раз убеждался в любви этой барышни к загадочности, и бесспорно, эта первая наша с ней беседа представлялась мне непостижимой загадкой. Много времени спустя я, правда, узнал, что воскресенье не было потрачено напрасно: отыскивали банковского рассыльного, допросили его и узнали таким образом про мой визит к Чарлзу Стюарту и сделали из этого вывод, что я тесно связан с Джеймсом и Аланом, а с последним, скорее всего, нахожусь в деятельной переписке. Чем и объясняется прозрачный намек, сделанный мне за клавишином.

Пока она еще играла, одна из младших барышень, стоявшая у окна, вдруг позвала сестер:

— Идите сюда! Снова Сероглазка!

Остальные поспешили к окну и принялись выглядывать наружу, мешая друг другу. Окно находилось в углу комнаты над входной дверью, и из него был виден почти весь переулок.

— Мистер Бальфур! — воскликнули они хором. — Что же вы? Посмотрите! Такая красавица! Последние дни она постоянно стоит у начала переулочка и всегда с какими-то оборванными горцами, но тем не менее видно, что она благородного рода.

Мне можно было и не смотреть. И я ограничился одним взглядом, боясь, что она увидит, как я смотрю на нее сверху вниз из комнаты, где только что звучала музыка, а она томится снаружи, и ее отец, быть может, в слезах молит сейчас сохранить ему жизнь, я же совсем недавно отказал ему в просьбах. Но и этого взгляда оказалось достаточно, чтобы ко мне вернулась уверенность в себе, а робость перед барышнями поубавилась. Они были красивы, спорить тут не приходилось, но Катриона была прекрасна и вся точно светилась изнутри, как пылающий уголь. И если с ними я чувствовал себя приниженным, она меня возвышала. Я помнил, как легко и свободно разговаривал с ней. Если в присутствии этих красавиц язык переставал мне повиноваться, возможно, тут была и их вина. Мое смущение понемногу проходило, и я находил облегчение, начиная подмечать смешное. И когда тетушка улыбалась мне над своим вышиванием, а три сестры умилялись на меня, точно на младенца, — причем на их лицах было написано: «Так велел папенька», — у меня доставало смелости и самому улыбнуться.

Вскоре вернулся папенька — все тот же обходительный, благодушный, любезный человек.

— Ну, а теперь, девочки, — сказал он, — я должен увести мистера Бальфура, но надеюсь, вы сумели убедить его вновь появляться там, где я всегда буду рад его найти.

После чего каждая сказала мне на прощание несколько приятных слов, и лорд-адвокат увел меня.

Если это знакомство с его семьей должно было смягчить мое упорство, его расчеты потерпели полную неудачу. У меня хватило ума понять, какую жалкую фигуру

я из себя представлял, и мне было ясно, что девицы перестали сдерживать зевоту, едва моя прямая как доска спина исчезла за дверью. Я почувствовал, как мало во мне нежности и изящества, и жаждал возможности показать, что зато мне хватает иных качеств — суровых и опасных.

Что же, моему желанию предстояло исполниться, так как ожидала меня совсем иная сцена.

Глава 6

УМКВАЙЛ, БЫЛОЙ ВЛАДЕЛЕЦ ЛАВЕТА

В кабинете Престонгрейнджа нас ожидал человек, к которому я с первого взгляда проникся тем отвращением, какое вызывают у нас хорьки или ухвертки. Он был на редкость уродлив, но имел вид благородного джентльмена. Манеры у него были сдержанные, что не мешало внезапным вспышкам и припадкам злобы, а негромкий голос, когда он того желал, вдруг становился пронзительным и угрожающим.

Лорд-адвокат представил нас друг другу непринужденно, дружески.

— Вот, Фрэзер, — сказал он, — мистер Бальфур, о котором мы говорили. Мистер Дэвид, это мистер Саймон Фрэзер, которого мы прежде величали иначе, но это уже старая песня.

С этими словами он отошел к книжным полкам и, остановившись в дальнем конце комнаты, начал листать пухлый томик.

Таким образом я остался, по сути, наедине с человеком, встречи с которым никак не ждал. Слова лорда-адвоката можно было истолковать только одним образом: я видел перед собой бывшего владельца Лавета и главу великого клана Фрэзеров. Я знал, что он со своими людьми участвовал в восстании. Я знал, что за это преступление его отец — старый лорд, серый горный лис — поплатился головой на эшафоте, а родовые земли и титул были у них отняты. Я не мог понять, что он делает в доме Гранта. Мне и в голову не пришло, что он облекся в мантию законника, отрекся от своих прежних убеждений и теперь, заискивая перед правительством, согласился

взять на себя обязанности обвинителя в аппинском убийстве.

— Итак, мистер Бальфур,— начал он,— как прикажете понимать то, что мне о вас говорили?

— Я не могу судить заранее,— ответил я,— но если источник ваших сведений лорд-адвокат, он полностью осведомлен о моем мнении.

— Должен предупредить вас, что я веду аппинское дело,— продолжал он.— Как помощник Престонгрейнджа. И, внимательно изучив предварительные допросы, могу заверить вас, что мнение ваше ошибочно. Вина Брека несомненна, и вашего признания, что вы видели его на холме в тот самый час, достаточно, чтобы его повесить.

— Но позволительно ли вешать его, не поймав? — заметил я.— А в остальном я охотно предоставляю вам полагаться на ваши умозаключения.

— Герцог обо всем осведомлен,— продолжал он.— Я только что от его светлости, и он поставил меня в известность о своих намерениях с откровенностью и свободой истинного вельможи. Он упомянул ваше имя, мистер Бальфур, и заранее выразил свою благодарность на тот случай, если вы позволите руководить собой тем, кто понимает ваши интересы и интересы страны намного лучше вас самих. А слово «благодарность» в этих устах — не пустой звук, *experto crede*¹. Полагаю, мое имя, имя моего клана вам что-то говорит и вам известен проклятый пример и прискорбный конец моего покойного отца, не говоря уж о собственных моих ошибках. Так вот: я принес повинную благородному герцогу, он замолвил за меня слово нашему общему другу Престонгрейнджу, и вот я снова в седле, и на меня частично возложена обязанность собрать обвинения против врагов короля Георга и покарать последнее дерзкое и наглое оскорбление его величества.

— Без сомнения, весьма достойное положение для сына вашего отца,— сказал я.

Его жидковатые брови вздернулись.

— Мне кажется, вам благоугодно испробовать фигуру иронии,— сказал он.— Но я тут по велению долга, для того, чтобы добросовестно исполнить возложенное на меня

¹ Поверьте тому, кто знает (*лат.*).

поручение, и вы тщетно будете стараться помешать мне. Позвольте, однако, сказать вам, что решительному честолюбивому юноше вроде вас толчок вверх в начале карьеры принесет больше пользы, чем десять лет скучных стараний на нижних ступенях лестницы. А толчок этот вас ждет, если вы пожелаете. Выбирайте себе карьеру, и герцог будет следить за вами с отцовской заботливостью.

— Боюсь, я лишен сыновнего послушания, — ответил я.

— Неужели вы правда верите, сэр, что кто-нибудь допустит, чтобы вся политика страны полетела кувырком из-за дурно воспитанного мальчишки? — воскликнул он. — Это дело — пробный камень, и все, кто надеется на будущее благополучие, должны внести свою лепту. Поглядите на меня! Или вы думаете, что я ради удовольствия принял завидную должность обвинителя человека, с которым сражался бок о бок? Но у меня не оставалось выбора.

— Мне кажется, сэр, вы лишились выбора, когда приняли участие в этом противоестественном восстании, — заметил я. — К счастью, я нахожусь в ином положении. Я верный подданный и могу посмотреть в лицо герцога и короля Георга без трепета.

— Ах вот как, сударь! — воскликнул он. — Позвольте указать вам, что вы глубоко заблуждаетесь. Престонгрейндж до сих пор был (как я от него понял) настолько учтив, что не оспаривал ваши утверждения. Но не думайте, что они не вызывают сильнейших подозрений. Вы утверждаете, что невинны. Мой дорогой сэр, факты свидетельствуют, что вы виновны.

— Я дождался вас здесь! — ответил я.

— Показания Мунго Кэмпбелла, ваше бегство после убийства, то, что вы столько времени скрывались... Мой милый юноша! — сказал мистер Саймон. — Этих доказательств достаточно, чтобы повесить быка, а не только какого-то мистера Дэвида Бальфура! Я буду участвовать в судебном разбирательстве, я буду говорить громко — совсем не так, как сегодня, — и уже не для того, чтобы оказать вам услугу, как бы мало вы ее ни ценили. А, побледнели! — вскричал он. — Я нашел-таки ключ к вашему непокорному сердцу. Вы побелели, мистер Дэвид, глаза у вас заслезились! Могила и виселица оказались ближе к вам, чем вы думали!

— Я готов признаться в естественной слабости, — сказал я. — И не вижу в ней ничего позорного. Позор...

— Позор ждет вас на виселице! — перебил он.

— И я лишь уравниюсь с милордом вашим батюшкой! — ответил я.

— А-а! Только ничего подобного, — продолжал он. — Вы еще не разобрались в сути дела. Мой отец понес кару, участвуя в великих событиях, вмешиваясь в дела монархов. А вас вздернут за грязное убийство ради медных грошей. Вы сыграли в нем роль предателя, задержав жертву разговором. Ваши сообщники — шайка оборванных горцев. И можно доказать, мой благородный мистер Бальфур, — можно доказать, как и будет доказано, уж поверьте мне, кто участвует в этом! Можно доказать и будет доказано, что вам за это заплатили. Я уже вижу, какими взглядами начнут обмениваться присутствующие в суде, когда я изложу мои обвинения и выяснится, что вы, человек образованный, позволили совратить себя и приняли участие в этом деле за старую одежду, бутылку горской водки и за три шиллинга пять пенсов и полпенни медными монетами.

В этих словах было зерно правды, и я почувствовал себя так, словно меня сшибли с ног ударом кулака: одежда, бутылка коньяка и три шиллинга пять пенсов с полпенсом мелочью — это было почти все, с чем Алан и я ушли из Охарна... Значит, кто-то из людей Джеймса не выдержал допросов в тюрьме.

— Как видите, я знаю больше, чем вы думали! — продолжал он с торжеством в голосе. — А что касается дальнейших доказательств, великий мистер Дэвид, не надейтесь, что правительству Великобритании и Ирландии будет трудно их получить. У нас здесь в тюрьме сидят люди, которые головой поклянутся в том, в чем мы предложим им поклясться, — в чем я предложу им поклясться, если вам так больше нравится. И вы легко можете представить себе, какая слава вас ждет, если вы выберете смерть. С одной стороны — жизнь, вино, женщины и покровительство герцога, с другой — петля на шею, виселица, на которой будет болтаться ваш скелет, и гнуснейшая, подлейшая история, какие только рассказывались о наемных убийцах, как напоминание для всех ваших будущих однофамильцев. И взгляните сюда! — закричал он пронзительно. —

Взгляните вот на эту бумагу, которую я достаю из кармана. Взгляните на стоящую в ней фамилию. Это фамилия великого Дэвида, если не ошибаюсь. И чернила еще не просохли. Вы догадываетесь, что это? Приказ о вашем аресте. И мне стоит только дотронуться вот до этого колокольчика у меня под рукой, чтобы он был приведен в исполнение немедленно. А когда по этому приказу вы окажетесь в Толбуте, то вам останется уповать лишь на бога, ибо жребий будет брошен!

Не стану отрицать, что подобная низость ввергла меня в ужас, что при мысли о неотвратимости уготованной мне мерзкой судьбы меня объял страх. Мистер Саймон уже указал со злорадством на мою бледность. И полагаю, мои щеки цветом напоминали мою рубашку, а мой голос дрожал.

— Я взываю к джентльмену в этой комнате! — вскричал я. — И отдаю в его руки свою жизнь и честь.

Престонгрейндж захлопнул книгу.

— Я вас предупреждал, Саймон, — сказал он. — Вы разыграли свои карты с большим мастерством и проиграли. Мистер Дэвид, — повернулся он ко мне, — прошу вас поверить, что вы подверглись этому испытанию не по моей воле. Мне хотелось бы, чтобы вы поняли, как я рад, что вы вышли из него с такой честью. Кстати, хотя вы сейчас это вряд ли понимаете, но тем самым вы оказали небольшую услугу и мне. Если бы нашему общему другу удалось преуспеть в том, в чем вчера я потерпел неудачу, пришлось бы заключить, что он лучше меня понимает людей и что вообще, быть может, нам следовало бы поменяться положением — мистеру Саймону и мне. А я знаю, что наш друг Саймон честолобив, — добавил он, легонько хлопнув Фрэзера по плечу. — Ну, этот спектакль окончен. Вы можете рассчитывать на мое уважение, и какое бы решение мы ни приняли по этому злополучному делу, я позабочусь, чтобы вы были ограждены, елико возможно.

Лучших слов я не желал бы услышать, а кроме того, нетрудно было заметить, что эти двое моих преследователей питали друг к другу отнюдь не дружеские чувства, если не сказать — открытую неприязнь. Тем не менее я не сомневался, что наш разговор был подготовлен, а может быть, и отрепетирован с обоюдного их согласия.

Мне оставалось только заключить, что мои противники пытаются взять надо мной верх всеми способами, и теперь, когда убеждения, лесть и угрозы остались равно тщетными, я невольно задумался над тем, к чему они прибегнут в дальнейшем. В глазах у меня все еще мутилось, а колени мои подгибались из-за только что перенесенной тревоги, и я сумел лишь, запинаясь, повторить примерно то же:

— Я отдаю свою жизнь и честь в ваши руки.

— Ну-ну, — сказал он мягко, — мы постараемся спасти их. А пока вернемся к менее крутым мерам. Вы не должны затаивать обиды на моего друга мистера Саймона, который лишь выполнял свой долг. И даже если вы сердиты на меня за то, что я словно бы поддерживал его, мне не хотелось бы, чтобы вы перенесли это чувство на ни в чем не повинных членов моей семьи. Они будут очень рады продолжить знакомство с вами, и я не могу допустить, чтобы мои девочки были обмануты в своих ожиданиях. Завтра они отправляются на прогулку в парке Хоуп, где, я убежден, следует побывать и вам. Сначала загляните ко мне, так как, возможно, нам нужно будет поговорить с глазу на глаз, а затем вы отправитесь в парк под призором моих барышень. Пока же вновь обещайте мне молчать.

Конечно, мне следовало бы наотрез отказаться, но, признаюсь, я совершенно утратил способность размышлять, послушно дал требуемое слово, откланялся уж не знаю как, а когда вновь очутился в переулке и дверь за мной захлопнулась, прислонился к стене, утирая лицо. Жуткий призрак мистера Саймона (таким он представлялся мне) витал перед моим мысленным взором, как продолжают отдаваться в ушах уже затихшие раскаты внезапного громового удара. Рассказы о его отце, о собственном его коварстве и бесчисленных предательствах — все, что мне доводилось слышать или читать, всплыли в моей памяти, сливаясь с впечатлением от моей с ним беседы. Вновь и вновь я поражался гнусности и хитроумию клеветы, какой он намеревался очернить меня. Казалось, мне уготована участь воров на виселице у Ли-Уок. Двое взрослых мужчин силой отняли у ребенка жалкую мелочь — что может быть недостойнее и подлее? Но преступление, в котором намеревался обвинить меня

перед судом Саймон Фрэзер, по трусливости и омерзительности ничуть не уступало этому.

От размышлений меня отвлекли голоса ливрейных слуг Престонгрейнджа у его дверей.

— Отнеси-ка эту записку капитану, да побыстрее, — сказал один.

— Чтобы к нему опять привели горного разбойника? — спросил второй.

— Как будто так, — ответил первый. — Они с Саймоном его требуют.

— Престонгрейндж свихнулся, не иначе, — сказал второй. — Скоро Джеймс Мор будет у него дневать и ночевать.

— Ну да это не наше с тобой дело, — заключил первый и вернулся в дом, а его товарищ отправился выполнять поручение.

Хуже ничего придумать было нельзя. Не успел я уйти, а они уже посылают за Джеймсом Мором, на которого, решил я, и намекал мистер Саймон, говоря, что у них в тюрьме есть люди, готовые купить себе жизнь любой ценой. Кожа у меня на голове под волосами стянулась, и тут же кровь прилила к моему сердцу при мысли о Катрионе. Бедняжка! Ее отец подлежал виселице за деяния, оправдывать которые было невозможно. Но еще горше было то, что для спасения четырех четвертей своего тела он с готовностью принял бы несмываемый позор мерзейшего и трусливейшего из убийств — убийства через лжесвидетельство. В довершение же нашего злополучия в жертвы ему избрали меня.

Быстрым шагом я направился, сам не знаю куда, гонимый желанием двигаться, вдыхать чистый воздух и видеть вокруг поля и луга.

Глава 7

Я НАРУШАЮ ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Я вышел — клянусь, даже не заметив, каким образом, — на Лонг-Дайкс. Этот проселок огибает город с севера, и мне открылся вид на всю его черную длину от

замка на обрыве — на непрерывную зубчатую линию шпилей, чердачных окон и дымящихся печных труб. Я глядел на город, и сердце у меня словно хотело выскочить из груди. Моя юность, как я уже рассказывал, приучила меня к опасностям. Но опасность, с которой я столкнулся этим утром в стенах города, слывущих надежным приютом, потрясла меня до глубины души. Рабство, кораблекрушение, холодная сталь и пули — все это грозило мне гибелью, но я держался с честью. Однако угрозы, крившиеся в пронзительном голосе и толстом лице Саймона — или лорда Лавета, — внушали мне необоримый страх.

Я сел среди камышей у воды, намочил руки и увлажнил виски. Я бы тут же отказался от своего безрассудного намерения, если бы мог при этом сохранить хоть каплю самоуважения. Но (назовите это храбростью или трусостью, хотя, на мой взгляд, тут было и то и другое) я решил, что зашел слишком далеко, чтобы идти на попятный. Я сумел противостоять этим двоим и собирался действовать так же и далее. Будь что будет, но я не отступлю от данного слова.

Уверившись в твердости своего духа, я несколько ободрился, но не слишком. В сердце у меня осталась ледышка, и жизнь представлялась столь мрачной, что мне стало жаль всех, кому она выпала на долю. Но особенную жалость вызывали у меня двое. Во-первых, я сам — без друзей, окруженный со всех сторон опасностями. И во-вторых, дочь Джеймса Мора. Я видел ее совсем недолго, но составил о ней окончательное мнение. Я решил, что она полна истинного благородства, я решил, что она принадлежит к тем, кто предпочитает смерть позору. А в эту самую минуту, если мои подозрения верны, ее отец торгуется, рассчитывая спасти свою бесчестную жизнь в обмен на мою. Мне казалось, что это как-то связывает меня с ней. До сих пор было лишь мимолетное уличное знакомство, хотя и странно дорогое для меня. Теперь же она представилась мне почти родственницей — дочерью моего кровного врага, я мог бы даже сказать — моего убийцы. И я подумал, как тяжело, что меня все мои дни гонят и преследуют за дела других, и для себя я не могу обрести никакой радости. Когда позволяли мои заботы, я ел и находил постель для ночлега, но больше мне

никакого толку от моего богатства не было. Если мне предстоит виселица, мои дни сочтены, если же мне суждено ее избежать, возможно, прежде, чем дням этим будет положен предел, они успеют показаться мне нестерпимо длинными. Внезапно в моей памяти всплыло ее лицо — такое, каким я увидел его впервые, ее полуоткрытые губы. У меня защемило сердце, но ноги вдруг налились силой, и я решительно направился в сторону Дина. Если завтра меня ждет петля — а вполне вероятно, что я уже эту ночь проведу в темнице, — то пусть я еще раз услышу голос Катрионы и поговорю с ней.

Энергичные движения и мысли о том, куда я иду, еще больше меня подбодрили, и ко мне почти вернулось прежнее мужество. В деревушке Дин, приютившейся на дне долины возле речки, я спросил дорогу у подручного на мельнице, и он указал мне на тропинку, которая вела вверх по склону холма к небольшому, но приличному дому, окруженному яблоневым садом с веселыми лужайками. Когда я вошел за садовую ограду, сердце у меня звыграло, но тут же сжалось, потому что я увидел перед собой суровую старуху с весьма свирепым лицом, которая прогуливалась там в мужской шляпе, нахлобученной поверх белого чепца.

— Что тебе здесь нужно? — спросила она.

Я ответил, что ищу мисс Драммонд.

— И какое же у тебя дело к мисс Драммонд? — осведомилась она.

Я ответил, что познакомился с ней в прошлую субботу, был счастлив оказать ей пустячную услугу, а теперь пришел, потому что она меня пригласила.

— А, шестипенсовик! — воскликнула старая дама с презрительной усмешкой. — Дорогой подарок от доброго молодца! А есть ли у тебя имя и прозвище, или тебя так и крестили Шестипенсовиком?

Я назвался.

— Спаси и помилуй! — вскричала она. — Да неужто у Эбинизера был сын?

— Нет, сударыня, — ответил я. — Мой отец Александр. И я — лэрд Шоса.

— Ну, тебе нелегко будет утвердить свои права, — заявила она.

— Как вижу, вы знакомы с моим дядей, — заметил

я. — И полагаю, будете довольны услышать, что дело уже улажено.

— Так что же привело тебя сюда на поиски мисс Драммонд? — продолжала она свое.

— Мой шестипенсовик, сударыня, — сказал я. — От кого и ждать бережливости, как не от племянника моего дяди!

— А, так тебе и в сообразительности отказать нельзя! — одобрительно заметила старуха. — Мне ты было показался олух олухом — с твоим шестипенсовиком, и с твоим «счастливым днем», и с твоим «ради Балкухиддера»! (Из этого я с радостью заключил, что Катриона сохранила в памяти часть нашего разговора.) Но это все в сторону, — продолжала она, — а я хотела бы знать: сюда-то ты явился женихаться?

— Такой вопрос задавать, конечно, еще рано, — ответил я. — Барышня молода, и я, к несчастью, тоже. И видел я ее всего один раз. Не стану отрицать, — добавил я, решив испытать ее на откровенность, — что после нашей встречи я о ней часто думал. Но это одно, и совсем другое — давать обещания. Вот тогда бы я, бесспорно, показал себя дураком.

— Как вижу, ты умеешь говорить прямо, — сказала старая дама. — Слава богу, я тоже это умею! У меня хватило глупости взять на попечение дочку этого прожженного плута. Прекрасную я на себя взвалила ношу! Но раз уж так, тащить ее я буду по-своему. Вы же не хотите сказать мне, мистер Бальфур, лэрд Шоса, что женитесь на дочери Джеймса Мора, висельника? Ну, а раз о женитьбе речи нет, так и ухаживаниям конец. Вот тебе и весь сказ. У молоденьких девушек нежные сердечки, — добавила она, кивая. — И хотя, глядя на мои морщины, ты можешь этому не поверить, но и я когда-то была молоденькой и не вовсе дурнушкой.

— Леди Аллардайс! — сказал я. — Полагаю, я назвал вас верно? Вы говорите за нас обоих, а это не лучший способ прийти к согласию. Вы наносите мне не слишком благородный удар, спрашивая, женюсь ли я у подножия виселицы на девушке, которую видел раз в жизни. Я уже сказал вам, что у меня достанет разума не давать опрометчивых обещаний. И все же я скажу вам больше: если она и дальше будет мне нравиться, как я того ожидаю,

ни ее отцу, ни виселице нас не разлучить! Что до моих родичей, так я точно найденный у дороги подкидыш. Дяде своему я ничем не обязан, и если когда-нибудь женюсь, то лишь в угоду одному человеку — себе самому.

— Я таких вещей наслышалась еще до того, как ты появился на свет, — сказала миссис Огильви, — и верно потому для меня все это звук пустой. Джеймс Мор, к моему стыду, со мной в родстве. Но чем лучше род, тем больше в нем висельников и обезглавленных, — так уж издавна ведется в несчастной Шотландии. Да если бы дело было только в виселице! Пожалуй, я бы даже предпочла, чтобы Джеймса вздернули и ему пришел бы конец. Катрин девочка хорошая, добросердечная и весь день терпеливо сносит воркотню такой старой хрычовки, как я. Но видишь ли, не все тут просто. Она без памяти любит этого бесстыжего попрошайку и предателя, своего отца, и совсем помешана на Макгрегорах, да на запрещенных именах, да на короле Иакове, и на прочем таком же вздоре. А если ты думаешь, что сумеешь наставить ее на верный путь, так горько ошибаешься. Ты говоришь, что видел ее всего раз...

— Мне следовало бы сказать, что я говорил с ней только раз, — перебил я. — А видел я ее опять сегодня утром из окна в доме Престонгрейнджа.

Возможно, я не удержался потому, что это как бы придавало мне важности, но тут же поплатился за хвастливость.

— Что-что? — вскричала старая дама и нахмурилась. — И разговаривали вы тоже у двери лорда-адвоката, так?

Я подтвердил.

— Гм! — сказала она и продолжала сердито: — Я ведь только от тебя знаю, кто ты такой и зачем пожаловал. Ты говоришь, что ты Бальфур из Шоса. Только я-то почему знаю, может, ты Бальфур из дьявольской лапы. Может, ты пришел за тем, за чем говоришь, а может, одному черту известно, зачем ты явился! Я из добрых вигов, веду себя смиренно и всем своим мужчинам головы на плечах сохранила. Но из добрых-то из добрых, а ставить себя душой не позволю. И я тебе прямо скажу: что-то многовато у тебя дверей и окон лорда-адвоката для того, кто ищет дочь Макгрегоров. Можешь так и передать своему лор-

ду-адвокату с нежным моим поклоном. Примите и вы мой прощальный поклон, мистер Бальфур,— добавила она, сопровождая слово делом.— Счастливо вам вернуться туда, откуда явились.

— Если вы думаете, что я соглядатай!..— воскликнул я и не смог больше произнести ни слова, а только смерил старуху гневным взглядом, потом поклонился и пошел прочь.

— Э-эй! Постой! Наш кавалер надулся! — воскликнула она.— Думаю, что ты соглядатай? А что еще прикажешь мне думать, если я про тебя ничего не знаю? Но теперь я вижу, что ошиблась, и раз уж на поединок с тобой я не выйду, то прошу меня извинить. Хороша бы я была, размахивая мечом! Ладно-ладно,— продолжала она,— по-своему ты не так уж плох. Как погляжу, найдутся у тебя и свои достоинства. Но, Дэвид Бальфур, довольно тебе быть деревенским забиякой. Отучись от этого, молодчик. Приучи свою спину быть погибче, да меньше думай о своей персоне, постарайся зарубить у себя на носу, что женщины — не гренадеры. Только где тебе! Ты до последнего дня будешь знать о женщинах не больше, чем я о холощении свиней.

Я не привык слышать подобные выражения в устах благородных дам. Единственные две дамы, с которыми я был знаком,— миссис Кэмпбелл и моя матушка — отличались богобоязненностью и чурались всякой грубости. Полагаю, мое недоумение проскользнуло в моих глазах, так как миссис Огильви вдруг разразилась смехом.

— Господи помилуй! — воскликнула она, захлебываясь.— До чего же у тебя честное лицо! А хочешь жениться на дочери горного разбойника! Дэви, голубчик, придется вас поженить, чтобы увидеть, каких детей вы народите! А теперь,— продолжала она,— тебе незачем тут мешкать, потому что барышни нет дома, а сыну твоего отца, боюсь, неуместно болтать со старухой. О моей репутации, кроме меня, позаботиться некому, а я и так уже слишком долго оставалась наедине с обольстительным кавалером. И не забудь прийти еще раз за своим шестипенсовиком! — крикнула она мне вслед.

Моя стычка с этой непредсказуемой старой дамой придала смелости моим мыслям. Два дня образ Катрионы сопровождал все мои раздумья, и стоило мне остаться

одному, как он тотчас появлялся в каком-нибудь уголке моей памяти. Но теперь она словно вышла вперед. Казалось, я держал ее за руку — к которой лишь раз слегка прикоснулся. Я предался ей в счастливой слабости и, оглядевшись по сторонам, увидел мир как мрачную пустыню, где люди маршируют подобно солдатам, следуя велению долга, насколько в их силах, и где лишь одна Катриона могла бы озарить мои дни. Я подивился, что способен предаваться таким мечтам, когда мне грозит позорная гибель, а затем вспомнил, как я юн, и меня охватил стыд. Мне еще предстояло закончить учение и найти себе полезное занятие. Мне еще предстояло принять участие в службе, положенной для всех; мне еще предстояло набираться знания и опыта и доказать, что я мужчина, и у меня хватило благоразумия покраснеть, потому что я позволил себе соблазниться грезами о более далеких и святых радостях и обязанностях. Убеждения, в каких я был воспитан, заставили меня опомниться. Я был вскормлен не на сахарных пряниках, но на жестокой пище истины. Я знал, что стать мужем имеет право лишь тот, кто подготовлен нести обязанности отца, а мальчишке вроде меня играть в отцы не пристало.

Занятый этими мыслями, я прошел половину пути до города, как вдруг увидел, что навстречу мне идет кто-то, и смятение в моей душе поднялось с новой силой. Словно я должен был сказать ей все на свете и не находил ничего, что мог сказать теперь. А вспомнив, как не слушался меня язык утром у лорда-адвоката, я полагал, что и вовсе онемею. Но едва она приблизилась, мой страх исчез и даже воспоминание о недавних моих размышлениях меня ничуть не смущало. Я тотчас убедился, что способен разговаривать с ней так же свободно и разумно, как с Аланом.

— О! — воскликнула она. — Вы приходили за своими шестью пенсами! Вы их получили?

Я ответил, что нет, но раз я ее встретил, то прогулка моя была не напрасной.

— Хотя я вас сегодня уже видел, — добавил я и объяснил, где и когда.

— А я вас не видела, — сказала она. — Глаза у меня большие, но вдаль видят хуже, чем у многих и многих. Я только слышала пение в доме.

— Пела мисс Грант,— сказал я.— Старшая и самая красивая.

— Говорят, все три редкие красавицы,— сказала она.

— А они считают красавицей вас, мисс Драммонд,— ответил я.— И столпились у окна, чтобы посмотреть на вас.

— Жаль, что я такая слепая,— сказала она.— Не то и я на них посмотрела бы. А вы были там? Должно быть, очень приятно провели время с хорошей музыкой и прекрасными барышнями.

— Вот и ошибаетесь,— возразил я.— Я был точно морская рыба, брошенная на горном склоне. По правде говоря, я больше подхожу для общества грубых парней, чем прекрасных барышень.

— Вот и мне так казалось! — ответила она, и я засмеялся вместе с ней.

— Странно! — продолжал я.— Вы меня ничуть не пугаете, а от трех мисс Грант мне все время хотелось убежать. И вашей родственницы я тоже очень боялся.

— Ну, ее, я думаю, испугается любой мужчина! — заметила она.— Даже мой отец ее побаивается.

Упоминание про ее отца заставило меня опомниться. Я поглядел на идущую рядом со мной девушку, вспомнил его и то немногое, что знал о нем, и все то, о чем догадывался, сравнил отца с дочерью и почувствовал, что промолчать было бы предательством.

— Да, кстати,— сказал я.— Я познакомился с вашим батюшкой не далее как нынче утром.

— Правда? — произнесла она голосом, полным радости, которая мне показалась хуже всякой насмешки.— Вы видели Джеймса Мора? Вы говорили с ним?

— Да. Даже говорил,— ответил я.

И вот тут дело приняло для меня наихудший оборот, какой только можно вообразить. Она взглянула на меня с глубокой признательностью.

— Благодарю вас за это! — воскликнула она.

— Не стоит благодарности,— ответил я и умолк. Но я столько мог бы сказать, что хотя что-то должно было вырваться.— Говорил я с ним довольно плохо,— признался я.— Он мне не очень понравился, и я говорил с ним довольно плохо, и он рассердился.

— В таком случае, мне кажется, вам не к чему обращаться к его дочери и уж тем более рассказывать ей

про это! — вскричала она. — Тех, кто не любит его и не помогает ему, я знать не желаю!

— И все же я позволю себе продолжать, — сказал я, чувствуя, как меня охватывает трепет. — Быть может, и ваш батюшка и я в доме Престонгрейнджа были не в лучшем расположении духа. Ничего приятного ни его, ни меня там ждать не могло — ведь это опасный дом. Мне стало его жаль, и я заговорил с ним первый, но только не так, как следовало. И еще одно: я убежден, что его положение, как вы не замедлите убедиться, станет лучше.

— Но полагаю, обязан этим он будет не вашей дружбе! — возразила она. — А в вашей жалости он не нуждается!

— Мисс Драммонд! — вскричал я. — В этом мире я совсем один...

— И не удивительно! — перебила она.

— Позвольте мне говорить! — сказал я. — Кончив, я расстанусь с вами, если вы того пожелаете, навсегда. Сегодня я отправился к вам в чаянии доброго слова, в котором безмерно нуждаюсь. Я понимаю, что мои слова должны были вас возмутить. И понимал это, когда произносил их. Как просто было бы наговорить вам приятного, солгать вам. Неужели вы думаете, что у меня не возникло такого соблазна? Неужели вы не видите за всем этим моей сердечной искренности?

— Я думаю, что у меня много дел, мистер Бальфур, — сказала она. — Я думаю, что этой нашей встречи достаточно и нам следует проститься, как подобает людям благородной крови.

— Но мне так надо, чтобы кто-нибудь поверил мне! — простонал я. — Иначе я не выдержу. Весь мир сплотился против меня. Как снесу я свою ужасную участь? Если никто мне не поверит, у меня не хватит сил на это. И человек должен будет умереть, потому что у меня не хватило сил на это.

Она по-прежнему смотрела прямо перед собой, высоко подняв голову, но то ли мои слова, то ли голос, каким я их произнес, заставили ее остановиться.

— Что вы такое говорите? — спросила она. — О чем вы?

— Мое свидетельство может спасти жизнь невинному, — сказал я, — а они не позволяют мне дать показания.

Как бы поступили вы? Вам это должно быть понятно. Ведь ваш отец в тюрьме. Отступились бы вы от бедняги? Они брались за меня по-всякому: подкупали, предлагали мне горы и доли. А нынче этот гончий пес объяснил мне, в каком я положении и на что он решится, чтобы уничтожить и опозорить меня. Я буду объявлен соучастником убийства, меня обвинят в том, что я задержал Гленура разговором за медяки и старую одежду. Меня убьют, покрыв бесчестьем. Если мне предстоит такой позор, если так будут говорить про меня в Шотландии, если и вы поверите и мое имя превратится в присловье... Катриона, как могу я не отступить? Это же невозможно. Это же сверх человеческих сил!

Моя речь лилась бурным потоком, фразы захлестывали одна другую, и когда я умолк, то увидел, что Катриона смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Гленур! Значит, это аппинское убийство! — произнесла она негромко, но с глубоким изумлением.

Когда мы встретились, я пошел с ней назад, и теперь мы приблизились к гребню над Дином. При этих ее словах я встал перед ней, точно пораженный громом.

— Господи боже! — воскликнул я. — Господи боже, что я натворил! — Я прижал кулаки к вискам. — Как я мог? Или я околдован, что сказал все это?

— Во имя всего святого! — воскликнула она. — Что вас так вдруг расстроило?

— Я дал слово чести, — простонал я. — Я дал слово чести и сейчас нарушил его, Катриона!

— Я спрашиваю, что с вами? — сказала она. — Вы не должны были говорить всего этого? Так, по-вашему, у меня нет чести? И я из тех, кто предает друзей? Вот, я поднимаю правую руку и даю клятву...

— Нет-нет, я знаю, что вы умеете быть верной, — сказал я. — Но я... Все дело во мне. Утром я выдержал, сумел взять над ними верх, я готов был умереть опозоренным на виселице, лишь бы поступить как должно, — и всего несколько часов спустя я вот так попираю собственную честь! «В одном наш разговор меня убедил, — сказал он, — в том, что я могу положиться на ваше слово». И где теперь мое слово? Кто теперь может мне поверить? Вы ведь не поверили! Я погиб. И лучше всего мне уме-

петь! — Все это я говорил с рыданием в голосе, но глаза мои были сухи.

— У меня сердце надрывается от жалости к вам, — сказала она. — Но право же, вы слишком к себе строги. Вы говорите, что я вам не поверила? Да я положусь на вас в любом деле! А эти люди? На вашем месте я и думать о них не стала бы! О людях, которые тщатся поймать вас в ловушку и погубить! Полно! Сейчас не время принижать себя! Ободритесь! Неужто вы не понимаете, что я восхищаюсь вами, как великим героем, защитником добра? А ведь вы еще мальчик, немногим старше меня. И потому что вы сказали чуть-чуть лишнего другу, который скорее умрет, чем предаст вас, так корить себя! Нам обоим следует попросту забыть про это.

— Катриона, — сказал я, глядя на нее с тоской. — Это правда? Вы способны доверять мне?

— Неужто вы не верите слезам на моих щеках? — воскликнула она. — Да я считаю вас благороднейшим из благородных, мистер Дэвид Бальфур. Пусть вас повесят, но я не забуду. Я состарюсь, храня память о вас. По-моему, умереть так — прекрасно. Я буду завидовать вам!

— И ведь, быть может, я просто ребенок, которого напугали букой, — сказал я. — Быть может, они так со мной говорили только для виду.

— Вот это мне и надо узнать, — сказала она. — Мне нужно услышать все. Сделанного не вернешь, а мне нужно услышать все.

Я сел возле дороги, она опустилаcь на траву рядом со мной, и я рассказал ей про все, что произошло, примерно так, как написано тут, опустив лишь мои подозрения о сделке, на которую, по моему мнению, был готов пойти ее отец.

— Во всяком случае, — сказала она, когда я кончил, — вы, бесспорно, герой, а мне даже в голову не приходило! И мне кажется, вы в большой опасности. Саймон Фрэзер! Только подумать: заниматься такими гнусостями ради спасения собственной жизни и ради грязных денег! — Тут она перебила себя громким возгласом — очень странным, словно ею самой придуманным: — Пытка моя! — воскликнула она. — Поглядите на солнце!

А солнце и правда уже почти зашло за горы.

Она пригласила меня прийти снова и поскорее, протянула мне руку и ушла, оставив меня в радостном смятении духа. Я не торопился к себе, страшись незамедлительного ареста, и остановился поужинать в придорожной харчевне, а потом чуть ли не до утра бродил в одиночестве по ячменным полям, и мне все время чудилась Катриона, да так живо, что, казалось, я заключаю ее в объятия.

Глава 8

БРЕТЕР

На следующий день, двадцать девятого августа, я явился к лорду-адвокату в кафтане, который сшил себе по мерке и надел впервые.

— Ага! — сказал Престонгрейндж. — Вы сегодня щеголем! У моих барышень будет прекрасный кавалер. Очень любезно с вашей стороны. Очень любезно, мистер Дэвид. О, мы с вами поладим, да и вашим тревогам, пожалуй, подходит конец.

— У вас есть для меня новости? — вскричал я.

— И свыше всех ожиданий, — ответил он. — Ваше свидетельство все-таки будет выслушано, и вы можете, если пожелаете, отправиться вместе со мной на суд, который начнется в Инверэри в четверг, двадцать первого числа следующего месяца. (От изумления я онемел.) А пока, — продолжал он, — я не стану больше брать с вас слова, но самым настоящим образом предупреждаю вас, что вы должны соблюдать величайшую сдержанность. Завтра вы дадите предварительные показания, но в остальном, право же, чем меньше будет сказано, тем лучше.

— Я попытаюсь соблюдать осторожность, — ответил я. — Полагаю, за эту заветную милость я должен благодарить вас. Так примите же мою сердечную благодарность. После вчерашнего, милорд, передо мной словно распахнулись врата небес. Я просто поверить не могу!

— Нет-нет, попытайтесь, все-таки попытайтесь этому поверить, — сказал он, словно стараясь меня успокоить. — И я очень рад был услышать, что вы считаете себя обязанным мне, так как, быть может, случай расквитаться

со мной представится вам очень скоро...— Он кашлянул.— Или даже сейчас. Обстоятельства сильно изменились. Ваши показания, которыми сегодня я не стану вас затруднять, без сомнения, придадут делу совсем иной оборот для всех, кто в нем замешан, и это позволяет мне коснуться побочного вопроса.

— Милорд! — перебил я. — Простите, что я прерываю вас, но как удалось этого добиться? Препятствия, о которых вы говорили в субботу, даже мне показались непреодолимыми. Каким же образом все уладилось?

— Мой милый мистер Дэвид, — ответил он. — Мне не подобает открывать (даже вам, как вы говорите) то, что происходит в советах власти. Будьте добры удовольствоваться самим фактом.

Произнося эти слова, он отечески мне улыбался и поигрывал новым пером. Заподозрить в этом человеке хоть тень обмана казалось немыслимым, и все же, когда он пододвинул лист бумаги, обмакнул перо в чернила и вновь заговорил со мной, я вдруг утратил спокойствие и невольно насторожился.

— Есть подробность, которой я хотел бы коснуться, — начал он. — Я прежде намеренно обходил ее, но теперь такая надобность отпала. Разумеется, я не веду допрос — им займется другой, а просто хотел бы узнать это для себя. Вы сказали, что встретили на холме Алана Брека?

— Да, милорд.

— Сразу же после убийства?

— Да.

— Вы с ним говорили?

— Говорил.

— Вы с ним были уже знакомы, если не ошибаюсь? — небрежно осведомился лорд-адвокат.

— Мне трудно догадаться, по какой причине вы пришли к такому заключению, милорд, — ответил я, — но это правда.

— И когда вы вновь с ним расстались?

— Свой ответ я отложу, — сказал я. — Такой вопрос мне зададут на суде.

— Мистер Бальфур, — сказал он, — поймите же, все это вам не повредит! Я обещал вам жизнь и честь и, поверьте, сдержу слово. Следовательно, у вас нет причин

для тревоги. Очевидно, вы полагаете, что можете оберечь Алана. И говорите мне о своей благодарности, которая, как мне кажется, — раз уж вы вынуждаете меня сказать это — не так уж незаслуженна. Очень много различных соображений указывают на одно. И вы меня не убедите, что не в состоянии (если захотите) помочь нам насыпать соли на хвост Алану.

— Милорд, — сказал я, — даю вам слово, что я даже предположить не могу, где сейчас Алан.

Он перевел дух.

— И где его можно было бы найти — тоже? — спросил он.

Я сидел перед ним, точно деревянный чурбан.

— Вот и вся ваша благодарность, мистер Дэвид! — сказал он. И после некоторого молчания добавил, вставая: — Ну что же, мое желание не исполнилось и нам не удалось понять друг друга. Оставим это. Вас известят, где, когда и кому вы должны будете дать предварительные показания. А пока мои барышни уже заждались вас. Они мне никогда не простят, если я задержу их кавалера еще дольше.

После чего я был передан в руки трех граций, туалеты которых показались мне сказочными, а сами они — прелестными, как букет цветов.

Когда мы вышли из дверей, произошло незначительное происшествие, которое позже оказалось очень и очень значительным. Я услышал громкий и короткий свист, словно кому-то был подан сигнал, и, оглянувшись, успел увидеть рыжую голову Нийла из Тома, сына Дункана, но он тут же исчез, и, как ни озираясь я вокруг, нигде не мелькнула даже юбка Катрионы — я, конечно, был уверен, что он сопровождает свою молодую госпожу.

Три мои надзирательницы повели меня через Бристо и Брунтсфилдское поле для гольфа и далее по дорожке в парк Хоуп, очень красивый, с усыпанными песком аллеями, со скамьями, беседками и сторожем при них. Дорога туда оказалась неблизкой, и две младшие барышни напустили на себя вид чопорной утомленности, который жестоко меня смутил, а старшая поглядывала в мою сторону, как мне казалось, с еле сдерживаемым смехом, и хотя, по-моему, я держался с большим достоинством, чем накануне, далось мне это нелегко. Едва мы вошли в

парк, как были окружены десятком молодых джентльменов (трое-четверо офицеров с кокардами, а остальные — законоведы), которые наперебой искали внимания этих красавиц, и, несмотря на то, что меня представили им в весьма лестных выражениях, я был тотчас всеми забыт. Собравшиеся вместе, молодые люди напоминают стаю диких зверей — они накидываются на чужака или же не замечают его без всякой учтивости и, я бы сказал, человечности: если бы я оказался среди павианов, то дождался бы от них ровно столько же того и другого. Среди законоведов нашлись присяжные острословы, а среди офицеров — болтуны, и не знаю, кто из них досаждал мне больше. Все они поигрывали шпагами и отбрасывали полы мундиров и кафтанов с какой-то особой манерой, за которую (возможно, из черной зависти) я готов был пинками выгнать их из парка. Вероятно, они со своей стороны не могли простить мне, что я явился туда в столь несравненном обществе, и вскоре я, замедлив шаг, угрюмо следовал позади веселящейся компании, погруженный в свои мысли.

От них меня отвлек один из офицеров, поручик Гектор Дункансби, ухмыляющийся верзила из горного края. Он спросил, не Пальфур ли моя фамилия, произнеся ее на горский манер.

Я подтвердил это довольно резким тоном, так как вопрос был задан почти грубо.

— Ха, Пальфур! — воскликнул он и принялся повторять: — Пальфур! Пальфур!

— Боюсь, вам не нравится моя фамилия, сударь, — сказал я, сердясь на себя за то, что выходка такого мужлана меня рассердила.

— Нет, — ответил он. — Я думал...

— Не рекомендовал бы вам делать это часто, сударь, — перебил я. — Мне кажется, это вредно для вашего здоровья.

— А вам тофотилось слышать, кте Алан Григор нашел щипцы? — сказал он.

Я спросил, что это должно означать, а он с насмешливым хохотом ответил, что, наверное, я там же нашел кочергу и проглотил ее.

Сомневаться в его намерениях больше не приходилось. Лицо у меня вспыхнуло.

— Прежде чем оскорблять благородных людей, — сказал я, — мне кажется, следовало бы научиться не коверкать слова.

Он ухватил меня за рукав, кивнул, подмигивая, и увел за ограду парка. Едва деревья заслонили нас от гуляющих, как выражение его изменилось и он ударил меня кулаком в подбородок, крикнув:

— Получи, потлец с раффин!

Я отплатил ему тем же, и с процентами, после чего он отступил шага на два и учтиво снял шляпу.

— Тостаточно, я тумаю, — объявил он. — Оскорпленной стороной нато считать меня. Феть это неслыханно, чтопы королевскому офицеру сказали, путто он коферкает слофа. Мы при шпагах, а рятom Королефский парк. Пойтете вперет или мне показать фам торогу?

Я ответил ему поклоном, пропустил его вперед и последовал за ним. Он бормотал себе под нос что-то об «оскорплении королефского мунтира», из чего я мог бы заключить, что он действительно возмущен. Но он уже в первый раз заговорил со мной вызывающим тоном, а потому я не сомневался, что он нарочно искал со мной ссоры и что я вновь попал в ловушку, расставленную моими врагами, а главное (памятуя о том, какой я фехтовальщик) — что пасть в этом поединке суждено мне.

Когда мы вышли на каменистый пустырь, носивший название Королевского парка, я раз в пятый испытал желание пуститься наутек — так не хотелось мне показывать, что я не умею владеть шпагой, и так горько было умереть или даже получить рану, — но я подумал, что раз уж в своей злобе они снизошли даже до подобного, их все равно ничто не остановит, а клинок, как бы неуклюже не пропустил я смертельный выпад, все же предпочтительнее петли. К тому же неосторожная дерзость моих слов и мгновенный ответ ударом на удар не оставили мне большого выбора. Если же я все-таки попытаюсь убежать, мой противник, несомненно, меня настигнет и в довершение всего я покрою себя позором. Таким образом, я продолжал шагать за ним, словно приговоренный за палачом, и столь же готовый к смерти.

Мы прошли до конца скалистых уступов к Охотничьему болоту, и там на ровной травянистой площадке мой противник остановился и вытащил шпагу. Кругом не было

никого, кроме каких-то пташек, и мне оставалось только последовать его примеру и стать в позицию елико возможно увереннее. По-видимому, это вышло у меня настолько неловко, что мистер Дункансби что-то заметил, помедлил, внимательно на меня посмотрел и начал делать выпад за выпадом, высоко взмахивая шпагой. Алан никогда ничего подобного не делал, и к тому же я, подавленный близостью неминуемой смерти, совсем растерялся, замер на месте и лишь с трудом удержался, чтобы не кинуться прочь.

— Та что с ним телается? — воскликнул поручик.

И внезапным движением он выбил у меня шпагу; которая, сверкнув, улетела в камыши.

Это повторилось еще два раза, и когда в третий раз я вернулся с моим посрамленным оружием, то увидел, что он убрал шпагу в ножны и ждет меня, сердито хмурясь и заложив руки за пояс.

— Черт меня потери, если я путу траться с топой! — вскричал он и гневно осведомился, по какому праву я принимаю «фызиф плагоротного челофека», если не умею отличить эфеса от клинка.

Я ответил, что это недостаток моего воспитания, и спросил, не признает ли он тем не менее, что я предложил ему все удовлетворение, на какое, к несчастью, способен, и вышел на поединок, как подобает мужчине.

— Это ферно, — сказал он. — Я сам польшой храпец и смел, как тесья льфоф. Но стоять фот так, не умея фехтофать, — на такое я пы не решился. И прошу изфинить мой утар кулаком, хотя тфой пыл покрепче и у меня голофа еще гутит. И знай я, как это путет, я пы не стал фмешифаться ф такое тело.

— Благородно сказано! — ответил я. — И конечно, вы не захотите вновь стать орудием моих злых недругов.

— Еще пы, Пальфур! — сказал он. — И по-моему, со мной опошлись как нельзя хуже: только что не потсунули мне ф протифники тряхлую старуху! Ну, та пеззупый млатенец немногим лучше. Так я и скажу этому госпотину и, черт поперит, путу с ним траться!

— А если бы вы знали, чем я не угодил мистеру Саймону, — сказал я, — то еще больше оскорбились бы, что вас вмешали в подобные дела.

Он с проклятием заявил, что легко может этому поверить — что все Лаветы из одного теста, а муку для этого теста молот сам дьявол. Затем он вдруг потряс меня за руку и поклялся, что я, как бы ни было, вовсе неплох и очень жаль, если моим воспитанием пренебрегли: да, найдись у него время, и он сам позаботился бы, чтобы я пополнил свое образование.

— Вы можете оказать мне даже еще большую услугу,— сказал я, а когда он спросил какую, я продолжал: — Пойдите со мной в дом одного из моих недругов и расскажите, как я вел себя сегодня. Вот это будет настоящая услуга. Пусть мистер Саймон подослал мне для начала благородного противника, но замышлял он попросту убийство. Значит, будет и второй, и третий. И чем это кончится, вы, поглядев, как я владею шпагой, легко можете догадаться сами.

— И мне пы это не понравилось, путь я не лучше фас! — вскричал он. — Но я фам помогу, Пальфур! Показывайте торогу!

Входил я в этот проклятый парк, еле волоча ноги, но теперь они словно окрылились и двигались в такт прекрасному песнопению, древнему, как сама Библия: «Конечно, горечь смерти миновалась». Помнится, меня вдруг одолела страшная жажда и я напился у колодца святой Маргариты — ничего слаще этой воды я в жизни не пивал! Мы прошли через святилище, затем по Кэнонгейту и через Нетербоу вышли прямо к дверям Престонгрейнджа, успев по дороге подробно обсудить то, что нам предстояло. Лакей объявил, что, хотя хозяин дома, но он занят с другими господами весьма конфиденциальным делом и принимать никого не велено.

— Мое дело к нему займет три минуты и не терпит отлагательств,— сказал я. — Доложите, что оно отнюдь не конфиденциальное и я буду даже рад присутствию свидетелей.

Когда лакей с величайшей неохотой отправился с моим поручением, мы позволили себе смелость последовать за ним в приемную, и некоторое время я слышал неясный звук голосов в соседней комнате. Как оказалось, их там за столом было трое: Престонгрейндж, Саймон Фрэзер и мистер Эрскин, шериф Перта. А так как они собрались по поводу аппинского убийства, то мое появление их

несколько смутило, но тем не менее они решили меня принять.

— А, мистер Бальфур! Что снова привело вас сюда? И кого вы привели с собой? — осведомился Престонгрейндж.

Фрэзер же устался на стол перед собой.

— Он пришел, чтобы дать небольшое свидетельство в мою пользу, милорд, и мне крайне необходимо, чтобы вы его выслушали, — сказал я и повернулся к Дункансби.

— Я могу засфитетельстфовать только отно, — начал поручик. — Нынче я скрестил шпагу с Пальфуром у Охотничьего полота, о чем теперь очень сожалею, а он фел сепя, как потопают плагоротному челофеку. И я очень уфажаю Пальфура, — добавил он.

— Благодарю вас за вашу прямоту, — сказал я.

После чего Дункансби сделал общий поклон и удалился, в согласии с нашим предварительным уговором.

— Но какое отношение имею к этому я? — спросил Престонгрейндж.

— Сейчас я в двух словах объясню вашей милости, — ответил я. — Этот джентльмен, королевский офицер, исполнил мою просьбу и пришел сюда, чтобы свидетельствовать в мою пользу. Теперь, мне кажется, моя репутация обелена, и до числа, которое ваша милость соблаговолит назначить, науськивать на меня еще каких-нибудь офицеров будет бесполезно. Я не соглашусь драться по очереди со всем гарнизоном Замка.

На лбу Престонгрейнджа вздулись жилы, и он смерил меня свирепым взглядом.

— Не иначе как сам дьявол подбросил мне под ноги этого щенка! — воскликнул он и тут же с яростью обернулся к своему соседу. — Это ваша работа, Саймон, — сказал он. — Распознаю тут ваш почерк, и, с вашего позволения, мне это очень не нравится. После того, как мы согласились прибегнуть к одному средству, по меньшей мере вероломно прибегать к другому под покровом тайны. Вы не остановились перед тем, чтобы злоупотребить моим доверием! Как! Вы знали, что я послал этого юношу в парк с моими дочерьми! И потому что я сказал вам... Фу, сударь, не вмешивайте меня в ваши бесчестные поступки!

Саймон смертельно побледнел.

— Я отказываюсь дальше быть мячом, который вы с герцогом отбиваете ногой друг другу! — воскликнул он. — Либо договоритесь, либо останьтесь каждый при своем и разбирайтесь между собой. А я больше не стану таскать поноску, получать от вас поручения, которые противоречат одно другому, и выслушивать, как вы оба меня вините. Если бы я высказал вам то, что думаю о всей вашей ган-новерской каше, у вас в ушах зазвенело бы.

Однако шериф Эрскин сохранил полную невозмутимость и теперь мягко вставил слово.

— Тем временем, — сказал он, — мне кажется, нам следует подтвердить мистеру Бальфуру, что он доказал свою храбрость и может спать спокойно. До числа, о котором он любезно напомнил, она больше подвергаться испытанию не будет.

Его сдержанность заставила их опомниться, и они поторопились с довольно-таки нетерпеливой учтивостью отправить меня восвояси.

Глава 9

КАША ЗАВАРИВАЕТСЯ

Когда я вышел от Престонгрейнджа, меня впервые охватил жгучий гнев. Лорд-адвокат посмеялся надо мной! Он обещал, что у меня возьмут показания и сам я останусь цел и невредим, тем не менее не только Саймон покусился на мою жизнь руками горца-офицера, но и Престонгрейндж (как следовало из его слов) тоже соби-рался привести в исполнение какой-то замысел. Я пересчитал своих врагов: Престонгрейндж и в его лице вся королевская власть, и герцог, владыка всего запада Гор-ной Шотландии, с Лаветом под рукой, чтобы помочь своим влиянием, столь большим на севере, и весь клан бывших якобитских шпионов и контрабандистов. Тут мне вспом-нился Джеймс Мор и рыжая голова Нийла, сына Дункана, и я подумал, нет ли у них еще и четвертого сообщника. Если так, то вдобавок против меня сплотятся все уце-левшие отчаянные разбойники Роб Роя. Мне необходим был какой-нибудь сильный друг или мудрый советчик.

И таких в стране, наверное, нашлось бы немало — иначе Лавет, герцог и Престонгрейндж не выискивали бы способа избавиться от меня. И я впал в бешенство при мысли, что, быть может, сейчас на улице лицом к лицу сталкиваюсь с моими неведомыми защитниками и даже не подозреваю об этом.

В эту минуту (словно в ответ на мои размышления) какой-то встречный, проходя мимо, слегка толкнул меня и с многозначительным взглядом в мою сторону свернул в узкий проулок. Скосив глаза, я узнал его — это был Стюарт, стряпчий, — и, благословляя судьбу, последовал за ним. Обогнув угол, я увидел его на первой ступеньке лестницы. Он подал мне знак и тут же исчез. Вновь я увидел его на седьмом этаже перед открытой дверью, которую, едва мы переступили порог, он тотчас запер. Дом был совершенно пуст, и в комнатах не нашлось бы даже колченогого стула. Как оказалось, Стюарту было поручено подыскать для него нанимателя. Таких домов у него на руках было несколько.

— Сидеть нам придется на полу, — сказал он. — Но во всяком случае тут нам ничто не грозит, а мне давно настоятельно требуется поговорить с вами, мистер Бальфур.

— Что с Аланом? — спросил я.

— Все хорошо, — ответил он. — В среду, то есть завтра, Энди подберет его на песках Гиллейна. Он очень хотел попрощаться с вами, но при таких обстоятельствах я решил, что встречаться вам не следует. И это подводит меня к главному: как продвигается ваше дело?

— Ну, — ответил я, — не далее, как нынче утром мне было сказано, что мои показания будут выслушаны и я поеду в Инверэри с самим лордом-адвокатом, не больше не меньше.

— Нет уж! — вскричал Стюарт. — Этому я ни за что не поверю!

— Быть может, и у меня есть кое-какие сомнения, — ответил я, — но мне хотелось бы узнать, чем объясняется ваше недоверие.

— Скажу вам откровенно, меня довели до белого каления! — воскликнул Стюарт. — Если бы я мог одной рукой свалить их правительство, то сбил бы его, как гнилое яблоко! Я ходатай по делам Аппина и Джеймса

Гленского. И разумеется, мой долг — защищать моего родича, когда ему грозит смерть. Вот послушайте, каково мне приходится, а выводы сделайте сами. Первое, что им нужно: разделаться с Аланом. Они не могут судить Джеймса как сообщника, пока суду не будет представлен главный обвиняемый — Алан. Таков закон, и очень разумный к тому же: телегу спереди к лошади не припрягают.

— Но как они представят Алана в суд, не поймав? — спросил я.

— А! Тут есть свой способ, — ответил он. — Тоже разумный закон. Что бы это было, если бы одного злодея отпускали на все четыре стороны потому лишь, что другому злодею удалось спастись? А способ таков: вызвать главного обвиняемого в суд и объявить его вне закона, если он не явится. Вызвать же его можно в четырех местах: в его доме, там, где он пробудет не менее сорока дней подряд, в главном городе графства, где он обычно обитает, и, наконец (если есть основания полагать, что он покинул Шотландию), в течение шестидесяти дней у Эдинбургского креста, а так же на пристани и берегу Лита. Зачем нужно это последнее условие, ясно само собой: у отплывающих за море кораблей есть время доставить весть о вызове тому, кого она касается, и, значит, вызов этот перестает быть пустой формой. Теперь возьмем Алана. Дома у него, насколько мне известно, нет вовсе. Я был бы весьма обязан тому, кто сообщил бы, в каком месте после сорок пятого года он прожил сорок дней кряду. Графства, где он обитал бы обычно или не обычно, не существует, и если у него есть какое-то местожительство, то лишь во Франции, там, где стоит его полк. А если он еще не покинул Шотландию — как нам твердо известно и как они догадываются, — то и последний тупица поймет, что он только об этом и помышляет. Так где же и как его следует вызвать? Я спрашиваю вас, потому что вы не искушены в законах.

— Но вы же уже сами сказали, — ответил я. — Здесь у креста, а кроме того, на пристани и на берегу Лита. Вызывать в течение шестидесяти дней.

— И выходит, что вы шотландский законовед куда крепче Престонгрейнджа! — вскричал стряпчий. — Он вызвал Алана один раз. Двадцать пятого, в тот самый день,

когда мы с вами познакомились. Всего раз, и на этом кончил. А где? Где, как не у креста в Инверэри, главном городе Кэмпбеллов! Словечко вам на ухо, мистер Бальфур: они Алана вовсе и не ищут.

— То есть как! — воскликнул я. — Как так не ищут?

— Сколько я ни думал, другого объяснения нет, — ответил он. — Не хотят его найти — таково мое скромное суждение. Быть может, они опасаются, что он сумеет представить неопровержимые доказательства своей невиновности, а тогда и Джеймс, тот, на кого они ополчились, тоже сумеет выкарабкаться. Поймите, это же не судебное разбирательство, а заговор!

— Однако Престонгрейндж всячески допытывался у меня, где Алан, — возразил я. — Правда, теперь я начинаю думать, что это было только для отвода глаз.

— Вот видите! — сказал он. — А впрочем, я могу и ошибаться. Ведь это все догадки, а потому разрешите мне вернуться к фактам. Мне стало известно, что Джеймс и свидетели... — да-да, свидетели, мистер Бальфур! — помещены закованными в военной тюрьме в Форт-Уильяме. К ним никого не допускают и им не разрешают никому писать. Свидетелям, мистер Бальфур! Вы когда-нибудь слышали подобное? Разрешите заверить вас, что ни один из бывших мошенников Стюартов не нарушал закона с такой наглостью. Это же плевок в оба глаза парламентскому закону от одна тысяча семисотого года о противоправном заключении в тюрьму. Едва я узнал об этом, как подал жалобу лорду верховному судье. И сегодня получил его ответ. Вот вам и закон! Вот вам и правосудие!

Он вложил мне в руку документ, тот самый ханжеский, лживый документ, который с тех пор был полностью напечатан в памфлете «постороннего зрителя» в пользу (как сказано на титульном листе) «сирой вдовы и пятерых детей» Джеймса.

— Видите, — продолжал Стюарт, — он не посмел отказать мне в доступе к моему клиенту, а потому он «рекомендует начальнику тюрьмы позволить мне свидание с ним». Рекомендует! Лорд верховный судья Шотландии рекомендует! Неужели не ясно, что означает подобный язык? Они надеются, что начальник окажется настолько туп — или совсем наоборот, — что пренебрежет рекомендацией. Мне придется снова съездить еще раз в Форт-

Уильям. Затем после новых проволочек мне будет дано новое разрешение, и они добавят, что офицер получил реприманд... военная косточка, заведомо в законах не разбирается... Все их фальшивые объяснения я перечислю заранее. Поеду в третий раз, и первые свои инструкции я получу накануне суда. Разве я не прав, когда называю это заговором?

— Во всяком случае, на заговор очень и очень похоже, — ответил я.

— Сейчас я вам это докажу, — продолжал он. — У них есть право держать Джеймса в тюрьме, но допускать меня к нему они обязаны. А упрятывать в тюрьму свидетелей у них даже права нет, но как мне увидеть этих свидетелей, которые должны пользоваться не меньшей свободой, чем сам лорд верховный судья? Нет, вы прочтите: «Касательно прочего никакие распоряжения начальникам тюрем, которые ни в чем не преступили своих обязанностей, отдаваться не будут». Ни в чем не преступили! Господа хорошие! А закон от одна тысяча семисотого года? Мистер Бальфур, у меня сердце вот-вот разорвется. Все нутро огнем пылает!

— Если сказать попросту, — перебил я, — фраза эта означает, что свидетели останутся в тюрьме и вас к ним не допустят?

— Допустят только в Инверэри, на самом суде! — вскричал он. — А потом я буду слушать, как Престонгрейндж примется расписывать «тяжкую ответственность, сопряженную с его постом, и всемерную помощь, предоставленную защите»! Но я их одурачу, мистер Бальфур! Перехвачу свидетелей на дороге и посмотрю, не удастся ли мне добиться хоть малости уважения к правосудию от «военной косточки, в законах заведомо не разбирающегося», который будет командовать охраной.

(Так и произошло — мистер Стюарт впервые говорил со свидетелями по делу на обочине дороги под Тайндромом благодаря любезности офицера.)

— Меня в этом деле ничто не удивит, — заметил я.

— Нет, я вас все-таки удивлю! — воскликнул он. — Вот взгляните! — И он извлек из кармана лист, еще пахнувший типографской краской. — Это обвинительный акт. Видите, вот фамилия Престонгрейнджа под списком свидетелей, но я что-то не вижу никакого Бальфура. Но

тут дело в другом. Кто, по-вашему, уплатил за печатание этого документа?

— Ну, мне кажется, король Георг, — ответил я.

— А заплатил-то я! — воскликнул он. — Нет, напечатано это было ими и для них — для Грантов и Эрскинов и этого татя в темной ночи, Саймона Фрэзера. А мне прислали копию? Нет! Я должен был готовить свою защиту вслепую. Я должен был услышать обвинения только в суде в одно время с присяжными!

— Но ведь это же противозаконно? — спросил я.

— Не совсем, — ответил он. — Это была любезность, настолько естественная и неизменно оказываемая (до этого бесподобного дела!), что ее никто не подумал узаконить. И вот теперь подивитесь воле провидения! Посторонний в типографии Флеминга видит на полу пробный отпечатанный лист, подбирает его и приносит мне. Из всех возможных документов именно этот акт! После чего я заказал его вновь напечатать — на средства защиты: *sumptibus moesti rei*¹. Кто, когда слышал такое? И вот она — их грязная тайна. Пусть все ее видят! Но какую радость, по-вашему, приносит это мне, когда я должен спасти жизнь моего родича?!

— Никакой, я полагаю, — сказал я.

— Теперь вам известно все, — закончил он. — И вы поймете, почему я расхохотался вам в лицо, когда вы сказали, что вас допустят давать показания.

Настал мой черед, и я коротко рассказал ему про угрозы и посулы мистера Саймона, про мой поединок с бретером и про последующий разговор у Престонгрейнджа. Про первый наш разговор, памятуя о своем обещании, я не сказал ничего, но этого и не требовалось. Пока я говорил, Стюарт кивал, точно механический болванчик, а едва я умолк, он открыл рот и выразил свое мнение в двух словах, произнеся оба с особой выразительностью.

— Скройтесь тоже!

— Я вас не понял, — сказал я.

— Ну, так я вам растолкую, — ответил он. — Помому, вам надо исчезнуть. И спорить тут нечего! Лорд-адвокат, сохраняющий еще остатки порядочности, вырвал у Саймона и герцога пощаду для вас. Он отказался

¹ Печальный расход (лат.).

предать вас суду и воспротивился тому, чтобы вас убили. Вот вам объяснение их ссоры — ведь Саймон и герцог не способны сдержать слово, даже если дают его не врагу, а другу. Значит, вас не станут судить и не станут убивать, но я сильно ошибаюсь, если вас не намерены похитить и спрятать, как леди Грейндж. Бьюсь с вами об заклад на что угодно — это и есть их «средство»!

— Вы мне напомнили кое о чем! — воскликнул я и рассказал ему про свист и рыжего служителя Нийла.

— Когда вы видите Джеймса Мора, то видите отпетого негодяя, не обманывайтесь! — сказал он. — Его отец был неплохим человеком, хотя законов не соблюдал и другом моего рода не был, так что обелять мне его и не к чему! Но Джеймс подлец и негодяй. И появление этого рыжего Нийла мне нравится не больше, чем вам. Это выглядит скверно. Фу! А пахнет еще хуже. Похищение леди Грейндж устроил старик Лавет, а молодой устроит ваше — так уж в их роду повелось. За что Джеймс Мор попал в тюрьму? За то же самое — за похищение. Его подручные — мастаки в таких делах. И он одолжит их Саймону. А там Джеймс либо упокоится навеки, либо сумеет спастись, а вы окажетесь на Бенбекуле или в Аплкроссе.

— Вы говорите очень убедительно, — вынужден был признать я.

— И я хочу, — продолжал он, — чтобы вы сами исчезли, до того как они вас схватят. Затаитесь до начала суда и атакуйте их в последнюю минуту, когда они меньше всего будут этого ждать. То есть при условии, что ваши показания стоят и такого риска, и таких хлопот.

— Одно я вам скажу: я видел убийцу, и это был не Алан.

— Если так, мой родич спасен! — вскричал Стюарт. — Его жизнь зависит от ваших слов, и вас необходимо доставить в суд, не считая ни опасностей, ни денег. — Он вывернул карманы на пол. — Вот все, что у меня есть с собой. Берите, берите, вам они еще понадобятся. Идите дальше по этому переулку, и он выведет вас к Лонг-Дайкс. А в Эдинбург и носа не показывайте, пока все это не кончится.

— Но куда же мне идти? — спросил я.

— Если бы я знал! — воскликнул он. — Но все места,

куда я могу вас послать, они обыщут в первую очередь. Нет, вам придется самому это решать, и пусть господь вас обережет! За пять дней до суда, шестнадцатого сентября, пришлите мне весточку в «Королевский герб» в Стерлинге. И если вам удастся выдержать до тех пор, я сумею отправить вас в Инверэри.

— Еще одно, — сказал я. — Можно мне повидать Алана?

Это его озадачило.

— Лучше бы не надо, — сказал он. — Но не стану отрицать, что Алан очень этого хочет и что он сегодня будет нарочно ночевать у Силвермилса. Если вы убедитесь, что за вами не следят, мистер Бальфур... Но только обязательно убедитесь! Спрячьтесь в удобном месте и, по меньшей мере, час следите за дорогой, прежде чем пойти туда. Даже подумать страшно, что и он и вы вдруг попадете к ним в лапы!

Глава 10

РЫЖИЙ

Было около половины четвертого, когда я вышел на Лонг-Дайкс, направляясь в Дин. Конечно, там жила Катриона, чьи родичи, Макгрегоры из Гленгайла, почти наверняка подрядились разделаться со мной, а потому как раз от этой деревни мне следовало держаться подальше, но я был очень молод и очень влюблен, и потому не колеблясь зашагал туда. Но для очистки совести и подчиняясь здравому смыслу я принял кое-какие меры предосторожности. Когда дорога спустилась за гребень большого холма, я быстро упал в ячмень и затаился. Через некоторое время мимо прошел человек, по виду горец, но мне совсем незнакомый. Вскоре за ним проследовал рыжий Нийл. Потом проехала повозка мельника. А после проходили только местные крестьяне. Казалось бы, тут и самый упрямый человек отказался бы от своего намерения, но я ничего не мог с собой поделать. И принялся убеждать себя, что Нийлу и надо было идти по этой дороге: она же ведет туда, где живет дочь вождя его клана. Ну, а другой горец... Да если я начну пугаться каждого встречного

горца, то с места не сойду. И, полностью убедив себя такими нехитрыми доводами, я прибавил шагу и в начале пятого добрался до дома миссис Драммонд-Огильви.

В открытой двери я увидел их обоих и, сняв шляпу, возвестил:

— Пришел молодец за своим шестипенсовиком! — полагая, что это понравится старой даме.

Катриона выбежала, радостно со мной здороваясь, и, к моему удивлению, ее опекунша приняла меня столь же ласково. Много времени спустя я узнал, что она успела отправить нарочного к Ранкейлору в Куинсферри, зная, что он ведет дела Шоса, и у нее в кармане уже лежало письмо от моего доброго друга с самыми лестными отзывами и обо мне и о моем состоянии. Но и не подозревая о нем, я с легкостью разгадал ее намерения. Пусть я деревенщина, но, во всяком случае, более благородного рода, чем она предполагала, и даже моему неотполированному уму было ясно, что она вознамерилась сосватать свою родственницу с безбородым мальчишкой, который оказался чем-то вроде лэрда в Лотиане.

— Шестипенсовику не грех пообедать с нами, Катрин, — сказала она. — Сбегай, предупреди девушек.

И те несколько минут, пока мы оставались одни, она не жалела для меня сладких слов — держась все время очень умно, все время словно просто меня поддразнивая, по-прежнему называя меня Шестипенсовиком, но с таким оборотом, что я мог только вырасти в собственном мнении. Когда Катриона вернулась, намерения старухи стали еще более прозрачными — хотя, казалось бы, они и так были яснее дня, — и она хвастала ее достоинствами, словно барышник, сбывающий лошадь. Щеки у меня запылали при мысли, что она считает меня столь недогадливым. То мне казалось, что Катриона тут ни при чем, и мне хотелось хорошенько отделать старуху палкой, то я начинал подозревать, что, может быть, они сговорились поймать меня в ловушку, и я мрачно хмурился, сидя между ними, как воплощение злости. Наконец сваха прибегла к способу приятнее и оставила нас одних. Раз уж во мне пробудились подозрения, рассеять их не так-то легко. И все же даже хотя я знал, из какой она породы — породы воров и обманщиков, — но, глядя в лицо Катрионы, я не мог ей не верить.

— Мне нельзя спрашивать? — заговорила она живо, едва мы остались одни.

— Нет, сегодня я могу говорить с чистой совестью, — ответил я. — Меня освободили от моего обещания, да и я (после всего, что произошло с утра) не стал бы его возобновлять, даже если бы от меня это потребовали.

— Так расскажите! — попросила она. — Моя родственница скоро вернется.

И я рассказал ей историю про поручика с самого начала и до конца, стараясь сделать ее посмешнее, да и правда, дело было настолько нелепым, что вызывало смех.

— Вижу, вы так же годитесь для общества грубых парней, как и для общества красивых барышень! — сказала она, когда я умолк. — Но о чем думал ваш отец, не научив вас фехтовать? Это же изъян в благородном воспитании! Ни о чем подобном я в жизни не слыхивала!

— Во всяком случае, это большое неудобство, — ответил я, — и мне кажется, мой отец (честнейший человек!) впал в рассеянность, когда вместо фехтования обучил меня латыни. Но как видите, я делаю, что могу, и стою перед ним столбом, подобно Лотовой жене.

— Вы знаете, чему я улыбаюсь? — спросила она. — Понимаете, я так создана, что мне следовало бы родиться мальчиком. В моих мыслях я иначе себя и не вижу, ну, и придумываю, как бы я сделала то-то или то-то. А потом, перед началом поединка, я вдруг вспоминаю, что родилась все-таки девочкой и не умею держать шпагу в руке, не умею нанести хотя бы один хороший удар. И мне приходится переиначивать свои выдумки так, чтобы поединок не состоялся, а я все равно вышла бы победительницей — вот как вы с поручиком. И я снова — юноша, который всегда произносит красивые речи, наподобие мистера Дэвида Бальфура.

— Какая кровожадная девица! — заметил я.

— Я, конечно, знаю, как похвально шить, и прясть, и вышивать, — сказала она. — Но если бы вам больше ничего делать не позволялось ни под каким видом! Полагаю, вы умерли бы от тоски. И мне кажется, я вовсе не хочу убивать. А вы кого-нибудь в своей жизни убили?

— Пришлось, — ответил я. — И даже двоих, хотя я все еще мальчишка, которому пока место в колледже. Но

вспоминаю я об этом, зная, что стыдиться мне нечего.

— А что вы чувствовали тогда... после? — спросила она.

— По правде говоря, я сел и разревелся, как малый ребенок.

— Я понимаю, как это было, — воскликнула она. — Я знаю, откуда взялись эти слезы! И я вовсе не хочу убивать, а только быть как Катерина Дуглас, которая всунула руку в скобы двери, когда засов был сломан. Выше героизма я представить себе не могу. А вам не хотелось бы умереть вот так... за своего короля? — закончила она вопросом.

— По правде говоря, — сказал я, — любовь к моему королю, да благословит бог его курносую физиономию, подобной власти надо мной не имеет. А сегодня утром я видел смерть столь близко, что мне очень захотелось жить.

— Так и надо, — сказала она. — Так и следует мужчине! Только обязательно научитесь фехтовать. Мне будет грустно, если кто-то из моих друзей не сумеет отразить удар или нанести его. Но, значит, эти двое пали не от вашей шпаги?

— Нет, конечно, — ответил я. — У меня были пистолеты. К счастью, люди эти приблизились ко мне почти вплотную. Ведь пистолетами я владею немногим лучше, чем шпагой.

Тут она вынудила меня описать, как мы отбивались от врагов в шкиперской каюте, о чем я в первом рассказе про свои дела упоминать не стал.

— Да, — сказала потом она, — вы настоящий храбрец. А вашим другом я восхищаюсь и уже его полюбила.

— Да и кто не почувствовал к нему того же! — воскликнул я. — У него есть свои недостатки, как у всякого человека, но он храбр, верен и добр, благослови его бог! Поистине странным будет день, когда я забуду Алана! — И тут мысль, что от меня зависит увидеться с ним в эту ночь, ввергла меня в сильнейшее волнение.

— Но что это со мной? Я даже словом не обмолвилась про свои новости! — воскликнула она и рассказала про письмо от отца, в котором он сообщал, что на следующий день она сможет навестить его в Замке, куда его перевели, и что его дела пошли на поправку. — Вам досадно это слышать! — сказала она затем. — Но как вы можете су-

доть о моем отце, если вы совсем его даже не знаете?

— Мне и в голову не приходило как-то судить о нем,— ответил я.— И даю вам слово, что искренне рад, раз у вас на душе полегчало. Если же лицо у меня вытянулось (а по-видимому, так и произошло), согласитесь, нынче не самый лучший день, чтобы заключать мировую, и особенно не подходят для этого люди, стоящие у власти. И Саймона Фрэзера я все еще никак не могу переварить.

— Только не равняйте их! — воскликнула она.— И не забывайте, что Престонгрейндж и Джеймс Мор, мой отец, одной крови.

— В первый раз слышу! — сказал я.

— Поразительно, как мало вы знаете! — заметила она.— Пусть некоторые называют себя Грантами, а другие Макгрегорами, но принадлежат они к одному клану. Все они — сыны Альпина, от которого, думается мне, пошло и название нашей страны.

— Какой бы это? — спросил я.

— Но моей страны и вашей! — ответила она.

— Да, сегодня я все время узнаю что-то новое,— сказал я.— Мне всегда казалось, что она называется Шотландией.

— Шотландия — это название страны, которую вы именуете Ирландией,— объяснила она.— Но древнее название земли, по которой мы ступаем и из которой слеплены наши кости, ее истинное название — Альбан. Она звалась Альбан, когда наши предки защищали ее от Рима и от Александра, и так она зовется на вашем родном языке, который вы позабыли.

— По правде сказать,— ответил я,— забыть его мне было невозможно, потому что я его никогда не знал! — Пospорить с ней об Александре Македонском у меня не хватило духа.

— Но ваши праотцы и праматери говорили на нем из поколения в поколение,— возразила она.— И песни на нем пелись над колыбелями задолго до того, как мы с вами появились на свет. И ваше имя несет его в себе. Умей вы изъясняться на этом языке, я была бы с вами совсем иной. Этим языком говорит сердце!

Я пообедал с ними. Кушанья все были очень вкусными и подавались на прекрасном старинном серебре, а ви-

но — превосходным, и я пришел к выводу, что миссис Огильви, по-видимому, очень богата. Беседа наша тоже была приятной, но едва солнце склонилось к западу, а тени выросли, я встал, чтобы откланяться, так как твердо решил попрощаться с Аланом, а потому должен был добраться до названной мне рощи и осмотреть ее еще при свете дня. Катриона проводила меня до садовой калитки.

— Теперь я долго вас не увижу? — спросила она.

— Как мне знать заранее? — ответил я. — Может быть, долго, а может быть, и никогда.

— Да, — произнесла она. — И вам жаль?

Взглянув прямо на нее, я наклонил голову.

— А мне так очень, — продолжала она. — Я знаю вас совсем недолго, но ставлю высоко. Вы благородны, вы храбры. И вновь докажете свою доблесть. А я буду гордиться вами. Если вас ждет неудача, если все кончится так, как мы опасаемся... помните, у вас есть верный друг. Когда вы будете давно в могиле, а ко мне придет старость, я буду рассказывать детям про Дэвида Бальфура и плакать. Я буду рассказывать, как мы расстались, что я сказала вам и что сделала. Да будет вам бог опорой и вождяем, так молится ваш дружок — вот что я сказала и о чем расскажу им. А вот что я сделала!

Она схватила мою руку и поцеловала ее. От изумления я вскрикнул, как ужаленный. Ее лицо покрылось краской, она посмотрела на меня и кивнула.

— Да-да, мистер Дэвид, — сказала она. — Вот что я о вас думаю. И сердце вторит губам.

Ее лицо говорило о беззаветной силе духа и благородстве помыслов чистого сердцем ребенка... но и только. Мою руку она поцеловала, как целовала руку принца Чарли, с той высшей страстью, какая недоступна заурядным людям. Это, как ничто другое, открыло мне глубину моей любви к ней и ту высоту, на которую я должен был подняться, чтобы она приняла мою любовь. И все же я мог сказать себе, что сделал первые шаги на этом пути и что при мысли обо мне ее сердце начинало биться чаще и быстрее гнать кровь по жилам.

После той чести, которой она меня удостоила, оставаться в пределах обычной учтивости было мне невмочь. Даже заговорить я сумел не сразу. Особые переливы ее голоса отомкнули дверь моих слез.

— Благодарю бога за вашу доброту, сердце мое. Прощайте, мой дружок! — И, назвав ее так, как она сама себя назвала, я, поклонившись, зашагал прочь.

Мой путь вел вниз по долине реки Лит к Стокбриджу и Силвермилсу. Тропинка вилась по берегу, вода журчала и пела, с запада среди длинных теней лились косые солнечные лучи, с каждым поворотом преображая долину, делая ее совсем иной. Прощание с Катрионой, предстоящая встреча с Аланом исполнили меня радостной бодрости. А долина, и закатный час, и лепет реки доставляли мне неизъяснимое удовольствие, и я, замедляя шаг, смотрел не только вперед, но и по сторонам и оглядывался через плечо. Вот так по милости провидения я увидел в кустах чуть позади рыжую голову.

Сердце мое исполнилось гневом, я повернул и быстро зашагал по тропе обратно. Она почти вплотную огибала кусты, в которых мелькнули рыжие волосы. Поравнявшись с ними, я весь напрягся в ожидании нападения. Но ничего не произошло, и я беспрепятственно пошел дальше. Тогда меня обуял страх. Да, день еще не угас, но место было на редкость пустынное. Если мои преследователи не воспользовались столь удобным случаем, мне оставалось только прийти к заключению, что они рассчитывали на добычу более важную, чем Дэвид Бальфур. Опасение за жизнь Алана и жизнь Джеймса навалилось на меня, тяжелое, как вес двух взрослых быков.

Катриона еще прогуливалась по саду совсем одна.

— Катриона, — сказал я, — как видите, я вернулся.

— С другим лицом, — сказала она.

— Кроме моей собственной жизни, от меня зависит жизнь двух других людей, — сказал я. — Было бы грехом и подлостью не соблюдать осторожности. Я колебался, приходить ли мне сюда. И мне не понравилось бы, если бы это нас сгубило.

— Я могу сказать, кому это понравилось бы еще меньше! Но мне не нравится и то, как вы это сказали. Да что я такого сделала?! — вскричала она.

— Вы? Но вы же не одна, — ответил я. — Едва я ушел от вас, как меня снова начали выслеживать, и я могу сказать вам, кто. Нийл, сын Дункана, ваш служитель — или служитель вашего отца.

— Нет, вы ошиблись! — прошептала она, побелев. —

Нийл в Эдинбурге, чтобы отцу было кого послать с поручениями.

— Вот этого я и опасаюсь, — сказал я. — Последнего из его поручений. Ну, а что он сейчас не в Эдинбурге, я могу вам доказать. Конечно, у вас есть сигнал, сигнал тревоги, который заставит его поспешить к вам на помощь, если он на таком расстоянии отсюда, что может услышать и прибежать.

— Но как вы про это дознались? — спросила она.

— С помощью волшебного талисмана, каким одарил меня господь, когда я родился. Называют его здравым смыслом, — ответил я. — Сделайте одолжение, подайте сигнал, и я покажу вам рыжую голову Нийла.

Без сомнения, я говорил резко и с горечью. Мое сердце ожесточилось. Я винил себя, винил ее и ненавидел нас обоих — ее из-за негодеев, ее родичей, себя за глупое легкомыслие, с каким я сунул голову в это осиное гнездо.

Катриона прижала пальцы к губам и свистнула — прозвучала удивительно чистая, громкая, высокая нота, какой не устыдился бы ни один пахарь. Некоторое время мы молчали, и я уже собирался попросить, чтобы она подала сигнал еще раз, но тут ниже по холму затрещали кусты, словно кто-то продирался сквозь них. Я с улыбкой кивнул в ту сторону, и почти тотчас в сад прыгнул Нийл. Глаза его горели, а в руке он сжимал нож, какие в горах называют черными. Увидев рядом со своей госпожой меня, он остановился как вкопанный.

— Он явился на ваш зов, — сказал я. — Так судите же сами, насколько близко он был от Эдинбурга и какие поручения дал ему ваш батюшка. Спросите об этом его. Если ваш клан будет способствовать моей гибели или гибели людей, чья жизнь зависит от меня, то я хотя бы с открытыми глазами отправлюсь туда, куда должен отправиться.

Она нерешительно заговорила с ним по-гэльски, и, вспомнив вежливую предупредительность Алана в подобных случаях, я чуть было не дал волю горькому смеху. Ведь из-за всех этих подозрений ей более, чем когда-либо, следовало говорить по-английски.

Они обменялись двумя-тремя фразами, и я без труда заметил, что Нийл, как ни покорно он держался, был очень рассержен.

Затем она повернулась ко мне.

— Он клянется, что это не так, — сказала она.

— Катриона, а сами вы ему верите? — воскликнул я. Она сжала руки, словно заломив их.

— Откуда мне знать? — вскричала она.

— Но мне необходимо найти способ узнать истину, — сказал я. — Мне не под силу и дальше бродить в черном мраке, держа в руках две чужие жизни! Катриона, попытайтесь поставить себя на мое место, как я упорно пытаюсь поставить себя на ваше, в чем богом клянусь. Чтобы нам вовек не вести такого разговора! Не для нас он, совсем не для нас, и сердце у меня готово разорваться. Задержите его здесь до двух часов ночи. Прочее для меня значения не имеет. Испытайте его таким приказанием.

Они снова поговорили по-гэльски.

— Он ответил, что должен выполнить поручение Джеймса Мора, моего отца, — сказала она, побледнев еще больше, и голос ее прервался.

— Больше никаких сомнений не остается, — сказал я, — и да простит бог злых сердцем!

Она промолчала и только смотрела на меня, а ее лицо оставалось таким же белым.

— Чудесно, — сказал я еще раз. — Значит, и мне погибнуть, и им двоим со мною?

— Но что мне делать! — вскричала она. — Как я могу пойти наперекор отцовскому приказу, когда он в тюрьме и ему грозит смерть?

— Но может быть, мы поторопились, — сказал я. — Может быть, и это ложь. Что, если он получил неверный приказ и все это подстроил Саймон, а ваш отец ничего не знает?

Она разрыдалась, терзаясь из-за нас обоих, и сердце у меня сжалось при мысли, в каком она страшном положении.

— Хорошо, — сказал я. — Задержите его на один час, и я попытаюсь. И призову на вас божье благословение.

Она протянула ко мне руки.

— Мне нужно было одно ласковое слово, — сказала она сквозь слезы.

— Значит, полный час? — спросил я, удерживая ее руку в своей. — Три жизни зависят от этого, девушка.

— Полный час! — воскликнула она и воззвала к небу, испрашивая прощения.

Я решил, что дальше мне там оставаться нельзя, и кинулся прочь.

Глава 11

ЛЕС У СИЛВЕРМИЛСА

Не теряя ни минуты, я, как мог быстрее, направился по долине к Стокбриджу и Силвермилсу. Алан каждую ночь с двенадцати до двух ждал в лесочке «к востоку от Силвермилса и к югу от южного мельничного ручья». Лесок этот я нашел без труда на крутом склоне холма, у подножья которого стремительно бежал полноводный мельничный ручей. Там я замедлил шаг и начал спокойнее обдумывать свое предприятие. Мне тут же стало ясно, что мой уговор с Катрионой ничего хорошего мне не сулит. Навряд ли Нийла отправили с таким поручением одного, но, возможно, он был единственным служителем Джеймса Мора. Е последнем случае я сделал все, что от меня зависело, чтобы отца Катрионы повесили, причем без какой-либо пользы для себя. Откровенно говоря, ни одно из этих предположений мне по вкусу не пришлось. Если, задержав Нийла, она тем самым подвела своего отца под петлю, подобного она себе не простит до скончания века. А если меня выслеживает еще кто-то, какой подарок я преподнесу Алану? И как сам буду себя потом чувствовать?

Когда эти два предположения поразили меня, как удар дубинкой, я как раз поравнялся с западной опушкой леса. Ноги у меня остановились сами собой, а заодно и сердце. «Какую безумную игру я затеял?» — подумал я и тут же повернулся, чтобы отправиться куда-нибудь в другое место. Мой новый путь привел меня к Силвермилсу. Тропа огибала деревню стороной, но все было видно как на ладони. И нигде никого — ни горцев, ни шотландцев с равнин. Вот благоприятный случай, вот то стечение обстоятельств, которым мне советовал воспользоваться Стюарт! Я побежал по берегу мельничного ручья, достиг восточной опушки, пробрался через заросли и таким об-

разом вернулся к западному краю леска, откуда мог оглядывать тропу, оставаясь невидимым. Опять нигде не было видно ни души, и я ободрился.

Более часа я сидел, притаившись на опушке, и ни заяц, ни орел не смотрели по сторонам более зорко. В начале этого часа солнце уже закатилось, но небо еще сияло золотом, и вокруг было светло, но к его концу спустились сумерки, очертания предметов и расстояния до них утратили определенность, и следить за тропой становилось все труднее. За это время ни один человек не прошел на восток от Силвермилса, а немногие направлявшиеся на запад все были честные, торопившиеся домой поселяне и их жены. Даже если меня выслеживали самые хитрые шпионы Европы, все равно, решил я, обнаружить, где я прячусь, у них не было никакой человеческой возможности. А потому я отошел поглубже в лес и улегся на земле ждать Алана.

До этой минуты я все время напрягал внимание, потому что следил не только за тропой, но постоянно шарил взглядом по всем кустам и полям, ему открытым. Теперь я мог передохнуть. Между ветвями слабо светил узкий серп месяца, все вокруг окутывала глубокая деревенская тишина, и три-четыре часа, лежа на спине, я мысленно перебирал свои поступки.

Вскоре мне стали ясны две вещи: во-первых, в этот день я не имел права ходить в Дин или (раз уж я туда пошел) не имел права лежать тут. Во всей Шотландии именно этот лесок (куда должен был прийти Алан) был для меня запрещен — так твердили все мои лучшие чувства. Я признал это и все же продолжал лежать там, дивясь самому себе. Я вспомнил, как говорил Катрione про грозные опасности этой ночи — как расписывал, что от меня зависят две человеческие жизни, и заставил ее пренебречь жизнью отца, а вот теперь сам безрассудно ставлю их на карту. Чистая совесть — это четыре пятых мужества, и едва я усомнился в правильности своего поведения, как почувствовал, что безоружным ввергнут в пучину ужасов. Вздвогнув, я приподнялся и сел. Что, если немедленно отправиться к Престонгрейнджу, перехватить его (это я мог еще успеть) перед тем, как он ляжет спать, и полностью сдать на его милость? Кто упрекнет меня за это? Не Стюарт стряпчий. Мне достаточно будет

сказать, что за мной следили и, отчаявшись отделаться от моих преследователей, я уступил необходимости. И не Катриона — для нее у меня тоже был наготове ответ: я не вынес мысли об опасности, которой она подвергала своего отца. Вот так, в единый миг, я освободился бы от всех тревог из-за дел, которые, в сущности, вовсе меня не касались, и от всякой причастности к аппинскому убийству, оказался бы вне досягаемости для всех Стюартов и Кэмпбеллов, всех вигов и тори в стране и зажил бы по собственному разумению, пользуясь своим богатством и приумножая его, а дни своей юности отдавая ухаживанию за Катрионой, что, конечно, будет куда приятнее и разумнее, чем прятаться и убегать от преследования, точно вспугнутый вор, а затем заново испытать все тяготы и страхи скитаний в обществе Алана.

В первую минуту я не усмотрел в такой капитуляции ничего позорного и только удивился, почему я даже не подумал поступить так раньше, а потом начал размышлять о причинах этой перемены во мне. Их я отыскал в овладевшем мной унынии, а оно объяснялось моей недавней опрометчивостью, которую в свою очередь породил давний, всеобщий, открытый и легко прощаемый грех потакания своим желаниям. И тотчас в моей памяти всплыли слова проповеди: «Сатане ли изгнать Сатану?» Как! Потакая своим желаниям (размышлял я), выбирая приятные дороги и поддавшись чарам юной красавицы, я поступлю наперекор своей натуре и усугублю угрозу, нависшую над жизнью Джеймса и Алана? Неужто я попытаюсь спастись тем же путем, который привел меня в нынешнее мое положение? Нет! Искупить беду, которую я навлек на других, потакая себялюбивым желаниям, можно лишь самопожертвованием: мне надо покарать себя за то, что я дал волю жажде удовольствий. Какой же наименее манящий меня путь могу я избрать? Покинуть этот лес, не дожидаясь Алана, вновь идти одному в темноте, навстречу моей неясной и полной опасностей судьбе.

Эти мои мысли я изложил столь подробно и тщательно в чаянии, что они окажутся полезны молодым людям и послужат для них примером. Но, как гласит поговорка, даже капусту сажают для чего-то, — и этика и религия внемлют голосу здравого смысла. До часа, назначенного Аланом, оставалось совсем немного времени, а месяц

зашел. Уходя, я ведь не кликну за собой тех, кто меня отслеживает, и, упустив меня в темноте, они по ошибке займется Аланом. Если же я останусь, то смогу хотя бы предупредить моего друга и, как знать, не избавит ли это его от верной гибели. Следуя своим желаниям, я поставил под угрозу безопасность других людей, и повторить то же самое в стремлении покарать себя было бы по меньшей мере глупо. И я вновь опустился на землю, с которой едва поднялся, но уже в совсем ином настроении — дивясь моей прошлой слабости и радуясь теперешней спокойной рассудительности.

Вскоре в чаще раздался легкий треск. Я нагнул лицо к самой траве и просвистел первые две-три ноты песни Алана. Сразу донесся столь же осторожный ответ, и минуто спустя мы почти столкнулись во мраке.

— Это ты, Дэви? Наконец-то! — прошептал он.

— Я самый, — шепнул я в ответ.

— До чего же я заждался тебя! — сказал он. — Уже столько времени я тут! Весь день в стогу сена, где и ладоней своих не видел, а потом два часа на этом, месте высматривал тебя, а ты все не шел! И надо сказать, ты вовремя, я ведь завтра утром отплываю... Завтра? Нет, сегодня.

— Верно, Алан, — сказал я. — Полночь, наверное, давно миновала, и отплывешь ты сегодня. А путь у тебя неблизкий.

— Только прежде мы успеем поговорить как следует, — перебил он.

— Еще бы! И мне надо сообщить тебе много важного, — сказал я.

И я рассказал ему обо всем, что произошло, — вперемешку, но достаточно внятно. Он выслушал меня, почти не задавая вопросов, но порой весело смеялся, и от его смеха в этой тьме, скрывавшей нас друг от друга, на душе у меня становилось удивительно тепло.

— Да, Дэви, ты редкостный чужак, — сказал он, когда я умолк. — Просто неопишуемый, и, думаю, больше мне такие не встретятся. Ну, а что до остального, так Престонгрейндж — виг, как и ты, и потому я про него ничего говорить не стану, но, черт побери, по-моему, он был бы тебе неплохим другом, если бы ты только мог доверять ему по-настоящему. А вот Саймон Фрззер и Джеймс Мор одной со мной породы, и я назову их так, как они

заслуживают. Черный дьявол был родоначальником Фрэзеров, это все знают. Ну, а духа Макгрегоров я не терплю еще с той поры, когда толком ходить не научился. Помнится, расквасил я одному из них нос и сам на него повалился, потому что пожонки меня еще плохо держали. В тот день отец, упокой господь его душу, очень мной гордился, и, думаю, не без причины. Робин, не спорю, волеиник отменный, — добавил он, — но Джеймса Мора, по мне, пусть черт заберет, и чем раньше, тем лучше.

— Об одном нам следует подумать, — сказал я. — Прав был Чарлз Стюарт или ошибся? Они только меня выслеживают или нас обоих?

— А ты как думаешь? — спросил он. — Ты ведь теперь человек многоопытный!

— Не берусь судить, — ответил я.

— Вот и я тоже, — сказал Алан. — По-твоему, эта ба-рышня сдержала свое слово? — спросил он затем.

— Да, — сказал я.

— Ну, тут не угадаешь, — заметил он. — А впрочем, это уже все позади: он давным-давно вернулся к остальной шайке.

— А сколько их, как ты полагаешь? — спросил я.

— Тут надо рассудить, — ответил Алан. — Если они охотятся только за тобой, так пошлют двоих-троих парней побойчее, а если и на меня рассчитывают, меньше, чем десятком, не обойдутся.

Ну что с ним поделаешь! Я засмеялся.

— По-моему, ты собственными глазами видел, как я один расправился с такой же оравой, а вернее сказать, с вдвое большей! — воскликнул он.

— Ну, это не так уж важно! — перебил я. — Мне ведь удалось сбить их со следа.

— Ты думаешь? — сказал он. — А вот я не поручусь, что они не рыщут сейчас здесь. Видишь ли, Дэвид, послали-то горцев! Фрэзеров и Макгрегоров, а я не стану отрицать, что и те и другие — и Макгрегоры в особенности — свое дело знают и опыта им не занимать. Когда человек отобьет на равнине отборное стадо да прогонит его, скажем, миль десять, а черная солдатня ему на пятки наступает, вот тогда он кое-чему выучивается. Я и сам приобрел свою сноровку таким способом. И не спорь! Это получше войны, хотя и война отличное дело, если бы

только поменьше всякой бестолковщины на ней случилось. И тут Макгрегоры большие мастаки.

— Бесспорно, это еще один изъян в моем образовании, — сказал я.

— Что верно, то верно, как я всякий раз убеждаюсь, — ответил Алан. — Стоит вам поучиться в колледже, и, странное дело, никто из вас уже не замечает, какие вы все невежды. А про греческий и древнееврейский мне не толкуй: я-то знаю, что не знаю их, и в этом вся разница. Возьмем тебя: повалялся на животе в кусточках и заявляешь мне, что сбил со следа Фрэзеров и Макгрегоров! Нет, вы послушайте! Я, говорит, их так и не увидел! Так они же, дуралей, тем и живут, что их не видят!

— Предположим самое плохое, — сказал я. — Так что мы будем делать?

— Об этом я и думаю, — ответил Алан. — Можем разойтись в разные стороны. Но мне не хотелось бы, да и не было бы хуже. Во-первых, темно, хоть глаз выколи, и почему бы нам не уйти незаметно под носом у твоих благородных молодцов? Если мы будем держаться вместе, так проложим всего один след, а разойдемся — их будет два, и кто-то из нас скорее наткнется на них. А во-вторых, если они нас выследят, дело может дойти до драки и тогда, по правде говоря, мне будет легче, что ты со мной рядом. Да и тебе, я думаю, тоже. А потому я рассудил так: нам надо выбраться из леса сейчас же и идти на восток к Гиллейну, где меня ждет бриг. На этот срок, Дэви, все будет, словно в наши прежние дни, а потом, когда подойдет время, подумаем, как тебе быть дальше. Не хотелось бы мне оставлять тебя тут без меня.

— Ну, так будь по-твоему! — сказал я. — Ты вернешься туда, где прятался?

— Э, нет! — ответил Алан. — Люди они хорошие, но, думаю, они огорчились бы, если бы вновь увидели мое прекрасное личико. Ведь по нынешним временам я не совсем желанный гость. Отчего мне вдвойне мило ваше общество, мистер Дэвид Бальфур, лэрд Шоса! Ведь, не считая двух встреч с Чарли Стюартом в этом самом лесу, я слова ни с кем не сказал с того дня, как мы простились в Корсторпайне.

С этими словами он поднялся на ноги, и мы бесшумно пошли по лесу на восток.

СНОВА С АЛАНОМ

Время, наверное, было между часом и двумя. Месяц (как я уже говорил) успел зайти, а теперь с запада вдруг задул крепкий ветер, гоня тяжелые тучи, и мы пустились в путь в таком непроглядном мраке, о каком мечтают все беглецы и убийцы. Смутная белизна тропы привела нас в спящий городок Бротон, а оттуда — через Пикардию — к старой моей знакомке, виселице с двумя ворами. Затем нам послужил маяком свет в одном из верхних окон Локенда. Держа направление по нему, мы, хотя и брели наугад, то топча колосья, то спотыкаясь на межах и падая, все же благополучно прошли через поля и наконец выбрались на заболоченную пустошь, которая зовется Фиггет-Уинс. Там мы улеглись под кустом вереска и задремали, коротая оставшиеся ночные часы.

Около пяти нас разбудил рассвет. Утро выдалось чудесное. С запада все еще дул сильный ветер, но тучи унеслись в Голландию. Алан уже сидел выпрямившись и чему-то улыбался. Я впервые увидел моего друга после нашей разлуки и смотрел на него с сердечной радостью. На нем был все тот же фризский плащ, но вдобавок он теперь носил вязаные чулки, натянутые выше колен. Без сомнения, это была часть маскарада, но день обещал быть жарким, и потому они выглядели очень неуместно.

— А, Дэви! — сказал он. — Утро, утро-то какое! День, видно, будет на славу. И здесь куда лучше, чем в нутре моего стога. Вот пока ты спал мертвым сном, я взял да и занялся тем, чего обычно никогда не делаю.

— Так чем же? — спросил я.

— Да просто помолился, — ответил он.

— А где мои благородные молодцы, как ты их называл? — осведомился я.

— Бог знает! — ответил он. — Короче говоря, не мигновать нам идти дальше, где бы они ни рыскали. Ну-ка, поднимайся, Дэви! И снова вперед! Нас ждет недурная прогулка.

И мы пошли на восток по берегу моря, туда, где у устья Эска над солончаками курился пар. Да, не часто

восходящее солнце озаряло таким блеском Трон Артура и зеленые Пентленды, но прелесть утра, казалось, обожгла Алана, точно крапива.

— Я просто олух, — вдруг сказал он, — что покидаю Шотландию в такой прекрасный день. Очень мне это тяжело. Я уж думаю, не лучше ли остаться, а там хоть на виселицу.

— Ну, уж это тебе ни к чему, Алан! — воскликнул я.

— Вот ведь и Франция совсем не плохая страна, — объяснил он, — но только не такая. Даже, может, красивее, да только она не Шотландия. Когда я там, мне она нравится, а все-таки берет меня тоска по шотландским кровлям из торфа и запаху этого торфа!

— Ну, если тебе только этого не хватает, Алан, терпеть еще можно, — заметил я.

— Да, жаловаться мне вроде бы не пристало, — сказал он. — Все-таки из этого чертова стога я выбрался!

— Значит, он тебе очень наскучил? — спросил я.

— Не то слово! — ответил он. — Меня не так просто заставить пасть духом, а все же свежий воздух и чистое небо над головой мне куда больше по душе. Я — как Черный Дуглас в старину, который (так, кажется?) любил песни жаворонка больше мышиного писка. Ну, а в стогу, Дэви, хотя прятаться там было лучше некуда, спорить не стану, темно с утра до ночи, хоть глаз выколи. Дни (а может, и ночи — как я мог их различать?) тянулись порой, что твоя зима.

— А как ты узнавал, что пора идти в лес к назначенному часу? — спросил я.

— Ужин мне с каплей коньяка и огарком, чтобы хоть ел я не в темноте, хозяин приносил в одиннадцать, — ответил Алан. — И как только я кончал, пора было идти в лес. Я лежал там и очень ждал тебя, Дэви, — добавил он, кладя руку мне на плечо. — И просто догадывался, что два часа уже миновали. Разве что приходил Чарли Стюарт и глядел на свои часы. И опять в проклятый стог. Да, тоскливые были деньки, и я рад, что они позади!

— А как ты коротал время? — спросил я.

— Да как умел! — воскликнул он. — Бросал кости. Я в этой игре большой мастер! Только что за удовольствие

показывать свою сноровку, когда тебя никто не видит? Или сочинял песни.

— А о чем? — осведомился я.

— Да про оленей и про вереск, — сказал он. — И про древних вождей, и про все то, о чем поют в песнях. И еще я делал вид, что у меня в руках волынка и я на ней играю. Всякие танцы. И по-моему, чудесно я их играл. Слово даю, я почти их слышал! Но главное, все это уже позади.

Тут он вновь начал расспрашивать меня о моих приключениях во всех подробностях, одобрял и восторгался, повторяя, что я «молодец на редкость».

— Так, значит, Саймон Фрэзер тебя напугал? — спросил он.

— По правде говоря, очень, — признался я.

— Так я бы на твоём месте тоже испугался, Дэви, — сказал он. — Это же страшный человек. Но будем и к нему справедливы: на поле боя он заслуживает всякого почтения.

— Такой он храбрый? — спросил я.

— Ну, в храбрости он не уступает моей стальной шпаге, — ответил Алан.

Рассказ про мой поединок привел его в ярость.

— Только подумать! — вскричал он. — Я же показывал тебе этот прием в Корринакиге! И трижды — трижды! — у тебя выбивают шпагу! Какой позор для меня, твоего учителя! Ну-ка, остановись и вытащи шпагу. Ты с места не сдвинешься, пока не будешь готов в следующий раз показать себя лучше, а мне сделать больше чести!

— Алан! — возразил я. — Ты с ума сошел. Сейчас не время заниматься фехтованием.

— Это верно, — признал он. — Но три раза! А ты стоишь, как соломенное пугало, а потом бегаешь за своей шпагой, как собачонка за поноской! Дэвид, этот твой Дункансби, должно быть, большой мастер! Несравненный! Будь у меня время, я бы тотчас повернул назад, чтобы самому испробовать, каков он. Редкостный должен быть искусник!

— Вздор! — сказал я. — Ты забываешь, что дрался-то он со мной!

— Помню! Но чтобы три раза! — возразил он.

— Ты же знаешь, что я никуда не пожусь! — чуть не крикнул я.

— В жизни ничего подобного не слышал! — сказал он.

— Одно я тебе обещаю, Алан, — сказал я. — Когда мы встретимся снова, тебе не надо будет стыдиться, что твой друг не способен постоять за себя со шпагой в руке. Я научусь фехтовать.

— В следующий раз... — повторил он. — Но когда это будет, хотел бы я знать!

— А об этом, Алан, я тоже думал, — ответил я. — И у меня есть план. Я решил стать законоводитом...

— Скучное это занятие, Дэви! — перебил он. — Да и не совсем чистое. Лучше бы ты надел королевский мундир.

— Тоже неплохой способ устроить нашу будущую встречу! — воскликнул я. — Только на тебе-то будет мундир короля Людовика, а на мне — короля Георга, так что веселая получится встреча!

— Пожалуй, ты говоришь дело, — признал он.

— Ну, так быть мне законоводитом, — продолжал я. — И согласись, это самое подходящее ремесло для человека, у которого трижды выбили шпагу. Но главное вот что: один из лучших университетов для такого рода занятий — тот, где обучался мой родственник Пилриг, — находится в Лейдене, в Голландии. Ну, что скажешь, Алан? Разве офицер полка Королевских шотландцев не может взять отпуска да и отправиться в гости к лейденскому студенту?

— Еще как может! — воскликнул он. — Видишь ли, я на хорошем счету у моего полковника, графа Драммонда-Мелфорта, и, что еще важнее, один мой родственник, подполковник, служит в шотландско-голландском полку. И никто не удивится, если я попрошу отпуск, чтобы повидать подполковника Стюарта из Холкетта. Лорд Мелфорт, человек ученый — он пишет книги, точно Юлий Цезарь, — без сомнения, только рад будет услышать все, что я узнаю во время моей поездки.

— Так лорд Мелфорт — литератор? — спросил я. (Как ни уважал Алан солдат, я еще больше уважал людей благородной крови, которые писали книги.)

— Вот-вот, Дэви! — подтвердил Алан. — Хотя, казалось бы, у полковника должно найтись много других дел

поважнее. Но не мне это говорить, не тому, кто сочиняет песни.

— Значит, — сказал я, — тебе остается только снабдить меня адресом, по которому я мог бы писать тебе во Францию, а свой я пришлю тебе, как только приеду в Лейден.

— Письма мне лучше посылать на имя вождя моего клана, Чарлза Стюарта из Ардшиля, эсквайра, в город Мелюн, во Франции. Рано или поздно, но такое письмо до меня дойдет.

В Масселборо мы позавтракали треской, и я очень забавлялся, слушая Алана. Его теплый плащ и чулки в столь жаркое утро не могли не привлекать внимания, и, пожалуй, было полезно дать им какое-то объяснение, но мимоходом. Однако Алан взялся за это, как за очень важное дело, словно, сказал бы я, приводя в исполнение стратегический план. Он расхвалил хозяйке ее треску — отлично проявлена! — а затем до самого нашего ухода занимал ее рассказами о том, как он застудил желудок, с глубокой серьезностью описывая все свои симптомы и страдания, а также с живым интересом выслушивал ее советы и перечисления старинных снадобий, от которых у него «все как рукой снимет».

Мы покинули Масселборо до прибытия первой почтовой кареты из Эдинбурга, потому что, как выразился Алан, без такой встречи мы вполне могли обойтись. Ветер, хотя и не стих, был теплым, солнце припекало, и Алан мучился все больше. Из Престонпанса он сделал крюк, чтобы показать мне Глэдсмурское поле, где с излишним жаром описал все перипетии битвы. Оттуда обычным нашим быстрым шагом мы направились в Кокензи. Хотя там на верфи миссис Кэдделл строились двухмачтовые баусы для лова сельди, город выглядел захиревшим, многие дома превратились в развалины. Однако харчевня была достаточно чистой, и Алан, совсем изнывший от жары, обязательно должен был выпить бутылку эля и поведать новой доброй душе историю о том, как он застудил желудок, но только симптомы теперь все стали другими.

Пока я слушал, мне пришло в голову, что при мне он и трех серьезных слов ни одной женщине не сказал, а только шутил, острословил да исподтишка посмеивался

над ними, хотя вкладывал во все это много искренности и жара. Так я сказал ему, когда хозяйку куда-то позвали.

— А чего ты хотел бы? — сказал он. — Мужчина должен быть с женщинами обходительным, должен всегда стараться развлечь их какой-нибудь историей, бедняжек! И тебе надо бы научиться этому, Дэвид. Понять, что к чему, — ну, как тонкости любого ремесла. Будь она молоденькой или собой недурна, так и звука про мой желудок не услышала бы, Дэви. Но как они придут в тот возраст, когда уже не до милых дружков, так становятся аптекарями. Почему? Мне-то почему знать? Так уж их господь создал, я полагаю. Но по-моему, невежа тот, кто не найдет для них учтивого слова.

Тут возвратилась хозяйка, и он отвернулся от меня, словно ему не терпелось продолжить их беседу. Вскоре почтенная женщина перешла от желудка Алана к недугам своего деверя в Аберледи, чью последнюю болезнь и кончину она принялась описывать с мельчайшими подробностями. Иногда это было всего лишь скучно, а иногда — и скучно, и противно, так как она ничего не пропускала. В конце концов я впал в такую задумчивость, что уставился из окна на дорогу невидящими глазами. Однако вскоре тот, кто наблюдал бы за мной, мог бы заметить, как я вздрогнул.

— Мы поставили ему на подошвы вытяжной пластырь, — говорила хозяйка, — а на живот положили горячий камень и давали ему иссопа с мятным отваром и еще очищенный серный бальзам от кашля...

— Сударь, — негромко перебил я ее, — сейчас мимо дома прошел мой друг.

— Да неужели? — отозвался Алан, словно речь шла о пустяках. А потом добавил: — Так что вы говорили, сударыня?

И хозяйка продолжала свой невыносимо скучный рассказ.

Но вскоре Алан вручил ей в уплату полкроны, и она должна была пойти за сдачей.

— Это был рыжий? — спросил он.

— Он самый, — ответил я.

— А что я сказал тебе в лесу? — воскликнул Алан. — И все же странно, что и он тут. С ним кто-нибудь был?

— Никого, насколько я мог судить, — сказал я.

— И он прошел мимо?

— Да, — ответил я. — И не глядел ни направо, ни налево.

— А это, пожалуй, еще постраннее будет, — заметил Алан. — Сдается мне, Дэви, что нам пора идти. Вот только куда? Черт побери! Совсем как тогда!

— Но есть и разница, — возразил я. — Теперь у нас есть деньги.

— Ну, мистер Бальфур, есть разница и побольше: теперь за нами гонится свора. Почуяла нас и рвется вперед. Дело скверное, Дэвид, черт побери! — Он задумался, и на его лице появилось хорошо мне знакомое выражение.

— А не выходит ли ваш черный ход, сударыня, на боковую дорогу? — спросил он хозяйку, когда она вернулась.

Она подтвердила его догадку и объяснила, куда эта дорога ведет.

— Вот что, сударь, — сказал он мне, — по-моему, надо пойти по ней, так будет короче. Позвольте, хозяйшка, попрощаться с вами, а про коричный настой я не забуду!

Мы прошли между грядками с капустой и выбрались на полевую дорогу. Алан внимательно поглядывал по сторонам и, когда мы спустились в ложбину, укрытую от посторонних глаз, сел на траву.

— Устроим военный совет, Дэви, — сказал он. — Но сначала небольшой тебе урок. Будь я таким, как ты, что помнила бы о нас та старуха? Да только, что мы ушли через заднюю калитку. А что она помнит теперь? Она помнит приятного, вежливого, бойкого на язык человека, который застудил желудок, бедняжка, и уж так-то слушал про то, как они пользовали деверя! Дэвид, Дэвид! Получился бы ты уму-разуму!

— Попробую, Алан, — обещал я.

— Ну, а теперь вернемся к рыжему, — сказал он. — Шел он как — быстро или медленно?

— Не то, чтобы очень быстро, но и не медленно, — ответил я.

— Не торопился? — продолжал Алан.

— Ничуть, — сказал я.

— Хм, — задумчиво произнес Алан. — Что-то странно.

Утром на вересковой пустоши мы их не видели. А теперь он нас обогнал и вроде бы ничего не высматривал, но все-таки он шел по одной с нами дороге! Черт побери, Дэви, дело-то ясное. Я думаю, они не тебя ищут, а меня, и думаю, отлично знают, куда им надо идти.

— Знают? — переспросил я.

— Я думаю, Энди Скугел меня продал — или он, или его помощник, который должен кое-что знать... А может, и писец, который служит у Чарли, и это было бы хуже всего, — сказал Алан. — Но в одном у меня никаких сомнений нет: на песках Гиллейна разбито будет немало голов.

— Алан! — вскричал я. — Если ты не ошибаешься, там их будет не трое и не четверо. Так что толку разбивать головы?

— Толку, может, и немного, но хотя бы чуть поквитаться — уже приятно, — ответил он. — Но погоди, погоди, дай подумать. Пожалуй, этот добрый западный ветер мне поспособствует. Дело в том, Дэви, что Скугел меня ждет только в сумерках. «Однако, — сказал он, — коли ветер будет с запада, я буду на месте еще засветло и тогда лягу в дрейф за островом Фидра». Ну и если твои молодцы знают назначенное место, то знают и назначенный час. Понимаешь, к чему я клоню, Дэви? Спасибо Джонни Коупу и его красномундирникам, я эти края знаю как свои пять пальцев, и если ты готов еще побродить с Аланом Бреком, мы сейчас свернем от берега и снова выйдем к морю у Дерлтона. Если бриг будет там, попытаемся попасть на него, а если нет, я вернусь в свой проклятый стог. Но так ли, иначе ли, а твоих молодцов мы оставим с носом.

— По-моему, надежда на это есть, — сказал я. — Идем, Алан!

Глава 13

ПЕСКИ ГИЛЛЕЙНА

Следуя за Аланом, я не извлек из этого той пользы, какую ему принесли переходы под командой генерала Коупа — во всяком случае, я совершенно не запомнил

наш путь. В свое оправдание могу лишь сослаться на то, что проделали мы его очень быстро. Часть дороги мы бежали во весь дух, часть — трусили рысцей, а если и шли шагом, то самым быстрым. Дважды на бегу мы наткнулись на местных жителей, но, хотя на первого мы выскочили прямо из-за поворота, Алан был готов к этой встрече, как заряженный мушкет.

— Моей лошади не видел? — крикнул он, отдуваясь.

— Нет. Я нынче никаких лошадей не видел, — ответил крестьянин.

И Алан, не жалея времени, объяснил ему, что мы ехали на его жеребце по очереди, а жеребец сбежал и, наверное, уже вернулся в Линтон, в свою конюшню. Не щадя дыхания — а дышал он с трудом, — Алан не преминул проклясть свое невезение и мою глупость, из-за которой, добавил он, с нами приключилась эта беда.

— Те, кому нельзя придерживаться истины, — сказал он мне, когда мы побежали дальше, — должны по мере возможности обходиться честной, весомой ложью. Когда люди не понимают, что ты делаешь и почему, Дэви, их разбирает любопытство, но, если им все кажется понятным, они будут думать о тебе не больше, чем я о гороховой похлебке.

Так как сначала наш путь вел от моря, мы через некоторое время уже повернули почти точно на север — слева вехой нам служила старинная церковь Аберледи, а справа вершина холма Берик, пока мы снова не вышли к морскому берегу неподалеку от Дерлтона. От Норт-Берика на запад до мыса Гиллейн-Несс протянулась цепь из четырех островков — Крейглит, Лэм, Фидра и Айбрау, примечательных разнообразием величины и очертаний. Особенно выделяется среди них Фидра — серый двугорбый островочек, увенчанный какими-то развалинами. Помнится, когда мы подошли ближе, за дверным или оконным проемом в этих развалинах, точно человеческий глаз, блеснуло море. При западных ветрах от них удобно укрываться у восточного берега Фидры, и мы еще издали увидели там «Чертополох».

Берег напротив этих островков хранит полную дикость. Нигде ни единого человеческого обиталища, и, если не считать маленьких оборвышей, порой прибегающих сюда играть, тут редко можно кого-нибудь встретить.

Небольшое селение Гиллейн скрыто за мысом, жители Дерлтона трудятся на полях в стороне от побережья, а жители Норт-Берика уходят в море ловить рыбу прямо из своей удобной бухты, так что во всей Шотландии, пожалуй, немного найдется более пустынных берегов. Но помнится, пока мы ползли на животе среди песчаных пригорков и ложбин, зорко оглядываясь по сторонам, а наши сердца колотились о ребра, солнце и море сияли столь ослепительно, ветер гнал по травам такие волны, кролики на земле и чайки в небе так суетились, что пустыня казалась мне полной жизни. Без сомнения, лучшее место для тайного отплытия найти было трудно — если бы тайну удалось сохранить. И все же, хотя тайное стало явным и за местом теперь наблюдали, мы сумели незаметно добраться до последнего ряда дюн, отделенных от моря ровной полосой пляжа.

Там Алан замер.

— Дэви, — сказал он, — дальше будет трудно. Пока мы лежим тут, нам ничто не грозит, но до брига и до французского берега мне пока не ближе, чем раньше. Стоит нам встать и махнуть бригу, как все переменится. Где сейчас твои молодцы, как по-твоему?

— Может, они еще не добрались сюда, — сказал я. — А если и добрались, у нас есть одно преимущество. Правда, они приготовились нас захватить. Но ждут-то они нас с востока, а мы пришли с запада.

— Верно, — заметил Алан. — Жаль, что мы одни и не можем вступить с ними в бой, не то мы захватили бы их врасплох. А пока, Дэви, все складывается не слишком в пользу Алана Брека. И я не могу ничего решить.

— Алан, время бежит, — напомнил я.

— Это я знаю, — ответил Алан. — И ничего больше, как выражаются французы. Скверное дело, прямо хоть монету подбросить — орел или решка. Эх, знай я хотя бы, где сейчас твои молодцы!

— Алан, — сказал я, — это на тебя не похоже. Сейчас или никогда. Другого выбора нет.

— «Это не я, так он сказал, — вдруг запел Алан, и его лицо странно сморщилось, не то от стыда, не то от лукавой усмешки. — Не ты, не я, так он сказал. Нет, Джонни, нет! Не ты, не я!»

Внезапно он вскочил на ноги и, держа высоко в правой

руке бьющийся на ветру платок, спустился на пляж. Я тоже встал, но прежде чем последовать за ним, оглядел дюны на востоке. Сначала его никто не заметил: Скугел не ждал его так рано, а «мои молодцы» смотрели в другую сторону. Затем на «Чертополохе» спохватились. По-видимому, у них все было готово, потому что на палубе вроде бы и не засуетились, но секунду спустя из-за кормы показался ялик и помчался к берегу. Почти в ту же минуту примерно в полумиле в стороне Гиллейн-Несса над гребнем дюны на миг возникла человеческая фигура, размахивая руками, и хотя она тут же исчезла, чайки над этим местом продолжали тревожно кружить еще некоторое время.

Алан ничего этого не заметил, так как взгляд его был устремлен на море — на ялик и бриг.

— Будь, что будет, — сказал он, когда я сообщил ему про человека на дюне. — Гребцам в шлюпке надо бы приналечь, не то как бы голову не разбили мне.

Широкий пляж тут спускался к воде очень полого, и идти по нему во время отлива было легко. В одном месте его пересекал бегущий к морю заросший травами ручеек, а за ровной полосой песка, точно городские стены, вставала зубчатая гряда дюн. Как мы ни вглядывались в них, это не помогало различить, что происходит в ложбинах за ними, и как мы ни ускоряли шаг, это не убыстряло приближение ялика. Для нас на жуткий срок ожидания время остановилось.

— Вот одно бы мне хотелось узнать, — сказал Алан. — Хотелось бы мне узнать, какие распоряжения получили эти молодцы. Мы с тобой вместе стоим четыреста фунтов. А что, если они попробуют подстрелить нас, Дэви? Залягут вон там, на песчаном гребне с ружьями и дадут залп.

— Вот этого быть никак не может! — возразил я. — Ружей у них нет. Дело велось в такой тайне, что пистолеты они взять еще могли, но только не ружья!

— А знаешь, ты, пожалуй, прав, — заметил Алан. — И все же я жду не дождусь этой лодочки.

Он щелкнул пальцами и присвистнул, точно подзывая собаку.

Ялик покрыл уже около трети расстояния, мы подошли почти к самой воде, и мои башмаки при каждом шаге

погружались во влажный песок. Теперь нам оставалось лишь ждать, вперя взгляд в приближающуюся шлюпку, и не переводить его на длинную непроницаемую стену дюн, над которой мелькали чайки и за которой, без сомнения, собирались наши враги.

— Отличное место, чтобы получить пулю, светлое и открытое, — внезапно сказал Алан. — Эх, мне бы твое мужество, Дэви!

— Алан! — вскричал я. — О чем ты говоришь? Ты же слеплен из мужества! Оно — твоя натура, и кому это знать, как не мне.

— Вот ты и ошибся, — сказал он. — От других я отличаюсь всего лишь особой сообразительностью и опытом. Но в суровом, холодном, негибавшем мужестве я тебе и в подметки не гожусь. Взгляни на нас сейчас: я только и думаю, как бы убраться отсюда поскорее, а ты, мне кажется, подумываешь, не остаться ли тебе здесь. Как, по-твоему, решился бы я на такое? Нет и нет! Во-первых, потому, что у меня неостало бы на это мужества, а во-вторых, потому, что сообразительности мне не занимать, и прежде я тебя к черту пошлю!

— Ах, вот как! — воскликнул я. — Алан, Алан, улещивай старух, но я на твои уловки не попадусь!

Я вспомнил искушение, одолевавшее меня в лесу, и остался тверд, как железо.

— Я дал слово встретиться с твоим родичем Чарли, — сказал я, — и должен его сдержать.

— Должен-то должен, но ведь это не от тебя зависит, — возразил Алан. — А встретишься ты волей-неволей с молодцами в дюнах. Только вот зачем? — продолжал он с мрачной серьезностью. — Чтобы тебя похитили, как леди Грейндж? Или всадили тебе нож в грудь и закопали среди дюн? Или судили вместе с Джеймсом? По-твоему, им можно доверять? Ты готов сунуть голову в пасть Саймона Фрэзера и прочих вигов? — добавил он со жгучей горечью.

— Алан! — вскричал я. — Все они негодяи и лжецы, и я с тобой в этом согласен. Тем более нужно, чтобы в этом краю разбойников объявился хотя бы один честный человек. Я дал слово и назад его не возьму. Я давно сказал твоему родичу, что никакая опасность меня не остановит. Помнишь? В ночь того дня, когда убили Ры-

жего Колина. И значит, не остановит. Я остаюсь, Престонгрейндж обещал мне жизнь. Если он клятвопреступник, значит, смерти мне не миновать.

— Ну что же, — сказал Алан.

Все это время мы не видели и не слышали наших преследователей. Как я узнал позже, мы действительно захватили их врасплох. Многие из них еще не добрались до места, а те, кто успел, рассыпались по дюнам в направлении Гиллейна. Собрать их и объяснить, где мы, удалось не сразу, а ялик летел, как на крыльях. К тому же они были трусоваты: свора угонщиков скота из нескольких горных кланов — и ни одного человека благородной крови, который их возглавил бы. И чем больше они смотрели на нас с Аланом на прибрежных песках, тем меньше (думается мне) им хотелось встретиться с нами лицом к лицу.

Во всяком случае, предал Алана не шкипер — он сам правил яликом и рьяно подбадривал гребцов. Уже они были совсем близко, и ялик, казалось, задевал песчаное дно, уже лицо Алана вспыхнуло от радостного возбуждения, и тут наши друзья среди дюн то ли в отчаянии, что добыча ускользает от них, то ли в надежде отпугнуть Энди, неожиданно хором завопили пронзительными голосами.

Подобные звуки, донесшиеся с берега, выглядевшего совершенно пустынным, бесспорно могли нагнать страха, и матросы сразу придержали шлюпку.

— Что это? — крикнул шкипер, от которого нас теперь отделяла лишь узкая полоса воды.

— Мои приятели, — ответил Алан и зашагал по мелководью к шлюпке, но тут же остановился. — Дэви, — сказал он, — а ты? Не хотелось бы мне тебя оставлять.

Несколько секунд он стоял так по колено в воде.

— Тот, кто сует голову в петлю, получит петлю, — сказал он, потом вошел в воду по пояс и с помощью матросов забрался в ялик, который тотчас повернул назад к бригу.

Заложив руки за спину, я продолжал стоять там, где он покинул меня. Алан повернул голову и не спускал с меня глаз, а шлюпка, скользя по воде, уходила все дальше и дальше от берега. Внезапно у меня к глазам подступили слезы — я почувствовал, что в целой Шотландии не найти

такого одинокого, всеми покинутого юноши, как я. Тогда я повернулся спиной к морю и устремил взгляд на дюны. Нигде не было видно людей, нигде не слышалось человеческих голосов — солнце блестело на мокром песке, между дюнами гулял ветер, уныло и пронзительно перекликались чайки. Я начал подниматься по откосу, где среди плетей ползучих растений бойко прыгали песчаные блохи. Если не считать этого движения, посвиста ветра и птичьих криков, зловещее место казалось погруженным в мертвый покой, но я-то знал, что за мной следят ради каких-то тайных целей. Нет, не солдаты: те напали бы на нас много раньше — и успешно. Несомненно, для расправы со мной подрядили каких-то негодяев — чтобы они меня похитили, а может быть, и убили на месте. Судя по их поведению, первое представлялось более вероятным, но я слишком много знал об их натуре и об их усердии в этом деле, чтобы исключить второе, и сердце у меня похолодело.

В голову мне было пришла сумасшедшая мысль выхватить шпагу. Хотя я не мог достойно скрестить свой клинок с клинком благородного противника в честном поединке, мне казалось, что я сумею нанести урон врагам в беспорядочном бою. Однако я вовремя понял, что сопротивляться бессмысленно. Без сомнения, это и было «одно средство», о котором договорились Престонгрейндж и Фрээр. Первый, я был твердо уверен, принял какие-то меры для сохранения моей жизни, но второй, безусловно, намекнул Нийлу и его товарищам, что это не так уж обязательно, и, обнажив шпагу, я, быть может, сыграл бы на руку моему злейшему врагу и подписал бы свой смертный приговор.

Занятый такими мыслями, я подошел к дюнам и оглянулся. Ялик уже почти достиг брига, и Алан махнул носовым платком в знак прощания. В ответ я помахал рукой, но то, что мне предстояло, заслонило от меня даже Алана. Я крепче надвинул шляпу на лоб, стиснул зубы и начал взбираться по крутому склону ближайшей дюны. Это было нелегко, так как песок оседал и сыпался у меня под ногами. Но наконец я ухватился за крепкие стебли травы, полегшие у гребня, и выбрался на ровное место. В тот же миг из травы прямо передо мной, справа и слева вскочили на ноги оборванцы самого гнусного вида. Их было не то шестеро, не то семеро, и каждый сжимал

в руке кинжал. Сказать правду, я зажмурился и начал про себя читать молитву. Когда я вновь открыл глаза, оборванцы, храня молчание и не торопясь, успели придвинуться немного ближе ко мне. Они не спускали с меня странно блестящих глаз, и мне стало понятно, ценой какого страха дался им этот маневр. Я показал им пустые руки, после чего один из них спросил на горском диалекте, сдаюсь ли я.

— Недобровольно, — ответил я. — Только навряд ли вы понимаете, что это значит.

Тут они все набросились на меня, как стая ворон на падаль, схватили за локти, забрали шпагу и выгребли все деньги у меня из карманов, а потом связали по рукам и ногам крепкой веревкой, бросили на травянистый бугор, а сами сели полукругом, в молчании глядя на своего пленника с такой опаской, словно он был львом или готовым к прыжку тигром. Но вскоре они отвернулись от меня, сдвинулись в тесный кружок и, переговариваясь по-гэльски, бесцеремонно принялись у меня на глазах делить между собой мои деньги. А меня обрадовало, что отсюда я могу следить за Аланом. Ялик подошел к бригу вплотную и был поднят на борт, паруса наполнились ветром, и бриг скрылся из виду за островками, а затем у Норт-Берика повернул в открытое море.

Еще часа два все новые и новые горцы в лохмотьях присоединялись к захватившей меня компании. Среди первых оказался и Нийл, а общее их число составило около двух десятков. С появлением очередного негодяя завязывался короткий разговор, сводившийся, по-видимому, к жалобам и оправданиям. Но я заметил, что ни один из пришедших не получил доли моих денег. Последний разговор велся очень бурно, и я было решил, что они рассорились. Но тут же компания разделилась: почти все толпой зашагали на запад, а стеречь пленника остались только Нийл и еще двое.

— Я догадываюсь, кто тебя не похвалит за нынешнее дело, Нийл, сын Дункана, — сказал я, когда прочие ушли.

В ответ он заверил меня, что обходиться со мной будут по-хорошему, так как ему «эта барышня известна».

На этом наша беседа кончилась, и больше ни одна живая душа не нарушила уединения этого места, пока солнце не зашло за горы и не сгустились сумерки.

А тогда к нам на крестьянской лошадке подъехал тощий, долгоязыый, костлявый лотианец, с очень смуглой физиономией.

— Эй, молодцы! — крикнул он. — Есть у вас такая бумага? — и он поднял руку с каким-то листом.

Нийл достал похожий лист, и новоприбывший принялся читать его сквозь очки в роговой оправе, а потом сказал, что все в порядке — нас-то ему и надо, — и тут же спешился. Меня усадили на лошадь вместо него, связали мне щиколотки у нее под брюхом, и этот уроженец равнин повел нас от берега. Путь он, по-видимому, выбрал очень удачный, так как встретила нам всего одна пара — пара влюбленных, которая, возможно, сочтя нас контрабандистами, при нашем появлении поспешила прочь. Один раз мы приблизились к южному склону Берика, а потом за пологими холмами я увидел огни деревушки и различил среди деревьев церковную колокольню — довольно близко, но не настолько, чтобы позвать на помощь. Наконец впереди вновь послышался шум моря. Светила луна, хотя и неярко, и я рассмотрел три могучие башни и развалины стен Танталлона, бывшего оплота Красных Дугласов. Лошадь стреножили и пустили пастись в каком-то рву, а меня увели внутрь башни, откуда мы через двор прошли в полуразрушенный каменный зал. Ночь обещала быть холодной, и мои похитители развели костер прямо на каменном полу. Они развязали мне руки, усадили меня у стены в дальнем углу и дали овсяного хлеба с кувшинчиком французского коньяка (и то и другое извлек из своей сумки лотианец). Затем я вновь остался с тремя горцами. Они пили и болтали, сгрудившись у костра. В провалы стен врвался ветер, взметывал дымные языки пламени и свистел в верхушках башен. Под обрывом гремело море. Не опасаясь более за свою жизнь, я уступил усталости тела и духа, перевернулся на бок и погрузился в сон.

Не знаю, в каком часу я проснулся, но луна зашла, а костер почти догорел. Развязав мне ноги, горцы увлекли меня через развалины и сошли по крутой тропинке к бухточке, где я увидел рыбацью лодку. Меня спустили в нее при свете звезд, и мы поплыли от берега.

Я не знал, куда меня везут, но поглядывал по сторонам, не покажется ли где-нибудь корабль: в ушах у меня звучало и звучало слово, как-то оброненное Рэнсомом, — «двадцатифунтовые». Если мне опять угрожает опасность попасть на плантации, думал я, избежать ее во второй раз будет не так-то просто. Нельзя же надеяться, что меня вновь выручат Алан, кораблекрушение и спасительный рей. И я уже видел, как окучиваю табак под безжалостной плетью надсмотрщика. При этой мысли по моему телу пробежал озноб. От воды тянуло холодом, сиденья лодки увлажняла ледяная роса, и, притулившись возле рулевого, я не сумел сдержать дрожи. Рулевым был смуглый мужчина, которого я называл про себя лотианцем. Настоящее же его имя было Дейл, по прозвищу Черный Энди. Заметив, как я дрожу, он заботливо подал мне грубую куртку, облепленную рыбьей чешуей, и я с радостью в нее укутался.

— Благодарю вас за доброту, — сказал я. — И осмеливаюсь отплатить за нее предостережением. Участвуя в этом деле, вы навлекаете на себя немалую опасность. Эти трое — невежественные дикари горцы, но вы-то знаете законы и то, что навлекают на себя нарушающие их.

— Ну, не скажу, чтобы я всегда так уж свято почитал законы, — отозвался он. — А на сей раз мне и права даны.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — спросил я.

— Ничего плохого, — ответил он. — У вас, как погляжу, есть сильные друзья. И все будет хорошо.

Море словно покрывалось серой пеленой, а на востоке, как тлеющие угли, мало-помалу разгорались розовые и алые пятнышки, и олуши, пробудившиеся на вершине Басса, подняли крик. Басс, как известно, всего лишь встающая из моря скала, но такая огромная, что из нее можно было бы выдолбить целый город. Волнения почти не было, и тем не менее ее опоясывала полоса пены. В свете занимающейся зари я без труда различил обрывы, исчерченные, словно инеем, полосами птичьего помета, пологую зеленеющую травой вершину, белых олушей на

выступах, а над самой водой — черные разрушенные здания тюрьмы.

Догадка поразила меня, как громом.

— Вот куда вы меня везете! — вскричал я.

— На Басс, дружок, всего лишь на Басс, — ответил он. — Где прежде томились святые, а вам будет поприятнее, чем в тюрьме.

— Но ведь там теперь никто не живет! — воскликнул я. — Место это давным-давно заброшено!

— Ну, значит, тем больше птички обрадуются гостю, — сухо сказал Энди.

Было уже совсем светло, и на дне лодки среди больших камней, служащих балластом, я увидел несколько бочонков и корзин, а так же запас топлива. Все это Энди и три моих горца (я называю горцев «моими», хотя, вернее, я был «их») выгрузили на остров следом за мной. Солнце еще не взошло, когда лодка двинулась в обратный путь. Скрип уключин, эхом отражавшийся от скал, вскоре затих, и мы остались в полном одиночестве.

Энди Дейл был хранителем (как я шутливо его прозвал) Басса, исполняя в этом небольшом, но богатом именье обязанности пастуха и егеря. Он приглядывал за десятком-другим овец, щипавших траву на пологой вершине и жиревших, точно сказочный скот, пасущийся на крыше собора. Под его опекой находились и олуши, которые гнездились в расселинах и приносили немалый доход. Их птенцы слывут изысканным лакомством, и гурманы охотно платили по два шиллинга за штуку. Жир и перья взрослых птиц тоже ценятся высоко. Десятину священнику в Норт-Берике и по сей день частично выплачивают олушами. И потому кое-кто считает этот приход весьма выгодным. Ухаживая за овцами и оберегая птиц от браконьеров, Энди нередко неделями безвылазно жил на острове и чувствовал себя там дома, словно фермер среди своих угодий. Теперь, распорядившись, чтобы каждый из нас взвалил на спину часть припасов (что я и поспешил сделать), он отомкнул калитку — попасть на остров можно было только через нее — и повел нас мимо развалин бывшей крепости к дому коменданта. Зола в очаге и кровать в углу свидетельствовали, что это обычное его обиталище.

Кровать, однако, он предложил мне, заметив, что я,

наверное, желаю, чтобы со мной обходились как с человеком благородных кровей.

— Благородство моей крови не имеет никакого отношения к тому, на чем я сплю, — ответил я. — Слава богу, мне не раз доводилось жестко спать, и я с радостью вновь устроюсь на каменном полу. Пока я здесь, мистер Энди, раз это ваше прозвание, я буду разделять ваш труд и жить, как живете все вы, но прошу вас оставить насмешки: они мне совсем не по вкусу.

В ответ он что-то проворчал, но затем, поразмыслив, видимо, одобрил мои слова. Собственно говоря, он был степенным здравомыслящим человеком, добрым вигом и пресвитерианином, ежедневно читал карманную Библию, охотно и дельно рассуждал о религии, во многом склоняясь к камероновским крайностям. Зато моральные его устои оставляли желать лучшего: как я узнал, он получал недурной доход от беспошлинной торговли и превратил развалины Танталлона в склад контрабандных товаров, а жизнь таможенников ценил в полфартинга, не больше.

Ну да эта часть лотианского побережья и по сей день остается дикой, и тамошние обитатели необузданностью не уступят в Шотландии никому.

Одно небольшое происшествие, случившееся в дни моего плена на острове, ясно сохранилось в моей памяти благодаря последствиям, которые оно имело много времени спустя. В то время постоянно крейсировал в проливе между Файфом и Лотианом военный корабль «Морской конек», делая промеры дна в поисках подводных опасностей. В одно погожее утро, едва рассвело, мы увидели его в двух милях от нас к востоку. Спущенная шлюпка, по-видимому, обследовала скалы Уайл-Файр и Сатанс-Буш — два знаменитых тамошних рифа. Затем шлюпку подняли на борт, и корабль, увлекаемый попутным ветром, взял курс прямо на Басс. Энди и горцы струхнули: мое похищение было окружено полной тайной, но, вздумай капитан военного корабля сойти на берег, тайное станет явным, если не случится чего-нибудь похуже. Я был один против четверых и, в отличие от Алана, не чувствовал в себе сил справиться с ними, к тому же опасался, как бы военный корабль еще не ухудшил мою участь. Взвесив все это, я дал Энди слово беспрекословно выполнять его распоряжения, после чего мы все быстро

поднялись на вершину скалы и улеглись в хорошо укрытых местах над обрывом. «Морской конек» продолжал двигаться прямо к острову, и я было подумал, что он, того и гляди, разобьется о каменную стену. Со своей головокружительной высоты мы видели офицеров и матросов на положенных местах и слышали, как лотовые выкрикивают глубину. Затем корабль внезапно сделал поворот фордевинд и дал залп уж не знаю из какого числа больших пушек. Скала задрожала от громового раската, у нас над головами поплыли клубы дыма, а в воздух взмыли неисчислимые множества олушей. Число их превосходило всякое вероятие, а пронзительные крики и взмахи белых крыльев являли собой нечто неповторимое. Подозреваю, что ради этой довольно-таки детской забавы капитан Пеллисер и направился к Бассу. Впоследствии ему пришлось заплатить за нее довольно дорого. Пока «Морской конек» приближался, я хорошо заметил особенности его такелажа и с тех пор был способен узнать его на расстоянии в несколько миль. Это (по милости providения) отвратило грозную беду от одного моего друга, а капитану Пеллисери причинило чувствительное разочарование.

Все время, пока я оставался на скале, жили мы очень недурно. Пили пиво и коньяк на завтрак и ужин, варили кашу из овсяной муки. Время от времени из Каслтона приходила лодка и привозила четверть бараньей туши (овец на скале трогать нам строго-настрого возбранялось, потому что их откармливали на продажу). Молодыми олушами мы, к сожалению, полакомиться не могли — время для этого уже миновало. Зато мы ловили рыбу и частенько предоставляли делать это за нас белым птицам: следили, когда какая-нибудь олуша хватала рыбку и отбирали у нее добычу прямо из клюва.

Необычная природа скалы и всяческие особенности, которыми она изобиловала, развлекали меня и занимали мое время. Бежать оттуда было невозможно, а потому я пользовался полной свободой и исследовал всю поверхность островка, где только могла ступить человеческая нога. Старый тюремный сад все еще радовал взгляд одичавшими цветами и травами, а также вишневыми деревцами со зреющими ягодами. Чуть ниже тюрьмы стояла не то часовня, не то келья отшельника — кто ее построил и кто жил в ней, было давно забыто, и мысль о ее древности да-

вала пищу для долгих размышлений. Да и тюрьма, где я теперь делил временный кров с горцами, ворующими скот, несла в себе память об истории как человеческой, так и божественной. Однако мне казалось странным, что множество заключенных тут в недавние времена святых и мучеников не оставило после себя ни листка Библии, ни имени, выцарапанного на стене, тогда как грубые солдаты, несшие дозор на башнях, оставили свои следы в изобилии — и не только валявшиеся повсюду разбитые курительные трубки, но и металлические пуговицы от мундиров. Порой мне казалось, будто я слышу благочестивое пение мучеников в темнице и вижу, как караульные, дымя трубками, проходят по парапету, а позади них над Северным морем разгорается утренняя заря.

Без сомнения, этими фантазиями я во многом был обязан Энди и его рассказам. Он щеголял осведомленностью во всех тонкостях истории Басса вплоть до имен простых солдат — его родной отец в свое время был одним из них. К тому же он обладал природным даром рассказчика, и казалось, что ты слышишь голоса тех, о ком он повествует, и видишь их воочию. Этот его дар и моя готовность слушать сблизили нас: волей-неволей я должен был признать, что он мне нравится, а вскоре мог убедиться, что в свою очередь нравлюсь ему. Да и правду сказать, я с самого начала прилагал старания, чтобы завоевать его расположение. Нежданное происшествие (о котором будет рассказано в своем месте) способствовало тому, что я преуспел свыше моих ожиданий, однако даже в первые дни держались мы более дружески, чем положено тюремщику и пленнику.

Я пойду против собственной совести, если сделаю вид, будто на Бассе я только страдал. Островок казался мне тихим убежищем, словно я сам укрылся там от всех тревог и бед. Мне ничто не угрожало, а крутые обрывы и глубокое море делали бессмысленными новые попытки к бегству, так что моя жизнь и моя честь были равно в безопасности, и подчас я позволял себе смаковать это ощущение, как сладкий запретный плод. Но в другие часы мои мысли обретали иной оборот. Я вспоминал, какие клятвенные заверения давал и Ранкейлору и Стюарту: мне приходило в голову, что мое заключение на Бассе, отлично видного со значительной части побережья как

Файфа, так и Лотиана, легко счесть моей выдумкой, а тогда в глазах их обоих я предстану хвастуном и трусом. Порой меня это даже не пугало: я убеждал себя, что до тех пор, пока Катриона Драммонд будет ставить меня высоко, мнение всех остальных людей — всего лишь лунные отблески в пролитой воде, и погружался в грезы, которые завораживают влюбленного, но читателю не могут не показаться пустопорожними. Но вскоре меня одолевал новый страх — мое самоуважение негодуяще восставало при мысли о нестерпимой несправедливости всеобщего осуждения, которое меня ожидает. Это давало толчок новому ходу мыслей, и, едва подумав о том, как люди будут судить обо мне, я тоскливо вспоминал, что Джеймс Стюарт томится в темнице, и в моих ушах вновь звучали рыдания его жены. И тогда мной овладевал гнев. Я не мог простить себе, что сижу здесь, ничего не предпринимая, тогда как (будь я настоящим мужчиной) я нашел бы способ уплыть отсюда, и вот тогда-то, заглушая угрызения совести, я и прилагал особые усилия, чтобы завоевать расположение Энди Дейла.

Наконец, когда мы однажды рано поутру поднялись вдвоем на залитую солнцем вершину, я намекнул, что мог бы отблагодарить его как следует. Он посмотрел на меня, откинул голову и захохотал.

— Смейтесь, смейтесь, мистер Дейл! — сказал я. — Но может быть, если вы взглянете вот на эту бумагу, вам расхочется смеяться.

Невежественные горцы отобрали у меня только наличные, и теперь я показал Энди обязательство Британской льняной компании выплатить мне весьма значительную сумму.

— Да, бедняком вас не назовешь, — сказал Энди, прочитав ее.

— Так я и думал, что она заставит вас изменить мнение, — заметил я.

— Э-эй! — воскликнул он. — Из нее следует, что у вас есть чем подкупать, да только меня-то не подкупишь.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил я. — Но сначала хочу доказать вам, что знаю, о чем говорю. Вам приказано держать меня тут по крайней мере до четверга двадцать первого сентября.

— Не скажу, чтобы вы так уж ошиблись, — кивнул

Энди. — Я должен вас отпустить в субботу двадцать третьего сентября, если не получу других распоряжений.

Мне сразу стало ясно все коварство такого замысла: когда я вернусь в Эдинбург, опоздав самую чуточку, это заранее бросит тень на мои объяснения, если я и решусь к ним прибегнуть. И я сразу вознегодовал.

— Вот что, Энди, вы человек бывалый, так послушайте меня и поразмыслите, пока будете слушать, — начал я. — За всем этим, я знаю, стоят большие люди, и вам, полагаю, их имена известны. Мне довелось увидеть кое-кого из них и прямо сказать им в лицо все, что я думаю. Но какое, собственно, преступление я совершил? И что со мной произошло затем? Тридцатого августа меня схватывает кучка оборванных горцев, меня помещают в каменных развалинах, которые (неважно, чем они были прежде) теперь уже не крепость и не тюрьма, а просто сторожка на скале Басс, с тем, чтобы освободить двадцать третьего сентября столь же тайно, как я был схвачен. По-вашему, это законно? Похоже на честное отправление правосудия? Или смахивает на низкую темную интригу, которой стыдятся даже те, кто ее затеял?

— Выглядит это очень скверно, Шос, не спорю, — ответил Энди, — и, не будь они добрыми вигами и истинными пресвитерианами, я бы послал их за Иордан, а согласия не дал бы!

— Владелец Лавета куда какой прекрасный виг! — заметил я. — А пресвитерианин и того лучше!

— Я владельца Лавета не знаю и знать не хочу! — ответил он.

— Да, конечно, дело вы имели с Престонгрейнджем, — перебил я.

— Этого я не говорил, — возразил Энди.

— А зачем, если я и так знаю? — отрезал я.

— В одном, Шос, можете быть твердо уверены, — сказал Энди. — Как бы вы ни тцились, я ни на какую сделку не пойду. Тут мое слово свято, — добавил он.

— Что же, Энди, как вижу, придется мне говорить с вами прямо, — ответил я и рассказал ему о недавних событиях все, что мне казалось необходимо.

Слушал он меня с глубоким вниманием, а когда я кончил, еще несколько минут, казалось, размышлял.

— Шос! — сказал он наконец. — Я тоже пойду в от-

крытую. Станный это рассказ и не о хороших делах, если вас послушать. Но мне не думается, чтобы было все иначе, чем вам кажется. Сам вы, как я сужу, довольно-таки благородный молодой человек. Только я постарше вас, поопытнее и, быть может, вижу в этом деле дальше, чем вы. И вот вам все ясно и просто: если я придержу вас тут, вреда вам никакого не будет, и даже, сдается мне, для вас от этого произойдет только польза. И стране никакого вреда не будет: вздернут еще одного горца — туда ему и дорога, — и вся недолга. А вот если я вас отпущу, мне вред будет, и большой. Вот почему, говорю вам, как честный виг, как ваш добрый друг и как опасливый друг самого себя, придется вам пока томиться тут с Энди и олушами.

— Энди! — сказал я и положил руку ему на колено. — Ведь этот горец невинен!

— Жаль, конечно, — ответил он. — Да только бог уж так сотворил наш мир, что не удастся нам получить того, чего мы хотим.

Глава 15

РАССКАЗ ЧЕРНОГО ЭНДИ ПРО ТКАЧА ЛАПРЕЙКА

Я еще почти ничего не сказал о горцах. Все трое были служителями Джеймса Мора, что достаточно доказывало соучастие и вину их господина. Все трое кое-как понимали по-английски, но лишь Нийл уповал, что умеет свободно поддерживать разговор на этом языке, хотя (когда он предпринимал подобную попытку) его собеседники бывали склонны прийти к совершенно иному заключению. Все трое были покладистыми, простодушными существами, держались гораздо приятнее, чем, казалось, можно было ожидать от столь свирепых на вид оборванцев, и сразу же по собственной воле приняли на себя роль наших с Энди слуг.

Мы еще совсем недолго прожили в развалинах старой тюрьмы, оглашаемых неумолчным загадочным шумом моря и тоскливыми криками морских птиц, как у меня возникло подозрение, что горцами начинает овладевать суеверный страх. Когда им было нечем заняться, они либо

засыпали — способность спать у них была поистине завидной, — либо Нийл развлекал двух своих товарищей какими-то историями, по-видимому всегда на редкость жуткими. Если оба эти наслаждения были почему-либо недоступны — например, двое засыпали, а третьему это удавалось не сразу, — я наблюдал, как лишенный их сидел, прислушиваясь и оглядываясь со все нарастающей тревогой, как глаза у него стекленели, лицо бледнело, кулаки непроизвольно сжимались и весь он внутри напрягался, точно натянутая тетива. Чем порождался этот страх, я так и не узнал, но он был заразительным, а особенности места, где мы находились, способствовали тревожному состоянию духа. Как любил приговаривать Энди:

— Заклятое это место — Басс.

Таким мне и вспоминается остров. Заклятым он бывал по ночам, заклятым и при свете дня. Заклятия чудились в криках олушей, и в плеске моря, и в звуках эха, постоянно отдававшихся в наших ушах. Но все это было так в не слишком ветреную погоду. Если же море разыгрывалось, волны обрушивались на скалу, грохоча, как гром, как барабаны двух сходящихся армий, и внимать им было страшно, но весело. Однако в тихие дни человек, прислушавшись, вдруг испытывал жуткое чувство — и не только горец, как я не раз убеждался на собственном опыте: столько глухих заунывных звуков раздавалось и отдавалось в расселинах и у обрывов скал.

Это возвращает меня к истории, которую мне довелось выслушать, и к тому, что за ней последовало, — к происшествию, которое изменило уклад нашей жизни и определило, как я покинул остров. Однажды вечером я задумался у костра и (потому что в ушах у меня звенела песня Алана) принялся насвистывать. На мой локоть легла ладонь, и голос Нийла потребовал, чтобы я перестал свистеть: ведь это «нечистая музыка».

— Нечистая? — переспросил я. — Почему?

— А потому, — ответил он, — что ее придумал оборотень¹, чтобы забрать твою голову на свои плечи.

¹ Один мой знакомый, ученый знаток фольклора, опознал песню Алана. Она (как кажется) была напечатана в «Сказаниях запада Горной Шотландии» Кэмпбелла (т. II, с. 91). При знакомстве с ней видно, что нерифмованный стишок мисс Грант с некоторыми поправками действительно можно спеть на этот мотив (*Прим. автора*).

— Какие же, Нийл, могут быть оборотни? — сказал я. — Станут они утруждаться, чтобы пугать олушей!

— А! — вмешался Энди. — Вот вы как полагаете? Ну, так я вам скажу, что тут бывало кое-что и похуже оборотней!

— Да что может быть хуже оборотней, Энди? — спросил я.

— Ведьмаки, — ответил он. — Только тут-то водился один ведьмак. И странная это была история! — добавил он. — Коли хотите, я вам расскажу.

Еще бы мы не хотели! И даже тот горец, который совсем мало понимал по-английски, подсел поближе, чтобы не пропустить ни единого слова.

ИСТОРИЯ ЛИСЫ ЛАПРЕЙКА

Отец мой, Тэм Дейл, мир его праху, в молодости отчаянный был парень, без царя в голове, а уж о благочестии и говорить нечего. Бегал за юбками, вино пил кубками, в драках был главный забияка, вот только не доводилось мне слышать, чтобы он в честной работе очень уж отличался. Ну то, да другое, да третье, взял он да и завербовался под конец в солдаты, и отправили его в гарнизон в эту самую крепость, так что из всех Дейлов он первым ступил на Басс. А уж служить тут было куда как скверно. Комендант сам варил пиво, и поило это, говорят, было хуже некуда. Провиант привозили с берега, только следили за этим кое-как и выпадали недели, когда они ловили рыбу и стреляли олушей, чтобы не умереть с голоду. А в довершение всего было это в Дни Гонений, и все тутошные холодные казематы набиты были святыми да мучениками — солью земли, их недостойной. И хотя Тэм Дейл был тут под ружьем, простой солдат, и думал больше про юбки да кубки, как я уже говорил, все же в мыслях у него оставалось место и для другого. Благодарить истинной церкви порой осеняла и его душу. Тогда он преисполнялся гнева из-за того, что божьих святых подвергали таким мукам, и стыдился, что собственными руками (держа в них ружье) помогает столь черному делу. Бывало, по ночам стоит он на посту в глубокой

тишине, а мороз леденит стены, и вдруг какой-нибудь узник затащит псалом, другие подхватят, и вот из всех казематов (или темниц) несутся благословенные звуки, и мнится ему, что это вовсе и не утес посередь моря, а уголок рая небесного. Душу его томил черный стыд, ему вспоминались темные, как Басс, грехи, в которых он был повинен, и самый тяжкий из них — что и он соучаствует в гонениях и поношениях христовой церкви. Только из песни слова не выкинешь — он эти мысли от себя отгонял. Занимался новый день, он возвращался к буйным товарищам и забывал все свои добрые намерения.

В те дни пребывал на Бассе божий человек, «Педен Пророк» по прозванию. Ну, да про него вы небось слышали. Такого, как он, с тех пор не бывало, а многие вам скажут, что и среди прежних равного ему не сыщется. Грозен он был, как торфяное болото в бурю, страшен видом, страшен своими речами и с лицом, как Судный день. Голос у него был громче, чем у олушей, колоколом гудел в человеческих ушах, а слова его падали, как раскаленные уголья.

Ну, а на скале жила тогда одна девушка, и думается, бездельница, ведь не место там было для порядочных женщин. Да только, как будто, смазливая, и с Тэмом Дейлом хорошо ладила. И вот как-то Педен молился в саду, а Тэм с девушкой шли мимо, а она давай смеяться над усердием святого. Поднялся он с колен, поглядел на парочку, и у Тэма от его взгляда аж колени подогнулись. Только заговорил он не гневно, а эдак с грустью. «Бедняжка, — говорит, — бедняжка! — и глядит на девушку. — Я слышал, — говорит, — как ты визжала и хохотала. Но господь уже приготовил для тебя смертельную пулю, и успеешь ты взвизгнуть один-единственный раз!» И совсем мало времени прошло, как она отправилась погулять на вершине, может, с тремя солдатами, может, с четырьмя, а день выдался ветреный. И вот раздул ей ветер юбки, подхватил да и унес. И все солдаты заметили, что она всего разочек и взвизгнула.

Может, кара эта и напугала Тэма, да только ненадолго. Глядь, и все идет по-прежнему. Но вот как-то ругался он с другим солдатом, да и сказал: «Дьявол меня забери!» Он ведь черными словами так и сыпал, Тэм то есть. А Педен уже тут как тут, уставился на него печальным

таким взглядом. Грудь платком перетянута, подбородок торчит, глаза горят, а рука поднята, и ногти на пальцах совсем черные — он плоть свою не баловал. «Бедняга ты, бедняга,— говорит.— Бедный ты дурачок! «Дьявол меня заberi!» — сказал, а дьявол-то вот он, стоит у самого твоего плеча!» И на Тэма, что твоя волна, так и нахлынули мысли о его грехах и о милосердии божьем. Бросил он пику, которую держал в руке, и закричал: «Не подниму я больше оружия против христового дела!» И уж этому слову не изменил. Сначала туго ему пришлось, но потом комендант, как увидел, что он в своем решении тверд, уволил его вчистую, а он поселился в Норт-Берике, женился, и с того дня никто про него дурного слова не сказал.

В году тысяча семьсот шестом перешел Басс в руки Дальримплов, и два человека попросились на него смотрителем. Оба для этого подходили, потому что оба служили там в гарнизоне, знали, как обходиться с олушами, и когда те птенцов выводят, и какие почем. И оба они были — или оба казались — людьми богобоязненными и речистыми. Первым был как раз Тэм Дейл, мой отец. А вторым был Лапрейк, которого люди называли Лиса Лапрейк, а имя ли его люди так переиначили, либо за нрав эдак прозвали, я сказать не могу. Ну, так Тэм пошел повидать Лапрейка по этому делу и повел меня с собой за руку — я тогда еще совсем несмышленишем был. А жил Лапрейк в проулке, к северу за церковь. Темный такой, жуткий проулок, да и про церковь ту дурная слава шла с дней Иакова Шестого — когда королева плыла к нему из-за моря и творились там дьявольские чары. А дом Лисы Лапрейка стоял в самой темной части, и те, кто поосторожней, обходили его стороной. Дверь в тот день была заперта только на щеколду, и мы с отцом прямо вошли в переднюю горницу. В углу там стоял станок, и Лиса сидел перед ним, жирный такой и белый, точно слепленный из застывшего сала. А на губах блаженная улыбочка, от которой он мне сразу опротивел. Рука его направляла челнок, но глаза у него были закрыты. Мы окликнули его, мы вопили в его глухое ухо, мы трясли его за плечо. Никакого толку! Так он и сидел на своей заднице, направлял челнок и улыбался улыбочкой, ну, будто из теплого сала.

— Господи, оборони нас! — сказал Тэм Дейл. — Тут дело нечисто!

Лишь он помянул господа, как Лиса Лапрейк открыл глаза.

— Это ты, Тэм? — говорит он. — А-а! Рад тебя видеть. Я иногда вот так обмираю, — говорит. — Это от желудка.

Ну, начали они толковать про Басс и про то, кому из них двоих быть зрителем, и мало-помалу пошла у них перебранка, и разошлись они в злобе. Я хорошо помню, как мы с отцом возвращались домой и он все время повторял, что не правится ему Лиса Лапрейк и обмирания его не нравятся.

— Обмирает он! — говорит отец. — Думается мне, те, кто так обмирал, частенько костром кончали.

Ну, Басс получил отец, а Лапрейк остался с носом. Потом припомнили, что он тогда сказал. «Тэм, — сказал он, — ты еще раз взял надо мной верх, и уповаю, — говорит, — что найдешь на Бассе то, чего ждал». Ну, потом и припомнили, какие примечательные это были слова. Вот пришло время собирать птенцов. А это дело Тэм Дейл хорошо знал — по скалам он лазил еще мальчишкой — и, кроме себя, тут никому не доверял. И вот висит он на веревке и шарит по обрыву, самому высокому и отвесному. Четверо надежных парней на вершине держали веревку и следили за его сигналами. Но там, где он висел, не было ничего, кроме каменного обрыва, да моря внизу, да кружащих с криками олушей. Утро было весеннее, ясное, и Тэм насвистывал, собирая птенцов. Много раз я слышал, как он рассказывал про этот случай, и всегда у него пот по лицу катился.

Понимаете, он вдруг глянул вверх и видит огромную олушу, и олуша эта щипала веревку. Он подумал — что за странность такая! Никогда за олушами ничего подобного не замечалось. И еще он подумал, что веревки очень мягкие, а птичий клюв и обрывы Басса — очень твердые и что не так уж ему хочется пролететь вниз двести футов.

— Кыш! — кричал Тэм. — Кыш, скверная птица! Лети отсюда!

Олуша глянула вниз на Тэма, и что-то в глазах у нее было такое, нездешнее. Всего разок и глянула и снова давай щипать веревку. Только теперь рвала и трепала она ее, как бешеная. Не было еще олуши, которая бы так

усердно трепала веревку. И словно хорошо понимала, что делает, и зажимала мягкую веревку между клювом и острым камнем в обрыве.

Тут сердце Тэма похолодело от страха.

«Не птица это, — думает он. Глаза у него закатились, и все вокруг почернело. — Если сейчас мне обмереть, — думает, — тут и конец Тэму Дейлу». И он дернул веревку, сигнала, чтобы его тащили наверх.

И вышло, что олуша-то сигналы понимала! Потому что едва веревка задергалась, как она ее бросила, развернула крылья пошире да и кинулась вниз, целя Тэму Дейлу прямо в глаза. А у Тэма был с собой нож, и он его выхватил. И вышло, что олуша-то и про ножи знала! Едва сталь блеснула на солнце, как она крикнула хрипло, так, точно не по ее вышло, и улетела за выступ. И только она улетела, голова Тэма упала ему на плечо, и вытащили они его на вершину, что твоего покойника.

Глоточек коньяку (он у него всегда при себе был) вернул ему разум — или то, что от него осталось. Он приподнялся.

— Беги к лодке, Джорди, беги к лодке, присмотри за ней! Да беги же, — кричит он. — Не то чертова птица ее угонит, — кричит.

Четверо парней переглянулись и ну его успокаивать. Только Тэм Дейл и слушать ничего не хотел, пока один из них тут же не побежал вниз сторожить лодку. Остальные спросили, будет ли Тэм еще спускаться.

— Нет, — говорит он. — И вас не пущу. Дайте только, чтобы ноги меня начали слушаться, и мы уберемся с этой сатанинской скалы.

Так и сделали, не теряя времени. Да оно и кстати вышло, потому они еще до Норт-Берика не добрались, а у Тэма открылась горячка. Лежал он весь в жару, а кто был до того учтив, что приходил о нем справляться? Кто, как не Лиса Лапрейк! Люди говорили потом, что всякий раз, как Лиса подходил к дому, горячка усиливалась. Этого я не знаю, зато знаю хорошо, чем все это кончилось.

Подошло время прохода сигов, и мой дед собрался на ловлю в море. А я, как всякий несмышлениш, не отставал от него, пока он не взял меня с собой. Улов, помнится, был хороший, и шли мы за косяком, пока не очутились

возле самого Басса, где встретились с лодкой Сэнди Флетчера из Каслтона. Вот только в живых его больше нет, не то вы хоть у него самого спросили бы. Сэнди нас окликнул.

— Что это там на Бассе? — кричит.

— На Бассе? — говорит дедушка.

— Ну да, — отвечает Сэнди. — На зеленой стороне.

— Как это что? — спрашивает дедушка. — Известно, кроме овец, на Бассе нет ничего.

— Вроде бы человек, — кричит Сэнди, который подплыл к скале ближе.

— Человек! — повторили мы, и никому из нас это не понравилось. Потому как нигде не было видно лодки, на которой туда мог приплыть человек, а ключ от тюрьмы висел у нас дома, в изголовье кровати моего отца, встроенной в чуланчик.

Держась для надежности рядом, дед с Сэнди подплыли поближе. У деда была зрительная трубка, потому как был он в свое время мореходом и шкипером шхуны, да только потерял ее на мелях Тея. Вот мы поглядели в трубку и правда видим — человек. Чуть пониже часовни, где уступ зарос зеленью, он прыгал один-одинешенек, руками размахивал и плясал, плясал, что тебе бойкая девушка на свадьбе.

— Да это Лиса! — говорит дедушка и передал трубку Сэнди.

— Он самый, — говорит Сэнди.

— Либо кто-то им прикинулся! — говорит дедушка.

— Все одно! — говорит Сэнди. — Хоть дьявол, хоть ведьмак, угощу его из ружья, — говорит он и хватается дробовик, который всегда с собой брал, потому в этих краях лучше его стрелка не было.

— Погоди, Сэнди, — говорит дедушка. — Надо бы сначала получше поглядеть, — говорит, — не то как бы такое дело не обернулось плохо для нас обоих.

— Как бы не так! — говорит Сэнди. — Это божье соизволение и провались все в тартарары!

— Может, так, а может, и не так, — говорит дедушка, достойнейшей души человек. — А только подумай-ка про коронного обвинителя, помнится, ты с ним уже раз передался, — говорит.

Это была сушая правда, и Сэнди чуток поостыл.

— Ладно, Энди,— говорит он.— А ты как бы сделал?

— А вот так,— отвечает дедушка.— У меня лодка побыстрее, и я вернусь в Норт-Берик, а ты оставайся тут и следи за этим там. Коли я Лапрейка не найду, то вернусь и мы вдвоем с ним потолкуем. А коли Лапрейк дома, я подниму флаг в порту и можешь испытать этого там из ружья.

На том они и порешили. Я был совсем несмышлениш и забрался в лодку к Сэнди, чтобы получше все увидеть. А дед дал Сэнди серебряную монетку старой чеканки, чтобы он добавил ее к свинцовой дроби, потому как серебро против оборотней куда вернее, да и уплыл в Норт-Берик, а мы остались, где были, и не спускали глаз с этого на зеленом уступе.

И все время, покуда мы ждали, он скакал, и прыгал, и махал руками, и кружил волчком. И мы слышали, как он, кружа, завывает. Видывал я, как бойкие девушки прыгали и плясали всю зимнюю ночь напролет — прыгали и плясали, пока не наступал зимний день. Да только кругом были люди, и парни их подбадривали, а этот там был один-одинешенек. И девушкам скрипач играл у очага, а этот там плясал под крики олушей, и другой музыки у него не было. И девушки все были молоденькие, и в жилах у них бурлила и пела молодая горячая кровь, а этот там был жирный, как из топленого сала слепленный, мужчина в годах. Говорите, что хотите, а я буду говорить, как верю. Радость у него бушевала в сердце, адская радость, само собой, а все-таки радость. Я себя не раз спрашивал, для чего ведьмы и ведьмаки продают душу (самое дорогое, что у них есть), коли все они морщинистые оборванные старухи и дряхлые нищие старики? И тут я вспоминал, как час за часом один-одинешенек плясал Лиса Лапрейк в черной радости своего сердца. Правда, горят они за это в преисподней, но уж тут они свое удовольствие получали, да помилуй нас бог!

Ну, под конец мы увидели, как малюсенький флаг взлетел на мачте на скалах порта. Сэнди только этого и ждал. Вскинул он свое ружье, хорошенько прицелился и спустил курок. Грохнул выстрел, и с Басса донесся жалобный крик. А мы только глаза протираем да палимся на уступ, как очумелые. Этот там после выстрела и крика пропал без следа. Солнце светило, ветер дул, а на

уступе, где чудище прыгало и скакало секунду назад, никого!

Всю дорогу до дома я плакал и дрожал, так меня напугало, что он вдруг как сквозь землю провалился. Да и взрослые держались немногим лучше. Все молчали, и в лодке слышалось иногда лишь имя божье. В порту народ облепил все скалы, ожидая нас. Лапрейка нашли опять обмершим — направлял челнок и улыбался. Послали какого-то парнишку поднять флаг, а остальные остались стоять в горнице. Уж конечно, нелегко им пришлось, зато кое-кто обрел благодать, пока стоял там, читал про себя молитву (молиться вслух все поостереглись) и смотрел, как этот направляет челнок. Вдруг с жутким визгом Лиса Лапрейк вскочил и упал на станок мертвый, обливаясь кровью.

Когда труп осмотрели, оказалось, что свинцовая дробь только кожу ведьмаку пощекотала. Ни единой свинцовой дробины они не нашли, но дедушкина серебряная монетка засела в самом его жабьем сердце.

Едва Энди договорил, как произошла нелепая стычка, имевшая свои последствия. Я уже упоминал, что Нийл сам был завзятый рассказчик. Потом мне говорили, что он знал все горские сказания, а потому был о себе самого высокого мнения, да и другие его высоко ставили. И рассказ Энди напомнил ему об истории, которую он уже слышал.

— Она уже про это раньше знала, — сказал Нийл. — Это было с Юстином Мором Макгилли Фадригом и Гаваром Вуром.

— И вовсе нет! — воскликнул Энди. — Это было с моим отцом (ныне усопшим) и ткачом Лапрейком. — А ты утрись своей бородой и держи язык за своими горскими зубами!

Как свидетельствует история и как можно убедиться на опыте, благородные сословия Нижней Шотландии обычно умеют ладить с горцами, чего нельзя сказать о ее простонародье. Я уже замечал, что Энди постоянно был готов к ссоре с тремя нашими Макгрегорами, и теперь эта ссора вспыхнула.

— Так с людьми благородных кровей не говорят, — крикнул Нийл.

— Благородных кровей! — повторил Энди. — Благородных, горская ты орясина! Увидел бы ты себя таким, каким тебя другие видят, так тебя бы сразу наизнанку вывернуло!

Нийл выругался по-гэльски, и в его руках блеснул черный нож.

Времени на размышления не оставалось: я схватил горца за колено, опрокинул и прижал к полу руку с ножом прежде, чем сообразил, что я делаю. Остальные двое кинулись к нему на выручку, мы с Энди были безоружны и в меньшинстве. Казалось, пришел наш конец, но тут Нийл закричал по-гэльски, его товарищи попятились, и он сдался на мою милость самым покорным образом и даже отдал мне свой нож, который утром я ему вернул, после того он снова и снова обещал, что ничего подобного не повторится.

Но я твердо понял две вещи: во-первых, что не стоит особенно полагаться на Энди, который, бледный как смерть, прижался к стене и отошел от нее, только когда все было кончено; а во-вторых, что горцы, видимо, получили самое строгое приказание всячески заботиться о моей безопасности, и это давало мне известное над ними преимущество. Но если Энди не хватало храбрости, в отсутствии благодарности упрекнуть его было нельзя. Не то чтобы он выражал мне ее на словах, но вся его манера держаться со мной совсем переменилась, а так как он начал теперь очень бояться наших горцев, мы с ним стали почти неразлучны.

Глава 16

ПРОПАВШИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Семнадцатого, в день, когда мне следовало встретиться со стряпчим, я изнывал от бессильного гнева. Мысль о том, что вот сейчас он ждет меня в «Королевском гербе», о том, что он подумает и что скажет при нашей следующей встрече, невыносимо терзала и мучила меня. Я не мог не признать, насколько неправдоподобным выглядит то, что произошло со мной, но как тяжело оказаться в положении лжеца и труса после того, как ты сделал все, от

тебя зависевшее, и ни в чем по доброй воле не отступил от данного обещания! С какой-то горькой радостью я мысленно повторил эти слова и заново перебрал в памяти всю цепь моих поступков. Нет, и родной брат не сделал бы для Джеймса Стюарта больше, чем я! Тем, что осталось в прошлом, я мог только гордиться, и значит, думать мне следовало только о нынешнем моем положении. Я не плаваю, как рыба, не летаю, как птица, но остается еще Энди. Я оказал ему услугу, он ко мне расположен,— значит, есть на что опереться. Хотя бы для очистки совести следует попробовать еще раз.

День клонился к вечеру, Басс окутывала тишина, нарушавшаяся лишь плеском легких волн, и Макгрегоры втроем поднялись на вершину, а Энди со своей Библией устроился на солнечной площадке среди развалин. Когда я нашел его там, он крепко спал, и едва его глаза открылись, как я принялся с жаром его уговаривать, прибегая к самым убедительным доводам.

— Если бы я мог поверить, что от этого вам будет выгода, Шос! — сказал он, глядя на меня поверх очков.

— Это же ради спасения ближнего, — настаивал я. — И чтобы я не нарушил слова. Какая выгода выше? Или вы забыли писание, Энди? А ведь вот оно, у вас на коленях! «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир?»

— Так-то оно так, — ответил он, — да только для вас. А моя-то какая польза? Свое слово и мне надо сдержать, не только вам. А вы чего просите? Чтобы я вам его продал за чистоган.

— Энди! Разве я о деньгах хоть заикнулся?

— Не в словах дело. Суть все равно одна, — сказал он. — Если я окажу вам такую услугу, то я лишусь хлеба насущного. И понятно, вам придется возместить мне это, да с добавкой, чтобы себя не уронить. Ну, и что же это, как не подкуп? И если бы хоть дело верное было! Только, как погляжу, это еще бабушка надвое сказала. А если вас пошлют на виселицу, со мной что тогда будет? Нет. Тут и говорить не о чем. Идите-ка себе, как разумный юноша, и не мешайте Энди дочесть главу.

Помнится, в глубине души меня обрадовал такой исход, и я начал испытывать чуть ли не благодарность к Престонгрейнду, который таким насильственным про-

тивозаконным способом спас меня от всех осаждавших меня опасностей, искушений и сомнений. Но подобное самооправдание было слишком легковесным, слишком трусливым, и вскоре мои мысли обратились к Джеймсу. Двадцать первое число, на которое был назначен суд, я провел в таких мучениях духа, каких никогда не испытывал, — разве что на острове Эррейд. Почти все время я пролежал на склоне в тяжелом полусне, тело мое было недвижно, в голове теснились беспорядочные мысли. Время от времени я засыпал, но зал суда в Инверэри и обвиняемый, оглядывающийся по сторонам в надежде увидеть пропавшего свидетеля, вторгались и в мои сны. И, вздрогнув, я просыпался, чтобы вернуться к душевным и телесным страданиям. По-моему, Энди следил за мной, но я не обращал на него внимания. Истинно хлеб мой был мне горек и дни мои стали для меня бременем.

Рано утром на следующий день (в пятницу двадцать второго), лодка привезла провизию, и Энди принес мне пакет. Адреса на нем не было, но он был запечатан казенной печатью. Внутри было два письма. «Мистер Бальфур не может не понимать, что вмешиваться уже поздно. Его дальнейшее поведение не останется не замеченным, и его сдержанность будет вознаграждена». Таким было первое послание, написанное, по-видимому, с немалым трудом левой рукой. Бесспорно, эти строки не содержали ничего, что могло бы стать опасным для их автора, даже если бы его удалось найти. Печать, внушительно заменявшая подпись, была поставлена на отдельном листе, на котором ничего написано не было, и мне пришлось признать, что мои противники знали, что делают, а также переварить угрозу, просвечивавшую под обещанием.

Второе вложение оказалось куда более неожиданным. Рука была женская: «Да будет ведомо мистеру Дэвиду Бальфур, что о нем справлялась дружеская душа и глаза у нее серые». Получив подобную записку в таком месте, да еще и под казенной печатью, я совсем растерялся. В моей памяти засияли серые глаза Катрионы. И я с радостью подумал, что «дружеская душа» — это она. Но кто та, чья записка оказалась в пакете Престонгрейнджа? И самое странное: зачем сочли нужным прислать мне эти очень приятные, но совершенно ни с чем не вяжущиеся

сведения на Бассе? Я подумал, что сделать это могла только мисс Грант. Она и ее сестры, припомнил я, особенно восхищались глазами Катрионы и даже дали ей прозвище «Сероглазка». Да и в тоне записки сквозила та же легкая насмешливость, с какой мисс Грант имела обыкновение ко мне обращаться, — как к деревенскому увальню, казалось мне. И жила она в том же доме, где запечатывался пакет. Оставалось только объяснить, для чего Престонгрейндж вообще посвятил ее в столь щекотливое дело и как он допустил, чтобы ее нелепая цидулка оказалась в его пакете. Но даже тут у меня мелькнула догадка. Во-первых, эта молодая особа производила довольно-таки внушительное впечатление, и откуда мне было знать, насколько папенька у нее под каблуком? А во-вторых, я не забыл тактики, которой он неизменно придерживался: его обхождение со мной было почти все время учтивым, даже ласковым и в минуты самых ожесточенных наших споров он ни разу полностью не сбросил маску дружбы. Разумеется, он понимает, в какое негодование привел меня мой плен. И эта шутливая дружеская весточка должна смягчить меня?

Буду честен: так и произошло. Внезапно я подумал о мисс Грант с сердечной теплотой, тронутый ее благожелательным интересом к моим делам. Упоминание Катрионы само по себе придало моим мыслям более кроткий и трусоватый оборот. Если лорд-адвокат знает про нее и про наше знакомство и если я угрожу ему «сдержанностью», которой требует письмо... как знать, к чему это может привести. «В глазах всех птиц напрасно расставляется сеть», — гласит писание. Значит, птицы мудрее людей! Вот я разгадал эту тактику и все же попался на крючок.

Я был зачарован — мое сердце колотилось, а два серых глаза светили мне, как две звезды... Но и тут мои грезы перебил Энди.

— Видно, вы получили хорошие известия, — сказал он.

Я заметил, что он с любопытством вглядывается в мое лицо. Тут же у меня перед глазами встал Джеймс Стюарт, суд в Инверэри. — и мысли мои сразу повернулись в другую сторону, точно дверь на петлях. Судебные процессы, подумал я, иногда тянутся дольше, чем предполагают вначале. Даже если я появлюсь в Инверэри позже,

чем следовало, быть может, для Джеймса еще удастся чего-нибудь добиться, и во всяком случае я-то сделаю все, что в моих силах. И тотчас, словно сам собой, у меня сложился план.

— Энди,— сказал я,— мой плен кончается завтра?

Он ответил, что никаких новых распоряжений не получил.

— А час назначили? — спросил я.

Он ответил, что мы отправимся в два часа дня.

— Ну, а место? — продолжал я.

— Какое место? — переспросил Энди.

— Где меня следует высадить? — сказал я.

Он признался, что на этот счет у него никаких указаний нет.

— В таком случае,— сказал я,— выбирать предоставлено мне. Ветер дует с востока, моя дорога ведет на запад. Не отсылайте свою лодку, я ее у вас нанимаю. Будем плыть на закат весь день, а завтра высадите меня в два часа так далеко на западе, как мы сумеем добраться.

— Вот полоумный смельчак выискался! — воскликнул он.— Небось попробуешь все-таки попасть в Инверэри!

— Верно, Энди,— подтвердил я.

— Ну с вами всякое терпение лопнет! — сказал он.— А я вчера весь день вас жалел,— добавил он.— Я ведь до самого этого дня не мог решить, чего вы на самом деле хотели.

Пришпорили хромую лошадь!

— Словечко вам на ухо, Энди,— сказал я.— У этого моего плана есть еще одно преимущество. Горцев мы оставим тут, и одна из ваших лодок заберет их завтра. Нийл все время на вас косится. Как знать, стоит мне выйти за калитку, и опять в ход пойдут ножи! Эти оборванцы очень злопамятны. И если кто-нибудь что-нибудь скажет, вот вам готовое оправдание: эти дикари угрожали нам. Отвечая за мою жизнь, вы сочли за благо забрать меня со скалы и продержат до конца срока в своей лодке. И знаете что, Энди,— закончил я с улыбкой,— по-моему, вы очень мудро рассудили.

— По чести, я без Нийла обошелся бы,— сказал Энди,— а он, думается, без меня. И не хотелось бы мне схватиться с ним. Тэм Энстер лучше со всеми ними поладит. (Энстер был родом из Файфа, где еще говорят

по-гэльски.) Вот-вот! — продолжал Энди. — Тэму с ними легче будет. И по чести, как я ни думаю, а куда нам отсюда плыть, додуматься не могу. Место! Место-то они, прах его забери, и забыли! Э-э, Шос! Когда вам надо, голова у вас хорошо соображает! Да и что ни говори, а я вам обязан жизнью, — добавил он торжественно и протянул мне руку, скрепляя уговор.

Не тратя лишних слов, мы без предупреждения спустились в лодку, отчалили и подняли парус. Макгрегоры готовили завтрак (стряпней занимались они), но один из них зачем-то поднялся на парапет, и наше бегство было замечено, когда мы не отошли от скалы и на двадцать саженей. Все трое заматались среди развалин и на уступе, служившем пристанью, — совсем как муравьи в разворошенном муравейнике — махали руками и звали нас. Мы еще находились с подветренной стороны острова и в его тени, которая широко лежала на волнах, но тут же одновременно вышли на солнечный свет и на ветер. Парус надулся, лодка накренилась, чуть не черпнув воды, и полетела вперед с такой быстротой, что их голоса сразу же затихли вдали. Трудно вообразить ужасы, которые они должны были испытать на скале, где остались теперь одни, без поддержки образованных людей и без защиты хотя бы Библии. И даже коньяком они утешиться не могли, так как, несмотря на всю спешку и необходимость сохранить наш отъезд в тайне, Энди умудрился захватить его с собой.

Сначала мы позаботились высадить Энстера в бухте у скал Глентейти, чтобы брошенные на острове горцы были спасены на следующий же день. Оттуда мы поплыли вверх по Форту. Бриз, до тех пор очень свежий, теперь ослабел, но все-таки до самого конца помогал нам. Весь день мы продолжали плыть, хотя иногда и очень медленно, и уже стемнело, когда мы подошли к Куинсферри. Для того чтобы не нарушить буквы своих обязательств (хотя что уж было теперь нарушать!), Энди попросил меня остаться в лодке, но я решил, что мне позволено снестись с берегом посредством письма. На обертке престонгрейнджевского пакета (казенная печать на ней, несомненно, весьма удивила моего адресата) я при свете лодочного фонаря написал несколько необходимейших слов, и Энди отправился с этим посланием к Ранкейлору.

Примерно через час он вернулся с тугим кошельком и обещанием, что завтра в два часа дня у Клэкманнен-Пула меня будет ждать оседланный конь. Покончив с этим делом, мы легли спать, укрывшись парусом, а каменный якорь надежно удерживал лодку.

В Пул мы пришли на следующий день задолго до двух, но я вынужден был сидеть в лодке, сложа руки, и ждать. То, что мне предстояло, меня отнюдь не манило. Я был бы рад любому предлогу отказаться от своего намерения. Но так как никакого предлога не нашлось, я изнывал от нетерпения почти так же, как если бы стремился навстречу какой-нибудь радости. В начале второго у пристани уже стояла лошадь и возле нее, дожидаясь меня, расхаживал взад и вперед какой-то человек. Мое нетерпение возросло еще больше. Энди рассчитал миг моего освобождения очень точно, показав себя человеком, который от своего слова не отступает, однако служит тем, кто его нанял, лишь от сих и до сих и хотя полной мерой, но без походу. После двух не прошло и пятидесяти секунд, как я уже был на коне и во весь опор летел в Стерлинг. Час спустя я миновал этот город и поднимался на склон за Алан-Уотером, но тут разразилась настоящая буря. Дождь слепил меня, ветер почти срывал с седла, и сумерки застали меня в глухом месте где-то к востоку от Балкухиддера. Я опасался, что сбился с пути, а конь мой заметно притомился.

Не желая терять ни минуты, я не заручился услугами проводника, который во многом был бы мне помехой, и старался (насколько это было возможно верхом) повторить путь, однажды проделанный вместе с Аланом. Я поступил так с открытыми глазами, предвидя возможную опасность, которую буря теперь сделала явью. Около шести часов я еще примерно знал, что нахожусь около Ям-Вара, а потом потерял всякое представление о дороге и до сих пор считаю великой удачей, что к одиннадцати часам все-таки добрался до своей цели — до дома Дункана Ду. Где я кружил это время, известно, быть может, моему коню. Я же знаю только, что мы дважды падали вместе, а один раз я вылетел из седла, и меня было потащил ревущий горный поток. Глиной и конь и всадник были вымазаны по уши.

От Дункана я узнал о том, что происходило в суде. Во

всей Горной Шотландии за процессом следили со жгучим интересом. Известия о нем распространялись из Инверэри с той быстротой, с какой были способны скакать лошади и бежать люди, и я с радостью узнал, что поздно вечером в субботу он еще не закончился. Все полагали, что в понедельник будет еще заседание. Услышав это, я отказался сесть поужинать и тут же вместе с Дунканом, который вызвался меня проводить, отправился дальше пешком, грызя на ходу краюшку хлеба. Дункан захватил с собой фляжку с ускебо и фонарь, который освещал нам путь все время, пока мы находили дома, где можно было его вновь зажечь, так как он сильно протекал и гаснул при каждом сильном порыве ветра. Добрую половину ночи мы брели наугад под струями дождя и к рассвету совсем заплутались. С первыми лучами зари мы увидели на склоне над речкой хижину, где нам дали поесть и показали дорогу, так что мы подошли к дверям церкви в Инверэри перед самым концом проповеди.

Дождь несколько смыл глину с моего лица и одежды, но ноги она облепляла до самых колен. С меня ручьями стекала вода, я еле брел и был бледен, как привидение. Без сомнения, чистая одежда и теплая постель были мне много нужнее религиозных наставлений. Тем не менее (полагая, что мне следует как можно быстрее заявить о себе) я открыл дверь, вошел в церковь в сопровождении не менее мокрого и грязного Дункана и опустился на ближайшую свободную скамью.

— В-тринадцатых, братья мои, и в кавычках, сам закон следует считать средством спасения души,— говорил священник увлеченным тоном любителя дебатов.

Из уважения к судебной сессии проповедь читалась по-английски. В церкви сидели судьи и их телохранители, чьи алебарды посверкивали в углу у двери, все скамьи чернели мантиями служителей закона. Текст проповеди был взят из «Послания к римлянам» — тринадцатый стих пятой главы, священник блистал красноречием, и все присутствующие, начиная от Аргайля и лордов Элхиса и Килкеррана и до алебардщиков их охраны, сосредоточенно сдвинув брови, слушали его с глубоким взыскательным вниманием. Священник и те, кто находился возле двери, заметили наше появление, но тут же про нас забыли, остальные либо не слышали, либо просто не

обернулись, и я сидел там среди моих друзей и врагов, словно невидимый.

Первый, кого я высмотрел, был Престонгрейндж. Он наклонился вперед, как всадник, припавший к шее коня, его взгляд не отрывался от священника, а губы складывались в одобрительную улыбку — доктрина явно была ему по вкусу. Зато Чарлз Стюарт, бледный, измученный, клевал носом. А вот Саймон Фрэзер выделялся среди сосредоточенных прихожан, как темное пятно, и поведение его было почти непристойным: он засовывал руки в карманы, закидывал ногу за ногу, покашливал, вздергивал жидкие брови, косил глазами вправо и влево, то позевывая, то с загадочной улыбочкой. Иногда он брал в руки Библию, пролистывал ее, делал вид, будто погружался в чтение, вновь начинал ее листать, откладывая и широко зевал — и все это словно для развлечения.

В очередной раз поворачивая голову, он вдруг увидел меня, на секунду словно окаменел, а потом вырвал из Библии пол-листка, написал карандашом несколько слов и передал бумажку соседу, что-то ему шепнув. Записка добралась до Престонгрейнджа, который бросил на меня один-единственный взгляд, затем она попала к Эрскину, а от него к Аргайлю, сидевшему между двумя судьями. Его светлость обернулся и смерил меня надменным взглядом. Последним из тех, кого мое присутствие могло заинтересовать, заметил его Чарлз Стюарт, и он тоже начал писать карандашом и посылать записки, но мне не удалось проследить в толпе, кому они предназначались.

Однако передача записок привлекла общее внимание, и все, кто был посвящен в тайну (или думал, что посвящен), шепотом делились сведениями, прочие задавали вопросы. Священника заметно смутило такое нарушение благочиния — вся эта внезапная суeta и шушуканье. Он запнулся и больше уже не сумел вернуться к прежнему убежденному тону и благозвучности. Вероятно, до своего последнего дня на земле он так и не понял, почему проповедь, почти до самого конца покорявшая слушателей, внезапно утратила над ними всякую власть.

Я же продолжал сидеть на своем месте, мокрый насквозь, измученный, не зная, что произойдет дальше, и все же полный торжества.

ПРОШЕНИЕ

Едва священник умолк, как Стюарт уже взял меня за локоть. Мы первыми покинули церковь, и он так спешил, что мы укрылись в безопасности какого-то дома прежде, чем улицу заполнили расходящиеся по домам прихожане.

— Я все-таки успел? — спросил я.

— И да и нет, — ответил он. — Разбирательство окончено, присяжные удалились на совещание и завтра утром любезно ознакомят нас со своим заключением — тем самым, которое я мог бы изложить еще три дня назад, даже прежде, чем был разыгран этот фарс. Все обо всем знали с самого начала. И присяжные тоже. «Как бы ты ни бился ради меня, — шепнул он мне два дня назад, — то, что сейчас герцог Аргайльский сказал мистеру Макинтошу, свидетельствует, какая судьба мне уготована». А! Это было возмутительнейшее бесстыдство!

Великий Аргайль вышел вперед,
Пушкам стрелять он знак подает!

Даже судебный пристав и тот кричал: «Так его!» Но теперь, когда ты тут, я больше не отчаиваюсь. Дуб еще восторжествует над миртом, мы еще возьмем верх над Кэмпбеллами в их собственном городе! Дай бог, чтобы я увидел этот день!

Он просто прыгал от волнения, тотчас вывернул свои дорожные сумки, чтобы я выбрал, во что переодеться, и очень мешал мне разными услугами, пока я менял костюм. Что теперь я должен был делать и как — об этом он не сказал ни слова и, мне кажется, даже не задумался. «Мы еще возьмем верх над Кэмпбеллами!» — и больше пока его ничто не занимало. Волей-неволей я должен был прийти к заключению, что это чинное судоразбирательство служило лишь ширмой, скрывавшей ожесточенную схватку между дикими кланами. И мой друг стряпчий в свирепости не уступал самому невежественному горцу. Те, кто видел его только за спиной адвоката в обычном суде или клюшкой бьющим по мячу на Брунтсфилдском поле для гольфа, вряд ли узнали бы его в этом возбуж-

денно вопящем и полном ярости члене оскорбленного клана!

У Джеймса Стюарта было четыре помощника — шерифы Браун из Коулстона и Миллер, мистер Роберт Макинтош и мистер Стюарт-младший из Стюарт-Холла. После проповеди они явились на обед к стряпчему и меня весьма любезно пригласили разделить с ними трапезу. Едва скатерть была убрана и шериф Миллер искусно смешал первую чашу, мы заговорили о том, что нас занимало больше всего. Я коротко рассказал, как меня захватили и держали в плену, после чего меня начали подробно расспрашивать и переспрашивать обо всех обстоятельствах убийства. Я впервые получил возможность рассказать подробно о том, чему был свидетелем, опытным участникам судебных заседаний, и, оценив мои показания, они заметно пали духом. Я же, должен признаться, испытал горькое разочарование.

— Короче говоря, — сказал Коулстон, — вы свидетельствуете, что Алан находился там. Прежде вы не раз слышали, как он угрожал Гленуру, и, пусть, как вы нас заверяете, стрелял не он, но ваши показания позволяют заключить, что он был сообщником стрелявшего, дал согласие на покушение и, возможно, споспешествовал ему делом. Далее из вашего рассказа следует, что он с опасностью для собственной свободы содействовал бегству преступника. А остальные ваши свидетельства (имеющие хотя бы какое-то отношение к делу) опираются на ничем не подкрепленные утверждения либо Алана, либо Джеймса, то есть двух обвиняемых. Иными словами, вы не только не рвете, но на одного свидетеля удлиняете цепь, которая сковывает нашего клиента с убийцей. И мне вряд ли нужно указывать, что появление третьего сообщника только подкрепляет утверждение о существовании заговора, с самого начала бывшее для нас камнем преткновения.

— Я разделяю это мнение, — сказал шериф Миллер. — Мне кажется, мы должны быть благодарны Престонгрейнджу, что он убрал свидетеля, крайне для нас неудобного. А больше всех благодарен должен быть сам мистер Бальфур. Вы упомянули про третьего соучастника, но мистер Бальфур, как мне кажется, весьма смахивает на четвертого.

— Позвольте мне, господа! — вмешался стряпчий

Стюарт. — Тут есть еще одна сторона. Вот свидетель — и неважно, насколько существенны его показания! — свидетель по этому делу, которого похищает разбойничья шайка гленгайлских Макгрегоров и почти месяц держит среди развалин на Бассе! Заявите об этом и увидите, какой грязью вы обольете этот процесс! Господа, такое происшествие вызовет шум во всем мире! И, располагая подобным оружием, неужели мы не сможем добиться помилования для моего клиента?

— Ну, предположим, мы завтра же попробуем подать жалобу от имени мистера Бальфура, — сказал Стюарт Холл. — Если только я не сильно ошибаюсь, на нашем пути возникает столько препятствий и проволочек, что Джеймса успеют повесить прежде, чем мы найдем суд, который согласится нас выслушать. Это возмутительнейший произвол, но, полагаю, никто из нас не забыл еще более вопиющий случай. Я имею в виду похищение леди Грейндж. Она по-прежнему томится в неволе. Мой друг мистер Хоуп из Ранкейлора сделал все, что в человеческих силах, для ее освобождения. И чего он добился? Даже предписания об ее освобождении не получил! То же будет и теперь. В ход будут пущены те же средства. Господа, речь идет о клановой вражде. Ненависть к имени, которое я имею честь носить, бушует в самых высоких сферах. И если копнуть, тут нет ничего, кроме оголтелой кэмпбелловской злобы и гнусной кэмпбелловской интриги.

Разумеется, это задело больную тему, и довольно долго я сидел, совершенно оглушенный: ученые законоведы говорили без умолку, перебивая друг друга, но я так и не понял, о чем именно. Стряпчий задал тон парой-другой крепких выражений, Коулстон не согласился с ним и попытался доказать свое. Вмешались еще двое, отстаивая каждый свое мнение, и все четверо не жалели голоса. Из герцога Аргайльского выбили всю пыль, точно из старого одеяла, досталось на орехи и королю Георгу, хотя его главным образом защищали с помощью весьма сложных доводов, и лишь один человек был как будто полностью забыт — Джеймс Гленский.

На протяжении всего спора мистер Миллер хранил спокойное молчание. Это был сухенький старичок, румяный, с веселыми искорками в глазах. Говорил он красивым, звучным голосом, в котором сквозило бесконечное

лукавство, и каждое слово произносил, точно актер, со всей возможной выразительностью. И даже теперь, когда он хранил молчание, сидя без парика, держа стакан обеими руками и выставив подбородок вперед, а губы его складывались в забавную улыбочку, его можно было счесть воплощением добродушной хитрости. Он, совершенно очевидно, намеревался кое-что сказать, но выжидал удобного случая. И случай этот не замедлил представиться. Коулстон завершил одну из своих тирад напоминанием об их долге перед клиентом. Мне показалось, что его собрата шерифа этот переход обрадовал. Он поднял руку и обвел взглядом сидевших за столом.

— Это наводит меня на соображение, о котором пока не было речи,— начал он.— Бесспорно, на первом месте остаются интересы нашего клиента. Однако на Джеймсе Стюарте мир не кончается! — Он прищурился.— Я мог бы *exempli gratia*¹ сослаться на неких мистера Джорджа Брауна, мистера Томаса Миллера и мистера Дэвида Бальфура. У мистера Дэвида Бальфура есть веские основания для подачи жалобы, и я полагаю, господа, если изложить ее надлежащим образом, будет хорошая буча.

Все повернулись к нему единым движением.

— Умело изложенная и правильно поданная, его история не может остаться без последствий,— продолжал он.— Все представители правосудия в этом деле, от самых высоких до самых низких, окажутся скомпрометированными, и, сдается мне, их должны будут заменить.— Говоря все это, он прямо-таки лучился лукавством.— И мне не надо объяснять вам, что вести дело мистера Бальфура будет одно удовольствие.

Ну, тут все они ринулись за новым зайцем: дело мистера Бальфура, да какие речи можно будет произнести, да кого из судейских удастся отстранить, да кто их заменит. Я приведу лишь два примера. Кто-то предложил прощупать Саймона Фрэзера, чьи показания, если бы их можно было добиться, несомненно, выбили бы опору из-под ног Аргайля и Престонгрейнджа. Миллер весьма одобрил такую попытку.

— Перед нами стоит истекающее соком жаркое,— сказал он,— от которого каждый может отрезать кусочек.

¹ Для примера (лат.).

И право же, мне показалось, что все они облизнулись.

Еще один пример — под самый конец. Стряпчий Стюарт ликовал, предвкушая месть главному своему врагу, герцогу.

— Господа! — сказал он, наполняя свой стакан. — Выпьем за здоровье шерифа Миллера. Его таланты на поприще правоведения всем нам известны, о иных его талантах достойно свидетельствует вот эта чаша. Но уж когда дело доходит до политики!.. — вскричал он и осушил стакан.

— Да, но это ведь не политика в том смысле, какой вы имеете в виду, друг мой, — сказал польщенный Миллер. — Революция, если угодно, и мне кажется, я могу обещать вам, что историки будут датировать ее делом мистера Бальфура. Но при надлежащем ее ведении, при осторожном ведении, мистер Стюарт, она обернется мирной революцией.

— Ну, если проклятые Кэмпбеллы останутся в дураках, я лить слез не стану! — воскликнул Стюарт, ударяя кулаком по столу.

Нетрудно догадаться, что все это мне не слишком нравилось, хотя я с трудом удерживал улыбку — столь простодушно-наивными были эти старые мастера интриг. Но я претерпел столько невзгод не для того, чтобы шериф Миллер возвысился, и не для того, чтобы в парламенте произвели революцию, а потому я вмешался в разговор со всей безыскусностью, на какую был способен.

— Позвольте поблагодарить вас, господа, за совет, — сказал я. — А теперь, с вашего разрешения, мне хотелось бы задать вам два-три вопроса. Во-первых, одна вещь словно бы упускается из виду: принесет ли такой оборот дела пользу нашему другу Джеймсу Гленскому?

Они как будто немного опешили и ответили каждый на свой лад, хотя все сошлись в одном — Джеймсу теперь можно уповать только на королевское помилование.

— Пойдем далее, — продолжал я. — А Шотландии оно какую-нибудь пользу принесет? У нас есть поговорка, что только скверная птица марает собственное гнездо. Помнится, мне рассказывали, что в дни моего младенчества в Эдинбурге произошли беспорядки и это дало повод покойной королеве назвать нашу страну варварской. Нам же, насколько я понимаю, они принесли только вред.

Затем настал сорок пятый год и о Шотландии заговорили повсюду, но я ни разу ни от кого не слышал, чтобы сорок пятый год принес нам хотя бы малейшую пользу. А теперь перейдем к делу мистера Бальфура, как вы его назвали. Шериф Миллер сказал, что для историков оно послужит исходной датой,— и я склонен с ним согласиться. Но боюсь только, что они усмотрят в нем исходную дату эпохи бедствий и общественных потрясений.

Сообразительный Миллер уже почуял, куда я клоню, и поспешил свернуть на тот же путь.

— Сильно сказано, мистер Бальфур! — воскликнул он. — Веское замечание, сударь!

— Далее нам следует спросить себя, будет ли от этого польза королю Георгу, — продолжал я. — Шериф Миллер как будто смотрит на это довольно легко, но, думается мне, вряд ли удастся обрушить вокруг монарха дом так, чтобы его величество не получил ушибов, любой из которых может оказаться роковым.

Я умолк, давая возможность возразить мне, но они промолчали.

— Теперь о тех, кому это дело может оказаться выгодным, — возобновил я свою речь. — Шериф Миллер перечислил несколько имен, к которым любезно присовокупил и мое. Надеюсь, он извинит меня, если я с ним не соглашусь. Мне кажется, я не уклонялся и не прятался, пока речь шла о возможности спасти жизнь человека, но, признаюсь, я считал, что подвергаю себя немалым опасностям, и, признаюсь, мне кажется, будет очень жаль, если молодой человек, помышляющий стать законоводителем, приобретет репутацию смутьяна и любителя ловить рыбку в темной воде, когда ему еще не исполнилось и двадцати! Джеймсу же, по-видимому, теперь, когда приговор уже почти вынесен, не остается иной надежды, кроме милосердия короля. Так не лучше ли воззвать к его величеству, не пятная публично людей, вознесенных им столь высоко, и не ставя меня в положение, которое, по моему убеждению, приведет к моей гибели?

Они все молча смотрели в свои стаканы, и я понял, что им очень не нравится позиция, которую я занял. Впрочем, Миллера я врасплох не застал.

— Если мне будет дозволено облечь мысль нашего юного друга в более четкую форму, — сказал он, — то,

насколько я понял, он предлагает, чтобы мы изложили факт насильственного его задержания и, пожалуй, суть некоторых показаний, которые он готовился дать, в прошении на имя монарха. Этот план несет в себе обещание успеха. Он не менее — а, пожалуй, и более — любого другого может помочь нашему клиенту. Не исключено, что его величество соизволит счесть всех, имеющих отношение к указанному прошению, достойными некоторой благодарности, ибо в ней можно будет усмотреть выражение весьма тонкого верноподданнического усердия. И мне кажется, составляя его, необходимо иметь в виду именно это.

Они закивали, хотя и не без вздохов, так как первый план, несомненно, был им более по вкусу.

— Ну так прикажите подать бумаги, мистер Стюарт,— продолжал Миллер.— Мне представляется весьма уместным, если прошение подпишем все мы пятеро здесь присутствующие, как защитники осужденного.

— Во всяком случае вреда нам от этого не будет,— заметил Коулстон с новым вздохом, так как последние десять минут он уже видел себя лордом-адвокатом.

После чего они без видимой охоты занялись прошением, но вскоре загорелись, и мне оставалось только играть роль зрителя да изредка отвечать на тот или иной вопрос. Документ получился весьма убедительный. Начинался он с изложения моей истории — награда, обещанная за мою поимку, моя добровольная сдача властям, средства, пущенные в ход, чтобы воздействовать на меня, мой плен и мое появление в Инверэри, когда было уже поздно. Далее объяснялось, во имя каких интересов государства и верноподданнических чувств было решено отказаться от права искать воздаяния, а в заключение следовали красноречивый призыв к королевскому милосердию и просьба помиловать Джеймса.

Мне показалось, что меня безжалостно принесли в жертву и представили эдаким бесшабашным забиякой, которого этот сонм законников лишь с трудом удержал от крайностей. Но я промолчал и предложил лишь добавить, что я готов дать собственные показания и привести показания других лиц перед любой следственной комиссией, а также поставил условие, чтобы меня сразу же снабдили копией.

Коулстон замялся.

— Это весьма конфиденциальный документ, — сказал он наконец.

— А мое положение по отношению к Престонгрейнджу весьма своеобразно, — отпарировал я. — Нет никаких сомнений, что в нашей первой беседе я тронул его сердце и с тех пор он постоянно показывал себя моим другом. Ведь если бы не он, господа, я сейчас был бы мертв или ждал бы приговора вместе с беднягой Джеймсом. Вот почему я намерен сообщить ему о прощении, едва оно будет переписано. К тому же примите во внимание, что такой шаг послужит к моей защите. У меня здесь есть враги, привыкшие действовать беспощадно. Его светлость в собственном крае, Лавет рядом с ним... Если наши действия дадут малейший предлог для превратного их истолкования, я завтра же могу проснуться в тюрьме.

Мои советчики, не найдя, что возразить на такие соображения, вынуждены были согласиться, но с условием, что я представлю документ Престонгрейнджу с изъявлениями совершеннейшего почтения от всех присутствующих.

Лорд-адвокат ужинал в замке у его светлости. Через посредство одного из слуг Коулстона я послал ему записку с просьбой удостоить меня беседы и получил в ответ приглашение тотчас встретиться с ним в некоем частном доме. Он ждал меня там в комнате один. По его лицу ничего нельзя было прочесть, но у меня хватило наблюдательности заметить в передней алебардщиков, а также и сообразительности понять, что он готов тут же арестовать меня, если сочтет нужным.

— Итак, мистер Дэвид, это вы? — сказал он.

— И боюсь, милорд, мне не слишком рады, — ответил я. — Но прежде чем продолжать, я хотел бы поблагодарить вашу милость за неизменное покровительство, даже если теперь оно уже в прошлом.

— Я выслушивал вашу благодарность прежде, — заметил он сухо. — Не думаю, что вы лишь ради изъявления ее помешали мне допить мое вино. И на вашем месте я не забывал бы, что вы стоите на весьма зыбкой почве.

— Полагаю, что уже нет, милорд, — сказал я. — И если ваша милость соизволит взглянуть на вот это, быть может, вы со мной согласитесь.

Насупив брови, он внимательно прочел прошение с начала и до конца. Затем перечитал два-три места, что-то сопоставляя и взвешивая. Его лицо слегка просветлело.

— Не так уж хорошо, но могло быть хуже, — сказал он. — Хотя я все еще могу дорого поплатиться за мое знакомство с мистером Дэвидом Бальфуром.

— Скорее, за вашу снисходительность к этому злополучному молодому человеку, милорд, — возразил я.

Он вновь пробежал глазами прошение и явно повеселел.

— А кому я обязан вашим приходом? — осведомился он затем. — Полагаю, обсуждались разные планы. Так кто же предложил эту частную беседу? Миллер?

— Милорд, ее предложил я сам, — ответил я. — Эти господа обошлись со мной не настолько благородно, чтобы я отказывал себе в чести, на какую имею право, или умалчивал о той ответственности, которую по справедливости должны нести они. По правде говоря, все они склонялись к процедуре, которая должна была иметь примечательные последствия в парламенте, а для них обернуться (по выражению одного из них) источающим сок жарким. Перед тем как я вмешался, они уже намерились делить между собой некоторые высокие посты. В чем определенное участие предполагалось предложить нашему другу мистеру Саймону.

Престонгрейндж улыбнулся.

— Таковы наши друзья! — сказал он. — Но по каким причинам вы с ними не согласились, мистер Дэвид?

Я объяснил, ничего не утаивая, но особенно подробно и убедительно остановился на тех, которые касались самого Престонгрейнджа.

— Вы только отдали мне должное, — сказал он. — Я отстаивал ваши интересы с такой же настойчивостью, с какой вы боролись против моих. Но как вы очутились здесь сегодня? — спросил он затем. — Когда процесс стал затягиваться, я встревожился, что назначил день вашего освобождения со столь малым запасом, и даже ожидал вас завтра. Но чтобы сегодня... Мне и в голову не приходило...

Разумеется, я не собирался выдавать Энди.

— Боюсь, на дороге осталось несколько загнанных лошадей, — сказал я.

— Знай я, что вы такой лихой наездник, вы остались бы на Бассе подольше,— заметил он.

— Да, кстати, милорд, я должен вернуть вам ваше письмо!

И я подал ему лист со строками, написанными измененным почерком.

— Но была еще обертка с печатью,— сказал он.

— У меня ее с собой нет,— ответил я.— На ней не было ничего, кроме адреса, и никого скомпрометировать она не может. Второй, вложенный в нее, лист я захватил с собой, но, с вашего разрешения, хотел бы оставить его у себя.

По-моему, он поморщился, но промолчал.

— Завтра,— продолжал он затем,— наше дело тут будет окончено и я отправлюсь в Глазго. Буду в дороге очень рад вашему обществу, мистер Дэвид.

— Милорд...— начал я.

— Не стану отрицать, этим вы окажете мне одолжение,— перебил он.— Более того, я желал бы, чтобы по возвращении в Эдинбург вы остановились в моем доме. Там у вас есть добрые друзья — все мисс Грант, и они будут очень рады получить вас в свое полное распоряжение. Если вы считаете, что я оказал вам кое-какие услуги, таким способом вы легко расквитаетесь со мной и не только ничего при этом не потеряете, но, возможно, кое-что приобретете. Далеко не всякого приезжего молодого человека вводит в общество лорд-адвокат короля.

Уже не раз (как не кратко было наше знакомство) этот джентльмен ошеломлял меня. Вновь басенка об особом расположении ко мне его дочерей, из которых одна была столь любезна, что в глаза смеялась надо мной, а остальные две едва снисходили до того, чтобы заметить мое существование. И вот теперь я поеду с его милостью в Глазго, я буду гостить в его эдинбургском доме, я вступлю в общество под его покровительством! Было отчего голове пойти кругом! То, что у него достало доброты простить меня, уже вызывало удивление, но такое желание взять меня под свое крыло и облагодетельствовать выглядело просто немыслимым, и я начал прикидывать, какая у него может быть тут корысть. Одно представлялось несомненным: если я буду его гостем, то уже не смогу пойти на попятный — уже не откажусь от моего нынеш-

него плана и не обращаюсь в суд. И к тому же не лишит ли мое присутствие у него в доме поданное королю прошение всякой остроты? Кто же отнесется серьезно к жалобе, если пострадавший гостит у должностного лица, на которое брошена наибольшая тень? При этой мысли я не сумел удержаться от улыбки.

— Это контрмина против прошения? — спросил я.

— Вы проникательны, мистер Дэвид, — сказал он, — и кое-что отгадали верно. Это обстоятельство послужит к моей защите. Но может быть, вы слишком низко цените мое дружеское расположение, которое совершенно искренне. Я питаю к вам уважение, мистер Дэвид, с некоторой примесью страха, — добавил он с улыбкой.

— Я не просто готов, я очень хочу исполнить ваше желание, — сказал я. — У меня есть намерение посвятить себя законоведению, а на этом поприще покровительство вашей милости значит очень много. Кроме того, я искренне благодарен вам и вашему семейству за многочисленные знаки интереса и снисходительности ко мне. Но есть препятствие. В одном мы действуем друг против друга. Вы стараетесь повесить Джеймса Стюарта, я же стараюсь его спасти. В той мере, в какой, принимая приглашение вашей милости, я содействую вашей защите, я всецело к услугам вашей милости, но в той мере, в какой это поможет повесить Джеймса Стюарта, вы ставите меня в затруднительное положение.

По-моему, он про себя выругался.

— Вам несомненно следует заняться законоведением. Судебные прения — вот наилучшее применение для ваших талантов, — сказал он с горечью и умолк. — Одно вы все-таки должны понять, — продолжал он затем. — Помочь или повредить Джеймсу Стюарту невозможно. Он уже мертв. Его жизнь отдана и взята — куплена (если вам так больше нравится) и продана. Никакое поданное королю прошение ему не поможет, никакое отступничество верного мистера Дэвида ему не повредит. Помилован Джеймс Стюарт не будет — ни при каких обстоятельствах, и говорить об этом больше нечего. Речь теперь идет обо мне — сохраню я свое положение или лишусь его. Не стану отрицать, что некоторая опасность мне угрожает. Но подумал ли мистер Дэвид Бальфур, почему она мне угрожает? Вовсе не потому, что я заведомо вел дело

против Джеймса, это мне извинят. И не потому, что я задержал мистера Дэвида на скале, хотя предлогом послужит именно это. А потому, что я не избрал простого и верного пути и, вопреки неоднократным настояниям, не отправил мистера Дэвида в могилу или на виселицу. Тогда не было бы скандала, не было бы и этого проклятого прошения! — Он хлестнул листом по колену. — Мое желание оберечь вас — вот причина нависшей надо мной беды. И я хотел бы знать, настолько ли сильно ваше желание оберечь свою совесть, что вы откажетесь протянуть мне руку помощи.

Бесспорно, в его словах была значительная доля истины. Если для Джеймса не оставалось никакой надежды, то кому еще обязан я был помочь, как не этому человеку, который так часто вызволял меня из беды и даже теперь показывал мне пример терпимости? К тому же я не только устал от своей постоянной подозрительности и упрямства, но начинал их стыдиться.

— Назовите место, и я явлюсь туда точно в то время, которое укажет ваша милость, — сказал я.

Он пожал мне руку.

— И полагаю, у моих барышень будут для вас новости, — добавил он на прощание.

Я ушел от души довольный заключением мира, но совесть у меня все же была неспокойна. Затем меня начала точить мысль, не слишком ли покладистым я оказался. С другой стороны, это же был человек, который годился мне в отцы, умный и опытный, важный сановник, и в час нужды он протянул мне руку помощи. Остаток вечера я в очень недурном настроении провел в обществе законников — без сомнения, весьма почтенном, если бы не избыток пунша: хотя спать я лег рано, но так и не вспомнил, каким образом я добрался до кровати.

Глава 18

«МЯЧ НА ГОРКЕ»

На следующий день из комнаты судей, где никто меня видеть не мог, я выслушал вердикт присяжных и вынесенный Джеймсу приговор. Мне кажется, слова герцога

запечатлелись в моей памяти точно, и раз уж это знаменитое место его речи послужило предметом многих споров, я приведу его здесь, как запомнил тогда. Упомянув сорок пятый год, глава клана Кэмпбеллов так обратился к злополучному Стюарту со своего кресла верховного судьи: «Если бы этот бунт увенчался успехом, то, быть может, от имени закона говорили бы сейчас здесь вы, — здесь, где теперь принимаете его приговор. А мы, ваши судьи, возможно, стояли бы перед вашим лжесудом. И тогда вы могли бы насытиться кровью любого имени или клана, вам ненавистного».

«Да, шила в мешке не утаишь!» — подумал я. Таково же было и общее мнение. Просто поразительно, как законники, тут же выучив эту речь, всячески ее высмеивали, и редко случался обед, когда кто-нибудь не произносил: «И тогда вы могли бы насытиться...» В те дни было сложено много песенок, вскоре забытых. Одна начиналась так:

Жаждешь крови, крови ты?
Клана ль, имени ль чьего?
Или горца одного
Жаждешь крови, крови ты?

Другая пелась на мой любимый мотив «Дома Эйрли» и начиналась так:

Аргайль тогда в суде заседал,
И Стюарт был подан ему на обед.

А дальше была следующая строфа:

И герцог встал и закричал
Кухарке и всем присным:
«Кто это вздумал меня накормить
Кланом, мне ненавистным?»

Это было убийством, таким же откровенным и неприкрытым, как если бы герцог подстерег Джеймса в засаде с дробовиком в руке. Я-то, разумеется, знал это с самого начала. Но другие были менее осведомлены и только поражались возмутительнейшим отступлением от законности, которыми изобиловал процесс. Бесспорно, эта фраза светлейшего судьи была одной из самых вопиющих,

но ей мало чем уступала бесстыдно простодушная просьба присяжного, который перебил Коулстона, произносившего речь в защиту подсудимого: «Эх, сударь, нельзя ли покороче? Нам уже невмочь сидеть тут». Однако еще больше потрясло некоторых моих нынешних друзей-законоведов нововведение, которое покрыло позором и, по сути, лишило силы все разбирательство. Один из свидетелей в суд вызван не был (хотя его имя значилось в списке и все могли прочесть его на четвертой странице — «Джеймс Драммонд, он же Макгрегор, он же Джеймс Мор, прежде проживавший в Инверонакиле») и свои показания дал, как это принято, письменно. Он вспомнил или придумал (да смилуется над ним бог!) некое обстоятельство, которое должно было стать свинцом в башмаках Джеймса Стюарта и, как я без труда догадался, окрылить самого Джеймса Мора. Обвинение желало довести эти показания до сведения присяжных, не подвергая свидетеля опасностям перекрестного допроса, и сделано это было способом, ошеломившим всех. Бумагу предъявили судьям (будто бы для сведения) и передали присяжным, на которых она должным образом повлияла, а затем она исчезла (словно случайно), так и не попав в руки защитников. Это был подлейший прием, причастность к нему Джеймса Мора исполнила меня стыдом за Катриону и страхом за себя самого.

На следующий день мы с Престонгрейнджем в сопровождении многочисленного общества отправились в Глазго, где (как ни изнывал я от нетерпения) провели некоторое время, заполненное делами и удовольствиями. Я жил у милорда, со мной держались, как с близким другом, приглашали участвовать во всех развлечениях, представляли всем именитым гостям и, короче говоря, окружили меня вниманием, какого я, на мой взгляд, ни по своему положению, ни по моим заслугам достоин не был. Нередко среди чужих людей я даже краснел за Престонгрейнджа. Надо признаться, в эти последние месяцы я увидел мир таким, что впал в мрачное уныние. Мне довелось познакомиться со многими людьми, в том числе с занимавшими высокое положение по праву рождения или благодаря своим способностям, и у кого из них руки были чистыми? Что до Браунов и Миллеров, я убедился в их своекорыстии и уже не мог относиться к ним

с уважением. Престонгрейндж был как будто лучше остальных. Он спас меня, а вернее, пощадил, когда другие намеревались попросту меня убить. Но на нем была кровь Джеймса, и его теперешняя, как мне казалось, лицемерная обходительность со мной представлялась мне неизвинительной. Меня возмущало, как он притворяется, будто беседы со мной ему приятны, и иной раз у меня еле хватало сил сдержаться. Я сидел и смотрел на него, а душу мне жег огонь тяжелого гнева. «Ах, приятель! — думал я, — едва тебе удастся разделаться с прошением, ты вышвырнешь меня на улицу!» Как показали дальнейшие события, в этом я возводил на него напраслину — он был куда более искренен, но и куда более искусный притворщик, чем я тогда предполагал.

Но мое недоверие питалось поведением молодых законовеев, искавших его покровительства. Неожиданная милость к никому не известному молодому провинциалу сначала чрезвычайно их напугала, но не прошло и двух дней, как я был окружен лестью и вниманием. Я остался точно тем же человеком, от которого они презрительно отвернулись месяц назад, у меня не прибавилось ни достоинств, ни приятности манер, но теперь не нашлось бы угождения, в котором мне отказали бы. Остался тем же, я сказал? О нет! И данное мне за моей спиной прозвище подтверждало это. Видя меня в такой милости у лорда-адвоката и не сомневаясь, что мне предстоит лететь высоко и далеко, они обратились к языку любителей гольфа и окрестили меня «Мячом на горке»¹. Я, сообщили мне, теперь для них «свой». Мне дали испытать нежность их мякоти после того, как я на собственном опыте испытал всю жесткость скорлупы. У одного, с которым меня познакомили в парке Хоуп, достало даже наглости напомнить мне об этом. Я ответил, что не имею удовольствия знать его.

— Но как же! — воскликнул он. — Меня вам представила сама мисс Грант!

— Вполне возможно, сударь, — ответил я. — Но у меня в памяти это не сохранилось.

После чего он отступил, и отвращение, каким обычно

¹ Для более удобного удара мяч можно положить на насыпной холмик. (Прим. автора).

была преисполнена моя душа, на мгновение уступило место злокозненной радости.

Но к чему подробно задерживаться на этих днях! В обществе молодых отполированных интриганов я стеснялся своей неотесанности и простоты, и меня преисполняло презрение к ним и к их двуличию. Из двух зол Престонгрейндж представлялся мне меньшим. И хотя с этими щеголями я всегда держался как мог суше, свои истинные чувства к лорду-адвокату я прятал и (говоря словами старого мистера Кэмпбелла) «подлаживался к лэрду». Он заметил это различие и посоветовал мне вспомнить о моих годах и завязать дружбу со сверстниками.

Я ответил, что нелегко завязываю дружбу.

— Беру это слово назад,— сказал он.— Но у всего есть свой час, мистер Дэвид. Это те самые люди, бок о бок с которыми вам предстоит провести всю жизнь. Ваша сдержанность выглядит надменностью, и боюсь, если вы не смягчите свою манеру держаться, вы затрудните свой будущий путь.

— Из свиной кожи шелкового кошелька не сделаешь,— ответил я.

Утром первого октября меня разбудил стук конских копыт, и, выглянув из окна, едва всадник спешился, я заметил, что мчался он во весь опор. Некоторое время спустя меня позвали в спальню к Престонгрейнджу, который в халате и ночном колпаке перебирал письма.

— Мистер Дэвид,— сказал он,— у меня есть для вас новости. Они касаются ваших друзей, которых вы, мне кажется, немного стыдитесь, так как ни разу не упоминали о них.

Наверное, я покраснел.

— Вижу по вашему сигналу, что вы поняли, о ком идет речь,— продолжал он.— И должен сделать комплимент вашему вкусу. Но знаете ли, мистер Дэвид, эта девица, по-моему, слишком уж предприимчива! Куда ни взглянешь, всюду она. Правительство Шотландии не может заниматься своим делом из-за госпожи Катрины Драммонд, как совсем недавно из-за некоего господина Дэвида Бальфура. Не получилась ли бы из них прекрасная пара? Первое ее вмешательство в политику... впрочем, власти постановили, что эту историю вы должны услышать не от меня, но из более бойких уст. Однако этот

новый пример гораздо серьезнее, и, к сожалению, должен огорчить вас известием, что она сейчас в тюрьме.

Я не удержался от возгласа.

— Да,— сказал он,— наша барышня в тюрьме. Но не отчаивайтесь. Если только вы (с помощью ваших друзей и прошений к королю) не добьетесь моего падения, ей ничто не угрожает.

— Но что она сделала? В чем ее преступление? — вскричал я.

— Его можно представить почти как государственную измену,— ответил он,— ибо она нарушила неприкосновенность Эдинбургского королевского замка!

— Эта барышня — мой очень большой друг,— сказал я.— И конечно, вы не стали бы меня поддразнивать, если бы дело действительно было серьезным.

— Тем не менее по-своему оно весьма серьезно,— заметил он.— Плутовка Катрин выпустила на волю весьма и весьма сомнительную персону — своего папеньку.

Итак, одно из моих предположений оправдалось. Джеймс Мор вновь обрел свободу. Он одолжил своих служителей, чтобы они держали меня в плену, он предложил себя в свидетели по аппинскому убийству, и его показания (неважно, с помощью какой хитрости) были использованы для воздействия на присяжных. Теперь он был вознагражден и покинул тюремные стены. Пусть властям было угодно представить это как побег, но я-то знал, что все сводилось к сделке. Вот почему я тут же перестал тревожиться за Катриону. Пусть делают вид, будто она устроила побег своего отца, пусть даже она сама искренне в это верит, но распоряжался всем Престонгрейндж, и я не сомневался, что он не только не допустит, чтобы она понесла наказание, но вообще не доведет дело до суда. Вот почему я не совсем вежливо воскликнул:

— Ничего другого я и не ждал!

— Вы иногда тоже бываете сама сдержанность,— заметил Престонгрейндж.

— Что ваша милость под этим подразумевает? — осведомился я.

— Просто меня удивляет,— ответил он,— как, с такой проницательностью делая выводы, вы не умеете оставить их при себе. Но полагаю, вам интересно узнать подробности. Я получил два описания случившегося, и второе,

неофициальное, много полнее и гораздо занимательнее, так как вышло из-под бойкого пера моей старшей дочери. «Весь город только и говорит о весьма примечательном событии,— пишет она.— И еще более примечательным (стань оно достоянием гласности) его делает то обстоятельство, что главное действующее лицо — протеже его милости моего папеньки. Я полагаю, ваше сердце слишком предано долгу (не говоря уже о многом прочем), чтобы вы могли забыть Сероглазку. Представьте, надевает она широкополую шляпу, длинный ворсистый мужской плащ и пышный галстук, подсучивает юбки только богу известно как высоко, берет в руки заплатанные башмаки и отправляется в Замок. Там она представляется башмачником Джеймса Мора, ее провожают к нему, и поручик (кажется, большой любитель пошутить) смеется со своими солдатами над длиннющим плащом башмачника. Вскоре из-за двери доносятся сердитые голоса и звуки пощечин. Башмачник опрометью выбегает из каземата, плащ его развевается, шляпа сползает на глаза, и поручик, а за ним и весь караул покатываются от хохота, глядя вслед бедняге. Но когда они в следующий раз заглядывают в каземат, им становится не до смеха при виде высокой, красивой сероглазой девицы в женском платье! Башмачник же уже «за горами Думблена», и все полагают, что бедной Шотландии придется кое-как утешиться в разлуке с ним. Сегодня вечером я в обществе пила здоровье Катрионы. Впрочем, ею восхищается весь город, и, думаю, дамские угодники завели бы моду носить в петлице кусочки ее подвязки, если бы только сумели их добыть. Я чуть было не посетила ее в тюрьме, но вовремя вспомнила, что я дочь моего папеньки, а потому ограничилась записочкой, которую поручила верному Дойгу, и надеюсь, вы признаете, что я умею блюсти политику, когда хочу. Тот же верный увалень отправит это письмо вместе с денешами мудрецов, так что вам представляется случай послушать не только Соломона, но и дурака Тома. Да, кстати, о верных увальнях: скажите Дэвиду Бальфуру, как я жалею, что не могу увидеть, какое у него будет лицо, когда он услышит о ввержении длинноногой девицы в узилище. И вспомнит легкомысленную болтовню вашей любящей дочери и его почтительного друга». Так подписалась моя плутовка,— продолжал Престон-

грейндж,— и, как видите, мистер Дэвид, я не отступаю от истины, когда говорю, что мои дочери очень к вам расположены.

— Верный увалень весьма им за это обязан! — сказал я.

— Но как мило все было проделано! — заметил он.— Эта дева гор истинная героиня, не так ли?

— Я всегда знал, что у нее бесстрашное сердце,— сказал я.— И бьюсь об заклад, она ни о чем не догадывалась... Впрочем, прошу извинить меня. Я касаюсь запретных тем.

— Голову даю на отсечение, она ничего не знала,— ответил он с полной откровенностью.— И верила, что бросает перчатку в лицо королю Георгу.

Катриона в тюрьме! Ее образ возник в моей памяти, и я ощутил странное волнение. Я видел, что даже Престонгрейндж восхищен ею и не может удержаться от улыбки при мысли о ее поступке. И мисс Грант, несмотря на дурную привычку насмешничать, несомненно, была в восторге. Меня как жаром обожгло.

— Я не дочь вашей милости...— начал я.

— Это мне известно! — перебил он с улыбкой.

— Я сказал глупость,— ответил я.— А вернее, неудачно выразился. Бесспорно, мисс Грант поступила бы опрометчиво, навестив ее в тюрьме. Но я покажу себя плохим другом, если тотчас не брошусь туда.

— Ого, мистер Дэвид! — сказал он.— А мне казалось, что мы с вами заключили уговор?

— Милорд,— ответил я,— заключая этот уговор, я был глубоко тронут вашей добротой, но не стану отрицать, что думал я так же и о собственных интересах. У меня были своекорыстные намерения, но теперь я вспоминаю о них со стыдом. Быть может, для безопасности вашей милости полезно упомянуть, что этот докучливый Дэви Бальфур — ваш друг и гость. Конечно, говорите так. Я не стану вас опровергать. Но ваше покровительство... я не буду им пользоваться. И прошу лишь об одном: отпустите меня и дайте мне разрешение увидеться с ней в тюрьме.

Он смерил меня суровым взглядом.

— Мне кажется, вы ставите все с ног на голову,— сказал он.— То, что я сделал, было следствием моей

симпатии, которую вы по своей неблагодарной природе, очевидно, не заметили. Что касается моего покровительства, оно вам оказано не было и (будем точны) не предлагалось.— Он помолчал.— Послушайте моего предостережения,— добавил он затем.— Вы себя не знаете. Юность — время опрометчивости. Еще года не пройдет, как вы на все это будете смотреть совсем по-другому.

— Такой юности я и хочу для себя! — вскричал я.— Иной, чем у этих юных законников, которые пресмыкаются перед вашей милостью и даже мне считают нужным льстить. И то же я видел в умудренных годах. Все они думают только о собственной выгоде, весь их клан! Потому-то и кажется, что я не доверяю симпатии вашей милости. С какой стати можете вы питать ее ко мне? И вы же сами сказали, что у вас есть свой интерес!

Я запнулся, сообразив, что зашел слишком далеко. Он смотрел на меня с непроницаемым лицом.

— Милорд, прошу у вас прощения,— заговорил я снова.— Язык мой деревенский, грубый. По-моему, мне только прилично навестить своего друга в заключении. Но я обязан вам жизнью, этого я никогда не забуду. И если так нужно вашей милости, я останусь здесь. Благодарность требует по меньшей мере этого.

— Право, можно было бы обойтись без стольких лишних слов,— сказал Престонгрейндж мрачно.— Легко, а иногда и благородно коротко, по-шотландски ответить «да».

— Но, милорд, мне кажется, вы меня не совсем поняли! — воскликнул я.— Ради вас, ради спасения собственной жизни, ради благожелательности, с какой вы, по вашим словам, ко мне относитесь,— ради всего этого я готов согласиться. Но не ради получения каких-либо выгод. Если я останусь в стороне, когда эту юную девушку постигла беда, то не хочу, чтобы такое предательство принесло мне пользу. Пусть я многого не приобрету! Полное крушение я предпочту благополучию, купленному такой ценой!

Он некоторое время хранил серьезный вид, но затем улыбнулся.

— Вы приводите мне на память лунного человека,— сказал он.— Если вы взглянете в зрительную трубку на луну, то увидите там Дэвида Бальфура! Но будь по-ва-

шему. Я попрошу от вас одной услуги, а после отпущу. Мои писцы не успевают справляться с работой. Будьте так добры, перепишите эти несколько листов, — сказал он, переводя взгляд с одной толстой рукописи на другую, — и я пожелаю вам доброго пути! Нет, я ни за что не согласился бы отяготить себя такой совестью, как у мистера Дэвида Бальфура! Если, проезжая мимо какой-нибудь трясины, вы сумели бы стряхнуть в нее часть своих угрызений, то ехать дальше вам было бы куда легче и приятнее.

— Но, возможно, не совсем в том направлении, милорд! — заметил я.

— Уж конечно, последнее слово должно остаться за вами! — воскликнул он весело.

И причины веселиться у него были, потому что он придумал средство добиться своей цели. Он пожелал представить меня свету, как близкое себе лицо, для того чтобы лишить прошение вескости или чтобы иметь на него готовый ответ. Но, явись я на глазах у того же света в тюрьму к Катрионе, тайное станет явным, и мало кто не догадается об истинной подоплеке побега Джеймса Мора из Замка. Такова была задача, которую я внезапно перед ним поставил и на которую он не замедлил найти ответ. Это переписывание, отказаться от которого мне не позволяет простое приличие, задержит меня в Глазго, а тем временем от Катрионы можно будет избавиться без лишнего шума. Мне стыдно писать так о человеке, столь меня облагодетельствовавшем. Он был отечески добр со мной, и все же я считал его фальшивее надтреснутого колокола.

Глава 19

МНОЮ ВЕРТЯТ, КАК ХОТЯТ

Переписывание оказалось очень скучным занятием, тем более что дела, о которых шла речь, ни малейшей срочности не требовали, как я тотчас обнаружил, окончательно уверившись, что вся эта затея — лишь предлог. Кончив, я тотчас вскочил на лошадь и до темноты успел достичь берега реки Алмонд, где и переночевал. Снова в седле я был с первым лучом зари, и эдинбургские лавки

еще только открывались, когда, влетев в город через Уэст-Боу, я остановил взмыленную лошадь перед домом лорда-адвоката. У меня было письмо к Дойгу, доверенному секретарю милорда, посвященному, как считалось, во все его тайны,— весьма достойному невзрачному толстячку, отличавшемуся пристрастием к нюхательному табаку и деловитостью. Он уже водворился за своей конторкой в той самой приемной, где я познакомился с Джеймсом Мором, и успел обсыпаться табаком. Письмо он внимательно прочел от слова и до слова, точно главу из Библии.

— Хм! — сказал он. — Вы немножечко опоздали, мистер Бальфур. Птичка-то упорхнула! Мы ее выпустили.

— Мисс Драммонд освободили? — воскликнул я.

— А как же! — ответил он. — Зачем нам было держать ее под замком? Подними мы шум вокруг такой девчушки, никто бы нам спасибо не сказал.

— А где она сейчас? — спросил я.

— Бог знает! — сказал Дойг, пожимая плечами.

— Наверное, отправилась домой к леди Аллардайс? — предположил я.

— Вот-вот! — сказал он.

— Так я сейчас же скачу туда! — воскликнул я.

— Может, перекусили бы перед дорожкой? — предложил он.

— Благодарствую, — ответил я. — У Рато я вдосталь напился молока.

— Как угодно, — сказал Дойг. — Только лошадку и сумки оставьте тут, ведь вы же у нас остановились.

— Нет-нет! — воскликнул я. — Пешее хождение нынче не для меня.

Я невольно заразился выговором Дойга, который и не пытался тут передать, а потому очень смутился, когда голос пропел у меня за спиной:

Оседлай для меня вороного,
Оседлай ты его поскорей,
И Грейтхопской долиною снова
Поскачу я к милой моей!

Обернувшись, я увидел барышню в утреннем платье. Руки она спрятала в оборках, словно для того, чтобы

удержать меня на расстоянии. Но мне показалось, что смотрит она на меня ласково.

— Позвольте пожелать вам доброго утра, мисс Грант,— сказал я.

— Примите и от меня такое же пожелание, мистер Дэвид,— ответила она с глубоким реверансом.— И прошу вас вспомнить старинное присловие, что от мессы и от трапезы даже в спешке не отказываются. Мессы я вам предложить не могу, потому что мы здесь все добрые протестанты. Но трапеза вас ждет. И не удивлюсь, если найду сказать вам по секрету кое-что, ради чего стоит задержаться.

— Мисс Грант! — сказал я.— Мне кажется, я уже в долгу у вас за несколько веселых слов — и добрых к тому же! — на неподписанном листке.

— На неподписанном листке? — повторила она и, словно стараясь припомнить, сделала гримаску, от которой ее прелестное лицо стало еще прелестнее.

— Или же я очень ошибся,— продолжал я.— Но полагаю, у нас еще будет время поговорить обо всем этом, так как ваш батюшка любезно пригласил меня погостить под вашим кровом, а сейчас верный увалень просит вас не лишать его свободы.

— Вы называете себя обидным словом! — заметила она.

— Мистер Дойг и я согласимся на еще более обидные, лишь бы они вышли из-под вашего остроумного пера,— возразил я.

— Вновь могу лишь восхититься сдержанности, свойственной всем мужчинам,— сказала она.— Но если вы не хотите есть, отправляйтесь тотчас. Тем скорее вы вернетесь, так как ехать вам незачем. Отправляйтесь, отправляйтесь, мистер Дэвид,— продолжала она, распахивая дверь.

Был тотчас оседлан могучий гнедой,
Он мчался ветра быстрей.
И всадник не медлил нигде молодой —
Ведь скакал он к милой своей!

Я не стал ждать второго приглашения и всю дорогу до Дина точно следовал примеру всадника, о котором спела мисс Грант.

По саду в одиночестве прохаживалась старая леди

Аллардайс в той же шляпе поверх чепца, опираясь на трость из черного дерева с серебряным набалдашником. Когда я спешился и с поклоном подошел к ней, вся кровь бросилась ей в лицо и она откинула голову с надменностью императрицы, — во всяком случае, именно такими я представлял себе императриц.

— Что привело вас к моей бедной двери? — осведомилась она пронзительным голосом. — Запереть ее перед вами я не могу. Все мужчины моего дома в могиле. У меня нет ни сына, ни мужа, чтобы преградить вход в мой дом. И каждый нищий может драть меня за бороду... А драть-то есть за что, и это хуже всего, — добавила она как бы про себя.

От такого приема я растерялся, а последние слова, точно исторгнутые старческим безумием, и вовсе чуть не лишили меня дара речи.

— Как вижу, я навлек на себя ваше неудовольствие, сударыня, — вымолвил я наконец. — И все же осмелюсь справиться у вас о мисс Драммонд.

Она вперила в меня горящий взгляд и сжала губы так крепко, что кожа вокруг собралась мелкими складками. Рука, опиравшаяся на трость, затряслась.

— Только этого не хватало! — воскликнула старуха. — Он про нее у меня спрашивает! Да если бы я знала!

— Ее здесь нет? — ахнул я.

Она вздернула подбородок, сделала шаг ко мне и так закричала, что я ошеломленно попятился.

— Прикусил бы ты свой лживый язык! — воскликнула она. — Как! Ты еще меня спрашиваешь? Да она в тюрьме, куда ты ее упрятал! Вот что! Только подумать, что это твоих рук дело! Бессовестный ты негодяй! Да если бы в доме у меня остался хотя бы один мужчина, тебе так выбили куртку, что ты взвыл бы!

Я счел за благо retirроваться, так как она все больше распалялась. И даже пошла за мной, когда я поспешил к коновязи. Не стыжусь признаться, что ускакал я с ногой в одном стремени, а другое только нащупывая.

Волей-неволей я вернулся в дом лорда-адвоката, так как лишь там мог что-нибудь узнать. Тетушка и племянницы, уже собравшиеся вместе, приняли меня радушно и принялись подробнейшим образом расспрашивать, как

себя чувствует Престонгрейндж да что нового в западных краях, чем весьма меня измучили. И все это время барышня, с которой я теперь больше всего на свете желал поговорить с глазу на глаз, посматривала на меня с улыбкой, словно мое нетерпение было ей приятно. Наконец, после того как я дождался конца завтрака и чуть было при всех не попросил ее уделить мне несколько минут наедине, она отошла к клавесину и, сопровождая себя, запела в высоком ключе:

Слишком медлил ты, мой свет,
И теперь услышишь «нет!»

Но затем ее жестокость смягчилась, и, уж не помню под каким предлогом, она увела меня в уединение отцовской библиотеки. Должен упомянуть, что наряд ее был умопомрачительным и выглядела она несравненной красавицей.

— А теперь, мистер Дэвид, садитесь, и потолкуем по душам, — сказала она. — Мне надобно вам многое сообщить, а к тому же я, как оказывается, была весьма несправедлива к вам, усомнившись в вашем хорошем вкусе.

— Но почему же, мисс Грант? — спросил я. — Надеюсь, я всегда был надлежаще почтительным.

— Могу заверить вас, мистер Дэвид, — ответила она, — что ваша почтительность и к собственной особе и к вашим ближним всегда и весьма достохвально оставалась неподражаемой. Но это между прочим. Вы получили записку от меня?

— Я осмелился это предположить, — сказал я. — И был очень благодарен писавшей за ее доброту.

— А удивлены, наверное, еще больше, — продолжала она. — Но начнем сначала. Быть может, вы не забыли тот день, когда столь учтиво сопровождали трех докучливых барышень в парке Хоуп? В моей памяти он запечатлелся со всеми подробностями, потому что вы в своей любезности изволили объяснять мне некоторые основы латинской грамматики, чем заслужили мою неугасимую благодарность.

— Боюсь, я вел себя как жалкий педант, — признался я, смущенный таким напоминанием. — Но благоволите

вспомнить, что я совсем не привык к дамскому обществу.

— В таком случае оставим грамматику,— ответила она.— Но как могли вы покинуть тех, кто был вверен вашему попечению? «И он бросил за борт ее, свою милую, милую Энни!» — пропела она.— И его милая, милая Энни и две ее сестры должны были возвратиться домой в одиночестве, точно троица молодых гусынь! Кажется, сами вы явились к моему папеньке и держались весьма воинственно, а затем отбыли в неведомые края, подумывая (как оказалось) о скале Басс, так как общество диких олушей, быть может, манило вас больше общества красивых девиц.

Но все время, пока она поддразнивала меня, взгляд ее оставался ласковым, внушая мне надежду, что дальше последует что-нибудь более приятное.

— Вам нравится меня мучить,— сказал я.— Только я — плохая игрушка. И прошу вас о снисхождении. Сейчас я думаю лишь об одном: где Катриона?

— Вы так называете ее в лицо, мистер Бальфур? — спросила она.

— Право, не могу сказать,— пробормотал я, растерявшись.

— Но в разговорах с другими я бы на вашем месте делать этого не стала! — заметила мисс Грант.— И почему вы столь горячо интересуетесь делами этой барышни?

— Я слышал, что она в тюрьме! — ответил я.

— А теперь вы услышали, что она уже не в тюрьме! — сказала мисс Грант.— Так чего еще вы хотите? Больше ей защитники не нужны.

— Но может быть, сударыня, она нужнее мне, чем я ей,— возразил я.

— Так-то лучше! — заметила мисс Грант.— Но посмотрите мне прямо в лицо: разве я не красивее ее?

— Против этого я спорить никак не стану,— ответил я.— Во всей Шотландии ни одна красавица не идет ни в какое сравнение с вами.

— А вы, когда вам предоставлен выбор, вы говорите о той, мистер Бальфур! — воскликнула она.— Так дамам не угождают!

— Но, сударыня,— сказал я,— кроме красоты, есть ведь еще многое другое.

— Прикажете понимать, что в остальном я не так уж и хороша? — осведомилась она.

— Нет, я хотел только сказать, что подобен петуху в басне, — ответил я. — Я вижу жемчужное зерно — и оно меня слепит, но простое пшеничное мне нужнее.

— Брависсимо! — вскричала она. — Наконец-то вы нашли нужные слова! И за это я вознагражу вас рассказом. Вечером, после того как вы нас столь жестоко покинули, я поздно вернулась домой от моей приятельницы, где, хотите верьте, хотите нет, меня окружало всеобщее восхищение. И что же я слышу? Со мной желает говорить девица в тартановой юбке! Ждет больше часа, сказала служанка, и все время тихонько плачет. Я немедленно пошла к ней. Она встала мне навстречу, и я тотчас ее узнала. «Сероглазка!» — сказала я про себя, но, конечно, не вслух. «Вы мисс Грант? Наконец-то! — говорит она и смотрит на меня печальными глазами. — Он сказал правду: вы очень красивая». — «Такая, какой меня создал господь, моя дорогая, — отвечаю я. — Но я буду весьма обязана, если вы объясните, что привело вас сюда в столь поздний час». — «Сударыня, — говорит она, — мы в родстве: мы обе из рода сынов Альпина». — «Моя дорогая, — отвечаю я. — Альпин и его сыны значат для меня не больше, чем капустные кочерыжки. Слезы на вашем милom личике — аргумент куда более веский!» И тут я по слабости духа поцеловала ее. Вы бы и рады были поступить так же, да только, бьюсь об заклад, смелости у вас никогда не достанет. Я сказала «по слабости духа», потому что ничего о ней не знала. Но поступить мудрее я не могла бы. У нее смелый, твердый нрав, а вот к нежности она, мне кажется, не приучена. И этот поцелуй (хотя, признаюсь, стоил он недорого) завоевал мне ее сердце. Я не стану выдавать тайны моего пола, мистер Дэви. И не открою вам, как она обернула меня вокруг пальца — ведь вы узнаете это на собственном опыте. Да, чудесная девушка! Чистая, как горный родник!

— Даже чище! — воскликнул я.

— Ну, тогда она поведала мне свои горести, — продолжала мисс Грант. — Как она не знает, что думать о своем папеньке, и как боится за вас, и в каком трудном положении она оказалась, когда вы ушли. «И тут я вдруг вспомнила, — говорит она, — что мы в родстве и что ми-

стер Дэвид назвал вас лучшей из лучших, и я подумала: «Если она так хороша, то должна быть и доброй». И вот я пришла». Тут-то я и простила вас, мистер Дэви. В моем обществе вы словно все время сидели на горячей сковородке — в жизни я не видела, чтобы молодому человеку так не терпелось поскорее сбежать. И от кого? От меня и моих сестер! А тут вдруг обнаружилось, что, сбегая, вы все-таки меня заметили и были столь любезны, что похвалили мою привлекательность! Можете с этой минуты отсчитывать время нашей дружбы, я же начала думать с нежностью о латинской грамматике.

— У вас будет еще много часов, чтобы смеяться надо мной, — сказал я. — К тому же, полагаю, вы несправедливы к себе. Ваше сердце смягчилось ко мне из-за Катрионы: она так простодушна, что не замечает неловкости своего друга, которую так хорошо видите вы.

— На вашем месте я не была бы в этом столь уверена, мистер Дэвид! — заметила она. — Девушки прекрасно все видят. Но в любом случае, как мне предстояло убедиться, она ваш самый искренний друг. Я повела ее к его милости моему папеньке, и его адвокатство, убоготворенный кларетом, был столь любезен, что принял нас. «Вот та самая Сероглазка, которой вам прожужжали все уши последние дни, — говорю я. — Она явилась, чтобы подтвердить нашу правдивость, и я слагаю первую красавицу всех трех Лотианов к вашим ногам». Она доказала мое слово делом, упала перед ним на колени (не поклянусь, но, пожалуй, она у него в глазах раздвоилась, что сделало ее еще более неотразимой, — ведь все вы в душе магометане!) и рассказала ему, что произошло в этот вечер: как она помещала отцовскому служителю пойти за вами, как она тревожится за своего батюшку и как трепещет за вас. И с рыданиями умоляла пощадить жизнь вас обоих (хотя никакой опасности ни ему, ни вам не грозило!). В конце концов я, право же, возгордилась своим полом — столько чувства вкладывалось во все это, — но и устыдилась его, так как повод был маловат. Очень скоро, уверяю вас, лорд-адвокат протрезвел, слушая, как юная девушка разматывает клубок тайная тайных его политики в присутствии самой непослушной из его дочерей. Но мы взялись за него обе и поправили дело. В надлежащих руках —

другими словами, в моих — мой папенька ни с кем не сравнится.

— Ко мне он был очень добр, — сказал я.

— И к Катрин тоже, тем более что там была я и уж позаботилась об этом, — добавила мисс Грант.

— И она просила за меня! — воскликнул я.

— Причем очень трогательно, — подтвердила она. — Но не стану повторять, что она говорила. Вы и так уже слишком тщеславны.

— Да вознаградит ее за это бог, — сказал я.

— Мистером Дэвидом Бальфуром, я полагаю? — осведомилась мисс Грант.

— Вы ко мне несправедливы! — вскричал я. — Меня дрожь пробирает при мысли, что она могла бы попасть в столь грубые руки. Неужели вы полагаете, что я возомню о себе, потому что она просила о моей жизни? Она заступилась бы и за слепого щенка! А ведь у меня, казалось бы, есть больше причин вознестись надеждой, чем ведомо вам. Она поцеловала вот эту руку. Да-да! Но почему? Потому что верила, будто я совершаю подвиг и, возможно, иду навстречу смерти. А вовсе не из-за меня самого... Но к чему я буду объяснять это вам — ведь вы не в силах удержаться от смеха, стоит вам взглянуть на меня. Поцелуй был данью тому, что ей казалось доблестью. По-моему, такой чести удостоились только я и бедный принц Чарли. Ведь так меня уподобили богу! Неужели вы не понимаете, каким страхом исполняется мое сердце, когда я вспоминаю про это?

— Я правда часто над вами посмеиваюсь — куда чаще, чем допускают приличия, — заметила она. — Но послушайте меня: если вы будете говорить с ней, как вот сейчас, вам не следует вовсе отчаиваться.

— Вот так? — вскричал я. — Я не осмелюсь! С вами — дело другое, мисс Грант, вы можете думать обо мне, что хотите. Но она? Нет уж!

— Таких неуклюжих ножищ во всей Шотландии не найти! — заметила она.

— Да, маленькими их не назовешь, — ответил я, поглядев вниз.

— Бедная, бедная Катриона! — воскликнула мисс Грант.

И я с недоумением уставился на нее. Теперь-то я

прекрасно понимаю, куда она клонила (и, пожалуй, с полным на то основанием), но в подобной словесной пикировке я никогда силен не был.

— Ну что же, мистер Дэвид,— продолжала она,— пусть это и против моей совести, но придется послужить вашей вестницей. Она узнает, как вы бросились к ней, едва услышали, что она в тюрьме. Она узнает, как вы даже отказались перекусить с дороги. И про наш с вами разговор она узнает в той мере, в какой, на мой взгляд, дозволено столь юной и неопытной девице. Поверьте, так вы предстанете в гораздо лучшем свете, чем могли бы представить себя сами. Ведь я уберегу скорлупки от неуклюжих ножищ.

— Значит, вам известно, где она? — воскликнул я.

— Известно, мистер Дэвид, только я вам не скажу,— ответила она.

— Но почему? — спросил я.

— Видите ли,— сказала она,— я надежный друг, как вы не замедлите убедиться, и первый среди тех, кому я друг,— мой папенька. Так что, уверяю вас, вы не смягчите меня и не разжалобите. А потому не делайте жалких глаз и позвольте пока распрощаться с вашим дэвидобальфурством.

— Еще одно! — вскричал я.— Есть обстоятельство, которое может ее погубить. И меня тоже.

— Но будьте кратки,— сказала она.— Я и так уже потратила на вас полдня.

— Леди Аллардайс верит...— начал я.— Она полагает... она думает, что я ее похитил!

Лицо мисс Грант порозовело, и я совсем смутился, вдруг обнаружив, сколь деликатен ее слух, но затем мне показалось, что она борется со смехом, и окончательно мои подозрения подтвердила некоторая дрожь в ее голосе, когда она ответила:

— Я беру на себя защиту вашей репутации. Можете спокойно доверить ее мне.

И с этими словами она вышла из библиотеки.

Я ПРОДОЛЖАЮ ВРАЩАТЬСЯ В ЛУЧШЕМ
ОБЩЕСТВЕ

Почти точно два месяца я оставался гостем в доме Престонгрейнджа и ближе познакомился с судейскими чинами, законооведами и цветом эдинбургского общества. Но не думайте, что мое образование оставалось в небрежении. Напротив, я усердно им занимался. Я учил французский язык, готовясь отправиться в Лейден, и брал уроки фехтования, упражняясь по три часа в день с заметным успехом. По совету моего кузена Пилрига, отличного музыканта, я начал посещать классы пения, а по приказанию моей мисс Грант — и танцевальные классы, украшением которых, должен сознаться, я отнюдь не стал. Однако все любезно уверяли, что мои манеры приобрели некоторый лоск, и бесспорно, я научился довольно ловко справляться с полами моего кафтана и шпагой, а также стоять посередине гостиной, точно был там хозяином. Гардероб мне пришлось заказать заново под самым внимательным надзором, и даже пустяки вроде того, как должен я перевязывать свои волосы и какого цвета лентой, три барышни обсуждали между собой, точно весьма важный предмет. Но как бы то ни было, выглядел я теперь много изящнее прежнего и даже обрел щегольской вид, который немало удивил бы добрых обитателей Эссендина.

Две младшие барышни принимали участие в критике моих костюмов с большой охотой, так как умение одеваться составляло главный интерес их жизни. В остальном они почти не замечали моего присутствия и, хотя принимали меня с неизменной бессердечно-ласковой любезностью, все же не могли скрыть, как я им скучен. Что до тетюшки, она была на редкость вялой женщиной и, насколько я могу судить, уделяла мне ровно столько же внимания, сколько и членам собственной семьи, другими словами — почти никакого. Таким образом, друзьями моими были только старшая дочь и сам лорд-адвокат, и особенно нас сблизило развлечение, всем нам троим одинаково приятное. Несколько дней до начала судебной сессии мы провели в загородном имении, где жизнь была поставлена на самую широкую ногу и держался открытый

стол. Там-то мы трое и начали совершать совместные верховые прогулки по окрестностям, а затем сохранили этот обычай и в Эдинбурге, отправляясь кататься, когда у лорда-адвоката выпадал свободный час. Удовольствие от бодрящей скачки, неожиданные происшествия, капризы погоды — все это рассеивало мою обычную застенчивость. Мы забывали, что мы — чужие люди, и беседа (потому что она не была светской обязанностью) текла легко и свободно. Вот так они мало-помалу узнали историю моей жизни с той минуты, когда я покинул Эссендин: плавание и сражение на бриге «Ковенант», скитание по вересковым пустошам и все прочее. Интерес, который пробудили в них мои приключения, определил направление одной из наших позднейших прогулок, в которую мы отправились в тот день, когда не было судебных заседаний, и о которой я расскажу поподробнее.

Мы выехали рано, поехали по дороге в сторону Шоса и посреди забеленного утренним инеем поля увидели дом, из труб которого не вился ни единый дымок. Престонгрейндж спешил, отдал мне поводья своего коня и один пошел навестить моего дядю. Помню, какой горечи преисполнилось мое сердце при виде этого запустелого дома и при мысли о старом скряге, что-то бормочущем в холодной кухне.

— Вот мой родной дом, — сказал я, — и вся моя семья.

— Бедный, бедный Дэвид Бальфур! — подхватила мисс Грант.

Что произошло во время этого визита, я так никогда и не узнал, но, без сомнения, он не был слишком приятен Эбинизеру, потому что лицо лорда-адвоката, когда он вернулся к нам, было сумрачно.

— Мне кажется, скоро вы станете здешним лэрдом без всяких оговорок, мистер Дэви! — сказал он через плечо, уже вставив ногу в стремя.

— Изъявлять притворную горесть я не намерен, — ответил я.

И правду сказать, до его возвращения, мы с мисс Грант успели украсить дом садами, цветниками и террасой — как впоследствии я и сделал.

Оттуда мы направились в Куинсферри, где Ранкейлор оказал нам самый радушный прием, не зная, куда посадить и чем угостить столь именитого гостя. А лорд-ад-

вокат был настолько безыскусственно добр, что просидел со стряпчим у него в кабинете по меньшей мере два часа, подробно знакомясь с положением моих дел и выражая (как мне было потом сказано) большое уважение ко мне и озабоченность моим будущим благополучием. Тем временем мы с мисс Грант и молодым Ранкейлором взяли лодку и отправились вокруг мыса Хоуп в Лаймкилнс. Ранкейлор очень нелепо (и, по-моему, даже оскорбительно) выражал свое восхищение нашей спутницей, но, к моему удивлению (впрочем, это — слабость, свойственная всему прекрасному полу), она была даже несколько польщена. Но нет худа без добра: когда мы добрались до нашей цели, она распорядилась, чтобы он постерег лодку, а сама направилась со мной в харчевню, потому что запомнила, как я описывал Элисон Хасты, и пожелала увидеть ее своими глазами. Элисон вновь была дома совсем одна (если не ошибаюсь, ее отец весь день трудился в поле) и почтительно присела перед молодым господином и красивой барышней в амазонке.

— Так-то вы меня встречаете, — сказал я, протягивая ей руку. — Плохо же вы помните старых друзей!

— Господи спаси и помилуй! — воскликнула она. — Быть того не может! Да это оборвашка!

— Он самый, — ответил я.

— Я часто думала про вас и вашего друга и рада видеть вас таким нарядным! — сказала она. — Правда, я по вашему подарку догадалась, что вы добрались до своих родных, и спасибо вам за него от всей души.

— Ну-ка, отправляйтесь погулять, как пай-мальчик, — велела мне мисс Грант. — Я сюда не для того пришла, чтобы светить вам свечкой. Нам надо потолковать вдвоем.

Пробыла она там минут десять, а когда вышла, я заметил, во-первых, что глаза у нее покраснели, а во-вторых, что с ее груди исчезла серебряная брошь.

И то и другое глубоко меня растрогало.

— Я еще никогда не видел вас столь красиво украшенной! — воскликнул я.

— Эх, Дэви, оставили бы вы велеречие дурням! — сказала она и до конца дня была со мной более колючей, чем обычно.

Вернулись мы с этой прогулки, когда в домах уже зажигались свечи.

Очень долго я ничего больше не слышал о Катрионе. Мисс Грант свято хранила секрет и прерывала шутками все мои попытки задать вопрос. Наконец как-то, когда я в пустой гостиной корпел над французским, она вошла туда, вернувшись с прогулки. Мне почудилось в ее лице что-то необычное: щеки разругались, глаза ярко блестели, губы морщились в сдерживаемой улыбке, едва она взглядывала на меня. В нее словно вселился бес проказливости, и, не успев войти в комнату, она затеяла со мной ссору по пустякам — я даже не понял, из-за чего. Как человек, увязший в болоте, чем больше усилий я прилагал, чтобы выбраться на твердую землю, тем глубже погружался в трясину, а под конец мисс Грант гневно заявила, что подобного ответа не потерпит ни от кого и я должен на коленях просить у нее прощения.

Беспричинность этой вспышки меня рассердила.

— В моих словах не было ничего для вас хоть сколько-нибудь обидного, — заявил я. — Ну, а на колени я могу стать разве что перед богом.

— А мне надо поклоняться, как богине! — воскликнула она, встряхнув каштановыми локонами, и лицо ее заалело еще больше. — Каждый мужчина, овеянный ветерком от моих юбок, будет смотреть на меня только так.

— Хорошо, я готов попросить прощения порядка ради, хотя, право же, не знаю за что, — сказал я. — Но этих театральных поз требуйте от других.

— Ах, Дэви, Дэви, — проворковала она. — Даже если я вас об этом умоляю?

Тут я сообразил, что спорю с женщиной, а это равносильно спору с ребенком, да еще по выдуманному поводу.

— По-моему, это глупость, — сказал я, — не достойная ни того, чтобы вы о ней просили, ни того, чтобы я вашу просьбу исполнил. Но отказать вам я не могу, так что весь стыд, если тут есть чего стыдиться, пусть падет на вас! — И с этими словами я опустил на колени.

— Ну вот! — воскликнула она. — Я все-таки сумела придать вам надлежащую позу. Ловите! — внезапно приказала она, бросила мне сложенную записку и со смехом выбежала за дверь.

На записке не было указано, ни где она писалась, ни когда.

«Милый мистер Дэвид, — начиналась она. — Я узнаю все новости о вас от моей кузины мисс Грант, и они меня радуют. Я очень хорошо живу в хорошем месте среди добрых людей, но никого видеть не должна, хотя и надеюсь, что когда-нибудь мы снова встретимся. Все ваши добрые слова моя любящая кузина мне пересказывает, потому что любит нас обоих. Она велела мне послать вам эту записку и смотрит, как я пишу. Еще я прошу вас делать все, что она скажет, и остаюсь вашим искренним другом. Катриона Макгрегор-Драммонд.

Р. S. Не повидали бы мою родственницу леди Аллардайс?»

Пожалуй, мало в каких моих кампаниях (по солдатскому выражению) я доказал свою доблесть столь неопровержимо, как в тот час, когда во исполнение этой просьбы отправился в усадьбу за Дином. Но старая дама совсем ко мне переменилась и стала мягкой, как лайковая перчатка. Каким образом мисс Грант сумела это устроить, я так и не догадался. Во всяком случае, я убежден, что открыто вступить за меня она все-таки не осмелилась: ведь ее папенька и так уже был замешан в этом деле слишком глубоко. Именно он убедил Катриону покинуть кров ее родственницы — вернее, больше под него не возвращаться — и поручил ее заботам четы Грегоров, очень достойных людей, всегда готовых услужить лорду-адвокату, а ей внушивших доверие, так как они принадлежали к одному с ней клану и семье. Они укрывали ее, пока не приспело время и все не было подготовлено, а тогда помогли ей устроить побег ее отца и вновь предоставили ей тайное убежище, после того как ее выпустили из тюрьмы. Вот так Престонгрейндж заполучил и использовал свое орудие, и никто даже не заподозрил, что он знаком с дочерью Джеймса Мора. Разумеется, побег из тюрьмы столь опорочившего себя человека вызвал кое-какие толки, но власти в ответ явили пример строгости: одного тюремщика наказали плетью, а начальник караула (мой друг Дункансби) был разжалован. Что же касается Катрионы, все остались довольны, когда ее поступок не возымел последствий.

Мисс Грант наотрез отказалась отнести мой ответ.

— Нет! — отвечала она, когда я настаивал. — Я очень хочу оберечь скорлупки от неуклюжих ножищ.

Сносить это было тем труднее, что она, как я теперь знал, виделась с моим дружочком по нескольку раз в неделю и сообщала ей новости обо мне, когда я (по ее словам) «вел себя молодцом». Наконец она меня побаловала, как ей угодно было выразиться, — или подразнила, как считал я. Бесспорно, она была горячим, если не сказать своевластным, другом всех, кто ей нравился, и особенно некоей старушки из благородных, совсем слепой и очень остроумной, которая жила на верхнем этаже высокого дома в узком переулке, ухаживала за семейством коноплянок в клетке и целый день принимала гостей. Мисс Грант часто водила меня туда и предоставляла мне развлекать свою приятельницу рассказами о моих злоключениях. А мисс Тибби Рамсей (так ее звали) была настолько добра, что сообщала мне много интересного о людях и событиях в Шотландии былых времен. Следует упомянуть, что окно ее гостиной находилось — настолько узок был переулок — чуть ли не на расстоянии вытянутой руки от забранного решеткой лестничного оконца в доме напротив.

В этой гостиной мисс Грант однажды оставила меня наедине с мисс Рамсей. Мне показалось, что на этот раз старушка была рассеянна, точно ее мысли занимало что-то другое. К тому же я чувствовал себя неуютно, так как окно против обыкновения было открыто, а день выдался холодный. Неожиданно до моего слуха словно бы издалека донесся голос мисс Грант.

— Э-э-эй! Шос! — окликнула она меня. — Гляньте-ка в окно и посмотрите, что я для вас припасла!

Мне кажется, ничего прекраснее я в жизни не видел. Прозрачный сумрак в провале переулка не мешал взгляду, закопченные стены были совсем черными, а из-за решетки мне улыбались два личика — мисс Грант и Катрины.

— Ну вот! — сказала мисс Грант. — Я хотела, чтобы она увидела вас таким же нарядным, как девушка в Лайм-килнсе. Я хотела, чтобы она увидела, каким я сумела вас сделать, когда взялась за это серьезно.

Тут я вспомнил, что утром она очень придирчиво оглядывала мой костюм, и полагаю, не менее заботливому ос-

мотру подвергся и туалет Катрионы. При всем своем веселом нраве и здравом смысле мисс Грант придавала красивым тряпкам чрезвычайную важность.

— Катриона! — с трудом выговорил я.

Но она не произнесла ни слова, а только помахала мне рукой, улыбнулась, и ее увели от решетки.

Едва она исчезла, как я бросился к двери, но она оказалась запертой. Оттуда — к мисс Рамсей, умоляя дать мне ключ. Но старушка была тверда, как скала. С нее взяли слово, объяснила она и посоветовала мне быть умницей. Выломать дверь было невозможно, не говоря уж о том, что благовоспитанные люди дверей не выламывают. Выпрыгнуть из окна тоже было невозможно, потому что комната находилась на верхнем этаже. Мне оставалось только повиснуть на подоконнике и ждать, когда они выйдут в переулок. Но увидел я только их макушки над кругом юбок, точно горошины на подушечках для булавок. И Катриона даже не бросила вверх прощального взгляда — мисс Грант (как я узнал позднее) помешала ей, сказав, что люди, когда на них смотрят сверху, выглядят очень смешно.

На обратном пути, едва обретя свободу, я упрекнул мисс Грант за жестокость.

— Мне очень жаль, что вы недовольны, — ответила она смиренно. — А я-то радовалась! Выглядели вы гораздо лучше, чем я опасалась. Выглядели вы в этом окне — только не возгордитесь! — настоящим красавцем. Не забудьте, что ваши ноги были от нее заслонены, — добавила она, словно желая меня утешить.

— Да оставьте же мои ноги в покое! — вскричал я. — Они не больше, чем у всех и каждого!

— И даже меньше, чем у некоторых, — добавила она. — Но подобно библейским пророкам я изъясняюсь притчами.

— Теперь меня не удивляет, что их так часто побивали камнями! — заметил я. — Но вы, бессердечная девица, как вы могли так поступить? Подразнить меня кратким мгновением?

— Любовь подобна простым смертным и нуждается в пище, — объяснила она.

— Ах, Барбара, дайте мне повидать ее по-настоящему! — умоляюще сказал я. — Вы же можете это устроить.

Вы видите с ней, когда хотите. Так подарите мне полчаса.

— Кто ведет эту любовную интригу? Вы или я? — спросила она, а когда я продолжал настаивать, прибегла к убийственному средству — передразнила голос, каким я произнес имя Катрионы. И тем же способом еще несколько дней держала меня в покорности.

О прощении на имя короля никаких известий не приходило — во всяком случае, мне. Быть может, Престонгрейндж и его светлость верховный судья и слышали что-то, но замкнули свои уши и промолчали, а широкая публика так ничего и не узнала. И в свой срок, восьмого ноября, злополучный Джеймс Гленский был повешен в Леттерморе под Баллахулишем.

Такова была развязка моей причастности к политике! Невинные люди погибали до Джеймса и, вероятно, будут погибать, вопреки всей нашей мудрости, до скончания времени. И до скончания времен молодые люди, еще не привыкшие к лживости жизни и умудренных опытом людей, будут восставать против этого, как восставал я, и принимать героические решения, и бросаться очертя голову навстречу бедам, а события будут отшвыривать их в сторону и идти своим чередом, как армия в походе. Джеймса повесили, а я гостил у Престонгрейнджа и был благодарен ему за отцовскую заботливость. Его повесили, а я — вы подумайте! — встретив мистера Саймона на мосту, поспешил снять перед ним шляпу, как мальчишка перед учителем. Его повесили обманно и противозаконно, но мир продолжал заниматься своими делами, и ничто ни на йоту не изменилось, а злодеи этой гнусной драмы были добропорядочными, благожелательными, почтенными отцами семейства, ходили в церковь и принимали участие!

Но я близко увидел мерзость, которую они называют политикой, увидел ее с изнанки, где все — чернота и мертвые кости, и навсегда излечился от желания ею заниматься. Простая, тихая, уединенная дорога — вот что манило меня теперь, где над моей головой не будут нависать опасности, а совесть — подвергаться соблазнам. Ведь при взгляде назад становилось ясно, что показал я себя не так уж и хорошо — после множества благородных речей и приготовлений не добился ровнехонько ничего.

Двадцать пятого числа того же месяца из Лита должен был отплыть в Голландию корабль, и мне внезапно посоветовали отправиться на нем в Лейден. Престонгрейнджу я, разумеется, сказать ничего не мог: и так уж слишком долго пользовался я его кровом и столом. Но с его дочерью я не стал сдерживаться — сетовал на судьбу, изгоняющую меня из родной страны, и заверял ее, что в последнюю минуту откажусь ехать, если она не поможет мне проститься с Катрионой.

— Но разве я не дала вам совета? — осведомилась она.

— Дали, — ответил я. — И я помню, скольким уже вам обязан. Как и то, что меня просили во всем вас слушаться. Но признайте, порой вы бываете так веселы, что вам трудно доверять всецело.

— Ну хорошо, — сказала она. — В девять часов утра будьте на борту. Корабль отплывает после часа. Лодку не отсылайте, и если останетесь недовольны моим прощальным приветом, можете вернуться на берег и искать Катрин.

Ко всем моим дальнейшим мольбам она осталась глуха, и мне пришлось довольствоваться этим обещанием.

Наконец наступил день нашего расставания. Мы были теперь так близки, так свободно держались друг с другом, я стольким был ей обязан, что мысль о том, каким образом следует мне проститься с ней, не давала мне уснуть, как и о чаевых, которые мне предстояло раздать слугам. Я знал, что она считает меня увальнем, и мне хотелось подняться в ее мнении. К тому же после стольких изъявлений дружбы с обеих сторон (и, я надеялся, искренних) чинный поклон выглядел бы слишком холодным. А потому, собравшись с духом и подготовив вступительные слова, я, когда мы остались наедине в последний раз, довольно смело попросил разрешения обнять ее на прощание.

— Вы непонятным образом забываетесь, мистер Бальфур! — заявила она. — Не помню, чтобы я дала вам право так злоупотреблять нашим знакомством!

Я замер перед ней, как сломавшиеся часы, не зная, что думать (а что сказать — и подавно), как вдруг она обняла меня за шею и звонко поцеловала.

— Немыслимый вы чудак! — воскликнула она. — Неужто вы думали, что я допущу, чтобы мы расстались как

чужие? Хотя я с вами и пяти минут не могу остаться серьезной, вы не должны думать, будто я вас не люблю. Стоит мне взглянуть на вас, и я вся — любовь и смех! А теперь, для довершения вашего образования, выслушайте совет, который вам скоро понадобится. Никогда не задавайте женщинам таких вопросов. Они не могут не ответить «нет!». Господь еще не сотворил девушки, которая сумела бы устоять перед таким соблазном. Богословы полагают, что таково проклятие Евы: она не произнесла этого слова, когда Сатана преподнес ей яблоко, а потому ее дочери ничего другого сказать не в состоянии.

— Так как я вскоре лишусь моего чудного наставника... — начал я.

— Вот это галантнейший комплимент, — перебила она с реверансом.

— ...то мне хотелось бы спросить вот о чем, — продолжал я. — Могу ли я задать девушке вопрос, согласна ли она выйти за меня?

— А по-вашему, вы можете жениться на ней без него? — заметила она. — Или подождете, пока она вас сама об этом не спросит?

— Я вижу, вы не способны быть серьезной, — сказал я.

— В одном я очень серьезна, Дэвид, — ответила она. — Я всегда буду вашим другом.

Когда утром на следующий день я вскочил в седло, три барышни и тетушка стояли у окна, из которого мы когда-то вместе смотрели на Катриону, и все они после слов прощального приветствия махали мне вслед платками. Я знал, что одна из четырех искренне жалеет о моем отъезде. И при мысли об этом, при воспоминании, как три месяца назад я впервые подошел к их двери, мое сердце исполнилось грусти и благодарности.

Часть вторая

ОТЕЦ И ДОЧЬ

Глава 21

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОЛЛАНДИЮ

Корабль стоял на одном якоре в отдалении от пристани, и пассажиры должны были добираться туда на яликах, что, впрочем, не составляло особого труда, так как день был совершенно безветренный, хотя и очень холодный, облачный, а над водой колыхались полосы тумана. Этот туман совершенно заслонил корпус корабля, когда мы приблизились к нему, но высокие мачты были открыты взгляду, и солнечные блики пробегали по ним, точно отблески огня. Оказалось, что это купеческое судно, очень вместительное, но с довольно тупым носом и глубоко осевшее в воде под тяжестью груза: соли, соленой лососины и прекрасных белых льняных чулок для голландцев. Шкипер, некий Сэнг (если не ошибаюсь, из Лесмахего), добродушный старый моряк, встретил меня очень приветливо и тотчас вернулся к своим хлопотам. Я оказался первым пассажиром и принялся в одиночестве прохаживаться по палубе, любуясь видом и гадая, каким окажется обещанный мне прощальный привет.

Весь Эдинбург и Пентлендские холмы вставали в сияющей дымке высоко надо мной, время от времени погружаясь в тени облаков. Но лишь печные трубы Лита поднимались над туманом, воду же белая пелена закрывала вовсе. Из-за этой непроницаемой завесы вскоре донесся скрип уключин, а затем, словно из дыма над пожарищем, появилась лодка. На корме сидел сурового вида мужчина, кутавшийся от холода в плащ, а рядом с ним я увидел высокую, стройную, прелестную девичью фигуру, и сердце у меня остановилось. Я только-только успел вздохнуть и приготовиться встретить ее, едва она поднимется на борт, улыбкой и самым лучшим моим поклоном, много изящнее того, который я несколько месяцев назад

отвесил ее милости. Бесспорно, мы изменились оба — она, казалось, подросла, как юное деревце, и обрела милую застенчивость, очень ей шедшую. Словно она стала больше ценить себя, свою женственность. К тому же и ее, как меня, коснулась рука той же волшебницы — мисс Грант отполировала нас обоих.

Из наших уст вырвался почти один и тот же воглас: я решил, что она приехала на корабль попрощаться со мной, а она подумала, что я добился разрешения повидать ее перед разлукой. Но тут же мы поняли, что нам предстоит плыть в Голландию вместе.

— Но почему Барба мне ничего не сказала! — воскликнула Катриона и вспомнила, что ей было вручено письмо со строгим условием распечатать его только на корабле. В письмо было вложено следующее послание ко мне:

Дражайший Дэви! Как показался вам мой прощальный привет? Запечатлели вы поцелуй? Или попросили разрешения? Я уже собралась подписаться здесь, но это могло бы затуманить смысл моего вопроса. Да и ответ я знаю заранее. А потому закончу полезным советом: не будьте чересчур робки, но, бога ради, не напускайте на себя развязность. Хуже для вас ничего быть не может. Засим остаюсь вашим добрым другом и наставницей.

Барбара Грант.

Я написал короткий ответ, выражая свою благодарность, на листке, который вырвал из записной книжки, сложил его вместе с записочкой, запечатал их моим новым перстнем с гербом Бальфуров и отдал слуге Престонгрейнджа, дожидавшемуся в моей лодке.

После этого мы могли опять поглядеть друг на друга, чего целую минуту не делали, а затем, подчиняясь взаимному порыву, вновь обменялись рукопожатием.

— Катриона! — сказал я, словно моя способность говорить исчерпывалась этим словом.

— Значит, вы рады снова со мной увидеться? — спросила она.

— По-моему, это лишние слова, — ответил я. — Наша дружба так глубока, что нам не требуется произносить речи по подобным поводам.

— Правда же, Барбе в целом мире нет подобной! — воскликнула она. — Я даже вообразить не способна, как можно быть такой красивой и такой прямодушной!

— И тем не менее Альпин интересовал ее не больше капустной кочерыжки! — заметил я.

— Это она только так говорила! — возразила Катриона. — Но она взяла меня под защиту и нежно заботилась обо мне ради этого имени и ради благородства той крови, которая течет в нас обеих.

— Нет, я вам объясню почему, — сказал я. — Лица у людей в нашем мире самые разные. Вот лицо Барбары: все должны им любоваться и считать ее прекрасной, бесстрашной, веселой девушкой. И вот ваше лицо — совсем другое... Насколько другое, я постиг только сегодня. Вы себя видеть не можете, а потому не поняли, что она взяла вас под защиту и нежно заботилась о вас ради вашего лица. И любой человек поступил бы так же.

— Любой?

— Любой человек в мире.

— А, так вот почему солдаты в Замке меня заперли! — воскликнула она.

— Барбара научила вас смеяться надо мной, — заметил я.

— Она научила меня не только этому. От нее я узнала о мистере Дэвиде очень много — все, что можно сказать о нем плохого, а также порой и не самого плохого, — добавила она с улыбкой. — Она мне рассказала о мистере Дэвиде все-все, кроме того, что он плывет на этом же самом корабле. А почему вы уезжаете?

Я объяснил.

— Ну что же, — сказала она. — Несколько дней мы проведем вместе, а потом, наверное, распрощаемся навсегда! Отец ждет меня в месте под названием Хелле-вутслейс, а оттуда мы отправимся во Францию и будем жить там в изгнании, как и вождь нашего клана.

— А! — только и мог произнести я, так как при одном упоминании Джеймса Мора у меня пропал голос.

Она тотчас же это заметила и догадалась о некоторых моих мыслях.

— Одно я должна вам сразу сказать, мистер Дэвид, — начала она. — По-моему, двое людей из нашего рода по-

ступили с вами не слишком хорошо. Один — Джеймс Мор, мой отец, а второй — лэрд Престонгрейнджа. Престонгрейндж сам объяснил свои проступки, или за него это сделала его дочь. Но в оправдание Джеймса Мора, моего отца, я могу сказать вот что: он томился закованный в темнице, он честный бесхитростный солдат, бесхитростный джентльмен из горного клана и никак не мог разобраться в их уловках. Но если бы он догадался, что из этого выйдет вред для такого благородного молодого человека, как вы, то предпочел бы лучше умереть. И во имя дружбы прошу вас простить моего отца и всю нашу семью за эту ошибку.

— Катриона, — сказал я, — что это была за ошибка, я не хочу знать. Я знаю лишь одно: вы ходили к Престонгрейнджу и на коленях молили пощадить меня. Да, я понимаю, что пошли вы к нему ради своего отца, но все равно вы просили и за меня. Говорить об этом я не в силах. Есть две вещи, о которых я не в силах даже думать: первая — ваши ласковые слова, когда вы называли себя моим дружочком, и вторая — ваши мольбы сохранить мне жизнь. Так не будем же больше упоминать между нами ни о прощении, ни об обидах.

Я умолк, глядя на Катриону, а она смотрела на палубу. Разговор не успел возобновиться, как задул северо-западный ветер и матросы принялись ставить паруса и выбирать якорь.

Пассажиров, кроме нас, было шестеро, то есть все каюты были заняты. Компанию нам составили трое почтенных купцов из Лита, Керколди и Данди, которые направлялись по общим делам в Верхнюю Германию, а также голландец, возвращавшийся на родину, и жены вышеупомянутых купцов. Катриона была поручена заботам одной из последних, но, к большому нашему счастью, миссис Гебби (как ее звали) плохо переносила море и круглые сутки лежала на спине у себя в каюте. К тому же на борту «Розы» молодые были только мы, если не считать бледного юнгу, который, как в свое время я, прислуживал обедающим, а потому мы с Катрионой были предоставлены самим себе. За столом наши стулья стояли рядом и я с восторгом ухаживал за ней. На палубе я расстилал мой плащ, чтобы ей было мягче сидеть. Погода для этого времени года стояла удивительно хорошая: ясные дни и ночи

с легким морозцем в воздухе, ласковый ветер, такой ровный, что за все время, пока мы шли по Северному морю, ни один парус не заполоскал, а потому мы сидели на палубе (иногда вставая и прогуливаясь, чтобы согреться) с первого проблеска солнца до восьми-деяти вечера, когда небо загоралось яркими звездами. Купцы и шкипер Сэнг, проходя мимо, иногда поглядывали на нас с улыбкой или обменивались с нами веселой шуткой, но чаще они занимались обсуждением цен на сельдь, ситцы и полотно или высчитывали, сколько времени нам еще остается плыть, и мы могли без помех вести свои разговоры, до которых, кроме нас, никому дела не было.

Вначале мы болтали без умолку и, по нашему мнению, весьма остроумно: я старался показать себя безупречным кавалером, а она, по-моему, играла роль светской барышни. Но вскоре мы перестали чиниться между собой. Я бросил изъясняться с лондонским выговором (уж какой он у меня ни был) и все чаще забывал отвечать поклоны и шаркать ногой по-эдинбургски. Она держалась с дружеской непринужденностью, и мы теперь обходились друг с другом почти по-родственному (только мое чувство было более глубоким). Тогда же наши светские разговоры иссякли, хотя ни ее, ни меня это не огорчало. Иногда она рассказывала мне старинные легенды и поверья, которых знала множество, наслышавшись их главным образом от моего приятеля, рыжего Нийла. Рассказывала она их очень приятно, и были они приятными детскими сказочками, но меня просто радовали звук ее голоса и мысль, что вот она рассказывает, а я слушаю. А иногда мы молчали, не обмениваясь даже взглядом, но сидеть рядом уже было упоением. Говорю я только о себе. О ее мыслях, боюсь, я не спрашивал даже себя, а свои опасался додумывать. Теперь мне незачем это скрывать ни от себя, ни от читателя — я влюбился без памяти. Катриона заслонила от меня солнце. Она, как я упоминал, стала выше ростом, но это ей шло. Она выглядела воплощением здоровья, веселости и отваги. Мне казалось, что она ступает как юная лань, а стоило ей остановиться, и я словно видел березки на горных склонах. Мне было довольно сидеть возле нее на палубе, о будущем же я, право, не думал вовсе и, вполне удовлетворенный тем, что имею, даже в воображении не рисовал следующего шага, хотя порой и мечтал, как возъ-

му ее руку в свою. Однако, точно скупец, оберегая уже подаренные мне радости, я остерегался любой опрометчивости. Говорили мы обычно о себе или друг о друге, и тот, кто взял бы на себя труд подслушивать, счел бы нас самыми большими эгоистами в мире. И вот однажды мы пустились в обсуждение друзей и дружбы — теперь мне кажется, мы шли слишком близко к ветру. Мы говорили о том, как прекрасна дружба, и о том, что прежде даже не догадывались об этом, а она, оказывается, преобразует жизнь,— и еще тысячи таких же вещей, которые юноши и девушки в таких же обстоятельствах повторяли и повторяют с сотворения мира. Затем мы коснулись той странности, что при самой первой встрече друзья сразу же чувствуют себя так, словно знакомы давным-давно, а ведь оба успели до нее прожить немало времени, нерасчетливо тратя его в обществе других людей.

— Ко мне это почти не относится,— сказала Катриона.— И я могу описать вам в двух-трех словах пять пятых всего, что делала. Я ведь девушка, а какие занятия у девушек? Но в сорок пятом году я отправилась в поход вместе со всем нашим кланом. У мужчин было холодное оружие и ружья. Многие шли отрядами, в одежде одних цветов. И шли бодро, можете мне поверить! А нидерландские дворяне со своими арендаторами и трубачами — все на лошадях! А военная музыка волюнок! Я ехала на маленькой горной лошадке по правую руку Джеймса Мора, моего отца, и самого Гленгайла. И я помню, как Гленгайл поцеловал меня в обе щеки — за то, сказал он, «что вы, кузина, единственная дама нашего клана, которая отправилась в поход». Как это было прекрасно! Ведь я была еще совсем девочка, лет мне было двенадцать, не больше. И я видела принца Чарли, видела его голубые глаза. Он был такой красивый! Я поцеловала ему руку перед всей армией. Да, чудесные были дни, но точно сон, который я видела, а потом проснулась. Что случилось дальше, вы сами знаете: пришли самые черные дни, повсюду рыскали солдаты в красных мундирах, а мой отец и дяди прятались на горе, и я носила им еду глухой ночью или на рассвете, когда поют петухи. Да, я много поднималась по склонам ночью, и сердце у меня разрывалось от страха перед темнотой. Странно, но никакая нечисть не набрасывалась на меня на пути. Ни разу. Только, говорят,

над девушками у нечистой силы нет власти. А потом — женитьба моего дяди, и уж это было хуже всего. Звали ее Джин Кей, и я была с ней в комнате в ту ночь в Инверснайде, — в ту ночь, когда, по древнему обычаю, ее увезли от родных и близких. То она соглашалась, то нет, то говорила, что пойдет за Роба, то наотрез ему отказывала. Такой пустоголовой женщины я в жизни не видывала. Что проще: скажи «да» или скажи «нет». Ну, да она была вдовой, а такую вдову, по-моему, хорошей женщиной назвать никак нельзя.

— Катриона! — перебил я. — Почему вы так считаете?

— Не знаю, — ответила она. — Я ведь просто рассказываю вам, что чувствую. Взять да найти себе нового мужа! Фу! А она все-таки вышла за моего дядю Робина, и в церковь с ним ходила, и на рынок. А потом он ей надоел, или прежние друзья подстерегли ее и уговорили, или стыд ее одолел, но только она сбежала, вернулась к своей родне и сказала, будто мы ее в озере держали, — я и говорить вам про все это не хочу! С того дня я всех женщин ставила низко. Ну а потом моего отца, Джеймса Мора, бросили в темницу, и, что произошло дальше, вы знаете не хуже меня.

— И все это время у вас не было друзей?

— Нет, — ответила она. — Были две-три девочки, которыми я командовала, но какая же это дружба!

— Мой рассказ будет короче, — сказал я. — У меня не было ни единого друга, пока я не познакомился с вами.

— А доблестный мистер Стюарт? — спросила она.

— Ах да! Про него я забыл, — сказал я. — Но он ведь мужчина, и это совсем другое дело.

— Еще бы! — воскликнула она. — Конечно, совсем другое.

— Правда, был еще один, — продолжал я. — Когда-то я воображал, что у меня есть друг, но ошибся.

Катриона спросила, кто она была такая.

— Не она, а он, — ответил я. — Мы оба были лучшими учениками в школе моего отца и думали, что крепко друг друга любим. Потом он уехал в Глазго и поселился у купца, который приходился ему четвероюродным братом, и прислал мне с оказией два-три письма, а потом обзавелся новыми друзьями, и, сколько я ни писал, он и думать про меня забыл. Да, Катриона, долго я не мог

простить этого всему миру. Нет ничего горше потери воображаемого друга.

Она принялась расспрашивать, какой он был лицом и характером, потому что нас обоих очень интересовало все, что касалось другого. И вот в злополучный час я вспомнил про его письма, спустился в каюту и принес всю пачку.

— Вот его письма, и все письма, которые я получил за всю мою жизнь. А больше мне о себе рассказать нечего. Остальное вам известно.

— Вы мне их прочтете? — спросила она.

Я сказал, что прочту, если ей трудно, и она тотчас велела мне уйти — она сама прочтет их все с начала и до конца. А в пачке, которую я ей дал, были, кроме писем моего ложного друга, еще два-три письма мистера Кэмпбелла из города, когда он уезжал на ассамблею, и (в довершение перечня того, что мне когда-либо писалось) два словечка самой Катрионы, и два письма мисс Грант: одно, присланное на Басс, а другое — на этот корабль. Но про них я даже не вспомнил.

Катриона настолько владела всеми моими мыслями, что отвлечь меня от них не могло никакое занятие, и находился ли я в ее присутствии или нет, ни малейшего значения не имело. Я был болен ею, точно какой-то чудесной лихорадкой, которая ни на мгновение, ни днем ни ночью, не отпускала меня, спал я или бодрствовал. Вот почему, когда я удалился на нос корабля, где могучий форштевень врезался в волны, поднимая тучи брызг, я вовсе не так спешил вернуться к ней, как вы могли бы подумать, а, наоборот, нарочно продлил свое отсутствие, словно разнообразя удовольствие. Мне кажется, по натуре я вовсе не эпикуреец, только до тех пор на долю мне выпадало так мало радости, что можно извинить неторопливость, с какой я ее описываю.

Когда я наконец вернулся к ней, она протянула мне пакет с письмами с такой холодностью, что меня словно иглой укололо.

— Вы прочли их? — спросил я и почувствовал, что голос мой прозвучал как-то неестественно, потому что я старался понять, отчего в ней произошла такая перемена.

— Вы хотели, чтобы я прочла их все? — сказала она.

Я ответил «да» с некоторой запинкой.

— И самое последнее тоже? — продолжала она.

Тут я понял, в чем дело, но не мог ей солгать.

— Я дал их вам все, не задумываясь, — сказал я. —

И полагал, что вы прочтете их для развлечения. Ничего дурного я ни в одном из них не помню.

— Значит, я создана иначе! — воскликнула она. —

И благодарю за это бога! Подобное письмо не следовало давать мне читать. Его не следовало писать!

— Вы, я полагаю, говорите про вашего дорогого друга Барбару Грант? — сказал я.

— Нет ничего горше потери воображаемого друга, — ответила она моими словами.

— Мне кажется, воображаемой порой бывает дружба! — вскричал я. — По-вашему, справедливо винить меня за несколько слов, которые взбалмошная проказница написала на листке бумаги? Вы ведь лучше всех знаете, как почтителен я был — и буду всегда.

— И все-таки вы показали мне подобное письмо! — возразила она. — Такие друзья мне не нужны. Я, мистер Бальфур, прекрасно обойдусь без нее и без вас.

— Такова ваша благодарность! — сказал я.

— Я весьма вам обязана, — отрезала она. — И прошу вас забрать ваши... письма! — Она словно поперхнулась последним словом, и оно прозвучало как проклятие.

— Второй раз вам просить не понадобится, — сказал я, взял пакет и, сделав несколько шагов вперед, бросил его в море, как мог дальше. Еще немного — и я последовал бы за ним в пучину.

До конца дня я расхаживал по палубе, вне себя от бешенства. Вряд ли нашлось бы обидное слово, каким я не назвал бы ее мысленно до того, как солнце закатилось. Все, что мне доводилось слышать о гордости горцев, было превзойдено. Чтобы девушка — еще почти девочка — возмутилась из-за такого пустячного намека, да еще вышедшего из-под пера той, кого она называла своим вторым дорогим другом и не уставала хвалить мне! Я думал о ней с горечью, осуждением, яростью, как злящийся мальчишка. Если бы я и вправду ее поцеловал, думал я, она, пожалуй, ничего против не имела бы! Но только потому, что про это было написано, и написано шутливо, она впала в этот нелепый гнев. Женский пол, решил я, настолько обойден

здравым смыслом, что ангелы, наверное, оплакивают жребий злополучных мужчин.

За ужином мы, по обыкновению, сидели рядом, но до чего же все переменялось! Она была со мной кисла, как свернувшееся молоко, а лицо у нее не выражало ничего, точно у деревянной куклы. Я попеременно готов был ударить ее или валяться у нее в ногах, но она не дала мне ни малейшего повода ни для того, ни для другого. Едва ужин окончился, как она поспешила к миссис Гебби и принялась заботливо за ней ухаживать, хотя прежде, пожалуй, была повинна в недостатке усердия. Но теперь она постаралась возместить прежнее невнимание и до конца плавания старательно опекала старушку, а на палубе достаточно неразумно, на мой взгляд, искала общества шкипера Сэнга. Нет, он, конечно, казался весьма достойным, добрым человеком, только мне нестерпимо было видеть, что она держится дружески с кем-то еще, а не со мной.

Она же с такой ловкостью избегала меня и всегда была окружена другими людьми, что мне очень долго пришлось искать удобного случая поговорить с ней. А когда он наконец представился, я, как вы сейчас узнаете, не сумел извлечь из него особой пользы.

— Я не могу понять, какую нанес вам обиду, — сказал я. — Но наверное, и ей может быть прощение. Так попробуйте, попробуйте меня простить!

— Мне нечего прощать, — ответила она, и мне почудилось, что ее слова падают, как камни. — Я весьма вам обязана за вашу дружбу. — И она сделала мне одну восьмую реверанса.

Но я заранее приготовился сказать больше и потому продолжал.

— Еще одно, — сказал я. — Если я оскорбил вас, показав вам это письмо, то мисс Грант тут ни при чем. Она писала не вам, а простому, заурядному, неотесанному невеже, у которого не хватило ума припрятать его. Если вам угодно винить меня...

— Во всяком случае, я посоветовала бы вам больше и не заикаться об этой девице! — перебила Катриона. — Вот уж ее я знать не хочу, пусть она хоть умирает! — И она отвернулась, но тут же опять поглядела мне прямо в лицо. — Вы поклянетесь, что больше не будете иметь с ней никакого дела?

— И покажу, что во мне нет ни капли справедливости, — ответил я, — ни благодарности!

И на этот раз отвернулся я.

Глава 22

ХЕЛЛЕВУТСЛЕЙС

Под конец погода совсем испортилась. Ветер свистел в парусах, волны вздымались все выше, и наше судно скрипело и стонало, тяжело взбираясь на гребни. Напев лотового на русленях¹ почти не смолкал, так как мы пробирались теперь среди отмелей. Часов в девять утра, между двумя шквалами с ледяным градом, проглянуло солнце, и я в первый раз увидел Голландию — ряд мельниц, крылья которых быстро вертел ветер. Эти странные сооружения я тоже видел в первый раз, а потому тут же почувствовал, что значит путешествовать по чужим краям, наблюдая совсем новый мир и новую жизнь. Около половины двенадцатого мы встали на якорь у входа в гавань Хеллевутслейса. Волны там порой вдруг вскипали, и судно швыряло из стороны в сторону. Разумеется, все мы, кроме миссис Гебби, собрались на палубе, кутаясь кто в плащи, кто в корабельную парусину, но все цеплялись за канаты и перешучивались, как бывалые моряки, — или нам так казалось.

Вскоре к борту бочком, точно краб, осторожно приблизилась лодка, и ее рулевой окликнул нашего шкипера по-голландски. После чего шкипер Сэнг со встревоженным лицом обернулся к Катрионе, мы все сгрудились вокруг и слышали, в чем заключалось затруднение. «Роза» направлялась в Роттердам, куда остальным пассажирам не терпелось прибыть поскорее, так как в этот самый вечер оттуда уезжала почтовая карета в Верхнюю Германию. При таком почти штормовом ветре шкипер полагал, что успеет туда вовремя — если не произойдет какой-нибудь задержки. Джеймс Мор вызвал дочь в Хел-

¹ Лотовый — измеряет глубину при помощи специального прибора — лота. Руслень — наделка в виде широкой толстой доски снаружи борта судна на высоте верхней палубы, служащая для отвода от борта вант.

левутслейс, и шкипер обязался подойти к этому порту и высадить ее, как было в обычае, в лодку с берега. И лодка подошла к судну, и Катриона была готова, но и наш шкипер и хозяин лодки опасались за нее, а шкипер не хотел мешкать.

— Ваш батюшка не поблагодарит нас, если мы вам сломаем ногу, мисс Драммонд, а то и утопим,— сказал он.— Послушайте моего совета: плывите-ка со всеми нами в Роттердам, где вы, конечно, найдете местечко на каком-нибудь паруснике и спуститесь по Массу до Брилле, там сядете в раттельвагон и назад сюда, в Хеллевутслейс!

Но Катриона и слышать ничего не хотела. Она заметно побледнела, глядя на фонтаны брызг, на зеленые волны, которые время от времени захлестывали нос, на утлую лодку, пляшущую между гребнями, и все-таки намеревалась последовать распоряжениям отца.

— Мой отец, Джеймс Мор, прислал за мной эту лодку,— повторяла она на все уговоры.

Упрямство, с каким она стояла на своем и отвергала любые здравые советы, казалось мне капризом, если не сказать глупостью. На самом же деле у нее имелась вполне веская причина, только нам она ничего объяснять не стала. Парусники и раттельвагоны, конечно, прекрасные средства передвижения, но за место в них надо платить, а у нее за душой было всего-навсего два шиллинга и полтора пенса. Вот почему шкипер и пассажиры, не знавшие о ее положении, напрасно тратили свои доводы, а ей гордость не позволяла открыть им свою тайну.

— Но вы же ни по-французски, ни по-голландски не говорите,— сказал кто-то.

— Правда,— ответила она.— Но с сорок пятого года столько честных шотландцев живет за границей, что я как-нибудь обойдусь, можете не тревожиться.

Такое милое деревенское простодушие у одних вызвало смех, у других — сочувствие, а мистера Гебби ввергло в ярость. Долг (раз уж его жена обещала присмотреть за девушкой) требовал, чтобы он проводил ее на берег и устроил ее там. Но делать он этого не собирался, так как судно не стало бы его ждать, и, как мне кажется, он успокаивал свою совесть, возражая громче всех. Под конец он набросился на шкипера Сэнга, крича, что это просто преступление: попытка спуститься в лодку озна-

чает верную смерть, да и в любом случае не можем же мы швырнуть беззащитную девушку в лапы каких-то неизвестных голландских рыбаков и оставить ее на произвол судьбы. В этом я был с ним согласен и, отведя помощника шкипера в сторону, попросил его отправить мой багаж на попутной барже в Лейден по такому-то адресу, а потом махнул рыбакам.

— Я сойду на берег с мисс Катрионой, шкипер Сэнг,— сказал я.— Мне ведь все равно, каким путем добираться до Лейдена.

С этими словами я прыгнул в лодку. Моему прыжку не достало изящества, и я вместе с двумя рыбаками повалился на ее дно, где плескалась затхлая вода.

Снизу из лодки опасность представлялась даже еще более жуткой, чем с борта судна, плясавшего на якорном канате и то нависавшего высоко над нами, то стремительно соскальзывавшего вниз, непрерывно нам угрожая. Я уже уверился, что совершил порядочную глупость: Катриона, конечно, не сможет спуститься ко мне в лодку и я окажусь на берегу в Хеллевутслейсе совсем один, без малейшей надежды на какую бы то ни было награду, кроме удовольствия облобызаться с Джеймсом Мором, если мне захочется. Но я забыл о ее отваге. Она увидела, как я прыгнул без малейшего колебания (во всяком случае, с виду, если не на самом деле), и, конечно, не пожелала уступить в бесстрашии своему отвергнутому другу. Во мгновение ока она вскочила на перила, ухватила за ванты, и ветер раздул ее юбки, чем увеличил опасность, а нам показал ее чулочки, что в городе сочли бы неприличным. Нельзя было терять ни секунды — никто не успел бы ее остановить, даже если бы попытался. Я вскочил и широко раскрыл руки. Судно ухнуло вниз, наш рулевой с немалым риском повернул лодку ближе к нему, и Катриона прыгнула. Мне удалось ее поймать и даже избежать падения, потому что рыбаки успели нас поддержать. На миг она прижалась ко мне, быстро и тяжело дыша, после чего мы перебрались на корму и сели возле рулевого (все это время Катриона продолжала держаться за меня обеими руками) под одобрительные возгласы и напутствия шкипера Сэнга, всей его команды и пассажиров, а затем лодка повернула к берегу.

Едва Катриона немного пришла в себя, она отдернула

руки, но не произнесла ни слова. Я тоже молчал. Впрочем, свист ветра и шум волн не располагали к разговорам, тем более что, несмотря на все усилия рыбаков, продвигались мы вперед очень медленно, и «Роза» успела сняться с якоря и продолжить свой путь, прежде чем мы добрались до входа в гавань.

Едва мы очутились на более тихой воде, как хозяин лодки остановил ее и, по мерзкому обычаю голландцев, потребовал с нас плату — по два гульдена, что было несколько больше трех английских шиллингов. Катриона начала взволнованно возражать. Она справлялась у шкипера Сэнга, и он сказал, что плата составляет один шиллинг.

— Или, по-вашему, я села бы в лодку, не узнав заранее? — вскричала она.

Хозяин лодки ответил ей длинной речью по-голландски, хотя и щедро уснащал ее английскими ругательствами. Но тут, заметив, что она вот-вот заплачет, я тихонько сунул в руку плута шесть шиллингов, после чего он без дальнейших пререканий взял ее шиллинг. Правду сказать, меня душили гнев и стыд. Я уважаю бережливых людей, но всему есть предел, а потому, когда лодка вновь поплыла к берегу, весьма холодным тоном спросил Катриону, где она думает найти отца.

— Он велел справиться о себе в доме Спротта, честного шотландского купца, — ответила она и продолжала без остановки: — Я хочу поблагодарить вас от всего сердца, вы мне настоящий друг.

— На это хватит времени после того, как я провожу вас к вашему отцу, — ответил я, не предполагая, насколько пророческими окажутся мои слова. — И смогу рассказать ему, какая у него верная и послушная дочь.

— Не знаю, можно ли меня назвать верной, — воскликнула она с огорченным выражением лица. — Боюсь, мое сердце способно лукавить.

— Но мало кто решился бы на подобный прыжок ради того лишь, чтобы не послушаться отца! — заметил я.

— Я не могу допустить, чтобы вы думали обо мне так! — снова воскликнула она. — После того как прыгнули вы, разве я могла остаться там? И дело не только в том... — Залившись краской, она откровенно призналась мне в полном своем безденежье.

— Спаси и помилуй! — вскричал я. — Как можно было отправиться в Европу с пустым кошельком! Чистейшее безумие! Это даже неприлично, совсем неприлично!

— Вы забываете, что Джеймс Мор, мой отец, беден, — сказала она. — Он благородный джентльмен, но он изгнанник, которого преследуют...

— По-моему, не все ваши друзья — преследуемые изгнанники! — перебил я. — Хорошо ли это по отношению к тем, кому вы дороги? Хорошо ли по отношению ко мне? И по отношению к мисс Грант, которая посоветовала вам уехать и, конечно, была бы расстроена и рассержена, узнай она, как обстоит дело! И даже по отношению к семье Грегоров, приютившей вас с такой доброй заботливостью! Какое счастье, что я оказался рядом! Вдруг вашего отца что-либо задержало? Что случилось бы с вами здесь, в чужой стране, без единой знакомой души? Меня охватывает страх при одной только мысли! — закончил я.

— Я им всем лгала, — ответила она. — Я их всех уверяла, что денег у меня больше, чем нужно. Не могла же я допустить, чтобы Джеймс Мор настолько пал в их глазах!

Позднее я узнал, что пал бы он куда ниже, так как солгал им отец, а дочь была вынуждена скрыть правду, чтобы спасти его от позора. Но в то время я ничего этого не знал и только с ума сходил при мысли об опасностях, которым она себя подвергла.

— Ну что же, — сказал я. — Придется вам впредь научиться благоразумию.

Оставив ее вещи в гостинице на берегу и наведя там справки на моем новехоньком французском языке, как пройти к дому Спротта, я проводил ее туда. Путь оказался неблизкий, и мы с любопытством оглядывались по сторонам. А шотландцам там было чему подивиться: дома над каналами среди деревьев — и какие дома! Каждый стоял особняком, и все были построены из добротного кирпича, красного, как розы. Крылечки, скамьи из голубого мрамора по сторонам входной двери, а весь городок такой чистый, что с тротуара можно было бы есть, как с тарелки. Спротт сидел над своими книгами в комнате с низким потолком, сияющей чистотой и украшенной красивой фарфоровой посудой, картинами и глобусом на медной подставке. Сам Спротт, внушительный толстяк

с тяжелым подбородком и хитрым, жестким взглядом, встретил нас весьма неучтиво и даже не пригласил сесть.

— Не скажете ли, сударь, Джеймс Мор Макгрегор сейчас в Хеллевутслейсе? — осведомился я.

— Я такого не знаю, — ответил он с сердцем.

— Если вы столь придирчивы, — сказал я, — то с вашего разрешения я спрошу вас немного по-иному: где нам искать в Хеллевутслейсе некоего Джеймса Драммонда, он же Макгрегор, он же Джеймс Мор, до последнего времени проживавший в Инверонакиле?

— Сударь, — отрезал он, — да, будь он хоть в преисподней, мне это неизвестно, хотя от души желаю ему туда попасть!

— Барышня его дочь, сударь, — сказал я. — И полагаю, вы согласитесь, что в ее присутствии не слишком уместно касаться его репутации.

— А мне дела нет ни до него, ни до нее, ни до вас! — грубо крикнул он.

— С вашего позволения, мистер Спротт, — продолжал я, — эта барышня приехала из Шотландии, чтобы найти его, и по какой-то ошибке ей назвали ваш дом, как место, где она может навести нужные справки. Как видите, произошло недоразумение, но мне кажется, это обязывает и вас и меня — а я лишь ее случайный спутник — оказать помощь нашей соотечественнице.

— Да вы меня, никак, полоумным почитаете! — возопил он. — Говорю же вам, я ничего не знаю и знать не хочу ни про него, ни про его дочек. Он мне должен немалые деньги.

— Пусть так, сударь, — сказал я, рассердившись не меньше его, — но я-то вам ничего не должен! Барышня находится под моей защитой, а я не привык к подобному обращению и сносить его не намерен.

При этих словах я, сам того не заметив, шагнул к нему и таким образом по воле счастливого случая нашел единственный довод, который мог воздействовать на этого человека. Его багровое лицо мгновенно побледнело.

— Да господь с вами, сударь! — охнул он. — У меня и в мыслях не было ничего для вас обидного. Я же, сударь, простой, честный, прямой старик, ну что, если и поворчу немножко! Вы-то небось подумали, что я суров,

так нет! Сердце у Сэнди Спротта предобрее! Вам ведь неоткуда знать, каких он мне хлопот наделал!

— Превосходно, сударь, — сказал я. — В таком случае я злоупотреблю вашей добротой и затрудню вас просьбой сообщить нам, какие последние известия имели вы о мистере Драммонде.

— Да разве это затруднение, сударь! — воскликнул он. — Ну, а что до барышни, так (со всем почтением к ней) он про нее, как погляжу, и забыл вовсе. Уж я-то его знаю! И не в первый раз теряю из-за него деньги. Он ведь ни о ком, oprичь себя, не думает. Клан там, король или дочка, ему бы только свою выгоду соблюсти, а они пусть как знают! И его доверенный тоже. Я ведь не то чтобы его доверенный, но вроде. Мы с ним участвуем в одном коммерческом деле, и, думаю, оно дорого обойдется Сэнди Спротту. Вот он почти мой компаньон, а я не знаю, где он, слово даю. Может, он придет в Хеллевултслейс. Может, даже завтра, а может, год сюда носа не покажет. Меня ничто не удивит. Кроме разве одного: коли он вернет мне мои денежки. Теперь вы понимаете, какое мое положение. И барышне, как вы ее называете, помочь я ничем не могу. Остаться здесь ей никак нельзя. Бог с вами, сударь! Я человек холостой. Посели я ее у себя, так этот чертов сын, если явится сюда, того и гляди, меня на ней женит.

— Довольно болтовни! — перебил я. — Барышню я провожу к более надежным друзьям. А вы дайте мне перо, чернила и лист бумаги. Я оставлю вам для Джеймса Мора адрес моего лейденского доверенного. Он сможет узнать от меня, где искать свою дочь.

Я написал адрес и запечатал записку, а Спротт тем временем по собственному почину предложил взять на хранение вещи мисс Драммонд и даже послать за ними в гостиницу носильщика. Мне это представилось очень удобным, и я дал ему талер-другой для покрытия расходов, а он выдал мне расписку.

После чего я предложил руку Катрione и мы покинули дом этого низкого плута. Она все время хранила молчание, предоставив мне решать и говорить за нее. Я же постарался не смутить ее даже взглядом и теперь приложил все усилия, хотя сердце мне по-прежнему жгли гнев и стыд, чтобы выглядеть спокойным и веселым.

— Начнем с того, — сказал я, — что вернемся в гости-

ницу, где говорят по-французски, пообедаем там и наведем справки, как добраться в Роттердам. Моя главная забота теперь — поскорее вернуть вас под крылышко мисс Гебби.

— Наверное, иначе нельзя, — согласилась Катриона, — хотя если это кого-нибудь и обрадует, то только не ее. И напомним вам еще раз, что у меня есть только шиллинг и три полупенсовика.

— А я только один раз напомним вам, — сказал я, — что, к счастью, я с вами.

— Как будто я не об этом думаю все время! — воскликнула она и, как мне показалось, чуть-чуть сильнее оперлась на мою руку. — Вы мой самый лучший друг.

Глава 23

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОЛЛАНДИИ

Раттельвагон — длинный крытый экипаж со скамьями — доставил нас в город Роттердам за четыре часа. К тому времени давно уже стемнело, но улицы были ярко освещены, и их заполняли прохожие самого причудливого и непривычного вида — бородатые евреи, чернокожие и толпы непотребных женщин, непристойно разодетых и прямо-таки вцеплявшихся в матросов. От гула голосов у нас зазвенело в ушах, и, чего мы никак не ожидали, все эти чужеземцы смотрели на нас с неменьшим удивлением, чем мы на них. Ради Катрионы, да и себя самого, я старался сохранять невозмутимость, но, правду сказать, чувствовал себя потерявшимся ягненком, и сердце у меня сжималось от тревоги. Раза два я пробовал спросить дорогу в порт и о месте, где может стоять судно «Роза», но либо те, к кому я обращался, говорили только по-голландски, либо мой французский мне изменил, но внятного ответа я не получил. Мы свернули наугад за какой-то угол и оказались в проулке между двумя рядами ярко освещенных домов; у окон и дверей толпились накрашенные женщины, которые толкали нас и насмешливо хохотали, когда мы проходили мимо, и я только благодарил судьбу, что мы не понимаем их языка. Вскоре мы очутились на пустыре и увидели впереди порт.

— Теперь все будет хорошо! — воскликнул я, глядя на мачты в темном небе. — Пройдемся по порту: мы обязательно встретим кого-нибудь, кто говорит по-английски, а в случае удачи так и сами отыщем «Розу».

«Розу» мы, правда, не отыскивали, но зато около девяти часов вечера попали, так сказать, в объятия... Кого бы вы думали? самого шкипера Сэнга! От него мы узнали, что переход до Роттердама занял на удивление короткое время, так как ветер все время оставался крепким и попутным, и все его пассажиры уже отправились дальше. Гнаться за мистером и миссис Гебби до Верхней Германии было немыслимо, и у нас не оставалось иного выбора, как обратиться за помощью к шкиперу Сэнгу. Он тотчас обещал подыскать какое-нибудь почтенное купеческое семейство, которое приютит Катриону на время, пока «Роза» будет грузиться, а потом он с радостью отвезет ее назад в Лит без всякой платы и сдаст с рук на руки мистеру Грегору. Едва договорив, шкипер увлек нас в вечернюю ресторацию поужинать, в чем мы, признаться, очень нуждались. Он был весьма любезен, но — что меня очень удивило — очень шумен и многословен. Причина этого вскоре открылась. Потребовав в ресторации рейнвейна, он принялся пить рюмку за рюмкой и вскоре неопишимо охмелел. А тогда, как случается со многими и многими мужчинами, и особенно с простыми грубыми моряками, он забыл всякую сдержанность, все правила приличия, какие прежде кое-как соблюдал, и повел себя с юной девушкой совершенно непозволительно: отпускал двусмысленные шуточки и с хохотом вспоминал, как она выглядела, когда вспрыгнула на борт. А потому я был вынужден без лишних слов увести ее оттуда.

Она уцепилась за мой локоть.

— Я не хочу тут оставаться, Дэвид, — сказала она. — Возьмите меня с собой. Вас я не боюсь.

— И правильно, мой дружок! — воскликнул я, чувствуя, что к глазам у меня подступают слезы.

— А куда вы меня ведете? — спросила она. — Только не оставляйте меня одну! Никогда больше не оставляйте!

— И верно, куда же я вас веду? — сказал я и остановился, так как шел вперед, не разбирая дороги. — Дайте сообразить. Но я вас не оставляю, Катриона. Да покарает

меня бог, если я окажусь вам слабой опорой или навлеку на вас беду!

Вместо ответа она теснее прижалась ко мне.

— Здесь, — продолжал я, — самое тихое место, какое мы только видели в этом шумном улье. Давайте сядем вон под тем деревом и обсудим, что нам делать дальше.

Дерево (наверяд ли я его когда-нибудь забуду) стояло у самого конца порта. Ночь выдалась темная, но окна домов были освещены, а ближе мерцали фонари на неподвижных судах. По одну руку виднелось светлое марево над городом и слышался неясный гул многих тысяч голосов и шагов, а по другую — царил мрак и о борта плескалась вода. Я расстелил мой плащ на камне и усадил Катриону. Она не хотела отпустить мою руку и никак не могла успокоиться. Но мне необходимо было обрести ясность мысли; высвободившись, я начал рассказывать перед камнем «походкой контрабандиста», как мы говорим, и напрягал мозг в поисках выхода. Мысли мои были в полном беспорядке, и внезапно я вспомнил, что, в негодовании и спешке покинув ресторацию, мы оставили шкипера Сэнга расплачиваться за наш ужин. Мне стало смешно, так как я счел это достойным ему наказанием, и машинально я сунул руку в карман, где лежал мой кошелек. Возможно, его украли в проулке, пока мы пробирались сквозь толпу женщин, но, как бы то ни было, кошелек в кармане не оказался.

— Вы придумали что-то хорошее! — воскликнула Катриона, заметив, что я вдруг остановился как вкопанный.

Беда, которая нас постигла, прояснила мои мысли, и, словно в сильные очки, я увидел, что выбора у нас нет. Я остался совсем без денег, но в кармане у меня лежало письмо к лейденскому купцу, а добраться до Лейдена мы могли лишь одним способом — пешком.

— Катриона! — сказал я. — Вы смелы, я знаю, и, по-моему, вы сильны. Как вы думаете, сможете вы пройти тридцать миль по обычной дороге? (Путь, как оказалось, был на треть короче, но тогда мне на память пришло именно это расстояние.)

— Дэвид, — ответила она. — Если вы будете рядом со мной, я пойду куда угодно и сделаю все, что потребуются.

Но от моей стойкости не осталось ничего. Только не бросайте меня одну в этой ужасной стране, а на все остальное я согласна.

— Можете ли вы отправиться в путь сейчас и идти до утра? — спросил я.

— Я буду делать все, что вы скажете, и не спрашивать, зачем и почему! — воскликнула она. — Я вела себя с вами очень дурно и неблагодарно! А теперь распоряжайтесь мной, как сочтете нужным! И я думаю, что мисс Барбара Грант — самая лучшая девица в мире, — добавила она. — И не представляю, чтобы она вам в чем-нибудь отказала!

Последние ее слова были для меня полной загадкой, но ломать над ними голову я не стал. Слишком о многом нужно мне было подумать, начиная с того, как выбраться из города на лейденскую дорогу. Это оказалось нелегкой задачей, и решили мы ее лишь во втором часу ночи. Едва дома остались позади, как мы очутились в глубокой тьме, не озаряемой ни луной, ни звездами, но дорога смутно белела перед нами между двумя стенами мрака. Идти было тем труднее, что вдруг подморозило и земля у нас под ногами превратилась в каток.

— Ну, что же, Катриона, — сказал я. — Вот мы и бредем ночью, точно королевичи и старухины дочки в ваших горских сказочках. Скоро мы минуем «семь долин, семь вершин и семь трясин»! — Эту присказку я столько раз от нее слышал, что запомнил наизусть.

— Только тут нет ни долин, ни вершин, — ответила она. — Хотя, правду сказать, деревья и некоторые равнины у них красивы. Но все равно лучше нашего края нет нигде.

— Хотелось бы мне повторить то же про наших земляков, — заметил я, припомнив Спротта, Сэнга, да и самого Джеймса Мора.

— Я никогда не скажу ни одного дурного слова про родные края моего друга, — произнесла она с такой горячностью, что я словно бы увидел ее лицо.

У меня перехватило дыхание, и в награду за мои усилия я чуть было не растянулся на темном льду.

— Не знаю, как по-вашему, Катриона, — сказал я, кое-как удержавшись на ногах, — но более чудесного дня у меня еще не бывало! Конечно, нехорошо так говорить,

когда вам он принес столько невзгод, но для меня это лучший день в моей жизни.

— День был хорошим, потому что я видела от вас столько любви! — сказала она.

— И все-таки мне стыдно чувствовать себя таким счастливым, — продолжал я, — когда вы идете по темной дороге в глухую ночь.

— Но где бы еще хотела я быть? — воскликнула она. — Мне спокойнее всего быть там, где я с вами.

— Значит, я совсем прощен? — спросил я.

— Только и вы простите меня и больше не упоминайте об этом! — вскричала она. — В моем сердце нет к вам ничего, кроме благодарности. Но я буду честной! — вдруг добавила она. — Этой барышне я никогда не прощу!

— Вы опять про мисс Грант? — спросил я. — Но вы же сами недавно сказали, что она лучшая девица в мире.

— Ну и пусть лучшая! — ответила Катриона. — Только я ей все равно не прощу. Никогда-никогда, и больше не говорите мне про нее ни словечка!

— Право, я ничего подобного в жизни не слышал, — сказал я. — И только диву даюсь: вы ли говорите такой детский вздор? Благородная девица, которая и вам и мне была добрым другом, которая научила нас обоих одеваться по моде и держаться в обществе, что бросается в глаза всем, кто знал нас прежде...

Но Катриона остановилась как вкопанная.

— Как хотите! — сказала она. — Либо вы будете говорить о ней, а я вернусь назад, и пусть будет, что богу угодно, либо вы окажете мне любезность и начнете другой разговор!

Я был совершенно ошеломлен. Но тут же вспомнил, что ей необходима моя помощь, что она принадлежит к слабому полу и совсем еще девочка, и что мне подобает вести себя разумно за двоих.

— Дорогое мое дитя! — сказал я. — Вы поставили меня в полный тупик, но боже сохрани, чтобы я причинил вам огорчение. Разговаривать о мисс Грант у меня нет никакого желания, и, по-моему, начали вы сами. А если я вам отвечал, то лишь для того, чтобы предостеречь вас от пристрастности. Я ненавижу даже тень несправедливости. Нет, я рад, что у вас есть благородная гордость

и женская деликатность чувств. Они вам подобают. Но вы даете им излишнюю волю...

— Вы кончили? — спросила она.

— Да, кончил, — ответил я.

— Вот и хорошо! — воскликнула она, и мы пошли дальше, но в молчании.

Идти в глубокой ночной тьме, не видя ничего, кроме смутных теней, и слыша только собственные шаги, было страшновато. Сначала, полагая, мы сердились друг на друга, но темнота, холод и тишина, которую лишь изредка нарушал петушиный крик да лай деревенских собак, очень скоро заставили нас забыть про гордость. И я знаю, что готов был ухватиться за любую достойную возможность заговорить с ней.

Перед самым рассветом пошел довольно теплый дождь и смыл лед с дороги. Я снял плащ и хотел набросить его на Катриону, а она не без раздражения сказала, чтобы я оставил его себе.

— И не подумаю! — ответил я. — Одно дело я, крепкий, некрасивый мужлан, привыкший ко всякой погоде, и совсем другое вы — нежная, красивая барышня! Радость моя, не хотите же вы, чтобы я не знал, куда глаза девать от стыда?

Она молча позволила укутать ее в плащ, и в темноте я решился задержать руку на ее плече, почти его обнимая.

— Будьте терпеливее со своим другом, — сказал я.

Мне почудилось, что она на мгновение теснее прижалась к моей груди, но, может быть, это было лишь мое воображение.

— Вы такой добрый! — сказала она.

И мы вновь пошли дальше в молчании. Но теперь все изменилось, и в моем сердце пылало счастье, словно пламя в большом очаге.

На заре дождь утих, и вместе с сырым утром мы вошли в город Делфт. По обоим берегам канала живописно располагались красные дома с крутыми крышами; служанки уже поднялись и усердно скребли и терли каменную мостовую; над сотнями кухонных труб вился дым, и я вдруг почувствовал, что настало время утолить голод.

— Катриона, — сказал я, — если не ошибаюсь, у вас есть еще шиллинг и три полупенсовика?

— Они вам нужны? — воскликнула она и протянула

мне свой кошелек. — Мне только жаль, что это не пять фунтов. Но зачем они вам?

— А почему мы всю ночь напролет брели по дороге, точно двое цыганских сирот? — сказал я. — Потому, что в этом злосчастном Роттердаме у меня украли кошелек со всеми моими деньгами. Я признался вам в этом сейчас, так как, по-моему, все худшее уже позади. Но нам предстоит еще немалый путь туда, где меня ждет еще один полный кошелек, и если вы не угостите меня ломтем хлеба, мне придется затянуть пояс потуже.

Она поглядела на меня, широко раскрыв глаза. Ее лицо в свете нового дня побледнело и даже словно почернело от усталости, и у меня сжалось сердце. А она — она засмеялась!

— Пытка моя! Так значит, мы нищие? И вы тоже? Да я бы ничего лучшего и не желала бы! И рада угостить вас завтраком. Но было бы еще приятнее, если бы я сплясала, чтобы накормить вас. Ведь не думаю, что они здесь знают наши танцы, и, наверное, согласились бы заплатить за такое невиданное зрелище!

Я готов был расцеловать ее за эти слова — но не как влюбленный, а просто в знак восхищения. Мужчине всегда становится теплее на душе, когда он видит женскую отвагу.

Мы напились молока у фермерши, только что приехавшей в город, а в пекарне купили превосходную, горячую, душистую булку, которую съели на ходу, продолжив наш путь. Дорога из Делфта в Гаагу оказалась прекрасной пятимильной аллеей между двумя рядами тенистых деревьев. По одну руку тянулся канал, а по другую раскинулись чудесные луга. Идти там было одно удовольствие.

— Так вот, Дэви, — сказала Катриона, — что вы думаете делать со мной дальше?

— Это нам и следует обсудить, — ответил я. — И чем скорее, тем лучше. В Лейдене я получу деньги, об этом беспокоиться нечего. Но вот как и куда пристроить вас, пока не придет ваш батюшка? Прошлой ночью мне показалось, что вы словно бы не очень хотите расстаться со мной?

— Тут не нужны никакие «словно бы»! — ответила она.

— Вы очень молоденькая девушка, — сказал я. — И меня зрелым мужчиной назвать нельзя. Вот в чем трудность. Как ее обойти? Разве что вы согласитесь выдать себя за мою сестру?

— Почему бы и нет? — спросила она. — Если вы мне позволите!

— Если бы так было на самом деле! — вскричал я. — Будь у меня такая сестра, насколько лучше я стал бы! Но горе в том, что вы Катриона Драммонд.

— А теперь я буду Катрионой Бальфур, — ответила она. — Кому тут знать, что это неправда? Они же все иностранцы!

— Если вы так считаете, то пожалуй, — проговорил я с сомнением. — Но признаюсь, меня это тревожит. Мне бы очень не хотелось дать вам дурной совет.

— Дэвид, у меня тут, кроме вас, никого нет, — сказала она.

— Беда в том, что я слишком молод, чтобы быть вам другом, — сказал я. — И слишком молод, чтобы давать вам советы. А вы слишком молоды, чтобы разбираться в них. Не вижу, как иначе мы можем поступить. Но я обязан предостеречь вас.

— У меня нет выбора, — ответила она. — Мой отец, Джеймс Мор, поступил со мной не слишком хорошо, и не в первый раз. Я брошена вам на руки, как мешок с ячменной мукой, и решать должны вы, как лучше вам. Если вы возьмете меня с собой, это будет отлично. А если нет... — Она повернулась и положила руку мне на локоть. — Дэвид, я боюсь!

— Нет, но я обязан предостеречь вас... — начал я, и тут мне пришло в голову, что из нас двоих деньги есть только у меня и, значит, мне следует быть особенно деликатным. — Катриона, — продолжал я, — не толкуйте моих слов неверно. Я ведь только стараюсь исполнить свой долг по отношению к вам! Я отправился в этот чужой город в одиночестве, чтобы вести уединенную жизнь студента. И вот теперь судьба решила на некоторое время оставить вас со мной, чтобы вы там были мне как сестра. Неужели вы не понимаете, милая моя, что я этому только рад?

— Так вот же я! — сказала она. — И значит, толковать больше не о чем.

Я знаю, что обязан был объяснить ей все более прямо, я знаю, что поступил бесчестно, и могу считать себя счастливым, что не поплатился за это дороже. Но я помнил, как больно ранило ее щепетильность то место в письме Барбары, где упоминался поцелуй, так мог ли я разрешить себе даже большую смелость теперь, когда стал ее единственной опорой? К тому же я не видел иного выхода из положения. Ну и, возможно, на меня повлияло тайное желание не расставаться с ней.

Едва мы вышли из Гааги, как Катриона начала сильно хромать и дальше продолжала путь с большим трудом. Дважды она, совсем обессилев, присаживалась отдохнуть у дороги с очень милыми извинениями: утверждала, что такой слабостью позорит и Горную Шотландию, и свой род, а для меня становится тяжелой обузой. Правда, у нее есть оправдание, что она не привыкла ходить обутой. Я посоветовал ей снять башмаки и дальше идти босиком. Но она тут же возразила, что здешние женщины — и даже те, кого мы видели на проселках, — все обуты.

— Я не хочу, чтобы моему брату было за меня стыдно, — добавила она и продолжала весело шутить, хотя ее лицо говорило, что ей совсем не до шуток.

В городе, куда лежал наш путь, есть сад, где дорожки усыпаны чистым песком, а деревья высокие и тенистые. Одни из них подстрижены, ветви других переплетены, и взгляд радуют красивые аллеи и беседки. Там я оставил Катриону, а сам отправился на поиски моего доверенного. Я взял у него сумму на первые расходы, попросил рекомендовать мне какую-нибудь приличную обособленную квартиру, добавив, что мои вещи еще не прибыли, а потому не будет ли он так любезен поручиться за меня. Затем я объяснил, что со мной приехала моя сестра, которая пока будет вести наше хозяйство. И значит, нам нужны две комнаты. Чего бы лучше! Беда была в том, что в своем рекомендательном письме мистер Бальфур счел нужным коснуться множества подробностей, но ни единым словом не обмолвился ни о какой сестре. Я заметил, что мой голландец исполнился подозрений. Поглядывая на меня поверх оправы больших очков, этот слабый, щуплый старикашка, сильно смахивавший на дряхлого кролика, подверг меня настоящему допросу.

И тут я перепугался. Что, если он поверит мне, думал

я, и пригласит мою сестру в свой дом, а я ее приведу? Хорошенький клубок придется мне разматывать! И как бы все не кончилось тем, что я брошу тень и на нее и на меня! И я поспешил рассказать ему про особенный характер моей сестры. Она, утверждал я, столь застенчива и так робеет чужих людей, что я оставил ее дожидаться одну в городском саду. Раз начав нанизывать ложь на ложь, я уже не мог остановиться, как бывает со всеми в подобных обстоятельствах, и совсем уж без нужды пустился описывать, какой болезненной была в детстве мисс Бальфур и в каком поэтому жила уединении. В самый разгар этих объяснений я вдруг опомнился и покраснел.

Старик не столько мне поверил, сколько проникся желанием поскорее от меня избавиться. Однако, будучи в первую очередь деловым человеком и памятуя, что в моих деньгах, в отличие от моего поведения, ничего сомнительного нет, он достаточно учтиво отрядил своего сына, чтобы тот помог мне в поисках жилища и поручился за меня. Волей-неволей мне пришлось познакомить молодого человека с Катрионой. Бедняжка к тому времени успела немного отдохнуть и выглядела и вела себя прелестно — оперлась на мою руку и назвала меня братцем с куда большей непринужденностью, чем я ее — сестрицей. Впрочем, и тут не все пошло гладко: думая помочь мне, она держалась с молодым голландцем весьма любезно, и мне подумалось, что мисс Бальфур как-то слишком уж внезапно избавилась от своей застенчивости. И еще одно обстоятельство меня смутило — заметное различие в манере нашей речи. Я говорил на нижнешотландском наречии, взвешивая каждое слово, ее же интонация была горской, произношение напоминало английское, но только отличалось особой мелодичностью, а к соблюдению правил грамматики она относилась без малейшей строгости, так что, как брат и сестра, мы составляли довольно странную пару. Но молодой голландец оказался хмурым, неразговорчивым и настолько тупым, что даже не заметил ее красоты, чем заслужил мое глубокое презрение. Едва он нашел для нас кров, как тут же ушел, оказав нам тем самым вторую и более приятную услугу.

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ ЭКЗЕМПЛЯРА ГЕЙНЕКЦИЯ

Квартира наша помещалась в верхнем этаже дома, задняя стена которого выходила на канал. Она состояла из двух комнат, причем дверь во вторую вела из первой. В обеих стояли печи, сложенные на голландский манер, а так как расположены комнаты были рядом, то вид из наших окон открывался один и тот же: вершина дерева в дворике внизу, канал, а на другом берегу — дома голландской архитектуры и колокольня. В ее звоннице висел полный набор колоколов, и слушать их музыку было одно удовольствие. А когда выглядывало солнце — что случалось совсем не часто, — оно светило прямо в наши две комнаты. Из соседней ресторации нам приносили отличную еду.

В первый вечер мы еле держались на ногах от усталости — особенно, Катриона, — а потому почти не разговаривали, и после ужина я сразу же отправил ее спать. Утром я написал Спротту, куда выслать ее вещи, и несколько строк Алану на адрес вождя его клана, отправил эти письма, распорядился, чтобы подали завтрак, и разбудил Катриону, только когда стол был накрыт. Она вышла в своем единственном платье, в чулках, забрызганных дорожной грязью, и я немного растерялся. Отсылая письма, я успел выяснить, что вещи ее придут в Лейден лишь через несколько дней, а ей необходимо было переодеться во что-нибудь как можно скорее. Сначала она возражала против того, чтобы я на нее тратился, но я напомнил ей, что она теперь сестра богатого человека и должна быть одета подобающим образом. Впрочем, не успели мы кончить покупки в первой лавке, как она вошла во вкус и глаза у нее засияли. Для меня было наслаждением наблюдать ее невинную безыскусственную радость. Но я никак не ждал, что сам предамся этому занятию с подлинной страстью: меня мучила мысль, что покупаю я слишком мало и не все самое лучшее, и мне не надоедало любоваться ею во все новых и новых нарядах. По правде сказать, мне стал понятен горячий интерес мисс Грант к одежде. Ведь есть особая красота в том, чтобы сделать красавицу еще краше. Должен

сказать, что голландские материи оказались на удивление дешевыми и хорошими, но мне стыдно признаться, сколько я заплатил за ее чулочки. В целом я израсходовал на это удовольствие (иного слова я не нахожу) столь значительную сумму, что устыдился дальнейших трат и в возмещение решил не обставлять наши комнаты. На мой взгляд, ничего, кроме кроватей, нарядов для Катрионы да лампы, чтобы я мог ее видеть и по вечерам, нам нужно не было.

Когда мы кончили обходить лавки, я с некоторым облегчением оставил Катриону перед дверями нашего дома со всеми свертками, а сам отправился пройтись в одиночестве, чтобы прочесть себе нотацію. Я взял под свой кров и под свою опеку молоденькую девушку, к тому же редкостную красавицу, чья неискушенность и неопытность могли обернуться для нее погибелью. После разговора со старым голландцем и лживых рассказней, к которым мне пришлось прибегнуть, я начал понимать, как могут истолковать мое поведение другие люди. Вот и теперь, покорившись столь сильному восхищению, я с бездумной неумеренностью накупал и накупал всякую мишуру с самой легкомысленной неосторожностью! Будь у меня и вправду сестра, позволил бы я себе что-нибудь подобное? Этот подсказанный раскаянием вопрос был слишком отвлеченным, и я задал себе другой: доверил бы я Катриону вот так, кому-нибудь другому? Ответом послужила жгучая краска, залившая мое лицо. Раз уж я сам попал и ее поставил в столь сомнительное положение, мне оставалось только вести себя с самой скрупулезной благопристойностью. Без меня ей нечего было бы есть и негде приклонить голову. Если я даже ненароком задену ее щепетильность, ей некуда деваться. Я ее защитник, а она — моя гостья. Пусть это произошло по воле не зависевших от меня обстоятельств — тем меньше у меня права искать ее благосклонности даже с самыми честными намерениями. Это значило бы злоупотребить своим положением, какого не потерпел бы ни один благоразумный отец. Я понял, что не должен допускать никакой фамильярной близости между нами, но в то же время не выглядеть слишком холодным и чопорным, так как она оставалась моей гостьей и мне надлежало быть обходительным и заботливым, хотя благородство

строго требовало, чтобы в моем поведении не мелькнуло бы и тени намека на ухаживание. Я понимал, что тут требуется такт и опытность, каких нельзя требовать от молодого человека моих лет. Но раз уж я, очертя голову и не задумываясь о последствиях, поступил наперекор благоразумию и всем правилам приличия, у меня оставался только один выход: хотя бы теперь соблюдать их с величайшим тщанием. Я обдумал все мелочи своего дальнейшего поведения, помолился, чтобы у меня достало сил не отступать от моего плана, и в качестве более материальной опоры поспешил купить трактат по юриспруденции. Больше ничего мне придумать не удалось, и, покончив с этими серьезными размышлениями, я пришел в превосходное расположение духа и направился домой, словно ступая по воздуху. Когда я поймал себя на этом слове «домой» и представил себе образ той, кто ждет меня там, сердце у меня и вовсе взвырвало.

Мои трудности начались с минуты моего возвращения. Катриона выбежала мне навстречу с искренней и трогательной радостью. К тому же она оделась во все новое и выглядела в наряде, который я ей купил, невообразимо прекрасной и тут же принялась прохаживаться и делать реверансы, чтобы показать, как хорош ее туалет, и выслушать похвалы. А я заставлял себя удерживаться от них и неловко хмурился.

— Ну,— сказала она,— если мои хорошенькие обновки вам неинтересны, поглядите, как я убрала наши комнаты.

Они были чисто подметены, вся пыль вытерта, и в обеих печках пылал огонь.

Я обрадовался случаю выговорить ей со строгостью, какой на самом деле не чувствовал.

— Катриона! Я очень вами недоволен,— начал я.— Никогда больше не убирайте мою комнату. Пока мы тут вместе, распоряжаться должен кто-то один. И это мое право, так как я мужчина и старше вас. И это мой первый приказ.

Она сделала мне еще один очаровательный реверанс.

— Раз вы сердитесь, Дэви,— сказала она,— мне надо быть с вами поучтивее! Я буду очень послушной, да и как же иначе, если все, чем я тут пользуюсь,— ваше.

Только вы не очень сердитесь, ведь теперь, кроме вас, у меня никого нет.

У меня просто сердце защемило, и я поторопился загладить мое полезное назидание. Это было много легче, так как путь лежал под гору и освещался ее улыбкой. Я посмотрел на нее, озаренную огнем, такую красивую и милую, и, конечно, не смог устоять. Мы пообедали весело и были так нежны друг с другом, что даже наш смех казался лаской, но затем я опомнился, пробормотал какое-то нескладное извинение и невежливо уткнулся в книгу, которую купил.

Это был почтенный труд не так давно скончавшегося профессора Гейнекия. (Все последующие дни я постоянно в него углублялся, то и дело мысленно себя поздравляя, что некому меня спрашивать, какую премудрость я из него почерпнул.) Мне показалось, что она закусил губку, и меня охватила жалость. Ведь ей оставалось только изнывать от скуки в одиночестве, тем более что чтение ее не привлекало вовсе и в жизни у нее не было ни единой книги. Но что я мог?

И конец вечера прошел почти в полной тишине.

Я готов был избить себя. Всю ночь злость и раскаяние не давали мне уснуть, и я расхаживал по комнате босиком, пока совсем не простыл: печь давно погасла, а холод был лютый. Я думал о том, что она вот здесь, за стеной, и, может быть, даже слышит мои шаги, вспоминал свою бессердечность, твердя про себя, что честь требует, чтобы я и дальше держался с ней так же, и все эти мысли доводили меня до исступления. Я оказался между Сциллой и Харибдой. «Что она обо мне подумает?» — приходило мне в голову, и я был уже готов забыть свою решимость. «Что с нами будет?» — задавал я себе вопрос и преодолевал минутную слабость. Это была моя первая бессонная ночь непрестанного борения с собой, и впереди предстояло еще много таких ночей, когда я метался по комнате, точно безумец, порой рыдая, как несмышлениш, а порой молясь, как, уповаю, добрый христианин.

Но молиться-то нетрудно! Беда в том, что перейти от слова к делу куда труднее. Стоило мне допустить малейшую дружественность тона в ее присутствии, как мне было дано убедиться на опыте, я уже не имел власти над дальнейшим. Но сидеть целый день в одной с ней комнате

и делать вид, будто я весь поглощен Гейнекцием, было свыше моих сил. А потому я прибегнул к другому средству и старался как можно чаще уходить — записался на лекции и аккуратно их посещал, хотя и без особого толку, чему недавно нашел доказательство: тетрадь тех дней, в которой запись ученых рассуждений внезапно прерывалась и далее следовали очень скверные стихи, но, правда, на довольно сносной латыни — мне даже не поверилось, что я настолько в ней преуспел. К несчастью, вред от такого маневра не уступал пользе. Время, пока я подвергался испытанию, сократилось, зато само испытание стало куда труднее. Проводя столько времени в одиночестве, Катриона встречала меня с такой радостью, что я готов был вот-вот сдаться. Мне приходилось отвечать на ее дружеские порывы грубой бесчувственностью, и порой это ранило ее столь жестоко, что я невольно смягчался и спешил искупить свое поведение ласковой заботливостью. Вот так это и продолжалось — то жар, то холод, стычки, обиды, и я (если можно выразиться так, не кощунствуя) чувствовал себя прямо-таки распятым на кресте. Корнем всех бед было удивительное простодушие Катрионы, которое меня не столько удивляло, сколько преисполняло жалостью и восхищением. Она будто ни на миг не задумывалась над нашим положением, не замечала моей внутренней борьбы, на каждое проявление моей слабости отзывалась радостью, а когда я вновь отступал за воздвигнутые мной стены, не всегда умела скрыть огорчения. Иногда я думал: «Будь она по уши влюблена и поставь себе целью поймать меня, то вела бы себя точно так же» — и вновь дивился святой простоте женщины, чувствуя в такие минуты, насколько недостоин я был получить жизнь от одной из них.

Как ни странно, война наша сосредоточивалась, в частности, на том, во что одевалась она. Довольно скоро я получил свой багаж из Роттердама, а она свой — из Хеллевутслейса. Теперь у нее было, так сказать, два гардероба, и мы словно бы уговорились (как это произошло, объяснить не могу), что купленную мною одежду она надевала, когда бывала дружески ко мне расположена, а если нет, то носила свою. Последнее как бы знаменовало пощечину и подчеркивало, что ей не за что быть мне благодарной. В глубине души я это прекрасно понимал,

но обычно у меня хватало благоразумия делать вид, будто я ничего не замечаю.

Но однажды я не удержался от выходки еще более детской, чем ее собственные. Произошло это так. Возвращаясь с лекций, я думал о ней с большой любовью и немалым раздражением, но оно мало-помалу стихло, и, увидев в окне лавки один из тех цветов, которые голландцы столь искусно умеют выращивать в зимнюю пору, я уступил порыву и купил его для Катрионы. Названия цветка я не знаю, но он был розовый, и, не сомневаясь, что ей он понравится, я пошел с ним домой, исполненный нежности. Когда я уходил, на ней была моя одежда, но, войдя, я увидел, что она переделалась во все свое и выражение ее лица ничего доброго не сулило. Я смерил ее взглядом с ног до головы, скрипнул зубами, распахнул окно, выбросил мой цветок во двор, а сам (вне себя от гнева, но прислушиваясь к голосу благоразумия) выскочил из комнаты, громко хлопнув дверью.

На крутой лестнице я чуть не упал, и это заставило меня опомниться. Я тотчас понял всю глупость своего поведения и, вместо того чтобы выйти на улицу, как собирался, свернул в пустующий дворик и увидел, что мой цветок (за который я заплатил куда дороже, чем он стоил) повис на оголенной ветви дерева. Я встал на берегу канала и уставился на лед. Мимо на коньках проносились деревенские жители, и я им завидовал. Мне казалось, что мое положение безвыходно: я даже не мог вернуться в комнату, откуда только что убежал. Я не сомневался, что полностью выдал тайну своих чувств, а кроме того (точно невоспитанный мальчишка), обошелся с моей беззащитной гостьей неучтиво.

Наверное, она увидела меня в открытое окно. По-моему, я простоял там совсем недолго, как вдруг услышал похрустывание снега и, обернувшись довольно злобно (я был не в том настроении, чтобы терпеть чье-то общество), увидел, что ко мне идет Катриона. Она снова переделалась в мои подарки, включая чулки со стрелками.

— Разве мы сегодня не пойдем гулять? — спросила она.

Я поглядел на нее в полной растерянности.

— Где ваша брошь? — сказал я.

Она поднесла руку к груди и порозовела.

— Я забыла, — воскликнула она. — Я сейчас сбегаю за ней, и мы пойдем гулять?

В ее голосе прозвучала такая мольба, что я был ошеломлен. Я не находил слов, да у меня и голоса не было, чтобы их произнести. Я сумел только кивнуть в ответ, а пока она ходила за брошью, залез на дерево, снял цветок и протянул ей, когда она вернулась.

— Я купил его для вас, Катриона, — сказал я.

Она приколотла его на груди рядом с брошью, и мне показалось — с нежной бережливостью.

— Он не стал лучше от того, что я с ним сделал, — добавил я, краснея.

— Но из-за этого он мне нравится ничуть не меньше, — ответила она.

В этот день мы мало разговаривали. Она, казалось, что-то обдумывала, хотя и не сердилась. Я же, во время прогулки, и когда мы вернулись домой, и когда она поставила мой цветок в вазу с водой, размышлял о том, какая женщина загадка. То мне казалось поразительной нелепостью, что она не замечает моей любви, то я решал, что она, конечно, давным-давно ее заметила и, как благоразумная девица, наделенная деликатным пониманием приличий, скрывает это.

Гулять мы ходили ежедневно. На улице я чувствовал себя в большей безопасности и переставал соблюдать строгую осторожность. Да к тому же и Гейнекий оставался дома. А потому эти прогулки не только давали мне передышку, но и были почти единственным развлечением моей бедной девочки. Когда я возвращался в условленный час, она почти всегда встречала меня уже одетой для улицы, сияя от предвкушения удовольствия. Она старалась оттягивать возвращение домой как можно дольше, словно бы страшась (как страшился я) этой минуты, и, наверное, в окрестностях Лейдена не найдется луга или берега канала, а в самом городе — улицы или переулка, где мы не замедляли бы шаги. Все остальное время она по моему строгому наказу не выходила из дома, так как я опасался, что она может встретить какого-нибудь знакомого и это еще более затруднит наше положение. Из-за того же страха я запретил ей ходить в церковь и даже сам туда не ходил, довольствуясь вознесением молитв в уединении наших комнат — уповаю, что с чистой душой, хотя и томимой

земными чувствами. Ведь признаюсь, мне особенно трудно было скрепить сердце, когда мы вот так наедине преклоняли колени перед богом, точно муж и жена.

Однажды разыгралась настоящая метель. Я решил, что о прогулке нам придется забыть, и был очень удивлен, когда Катриона встретила меня на пороге тепло одетая.

— Я не могу остаться дома! — воскликнула она. — Тут, Дэви, вы никогда не бываете добрым. И только под открытым небом мне с вами хорошо. Нам надо стать цыганами и бродить по дорогам без приюта!

Такой прекрасной прогулки мы еще не совершали. Снег продолжал валить, и Катриона крепко держалась за меня. Он облеплял нас, таял, капли блестели на ее разругавшихся щеках и, точно слезы, стекали по ее смеющимся губкам. Глядя на нее, я ощущал в себе силу исполина. Мне казалось, я могу схватить ее и унести на край земли. И мы все время разговаривали так дружески и нежно, что невозможно вообразить.

Было уже совсем темно, когда мы подошли к двери нашего дома.

— От всего сердца благодарю вас за такие хорошие часы! — глубоким голосом сказала Катриона, прижимая мой локоть к своей груди.

Эти слова словно обдали меня ледяной водой, и я тотчас вспомнил, каким осторожным должен быть. А потому, едва мы вошли к себе и зажгли лампу, как Катриона увидела перед собой привычную упрямо насупленную физиономию поклонника Гейнекция. Несомненно, она была обижена больше обычного, и я не забыл, как трудно было мне сохранить холодность. Даже за ужином я хранил молчание и старательно не смотрел на нее, а кончив, тут же погрузился в труд моего ученого законоведа с самой сосредоточенной миной, но понимал даже меньше, чем всегда. Я читал, а мне чудилось, что я слышу, как мое сердце отбивает удары, словно часы с восьмидневным заводом. Я усердно притворялся, будто занят только юриспруденцией, но мои глаза исподтишка косились на Катриону. Она сидела на полу возле моего большого баула, и отблески огня то озаряли ее, то одевали сумраком в переменчивом, чудесном мерцании. Иногда она смотрела на пламя, иногда на меня — и тогда я, пугаясь себя, начинал перелистывать страницы Гейнекция, словно че-

ловец в церкви, который торопится найти библейский стих, названный священником.

Внезапно Катриона воскликнула:

— Ах, почему не едет мой отец?! — и залилась слезами.

Я вскочил, швырнул Гейнекция в огонь, подбежал к ней и обнял ее содрогающиеся от рыданий плечи.

Она оттолкнула меня.

— Вы не любите своего дружка, — сказала она. — А я могла бы чувствовать себя такой счастливой, если бы мне позволили! Что я сделала? За что вы меня так ненавидите?

— Ненавижу вас?! — вскричал я и крепко ее обнял. — Слепая девочка! Неужто вы не можете заглянуть в мое измученное сердце? Неужто вы полагали, что я, когда сидел тут и читал эту глупую книгу, которую сейчас сжег, — будь она проклята! — думал о чем-нибудь, кроме вас? Вечер за вечером я плакать был готов, глядя, как вы сидите такая грустная! Но что мне было делать? Вы здесь под охраной моей чести, так за что же карать меня? И за это вы оттолкнете любящего слугу?

При последних словах она внезапно чуть прильнула ко мне и подняла лицо. Я поцеловал ее, а она прижалась лбом к моей груди и крепко меня обняла. В голове у меня все закружилось, точно у пьяного. И тут я услышал ее голосок, приглушенный обшлагом моего кафтана.

— А ее вы целовали? — спросила она.

Я даже вздрогнул от удивления.

— Мисс Грант? — вскричал я в полной растерянности. — Да, я попросил ее поцеловать меня на прощание, что она и сделала.

— Ну что же! — сказала Катриона. — Во всяком случае, меня вы тоже поцеловали!

Это непривычное сладостное слово заставило меня опомниться. Я вдруг сообразил, что мы сидим на полу, вскочил и помог подняться ей.

— Мы не должны! — сказал я. — Никогда больше! О, Катрин, Катрин! — Некоторое время я не мог продолжать, но наконец сказал: — Идите спать! Идите спать, оставьте меня одного!

Она послушно пошла к двери, точно маленькая девочка, но на пороге остановилась.

— Спокойной ночи, Дэви! — сказала она.

— Спокойной ночи, любовь моя! — вскричал я, вложив в эти слова всю свою душу, вновь обнял ее за талию так крепко, что она задохнулась, но тут же вытолкнул ее за дверь, а дверь с силой захлопнул и остался стоять один посреди комнаты.

Слово вылетело, взять его назад было невозможно, правда вышла наружу. Я коварно вкрался в сердце бедняжки, она была словно хрупкая драгоценность, которую я мог сломать или сберечь. А какое средство спасения осталось мне? Было нечто символичное в том, что Гейнекций, моя надежная броня, погиб в огне. Я раскаивался и все же не считал справедливым винить себя за этот губительный порыв. Разве можно было устоять перед такой простодушной смелостью, перед ее слезами и искушением утешить ее? Однако все эти оправдания делали мой проступок только чернее — ведь я воспользовался своим преимуществом перед совсем беззащитным созданием!

Что с нами будет теперь? Во всяком случае жить дальше под одним кровом нам нельзя. Но куда я могу перебраться? Или она? Не по нашей воле и не по нашей вине жизнь свела нас в этих тесных комнатах. Мне пришла в голову безумная мысль немедленно жениться, и тут же я отбросил ее, негодуя на себя. Она еще ребенок; она не способна судить о чувствах; я застал ее врасплох в минуту слабости и ни в коем случае не должен воспользоваться этим; я обязан не только уберечь ее от малейшего повода к злословию, но и оставить такой же свободной, какой она была до встречи со мной.

Сидя перед огнем, я размышлял, каялся и тщетно напрягал мозг в поисках выхода. Около двух часов утра, когда в печи дотлевали лишь три уголька, а дом и город давно погрузились в сон, я услышал в соседней комнате тихий плач. Она думала, что я сплю, бедняжка! Сожалела о своей слабости и, быть может, о том, что (господи, смилуйся над ней!) считала своей нескромностью, а потому искала утешения в слезах. Нежные и горькие чувства, любовь, раскаяние, жалость боролись в моей душе. Я был обязан осушить эти слезы.

— Простите меня, если сможете! — вскричал я. — Умоляю вас! Забудем то, что произошло, — во всяком случае, попробуем забыть!

Она не ответила, но рыдания стихли. Я еще долго стоял, стиснув руки, но затем ночной холод пробрал меня до костей и, пожалуй, вернул мне благоразумие.

«Так ты ни до чего путного не додумаешься, Дэви,— сказал я себе.— Ложись-ка и попробуй уснуть. Утро вечера мудренее,— может быть, ты что-нибудь и придумаешь».

Глава 25

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЖЕЙМСА МОРА

Перед рассветом я было погрузился в тяжелый, беспокойный сон, но вскоре меня разбудил стук в дверь. Я поспешил открыть ее и едва не упал в обморок от нахлынувших на меня противоречивых и главным образом неприятных чувств: на пороге в грубом плаще и огромной шляпе с галунами стоял Джеймс Мор!

Быть может, мне следовало только обрадоваться, ибо в некотором смысле его появление выглядело удивительно своевременным. Всю ночь я твердил себе, что нам с Катрионой следует расстаться, и тщетно ломал голову, придумывая способ, как это осуществить. И вот способ сам пришел ко мне, а я не ощутил ни малейшей радости. Однако следует вспомнить, что он, если и снимал с меня бремя забот о будущем, зато настоящее делал еще более черным и угрожающим, и, по-моему, при виде его я пошатнулся, словно подстреленный.

— А! — сказал он.— Вот я и нашел вас, мистер Бальфур!

Он протянул мне свою крупную красивую руку. И я, вновь твердо встав на пороге, словно собираясь преградить ему путь, пожал ее с некоторым сомнением.

— Право, можно только удивляться,— продолжал он,— как нас сводит судьба. Но я должен принести вам извинения за злополучное вмешательство в ваши дела, причиной которому был вкравшийся в мое доверие лгун и обманщик Престонгрейндж. Мне стыдно признаваться вам, что я положился на слово судейского крючкотвора! — Он пожал плечами на французский манер.— Но, правда, этот негодяй умеет быть убедительным,— добавил

он. — И вот теперь я узнаю, что вы великодушно взяли на себя попечение о моей дочери, поиски которой привели меня к вам.

— Мне кажется, сударь, — сказал я растеряннo, — нам с вами необходимо объясниться.

— Что-нибудь случилось? — спросил он. — Мой доверенный, мистер Спротт...

— Ради бога, говорите потише! — воскликнул я. — Ей не следует ничего слышать, пока мы не объяснимся между собой.

— Она здесь? — вскричал он.

— За той дверью, — ответил я.

— Вы тут с ней один? — осведомился он.

— Но кого я мог поселить с нами? — воскликнул я.

Надо отдать ему справедливость, он побледнел.

— Странное положение! — сказал он. — Очень, очень странное. Вы правы, нам следует объясниться.

С этими словами он прошел мимо меня в комнату, и, не могу отрицать, в это мгновение высокая фигура старого плута выглядела полной достоинства. Теперь его взгляду открылась моя комната, и я взглянул на нее его глазами. В окно падал луч утреннего солнца, освещая мою кровать, баулы и таз для умывания. Погасшая печь и некоторый беспорядок в моей одежде (на мне были только штаны и рубашка) дополняли впечатление убогости. Жилище это выглядело холодным, нищенским и отнюдь не подходило для девицы из благородной семьи. Тут же мне вспомнились наряды, которые я ей накупил, и я сообразил, как дурно может быть истолковано такое сочетание скаредности и мотовства.

Он еще раз оглядел комнату в поисках сиденья и, не найдя ничего другого, опустился на край кровати, а я, затворив дверь, вынужден был последовать его примеру. Чем бы ни кончился наш разговор, вести его следовало так, чтобы не разбудить Катриону, а для этого нам пришлось сесть рядом и не повышать голоса. Но какое странное мы, должно быть, являли зрелище! Он в широком плаще — самом подходящем костюме для моей простывшей комнаты, я стучу зубами в одной рубашке. У него вид неумолимого судьи, а я (не знаю уж, как я выглядел) испытываю все чувства человека у подножия эшафота.

— Ну? — спросил он.

— Ну... — начал было я, но не нашел, что сказать дальше.

— Итак, она здесь? — спросил он, но уже с некоторым нетерпением, которое помогло мне взять себя в руки.

— Она в этом доме, — ответил я. — И не отрицаю, что это можно назвать странным. Но вспомните, каким странным все обернулось с самого начала. Юная девушка высаживается на европейский берег с двумя шиллингами и тремя полупенсами. Она отыскивает в Хеллевутслейсе дом Спротта. Вы назвали его своим доверенным. Я же могу ответить только, что при одном упоминании вашего имени он разразился проклятиями и отказался что-нибудь сделать. Мне даже пришлось заплатить из собственного кармана, чтобы он позаботился о ее багаже. «Странное положение», — сказали вы только что. Так вот, мистер Драммонд, поставить ее в такое положение, раз уж вы выбрали это слово, было варварством.

— Вот этого-то я и не могу понять, — заявил Джеймс. — Мою дочь поручили заботам весьма почтенных людей, чью фамилию я забыл.

— Их фамилия Гебби, — ответил я. — И без сомнения, мистер Гебби был обязан проводить ее на берег в Хеллевутслейсе. Но он не согласился, мистер Драммонд, и мне кажется, вам следует поблагодарить бога, что я оказался там и мог его заменить.

— В самое ближайшее время я побеседую с мистером Гебби, — сказал он. — А что до вас, то, по-моему, вам следовало бы подумать, что для подобных обязанностей вы слишком молоды.

— Но ведь речь шла не о выборе между мной и кем-нибудь еще! — воскликнул я. — Кроме меня, не было никого! Никто другой не вызвался проводить ее вместо меня, и должен признаться, не замечаю, чтобы вы были благодарны мне, хотя иначе она оказалась бы совсем одна в чужой стране.

— Прежде мне надо подробнее разобраться в том, чем я вам обязан, — ответил он.

— Ах так? А по-моему, это видно с первого взгляда, — сказал я. — Ваша дочь всеми покинута, брошена с двумя шиллингами в стране, языка которой не знает. Хорошенькое дельце, ничего не скажешь! Я назвал ее

своей сестрой и заботился о ней так, как если бы это было правдой. Разумеется, мне пришлось пойти на кое-какие расходы, но, полагаю, о них не стоит упоминать. Они были необходимы для сохранения ее репутации, к которой я отношусь с величайшим уважением, и, по-моему, будет странно, если я начну петь ей хвалы ее отцу!

— Вы молоды... — начал он.

— Вы уже мне это говорили! — воскликнул я с жаром.

— Вы очень молоды, — повторил он, — иначе вы понимали бы, что означает подобный поступок.

— Вам легко говорить! — вскричал я. — Но что мне оставалось делать? Пожалуй, я мог бы нанять какую-нибудь честную бедную женщину и поселить ее с нами, но, право же, мне это пришло в голову только сейчас! Да и где бы я нашел ее тут — я, иностранец? И позвольте напомнить вам, мистер Драммонд, что платить ей мне пришлось бы из собственного кармана. В конце концов все сводится именно к этому: я должен был тратить деньги, не считая, из-за вашей небрежности. И ей есть только одно объяснение: вы не любите свою дочь и так скверно о ней заботились, что бросили ее на произвол судьбы.

— Тому, кто живет в стеклянном доме, не следует швыряться камнями, — сказал он. — Прежде кончим расследовать поведение мисс Драммонд, а уж потом будем судить ее отца.

— На такой крючок я не попадусь, — ответил я. — Поведение мисс Драммонд не может требовать никаких расследований, и уж ее отцу это должно быть известно лучше всех! Как и мое! Потрудитесь это запомнить. У вас есть только два выхода. Либо поблагодарить меня, как один благородный человек другого, и прекратить этот разговор. Либо (если вы настолько щепетильны, что вас ни в чем убедить невозможно) возместить мне мои расходы и покончить с делом.

Он помахал рукой, словно успокаивая меня.

— Ну-ну, — сказал он. — Вы слишком торопитесь, мистер Бальфур, слишком торопитесь! Хорошо, что я научился терпению. И мне кажется, вы забыли, что я еще не видел своей дочери.

После этих слов мне стало легче на душе — тем более,

что я заметил, как изменилась его манера держаться, едва речь зашла о деньгах.

— Мне кажется, будет приличнее (прошу извинить мою бесцеремонность: я должен буду одеться в вашем присутствии), если я уйду и дам вам возможность встретиться наедине,— сказал я.

— Чего я вам не извиню! — воскликнул он и притом весьма учтиво.

Это мне понравилось еще больше и, натягивая чулки, я вспомнил, каким попрошайкой он себя показал в приемной Престонгрейнджа, а потому решил одержать, как мне казалось, окончательную победу.

— Если вы намереваетесь задержаться в Лейдене,— сказал я,— то располагайте этой комнатой, а я без труда подыщу себе другую. Это ведь будет много проще и избавит вас от хлопот с переездом.

— Вот что, сударь,— сказал он, выпатив грудь,— я не стыжусь бедности, в которую вверг себя, верно служа моему королю. Я не скрываю, что мои дела довольно запутаны и в настоящую минуту уехать отсюда мне было бы затруднительно.

— До того времени, когда вы снесетесь со своими друзьями,— сказал я,— не сделаете ли вы мне честь считать себя моим гостем.

— Сударь,— сказал он,— когда я слышу прямодушное приглашение, я отвечаю на него столь же прямодушно. Вашу руку, мистер Дэвид! Вы внушаете мне большое уважение и принадлежите к тем немногим, от кого джентльмен может принять одолжение без дальних объяснений. Я старый солдат,— продолжал он, оглядывая мою комнату довольно брезгливо,— и вам не следует опасаться, что я стану вам в тягость. Слишком часто я ел на траве у дороги, пил из канав и кровом мне служили дождевые тучи.

— Мне следует предупредить вас,— сказал я,— что завтрак нам обычно присылают в это время утра. С вашего разрешения я схожу без промедления в харчевню и распоряжусь, чтобы они добавили третий прибор и подождали бы час, так что вы успеете поговорить с дочерью наедине.

Мне почудилось, что при этих словах его ноздри затрепетали.

— Целый час? — переспросил он. — Это, пожалуй, лишнее. Полчаса, мистер Дэвид, или, скажем, двадцать минут. Мне этого вполне достаточно. И кстати, — добавил он, беря меня за отворот кафтана, — что вы пьете по утрам? Пиво или вино?

— По чести говоря, сударь, — ответил я, — пью я одну только чистую холодную воду.

— Фу! — воскликнул он. — Это же гибель для желудка, поверьте слову ветерана многих походов. Наиболее полезен, пожалуй, наш родной напиток, но раз уж придется обойтись без него, то рейнвейн или белое бургундское почти могут его заменить.

— Я позабочусь, чтобы вам его подали, — сказал я.

— Вот и отлично! — объявил он. — Мы еще сделаем из вас настоящего мужчину, мистер Дэвид!

К этому времени я уже пропускал мимо ушей почти все, что он говорил, и лишь иногда спрашивал себя, какого найду в нем тестя. Думал я теперь только о его дочери и решил, что ее необходимо предупредить. А потому я подошел к ее двери и, постучав в филенку, крикнул:

— Мисс Драммонд! Наконец-то приехал ваш батюшка!

Затем я отправился в харчевню, умудрившись какими-то двумя словами испортить для себя все дело.

Глава 26

ВТРОЕМ

Следовало ли меня винить или жалеть, пусть судят другие. Моя сметливость (на которую я отнюдь не могу пожаловаться) изменяет мне, чуть дело касается прекрасного пола. Бесспорно, с той минуты, когда я разбудил Катриону, я думал главным образом о том, каким мое поведение может представиться Джеймсу Мору, и когда после моего возвращения мы втроем сели завтракать, я продолжал держаться с ней почтительно и без тени фамильярности, что было, как я и поныне убежден, наиболее правильным и разумным. Ее отец бросил тень сомнения на чистоту моей дружбы, и я был обязан доказать, насколько безосновательны были его подозре-

ния. Однако для Катрионы тоже есть оправдание. Накануне между нами произошла бурная сцена, были взаимные нежные ласки, я оттолкнул ее, а ночью окликнул из своей комнаты, она несколько часов провела в бессоннице и слезах, и, разумеется, мысли ее были сосредоточены на мне. Я же утром бужу ее, называя с холодной учтивостью мисс Драммонд! А потом держусь с не менее холодной почтительностью! Все это внушило ей совершенно ложное представление о моих истинных чувствах, и обида ее была столь глубока, что, каким невероятным это ни покажется, она вообразила, будто я переменялся к ней и стараюсь выпутаться из положения, в которое попал.

Беда была в том, что, если я (едва увидев его огромную шляпу) думал только о Джеймсе Море и его подозрениях, то она как бы вовсе не придавала им ни малейшего значения и сосредоточивалась в своих страданиях и поступках на нашем объяснении накануне. Отчасти причина была в простодушии и смелой прямоте ее натуры, а отчасти в том, что Джеймс Мор — который, не преуспев в разговоре со мной и приняв мое приглашение, был вынужден помалкивать — ни словом не выразил ей хотя бы малейшее неудовольствие. И вот за завтраком скоро выяснилось, что ее цель прямо противоположна моей. Я думал, что она наденет собственную одежду, а она, словно забыв про отца, облачилась в лучший из купленных мною нарядов, который, как она знала (или полагала), по моему мнению, был ей особенно к лицу. Я думал, что она переймет мою учтивую церемонность и будет держаться чинно и холодно, однако ее щеки пылали, движения были порывистыми, глаза блестели ярче обычного, взгляд казался страдальческим, выражение лица все время менялось, с тоскливой нежностью она называла меня по имени и справлялась о моих мыслях и желаниях, словно заботливая или провинившаяся жена.

Но продолжалось это недолго. Видя, как она пренебрегает своим благополучием, которое я поставил под угрозу, а теперь старался спасти, я удвоил свою холодность для того, чтобы она поняла суть дела. Чем сильнее она устремлялась ко мне, тем больше я отстранялся, чем откровеннее выдавала степень нашей дружеской близости, тем суше и учтивее становился я, и даже ее отец, не будь он столь увлечен завтраком, мог бы заметить эту дисгар-

монию. Но внезапно она совершенно переменялась, и я с облегчением подумал, что наконец-то ей стали ясны мои намеки.

Весь день я провел на лекциях и в поисках жилья. Хотя наступивший час нашей обычной прогулки вверг меня в уныние, все же я, скорее, радовался, что мой путь расчищен, что она вновь находится под надлежащей опекой, что ее отец удовлетворен или, во всяком случае, смирился и я могу искать ее взаимности, не нарушая законов чести. За ужином — как, впрочем, всякий раз, когда мы садились за стол, — говорил один Джеймс Мор. Бесспорно, речи его были бы интересны, если бы только я мог ему верить. Но я еще расскажу о нем подробнее. Когда мы кончили ужинать, он встал, взял плащ и, глядя на меня (как мне показалось), объявил, что его ждут дела. Я уловил в этом намек, что мне пора отправляться восвояси, и поспешил встать. Катриона, когда я пришел, едва поздоровалась со мной, но тут она обратила на меня взор, требовавший, чтобы я остался. Я замер между ними, как вытщенная из воды рыба, и смотрел то на него, то на нее, но они как будто меня не видели: она устремила глаза в пол, а он застегивал плащ, — и я не знал, куда деваться от смущения и тревоги. Ее безразличный вид означал, что она очень рассержена и вот-вот перестанет сдерживаться, а его равнодушие чрезвычайно меня встревожило, и я не сомневался, что и тут в любой миг может разразиться гроза. Эта опасность представлялась мне гораздо серьезней, и, повернувшись к нему, я, так сказать, отдал себя в его руки.

— Не могу ли я чем-нибудь вам служить, мистер Драммонд? — осведомился я.

Он подавил зевок, что мне также показалось лицедейством.

— Что же, мистер Дэвид, — ответил он, — раз уж вы столь любезны, то не проводите ли меня до кабачка (он упомянул название), где я надеюсь встретить старых товарищей по оружию?

Ответить мне было нечего, и, взяв шляпу и плащ, я приготовился сопровождать его.

— Ты же, — сказал он дочери, — ложись поскорее спать. Я вернусь поздно, а глазки яснее у той девицы, что рано встает и рано ложится.

Затем он поцеловал ее с большой нежностью и выводил меня за дверь впереди себя. Прodelано это было так (и я убежден — нарочно), что проститься мы не могли. Впрочем, она на меня даже не смотрела — из страха перед Джеймсом Мором, решил я.

До кабака путь был неблизкий, и, пока мы шли туда, Джеймс Мор говорил о всякой всячине, которая меня нисколько не интересовала, а у дверей простился со мной с пустой учтивостью. Я направился в свое новое жилище, где не было даже печи, чтобы согреться, и никакого общества, кроме моих собственных мыслей. Впрочем, пока они оставались достаточно веселыми, так как мне и пригрезиться не могло, что Катриона полна гнева на меня. Я думал, что мы почти помолвлены, я думал, что наша дружеская близость, наши откровенные разговоры, полные взаимной нежности, не позволят ничему и никому встать между нами, а тем более мерам, принять которые настоятельно требовало благоразумие. Тревожила меня лишь мысль, что я обзавожусь таким тестем, какого по доброй воле никогда себе не выбрал бы, а заботил лишь вопрос, как скоро следует мне объяснить ему мои намерения, — вопрос щекотливый во многих отношениях. Во-первых, стоило мне вспомнить, насколько я молод, как я краснел до ушей и меня охватывало желание подождать. Однако, если бы они покинули Лейден прежде, чем я объяснился, мне, возможно, пришлось бы расстаться с ней навсегда. А во-вторых, нельзя было забывать о двусмысленности нашего положения и зыбкости заверений, какие утром я дал Джеймсу Мору. В конце концов я решил, что отсрочка не повредит, но должна быть не слишком долгой, и лег в холодную постель со спокойным сердцем.

На следующий день Джеймс Мор пожаловался на неуютность моей бывшей комнаты, и я предложил обставить ее получше, а когда явился днем с носильщиками, тащившими столы и стулья, застал Катриону в полном одиночестве. Она вежливо поздоровалась со мной, но тотчас удалилась к себе в комнату и захлопнула дверь. Я отдал необходимые распоряжения, расплатился с носильщиками и отпустил их, полагая, что она, едва услышит, что они ушли, тотчас выйдет поговорить со мной. Напрасно дожидая некоторое время, я постучался к ней.

— Катриона! — позвал я.

Не успел я произнести ее имя, как дверь распахнулась с такой быстротой, что, решил я, она стояла возле нее и слушала. Однако она застыла на пороге, глядя на меня с выражением, которое мне трудно описать. Казалось, ее грызет жестокая горе.

— Разве мы и сегодня не пойдем гулять? — робко спросил я.

— Благодарю вас, — сказала она. — Но теперь, когда мой отец вернулся, мне совсем не хочется гулять.

— Но ведь он ушел и оставил вас одну? — продолжал я.

— По-вашему, это очень добрые слова? — спросила она.

— Сказаны они были по-доброму, — ответил я. — Что с вами, Катриона? Что я сделал? Почему вы меня отталкиваете?

— Я вас вовсе не отталкиваю, — произнесла она, как заученный урок. — Я всегда буду благодарна моему другу, который так усердно обо мне заботился, и навсегда останусь его другом, насколько это для меня можно. Но теперь, когда мой отец Джеймс Мор опять со мной, все переменялось и, мне кажется, многое из того, что было сказано и сделано, следует забыть. Только я навсегда останусь вашим другом, насколько это для меня можно, а если это не то... если это меньше... Ну, да вам все равно! Но мне не хотелось бы, чтобы вы думали обо мне плохо. Вы давеча сказали правду, что я слишком молода и не могу решать сама, и, надеюсь, вы будете помнить, что я была совсем ребенком, Я ведь ни в коем случае не хочу лишаться вашей дружбы.

Когда она начала эту речь, ее лицо было очень бледным, но теперь оно пылало огнем: не только ее слова, но и жгучий румянец и дрожащие руки умоляли меня быть с ней добрым. Мне в первый раз стало ясно, как дурно я поступил, поставив ее, совсем еще ребенка, в такое положение, что она невольно уступила минутной слабости, а теперь стояла передо мной вся во власти мучительного стыда.

— Мисс Драммонд... — сказал я, запнулся и повторил: — Мисс Драммонд... Если бы вы могли видеть мое сердце! — вскричал я. — Вы прочли бы в нем, как велико и неизменно мое уважение к вам. Если бы это было воз-

можно, оно стало бы только еще больше! Остальное же лишь следствие ошибки, которую мы сделали, но изменить ничего нельзя, а потому лучше ничего не говорить. Обещаю вам, что про нашу жизнь здесь я никогда никому не скажу ни единого слова. И хотел бы обещать, что даже сам никогда не стану о ней вспоминать, но не в силах: эти воспоминания навеки для меня драгоценны. И перед вами стоит сейчас друг, который всегда будет готов умереть за вас!

— Я благодарю вас, — сказала она.

Некоторое время мы молчали, и я оплакивал про себя свою судьбу: все мои мечты пошли прахом, моя любовь отвергла меня и я вновь остался в мире совсем один.

— Во всяком случае, — сказал я наконец, — мы останемся друзьями. И все же это прощание навеки. Я всегда буду к услугам мисс Драммонд, но навеки прощаюсь с моей Катрионой.

Я смотрел на нее, но словно бы не видел; она, казалось, стала ослепительно прекрасной, и я совсем потерял голову, потому что еще раз произнес ее имя, сделал шаг вперед и простер к ней руки.

Она отпрянула, словно от удара, ее лицо запылало, но не успела кровь прилить к ее щекам, как я почувствовал, что вся моя кровь отхлынула к сердцу и оно сжалось от раскаяния и тревоги. Я не нашел слов, чтобы извинить мой поступок, но лишь глубоко поклонился ей и ушел, унося смерть в груди.

Дней пять прошли без перемен. Я видел ее только за столом и, разумеется, в обществе Джеймса Мора. Если мы оставались наедине хотя бы на мгновение, я становился еще более почтительным и удваивал учтивые знаки внимания, потому что перед моими глазами все время вставал ее образ, когда она отпрянула и вспыхнула жгучим румянцем. И мое сердце переполняла неопишуемая жалость к ней. Да, я жалел и себя, но к чему говорить об этом? За несколько секунд меня повергли ниц, сбросили с высоты самых заветных моих надежд, и все же ее я жалел не меньше, чем себя, и даже не сердился на нее, если не считать редких вспышек невольного гнева. Ее довод оставался неопровержимым: она была всего лишь ребенком, она оказалась в невыносимом положении и, если обманывалась сама и обманывала меня, ничего другого ожидать не следовало.

К тому же она теперь почти все время проводила в полном одиночестве. Отец обходился с ней ласково, но дела и удовольствия постоянно отзывали его из дома, и он, без малейших угрызений совести и даже не предупредив ее, проводил ночи в кабачках, стоило у него появиться деньгам, что случалось чаще, чем я мог объяснить, а как-то даже не пришел к ужину, и мы с Катрионой в конце концов вынуждены были сесть за стол вдвоем. Час был уже поздний, и, едва мы поели, я поспешил уйти, сказав, что ей, вероятно, хочется побыть одной, с чем она тотчас согласилась, и я (как ни странно) ей поверил. Правду сказать, я полагал, что ей противно смотреть на меня — ведь мое лицо служило напоминанием о минутной слабости, даже мысли о которой она теперь чуралась. И вот она вновь осталась одна в комнате, где мы с ней так весело коротали время, и смотрела на пламя в печи, свет которого озарял столько наших нежных и трудных минут. Она сидела одна и вспоминала, как она, юная девушка, забыв девичью скромность, открыла свои чувства и была отвергнута. А я в своем одиночестве читал себе проповеди (едва во мне вспыхивал гнев) о слабостях человеческих и женском непостоянстве. Короче говоря, мне кажется, еще никогда не бывало двух таких дурачков, которые так терзались бы из-за чистейшего недоразумения.

Что до Джеймса, то он о нас словно бы и не думал вовсе — как ни о чем другом, кроме своего кармана, своего желудка и высокопарных речей. Не прошло и полусуток, как он занял у меня небольшую сумму, а менее чем через полторы попробовал занять еще, и получил отказ. И деньги и отказ он принял с одинаковым невозмутимым благодушием. Вообще он умел напускать на себя удивительное благородство, что не могло не производить впечатления на его дочь. То, каким он постоянно представлял себя в своих речах, его внушительная внешность и исполненные достоинства манеры отлично между собой сочетались. Люди, не имевшие с ним никаких дел, лишённые проницательности или заранее предубежденные в его пользу, могли легко вдаться в обман. Я же после двух наших первых разговоров видел его насквозь. Мне стало ясно, что он так себялюбив, что даже сам об этом не подозревает, а потому его хвастливые разглагольствования

(и военные походы, и «старый солдат», и «бедный, бедный джентльмен из Горной Шотландии», и «опора моей родины и моих друзей») я выслушивал, словно болтовню попугая.

Как ни странно, но мне кажется, он сам отчасти верил в свои рассказы — во всяком случае, по временам. Думается, он был фальшив до мозга костей и даже не замечал, что лжет. Но вот в минуты уныния притворство его кончалось. Порой он бывал удивительно молчаливым, нежным, беспомощным, цеплялся за руку Катрионы, точно большой младенец, и умолял меня не покидать его, если я питаю к нему хотя бы чуточку любви. Питать-то я ее питал, но не к нему, а только к его дочери. Он требовал, нет, умолял, чтобы мы развлекли его разговором (что из-за наших отношений было нелегко), или же принимался жалобно оплакивать свой родной край и друзей, а то начинал петь по-гэльски.

— Это одна из печальных песен моей родины, — говорил он. — Вас может удивить, что старый солдат проливает слезы, но ведь он видит в вас друга! Впрочем, звуки этих песен живут в моей крови, слова их вырываются из самой глубины моего сердца. И стоит мне вспомнить мои красные горы, и голоса лесных птиц, и бегущие с крутизны потоки, так я, пожалуй, не постыжусь заплакать и в присутствии моих врагов. — Затем он вновь принимался петь и переводить мне слова песни, сильно путаясь и всячески понося английский язык. — Тут говорится, — объяснял он, — что солнце зашло, битва кончилась, доблестные вожди кланов потерпели поражение. А дальше повествуется, что звезды видят, как они уплывают в чужие страны или лежат мертвые на красной горе, и больше уже никогда не прозвучит их боевой клич и не омоют они ноги в горных ручьях. Но если бы вы понимали этот язык, то заплакали бы тоже, ибо слова его непередаваемы и пытаться растолковать вам их смысл по-английски — пустая затея.

Да, во всем этом, думалось мне, пустоты было предостаточно, но к ней приплеталось и искреннее чувство, за что, по-моему, я его особенно ненавидел. Мне становилось невыносимо смотреть, как Катриона сострадает старому плуту и плачет вместе с ним: ведь я не сомневался, что тоскует он больше с похмелья после пьяной

ночи в кабачке. Порой меня охватывало искушение одолжить ему круглую сумму, чтобы уже больше никогда его не видеть. Но это значило бы, что я больше никогда не увижу и Катрионы, а к этому я вовсе не был готов. Да к тому же совесть не позволяла мне одарить своими честными деньгами старого бездельника, чтобы он их промотал.

Глава 27

ВДВОЕМ

По-моему, на пятый день — во всяком случае, когда Джеймс вновь впал в уныние — я получил три письма. Первое от Алана, предлагавшего приехать ко мне в Лейден, и два из Шотландии, касавшиеся одного и того же события — смерти моего дяди и полного моего утверждения в моих правах. Письмо Ранкейлора, разумеется, было чисто деловым, а в письме мисс Грант, как обычно, остроумие брало верх над благоразумием — оно изобиловало упреками мне за молчание (но как я мог писать при подобных обстоятельствах?) и поддразниваниями по адресу Катрионы, читать которые в ее присутствии мне было невыразимо тягостно.

Понятно, что письма я нашел у себя в комнате, когда пришел обедать, и поведал о своих новостях, едва прочитав о них. Они приятно развлекли всех нас троих, и кто бы мог предвидеть, к каким дурным последствиям это приведет! По чистой случайности все три письма пришли в один день, и я вскрыл их в присутствии Джеймса Мора, но порожденные этой случайностью события (которые я, кстати, мог бы предвидеть, придержи я свой язык) были предопределены судьбой, еще когда Агрикола не приплывал в Шотландию, а Авраам не пускался в свои странствования.

Естественно, первым я прочел письмо Алана и столь же естественно упомянул, что он намерен навестить меня. Однако я заметил, что Джеймс сразу насторожил уши.

— Не тот ли это Алан Брек, которого подозревали в аппинском убийстве? — осведомился он.

Я ответил, что да, тот самый, и он некоторое время не

давал мне взяться за остальные два письма, расспрашивая, как мы познакомились, как Алан живет во Франции (о чем я знал весьма мало), а также о его предполагаемом приезде.

— Все мы, изгнанники, тяготеем друг к другу, — объяснил он. — А к тому же я знаком с этим джентльменом, и хотя происхождение его сомнительно и именоваться Стюартом он, собственно, не имеет права, в день Драмосси он снискал общее восхищение, показав себя истинным солдатом. Если бы некоторые, чьи имена можно не называть, вели себя так же, исход был бы не столь грустен. В тот день двое сделали все, что было в их силах, и потому нас навсегда связали узы доблести.

Я с трудом удержался, чтобы не показать ему язык, и почти пожалел, что Алан не случился рядом, чтобы поподробнее коснуться вопроса о своем происхождении. Впрочем, говорят, оно действительно окутано некоторым мраком.

Тем временем я развернул письмо мисс Грант и не сумел сдержать восклицания.

— Катриона! — вскричал я, впервые после приезда ее отца не назвав ее мисс. — Наконец-то я вступил во владение своим наследством! С этих пор я бесспорный лэрд Шоса. Мой дядя все-таки умер.

Она захлопала в ладоши и вскочила со стула, однако в следующую секунду нам обоим вспомнилось, как мало причин нам осталось для радости, и мы замерли, печально глядя друг на друга.

Но Джеймс тут же показал, что лицемерия ему не занимать стать.

— Дочь моя, — сказал он, — так-то моя кузина учила тебя приличным манерам? Мистер Дэвид лишился близкого родственника, и нам должно выразить ему наши соболезнования.

— Право, сударь! — воскликнул я гневно, повернувшись к нему. Я не стану делать печального лица. Весть о его смерти — одна из самых приятных в моей жизни.

— Такова философия хорошего солдата, — сказал Джеймс. — Это общий жребий, да, общий для нас всех. И если покойный вовсе не был вам дорог, тем лучше! Но во всяком случае, мы можем поздравить вас со вступлением во владение вашим поместьем.

— Я и с этим не могу согласиться,— ответил я с тем же гневом.— Поместье отличное, но к чему оно одинокому человеку, которому достаточно того, что у него есть? Я сейчас получаю доход, более чем достаточный для моих скромных нужд. И помимо его смерти, которой я, к моему стыду, радуюсь, не вижу, какую пользу и кому принесет эта перемена.

— Ну-ну! — сказал он.— Вас это известие поразило сильнее, чем вы готовы признаться, иначе вы не стали бы жаловаться на свое одиночество. Вот три письма, свидетельствующие, что у вас есть трое доброжелателей. И я могу добавить к ним и еще двоих — вот здесь, в этой самой комнате. Я вас знаю не так давно, но Катриона, когда мы с ней остаемся вдвоем, не устает петь вам хвалы.

Тут она бросила на него такой взгляд, что он сразу же переменял тему и заговорил о возвращенном мне родовом имении, с интересом меня расспрашивая, пока мы не кончили обедать. Но как он ни притворялся, уловки его были достаточно грубы и я знал, что последует дальше. Едва мы встали из-за стола, он прямо выдал свои намерения, отослав Катриону с каким-то поручением.

— Полагаю, ты вернешься не позже, чем через час,— добавил он,— и наш друг Дэвид не откажет составить мне компанию до твоего возвращения.

Она, не сказав ни слова, поспешила исполнить его приказание. Не знаю, догадывалась ли она, но думаю, что нет. Я же твердо знал, что последует, и постарался хорошенько собраться с мыслями.

Едва дверь за ней закрылась, как ее отец откинулся на спинку кресла и заговорил со мной, превосходно изображая спокойную непринужденность. Лишь одно выдавало его: крохотные капельки пота, вдруг заблестевшие у него на лице.

— Рад, что нам представился случай потолковать с вами наедине,— начал он,— поскольку наша первая беседа кое в чем ввела вас в заблуждение и я уже давно хотел объясниться с вами. Моя дочь выше всех подозрений. Как и вы. И я шпагой докажу это любому клеветнику. Но, милый Дэвид, мы живем в беспощадном мире, и кому это знать, как не мне, кого еще с дней моего покойного отца, господи упокой его душу, бессовестно чернили и чернят?

Мы должны посмотреть правде в глаза. Вы и я обязаны считаться с этим. Да, обязаны! — И он торжественно кивнул, словно проповедник на кафедре.

— В каком смысле, мистер Драммонд? — спросил я. — Будьте столь добры, перейдите прямо к делу.

— Да-да! — воскликнул он со смехом. — В этом весь ваш характер! То, что больше всего меня в нем восхищает! Но дело, любезный мой юноша, несколько щекотливо. — Он налил себе вина. — Впрочем, между нами, между такими добрыми друзьями, можно не опасаться недоразумений. Дело это, как вы, конечно, понимаете, касается моей дочери. И я сразу же хочу сказать, что нисколько вас не виню. В столь злополучных обстоятельствах что еще могли вы сделать? Я, во всяком случае, не знаю.

— Благодарю вас, — сказал я очень осторожно.

— Кроме того, я постарался узнать вас поближе, — продолжал он. — У вас много достоинств, вы обладаете сносным состоянием, что всегда неплохо, а потому... короче говоря, я с удовольствием могу сказать вам, что из двух возможных выходов решил избрать второй.

— Боюсь, я не слишком сообразителен, — заметил я. — Какие выходы имеете вы в виду?

Он грозно наклонился ко мне, оставив прежнюю небрежную позу.

— Мне кажется, сударь, — объявил он, — джентльмен в вашем положении не может не понимать, что либо я должен перерезать вам глотку, либо вы должны жениться на моей дочери.

— Наконец-то вы сообразовали заговорить прямо! — сказал я.

— Мне казалось, что я говорил прямо с самого начала! — загремел он. — Я заботливый отец, мистер Бальфур, но, благодарю бога, я благоразумен и терпелив! Другой отец, сударь, тотчас же предложил бы вам выбирать между алтарем и дуэлью. Мое уважение к вашим достоинствам...

— Мистер Драммонд! — перебил я. — Если вы питаете ко мне малейшее уважение, то, прошу вас, умерьте свой голос. Нет никакой надобности кричать, если собеседник находится с вами в одной комнате и слушает вас со всем вниманием.

— Совершенно справедливо! — сказал он, сразу изме-

нив тон.— Но вы должны извинить отцовское волнение.

— Таким образом, мне следует понять...— продолжал я.— Будем считать, что я ничего не слышал про первый выход, о котором вам, пожалуй, не стоило бы упоминать... Таким образом, если я попрошу у вас руки вашей дочери, вы дадите мне право надеяться?

— Трудно выразить лучше то, что я имел в виду,— ответил он.— Вижу, что мы отлично поладили.

— Там посмотрим,— ответил я.— Но в любом случае мне незачем скрывать, что я питаю к упомянутой вами барышне глубокие чувства и даже во сне мне не может пригрезиться счастье большее, чем повести ее к алтарю.

— Я в этом не сомневался, я был уверен в вас, Дэвид! — вскричал он и протянул мне руку.

Я не пожал ее.

— Вы слишком торопитесь, мистер Драммонд,— сказал я.— Прежде надо обсудить условия, а главное, есть трудность, которую преодолеть мы, возможно, не сумеем. Я уже сказал вам, что готов вступить в брак с вашей дочерью, но у меня есть причины сомневаться в ее согласии.

— Это все вздор,— ответил он.— За ее согласие я поручусь!

— Мне кажется, мистер Драммонд,— сказал я,— что даже в разговоре со мной вы позволили себе два-три неприемлемых выражения. И я не потерплю, чтобы вы разговаривали так с ней. Говорить и думать за нас обоих выпало мне, и я хочу, чтобы вы поняли: я так же не позволю навязать мне жену, как не позволю, чтобы ей навязали мужа.

Он только хмуро смотрел на меня, видимо растерявшись и очень сердясь.

— Короче говоря,— заключил я,— если мисс Драммонд даст свое искреннее согласие, я женюсь на ней, и с великой радостью. Но если, как у меня есть все основания опасаться, согласие это будет хотя бы чуть-чуть вынужденным, я никогда на ней не женюсь.

— Хорошо-хорошо,— сказал он.— Это пустяки. Как только она вернется, я немножко ее пощупаю и, надеюсь, смогу вас уверить...

Но я снова его перебил.

— Ни в коем случае, мистер Драммонд, иначе я сра-

зу же откажусь, и вы можете искать мужа для вашей дочери, где вам будет угодно, — сказал я. — Я сам проверю ее чувства и буду судить о них. И сам решу без чьего-либо посредничества, и уж во всяком случае — без вашего.

— Клянусь честью, сударь! — вскричал он. — Да кто вы такой, чтобы судить?

— Жених, мне кажется, — ответил я.

— Не играйте словами! — возразил он. — Вы закрываете глаза на факты. У моей дочери не осталось выбора. Ее репутация погублена.

— Прощу извинить меня, — сказал я, — но до тех пор, пока все остается между нами тремя, ничего еще не погибло.

— Но что мне может служить порукой? — воскликнул он. — Неужто я допущу, чтобы репутация моей дочери зависела от воли случая?

— Об этом вам следовало бы подумать прежде, — сказал я. — До того, как вы по собственной вине не встретили ее. Но теперь, когда уже поздно, я отказываюсь считать себя ответственным за ваше небрежение и никому не позволю запугивать себя. Мое решение твердо, и, что бы ни произошло, я ни на волос от него не отступлю. Мы с вами составим тут друг другу компанию до ее возвращения. А тогда мы с ней сразу же — без единого вашего слова или взгляда — пойдем прогуляться, чтобы поговорить без помех. И если я удостоверюсь, что она отдаст мне свою руку охотно, то поведу ее к алтарю, а если нет, то нет.

Он вскочил с кресла, как ужаленный.

— Я вижу вас насквозь! — крикнул он. — Вы себя поведете таким образом, что она откажется!

— Может быть, так, а может быть, не так, — ответил я. — Но иного выбора у вас нет.

— А если я не позволю? — вскричал он.

— Тогда, мистер Драммонд, мы займемся перерезанием глоток, — сказал я.

Глядя на его рост, на длину его рук и помня, что, по слухам, он отменно владеет любым оружием, я произнес эти слова не без трепета, тем более что при всем при том он был отцом Катрины. Но я напрасно тревожился. Убогость снятого мной жилища (наряды дочери ему ничего не сказали — ведь для него они все были равно новыми) и

мое нежелание ссужать его деньгами внушили ему мысль, что я беден. Однако едва он убедился в своей ошибке, как у него тотчас возник новый план, и, думается мне, ради его выполнения он готов был пойти на что угодно, лишь бы избежать необходимости кончить дело дуэлью.

Он еще некоторое время спорил со мной, но тут я нашел довод, заставивший его замолчать.

— Если ваше намерение не допустить, чтобы я объяснился с вашей дочерью наедине, столь твердо, — сказал я, — мне остается только заключить, что вы не менее меня сомневаетесь в ее согласии.

Он пробормотал какое-то невнятное извинение.

— Но этот разговор равно испытывает терпение, как ваше, так и мое, — добавил я, — и мне кажется, нам обоим разумнее будет помолчать.

И до ее возвращения мы молчали, вероятно — если кто-нибудь мог бы нас увидеть тогда — представляя собой весьма смешную пару.

Глава 28,

В КОТОРОЙ Я ОСТАЮСЬ ОДИН

Дверь Катрионе открыл я и не дал ей войти.

— Ваш батюшка желает, — сказал я, — чтобы мы погуляли, как было у нас заведено.

В ответ на ее взгляд Джеймс Мор кивнул, и, словно хорошо вымуштрованный солдат, она повернулась и вышла вместе со мной из дома.

Мы направились путем, которым не раз ходили прежде и были тогда счастливы настолько, что это не поддается никакому описанию. Теперь я отстал на полшага, чтобы незаметно наблюдать за ней. Стук ее башмачков звучал так мило и так грустно! Мне в голову пришла странная мысль, что оба возможные конца совсем близки и я вот-вот узнаю, какая из двух судеб мне уготована, а пока неизвестно, в последний ли раз я слышу эти шаги, или они будут вновь и вновь звучать рядом со мной до нашего смертного часа.

Катриона избегала смотреть на меня и глядела прямо перед собой, словно догадываясь о том, что сейчас прои-

зойдет. Я понимал, что разговор следует начать сейчас же, пока мужество мне окончательно не изменило, но не знал, как к нему приступить. В этом тягостном положении, когда ее буквально толкали в мои объятия, любая настойчивость, после того что уже было между нами, казалась бесчестной, но каким холодным буду я выглядеть, если сумею сохранить бесстрастность! Эти две крайности меня парализовали, я готов был грызть себе пальцы, и когда все-таки заговорил, то спотыкался на каждом слове.

— Катриона, — сказал я, — мое положение, то есть наше с вами положение, очень мучительно, и я буду весьма вам обязан, если вы обещаете дать мне договорить до конца, не перебивая.

Она сказала, что обещает.

— Так вот, — начал я, — говорить мне очень трудно, и я знаю, что у меня нет права на это. После того, что произошло между нами в прошлую пятницу, у меня не осталось ни малейшего права... Мы оба так запутались — и все по моей вине, — что мне, по меньшей мере, следовало бы хранить молчание, и я так и хотел и совсем не намеревался снова вам докучать. Но, милая моя, теперь это необходимо и другого выхода нет. Видите ли, я вступил во владение своим поместьем, а потому я теперь не такая уж плохая партия и... и выглядеть это будет уже не столь смешно, как раньше. Ну, а мы оба так запутались... Я уже это говорил, и лучше бы оставить все, как есть. По-моему, этой стороне дела придают излишне большое внимание, и на вашем месте я бы и думать ни о чем таком не стал. Но мне пришлось об этом упомянуть, так как на Джеймса Мора это, бесспорно, оказало некоторое влияние. И мне кажется, первое время, когда мы поселились в этом городе, нам было не так уж плохо. По-моему, мы отлично ладили. Если вы оглянетесь на эти дни, милая моя...

— Я не стану ни оглядываться назад, ни заглядывать вперед, — перебила она. — Скажите мне только одно: это все мой отец?

— Он одобряет... — ответил я. — Он одобряет, чтобы я просил вашей руки... — Я продолжал, собираясь звонить к ее чувствам, но она вновь меня перебила, даже не выслушав.

— Это он вам велел! — вскрикнула она. — И не отрицайте! Вы сами сказали, что совсем не намеревались! Он вам велел!

— Ну, он первым заговорил об этом... — начал я.

Она шла очень быстро, устремив взгляд вперед, но тут она тихо ахнула и почти побежала.

— Иначе, — продолжал я, — после того что вы сказали в прошлую пятницу, я бы никогда не посмел докучать вам своим предложением. Но после того, как он столь любезно посоветовал, чтобы я... Что мне оставалось делать?

Она остановилась как вкопанная и повернулась ко мне.

— Во всяком случае ответом может быть только отказ! — вскричала она. — Вот и все!

И она быстро пошла вперед.

— Наверное, я ничего лучше не заслужил, — сказал я. — Но мне кажется, вы могли бы говорить со мной мягче, раз уж все кончено. Не понимаю, зачем вам нужно быть такой жестокой. Я вас так любил, Катриона! Нет ничего дурного, если я в последний раз назову вас по имени! Я старался поступить как лучше. Стараюсь и сейчас — и только жалею, что ничего лучше сделать не могу. Мне непонятно, почему вам нравится обходиться со мной столь сурово.

— Я думаю не о вас, — сказала она, — а об этом человеке, о моем отце.

— И это тоже! — воскликнул я. — Тут я могу быть вам полезен. Я должен помочь вам. Милая, нам необходимо поговорить о вашем отце. Джеймс Мор страшно рассердится, когда узнает, чем кончился наш разговор.

— Потому что я опозорена? — спросила она, вновь остановившись.

— Он так считает, — ответил я. — Но я уже говорил вам, чтобы вы ничего подобного не думали.

— Мне все равно! — вскричала она. — Я предпочту быть опозоренной!

Я не нашелся, что сказать, и промолчал.

Казалось, что-то продолжало кипеть в ее сердце, и через мгновение она снова воскликнула:

— Что все это означает? Почему на меня обрушился весь этот стыд? Да как вы посмели, Дэвид Бальфур!

— Милая моя, — сказал я, — но что мне оставалось делать?

— Я не ваша милая! — возразила она. — И не смейте называть меня этим словом.

— Я не думаю о своих словах, — сказал я. — У меня сердце разрывается от жалости к вам, мисс Драммонд. Что бы я ни говорил, не сомневайтесь, что я всей душой сострадаю вашему трудному положению. Но мне хотелось бы, чтобы вы не забывали об одном... и попробовали бы спокойно это обсудить. Ведь когда мы с вами вернемся домой, предстоит буря. Поверьте мне, только вдвоем мы сможем довести это дело до мирного конца.

— А-а! — сказала она, и на ее щеках вспыхнули два красных пятна. — Он вызвал вас?

— Ну да, — ответил я.

Она засмеялась нехорошим смехом.

— Во всяком случае, теперь все стало понятно! — вскричала она. — Мы с отцом, — продолжала она, глядя на меня в упор, — отличная парочка. Но я благодарю бога, что нашелся кто-то еще хуже нас! Я благодарю бога, что он показал мне вас таким! Не найдется девушки, которая не отвергла бы вас с презрением!

Я многое снес терпеливо, но это превосходило всякие пределы.

— Вы не имеете права так говорить со мной, — сказал я. — В чем я провинился? В том, что делал все, как лучше для вас, или, по крайней мере, старался? И вот мне награда? Нет, это уж слишком!

Она продолжала смотреть на меня со злой улыбкой.

— Трус! — сказала она.

— Не вам и не вашему отцу произносить это слово! — вскричал я. — Я уже бросил ему сегодня вызов ради вашего блага. И вызову его еще раз, гнусного мерзавца! И мне все равно, кто из нас падет! Мы сейчас же вернемся, — продолжал я, — чтобы побыстрее разделаться со всем этим! И я избавлюсь от всей вашей горской компании! Посмотрите, каково вам будет, когда я погибну!

Она покачала головой все с той же нестерпимой улыбкой.

— Улыбайтесь, улыбайтесь! — крикнул я. — Нынче я видел, как ваш батюшка улыбается по-другому. Нет, конечно, я не говорю, что он испугался, — поспешил я поправиться, — а только, что он предпочел другой выход.

— О чем вы? — спросила она.

— О том, что я его вызвал! — ответил я.

— Вызвали Джеймса Мора! — воскликнула она.

— Да, — сказал я, — а он уклонился. Не то разве мы с вами были бы сейчас здесь?

— Вы что-то не договариваете! — сказала она. — Так что же?

— Он намеревался заставить вас дать мне согласие, — ответил я. — Но я и слышать об этом не хотел. Я сказал, что вы должны быть свободны в своем выборе и я должен поговорить с вами наедине. Только я никак не думал, что разговор у нас будет таким! «А если я не позволю?» — говорит он. «Тогда мы займемся перерезанием глоток, — ответил я. — Я так же не позволю навязать мне жену, как не позволю, чтобы ей навязали мужа». Вот что я сказал, и это были слова друга. Хорошо же мне за них заплатили! Вы отказали мне по собственной воле, и никакой отец, будь он с шотландских гор или откуда-нибудь еще, не сможет настоять на этом браке! Я позабочусь, чтобы ваши желания уважали. Сделаю это своей целью, как и было до сих пор. Но по-моему, вам хотя бы приличия ради следовало притвориться, будто вы мне благодарны. А я-то думал, что вы меня знаете! Я не всегда вел себя с вами, как требовал долг чести, но это было слабостью. Но поверить, что я трус, и такой трус!.. Девочка моя, подобного удара я не ждал!

— Дэви, но откуда же мне было знать? — воскликнула она. — Как ужасно! Я и мои близкие (при этом слове она застонала) недостойны говорить с вами! Я готова упасть перед вами на колени тут, на улице, и поцеловать вам руку, лишь бы вы меня простили!

— Я сохраню те поцелуи, которые вы мне уже подарили, — перебил я. — Я сохраню те, которыми дорожу, которые чего-то стоили. Поцелуи в знак раскаяния мне не нужны!

— Что вы можете думать об этой несчастной девочке? — сказала она.

— Я все время только одно хотел вам втолковать, — сказал я, — что вам лучше забыть обо мне (ведь несчастней вы меня сделать уже не можете!), а вспомнить про Джеймса Мора, своего отца, с которым вам предстоит нелегкое объяснение!

— За что я обречена скитаться по миру с таким

человеком! — вскрикнула она, но затем сумела справиться с собой. — Только пусть вас это больше не заботит, — продолжала она. — Он не знает, на что я способна. И дорого заплатит мне за этот день. Дорого, очень дорого!

Она повернулась и пошла назад. Я последовал было за ней, но она остановилась.

— Я пойду одна, — сказала она. — Я должна поговорить с ним наедине.

Некоторое время я в бешенстве бродил по улицам и твердил себе, что ни с одним молодым человеком во всем подлунном мире не обходились столь плохо, как со мной. Гнев душил меня, и тщетно я пытался вздохнуть всей грудью, — казалось, в Лейдене не хватает для меня воздуха, и я даже подумал, что вот-вот лопну, как утопленник на морском дне. Тут я остановился на каком-то углу и начал смеяться над собой — я громко хохотал целую минуту, и какой-то прохожий уставился на меня во все глаза. Это меня отрезвило.

«Ну что же, — подумал я, — слишком долго мне пришлось быть дурачком и слюнтяем. Пора кончать! Вот хороший урок — не иметь никакого дела с проклятыми юбками, которые погубили мужчину в начале времен и будут продолжать губить его потомков до скончания века. Бог свидетель, я был достаточно счастлив, пока не увидел ее, и бог свидетель, я снова буду счастлив, после того как увижу ее в последний раз».

Вот что казалось мне самым нужным: чтобы они поскорее убрались из Лейдена. Я вцепился в эту мысль, а потом злорадно представил себе, каково им придется, когда Дэвид Бальфур перестанет быть их дойной коровой. И тут, к моему собственному величайшему удивлению, в душе у меня все перевернулось. Я был по-прежнему в ярости, я по-прежнему ненавидел ее, но пришел к выводу, что ради себя обязан позаботиться, чтобы она не испытывала никакой нужды.

Я сразу же поспешил на свою прежнюю квартиру и увидел, что вещи их сложены и ждут у двери возчика, а отец и дочь, по-видимому, совсем недавно жестоко ссорились, Катриона была как деревянная кукла, а Джеймс Мор тяжело дышал, лицо его усеивали белые пятна, нос скривился. Едва я вошел, как она обратила на него пристальный взгляд, выразительный, суровый

взгляд, вслед за которым вполне могла последовать пощечина. Это был намек более презрительный, чем приказание, и я с изумлением увидел, что Джеймс Мор покорно смирился с ним. Очевидно, ему устроили хорошенькую головомойку, и я понял, что в ней сидит бес, о котором я и не догадывался, а ему свойственна уступчивость, какой я в нем не предполагал.

Как бы то ни было, он заговорил первым, называя меня мистер Бальфур и словно повторяя затверженный урок. Но долго говорить ему не пришлось: при первом же высокопарном обороте Катриона его перебила.

— Я объясню вам, что хочет сказать Джеймс Мор, — объявила она. — Он хочет сказать, что мы навязались вам, нищие, и вели себя с вами не лучшим образом и что мы стыдимся своей неблагодарности и низости. Теперь мы хотим только одного: уехать и чтобы нас забыли. Но мой отец так дурно распоряжался своими делами, что мы даже этого не сможем сделать, если вы не подадите нам еще милостыни. Такие уж мы — нищие и попрошайки.

— Если вы разрешите, мисс Драммонд, — сказал я, — мне хотелось бы поговорить с вашим батюшкой с глазу на глаз.

Она прошла к себе в комнату и, не обернувшись, захлопнула за собой дверь.

— Вы должны извинить ее, мистер Бальфур, — тут же сказал Джеймс Мор. — У нее совсем нет деликатности чувств.

— Я пришел к вам не для того, чтобы обсуждать подобные вещи, а чтобы избавиться от вас. Но для этого мне придется коснуться вашего положения. Видите ли, мистер Драммонд, я следил за вашими делами пристальнее, чем вам хотелось бы. Я знаю, что у вас были собственные деньги, когда вы занимали мои. Я знаю, что здесь, в Лейдене, вы получили их еще, хотя скрыли это даже от собственной дочери.

— Остерегитесь! Больше я не намерен терпеть, — перебил он. — И она и вы вот где у меня сидите! И что это за проклятая участь быть отцом! Мне осмеливаются в глаза говорить... — Он прервал начатую фразу и продолжал, прижав руку к груди: — Сударь, тут бьется сердце солдата и отца, оскорбленного солдата и оскорбленного отца! И вновь повторяю вам: остерегитесь!

— Если бы вы не помешали мне докончить,— сказал я,— то услышали бы кое-что для себя выгодное.

— Мой милый друг! — воскликнул он. — Я знал, что могу положиться на ваше великодушие!

— Дайте же мне договорить! — сказал я. — Мне точно не известно, бедны вы или богаты. Но насколько я понимаю, ваши доходы не только загадочного происхождения, но и недостаточно велики, а я не желаю, чтобы ваша дочь терпела нужду. Если бы я смел заговорить об этом с ней самой, не сомневайтесь: я и не подумал бы довериться вам, потому что знаю вас как свои пять пальцев и ваша похвальба для меня лишь звук пустой. Однако я верю, что по-своему вы все еще сохраняете остатки отцовского чувства, и мне придется положиться на них, какой бы зыбкой такая опора ни была.

После чего мы с ним условились, что он будет сообщать мне о месте их пребывания и о здоровье Катрионы, я же взамен буду выплачивать ему небольшое содержание.

Он выслушал меня с большой охотой и, когда с делом было покончено, вскричал:

— Мой милый, любезный сын! Вот это похоже на вас! И я буду служить вам с верностью солдата...

— Ну, довольно! — перебил я. — Из-за вас у меня при слове «солдат» возникает тошнота. Мы заключили сделку, а теперь я уйду, но вернусь через полчаса, когда, надеюсь, мои комнаты будут очищены от вашего присутствия.

Я дал им достаточно времени, потому что больше всего боялся еще раз увидеть Катриону — мое сердце готово было уступить слабости и слезам, и я берег свой гнев, как единственное средство спасти мое достоинство.

Прошел час, солнце закатилось, и следом за ним по алой полосе заката опускался тонкий серп молодого месяца. На востоке уже мерцали звезды, и мои комнаты, когда я наконец вернулся туда, были полны синего мрака. Я зажег свечу и оглядел их. В первой не осталось никаких напоминаний о тех, кто покинул их, но во второй я увидел в углу на полу ворох одежды, и у меня оборвалось сердце. Она не взяла с собой ни единого моего подарка. Этот удар оказался самым тяжким, возможно, потому, что был заключительным. Я упал ничком на

платья и... Даже рассказывать не хочется, как глупо я себя вел.

Поздно ночью, стуча зубами от холода, я наконец немного взял себя в руки и задумался, как мне поступить. Вид этих отвергнутых нарядов, ленточек, накидок, чулок со стрелками был мне невыносим, и, чтобы вернуть себе душевное спокойствие, я должен был от них избавиться еще до утра. Сначала я было хотел затопить печку и сжечь, но бессмысленное транжирство всегда было чуждо моей натуре, а к тому же предать огню одежду, которую она носила, было бы чудовищно. В этой комнате имелся чуланчик, и я решил убрать их туда. Справился я с этим делом быстро, складывая каждое платье очень неумело, но со всем тщанием и частенько орошая их слезами. Силы совсем меня покинули. Я так устал, словно пробежал без передышки несколько миль, и испытывал ломоту во всем теле, точно меня избили. Но тут, складывая платок, который она часто повязывала на шею, я заметил, что его кончик аккуратно отрезан. Мне хорошо запомнился этот платок с красивым узором, и в памяти у меня всплыло, как однажды я сказал ей, что она носит мои цвета, — в шутку, конечно. И теперь на меня нахлынула волна сладкой надежды, однако в следующий миг я вновь погрузился в отчаяние — в стороне на полу я увидел смятый в комок отрезанный лоскуток.

Но когда я подумал, то вновь ободрился. Отрезала она этот лоскуток, повинаясь детскому порыву, но порыву нежному. Что потом она его бросила, было вполне понятно, но она все-таки его отрезала, и я радовался ее желанию сохранить уголок платка на память больше, чем огорчался из-за того, что в приливе естественного раздражения она его смяла и швырнула на пол.

Глава 29

МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ В ДЮНКЕРКЕ

Несколько следующих дней мою тоску вновь и вновь смягчали внезапные проблески надежды, и, с усердием взявшись за занятия, я кое-как коротал время, ожидая Алана или весточки о Катрионе от Джеймса Мора. Всего

со времени их отъезда я получил от него три письма. Одно извещало об их благополучном прибытии во французский город Дюнкерк, откуда Джеймс Мор вскоре отбыл один по каким-то своим делам. Отправился он в Англию к лорду Холдернессу, и меня до сих пор язвит мысль, что расходы по поездке он оплачивал моими честными деньгами. Но, сядя ужинать с дьяволом — или с Джеймсом Мором, — надо запастись очень длинной ложкой! Следующее письмо ему полагалось отправить как раз в те дни, когда он отсутствовал, а так как от этого зависело, будет ли он и дальше получать свое содержание, он написал его заблаговременно и поручил Катрине отослать его в назначенный срок. Узнав таким образом о том, что мы переписываемся, она заподозрила неладное, и не успел ее отец отправиться в путь, как она сломала печать. Послание, которое я получил, было написано Джеймсом Мором:

«Любезный сэр! Ваши высоко ценимые щедроты получены, о чем согласно нашему условию и спешу вам сообщить. Все будет полностью потрачено на мою дочь, которая находится в добром здравии и просит кланяться ее доброму другу. Она пребывает в меланхолическом расположении духа, но уповаю, что с божьей милостью к ней вернется ее веселость. Живем мы тут в большом уединении, но утешаемся грустными напевами наших родных гор и прогулками по берегу моря, омывающего и Шотландию. Куда более счастлив я был, когда лежал с пятью ранами на Глэдсмурском поле. Я нашел себе занятие на конном заводе, принадлежащем французскому вельможе, где мои познания и опыт весьма и весьма уважаются. Но, любезный сэр, вознаграждение настолько смехотворно, что мне стыдно его назвать, и поэтому ваше вспомоществование тем более необходимо для того, чтобы моя дочь легче переносила невзгоды, хотя, полагаю, встреча со старыми друзьями была бы ей даже еще полезнее.

Остаюсь, любезный сэр,
вашим покорнейшим слугой,
дружески к вам расположенный
Джеймс Макгрегор Драммонд».

Дальше следовала приписка рукой Катрионы:
«Не верьте ему, это одна только ложь.»

К. М. Д.»

Она не только добавила эту строку, но, по-видимому, чуть было вообще не порвала письмо, — во всяком случае, оно пришло много позже положенного срока, и третье я получил почти следом за ним. В промежутке приехал Алан, и его веселые разговоры совсем изменили мою жизнь. Он представил меня своему родичу — шотландцу, служившему в голландском полку и употреблявшему спиртные напитки в количествах, превосходивших всякое воображение, в остальном же ничем не интересному. Меня часто приглашали на обильные обеды, и я сам дал несколько, но мою печаль это не развеивало. Мы с ним — с Аланом, а отнюдь не с его родственником — много говорили о моих отношениях с Джеймсом Мором и его дочерью. Я, разумеется, избегал подробностей, тем более что рассуждения Алана меня мало располагали к дальнейшей откровенности.

— Я ничего не понимаю! — восклицал он. — Однако как ни погляжу, а ты сваял большого дурака. Не много найдется людей, способных потягаться опытом с Аланом Бреком, но и я слыхом не слыхивал о подобных девицах. Послушать тебя, так выходит что-то вовсе ни с чем не сообразное. Не иначе, Дэвид, как ты все запутал и напортил!

— Порой я и сам так думаю, — отвечал я.

— А самое-то странное то, — продолжал Алан, — что ты вроде бы питаешь к ней любовь!

— Такую сильную, какой не бывает, Алан, — ответил я. — И думаю, что сойду с ней в могилу.

— Да уж, не ждал я от тебя такого! — заканчивал он разговор.

Я показал ему письмо с припиской Катрионы.

— Ну вот! — воскликнул он. — В честности и здравом смысле этой твоей Катрионе как будто не откажешь! А что до Джеймса Мора, так он пуст, как барабан: одно брюхо да трескучие слова. Спору нет: при Глэдсмуре он дрался неплохо и про пять ран тут написано верно. Но пустой он человек, вот в чем вся его беда.

— Значит, ты понимаешь, Алан, как мне тяжело оставлять ее в таких руках? — сказал я.

— Да, хуже их не отыщешь, — согласился он. — Только ты-то что можешь сделать, Дэви? Видишь ли, так уж заведено между мужчинами и женщинами. Женщине что ни толкуй, она будет стоять на своем. Либо ты ей нравишься, и тогда все хорошо, либо нет, и уж тогда можешь и не стараться — проку все равно не будет. Женщина либо последнюю рубашку продаст ради тебя, либо сразу свернет с дороги, коли увидит, что ты по ней идешь. Так уж они устроены, а твое горе в том, что ты не умеешь разбираться, что у них на уме.

— Боюсь, тут ты прав, — сказал я.

— А ведь это легче легкого! — воскликнул Алан. — Я бы тебя в одночасье научил, но ты, как погляжу, родился слепым, и уж тут ничего не поделаешь!

— А ты бы мне не помог? — спросил я. — Раз уж так в этом поднаторел?

— Но ведь меня же с вами не было, Дэвид! — ответил он. — Я будто офицер перед битвой, у которого все дзорные и лазутчики слепые. Но сдается мне, что ты понаделал глупостей. И на твоем месте я бы попытал ее еще раз.

— Правда, Алан? — спросил я.

— Слово даю, — ответил он.

Третье письмо принесли, когда мы вели один из этих разговоров, и пришлось оно удивительно к случаю, как вы сами убедитесь. Джеймс выражал некоторое беспокойство по поводу здоровья дочери — без малейшей на то причины, как мне теперь известно, — не скупился на изъяснения самых добрых ко мне чувств, а в заключение пригласил меня навестить их в Дюнкерке.

«Сейчас у вас должен гостить мой старый собрат по оружию мистер Стюарт, — писал он. — Так почему бы вам не сопроводить его до этого города, когда он вернется во Францию? У меня есть важное для него известие, хотя и без этого я был бы рад повидать испытанного товарища-солдата, да еще столь доблестного, как он. Что до вас, любезный сэр, моя дочь и я будем счастливы принять нашего благодетеля, на которого смотрим как на брата и сына. Французский вельможа оказался самым низким скрягой, и я был вынужден покинуть его завод. По этой

причине вы найдете нас в бедной харчевне некоего Базена среди дюн. Но местоположение ее приятно, и, полагая, мы могли бы провести неплохую недельку: мы с мистером Стюартом вспоминали бы былые дни, а вы с моей дочерью нашли бы себе развлечения, более подходящие вашему возрасту. Во всяком случае, я настоятельно прошу мистера Стюарта заехать сюда. Мое дело к нему распахивает очень важную дверь».

— Что ему надо от меня? — воскликнул Алан, дочитав письмо. — От тебя ему нужны деньги, это понятно. Но для чего ему понадобился Алан Брек?

— А, это только предлог! — ответил я. — Он все еще старается женить меня на ней — и я бы ничего лучшего не пожелал! А тебя он зовет потому, что иначе, по его мнению, мне легче будет отказаться от его приглашения.

— Все-таки хотелось бы мне знать... — сказал Алан. — Мы с ним никогда приятелями не были, только скалились друг на друга, точно волынщики на состязаниях. Важное для меня известие!.. Ну может, кончится тем, что я его важно отделаю! Только почему бы и не съездить туда, не посмотреть, чего ему надо? Заодно я бы и на твою красавицу взглянул. Что скажешь, Дэви? Проводишь Алана во Францию?

Разумеется, я не отказался, а так как отпуск Алана подходил к концу, то мы не мешкая отправились вместе в Дюнкерк.

Когда мы наконец добрались до этого города, уже сгущались январские сумерки. Оставив лошадей на почтовой станции, мы нашли человека, который взялся отвести нас в харчевню Базена, которая находилась за городскими стенами. Уже наступила полная темнота, и мы покинули крепость последними. Когда мы шли по мосту, ворота позади нас с лязгом захлопнулись. По ту сторону моста лежало освещенное предместье. Миновав его, мы свернули на темный проселок, и вскоре наши ноги начали вязнуть в глубоком песке, а из мрака все явственнее доносился шум моря. Мы шли так некоторое время, следуя указаниям нашего проводника, и я уже заподозрил, что он завел нас совсем в другую сторону, когда мы поднялись на пригорок и впереди тускло загорелось окошко.

— Voilà l'auberge à Bazin¹,— объявил проводник. Алан причмокнул.

— Глухое местечко,— сказал он, и по его тону я догадался, что это не слишком ему нравится.

Вскоре мы уже вошли в нижнее помещение харчевни, занимавшее весь первый этаж, где сбоку была лестница, ведущая в комнаты наверху, у стены стояли столы и скамьи, в глубине топился очаг, а напротив располагались полки с бутылками и виднелась откидная дверца над спуском в погреб. Базен, угрюмого вида верзила, сказал нам, что мосье шотландец куда-то ушел — он не знает куда,— но мадемуазель у себя в комнате, и он ее сейчас к нам позовет.

Я вынул хранившийся у меня на груди платок без уголка и повязал его на шею. Я слышал, как стучит мое сердце, и, когда Алан похлопал меня по плечу, отпустив смешную прибаутку, я с трудом удержался от резкого ответа. Но ждать пришлось недолго. Я услышал сверху над нами ее шаги и увидел, как она появилась на лестнице. Лицо ее показалось мне бледным. Спускалась она очень тихо, а со мной поздоровалась с таким унынием или даже тревогой, что я совсем пал духом.

— Мой отец, Джеймс Мор, скоро вернется. И будет вам очень рад,— сказала она. И вдруг щеки ее вспыхнули, глаза засияли, а слова замерли на устах. Я понял, что она заметила платок у меня на шее. Власть над собой она утратила лишь на мгновение, но мне почудилось, что в ее голосе, когда она повернулась поздороваться с Аланом, прозвучало радостное оживление.

— А вы, конечно, его друг Алан Брек? — вскричала она.— Сколько раз он мне о вас рассказывал! И я уже люблю вас за вашу доброту и вашу доблесть!

— Ну-ну,— сказал Алан, удерживая ее руку в своих и не спуская с нее глаз.— Так вот какова эта барышня! Дэвид, плохо же ты умеешь описывать истинную красоту!

Никогда еще я не слышал от него столь покоряющей речи. А голос его звучал как песня.

— Как? Он вам про меня говорил? — воскликнула Катриона.

¹ Вон харчевня Базена (*франц.*).

— С тех пор, как я приехал из Франции, он ни о чем другом разговаривать не хотел! — ответил Алан. — А началось это еще в Шотландии, как-то ночью в лесочке у Силвермилса. Но не огорчайтесь, душа моя. Вы даже еще прекраснее, чем он утверждал. И одно можно сразу сказать: мы с вами будем друзьями. Я ведь самый преданный слуга нашего Дэви, я — как верный его пес: кто дорог ему, тот дорог и мне, и, клянусь небесами, они должны полюбить и меня. Теперь вы понимаете, кем вы стали для Алана Брека, и убедитесь, что худа вам от этого не будет. Он собой неказист, душа моя, но верен тем, кого любит.

— От всего сердца благодарю вас за ваши добрые слова, — сказала она. — Храброго, благородного человека я так почитаю, что найти подобающего ответа не в силах.

Воспользовавшись свободой, положенной путешественникам, мы не стали дожидаться Джеймса Мора и сели ужинать — все вместе. Алан усадил Катриону рядом с собой, чтобы она за ним ухаживала. Он потребовал, чтобы она отпила из его стакана, осыпал ее галантными любезностями, но ни разу не подал мне хотя бы малейшего повода для ревности. И он все время поддерживал разговор в таком веселом тоне, что и она и я забыли про всякое смущение. Тот, кто увидел бы нас впервые, конечно, подумал бы, что Алана она знает давным-давно, а меня ей представили лишь перед ужином. Да, у меня и прежде было много причин любить этого человека и восхищаться им, но никогда еще моя любовь и восхищение не были столь сильны, как в этот вечер. Я сказал себе (о чем порой был склонен забывать), что он не только обладает большим житейским опытом, но по-своему очень талантлив. Катриона же казалась совсем замороженной. Ее смех звенел колокольчиком, лицо сияло, точно майское утро. И признаюсь, хотя я был очень этому рад, мне слегка взгрустнулось при мысли, каким скучным и неуклюжим выгляжу я по сравнению с моим другом и как мало подхожу для юной девушки: ее веселость, казалось мне, угасала, стоило ей взглянуть в мою сторону.

Но в такой роли я оказался не одинок: неожиданно вернулся Джеймс Мор, и Катриона сразу словно окаменела. До конца вечера, пока она не ушла к себе, сославшись на усталость, я все время следил за ней и могу

засвидетельствовать, что она ни разу не улыбнулась, не проронила почти ни слова и почти не отводила взгляда от крышки стола перед собой. Я же только изумлялся тому, как столь преданная в прошлом любовь сменилась столь жгучей ненавистью.

Про Джеймса Мора рассказывать особенно нечего. Вы уже узнали его достаточно хорошо — то, что можно было о нем узнать, — а мне претит повторять его лживые измышления. Достаточно будет сказать, что пил он без меры и не скупился на пустое красноречие. Разговор же с Аланом он отложил на утро, когда они смогут уединиться.

Мы легко на это согласились, потому что устали после целого дня пути, и ушли спать почти сразу же вслед за Катриной.

В нашей комнате, где нам предстояло устроиться на единственной постели, Алан поглядел на меня со странной улыбкой.

— Ну и дурак же ты! — сказал он.

— Почему ты называешь меня дураком? — воскликнул я.

— Почему? Почему я тебя так называю? — произнес он. — Даже странно, Дэвид, до чего же ты можешь быть глуп!

Я снова попросил объяснить эти намеки.

— Ну так вот! — сказал он. — Помнишь мои слова про тех женщин, которые ради тебя последнюю рубашку продадут, и про прочих? Вот бы ты и попробовал сам разобраться, дружок мой. А что это у тебя за тряпица на шее?

Я объяснил.

— Так я и думал, — сказал он и больше не проронил ни слова, как я его ни упрасивал.

Глава 30

ПИСЬМО С КОРАБЛЯ

При свете дня мы увидели, что харчевня расположена очень уединенно. Море было, несомненно, очень близко, но его, как и всё вокруг, заслоняли унылые дюны. Собственно говоря, взгляд мог остановиться лишь на двух

мельничных крыльях, поднимавшихся позади одного из песчаных гребней, точно ослиные уши, когда самого осла не видно. Едва задул ветер (с утра воздух был совсем неподвижен), они начали вертеться, и было странно видеть, как эти огромные лопасти проплывают в небе друг за другом. Вблизи не оказалось ни единой дороги, но от дверей мосье Базена в разные стороны вились десятки тропок. Дело в том, что занятий у него имелось множество — причем ни одного честного, — и уединенное местоположение его заведения служило ему лучшим источником доходов. У него находили приют контрабандисты, тут политические агенты и изгнанники ждали случая переправиться через пролив, а харчевня видела дела и похуже: ведь в ее стенах можно было зарезать целую семью и никто ничего не узнал бы.

Спал я мало и плохо. Еще не рассвело, когда я острожно встал с постели, чтобы не разбудить Алана, и то грелся у огня, то нетерпеливо прохаживался перед дверью. День занялся пасмурный, но вскоре поднялся западный ветер, разорвал покров туч, так что в прорехах засияло солнце, и закрутил мельничные крылья. В солнечном свете было что-то веселое, а может быть, весна пробралась ко мне в сердце, и меня чрезвычайно развлекало зрелище этих крыльев, появляющихся над дюной и скрывающихся за ней. По временам до меня доносился их скрип, а в половине девятого в доме запела Катриона, и я чуть было не подбросил шляпу к потолку от радости. Теперь это угрюмое, пустынное место показалось мне раем.

Но время шло, к нашей двери никто не подходил, и мной начала овладевать неясная тревога. словно к нам подкрадывалась беда. Теперь мне чудилось, что мельничные крылья, описывая круги, подглядывают за нами. Но и по самому трезвому размышлению казалось непонятным, зачем потребовалось привозить в это глухое и подозрительное место молоденькую девушку.

За поздним завтраком я скоро понял, что Джеймс Мор не то в затруднении, не то чего-то опасается и что Алан тоже это заметил и принялся внимательно следить за ним. Наблюдая двоедушие одного и настороженность второго, я ощутил себя на раскаленных углях. К концу завтрака Джеймс принял решение и начал сыпать извинениями. У него спешное дело в городе — с тем самым француз-

ским вельможей, пояснил он мне, — и он вынужден оставить нас одних до полудня. После чего он отвел дочь в дальний конец комнаты и принялся что-то ей растолковывать, а она слушала без всякой охоты.

— Этот Джеймс мне нравится все меньше и меньше, — сказал Алан. — Что-то с ним не так, с этим Джеймсом, и я не удивлюсь, если Алан Брек хорошенько его сегодня отделает. Хотелось бы мне взглянуть на этого французского вельможу, Дэви! Ты легко подыщешь себе занятие — должен же ты потолковать с барышней! Поговори с ней прямо, скажи, что с самого начала вел себя, как последний дурак. И еще на твоём месте — если бы к слову пришлось — я бы намекнул, что тебе грозит опасность. Женщины на это податливы.

— Я не умею лгать, Алан, и к слову у меня это никак не придется, — сказал я, передразнивая его.

— Вот и опять ты выходишь дурак! — ответил он. — Ну, так объясни, что это я тебе посоветовал. Она засмеется, что тоже будет совсем неплохо. Но погляди-ка на них! Если бы я не был уверен в этой девочке, в том, что Алан ей куда как нравится, то подумал бы, что там стряпается дельце не из хороших.

— А, так ты ей нравишься, Алан? — спросил я.

— И очень! — ответил он. — Я ведь не ты — это я сразу вижу. И Алан ей нравится, очень нравится. Так ведь мне он и самому по душе. А теперь с твоего разрешения, Шос, я пойду прогуляться по дюнам — погляжу, куда собрался Джеймс.

Вскоре, оставив меня за столом одного, они все трое ушли — Джеймс в Дюнкерк, Алан следом за ним, а Катриона вверх по лестнице к себе в комнату. Я понимал, почему она старается не оставаться со мной наедине, но вовсе не радовался и твердо решил подстеречь ее до того, как вернутся остальные двое. Мне представилось, что разумнее будет последовать примеру Алана. Если я скроюсь из виду между дюнами, она, конечно, захочет пойти погулять в такое погожее утро, а уж тогда я выберу удобный случай!

Сказано — сделано. И мне недолго пришлось томиться в укромной ложбине. Катриона появилась в двери, поглядела по сторонам и, никого не увидев, пошла по тропинке, ведущей прямо к морю. Я последовал за ней,

но особенно не торопился: ведь чем дальше она отойдет, прежде чем я нагоню ее, тем больше времени будет у меня для объяснений. Песок же полностью приглушал звук моих шагов.

Тропка поднималась все выше и наконец вывела меня на вершину пригорка, и я наглядно убедился, в каком унылом и пустынном месте приютилась эта харчевня. Нигде не было видно ни человеческого жилья, ни следов человеческого присутствия, если не считать базеновской харчевни да ветряной мельницы. Впереди совсем близко раскинулось море, и я увидел два-три корабля, красивых, как на картинке. Один находился в такой опасной для большого судна близости от берега, что меня молнией пронзило новое подозрение: я узнал такелаж «Морского конька». Что понадобилось английскому военному кораблю в прибрежных водах Франции? Зачем Алана с такой настойчивостью приглашали сюда, в глухое место, где не от кого было ждать помощи? И случайно ли дочь Джеймса Мора отправилась сегодня погулять у моря?

Следом за ней я обогнул последнюю дюну, заслонявшую пляж, и тут же из-за кустика жесткой травы увидел почти напротив вытащенную на песок военную шлюпку. Возле нее расхаживал офицер, словно в ожидании. Я приготовился наблюдать, что произойдет дальше. Катриона направилась прямо к шлюпке, офицер учтиво ей поклонился, они обменялись десятком слов, она взяла какой-то пакет и пошла назад. Тотчас, словно других дел у них на европейском берегу не было, шлюпка отчалила и полетела по волнам к «Морскому коньку». Однако офицер в нее не сел, а зашагал по пляжу к дюнам и скрылся между ними.

Все это мне очень не понравилось, и чем больше я размышлял, тем сильнее становилась моя тревога. Не Алана ли ищет офицер? Или дело у него было только к Катрионе? Она приближалась, опустив голову, не отрывая глаз от песка, и была так прелестна, что у меня не достало сил ее подозревать. В тот же миг она подняла голову, увидела меня, поколебалась, но продолжала идти, только медленнее и, мне показалось, порозовев. Одолевавшие меня опасения, подозрения, страх за жизнь друга — все сразу куда-то исчезло, и я вскочил на ноги, опьяненный надеждой.

Я пожелал ей доброго утра, и она ответила мне тем же, храня спокойный вид.

— Вы простите, что я пошел за вами? — спросил я.

— Вами всегда руководят добрые побуждения, я знаю, — ответила она и вдруг произнесла с волнением: — Но зачем вы посылаете ему деньги? Не надо!

— Я посылал их не ему, — ответил я, — а вам, и вы это отлично понимаете.

— Вы не должны их посылать ни ему, ни мне, — сказала она. — Дэвид, это нехорошо.

— Да, это очень плохо! — воскликнул я. — И молю бога, чтобы он надоумил этого глупца, как все поправить, если это возможно! Катриона! Такая жизнь не для вас. И прошу меня простить за такие слова, но он плохой отец.

— Не говорите о нем, никогда про него не упоминайте! — вскричала она.

— Больше не буду. Я ведь не о нем думаю, поверьте! — ответил я. — Я думаю только об одном. Я долго оставался в Лейдене в одиночестве, но и на лекциях думал только об этом. Потом приехал Алан, и его друзья солдаты устраивали для нас обеды, а у меня в голове была лишь одна мысль. Та самая, которая не оставляла меня, пока там были вы. Катриона, видите платок у меня на шее? Вы отрезали от него конец, а потом выбросили. Теперь это ваши цвета. Я ношу их в своем сердце. Милая моя, я не могу без вас жить. Не гоните меня!

Я встал перед ней, словно преграждая ей путь.

— Не гоните меня! — повторил я. — Попытайтесь стерпеться со мной.

Но она молчала, и меня оледенил страх, подобный страху смерти.

— Катриона! — вскричал я, глядя на ее руку. — Я вновь ошибся? И для меня нет никакой надежды? Она подняла лицо, прерывисто дыша.

— Я вам правда нужна, Дэви? — прошептала она, и я почти не расслышал ее слов.

— Да! — сказал я. — Неужели вы не понимаете? Больше всего на свете.

— Мне нечего ни дать, ни удержать, — сказала она. — Я была бы вашей с первого же дня, если бы вы того захотели!

Мы стояли с ней на гребне пригорка, открытого всем

ветрам и взглядам, нас могли увидеть даже с английского корабля, но я упал перед ней на колени, обнял ее ноги и разразился такими рыданиями, что, казалось, вот-вот умру. Буря чувств смела все мои мысли, я не помнил, где нахожусь, я забыл, почему я так счастлив, и знал только, что она нагнулась, прижалась ко мне лицом и говорит что-то, но слышал ее, как в тумане.

— Дэви! — говорила она. — Ах, Дэви, вы правда обо мне так думаете? Правда, что все время меня любили? Ах, Дэви, Дэви!

Тут она тоже расплакалась, и наши слезы смешались в бесконечной радости.

Наверное, было уже часов десять, когда я наконец поверил, какое счастье пришло ко мне. Мы сидели, обнявшись, я держал ее руки в своих, смотрел на ее личико и, смеясь, как ребенок, называл ее смешными, нежными именами. В жизни я не видывал краше места, чем эти дюны под Дюнкерком, а крылья мельницы, воспарявшие за холмом, были точно музыка.

Не знаю, сколько еще мы просидели бы так, забыв обо всем на свете, кроме нас самих, если бы я случайно не упомянул про ее отца и это не заставило бы нас опомниться.

— Дружочек мой! — Я называл ее так снова и снова, воскрешая прошлое, и радуясь, и чуть-чуть отстраняясь, чтобы лучше ее видеть. — Дружочек мой, теперь вы моя, совсем моя, дружочек мой, а он больше не в счет!

Ее лицо внезапно побелело, и она отняла у меня свои руки.

— Дэви, увезите меня от него! — воскликнула она. — Что-то нехорошее происходит. Он вероломен. Происходит что-то нехорошее, и у меня сердце сжимается от ужаса. Какие могут быть у него дела с королевским кораблем? Что в этом письме? — Она показала мне пакет. — Боюсь, Алану грозит беда. Вскройте его, Дэви, вскрыйте и прочтите!

Я взял пакет, посмотрел на него и покачал головой.

— Нет, — сказал я, — это мне противно. Я не могу вскрыть чужое письмо.

— Даже чтобы спасти своего друга? — вскричала она.

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, нет. Будь я хотя бы уверен!

— Вам же надо только сломать печать! — сказала она.

— Конечно,— сказал я.— Но мне это противно.

— Так дайте его сюда,— сказала она.— Я сама его вскрою.

— Нет,— ответил я.— Вам этого и вовсе нельзя. Речь ведь идет о вашем отце, об его чести, жизнь моя, и в ней мы оба сомневаемся. Бесспорно, место здесь глухое, а у берега стоит английский военный корабль, и вашему отцу послано с него письмо, а офицер остался на берегу. И значит, не он один. С ним должны быть и другие. Наверное, за нами сейчас следят. Да, пакет необходимо вскрыть, но ни вам, ни мне этого сделать нельзя.

Я еще не успел договорить, удрученный мыслью об опасности и притаившихся поблизости врагах, как вдруг увидел Алана: он шел один среди дюн, по-видимому бросив отслеживать Джеймса. На нем, разумеется, был офицерский мундир, очень щегольской, но я невольно вздрогнул, подумав, как мало толку будет от этого мундира, если Алана схватят, бросят в шлюпку и доставят на борт «Морского конька» — дезертира, мятежника, а теперь еще и убийцу, приговоренного судом к смерти.

— Вон,— сказал я,— тот, у кого больше всех прав вскрыть письмо или не вскрывать его, как он сочтет за благо.

Я окликнул Алана, и мы выпрямились, чтобы он увидел, куда идти.

— Но если это так, если откроется новый позор... выдержите ли вы? — спросила она, устремив на меня пылающий взор.

— Мне задали почти такой же вопрос, когда я видел вас один-единственный раз,— сказал я.— Как, по-вашему, я ответил? Я сказал, что, если вы и дальше будете нравиться мне так же — только нравитесь вы мне теперь бесконечно больше! — я женюсь на вас даже у подножия виселицы.

Кровь бросилась ей в лицо, она прижалась ко мне, держа меня за руку, и так, почти обнявшись, мы ждали, пока Алан не подошел к нам. На лице у него играла лукавая улыбка.

— Ну, что я тебе говорил, Дэвид? — сказал он.

— Все мое время, Алан,— ответил я.— И сейчас нам не до шуток. Что ты узнал? Можешь говорить прямо, она наш друг.

— Эту прогулку я совершил понапрасну, — сказал он.

— Ну, так мы оказались удачливее, — начал я. — Суди сам, насколько важно то, что нам удалось узнать. Вон посмотри! — добавил я, указывая на корабль. — Это «Морской конек» под командованием капитана Пеллисера.

— Уж этот корабль я и в темноте опознал бы, — заметил Алан. — В Форте он мне порядком намозолил глаза. Но чего ему понадобилось так близко от берега?

— Зачем он вообще сюда подошел, я тебе сейчас объясню, — сказал я. — Чтобы доставить вот это письмо Джеймсу Мору. Ну, а почему он сейчас ждет, в чем тут дело, и для чего в дюнах прячется офицер с него, и один ли он там, попробуй сам догадаться.

— Письмо Джеймсу Мору? — переспросил он.

— Ему самому, — сказал я.

— Ну, я могу кое-что добавить, — продолжал Алан. — Вчера ночью, пока ты крепко спал, я слышал, как он переговаривается с кем-то по-французски, а потом дверь харчевни отворилась и затворилась.

— Алан! — воскликнул я. — Ты всю ночь спал без прсыпу, чему я свидетель!

— Так-то так, но я бы не стал особенно доверять Алану, и когда он бодрствует, и когда спит! — сказал он. — Но дело как будто скверно. Поглядим, что в письме.

Я протянул ему пакет.

— Катриона, — сказал он, — прошу у вас прощения, душа моя, но ставка тут — мои бранные косточки, а потому я должен сломать эту печать.

— Я ничего другого и не хочу, — ответила она.

Он вскрыл пакет, прочел письмо и взмахнул рукой.

— Хорек проклятый! — воскликнул он и сунул бумагу в карман. — Надо собирать вещи. Не то мне здесь и конец.

Он пошел в сторону харчевни.

Первой молчание нарушила Катриона.

— Он вас продал?

— Продал, душа моя, — ответил Алан. — Но, благодаря вам и Дэви, я его еще одурачу! Только дайте мне вскочить на моего коня!

— Катриона едет с нами, — сказал я. — Она не должна

больше иметь никакого дела с этим человеком. Мы с ней решили пожениться.

При этих словах она прижала мою руку к боку.

— Вот как? — воскликнул Алан, оглядываясь через плечо. — Ну молодцы! И, детки мои, парочка из вас выйдет красивая!

Тропинка, которую он выбрал, привела нас к мельнице, и я увидел, что какой-то человек в матросских брюках, прячась за ее углом, наблюдает за тропинкой. Но только мы-то зашли ему со спины.

— Алан, видишь? — шепнул я.

— Ого-го! — сказал он. — Ну, это мое дело.

Матрос, несомненно, несколько оглох от скрипа мельницы, и мы были уже совсем рядом, когда он что-то заподозрил и обернулся. Это оказался рыжий детина с багрово-красной физиономией.

— По-моему, сэр, вы говорите по-английски, — сказал ему Алан на этом языке.

— Нон¹, мусью, — ответил детина с неопишуемым акцентом.

— «Нон, мусью»... — передразнил его Алан. — Так-то вас обучают французскому на «Морском коньке»? Вот попробуй шотландского сапога, английская ты безмозглая скотина!

И, бросившись на матроса, прежде чем тот успел опомниться, он дал ему такого пинка, что бедняга клюнул землю носом. Алан, отступив на полшага, с яростной улыбкой смотрел, как он кое-как поднялся и опрометью бросился к дюнам.

— Пора мне убираться подальше от этих пустынных мест! — заметил Алан и быстро зашагал к задней двери харчевни. Мы еле поспевали за ним.

По воле судьбы, переступив порог, мы лицом к лицу столкнулись с Джеймсом Мором, который только что вошел в другую дверь.

— Быстрее! — сказал я Катрионе. — Бегите наверх и уложите свои вещи. Вам не следует быть при том, что здесь произойдет.

Джеймс с Аланом сошлись на середине длинной залы. Катриона проскользнула мимо них к лестнице, на сту-

¹ Нет (*франц.*).

пеньках обернулась и еще раз поглядела на них, но не остановилась. А поглядеть на них стоило! Алан шел навстречу Джеймсу Мору с самым учтивым и дружеским выражением, и все же с таким воинственным, что Джеймс учуял опасность, как люди чувят занявшийся в доме пожар, и замер на месте, готовый ко всему.

Время бежало. Алан находился среди врагов в пустынном месте, где некому было прийти ему на помощь. Такое положение смутило бы и Цезаря, но он нисколько не переменялся и начал разговор с обычной веселой насмешливостью.

— Еще раз желаю вам доброго дня, мистер Драммонд, — сказал он. — Так какое же у вас ко мне дело?

— Ну, разговор этот секретный и долгий, — ответил Джеймс. — И я думаю, прежде нам следует перекусить. Торопиться некуда.

— Разве? — сказал Алан. — Да нет, либо теперь, либо никогда. Мы с мистером Бальфуром получили некое известие и собираемся в дорогу.

Я уловил в глазах Джеймса легкое удивление, но он сумел взять себя в руки.

— Мне достаточно произнести одно слово, и вы думать об отъезде забудете, — сказал он. — Просто назвать свое дело.

— Так назовите! — воскликнул Алан. — Теперь же. Дэви нам не помеха.

— Оно обогатит нас обоих, — сказал Джеймс.

— Да неужто! — вскричал Алан.

— Можете не сомневаться, сударь, — подхватил Джеймс. — Говоря попросту, это клад Ключни.

— Быть того не может, — ахнул Алан. — Вы что-нибудь про него узнали?

— Мне известно место, мистер Стюарт, и я могу вас туда проводить, — сказал Джеймс.

— Лучше некуда! — заметил Алан. — Ну и рад же я, что приехал в Дюнкерк! Вот, значит, какое у вас ко мне дело? Каждому, полагаю, по половине?

— Да, дело это, — ответил Джеймс.

— Отлично, — сказал Алан и продолжал тем же тоном детского любопытства: — А «Морской конек» к нему отношения не имеет?

— Что-что? — переспросил Джеймс.

— И тот молодец, которому я только что дал пинка у мельницы? — добавил Алан. — Фу! Довольно вранья! У меня в сумке письмо Пеллисера. Тут тебе и конец, Джеймс Мор. Больше ты уже не посмеешь втираться к честным людям!

Джеймс растерялся. Он побледнел и мгновение стоял, как каменный, а затем запыхал злобой.

— Ты смеешь так со мной говорить, ублюдок? — взревел он.

— Подлый боров! — крикнул Алан и отвесил ему звонкую пощечину. И сразу же их клинки скрестились.

Едва сталь лязгнула о сталь, как я невольно отпрянул. Но тут же увидел, как Джеймс парировал удар в самый последний миг — я даже подумал, что он убит. Тут мне пришло в голову, что он — отец Катрионы и потому почти мой собственный, и, выхватив свою шпагу, я бросился к ним.

— Назад, Дэви. Ты с ума сошел! Черт тебя побери! Назад! — рявкнул Алан. — Ну, так сам будешь виноват!

Я дважды раздвигал их клинки. Меня отшвырнули к стене, но я опять встал между ними. Словно не замечая меня, они наносили удары, как безумные. Не понимаю, каким образом меня не закололи или я сам не заколол одного из этих двух Родомонтов. Все происходило словно во сне, но тут со стороны лестницы донесся пронзительный крик, и Катриона заслонила своего отца. В тот же миг острие моей шпаги во что-то воткнулось, и, отдернув ее, я увидел, что кончик побагровел. А платок Катрионы, завязанный на шее, покраснел от крови. И я замер, вне себя от ужаса.

— Вы же не убьете его у меня на глазах! — вскричала она. — Все-таки я его дочь!

— Душа моя, я кончил, — сказал Алан и сел на ближайший стол, скрестив руки, но по-прежнему сжимая в правой обнаженную шпагу.

Она продолжала стоять, как стояла, грудь ее тяжело вздымалась, глаза были широко открыты. Внезапно она повернулась лицом к отцу.

— Уходи! — крикнула она. — Унеси с собой свой по-

зор, а меня оставь с чистыми людьми. Я дочь Альпина! Ты покрыл стыдом сынов Альпина! Уходи!

Это было сказано с такой страстью, что я очнулся от оцепенения и на миг даже забыл о своей окровавленной шпаге. Они стояли друг против друга, у нее на платке расплывалось красное пятно, а он был белей полотна. Я достаточно хорошо знал его и понимал, как больно хлестнули его эти слова, но он тут же прибегнул к браваде.

— Ну, что же, — сказал он, вкладывая шпагу в ножны, однако поглядывая на Алана, — если эта стычка кончена, я возьму мой саквояж...

— С саквояжем отсюда уйду только я, — перебил его Алан.

— Сударь! — вскричал Джеймс.

— Джеймс Мор, — продолжал Алан, — эта барышня, ваша дочь, выходит замуж за моего друга Дэви, а потому я отпускаю вас с целой шкурой. Но послушайте моего совета и убирайтесь отсюда, пока она невредима! Как ни странно, но и у моего терпения есть предел.

— Черт вас побери, сударь! — крикнул Джеймс. — В нем же все мои деньги!

— Досадно, конечно, — ответил Алан с самой своей веселой улыбкой, — только, видите ли, они теперь мои. — Затем он добавил уже серьезно: — Убирайтесь-ка отсюда поскорее, Джеймс Мор, покуда можно.

Джеймс поколебался, но, по-видимому, ему не хотелось вновь скрестить шпаги с Аланом, — во всяком случае, он внезапно снял шляпу и сказал нам несколько прощальных слов с лицом грешника в аду. А потом он ушел.

И тут с меня словно спали чары.

— Катриона! — вскричал я. — Это моя шпага... Вы сильно ранены?

— Я знаю, Дэви, и еще больше люблю вас за эту боль. Ведь вы защищали этого дурного человека, моего отца! Поглядите! — воскликнула она и показала мне кровоточащую царапину. — Поглядите, вы сделали из меня настоящего солдата, и я с честью буду хранить следы этой раны!

От радости, что все обошлось царапиной, от восторга перед ее храбростью я совсем утратил власть над собой. И обнял ее, и поцеловал в ранку.

— А я что же, останусь без поцелуев, хотя до сих пор ими меня никто не обделял? — сказал Алан, отстранил меня и взял Катриону за плечи.

— Душа моя, — продолжал он, — ты настоящая дочь Альпина. Все сказания согласны, что был он редким молодцом, и он бы гордился тобой. Если я когда-нибудь вздумаю жениться, то выберу в матери моим сыновьям точно такую же, как ты, если смогу ее найти. А я ношу имя короля и говорю правду.

Он произнес все это с таким искренним восхищением, что Катриона будто глотнула целебного бальзама — а с нею и я. Он словно смыл с нас позор коварства и бесчестности Джеймса Мора. Но тут же Алан вновь стал самим собой.

— А теперь с вашего разрешения, детки, — сказал он, — как ни хорошо с вами, но до виселицы Алану Бреку чуть ближе, чем ему хотелось бы. Пора убираться отсюда подобру-поздорову.

Мы немного опомнились. Алан сбегал наверх и вернулся с нашими седельными сумками и саквояжем Джеймса Мора, я подхватил узелок Катрионы, который она уронила на лестнице, и мы уже собирались покинуть этот опасный дом, как вдруг нам путь преградил Базен, крича и размахивая руками. Едва блеснули обнаженные шпаги, как он залез под стол, но теперь смелостью мог бы потягаться со львом. А кто заплатит ему по счету? Вон стул сломали! Алан уселся на обеденный прибор. Джеймс Мор сбежал.

— Вот, бери! — крикнул я. — Заплатишь себе сам! — И швырнул ему несколько луидоров, решив, что сейчас не время проверять счета.

Базен бросился подбирать монеты, а мы кинулись мимо него в дверь. С трех сторон к харчевне бежали матросы, чуть ближе к нам стоял Джеймс Мор и отчаянно размахивал шляпой, поторапливая их, а позади него поворачивались крылья мельницы, словно вскидывал руки какой-то глупец.

Алан только взглянул на все это и припустил во весь дух. Саквояж Джеймса Мора оказался очень тяжелым, но, по-моему, Алан готов был расстаться с жизнью, только бы не лишиться добычи — ведь в этом была его месть. И он бежал так прытко, что я еле успевал за ним, дивясь

и радуясь тому, как легко бежит рядом со мной Катриона. Едва враги нас увидели, как перестали соблюдать осторожность и кинулись за нами с воплями и улюлюканьем. Но нас разделяло двести ярдов, и не кривоногим морякам было угнаться за нами. Думаю, что у них нашлись бы пистолеты, но они предпочли не пускать их в ход на французской земле. Едва я обнаружил, что расстояние между нами не только не сокращается, но даже немного увеличивается, как тревога моя улеглась. Тем не менее с нас градом лил пот, а до Дюнкерка было еще далеко. Но тут мы взобрались на пригорок и увидели прямо перед собой гарнизонную роту, проводившую какие-то учения. Я мог бы повторить возглас Алана, который тотчас остановился и утер лоб.

— Хороший все-таки народ французы! — сказал он.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Едва мы оказались под защитой стен Дюнкерка, как устроили военный совет, чтобы обсудить, что делать дальше. Мы увели дочь от отца, угрожая ему шпагой. Любой судья постановил бы возвратить ее ему, а меня с Аланом, конечно, отправил бы в тюрьму. Правда, доводом в нашу пользу было письмо капитана Пеллисера, но ни Катрионе, ни мне не хотелось делать его достоянием гласности. Во всех отношениях наиболее благоразумным казалось отвезти ее в Париж к вождю их клана Макгрегору Бохолди, который, несомненно, будет рад помочь своей родственнице, а с другой стороны, предпочтет укрыть Джеймса от позора.

Путь наш был длительным, так как Катриона ездила верхом много хуже, чем бегала, да и с сорок пятого года почти ни разу не садилась. Тем не менее мы наконец добрались до нашей цели и въехали в Париж рано поутру в воскресенье. Алан тут же повел нас на розыски Бохолди. Оказалось, что жил он в прекрасном доме, и на широкую ногу, так как получал пенсию от Шотландского фонда и имел собственное состояние. Катриону он встретил, как родную дочь, а мне показался весьма вежливым, сдержанным, но и прямым человеком. Мы спросили, не знает ли он что-нибудь о Джеймсе Море.

— Бедный Джеймс! — сказал он, покачал головой и улыбнулся.

Я истолковал это, как умолчание: он что-то знал, но ничего нам говорить не собирался. Тогда мы дали ему письмо Пеллисера, и он нахмурился.

— Бедный Джеймс! — повторил он еще раз. — Ну да есть люди еще хуже Джеймса Мора, но и это чудовишно. Хм, хм! Как он мог так пасть! Очень, очень неприятное письмо. Тем не менее, господа, я не вижу смысла предавать его гласности. Только дурная птица марает собственное гнездо, а мы шотландцы, и все — горцы.

Спорить с ним никто не стал, хотя, быть может, Алан был не слишком доволен, зато все были единодушны в том, что нам с Катрионой следует обвенчаться как можно скорее, и Бохолди занялся этим сам, словно никакого Джеймса Мора на свете и не было вовсе. Он предложил себя в посаженные отцы и изящно вручил мне Катриону, не скупясь на лестные французские комплименты. Только когда церемония была окончена и тост за наше здоровье провозглашен, он сказал нам, что Джеймс в Париже, что он опередил нас на несколько дней, а затем заболел и, по-видимому, надежды нет. По лицу моей жены я догадался, чего ей хотелось бы.

— Так отправимся к нему, — предложил я.

— Если вам так угодно, — сказала Катриона. (Мы ведь только-только вступили в брак!)

Он поселился в том же квартале, где жил вождь его клана, в огромном доме на углу, и мы нашли чердак, где он приютился, по звукам шотландской волынки. Волынку он позаимствовал у Бохолди, чтобы коротать время, пока болеет. Хотя в мастерстве он уступал своему брату Робу, но играл совсем неплохо, и было странно видеть, что на лестнице толпятся французы и многие хохочут. Он лежал на тюфяке, опираясь на подушку. Я сразу увидел, что дни его сочтены, и, без сомнения, не в таком месте думал он встретить свой смертный час. Но даже и теперь я не могу писать о конце его жизни без раздражения. Бохолди, разумеется, предупредил его — он знал, что мы поженились, поздравил нас и благословил как глава семьи.

— Меня никогда не понимали! — сказал он. — Я прощаю вас обоих и ни в чем не стану упрекать.

И он принялся разглагольствовать совсем как прежде,

любезно сыграл нам две песни на волынке, а когда мы собрались уходить, занял у меня небольшую сумму. Ни малейшего стыда, но зато прощать он был готов: это ему никогда не надоедало. По-моему, он прощал меня при каждой новой встрече, и когда через четыре дня спустя он представился прямо-таки в благоухании кроткой святости, мне от досады хотелось рвать на себе волосы. Я устроил ему похороны, но подобрать надпись для надгробной плиты оказалось свыше моих сил, и в конце концов я решил обойтись только датами его жизни.

Благоразумие подсказывало, что нам не следует возвращаться в Лейден, где нас знали, как брата и сестру, — появившись мы там в ином качестве, это выглядело бы, по меньшей мере, странным. Лучше всего было возвратиться в Шотландию, куда мы и отправились на нидерландском судне, как только нам прислали из Лейдена оставленные там вещи.

Итак, мисс Барбара Бальфур (дам положено всегда пропускать вперед) и мистер Алан Бальфур, самый юный из Шосов, повествование мое близится к заключению. Если вы как следует подумаете, то, наверное, догадаетесь, что многие его действующие лица вам хорошо знакомы. Элисон Хастис из Лаймкилнса — это та самая няня, которая качала ваши колыбели, о чем, разумеется, вы не помните, и водила вас гулять по садам вокруг нашего дома, когда вы подросли. А знатная и красивая дама, крестная мать мисс Барбары, прежде была мисс Грант, беспощадно дурачившей Дэвида Бальфура в дни его знакомства с лордом-адвокатом. И может быть, вы помните невысокого, худощавого веселого джентльмена в паричке и широком плаще, приехавшего в Шос в очень поздний час очень темной ночью? И как вас разбудили, и привели в столовую представить мистеру Джеймисону — такое он тогда носил имя? Наверное, Алан не забыл, как по просьбе мистера Джеймисона он не более и не менее — поступок, равносильный государственной измене, за который по букве закона его следовало бы повесить! — выпил за здоровье короля *по ту сторону моря*? И это в доме доброго вига! Но у мистера Джеймисона есть особые права, и, вздумайся ему, он мог бы для развлечения сжечь мой хлебный амбар. Во Франции он теперь зовется шевалье Стюарт.

Ну, а вы, Дэви и Катриона, за вами я в ближайшие дни буду внимательно следить и сразу замечу, если вы позволите себе дерзко смеяться над папенькой и маменькой. Да, правда, порой мы могли бы быть разумнее и не ввергать себя в тоску и печаль без малейшей подлинной причины. Но когда вы подрастете, то убедитесь, что даже умница мисс Барбара и даже сам храбрец и смельчак мистер Алан окажутся немногим мудрее своих родителей. Ибо жизнь человеческая в этом нашем мире — забавная штука. Есть присловье, что ангелы плачут, глядя на нас с небес, но, по-моему, куда чаще они должны держаться за бока от хохота. Я же, приступая к изложению этой длинной истории, сразу положил рассказывать обо всем, что произошло, точно так, как это было на самом деле.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Будем по мере сил учить народ радости.
И будем помнить, что уроки должны
звучать бодро и воодушевленно, должны
укреплять в людях мужество.

Роберт Льюис Стивенсон

В читательской памяти Роберт Льюис Стивенсон нередко оказывается автором одной книги. Называют имя Стивенсон и вслед за ним, как исчерпывающее его пояснение, — «Остров Сокровищ». Эта книга прославила Стивенсона, но она не может заменить многие другие его книги, и в том числе представленные здесь роман «Похищенный» и его продолжение роман «Катриона». Эта историческая диалогия, как и «Остров Сокровищ», — читатель уже мог в этом убедиться — увлекательное и поучительное чтение, возбуждающее здоровые чувства, открытый и смелый взгляд на жизнь и укрепляющее мужество. Она расширяет представление о Стивенсоне и позволяет лучше понять его своеобразие и значение.

Жизнь Роберта Льюиса Стивенсона (1850—1894), английского писателя, шотландца по национальности, была короткой и нелегкой. Основная печаль и трудность его существования исходила от его слабого здоровья. «Детство мое, — писал Стивенсон, — сложная смесь переживаний: жар, бред, бессонница, тягостные дни и томительные долгие ночи. Мне более знакома «Страна Кровати», чем зеленого сада».

Острейшая болезнь бронхов с детства и до конца дней терзала Стивенсона, заставляя его чувствовать себя инвалидом. В противовес этому мучительному чувству, в противоборство с ним у невольного поселенца «Страны Кровати» разгоралась страсть жизнеутверждения. Она с неизбежностью находила выход в романтических порывах и формах, чему способствовало живое воображение ребенка и ранняя приобщенность к «Стране Книг». Детские романтические влечения и фантазии Стивенсона энергичны и деятельны. Эту их активность, свойственный им порыв жизнеутверждения можно ощутить, читая стихи Стивенсона из сборника «Детский цветник стихов», необычное название которого так естественно соседствует с «географическими» наименованиями: «Страна Кровати» и «Страна Книг». Даже по коротенькому — в четыре строки — стихотворению «Дождь» из детского поэтического цветника есть возможность

представить себе, как подвижна и самостоятельна в своем развитии фантазия поэта, как жаждет она пространства и чувствует его:

Повсюду дождь: он льет на сад,
На хмурый лес вдали,
На наши зонтики, а там —
В морях — на корабли.

(Перевод О. Румера)

Деятельный жизнелюб, Стивенсон стал со временем страстным путешественником и почти вечным странником. Он путешествовал на байдарке, путешествовал пешком с навьюченным осликом, о чем написал две книги путевых очерков; на торговом судне, везшем скот, он пересек Атлантический океан; много тысяч километров, в трудных условиях, в эмигрантском вагоне, он проехал по Америке (и об этих путешествиях он написал очерковую книгу «Эмигрант-любитель»). Он скакал верхом по труднопроходимой и незнакомой местности — и едва не погиб. От него требовалось громадное душевное напряжение, чтобы одолевать немощь. «Упорный смертный», — можно было сказать о нем словами Байрона.

Куда бы ни забрасывала Стивенсона судьба, он не порывал духовной связи с родиной. «Вечный странник», он не был перекаати-полем. Мысленно он постоянно возвращался в родную Шотландию.

Стивенсон — коренной шотландец, шотландец по рождению, воспитанию и национальному чувству, по духовной связи с историей народа и его культурой. Как и его великий земляк Вальтер Скотт, Стивенсон родился в Эдинбурге — политическом и культурном центре Шотландии. Стивенсонов в Эдинбурге было много, фамилия эта распространенная, но та семья, к которой принадлежал писатель, пользовалась известностью и признанием.

Самые далекие предки Стивенсона со стороны отца были мелкими фермерами, менее далекие — мельниками, солодоварами, дед, Роберт Стивенсон, стал видным гражданским инженером, строителем маяков, мостов и волнорезов. Наиболее известное его сооружение — маяк на сильно затопленной скале Белл-Рок (восточное побережье Шотландии), гремевший в бурю набатом. В свое время маяк поражал воображение. Его посетил Вальтер Скотт, работая над романом «Пират», Джон Тернер, знаменитый английский художник, изобразил его в лунную ночь (картина «Маяк Белл-Рок»). На мозаичном фризе в Национальной галерее в Эдинбурге Роберт Стивенсон представлен в ряду прославленных шотландцев. Дело Роберта Стивенсона продолжили его сыновья, талантливые инженеры — Алан, дядя писателя, и Томас, его отец.

По материнской линии Стивенсон принадлежал к старинному шотландскому роду Бальфуров, к «знатным людям» из видных кланов равнинной и пограничной Шотландии. Мать Стивенсона, Маргарет Изабель Бальфур, была дочерью священника.

Стивенсон живо, отнюдь не праздно и без чувства снобизма, интересовался своей родословной. Он испытывал особую радость художника и гражданина, который может обратиться к истории родной страны

как к истории в известном смысле «семейной», ощутить ее «по-домашнему», глубоко в ее почве обнаружить свои корни. Семейные предания и легенды он знал с детства, впоследствии искал им документальное подтверждение, проверял в ряду других романтических историй вероятность родственной близости к воинственному клану Макгрегоров, к знаменитому Роб Рою, о котором Вальтер Скотт написал роман. Отзвуки этого интереса и энергичных розысканий обнаруживаются не только в письмах Стивенсона, но и в книгах его, особенно в дилогии о Дэвиде Бальфуре, а также в неоконченном романе «Уир Гермистон».

Впервые в печати имя Роберта Льюиса Стивенсона появилось в октябре 1866 года — ему едва исполнилось шестнадцать лет. То была книжечка в двадцать две страницы, изданная в Эдинбурге в количестве ста экземпляров на средства Томаса Стивенсона. Ее составил очерк под названием «Петландское восстание. Страницы истории, 1666 год». Юный автор на свой лад отметил двухсотлетие крестьянского восстания в Шотландии, подчеркнув намерение «быть снисходительным к тому, что явилось злом, и честно оценить то доброе, что несли петландские повстанцы, боровшиеся за жизнь, свободу, родину и веру». Юношеское сочинение Стивенсона заслуживает упоминания уже потому, что в нем выразилось устойчивое направление его мысли: постоянный интерес к национальной истории, к важным ее событиям и стремление быть объективным.

Последние, наиболее масштабные по замыслу произведения Стивенсона позволяют, словно в панораме, увидеть целенаправленное движение его интересов, их последовательное развитие — от ранней пробы пера, очерка о Петландском восстании, к поздним историческим романам. «Прошлое звучит в памяти!» — было сказано Стивенсоном в середине 80-х годов; он жил тогда в Борнмуте, а его тянуло в Эдинбург к воспоминаниям студенческой молодости. «Прошлое» было для него лично его прошлым на фоне древнего города, сердца Шотландии, ее старины. Это символическое совмещение, эта память стала для него еще более притягательной, когда он оказался далеко и к тому же безвозвратно далеко от родины. «Никогда больше не ступит моя нога на наши пустоши», — писал он в 90-х годах из Вайлимы земляку-шотландцу. И с этим чувством Стивенсон продолжал «Похищенного», писал «Катриону» (в журнальной публикации «Дэвид Бальфур») и «Сент-Ив», у него возникали очередные замыслы, и они так же, как эти романы, по месту и времени действия пролегли в той же плоскости. Стивенсона интересовала Шотландия после 1745 года, пережившая в тот год последнюю решительную вспышку шотландского национализма. В отличие от Вальтера Скотта, демонстративно отнесшего действие «Уэверли» от начала XIX века на «шестьдесят лет назад» — как раз к 1745 году, Стивенсон отодвинул события этого времени в некую историческую перспективу, сделав их в сознании героя и персонажей исходной точкой. О них постоянно вспоминают в дилогии. «...В сорок пятом году, — говорит Катриона, — я отправилась в поход вместе со всем нашим кланом... лет мне было двенадцать, не больше». «Вы все-таки не настолько юны, чтобы не помнить сорок пятый год и как его события потрясли страну», — говорят Дэвиду Бальфур. Это очень

важная для Стивенсона дистанция во времени. Она дает ему возможность как бы вместе с людьми середины XVIII столетия живо вспоминать роковой рубеж.

И опять-таки вместе со своим героем Стивенсон произносит: «У нас есть поговорка, что только скверная птица марают собственное гнездо. Помнится, мне рассказывали, что в дни моего младенчества в Эдинбурге произошли беспорядки и это дало повод покойной королеве назвать нашу страну варварской. Нам же, насколько я понимаю, они принесли только вред. Затем настал сорок пятый год, и о Шотландии заговорили повсюду, но я ни разу ни от кого не слышал, чтобы сорок пятый год принес нам хотя бы малейшую пользу».

Стивенсон мог с полным основанием сказать, что и он ребенком слышал о том же, о чем говорит Бальфур, хотя для Бальфура — это непосредственная память его детства, а для Стивенсона — предания почти вековой давности. Но как бы там ни было, Стивенсон действительно слышал все это из живых уст — от родителей, от няни, от местных жителей. Он вырос в тех краях, где некогда должен был родиться, жить, бедствовать и добиваться у судьбы справедливости молодой человек XVIII века, современник смутной поры, значительного вооруженного выступления горцев против английского владычества. На собственном опыте писатель знал, что такое запас исторической памяти народа, передаваемый нераздельно от эпохи к эпохе. Стивенсон старался разобраться в наслоениях этой памяти. Дэвид Бальфур, герой «Похищенного» и «Катрионы», непосредственно воспринимает особенности условий жизни и характеров своего времени, и вместе с ним читатель невольно отмечает множество примет тех лет и мест. Упорство шотландской патриархальной самобытности, английская политика, вклинившаяся между горной и равнинной Шотландией, распад и вражда кланов, положение фермеров, попавших в зависимость от клановой знати и от английской власти, горный и равнинный пейзажи, необычные характеры, формирующиеся в жестоких условиях, — все это раскрывается в ярких образах и картинах.

Все же собственно история, ее события и обстановка в исторических романах Стивенсона — фон и условие для походов его юных героев. Похождения эти, овеянные суровой романтикой, увлекательны. Писатель стремится к тому и добивается того, чтобы они захватывали внимание читателя. Однако он делает это не в ущерб правдивой передаче реальных душевных движений и состояний. Не эффектом чисто внешнего действия возбуждает он интерес к приключениям. События в его книгах возникают и развиваются соотносительно с обстоятельствами места и времени. Автор придает большое значение тому, чтобы резко меняющиеся ситуации не были произвольными и отвечали требованию психологической достоверности и убедительности. Внимание читателя автор сосредоточивает не только на приключениях, но и на нравственных чертах, на становлении и возмужании характера своих юных героев, будь то Джим Хокинс из «Острова Сокровищ», Дик Шелтон из «Черной стрелы» или Дэвид Бальфур из «Похищенного» и «Катрионы». Как и Джим, Дэвид Бальфур

попадает в невероятные и отчаянные положения, требующие отдачи всех духовных и физических сил. Его также всюду поджидают опасности, его преследуют злоба и коварство, он оказывается на краю гибели, смотрит смерти в глаза. Сложные и меняющиеся обстоятельства требуют от него мгновенных решений. Ему приходится брать на себя моральную ответственность за свои поступки, делать нравственный выбор.

В отличие от Джима Хокинса, Дэвид Бальфур действует не в условной обстановке, а в конкретно исторических обстоятельствах, в условиях социальных противоречий и противоборства политических сил, и ему, неискушенному юнцу, приходится принимать ответственные решения, делать выбор и действовать на свой страх и риск в конфликтных ситуациях, опасных для его жизни.

Важнейшей нравственной своей обязанностью Дэвид считает обязанность поступать «по долгу совести». «Чистая совесть — залог мужества» — таков, можно сказать, девиз и нерушимый принцип его поведения.

Приключения Дика Шелтона из «Черной стрелы» и Дэвида Бальфура из «Катрионы» отличаются от приключений Джима Хокинса одним важным обстоятельством. Рядом с Диком и Дэвидом оказываются юные спутницы, и у этих героев возникают повод и потребность проявить чувство любви и заботы. Обстоятельства испытывают их способность быть защитником, покровителем юных подруг, и они с честью выдерживают и это испытание. У каждого из них в решении этой жизненной задачи возникают свои заботы и сложности. Отношения между Дэвидом и Катрионой, которую он полюбил всем чистым сердцем, осложняются поведением ее отца Джеймса Мора, отважного участника событий 1745 года, но человека с характером сложным и противоречивым. Перед Дэвидом и читателем он предстает человеком опустившимся, нравственно опустошенным, лживым, корыстным и уже не способным взглянуть на себя со стороны. И для самой Катрионы фальшь и лживость ее отца со временем перестают быть секретом. В этих сложных и драматичных обстоятельствах Дэвид ведет себя с безукоризненной порядочностью, но его простодушие и наивность ставят его не только в драматическое, но и в комическое положение. Его образ действий порой невольно вызывает улыбку, но улыбку добрую, улыбку понимания и сочувствия.

Убедительность и мастерство изображения испытаний юного характера в суровых романтических обстоятельствах возбуждает у читателя чувство причастности к разворачивающимся в романах событиям и сопереживание герою.

Стивенсон в полном смысле профессиональный литератор. Он жил литературой и духовно и материально. От творческого подъема и работоспособности зависело и его душевное настроение, и его физическое существование. Суровую необходимость профессионального литературного труда, преданность литературе, мужество писателя и твердость творческой воли выражает его признание: «...Я работаю непрерывно. Пишу в постели, пишу, поднявшись с нее, пишу при кровотечении из горла,

пишу совершенно больной, пишу, сотрясаемый кашлем, пишу, когда голова моя разваливается от усталости, и все-таки я считаю, что победил, с честью подняв перчатку, брошенную мне судьбой». И еще одно признание, сделанное Стивенсоном в последние годы своей жизни: «Да будет известно нынешнему подвижному поколению, что я, Роберт Льюис Стивенсон, сорока трех лет от роду, проживший двадцать лет литературным трудом, написал недавно двадцать четыре страницы за двадцать один день, работая с шести утра до одиннадцати, а затем вновь с двух до четырех или около этого, без отдыха и перерыва. Таковы деяния богов нам, таковы возможности плодovitого писателя». Так он работал, изо дня в день, включая последний день своей жизни — 3 декабря 1894 года.

В конце прошлого века, еще при жизни Стивенсона, современники, приглядываясь к прославленному писателю, отметили особенности его таланта, явившиеся прочным залогом успеха его книг у широкого читателя, особенно у молодежи.

Стивенсон любит и ценит здоровую юность, ей он посвятил свое творчество. Из юной среды он выбирает для себя героев, как бы ее глазами смотрит на мир.

Стивенсон любит и ценит отточенную, совершенную форму, он требователен к слову и слогу и в лучших своих произведениях предстает оригинальным мастером литературного искусства.

Страсть жизнеутверждения и пристрастие к словесному искусству, слившись воедино под разборчивым пером писателя, оказались долговечной влиятельной силой, ее воздействие испытывает всякий, кто прикоснется к творчеству Стивенсона, имя и книги которого овеяны духом отважной романтики.

М. Урнов

СОДЕРЖАНИЕ

ПОХИЩЕННЫЙ	5
КАТРИОНА	231
Часть первая. ЛОРД-АДВОКАТ	235
Часть вторая. ОТЕЦ И ДОЧЬ	413
<i>М. Урнов.</i> ПОСЛЕСЛОВИЕ	506

Для среднего и старшего возраста

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Роберт Льюис Стивенсон

ПОХИЩЕННЫЙ. КАТРИОНА

Романы

Ответственный редактор *Т. И. Рудакова*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева*
Технические редакторы *Г. Г. Рыжкова, Т. П. Тимошина*
Корректоры *А. П. Саркисян и В. А. Иванова*
ИБ № 8568

Сдано в набор 17.02.87. Подписано к печати 17.08.87. Формат 84×108/32. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,3. Уч.-изд. л. 27,0. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5466. Цена 1 р. 40 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Ex. No. 8
050158
LIBRARY

